**ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА**

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей

ВЫПУСК ДЕВЯТЫЙ

Москва
2000

Лицензия ЛР № 030697 от 29.07.1996 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ВЫПУСК ДЕВЯТЫЙ

Подписано в печать 17.08.2000 г.
Формат 60x90/16. Печать офсетная
Бумага офсетная №1 Объем 24 уч. изд. л.
Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 207

Типография ГНЦ РФ «НИОПИК»
103031 Москва, Нижний Кисельный пер. 5

Научное издание

Ближний Восток и современность.
Сборник статей (выпуск девятый)
М., 2000, 384 стр.

Ответственные редакторы **Исаев В.А., Филоник А.О.**

Сборник статей составлен из работ, представленных российскими учеными, исследующими крупные проблемы современного развития Ближнего и Среднего Востока. Тематика сборника охватывает обширный блок вопросов, в том числе касающийся экономических, политических, социальных, общественных аспектов функционирования обществ в арабском мире и в сопредельных с ним странах. Книга рассчитана на специалистов-востоковедов, а также на представителей общественности, испытывающих интерес к событиям в Западной Азии и близких к ней географических зонах.

ISBN 5–89394–043–1

ISBN 5–89394–043–1

© Институт изучения Израиля и Ближнего Востока.

И.Ю.Авдаков

ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ АРАБСКИХ СТРАН

Железные дороги стран Ближнего Востока и Северной Африки не имеют такого большого значения для народного хозяйства государств этого региона, как для большинства стран Азиатско-тихоокеанского бассейна. Протяженность железнодорожных путей региона, составляющая около 25 тыс. км, не на много превышает общую длину железных дорог такого островного государства, как Япония, а пассажирооборот – даже меньше. Грузооборот железных дорог арабских стран значительно уступает грузообороту Индии.

И все же развитие железных дорог стран Ближнего Востока и Северной Африки привлекает пристальное внимание ученых, экономистов, специалистов в области транспорта, работников практических транспортных организаций. В научных публикациях и периодической печати все чаще появляются статьи об экономических, социальных и других проблемах железнодорожного транспорта арабских стран. Повышенный интерес к развитию этого транспорта в регионе связан прежде всего с поистине грандиозными планами железнодорожного строительства, которые вынашиваются в настоящее время в правительственных кругах большинства арабских стран Ближнего Востока и которые могут увеличить долю железнодорожного транспорта в общей структуре перевозок грузов и соответственно его значения для экономики как арабских стран, так и всего региона.

Первая железная дорога на арабском Востоке была построена в Египте еще в 1854 г., она соединила Александрию и Кафр Эз Зайят. Затем появились железные дороги в Марокко, Алжире, Тунисе, Судане, Сирии, Ливане и Ираке. Наиболее значительная железная дорога региона была построена в начале XX столетия. Она соединила Медину (Саудовская Аравия) и Дамаск (Сирия), проходя через Амман (Иордания). В колониальный период железные дороги арабских государств строились как в военных целях, так и для поставок грузов в колонии и, в меньшей степени, из колонии в метрополию. Поэтому особенность железных дорог того периода заключалась в их разноколейности в отдельных странах. Колея зависела от метрополии, которая организовывала их строительство.

В настоящее время только 11 арабских стран имеют железные дороги: Сирия, Ирак, Ливан, Иордания, Саудовская Аравия, Судан, Египет, Тунис, Алжир, Марокко и Мавритания. В четырех из них (Египте, Саудовской Аравии, Марокко и Мавритании) используется только широкая колея (1435 мм), в двух (Иордании и Судане) – только узкая (соответственно – 1050 и 1067 мм), а в

остальных и широкая (1435 мм), и узкая (в Тунисе и Ираке – 1000 мм, в Сирии и Ливане – 1050 мм, в Алжире – 1000 и 1055 мм). Однако в арабских странах (за исключением Судана и Туниса) в конце XX столетия приступили к модернизации железнодорожных путей и замены узкой колеи на широкую.

В арабских государствах преобладают одноколейные железные дороги, и лишь 694 км путей электрифицированы (см. таблицу). Плотность железнодорожной сети значительно уступает не только аналогичному показателю стран Запада, но и азиатских стран в целом. Кроме того, максимальная скорость перевозок варьирует от 60 км/час в Судане до 250 км/час в Ираке. Максимальная нагрузка на пути также значительно колеблется. Все это создает определенные трудности на пути расширения перевозок грузов между отдельными странами региона.

Таблица

Железные дороги арабских стран в 1996 г., км

Страна	Колея	Общая длина	В том числе	
			одноколейные	двухколейные
Иордания	У	3209	788	–
Тунис	Ш	457	422	35
	У	1484 (68)	1411	73
Алжир	Ш	3209 (313)	2864	345
	У	1081	1081	–
Саудовская Аравия	Ш	1392	1078	314
Судан	У	4526	4526	–
Сирия	Ш	1754	1754	–
	У	327	327	–
Ирак	Ш	2045	1941	104
	У	450	450	–
Ливан	Ш	316	316	–
	У	82	82	–
Египет	Ш	4903 (42)	3646	1257
Марокко	Ш	1907 (271)	1636	271
Мавритания	Ш	690	690	–

Ш – широкая колея (1435 мм), У – узкая колея (1000, 1050, 1055, 1067 мм)
Примечание: в скобках указана длина электрифицированных дорог.

Основные причины относительного отставания железнодорожного транспорта от автодорожного заключаются в следующем.

Во-первых, исторически железнодорожный транспорт, созданный к концу колониального периода в этом регионе, был крайне неразвит по сравнению как с автомобильным, так и с железнодорожным, оставшимся от эпохи колониализма на большей территории Азии. С начала независимости правительства арабских стран взяли курс в транспортной политике на развитие среди наземных видов транспорта преимущественно автодорожного, требующего меньших первоначальных капиталовложений и имеющего более быстрые сроки окупаемости.

Во-вторых, в отличие от многих стран Южной и Юго-Восточной Азии арабские получали сколько-нибудь существенную финансовую и техниче-

скую помощь от международных финансовых и других институтов на развитие железнодорожного транспорта, что не могло не сказаться на развитии этого вида наземного транспорта.

В-третьих, до самого конца 70-х годов здесь не было региональной железнодорожной организации арабских стран, которая могла бы привлечь внимание правительственных кругов к необходимости быстрого развития железных дорог, обеспечить в средствах массовой информации пропаганду экономических и экологических преимуществ железнодорожного транспорта, организовать курсы повышения квалификации специалистов – железнодорожников и др.

Созданный в 1979 г. Союз арабских железных дорог сыграл важную роль в привлечении общественного мнения к необходимости не только модернизации железнодорожного транспорта, но и нового железнодорожного строительства. В целях включения в расходную часть бюджетов своих государств им был предложен Совету министров транспорта арабских стран план строительства 20 тыс. км железнодорожных путей. Основные направления строительства новых путей следующие:

1) 1700 км путей, соединяющих Сирию с Ираком и Средиземное море с Персидским заливом;

2) 1860 км путей, соединяющих Ирак и Оман через Кувейт и Саудовскую Аравию;

3) 2560 км путей, соединяющих Саудовскую Аравию и Иорданию;

4) 1700 км путей, соединяющих Сирию и Саудовскую Аравию через Иорданию;

5) 4000 км, соединяющих Оман и Саудовскую Аравию через Йемен;

6) 2300 км, соединяющих Египет и Судан;

7) 6200 км, соединяющих Египет и Мавританию через Ливию, Тунис, Алжир и Марокко;

8) 3000 км, соединяющих Алжир и Мавританию;

9) 1500 км, соединяющих Сомали и Джибути с переправой через Красное море паромом.

Одно из важных условий осуществления столь грандиозного плана железнодорожного строительства – международная помощь. Только при поддержке международных и региональных финансовых институтов возможно решение столь нелегкой задачи. Необходима также техническая помощь таких передовых стран, имеющих большие технические достижения в области железнодорожного транспорта, как Япония, Германия, Франция и др. Кроме того, необходима поддержка средств массовой информации.

Представляется, что международные и региональные финансовые организации могут поддержать планы значительного развития железнодорожного транспорта в арабских странах, учитывая, что они «состыкуются» с более общей программой европейских стран (посредством строительства железнодорожной линии между Испанией и Марокко через Гибралтарский пролив), целью которой является обеспечить железнодорожные транспортные связи Европы с Африкой и далее через Турцию с Азией. В этом случае железнодорожный транспорт араб-

ских стран постепенно интегрируется в мировую транспортную сеть, что может обеспечить условия для более тесных их мирохозяйственных связей.

В.И.Гусаров

ГИПЕРМИГРАЦИЯ «ЮГ – СЕВЕР»

Бурные события в маленькой, но благополучной Австрии в феврале 2000 г. стали новым рубежом пристального внимания мировой общественности к проблемам современных миграций в целом и к гипермиграции «Юг-Север» в особенности.

Основаниями для обеспокоенности, а затем резко негативной реакции многих стран на эти события явились результаты парламентских выборов в Австрии в конце 1999 г., успех на этих выборах праворадикальной националистической Австрийской партии свободы (АПС), набравшей 27% голосов по сравнению с 7% в 1986 г., заявления ее лидера Йорга Хайдера и включение ее представителей в состав коалиционного правительства.

АПС добилась такого успеха на выборах не только и не столько потому, что рабочие, крестьяне, государственные служащие, пенсионеры, представители свободных профессий разочаровались в политике правящей коалиции из социалистов и консерваторов. АПС вела демагогическую кампанию, раздувая страхи перед перспективой дальнейшего наплыва в страну иностранцев в случае расширения состава Европейского союза (ЕС) и свободного перемещения в пределах границ этого союза. Австрийцы голосовали прежде всего именно за ограничение иммиграции в свой благодатный край.

Лидер АПС Й.Хайдер во время предвыборной кампании неоднократно выступал против присутствия в Австрии иностранцев, которые «угрожают» его процветающей стране. Он постоянно подчеркивал, что Австрия – маленькая страна, которая не в состоянии приютить у себя весь мир, и взял на вооружение лозунг «Остановить нашествие иностранцев».

Реакция мировой общественности на события в Австрии была неожиданно резкой. Так, ЕС, который считает себя авангардом в борьбе за демократию и права человека, пошел на беспрецедентный шаг – страны ЕС объявили Австрии политический бойкот. О намерении пересмотреть отношения с Веной в сторону сокращения официальных контактов и сотрудничества заявили также США. Израиль и вовсе отозвал своего посла, а Й.Хайдера объявил персоной нон грата.

Внутри страны приведение к присяге нового правительства вызвало не менее бурную реакцию и резкую поляризацию общественного мнения. В столице и других крупных городах прошли многотысячные акции протеста против правоконсервативной оппозиции, которые впервые за многие годы ознаменовались серьезными столкновениями демонстрантов и полиции.

На этих демонстрациях и митингах протеста лидеру АПС Й.Хайдеру, в частности, припомнили его одобрительные высказывания в адрес «политики занятости» времен «третьего рейха», признание, выраженное ветеранам войск СС, и заявление, что понятие «австрийская нация» является «ублюдочным», а также то, что в свое время он выступил против вступления Австрии в ЕС.

Но не эти заявления позволили АПС увеличить число поданных за нее голосов в 4 раза за указанный период, а именно антииммиграционная позиция партии и ее лидера. Австрийцы голосовали против дальнейшего возрастания контингента иммигрантов в своей стране, хотя их число на душу населения в конце 1999 г. было меньше, чем в таких европейских странах как Швейцария, Люксембург, Нидерланды, Бельгия и Норвегия. Следует при этом также учитывать, что в 1956 г., а затем в 1968 г. Австрия пережила две мощнейшие иммиграционные волны из Венгрии и Чехословакии после известных событий. Но тогда это были волны с Востока, тем более из стран, входивших в свое время в Австро-Венгерскую империю.

Это были иммиграционные потоки «Восток – Запад» людей, практически не уступавших австрийцам ни в культурном, ни в профессиональном планах. О терпимости австрийцев к своим бывшим согражданам по Австро-Венгрии говорит уже то, что последними тремя канцлерами Австрии были последовательно еврей Крайский, поляк Враницкий и чех Клима. Или, например, нынешним послом Австрии в Норвегии является венгр Томаш Хайноши.

Поэтому дело в данном случае не в ксенофобии австрийцев, а в рабочих местах, которые отбирают у них иммигранты, соглашаясь работать за гораздо меньшую зарплату, и в криминале, который они привозят с собой. Другие страны Европы также в разных формах выступают против дальнейшего наплыва иммигрантов. Так, незадолго до указанных событий в Австрии Бельгия, например, вышла из Шенгенской зоны в знак несогласия с неконтролируемым притоком иммигрантов из стран Ближнего и Среднего Востока. Но шума в Европе и мире по этому поводу было гораздо меньше. Антииммиграционную карту во Франции разыгрывает Национальный фронт Жана-Мари Ле Пена.

Во всех указанных и многих других случаях притягательные «обетованные» пункты для иммигрантов – около 30 стран Западной и Северной Европы, США и Канада, уровень производства валового внутреннего продукта на душу населения которых в настоящее время самый высокий в мире. В то же время уровень рождаемости в этих странах – самый низкий. Поэтому в результате процесс «старения» в них, т.е. увеличения доли пожилых людей в общей численности населения, постоянно и интенсивно прогрессирует. Все меньше местных жителей желают выполнять тяжелые неквалифицированные виды работ. Вот в эти ниши и устремляются в Европу иммигранты из Африки, арабских стран, из государств Юго-Восточной Азии, а на Американском континенте – из Мексики и других латиноамериканских стран в США и Канаду. Причем эмиграция в развитые страны «Юг-Север»

происходит в самых разных формах как легальными, так и нелегальными путями. Именно нелегальная иммиграция вызывает наибольшие протесты общественности развитых стран-реципиентов мигрантов.

Легально или нелегально оказавшись на территории развитой страны, мигранты с Юга любыми способами пытаются закрепиться в ней и «пустить корни». Во многих, но не во всех случаях им это удается. Главный метод для этого весьма прост и давно известен. Это смешанные браки. В ФРГ, например, по опубликованным данным, к началу 2000 г. смешанные семьи составляли уже около 15% всех семей. Немцы предпочитают жен из Польши, Таиланда, Боснии, Румынии и России. Немки же неравнодушны к сербам, туркам и итальянцам.

Неизбежное следствие этого процесса – неуклонное уменьшение удельного веса коренного населения в общей численности жителей той или иной страны. Этому же способствует и бурная рождаемость в тех семьях, где и муж, и жена иммигранты.

Так, во время пребывания автора в США в 1991 г. ему неоднократно доводилось слышать жалобы американцев на мексиканцев и других латиноамериканцев, которые, оказавшись в США, стремятся как можно быстрее иметь побольше детей. Они используют при этом Конституцию США, согласно которой человек, родившийся на их территории, является их гражданином. Семья такого новорожденного гражданина США обеспечивается определенными льготами и пособиями властями того штата, где он появился на свет. Злоупотребляя этим, некоторые семьи латиноамериканцев стремятся рожать детей в разных штатах, чтобы от каждого получать пособия, общая сумма которых позволяет таким семьям безбедно существовать, совсем не участвуя в производительном труде. Разумеется, указанные пособия им выплачиваются из средств американских налогоплательщиков, которые и проявляют по этому поводу свое недовольство в самых различных формах.

Указанные процессы и в целом гипермиграция «Юг-Север» дали основание в 1994 г. всемирно известному французскому ученому Жаку-Иву Кусто заявить, что через 70-80 лет в США английский, возможно, перестанет быть основным языком страны, а Лос-Анджелес превратится во второй по численности город с мексиканским населением. Европа окажется покоренной выходцами из Северной Африки, где через три поколения будут проживать 500 млн. человек. В условиях наступления Сахары им не останется ничего другого, как переправиться на Старый континент. Европейцы перестанут говорить на французском, немецком, испанском и начнут изъясняться на арабском языке.

Еще дальше в аналогичных прогнозах о последствиях гипермиграции «Юг – Север» пошел уже в наши дни Чарльз Трухильо – профессор истории Латинской Америки из университета штата Нью-Мексико. Он предсказывает, что в течение ближайших 80 лет США распадутся, и на карте Западного полушария появится новое государственное образование под названием «Северная Республика». В нее войдут нынешние американские штаты Аризона,

Калифорния, Нью-Мексико и Техас, а также мексиканские штаты Нижняя Калифорния, Сонора, Чиуауа, Коауила, Нуэво-Леон, Тамаулипас и территория Нижняя Калифорния (южная). Столицей нового государства, скорее всего, будет Лос-Анджелес, а его создание будет происходить, «в рамках избирательного процесса» («Новые Известия», 15.02.2000 г.).

Раздел США, по мнению Ч.Трухильо, произойдет по национальному признаку, и новое государство объединит в себе живущих по обе стороны р. Рио-Гранде испаноязычных американцев и мексиканцев. Именно в южных и юго-западных штатах США, а также в северных штатах Мексики, по его словам, постепенно зреет идея создания собственного государства. Эта идея подпитывается, в частности, тем, что испаноязычные американцы в настоящее время ощущают себя гражданами второго сорта, чужаками на исторически собственной земле. Даже те испаноязычные граждане США, которые сумели добиться успеха, постепенно проникнутся, по его словам, осознанием своих корней и также выступят за суверенитет.

Суждения и Жака-Ива Кусто, и Ч.Трухильо – весьма смелые и неординарные. Часть их, на наш взгляд, имеет под собой научную основу, а часть строится на интуиции и воображении. То, что мигранты с Юга, т.е. из слаборазвитых стран Азии, Африки и Латинской Америки, уже на протяжении многих десятилетий устремляются на богатый Север, в промышленно развитые государства Европы и Америки, является непреложным и бесспорным фактом. Каждый путешествовавший в последние годы по Европе не мог не обратить внимания на внешний вид многих людей, концентрирующихся в основном в бедных кварталах городов, вокруг рынков, вокзалов, занимающихся уборкой улиц, мытьем посуды в ресторанах и другим неквалифицированным или мало квалифицированным трудом. Это либо африканцы, либо азиаты, плохо говорящие или совсем не говорящие на языке страны пребывания.

Ручейки таких иммигрантов самыми различными способами (от обычных до самых невероятных) просачиваются через границы, образуя потоки многомиллионной гипермиграции «Юг – Север». В Европе эти потоки начинаются обычно в южных городах Испании, Португалии, Франции, Италии, Греции и заканчиваются в Дании, Швеции и даже Финляндии.

Не имея в рамках одной статьи возможности охарактеризовать все составляющие гипермиграции «Юг – Север», рассмотрим их на примере арабского потока. К рубежу 90-х годов XX в., когда проникновение арабских эмигрантов в Европу через Испанию и Италию резко активизировалось, их в Европе уже насчитывалось (по оценочным данным) до 3 млн. человек, а в Западном полушарии – до 4 млн.

Причем в каждом из этих регионов выделяется, как правило, одна страна, где сосредоточена и куда устремляется основная масса арабских эмигрантов. В Западном полушарии наибольшее число арабских эмигрантов – до 3 млн. человек – находилось в США. А внутри США наибольшей численности к этому времени арабская община достигла в Детройте – более 250 тыс. человек.

В настоящее время большие или меньшие арабские общины существуют в большинстве крупных городов Северной Америки, практически во всех странах Европы. Многие члены этих общин – потомки арабов, которые эмигрировали из Ливана, Сирии, Палестины, Иордании и других арабских стран более столетия назад. Другие прибыли в эмиграцию в последние годы или прибывают туда сегодня.

До 1990 г. виза для кратковременного пребывания в Италии или Испании лиц из арабских стран Северной Африки не требовалась, и сегодня выходцы из этого региона составляют самую большую группу нелегальных иммигрантов в Западной Европе. Тем, кто мог позволить себе купить билеты на паром из Танжера или Туниса, легче всего было проникнуть в Европу в качестве туристов.

Нелегальная иммиграция в Испанию началась с мая 1991 г., когда испанские власти во исполнение европейского законодательства ввели обязательные визы для въезда в страну. В дополнение к этому в последнее время испанцы усилили контроль над побережьем, установили контакты с марокканскими властями. Теперь пойманные «нелегалы» высылаются в Марокко через 40 дней после задержания.

Но ловят и задерживают не всех арабов, да и африканцев, значительной части из них удается преодолеть все препятствия и оказаться в Европе. По опубликованным данным, только в начале 90-х годов в Европу через Испанию проникло 20-30 тыс. нелегальных иммигрантов. Большинство из них остается в Испании, где они работают на полях или в гостиницах, если только не добираются до Бельгии или Нидерландов, где существуют многочисленные арабские общины. Франция теперь считается для них страной риска: слишком много проверок на границе и облав.

Много лет занимаясь арабскими проблемами, я всегда предполагал, что северной границей ареала арабской эмиграции в Западной Европе была Бельгия, где не существует языкового барьера для арабов-франкофонов из стран Северной Африки. Однако в апреле 1984 г., находясь в Финляндии, встретил в городе Турку тунисцев, работавших там уже несколько лет. Их община в Турку насчитывала, вместе с семьями, около 50 человек. Почти все тунисцы были заняты в сфере обслуживания. Таким образом, даже сложный финский язык оказался не помехой на пути движения предприимчивых тунисцев на Север. А я воочию удостоверился, что северная граница ареала арабской эмиграции в Европе проходит не через Бельгию, а, скорее всего, через Лапландию.

Что же вызывает большие или меньшие потоки арабской миграции, что «выталкивает» арабов с Арабского Востока? Если попытаться как-то обобщить самые разные причины, можно утверждать, что арабская миграция вызывалась и вызывается сегодня, во-первых, социально-экономическими, а, во-вторых, военно-политическими причинами, либо их трудноразделимой комбинацией. Эти причины, эти «выталкивающие» факторы начали действовать уже в XIX в. после захвата Францией Северной Африки, на территории которой сегодня расположены Алжир, Марокко и Тунис.

Именно в ходе колонизации началась экспроприация наделов северо-африканских феллахов, превращения их в безземельных батраков, а затем и в чернорабочих метрополии. Этот процесс произошел не сразу, а занял длительный исторический период. Ему предшествовало бегство сотен тысяч феллахов из зон боевых действий в другие районы или в соседние страны, где они оказывались без средств к существованию, т.е. на положении беженцев. Первоначальным импульсом собственно трудовой миграции в метрополию послужила военная мобилизация рабочей силы. Этот военно-политический фактор трансформировал мелкого крестьянина в наемного пролетария сначала в деревне, затем в городе, а потом и в метрополии.

Если эмигрант через какое-то время возвращался домой, он уже был носителем товарно-денежных отношений, господствовавших в метрополии, разлагавших с большей или меньшей степенью интенсивности докапиталистические отношения. В колониальной деревне утверждался капитализм и присущие ему формы собственности, шло расслоение крестьянства, происходила его социальная страфикация. При этом меньшинство богатело, а большинство разорялось, превращаясь в безземельных батраков, люмпенов и пауперов. Эти категории пополняли и увеличивали контингент возможных мигрантов, часть которых действительно уезжала.

Если же иммигрировавший не возвращался, а оседал на новом месте, то обычно он посылал часть своего заработка домой. Эти переводы с неизбежностью становились стимуляторами разложения докапиталистических и утверждения капиталистических отношений в арабской деревне. Таким образом, в обоих случаях процессы эмиграции стимулировались, активизировались и ускорялись социально-экономическими факторами. Но они сопровождались и действовали параллельно с военно-политическими.

В современных условиях действие сформировавшихся в иную историческую эпоху предпосылок сохраняется, только на первый план выходит то одна, то другая из них. Однако если действие военно-политических причин продолжается, как правило, какой-то ограниченный период времени, то социально-экономические факторы воздействуют постоянно и беспрерывно, так как всегда существуют те или иные социальные группы и категории, которые недовольны своим материальным положением в собственной стране. Конкретное проявление это недовольство находит в сопоставлении уровней заработной платы за одинаковую работу, требующую таких же навыков и квалификации, у себя дома и в стране, принимающей иностранную рабочую силу.

К числу социально-экономических факторов, «выталкивающих» арабов из дома, относятся безработица, неполная занятость, жилищный кризис, нежелание возвращаться на родину по окончании обучения за рубежом, женитьба в эмиграции.

Вызвать эмиграцию или реэмиграцию могут те или иные факторы, действующие не только в стране, имеющей по тем или иным причинам излишек рабочей силы вообще или каких-то конкретных ее категорий. Такие факторы могут возникнуть в той или иной зарубежной стране, вызывая срочную необ-

ходимость в притоке рабочей силы извне. Но, начавшись однажды, они могут столь же внезапно и прекратить свое действие. В таких случаях эмигранты быстро превращаются в реэмигрантов, а порой и в репатриантов.

Прибыв в чужую страну, эмигрант в большинстве случаев вынужден соглашаться, как правило, на работу, которую предлагают и которая имеется, а не на ту, которой ему хотелось бы заниматься. Поэтому профессиональный состав работающих иммигрантов может значительно отличаться от такого состава до их выезда в эмиграцию. Уделом эмигрантов в развитых странах остается, как правило, неквалифицированная либо малоквалифицированная работа. Принимающие страны не стремятся, да и не заинтересованы в том, чтобы повышать уровень их квалификации. Так, из 400 тунисских эмигрантов, опрошенных в Большом Париже и прилегающих к нему районах с декабря 1976 по апрель 1977 г., 122 человека (30,5%) работали в сфере обслуживания, главным образом в гостиницах и ресторанах; 124 человека (31%) – в строительстве; 120 человек (30%) – в промышленности; 34 человека (8,5%) – в торговле[1].

Страны-реципиенты по разным причинам заинтересованы в притоке молодой и здоровой зарубежной рабочей силы. В числе этих причин, например, желание использовать неквалифицированную рабочую силу на наиболее тяжелых, трудоемких, «непрестижных» работах, выполнять которые местные жители отказываются даже за высокую плату. С помощью же квалифицированной рабочей силы – «притекающих умов» – принимающие страны стремятся решать научные и технологические проблемы.

Оба вида иностранной рабочей силы позволяют общественному капиталу каждой такой страны сокращать издержки, обеспечивают дополнительную гибкость на рынке труда, способствуют понижению давления на зарплату местной квалифицированной и неквалифицированной рабочей силы.

С другой стороны, эмиграция квалифицированной и неквалифицированной рабочей силы из некоторых арабских государств оказывает на их экономику и социальную ситуацию как положительное, так и негативное воздействие. Так, она оказывает влияние на занятость самодеятельного населения каждой из арабских стран-экспортеров рабочей силы. Но не решает, а лишь ослабляет на некоторое время остроту проблемы занятости.

Вместе с тем эмиграция избыточной части квалифицированных рабочих и специалистов вынуждает как частные компании, так и государственные предприятия и учреждения уделять больше внимания подготовке кадров, повышению уровня их квалификации, условиям найма. Другой положительный момент – поступления твердой валюты от эмигрантов в виде переводов семьям и на банковские счета. Абсолютные величины этих поступлений зависят главным образом от численности выехавших, их профессий и заработков. Для некоторых арабских стран эти поступления имеют исключительно важное значение как источник свободно конвертируемой валюты, хотя в силу многих причин их объемы резко колеблются.

Рекордные суммы поступлений были зафиксированы в Египте. Если в 1971 г. переводы от эмигрантов составили всего 27 млн. долл., то в 1981 г.

они возросли ровно в 100 раз – до 2,7 млрд. долл. В 1989/90 финансовый год переводы средств от работающих за рубежом египтян достигли 8 млрд. долл. и превысили доходы этой страны от туризма, экспорта нефти и Суэцкого канала, вместе взятые. В 1990/91 г. ожидалось дальнейшее увеличение этих поступлений, но из-за иракской авантюры все эти оценки не оправдались. Внезапное возвращение миллионов египтян домой усилило негативное отношение к эмиграции, уже начавшее проявляться в египетском обществе, хотя до начала 90-х годов подавляющее большинство египетских экономистов и политических деятелей относилось к эмиграции положительно.

Но даже если правительства таких арабских стран-экспортеров рабочей силы, как Алжир, Египет, Иордания, Йемен, Марокко, Сирия, Судан и Тунис убедятся, что эмиграция их рабочих и специалистов оказывает только негативное воздействие на их экономику, они все равно не откажутся, на наш взгляд, от этой формы перемещения части своего населения за рубеж. Главная причина этого – огромная, бóльшая или меньшая для каждой страны, масса твердой валюты, поступающая от эмигрантов. Разумеется, в случае прекращения такого «невидимого» квазиэкспорта любая страна-экспортер рабочей силы сразу лишится одного из источников твердой валюты, являющегося для некоторых из них главным источником ее поступления. Особенно болезненным такой отказ мог бы стать для Алжира, Египта, Иордании и Йемена. Другая причина – неспособность этих стран существенно повысить зарплату своим рабочим и специалистам, чтобы материально, а не только в административном порядке сдержать эмиграционный поток.

В целом, взвешивая «за» и «против» эмиграции из арабских стран, следует отметить, что утечка как «умов», так и «золотых рук» наносит им серьезный ущерб. При четком же планировании в госсекторе и регулировании развития в частном секторе эмигрирующие арабы могли бы найти работу в своих странах. Между тем из-за отсутствия этих предпосылок страны-экспортеры рабочей силы, по существу, дополнительно субсидируют развитие и без того богатых западных государств. Последние благодаря иммигрантам избавляются от необходимости готовить национальные кадры в тех масштабах, которые им необходимы.

Проблема иммиграции создает дилемму для многих западноевропейских государств. Им необходим стабильный приток иностранных рабочих, чтобы поддерживать экономический рост, компенсировать низкий уровень рождаемости в Европе и заполнить «грязные» или опасные рабочие места, которые не желают занимать многие западноевропейцы. В то же время правительства не хотят иметь дело с нестабильным социальным климатом, который часто возникает, когда иностранные общины становятся достаточно многочисленными, чтобы бросить вызов местному населению.

Во Франции, например, где в начале 90-х годов иммигранты, включая выходцев из арабских стран, составляли, по оценкам, 4,5 млн. человек, или 7% населения страны, растущее число убийств, взрывов бомб и актов вандализма направлено в основном против арабов. Издавна существовавший конфликт между североафриканскими арабами и французской

полицией принял острый характер. В последние годы в ходе столкновений с полицией убито более 20 арабов. Тот факт, что не был наказан ни один из работников правопорядка, вызывает гнев у арабского населения.

Очевидно, что хотя иммигранты служат дополнительным источником социальной и криминогенной напряженности для этих стран, их экономика, производственная и социальная инфраструктура подчас не могут без них функционировать.

А перебираться арабов в Европу заставляет не только и не столько наступление Сахары, против которой многие арабские страны ведут решительную борьбу. Главная причина эмиграции – «перевернутое» соотношение числа детей, приходящихся на одну мать. В арабских семьях в середине 90-х годов в среднем на одну мать приходилось 6,4 ребенка. В Италии это соотношение составляет 1:1,3. В странах Западной и Северной Европы этот показатель еще ниже.

В Германии, например, по мере роста ВВП на душу населения и соответственно его благосостояния стремление производить потомство неуклонно сокращается. Немки рожают в основном не раньше 30 лет, и этот возрастной порог все повышается. Многодетные семьи становятся большой редкостью. Одновременно благодаря развитию медицины постоянно возрастает средняя продолжительность жизни. Если в настоящее время на одного пенсионера приходится пять работающих, то через полвека пропорция может стать обратной.

По имеющимся расчетам, Германия нуждается в притоке до 1 млн. иммигрантов в год. И это наряду с тем, что многие немецкие заводы и другие предприятия по-прежнему вынуждены переносить свои производства в Польшу и Чехию, поскольку рабочая сила там в 5 раз дешевле, а уровень ее квалификации – не ниже немецкой. Приглашать же специалистов из этих стран в Германию мешают законодательные барьеры. Тем не менее, в начале 2000 г. в Германии при населении 82 млн. человек насчитывалось 7,5 млн. неграждан, в том числе более 2 млн. турок[4]. Таким образом, удельный вес иммигрантов в общей численности населения – 9,1% – был несколько выше, чем во Франции, но разница эта весьма незначительная в процентном выражении.

Заветная цель для многих мигрантов с Юга – например, Греция, хотя ВВП на душу ее населения, по последним опубликованным данным ООН, составлял в 1995 г. всего 10 937 долл. по сравнению с 26463 долл. в том же году во Франции и 29 567 долл. в Германии[5]. При населении Греции 10,5 млн. человек в 1999 г. там проживало, по разным оценкам, около 1 млн. иммигрантов (9,5% от всего населения), в том числе около 700 тыс. нелегальных. Практически каждый день в греческих СМИ сообщается о задержании пограничниками и полицейскими целых групп нелегалов, пытающихся пробраться в Грецию через сухопутные границы ее с соседними странами. Береговая охрана Греции, в свою очередь, задерживает средние и малые суда, чаще всего турецкие, которые пытаются высадить на греческий берег иммигрантов из таких стран, как Бангладеш, Пакистан, Ирак, из африканских стран южнее Сахары.

Однако учитывая весьма протяженную линию сухопутных и морских границ Греции и явную недостаточность имеющихся физических и материальных ресурсов для их прикрытия, пресечь полностью или даже существенно нелегальную иммиграцию просто невозможно. Это означает, что по мере дальнейшего роста ВВП на душу населения Греции и обнищания стран Юга нелегальная эмиграция будет сохраняться.

Если Греция – одна из тех европейских стран, где потоки мигрантов из Азии и Африки впервые касаются европейской почвы, то Дания относится к тем странам Европы, где они останавливаются и оседают. Это и неудивительно. ВВП на душу населения в Дании в 1995 г. составил 33 174 долл., т.е. был значительно выше, чем в Германии и Франции и в 3 раза выше, чем в Греции[6]. Первые мигранты с Юга появились в Дании еще в конце 60-х годов.

В 80-е годы к мигрантам из Турции и Пакистана добавились беженцы из Ирана, Ирака, Шри-Ланки. Отличие этих новых групп мигрантов состояло в том, что они настаивали на сохранении собственной религии, культуры, языка и традиций. В результате этого национальная самобытность Дании, население которой составляет несколько более 5 млн. человек (5,2 млн. в 1995 г.), оказалось под реальной угрозой. Датский профессор демографии Поуль Маттисен считает сегодняшний уровень миграции «беспрецедентным». Через 20 лет, прогнозирует он, иммигранты первого и второго поколений из Турции, Ливана и Сомали составят 500 тыс. человек, или 14% населения Дании. Многие датчане, по его мнению, не осознают «исторического характера» перемен в стране, которая еще в 60-х годах слыла самым однородным с точки зрения национального состава государством в Европе[7].

Аналогичные примеры можно продолжать. Вместе с тем очень серьезным препятствием на пути дальнейшего разрастания гипермиграции «Юг-Север» стали не ухищренные законодательные и административно-полицейские меры стран-реципиентов иностранной рабочей силы, а огромные потоки мигрантов, хлынувшие в конце 80-х – начале 90-х годов из стран бывшего социалистического лагеря после краха в них тоталитарных режимов и распада Советского Союза и Югославии.

Особенно мощными волнами они покатились по Западной Европе, превратившись в другую гипермиграцию «Восток-Запад». Если до середины 70-х годов основной поток направлявшихся в Западную Европу эмигрантов исходил из Алжира, Марокко, Турции и Югославии, то в последующие 15 лет до начала 90-х годов основную массу прибывающих сюда иммигрантов составляли вьетнамцы, тамилы из Шри-Ланки, заирцы и эфиопы. Они прибывали в Западную Европу не как рабочие с заранее обусловленными контрактами, а как лица, требовавшие политического убежища или просто как нелегальные эмигранты.

В начале 90-х годов состав мигрантов в Западную Европу резко меняется. О том, как конкретно это происходит, и как мигранты из Восточной Европы вытесняют на рынке труда выходцев с Юга, говорят следующие примеры. Так, осенью 1990 г. арабские и африканские сельскохозяйственные рабочие-эмигранты резко протестовали, когда виноградари района

Бужоле во Франции решили нанять польских и румынских сборщиков винограда, которые были готовы работать за сумму, эквивалентную 40 долл. в день, что было намного меньше суммы, которую в том же районе получали за эту работу арабы и африканцы.

Или, например, в конце 1990 – начале 1991 г. тысячи албанцев, воспользовавшись новой ситуацией, сложившейся в своей стране, устремились в качестве эмигрантов и беженцев в Италию. Те из них, которые получили там работу, сократили возможности трудоустройства для эмигрантов из Африки, Арабского Востока и других стран Юга.

В любом случае западноевропейский работодатель при найме на ту же работу иммигрантов всегда отдаст предпочтение более образованным и более квалифицированным выходцам из стран Восточной Европы, чем из стран Юга.

Если иммигранты с Востока с начала 90-х годов XX в. как-то ограничивают и теснят выходцев с Юга на рынке труда стран-реципиентов, они все-таки не могут приостановить совсем гипермиграцию «Юг-Север».

Западноевропейским и североамериканским государствам необходим стабильный приток иностранных рабочих, чтобы поддерживать экономический рост, компенсировать низкий уровень рождаемости в Европе и заполнять «грязные» или опасные рабочие места, которые не хотят занимать многие европейцы. Но, с другой стороны, правительства не хотят иметь дело с нестабильным социальным климатом, который часто создается, когда иностранные меньшинства остро конкурируют друг с другом или становятся достаточно многочисленными, чтобы бросить вызов господству коренного населения.

Самый свежий пример этого – сербский край Косово и события 1999 г. в нем и вокруг него. Так, например, греческие власти весьма опасаются постепенной деэллинизации отдельных районов страны и превращения их в «новое Косово». Греция стала одной из первых стран, где открыто заговорили о ползучей угрозе миграции с Юга. Именно здесь выходцам из южных мусульманских стран часто отказывают в разрешениях на строительство, в водительских правах и по многим другим вопросам.

Или возьмем ситуацию в Великобритании в качестве примера отторжения обществом или, точнее, его частью негативных сторон миграции «Юг-Север». Здесь ежегодно происходит до 70 тыс. расовых нападений, совершаемых в основном неонацистским движением «бритоголовых», распространившимся на другие европейские государства. В Германии опросы показывают, что больше двух третей ее населения считают, что иммигранты нечестно эксплуатируют систему социального обеспечения.

Французский социолог Б.Этьен в своем исследовании проникновения мусульман во французское общество под названием «Исламский пригород» отмечал, что нетерпимое отношение к иммигрантам проявляется не только по расовым или религиозным признакам. Часто это уходит корнями в презрение к небрежным или менее усердным трудовым навыкам, т.е. к отношению их к труду.

Так или иначе, но наступают моменты, когда минусы от иммиграции «Юг-Север» перевешивают плюсы от нее. И тогда та или иная страна-реципиент либо совсем прекращает ее, либо ограничивает определенными количественными и качественными контингентами и критериями к иммигрантам, как, например, фиксированный возрастной ценз, пол, профессия и пр.

В середине 70-х годов некоторые европейские страны, например, ограничили иммиграцию воссоединением семей и приемом беженцев. Но не прошло и 10 лет после этого, как начиная с 1984 г. во Францию устремился мощный поток политических беженцев.

Великобритания начала контролировать иммиграцию с начала 60-х годов. Первые ограничения, которые лишили граждан Британского содружества автоматического права селиться в метрополии, были введены в 1962 г. Сегодня британское гражданство может быть получено только по праву рождения и происхождения или путем натурализации по решению министра внутренних дел.

В 1990 г. число беженцев, прибывших в Великобританию, составило 20,5 тыс. человек, что более чем в 4 раза превышает квоты на их прием, существовавшие до начала 90-х годов. В основном это были выходцы из африканских стран – Эфиопии, Сомали, Уганды, Заира, Ганы, а также из Шри-Ланки, Индии, Турции, Ирана и Ирака[8].

Учитывая, что эмиграция стала превышать необходимые допустимые нормы и осуществляется под иным предлогом, английское правительство предприняло первые шаги для ограничения притока беженцев: ужесточены правила предоставления въездных виз, авиакомпании подвергаются штрафам в размере 1 тыс. ф. ст. за каждого пассажира, который прибыл без соответствующих официальных документов, и пр.

Эти ограничения для легальной и в особенности для нелегальной иммиграции состоят, в частности, в том, что в иммиграционные законы многих европейских стран вводятся новые, более точные дефиниции для характеристики таких категорий, как «политический беженец», «экономический иммигрант» и т.д.

Неоднозначно относится к иммигрантам и общественное мнение стран-реципиентов. Деловые круги этих стран видят в иммигрантах источник дешевой и, самое главное, бесправной рабочей силы. Ее не защищают ни местные профсоюзы, ни местное трудовое законодательство. Особенно это относится к нелегальным иммигрантам, число которых иногда превышает число легальных.

Но деловые круги – владельцы фабрик и мастерских, где может быть использован малоквалифицированный или совсем неквалифицированный труд легальных и нелегальных иммигрантов, обычно не высказывают открыто своего положительного отношения к эксплуатации дешевой рабочей силы иммигрантов.

Другое дело, когда речь идет о специально проводимых обследованиях и опросах. Например, согласно опросу общественного мнения, проведенному в 1990 г. в Италии, 49,7% (т.е. половина опрошенных) считали,

что иностранцев в стране слишком много и что они создают для местных властей немало проблем, в числе которых – незаконные промыслы, социальные осложнения, безработица и даже терроризм. Согласно этому же опросу, арабы и африканцы считаются иностранцами, наименее поддающимися ассимиляции.

Весьма характерна в этой связи точка зрения сотрудника Министерства иностранных дел Испании Л.Ф.де ла Пенья: «Два берега Средиземного моря расходятся все дальше друг от друга. Ширится пропасть в доходах. Наше население достигнет определенной стабильной численности, а их – удвоится в следующие два-три десятка лет. На юге происходит возрождение традиционализма из-за провала моделей развития, импортированных с севера. Это может привести к радикализации и возобновлению конфликта между исламской и западной цивилизациями. Иными словами, будет больше арабов, они будут относительно бедней, станут более радикальными и двинутся на север»[9].

Упоминавшийся выше французский социолог Б.Этьен в той же работе писал, что в будущем он ожидает конфликты, связанные с расовыми и религиозными различиями между европейцами и иностранными иммигрантами, черными и мусульманами, а также напряженность, отражающую борьбу за работу квалифицированных восточноевропейцев.

Отмечая, что прежние периоды массовой миграции в Европе, как, например, в 30-х годах, сопровождались погромами и другим этническим насилием, он пишет, что с оптимизмом смотрит на возможность избежать взрывов насилия в будущем.

Эти и многие другие высказывания европейских деятелей, ученых и специалистов свидетельствуют о том, что европейская общественность с беспокойством воспринимает постоянно нарастающую волну миграции «Юг-Север» и ее негативные последствия. Вместе с тем западные европейцы отдают себе отчет в том, что без арабских и других иммигрантов из стран Юга их экономика не может функционировать и в случае приостановки иммиграции может просто забуксовать.

Более того, имеются прогнозы и расчеты, согласно которым только иммиграция может удержать демографическую ситуацию в развитых странах на современном уровне. Так, в начале 2000 г. ООН опубликовала неутешительный для них доклад о грядущих изменениях в их населении к середине XXI столетия. В докладе Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам утверждается, что иммиграция является единственным средством исправить тяжелую ситуацию с рождаемостью в Европе. Если уровень иммиграции не будет повышен, упреждает доклад ООН, то население всех 15 стран ЕС, которое в 1995 г. было больше населения США на 105 млн. человек, к 2050 г. будет меньше американского на 18 млн.[10]

Сравнимая по географической масштабности с великими переселениями народов в прошлые тысячелетия гипермиграция «Юг-Север», в которой принимают участие десятки миллионов человек, намного превосходит их по численности участников. Но эти десятки миллионов, переме-

щаясь из менее развитых в более развитые в промышленном и культурном отношениях страны, несут с собой отсталые традиции, понятия, представления, низкий уровень знаний и навыков и самое главное – недобросовестное отношение к труду. Все это, вместе взятое, не дает подавляющему большинству иммигрантов социально интегрироваться в странах-реципиентах и вынуждает их образовывать свои общины и территориальные анклавы. Такие общины специализируются на определенных видах деятельности в разных отраслях сферы обслуживания. Иммигранты заняты, как правило, физическим трудом, являя собой в лучшем случае придаток к той или иной машине, калькулятору или кассовому аппарату. Но в офисах даже мелких компаний, где клерки занимаются пусть самым первоначальным, но все-таки управленческим трудом, иммигрантов можно увидеть очень редко.

На состоявшейся в феврале 1999 г. в Гааге международной конференции по народонаселению и развитию отмечалось, в частности, что иммигранты, беженцы, перемещенные лица отрываются от своих культурных корней, семейных связей, часто не имеют доступа к базовым, социальным и медицинским службам стран-реципиентов. Это обрекает их и их детей на дальнейшее униженное положение в новом для них обществе и порождает соответственно разные виды недовольства и социального протеста с их стороны.

Таким образом, можно считать, что в ближайшие годы и десятилетия миграция «Юг-Север» сохранится, а в отдельные периоды будет даже возрастать. Сократиться, а тем более прекратиться, она сможет лишь при условии выравнивания социально-экономического развития богатых государств Севера и бедных ныне стран Юга, решения в бедных странах проблем планирования семьи, а также при условии достижения повсюду равной степени политической свободы и равного жизненного уровня. В обозримом будущем, однако, соблюдение этих условий представляется весьма маловероятным или почти невероятным. А создание лишь предпосылок для их соблюдения может занять целую историческую эпоху.

[1] См.: Известия. 14 .04.1994.

[2] Новые Известия. 15.02.2000.

[3] Revue tunisienne des sciences sociales. Tunis, 1978, № 53, с. 113.

[4] Новые Известия. 12.02.2000.

[5] Handbook of International Trade and Development Statistics 1996/97, UN. New York – Geneva, 1999, с. 319

[6] Handbook of International Trade and Development Statistics 1996/97, с. 319.

[7] См.: Компас. 07.10.1991. – № 41. – С. 50.

[8] Newsweek. Wach., 05.02.1990.

[9] Wall Street Journal. 05.11.1990.

[10] Новые Известия. 22.03.2000.

В.И.Данилов

МЕТАМОРФОЗЫ ТУРЕЦКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Турецкий национализм (миллиетчилик) – один из краеугольных камней официальной идеологии Турецкой Республики, зафиксированный в ее Основном законе. Национализм занял крайне важное место в идеологическом обеспечении национально-освободительного движения турецкого народа 1918-1923 гг. Возглавившая это движение военно-гражданская интеллигенция отвела турецкому национализму почетное место в разработанной ею системе принципов, которые получили название «кемализм» по имени вождя национального движения и основателя республики Кемаля Ататюрка.

Свою систему взглядов кемалисты, однако, строили не на пустом месте. Они освоили и критически переработали идеологический багаж своих предшественников – младотурок, стоявших у власти в Османской империи до 1918 г., когда эта империя распалась в результате поражения в Первой мировой войне. С тех пор и по сей день национализм прочно вошел в систему основополагающих принципов Турецкой Республики, провозглашенной в 1923 г. Однако содержание и толкование его не остается неизменным. Оно трансформируется соответственно переменам в общественно-политической жизни турецкого общества, изменениям в политической системе.

Младотурки и их партия «Единение и прогресс» («Иттихад ве теракки») культивировали три направления в идеологии: османизм, исламизм и национализм (тюрклюк или тюркчюлюк). По мере развития исторических событий наиболее перспективным и важным из них оказался национализм.

Все понимали необходимость срочной модернизации на глазах хиревшей и разваливавшейся Османской империи, но пути этой модернизации толковали по-разному. Консерваторы-исламисты видели главную причину упадка империи в отходе от исламских ценностей, в противоречившем, по их мнению, духу империи насаждении западных идей и институтов. Они не были полными ретроградами и понимали необходимость модернизации, но при этом считали целесообразным сочетание духа и норм ислама с техническим прогрессом. С Запада должны были прийти передовая техника и технология, но не культура, религия и общественная мысль. Более решительные сторонники модернизации – обновленцы – разделились на две группы: западников и тюркистов. Первые были сторонниками интеграции с Западом по всем линиям. Вторые тоже выступали за построение в империи порядка в соответствии с западными стандартами, но с учетом национальных особенностей страны.

В этой сложной и многоплановой борьбе тюркизм младотурок постепенно перерастал в турецкий национализм и укреплял свои позиции.

Первоначально в годы пребывания младотурок в оппозиции и их борьбы за власть (до 1908 г.) национализм в идейном багаже младотурок оставался на втором плане и как бы скрывался, ибо он вступал в некоторое противоречие с их интересами: многие еще входившие в состав Османской империи нетурецкие этносы поддерживали младотурок против султана, надеясь после их победы обрести независимость; младотурки, со своей стороны, не желали лишиться этой поддержки.

Положение изменилось после прихода младотурок к власти. До этого в национализме преобладали культурно-исторические аспекты как факторы, имевшие особое значение для консолидации нации. Теперь национализм, кроме культурных, стал приобретать и политические очертания. Речь пошла о политике укрепления централизованной Османской империей, стержнем которой стали бы турки, объединившиеся вокруг национальных идеалов. Эта политика должна была влить новые силы в слабевшую империю, которая в начале XX в. потеряла почти все свои немусульманские территории. Империя в узких границах должна была возродиться на базе тюркизма – турецкого национализма, тюркизации оставшихся в ее составе мусульманских этносов.

В партии «Иттихад ве теракки» и даже в ее руководстве было много исламистов. Партия как бы имела два лица – исламистское и националистическое. Но при этом исламистское лицо было скорее маской, прикрывавшей истинное лицо – националистическое. Более того, тюркизм иттихадистов стал приобретать гипертрофированные очертания. Помимо тюркизации других этносов, стали строиться грандиозные планы объединения под эгидой империи всех тюркских народов, получившие воплощение в идее «Великого Турана». Вступив в Первую мировую войну на стороне Германии, младотурецкие лидеры – руководители страны имели в виду конкретно присоединение к Османской империи тюркских народов, проживавших на Балканах и в Российской империи. Эти идеи поддерживались, а подчас и инициировались многими представителями тюркских этносов в России, эмигрировавших в эти годы под крыло младотурок.

Ход и итоги для Османской империи Первой мировой войны практически похоронили идею исламизма как базу для объединения. Для народов Балканского полуострова она была с самого начала неприемлема, а, к примеру, для арабов идеи их собственного национализма оказались сильнее идеологии исламизма в рамках Османской империи. Что же касается упоминавшейся выше идеологии османизма, то она еще раньше показала свою несостоятельность, а в начале XX в. окончательно потеряла всякое значение.

Все это укрепляло позиции национализма–тюркизма. Большой вклад в разработку идей тюркизма внес турецкий ученый и общественный деятель Зия Гекальп (1875-1924), входивший в состав центрального комитета «Иттихад ве теракки». Указывая, что исламистов, тюркистов и западников объединяет общее стремление к модернизации государства, он попытал-

ся синтезировать взгляды всех этих трех направлений в единую идеологию, но под флагом тюркизма. Османизм как идеология им, понятно, во внимание не принимался.

По Гекальпу, нацию (миллет) объединяли не только этнические признаки, географические условия проживания, политические факторы, но и культурная общность (язык, искусство, религия, мораль и др.). Зия Гекальп полагал, что необходимо изменение законов, проведение ряда реформ в целях придания турецкой культуре общенационального характера, создания национального государства. Учитывая позиции западников, он считал необходимым отделение религии от государства, а процесс принятия и исполнения законов – от шариата. Следовало также придать всей системе образования светский характер.

В то же время, исходя из позиций исламистов, он признавал важную роль ислама в турецкой истории и повседневной жизни. Подобно исламистам, Зия Гекальп не считал понятия культуры и цивилизации тождественными. Он подчеркивал, что цивилизация материальна и империя должна воспринять ее с Запада именно в такой интерпретации, предварительно укрепив национальную, восточную культуру, чтобы она могла противостоять опасному, разрушительному влиянию Запада.

Надо заметить, что в тот период процесс складывания турецкой нации еще не был завершен, не сложились окончательно турецкая культура и турецкий язык. Учитывая это, Зия Гекальп отдавал приоритет не личности, а нации как источнику мысли, высшему духовному авторитету, высшему моральному судье всех членов общества[1].

Такова была идеологическая обстановка, в которой взрастало новое поколение турецких военно-гражданских интеллигентов, возглавивших национально-освободительное движение, а затем новое турецкое государство. Ясно, что существовали серьезные наработки в формировании идеологии турецкого национализма, и кемалисты, безусловно, их восприняли и использовали.

Уже с первых дней пребывания в Анатолии (май 1919 г.), куда молодой паша османской армии Мустафа Кемаль прибыл по поручению султана Мехмеда VI для изучения обстановки, он особое внимание обратил на идеи национализма в деле консолидации сил освободительного движения против оккупации Анатолии войсками Антанты и примкнувшей к ней Греции. В докладе, направленном из Самсуна 22 мая 1919 г. в канцелярию великого везира, он писал: «Нация приняла за основу национальный суверенитет и турецкий национализм. Она будет бороться за это»[2]. Тем самым суверенитет нации противопоставлялся султану, бывшему до сих пор олицетворением суверенитета. Одновременно указывалось на роль национализма как главного объединяющего фактора, знамени движения сопротивления.

В июне 1919 г. в Амасье состоялось совещание высоких военных чинов – сторонников М.Кемаля, которое приняло так называемый Амасийский циркуляр, разосланный местным гражданским и военным властям. Документ этот был пронизан идеей турецкого национализма как организу-

ющей единство патриотических сил[3]. Эта идея получила подтверждение и дальнейшее развитие в ходе состоявшихся в 1919 г. в Эрзуруме и Сивасе конгрессов Обществ защиты прав, созданных в турецкой провинции с целью организации сопротивления. Именно идея национализма способствовала консолидации всех национальных сил путем объединения патриотических обществ и организаций в единое Общество защиты прав Анатолии и Румелии во главе с Представительным комитетом. Последний как орган кемалистов сразу отверг возможность своей интеграции в старую османскую многопартийную систему, декларируя приоритет общенациональных целей и себя как их выразителя. В апреле эта функция перешла к Великому национальному собранию Турции (ВНСТ), собравшемуся в Анкаре и объявившему себя единственным представителем национальной воли. В январе 1921 г. ВНСТ приняло Закон об основах организации, по существу сыгравший роль конституции вновь создававшегося турецкого государства. Одно из основных положений закона гласило, что суверенитет безоговорочно и безусловно принадлежит нации.

Победоносный для кемалистов ход национальной войны поставил в повестку дня вопрос о подготовке и проведении реформ в организации нового государства, политической системе, экономике, культуре. Одним из главных факторов, обеспечивших кемалистам победу, был, как подчеркивает турецкий профессор Суна Кили, принцип национализма[4]. Кемалисты понимали, что этот принцип следовало закрепить, развить и применять дальше. Надо было обеспечить единство нации для достижения успеха в планировавшейся ими политической, экономической и культурной революции.

В этих целях решено было создать политическую партию. М.Кемаль, разъясняя в ходе поездки по стране цели новой партии, заявил, что существующие в стране социальные классы не являются антагонистическими, а дополняют друг друга и составляют одно целое – нацию. Поэтому вновь создаваемая Народная партия будет выражать и защищать интересы всех социальных классов, всей нации[5]. Отсюда видно, какое значение кемалисты придавали идеям турецкого национализма.

Опираясь на Народную (позже Народно-республиканскую) партию, на долгие годы ставшую партией власти, кемалисты в октябре 1923 г. провозгласили республику, в марте 1924 г. ликвидировали халифат. В ноябре 1924 г. была принята новая конституция, провозгласившая национализм одним из основополагающих принципов республики. Статья 88-я гласила, что все граждане Турции без различия религиозной и расовой принадлежности считаются турками[6].

Как сами кемалисты трактовали свой принцип национализма? Суна Кили пишет, что он не носил расистского характера, не был ирредентным, т.е. не направлялся против какого-либо этноса. Напротив, он имел объединяющий характер, указывал на единство и неделимость нации и страны, направлял усилия турок на достижение общенациональных целей. Он не выступал за закрытое общество, а напротив, основывался на уверенности в способности турок превратить свою страну в современное госу-

дарство, используя в случае необходимости опыт других стран. Понимание Народно-республиканской партией (НРП) национализма отвергает веру в жизнь традиционного общества в рамках религиозной общины. Напротив, К.Ататюрк полагал, что жизнь турок как нации означает переход в состояние современного общества[7].

В 20-е годы XX в., по мнению видного исследователя социально-политических процессов в Турции Кемаля Карпата, в жизни республики на первый план вышли три принципа – национализм, лаицизм и народность. При этом «национализм рассматривался как база режима». После победоносного завершения национально-освободительного движения идеология национализма получила дальнейшее развитие. Прежде всего она была очищена от всяких проявлений пантюркизма. В понимании кемалистов турецкий национализм был тесно связан с понятием турецкого национального государства, он воспринимался исключительно в связке: нация – государство. Идеи пантюркизма, «Великого Турана» были объявлены неприемлемыми и опасными. Принцип национализма должен был осуществляться исключительно в рамках национального государства[8].

Создание последнего автоматически исключало проблемы христианских национальных меньшинств на Балканах. Речь теперь шла об укреплении общенационального самосознания турок, консолидации турецкого культурного пространства.

Все это конкретизировало понимание турецкого национализма и, как подчеркивал К.Карпат, «превратило его по существу в .единственную господствующую идеологию»[9].

Теперь о двух других принципах – лаицизме и народности. Идеи лаицизма пробивали себе дорогу в жизнь еще во времена младотурок, в последние годы их пребывания у власти. Среди значительной части иттихадистов идеи лаицизма приобретали все большее влияние. Иттихадисты-западники рассматривали лаицизм как главное средство обеспечения модернизации страны, они непременно связывали его с национализмом, оттесняя и отторгая в то же время османизм и исламизм. Тюркизм-лаицизм использовался для практических мероприятий по сокращению сферы действия ислама, для наступления гражданских юридических норм на шариат[10].

Кемалисты использовали и продолжили этот опыт. Таким образом, их можно считать в известном смысле политическими наследниками иттихадистов-западников. Но кемалисты пошли гораздо дальше их. В новых условиях существования национального государства, используя национализм-тюркизм как главное средство политической мобилизации всех социальных страт на осуществление широкой программы реформ, на модернизацию страны, которую они однозначно рассматривали как вестернизацию, кемалисты должны были для успеха дела окончательно освободить тюркизм от всякого влияния религии, ислама, который безусловно становился препятствием на пути к интеграции по всем линиям с Западом.

Многие кемалисты-вестернизаторы склонны были рассматривать ислам, родившийся в арабской среде и использующий арабский язык, как

нечто традиционное, противоречащее революционно-национальным целям новорожденной республики. Они вообще считали, что исламизм явился причиной того, что в рамках Османской империи не могли быть созданы национальная культура, условия для формирования национального государства, что он не соответствует современным условиям.

Здесь кемалисты нашли поддержку в лице бывшего идеолога партии «Иттихад ве теракки» Зии Гекальпа. В 1923 г. им была опубликована работа «Основы тюркизма», которая показала, что З.Гекальп превращается в идеолога кемалистов. Он, учитывая веление времени, отказался от «тюрко-исламского синтеза», от своего коренного положения «современного исламского тюркизма». Он писал: «Тюркизм (национализм) никоим образом не совместим с клерикализмом, теократией». Тем самым он расширил установленные им ранее пределы вестернизации[11].

Но и этого для кемалистов оказалось мало. Они сделали то, на что не решился Зия Гекальп, – стали проводить в жизнь принцип лаицизма, строить секулярное государство. Они также отказались от приоритета коллективистского и духовного начала в теории З.Гекальпа как входящего в противоречие с западными ценностями – индивидуализмом (свобода личности, права человека и т.п.) и материализмом (примат потребительских ценностей).

Таким образом, лаицизм можно рассматривать как способ усиления национализма, как способ наиболее эффективного и быстрого обеспечения поставленной кемалистами главной национальной цели – создания вестернизированного государства. Из идеологии национализма-тюркизма был изъят исламизм, а его место занял лаицизм.

Далее кемалисты и лично М.Кемаль самое серьезное внимание в 20-е годы уделили принципу народности (народничества). И его следует рассматривать в связи с национализмом как трактовку последнего в социально-политическом аспекте. Характеризуя ВНСТ, создавая партию, М.Кемаль постоянно делал упор на принципе народности, больше говоря уже не о суверенитете нации, а о суверенитете народа, о его единственном представителе – ВНСТ. Это необходимо самым тесным образом связать с той же вестернизацией. Определяя политическое содержание последней, М.Кемаль прямо заявил: «Все наши стремления направлены на то, чтобы создать в Турции современную, т.е. западную политическую систему»[12]. Отталкиваясь от этого, следует считать, что принцип народности отнюдь не означал какого-то революционного изменения в социальной структуре общества, а, по существу, должен был рассматриваться как попытка применить идеи западной политической демократии к турецким реалиям.

Главным объединяющим фактором оставался национализм. Но объединяя людей как «нацию», кемалисты как бы подстраховывали это объединением тех же людей как «народ». Принцип народности, отмечал К.Карпат, был способом обеспечения социальной сплоченности вокруг идеалов национализма[13]. Надо сказать, что в 20-30-е годы Турцию Мустафы Кемаля Ататюрка связывали довольно тесные узы дружбы и со-

трудничества с Советским Союзом. Грандиозные революционные изменения, осуществлявшиеся в СССР в рамках жесткого однопартийного режима, вероятно, оказывали влияние на вождя турецкой революции. Возможно, это влияние сказывалось и в формировании однопартийного режима в тот период и в Турции, и в выдвижении принципа народности.

Однако здесь была и существенная разница. Ататюрк, будучи убежденным вестернизатором, указывал, что Турция должна воспринять стандарты западной политической демократии, в том числе и многопартийную систему[14]. Но свои реформы предпочитал осуществлять в рамках авторитарного однопартийного режима, рассматривая это как временное явление, призванное обеспечить успех революционным преобразованиям в условиях жесткой, однозначной политической мобилизации масс. На принцип народничества тоже могли оказывать влияние советские реалии, но только в плане успешной мобилизации масс, а не идеологии. Кемаль Ататюрк сразу честно и открыто сказал «да» всестороннему сотрудничеству с СССР по государственной линии и «нет» – коммунистической идеологии.

Таким образом, принцип народничества в Турции подкреплял принцип национализма и отнюдь не означал каких-либо коренных изменений в социальной структуре общества (как в СССР). Кемалистская революция вела лишь к медленным изменениям, эволюции в этой сфере. Более того, обеспечивая национальное единство, принцип народничества предусматривал отрицание классовой борьбы.

Итак, в республиканский довоенный период кемалистский принцип национализма во внешней политике, отринув пантюркистский аспект, нашел свое выражение в миролюбивой политике в отношении всех бывших территорий Османской империи на Балканах и Ближнем Востоке, в отсутствии каких-либо притязаний в отношении этих территорий, а также стран, где проживают другие тюркские этносы. Это, безусловно, способствовало росту международного авторитета Турецкой республики и внесло вклад в укрепление мира во всем мире.

Во внутренней политике национализм стал главным фактором мобилизации масс на задуманные кемалистами революционные преобразования. Такой характер он сохранял до середины 40-х годов, особенно ярко же он проявил себя в таком качестве в 20-30-е годы – годы кемалистских реформ. Принцип национализма был включен в конституцию и в программу правившей Народно-республиканской партии, т.е. в условиях однопартийного режима он приобрел свойство партийно-государственного принципа. Как таковой он стал важной составной частью обязательной для всех граждан официальной идеологии.

Став монополистом в сфере идеологии, кемалистская партийно-государственная верхушка добилась определенных успехов. Был создан дух национального единства, усилено среди турок чувство национальной гордости, различные социальные страты объединены вокруг общих целей. Предпринимались даже попытки ассимилировать курдов в этом общенациональном движении.

Для некоторых слоев кемалистский национализм, однако, приобретал специфический характер. Распад некогда огромной и могущественной империи вызвал чувство горечи у служителей культа, османской бюрократии и т.п. Эти и другие слои, наблюдая враждебность внешнего мира после Первой мировой войны к туркам, пытались использовать национализм как укрытие против этой враждебности. Свой антагонизм к внешнему миру они выражали в получившей тогда известность формуле «мы похожи на себя» («биз бизе бензериз»). Традиционно многочисленные в Турции средние слои – мелкие предприниматели, отделяя национализм от возвышенных историко-культурных аспектов, прагматически использовали его как средство защиты от возникавших в ходе социально-экономического развития общества факторов, которые угрожали их благополучию и самому существованию.

Накануне и в годы Второй мировой войны в националистических воззрениях турецкого общества выделились такие аспекты, как расизм и пантюркизм. И то, и другое связано со сближением Турции в этот период с гитлеровской Германией. Сторонники расистского толкования турецкого национализма черпали вдохновение в расистских теориях германских национал-социалистов. Деятельность турецких пантюркистов в указанный период получила довольно подробное освещение в трудах отечественных востоковедов. В конце войны в свете разрыва отношений с Германией и сближения с Великобританией и США правящая партия и правительство Турции предприняли решительные меры против деятельности расистов и пантюркистов.

Политическая либерализация в Турции во второй половине 40-х годов, переход к политическому плюрализму, многопартийной системе внесли серьезные изменения в толкование и применение принципа национализма. Последний стал лишаться единственного официально признанного, монопольного толкования его правившей НРП и ее правительством. В общественно-политической жизни страны появились и продолжают существовать по сей день различные «партийные национализмы», определяемые общим направлением и особенностями развития турецкого общества.

Народно-республиканская партия оставалась у власти до 1950 г. Ее руководство, понимая, что пойдя на разрешение политического плюрализма, оно тем самым лишает НРП ее общенационального имиджа, должно было задуматься о содержании главных партийных принципов, в том числе национализма. В ноябре 1947 г. состоялся VII съезд НРП, который в числе прочих принял решение об изменении содержания принципа национализма. Последний лишался теперь политического содержания и должен был основываться исключительно на «общности языка, культурных и исторических ценностей».

После Второй мировой войны место лучшего друга Турции, принадлежавшее в 20-30-е годы Советскому Союзу, заняли США, настойчиво теперь обращавшие внимание руководства страны на недостаточную демократичность политической системы. Одновременно новое руководство

НРП и страны, сформировавшееся после смерти Ататюрка в ноябре 1938 г., вышло из войны с гипертрофированным страхом перед распространением коммунизма.

Для этого были основания в связи с особенностями послевоенной международной обстановки и начавшимся в стране процессом политической либерализации. Правящая элита увидела, что коммунистические идеи получили распространение в большинстве рабочих профсоюзов, в прессе и даже в самой НРП. И она решила, что, пожалуй, самым действенным средством борьбы против «подрывной коммунистической деятельности» будет турецкий национализм. Отныне слово «националист» стало антонимом слова «коммунист». VII съезд НРП подтвердил, что идеология национализма будет активно использоваться против коммунизма.

Установки съезда были развиты правительством. Премьер-министр Реджеб Пекер, выступая в 1947 г. в Стамбульском университете, заявил, что все граждане, составляющие единое национальное целое, обладают безусловным равенством прав. В то же время надо покончить с исламским пониманием национализма, ставящим в неравное положение христиан. Необходимо добиться равноправия всех граждан, независимо от их вероисповедания, национальности не только формально, но и реально, в повседневной жизни. Премьер-министр призвал, с одной стороны, решительно осудить коммунизм и расизм, а с другой,– «с любовью прижать к груди наших граждан, говорящих по-курдски»[15]. До 1950 г. правительство действительно приняло ряд мер, направленных на расширение прав национальных меньшинств, на либерализацию кемалистского толкования национализма.

Демократическая партия (ДП), составившая среди множества вновь созданных партий основную силу, оппозиционную НРП, также включила в свои программные установки национализм как один из основополагающих принципов. Борясь за свой электорат, она также обещала расширение прав христиан (особенно в Стамбуле), чем заслужила их полную поддержку, расширение культурных прав национальных меньшинств. Последние поддержали «умеренный» национализм ДП.

Однако ДП внесла свое понимание в национализм. Дело в том, что описанный выше кемалистский национализм находил поддержку сравнительно узкого слоя кемалистов-интеллигентов. Широкие массы, хотя и следовали этому официальному национализму, в душе не могли принять его лаицистского, почти атеистического характера. Эта сторона вызывала у них латентный протест. Таким образом, параллельно как бы сосуществовали два национализма – кемалистский лаицистский рациональный и народный, неразрывно связанный с религиозными чувствами. Вот это обстоятельство и учли руководители ДП. Они культивировали и поддерживали новую трактовку национализма, который черпает свою силу в исторических и религиозных ценностях.

Большой вклад в разработку этой трактовки внес турецкий общественный и политический деятель Хамдуллах Супхи Танрыовер. Будучи в 20-30-е годы членом НРП, он поддерживал «безбожный рационалистиче-

ски-материалистический» национализм, однако позже вступил в ДП и стал выступать за «духовный» национализм, утверждая, что его нельзя отделить от истории Османской империи и ислама. Такой национализм, утверждал Х.С.Танрыовер, будет эффективнее бороться с коммунизмом[16]. Придя в результате выборов в 1950 г. к власти, ДП частично восстановила позиции ислама, чем вызвала одобрение значительной части населения, особенно сельского.

Тем не менее принцип национализма не стал лишь уделом различных партийных толкований. Не забудем, что он был зафиксирован в Конституции страны. Правящая элита, допуская различные толкования, установила, однако, их пределы. Все политические партии обязаны были признавать национализм как одну из идеологических основ. Но если интерпретация его заходила слишком далеко влево или вправо от центра, такие партии запрещались. Так, были запрещены как крайне правые Партия защиты ислама (создана в 1946 г.), Исламская демократическая партия (создана в 1951 г.). С другой стороны, запрещены как крайне левые Социалистическая рабочая партия (создана в 1946 г.), Партия рабочих и крестьян[17]. Несмотря на реверансы НРП и ДП в 40-е годы в сторону национальных меньшинств, закон запретил создание партий, выступавших за какие-либо национальные автономии (пусть только культурные) в рамках государства.

Общественно-политическая демократизация 40-х годов не привела к существенной демократизации турецкого национализма. Либеральная атмосфера в этой области не была создана. Попытки приблизиться к западным стандартам демократии наталкивались на сопротивление консервативных толкователей национализма, интерпретировавших такие попытки как «подрывную деятельность против государства».

В результате государственного переворота 27 мая 1960 г. в стране установился военный режим. Хунта в лице Комитета национального единства, действуя в тесном союзе с руководством НРП, обеспечила подготовку и принятие новой конституции в 1961 г., подчеркивая, что она «черпала силу и вдохновение в турецком национализме»[18]. Новая конституция стала самой демократической в истории республики, она декларировала невиданные ранее в Турции права и свободы.

В создавшейся на базе этого в 60-е – начале 70-х годов атмосфере свободы, граничившей со вседозволенностью, получили развитие и дискуссии вокруг национализма. Отметим здесь один их аспект: усилилась тенденция к критике кемалистского, лаицистского толкования национализма и одновременно к укреплению позиций исламского национализма. Таким образом, можно говорить о возрождении теории «тюрко-исламского синтеза». Это получило отражение в создании в январе 1970 г. Партии национального порядка (ПНП) и ее деятельности. Программа ПНП местами носила происламский характер. Она выступила категорически против «использования лаицизма, определяемого как средство обеспечения свободы вероисповедания, в качестве орудия давления на религию и верую-

щих», против толкования лаицизма как атеизма[19]. Национализм непременно связывался с исламом. ПНП призвала противопоставить моральные ценности ислама «безнравственному западному капитализму», переориентировать страну с Запада на исламский мир. В марте 1970 г. ПНП была закрыта по обвинению в нарушении конституции.

В 1969 г. оформилась Партия националистического движения (ПНД). Хотя программа ПНД отрицала расизм, ее толкование национализма носило шовинистический характер. Одновременно она отвергала атеистическую интерпретацию лаицизма[20]. В основу всех принципиальных установок ПНД были положены турецкий национализм и исламизм как «источники силы турецкой нации».

Если исходить из того, что идеологическая борьба получает концентрированное выражение в деятельности и борьбе политических партий, то можно сделать следующие выводы. В 60-70-е годы дело кемалистского (лаицистского) национализма защищалось и продвигалось двумя наиболее влиятельными политическими силами – социал-демократами (левоцентристами) и консерваторами (правоцентристами). Первые были представлены НРП, превратившейся из общенациональной в социал-демократическую партию в 60-е годы, а вторые – Партией справедливости (ПС) – политической наследницей запрещенной после государственного переворота 1960 г. Демократической партии. Обе партии выступали за полную, по всем линиям, в том числе и идеологической, вестернизацию. Например, в программе ПС указывалось: «Мы считаем демократический строй в западном понимании самым передовым и совершенным строем общества»[21]. При этом НРП, выросшая на революционных принципах кемализма, стала главным поборником неуклонного соблюдения светской основы государства, главным противником ислама. ПС же, продолжая линию ДП, призывала терпимее относиться к исламу.

Политический кризис конца 70-х годов привел к военному перевороту 12 сентября 1980 г. Глава военной хунты генерал Кенан Эврен, обращаясь в связи с этим к нации, заявил, что исповедующие общие религиозные и национальные ценности граждане были разделены на национальные враждебные группы, что требует их объединения вокруг идеалов в духе «национализма Ататюрка». Генерал объявил, что «в целях предотвращения дальнейшей дегенерации демократической парламентской системы будет подготовлена новая конституция»[22].

Главной особенностью принятой в 1982 г. конституции стало серьезное сокращение прав и свобод, усиление исполнительной власти. В отличие от прежних конституций было обращено гораздо больше внимания на принцип национализма. В преамбуле конституции указывалось на особое значение этого принципа, на то, что «исторические и духовные ценности тюркизма, национализм Ататюрка не подлежат никакому пересмотру»[23].

Хунта много сделала для того, чтобы вернуть национализму прежний объединяющий характер. При этом она, в отличие от кемалистов 20-30-х годов, освободила принцип лаицизма от атеистического толкования, при-

дала большее значение историческим и религиозным ценностям. Например, в стране было введено обязательное религиозное обучение, что зафиксировано в конституции.

Генералы, возвращая страну к гражданскому правлению, попытались даже создать «свою» партию, которая должна была воплотить их политические надежды и послужить примером для всех остальных политических партий. Так, в 1983 г. возникла Национал-демократическая партия (Партия националистической демократии) – НДП. Ее идеологической основой стал национализм. Он рассматривался как основной фактор объединения всех граждан. «Каждый гражданин республики, – гласила программа НДП, – турецкий националист». Национализм охватывает национальные, исторические, духовные, культурные ценности. В отношении принципа лаицизма программа указывала: «Мы не трактуем его как враждебность и неуважение к религии, как атеизм»[24].

Националистическая демократия, подчеркивая приверженность кемалистскому толкованию национализма, все же в известной мере воспроизводила идеи тюрко-исламского синтеза, выступая за экономическую и научно-техническую интеграцию с Западом при признании духовной и культурно-исторической самобытности турецкой нации.

НДП пыталась претендовать на общенациональный характер. Генералы много сделали, чтобы обеспечить ее победу на первых после военного переворота парламентских выборах в 1983 г., но из этого ничего не вышло. НДП не смогла сформировать свою социальную базу, ее влияние шло на убыль, и в 1986 г. она самораспустилась.

Вернуть национализму прежний объединяющий характер не удалось. После восстановления в 80-е годы многопартийной системы, ликвидированной генералами после военного переворота, сохранилась примерно та же ситуация, что и в 60-е – 70-е годы. Турецкие социал-демократы и правоцентристы зафиксировали в своих программах обязательный для всех партий принцип национализма, интерпретируя его, естественно, в кемалистско-лаицистском понимании.

Новая конституция и новый закон о выборах были под наблюдением хунты составлены таким образом, чтобы максимально ограничить число партий в парламенте и сузить возможности проникновения туда «маргинальных» партий. Это делалось во имя обеспечения политической стабильности, и в течение какого-то времени новое законодательство себя оправдывало. Главными политическими силами оставались социал-демократы и правоцентристы. Более того, до 1991 г. власть оставалась в руках одной правоцентристской партии – Партии отечества (ПО). Последняя, противопоставляя себя националистической демократии в лице генеральской НДП, предприняла свою попытку восстановить объединяющий характер кемалистского национализма, привлекая к себе своими программными установками наряду с правоцентристами и умеренно настроенные слои исламистов и националистов.

В 90-е годы, однако, националисты стали постепенно отходить от ПО и вливаться в воссозданные после переворота «свои» партии – происламскую Партию Рефах и Партию националистического движения. Что особенно характерно для 90-х годов, – эти партии, сохраняя с точки зрения турецких реалий крайний и даже, как пишут некоторые турецкие авторы, «антисистемный» характер, перестали быть маргинальными. Проводившиеся в стране выборы (как парламентские, так и местные) свидетельствовали о неуклонном росте их влияния, расширении их социальной базы.

Отметим попутно, что определение «антисистемности» особенно относится к происламской партии. Дело в том, что для остававшихся вплоть до последнего времени главными политическими силами социал-демократов и правоцентристов принцип национализма стал, по сути, носить формальный характер, включение его в программы этих партий обусловливалось требованиями конституции и закона о партиях. По существу же, принцип национализма вошел в противоречие с курсом этих партий на тотальную вестернизацию, с их на самом деле не националистической, а космополитической, интернационалистской линией. Такой курс, однако, стал для Турции определяющим, системным после Второй мировой войны.

Происламское же движение, как говорилось, выступило за возрождение национальных, культурно-исторических и духовных ценностей, за переориентацию страны с Запада на исламский мир. «Антисистемный» характер частично носит и националистическое (особенно ультранационалистическое) движение, ибо оно системному курсу на вестернизацию, внедрению западных стандартов политической демократии противопоставило курс на восстановление тех же национальных ценностей, на централизацию и ужесточение власти в противовес «прогнившей демократии».

Как указывалось, носивший скрытый характер протест против рационально-прагматического толкования и применения идей национализма, который был характерен для широких слоев верующего населения, особенно провинциальной Анатолии, а также для части интеллигенции, стал открыто проявлять себя с 70-х годов. Ряд факторов способствовал усилению этого процесса в 90-е годы. В Турции полагают, что ликвидация биполярной системы и кризис социализма ослабили силу антикоммунистического противостояния в Турции. Это привело к тому, что роль культурного фактора возросла в идеологической и политической мобилизации масс. Стремление к конфессиональной и этнонациональной самоидентификации весьма способствовало новому делению турецкого электората.

На рубеже 80-90-х годов наблюдалось явное обострение социально-экономических проблем турецкого общества, что привело к росту социальной напряженности. Одновременно стало меняться соотношение партийных пристрастий электората. Последние начали сдвигаться от центра к краям разрешенного политического спектра, причем, что важно, преимущественно к правому краю. Например, это ярко проявилось в кварталах

городских трущоб (геджеконду), где тысячи и тысячи сельских мигрантов проживают в условиях, не соответствующих никаким жилищным стандартам, при отсутствии инфраструктуры, униженные экономически, культурно и политически. Не случайно, что эти районы остаются рассадником политического экстремизма. Однако если в 70-е годы обитатели геджеконду тянулись к крайне левым политическим организациям, то в 80-90-е годы место последних заняли исламисты и националисты[25].

Давнее недовольство масс энергичной революционной секуляризацией, нарастание социально-экономических проблем, усугублявшееся урбанизацией, обусловили в 90-е годы разложение политического центра. Одновременно радикально-маргинальные партии, оставаясь радикальными, перестали быть маргинальными, превращаясь в серьезную политическую силу. Все большее число избирателей ставило перед собой вопрос, кто из политических лидеров больше поддерживает тюрко-исламские ценности и кто из них больше националист или даже шовинист? Эти факторы стали влиять на политический выбор.

Резкая активизация курдского сепаратизма в Турции 80-90-х годов сопровождалась ростом стремления к этнической самоидентификации. У курдов есть достаточно оснований утверждать, что употребляемый в конституции термин «тюрк» – это своего рода политическая идентификация. Знаменитая фраза Ататюрка «счастлив тот, кто называет себя турком», толкуется как указание на турецкое гражданство, а не на изначальную, этническую сторону[26].

Реакцией на это явился рост турецкого этнического национализма, шовинизма и даже расизма, что наиболее ярко выразилось в деятельности Партии националистического движения. Указанное явление вызывается также внешними причинами. Безоглядный курс ориентации на США и Западную Европу в 40-50-е годы привел к отрыву Турции от «третьего мира». Предпринимавшиеся в 60-е годы меры не привели к исправлению этого положения, а недавний отказ Западной Европы принять Турцию в свое лоно усугубил его. Турки чувствуют себя в каком-то промежуточном положении. Восток их не признает за своих, но и Запад не принимает. В результате на смену упоминавшемуся выше выражению «мы похожи на самих себя» пришло распространяющееся ныне выражение «у турка нет друга кроме турка» («тюркюн тюрктен башка досту йок»).

Это усугубляется международным непризнанием Турецкой Республики Северного Кипра, а в Турции очень болезненно реагируют на положение турецкого меньшинства на острове. Это – один из факторов возбуждения турецкого этнического национализма, шовинизма, что усиливается критикой на Западе политики Турции в курдском вопросе. В связи с этим можно напомнить неоднократные высказывания ныне покойного лидера ПНД Альпарслана Тюркеша о готовности «пустить кровь», если речь пойдет о защите прав кипрских турок или притязаниях курдов.

Таким образом, можно говорить, что растущая ксенофобия усиливает позиции этнического и исламского национализма. Турецкий автор Бозкурт

Гювенч отмечал, что среди причин этого – антитурецкая позиция Запада и неуверенность турок, что они найдут достойное место в новом мировом порядке[27].

Перечисленные факторы находят подтверждение в росте популярности исламистов и националистов, что видно из результатов выборов для Партии Рефах и ПНД. Так, Рефах на парламентских выборах 1987 г. получила 7,2% голосов, в 1991 г. – 16,8, в 1995 г. – 21,3%, выйдя на первое место со 158 местами в меджлисе. Это стало настоящим шоком для системы, ибо поставило под угрозу и ее идеологическую основу, и внутреннюю и внешнюю политику. Лишь в середине 1996 г. западники, скрепя сердце, вынуждены были согласиться на формирование правительства коалиции Рефах с правоцентристской ПВП. Это правительство в условиях мощной информационной войны и обструкции просуществовало лишь год, после чего в начале 1998 г. Рефах была запрещена Конституционным судом. Ради победы над исламистами западники пошли даже на ущемление так защищаемых ими демократических ценностей.

Последующие события показали, однако, что эта победа не была окончательной. Парламентские выборы в апреле 1999 г. принесли западникам новый неприятный сюрприз. По их результатам на первое место вышла с 22,1% голосов Демократическая левая партия; второе место заняла Партия националистического движения – 17.9%. На третьем оказалась политическая наследница Рефах – партия Фазилет, созданная сразу после запрета Рефах и унаследовавшая почти все депутатские места последней в парламенте. Фазилет получила 15,5% голосов, и это можно считать несомненным успехом после разгрома ее предшественницы. Партии центра (правого и левого) потерпели невиданное за последние 20 лет поражение. Достаточно сказать, что объединенная партия социал-демократов – Народно-республиканская – даже не преодолела 10-ный барьер и не прошла в парламент.

Здесь надо дать пояснения по поводу Демократической левой партии (ДЛП) Бюлента Эджевита, основателя турецкой социал-демократии. Создавая ДЛП в середине 80-х годов, Б.Эджевит намерен был противопоставить ее как «подлинно народную партию» крупным социал-демократичес-ким партиям, отражающим взгляды «элитарной интеллигентской верхушки». В программных документах партии указывалось, что национализм – непременное условие независимости, единения всех граждан, прогресса страны с учетом турецкого исторического и культурного достояния. «Народ наш привязан к исламу не меньше, чем к демократии» – такое положение было совершенно неприемлемо для других социал-демократичес-ких партий Турции. ДЛП декларировала, что лаи-цизм должен совмещаться с полной свободой вероисповедания и обрядов, более того, запреты и ограничения в этой сфере должны быть сняты. Указывалось также, что «творческая связь ислама и идеологии придает мусульманскому обществу превосходство и динамизм»[28].

Видимо, опытнейший политик Б.Эджевит, пытаясь совместить социал-демократию с исламским национализмом, почувствовал довлеющие в турецком обществе настроения.

Итак, бывшие в недавнем прошлом политическими маргиналами силы, несущие идеи исламского и этнического национализма, теснят позиции еще вчера могущественного политического центра, и вся борьба впереди.

[1] См.: *Karpat K.* Türk demokrasi tarihi. İstanbul, 1967, с. 28-31.

[2] *Eroğlu H.* Milli eğemenlik ilkesi ve Anayasalarımız. – Atatürk araştırma merkezi dergisi. C. I. 1984, № 1, с. 139-140.

[3] См.: *Atatürk Kemal,* Nutuk (1919-1927). Ankara, 1989, с. 21.

[4] *Kili S.* 1960-1975 döneminde Cumhuriyet halk partisinde gelişmeler. İstanbul, 1976, с. 38.

[5] Там же, с. 23-24.

[6] См.: Osmanlı ve Türk anayasaları. Haz. S.Kili. İstanbul, 1980, с. 31, 50.

[7] *Kili S.* 1960-1975 döneminde Cumhuriyet halk partisinde gelişmeler, с. 66-67.

[8] *Karpat K.* Türk demokrasi tarihi, с. 48.

[9] Там же.

[10] *Tunaya T.Z.* Türkiye'de siyasal partiler. C. III. İttihat ve terakki. İstanbul, 1989, с. 309-310.

[11] *Kaynar R.* Atatürklükte millileşme, lâikleşme, çağdaşlaşma (medeniyetçilik). – Atatürk araştirma merkezi dergesi. [Ankara], 1988, с. IV, № 12, с. 522-525.

[12] Ataürk'ün söylev ve demecleri. C. I –III. [Ankara], 1989, C. III, с. 91.

[13] *Karpat K.* Türk demokrasi tarihi, с. 49.

[14] Atatürk'ün söylev ve demeçleri. C. III, с. 109.

[15] *Kili S.* 1960-1975 döneminde Cumhuriyet halk partisinde gelişmeler, с. 99-101; *Karpat K.* Türk demokrasi tarihi, с. 218-221.

[16] *Karpat K.* Türk demokrasi tarihi, с. 218, 222.

[17] *Tokin F.H.* Türk tarihinde siyasi partiler ve siyasi düşüncenin gelişmesi. İstanbul, 1965, с. 81-87.

[18] Osmanlı ve türk anayasaları, с. 55.

[19] Parti programları. Haz. F.Bozbeyli, İstanbul, 1970, с. 399.

[20] Там же, с. 181.

[21] Adalet partisi. Program ve Tüzük. Ankara, 1969, с. 3.

[22] Milli Güvenlik konseyince kabul edilen kanunlar, yayınlanan bildiri ve Kararlar lie onemli mevzuat. Ankara, 1982, с. 2-5.

[23] T.C. 1982 Anayasası. İstanbul, 1995, с. 21-22.

[24] Miilliyetçi demokrasi partisi. Program. Ankara, 1983, с.3-6.

[25] См.: *Narii N.* The Rise of the Islamist Movement in Turkey. Middle East Review of International Affairs, Vol. 3, № 3 (September 1999).

[26] Derk Kinnane-Roelofsma, Islam, the Kurds, and Turkey's Problems at Home and with the Neighbors. // Eurasia Newa, Sunday, November 29, 1998.

[27] *Guvenc B.* Secular Trends and Turkish Identity. // Journal of International Affairs. Vol. 2, № 4.

[28] Demokratik sol parti seçim bildirgesi. Ekim 1987. Demokratik sol Parti. Ak güvercin. Program özeti. – Internet http:members.xoom.com/XDOM/dspecevit/durustluk.htm

А.Ю.Журавлев

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ИСЛАМА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Экономическая модель, которую сегодня принято называть исламской, схематично может быть сведена к нескольким равноценным в концептуальном отношении положениям. Они в той или иной форме содержатся в Коране и других сакральных текстах ислама или непосредственно вытекают из них.

Человек – не собственник некоего имеющего рыночную стоимость и общественную ценность ресурса (денежных средств, товаров, недвижимости, новаторской идеи, управленческого опыта и т. д.), а на время своей жизни – поверенный Аллаха по распоряжению этим ресурсом. Этот ресурс не должен оставаться втуне, например, обращаться в сокровище, равно как направляться в спекулятивные операции (от деривативов до игры в казино). Мотив – ресурс, доверенный человеку, должен рачительно использоваться на благо всего общества, в том числе обеспечивая материальное вознаграждение распорядителю, для создания реальной добавленной стоимости, приращения массы товаров и услуг, а не денежной массы.

Применение ресурсов или обмен ими не считается актом эксплуатации, если при этом не нарушаются справедливые и экономически оправданные стоимостные пропорции; если речь не идет о вознаграждении наемного работника, то также не должно заблаговременно устанавливаться обязательное к безусловной выплате, априори фиксированное вознаграждение за ресурс. В силу этого, во-первых, не допускается обмен разновеликими суммами денег, как это имеет место при кредитной операции. Во-вторых, использование ресурсов (если требуется их объединение в предпринимательских целях) происходит через долевое участие их обладателей в прибылях и убытках делового предприятия. Это в полной мере распространяется и на финансовый бизнес: вознаграждение банков напрямую и полностью зависит от конечного результата, т.е. прибыльности или убыточности профинансированного ими проекта.

Главное внешнее отличие исламских финансов от господствующей в мире модели может быть сведено к отказу от ссудного процента. Исламская доктрина рассматривает лихву, ростовщичество, обозначаемые термином «рúба», как одно из самых серьезных преступлений перед Аллахом. При этом мусульманские богословы и экономисты практически без-

условно сходятся во мнении, что риба включает в себя и современное понятие процента.

Это позволяет исламским экономистам вместо такого инструмента, как «цена денег», подверженного огромному числу субъективных, в том числе сугубо спекулятивных, частных воздействий, ввести значительно более адекватную категорию «эффективности капитала». Имеется в виду, что ресурсы, ориентируясь на норму доходности непосредственно, перетекают в те сектора экономики, потенциал которых наиболее положительно оценивается рынком. По замечанию исполнительного директора МВФ пакистанца Аббаса Мирахора, в рамках исламской модели «активы создаются в ответ на инвестиционные возможности в реальном секторе, поэтому именно реальный сектор экономики будет определять уровень доходности в финансовом секторе, а не наоборот».

Мобилизация средств через прямое участие в капитале на основе принципа *profit and loss sharing* (PLS – участие в прибылях и убытках) – альфа и омега исламской системы. Этот механизм, однако, оказывается весьма схож с получающим все более широкое признание в странах с развитым фондовым рынком так называемым *equity finance*, т.е. аккумуляцией ресурсов на развитие бизнеса не через заимствование, а выпуск акций. Как считают эксперты, за *equity finance* – большое будущее. По сути дела, сформулированная еще в средние века теория оказалась созвучной самым современным тенденциям.

Реально работающим элементом исламской экономической модели на сегодняшний день являются банки. В 2000 г. исламское банковское дело отмечает 25 лет существования в своем современном виде, получив распространение в 35 странах мира, не исключая и Россию. В большинстве из них исламские учреждения сосуществуют с преобладающим по численности и размеру обычным (*conventional*) банковским сектором и не могут играть определяющей экономической роли. Полный перевод экономики на шариатские принципы (а только в такой среде исламский банк в состоянии реализовать весь свой потенциал) был провозглашен тремя государствами – Ираном, Пакистаном и Суданом.

Первым на это путь встал Пакистан, в 1979 г. приступивший к постепенной исламизации экономической жизни. В Судане исламские нормы, в том числе и в хозяйственной сфере, начали безальтернативно применяться с 1983 г. В том же году Иран, предоставив банкам срок до 1986 г. на «перепрофилирование», произвел полномасштабный перевод экономики на исламские основы.

Не углубляясь здесь в рассмотрение вопроса о том, насколько сообразуются с теоретическими представлениями конкретные формы отправления экономической активности в этих странах, констатируем, что, не имея прецедентов, им во многом приходилось экспериментировать, действуя методом проб и ошибок. На самом деле, реалии зачастую вынуждали и вынуждают власти к компромиссам и половинчатым мерам. Так, на заре иранской перестройки было решено, что в рамках государственного

сектора, включая Центральный банк и национализированные (т.е. все коммерческие банки), финансовые операции совершаются по фиксированной ставке доходности. Законом было установлено, что в этом нет проявления риба, хотя имеется немало оснований усмотреть в данном механизме замаскированный процент.

Наиболее взвешенный подход был продемонстрирован в Пакистане. Хотя банкам было предписано перейти к исламским формам бизнеса еще в 1985 г., местные и федеральные органы власти продолжают использовать процентные инструменты. До недавних пор по сути дела узаконенное параллельное существование исламской и обычной систем создавало условия для существенных компромиссов в пользу последней и профанировало идею первой. Принятое Апелляционной палатой по шариатским делам Верховного суда Пакистана в последних числах декабря 1999 г. решение о признании процента противоречащим исламу и определении правительству срока до 30 июня 2001 г. для полной и окончательной «исламизации» финансовой системы страны призвано положить конец такому двусмысленному положению. Отметим, что исполнительная власть отреагировала на вердикт с заметным резервом.

Приведение экономического механизма в соответствие с исламскими нормами породило массу теоретических вопросов и не меньшее число проблем макроэкономического свойства (тенденции сбережений и инвестиций, денежная политика, финансирование госрасходов и др.). Только в последние несколько лет, не без содействия со стороны МВФ и Всемирного банка, были разработаны и стали применяться прототипы инструментов, призванных сыграть роль, обычно исполняемую казначейскими векселями и им подобными. Это облигация национального участия (*National Participation Paper*), применяемая в Иране, где она выпускается для финансирования реальных активов правительства. В Судане была опробована другая ценная бумага – сертификат Центрального банка об участии в капитале (*Central Bank Musharaka Certificate*), эмитируемый против финансового пула, представляющего доли Центрального банка и правительства в капитале банков, как рыночное средство регулирования банковских резервов и денежной массы. В Судане же в стадии изучения находится вопрос о применении сертификата финансирования правительства (*Government Mudharaba Certificate*), который должен позволить привлекать средства с открытого рынка для финансирования деятельности исполнительной власти в обмен на обязательство выплаты определенной доли будущих доходов государства.

Сегодня в мире насчитывается около 200 финансовых учреждений исламского типа. Общая сумма их капитала в 1997 г. – 7,3 млрд. долл., величина совокупных активов – 148 млрд. долл. (против 5,8 млрд. в 1975 г.). Исламские банки показали не самые лучшие результаты в кризисный год: рентабельность активов составила примерно 1%, рентабельность капитала – 17%. В целом, однако, «Стандард энд Пурз» относит исламские банки к разряду высокоприбыльных (см. таблицу).

Таблица

Финансовая деятельность исламских банков*

	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.
Число банков	100	133	144	166	176
Капитал, млн. долл.	2390	4954	6308	7271	7333
Активы, млн. долл.	53815	154567	166053	137132	147685
Средства клиентов, млн. долл.	41587	70044	77516	101163	112590
Чистая прибыль, млн. долл.		809	1245	1684	1238
Рентабельность капитала, %		16.3	19.7	23.2	16.9
Рентабельность активов, %		0.5	0.8	1.2	0.8

*) Общая численность исламских банков, учтенных Ассоциацией, – 194; в таблице и в тексте финансовая статистика охватывает 176 учреждений, представивших свои годовые отчеты.

Источник: Directory of Islamic Banks and Financial Institutions – 1997; International Assosiation of Islamic Banks, Jeddah, Saudi Arabia.

Как и в экономике «западного» типа, они выполняют роль финансовых посредников, аккумулируя средства, временно выводимые владельцами из оборота, и размещая их в различные активы, отвечающие критериям, установленным шариатом. В целом накопленная статистика свидетельствует, что исламские банки положительно воздействуют на динамику сбережений. Министр финансов ОАЭ Хамдан бен Рашид аль-Мактум, в частности, считает, что в начале XXI в. около половины всех сбережений мусульман будет находиться в исламских финансовых институтах. Эту точку зрения разделяет и такой авторитетный практик, как основатель кувейтской группы «Зе Интернэшнл Инвестор» Аднан аль-Бахар. Впрочем, учитывая, что с 1994 по 1997 г. среднегодовой прирост исламских депозитов шел с темпом свыше 20%, обозначенный ориентир может быть существенно превышен.

Текущие счета в исламском банке аналогичны таким же счетам в банках обычных. Они используются для расчетных операций клиента, обязательны к возврату по первому требованию владельца и не приносят процентов. Счет сберегательный, в зависимости от политики банка, может принципиально ничем не отличаться от текущего счета, разнясь с ним лишь по размерам первоначального взноса, условиям снятия средств, способам управления счетом и т. п. Правда, в качестве жеста доброй воли и поощрения за сохранение и приумножение сбережений банк может время от времени по своему усмотрению преподносить вкладчику подарки или денежные вознаграждения. Ни выплаты, ни подарки не относятся к числу контрактных обязательств, но конкуренция заставляет банки не разочаровывать клиента.

Исламский банк опирается в своей деятельности на определенный набор сформулированных шариатом финансовых инструментов. За арабскими названиями, однако, скрываются вещи, знакомые всякому маломальски сталкивавшемуся с банками человеку. Вот некоторые из них.

Муда́раба – это доверительное финансирование (банк при этом попеременно выступает то трастовым управляющим, когда работает со средствами вкладчиков, то клиентом, когда финансирует проект, часть дохода от которого должна составить прибыль банка, а через него – его вкладчиков). *Муша́рака* – суть товарищество, совместная реализация проекта или сделки силами банка и предпринимателя (прибыль банка возникает как доля от получаемой общей прибыли или как дивиденд). Операция *иджа́ра* хорошо известна также как лизинг. *Са́лям* есть авансовое финансирование, преимущественно в аграрном секторе, схожее с договором контрактации. *Мура́баха* – финансирование операции, чаще всего торговой, по принципу «издержки банка плюс наценка», в основном с рассрочкой возмещения клиентом; предполагает приобретение банком от своего имени и за свой счет (точнее, за счет своих пассивов) товара по спецификации клиента с принятием на себя всех рисков торговой операции и последующую перепродажу товара клиенту по закрепленной в договоре цене, включающей доход банка. *Истисна́* предполагает приобретение банком имущества для клиента на условиях постепенной оплаты по мере готовности объекта финансирования и относится к долгосрочным сделкам наподобие строительства или закупки изготавливаемого на заказ крупного оборудования.

В инвестиционном счете, который основывается на мударабе, в полной мере воплощается принцип участия в прибылях и убытках. Поэтому такой счет невозможно сравнить со срочным депозитом. Его ближайший аналог – счет доверительного управления или фидуциарный счет. Банк и его вкладчики в договорном порядке устанавливают, что вознаграждение выплачивается обеим сторонам только в случае успешного завершения финансируемых со счета активных операций банка. Стороны также признают возможность убытков по объективным, рыночным обстоятельствам. Естественно, за вкладчиками сохраняется право судебного расследования причин понесенных потерь. Если доказано, что они возникли по вине банка в силу плохого менеджмента, профессиональных ошибок или прямого злоупотребления и халатности, банк несет полную материальную ответственность перед пострадавшей стороной.

Помимо принципа PLS, у исламского бэнкинга имеется и другая яркая особенность. В отличие от обычного банка, который занимается заимствованием и ссудой денег, т.е., в каком-то смысле, их покупкой и продажей, исламский банк занимается покупкой и продажей товаров или непосредственно участвует в производстве товаров и услуг. Это создает ряд проблем.

Самая очевидная в данном контексте – проблема соответствия действующему законодательству и требованиям регулирующих органов. Здесь исламские банкиры идут двумя параллельными путями. Во-первых, бизнес регистрируется в форме небанковского финансового учреждения или холдинга, не последнюю роль играет и «перемоделирование» существующих видов услуг в согласии с принципами исламских финансов. Од-

нако чаще всего в деятельность банка вводятся самоограничения по типам активных операций. Во-вторых, ведется постоянный диалог с Центральным банком и прочими заинтересованными ведомствами, которые, как показывает практика, в большинстве стран открыты для аргументов.

Специфика исламских финансов, обуславливающая более высокие издержки, также порождает вопрос об экономической рациональности этого бизнеса и, соответственно, расходах его клиентов. Если известный специалист по странам Персидского залива Жан-Франсуа Сезнек из Колумбийского университета в США считает, что ценовых преимуществ у исламских банков не существует, то председатель правления одного из крупнейших исламских банков саудовского «Аль-Барака Инвестмент энд Девелопмент Ко» Салех Маляика более оптимистичен. «Цены на услуги исламских банков конкурентоспособны по сравнению с сопоставимыми услугами западных банков, – заявил он в интервью журналу “Менеджмент ревю”, – однако они [исламские банки] менее гибки. Ведь значительно проще иметь дело просто с деньгами, чем с реальным товаром».

Режим, в котором функционируют исламские банки, предъявляет особые требования к управлению рисками. Если, например, с процентным риском они сталкиваются сугубо косвенно, то собственно рыночный риск, то есть риск неблагоприятных колебаний в ценах активов, в исламском секторе более разнообразен, сложнее поддается измерению и контролю и потому потенциально более высок. То же относится и к кредитному риску. В отличие от своего коллеги в обычном кредитном учреждении менеджер исламского банка, рассматривая заявку на финансирование, должен оценить экономические перспективы самого проекта, репутацию и предпринимательские способности клиента, но не его имущественный статус или залоговое обеспечение, которые не являются фактором *due diligence* в рамках PLS. Таким образом, степень неопределенности и риска оказывается выше.

Наконец, отказ от «торговли» деньгами и неприемлемость процентных инструментов ведут к серьезному сужению возможностей управления ликвидностью исламского банка и росту альтернативных издержек (невозможность пользоваться дисконтными и ломбардными услугами Центрального банка; поддержание избыточных резервов наличности вместо приобретения казначейских векселей; неразвитость исламского денежного рынка и межбанковского кредита; повышенная концентрация риска ввиду использования для управления ликвидностью ограниченного круга товаров, котируемых на мировых биржах).

Техническими трудностями исламских банков не исчерпываются проблемы исламской экономической модели на сегодняшнем этапе ее развития.

С одной стороны, под влиянием западной банковской традиции среди вкладчиков исламских банков, даже открывших счета прежде всего по религиозно-этическим соображениям, оказывается достаточно велика доля тех, кто подспудно ожидает приращения внесенной суммы, не говоря

уже о ее безусловной сохранности. Банки вынуждены учитывать это и соблюдать как бы негласный договор с клиентом о гарантировании основной суммы вклада.

Поскольку исламский бэнкинг и более широко – исламская экономическая модель представляют собой разновидность так называемой этической экономики, высокий моральный уровень сторон контракта в идеале рассматривается как данность. На деле и банкир, и его клиент не могут иметь гарантированного иммунитета от социально-нравственных «болезней». В этом контексте исламское банковское дело в целом понесло серьезный ущерб в глазах общественного мнения вследствие громкого скандала, возникшего в 1998 г. в «Дубай Исламик Бэнк», который в результате растраты порядка 50 млн. долл. несколькими старшими менеджерами банка был поставлен в опасное финансовое и щекотливое моральное положение. Для спасения банка и компенсации урона, нанесенного его репутации, потребовалось прибегнуть к материальной помощи правительства эмирата и Центрального банка ОАЭ.

С другой стороны, опросы, проводившиеся среди деловых людей Пакистана и Саудовской Аравии, показали негативное отношение предпринимателей к тем услугам, которые предполагают участие банка в прибыли финансируемого проекта или требуют от них раскрытия своей реальной бухгалтерии. Очевидно, что такого рода настроения не способствуют применению фундаментального принципа *profit & loss sharing*, помимо того, что без информации о реальном состоянии денежного потока проекта банк может быть оставлен без изрядной доли причитающейся ему прибыли.

Данные опроса подтверждаются практикой: наибольшая часть активных операций исламских банков реализуется как *мурабаха*, которая, кроме того, внешне имеет некоторое сходство с процентной ссудой. В условиях, когда банковские инновации и отсутствие общепринятых стандартов толкования шариатских положений могут оттенять «квази-процентный» характер схемы «издержки плюс наценка», у разного рода критиков возникает немало поводов ставить под вопрос уникальность и оригинальность исламского банковского дела.

Однако выраженный в *мурабахе* финансовый механизм признается законным с точки зрения шариата. Что же касается конкретных форм применения этого и других канонических инструментов, то, как считает известный либеральный исламский экономист Заки Бадави, нельзя превращать развитие исламского банковского дела в заложника ни возможных злоупотреблений, ни догматического толкования норм шариата и фикха.

Повод для озабоченности в связи с преобладанием схемы «издержки плюс наценка» состоит в другом. Предпочтение, отдаваемое ей банками и их клиентами, свидетельствует о том, что экономическая практика ислама существенно медленнее, чем виделось ее пионерам, создает стимулы для долгосрочной инвестиционной деятельности и сосредоточивается на «коротких» сделках, главным образом, торгового свойства. Система, отвечающая требованиям шариата, но преимущественно игнорирующая метод участия в при-

былях и убытках, как предостерегал в 1994 г. Аббас Мирахор, «может нанести существенный ущерб процессу роста и развития экономики».

В то же время к исходу 1997 г. он мог бы не без удовлетворения констатировать, что при без малого двукратном увеличении числа банков удельный вес активов в форме мурабахи снизился с 42 до 37%, в то время как доля мушараки возросла почти в два с половиной раза – с 8 до 19%.

Как показал опыт кризиса 1997–1998 гг., исламские банки (в подтверждение заявлений своих сторонников) лучше приспособлены к противостоянию мировой финансовой турбулентности. Не будучи вовлечены в спекулятивные операции, они испытали на себе только косвенные последствия произошедшего потрясения. Однако, что более существенно, полноценная банковская система, построенная на исламских принципах, по самой своей сути представляет собой естественную преграду развитию ситуации, подобной вспышке «азиатской заразы» (*Asian contagion*).

То, что мировые лидеры банковского дела, вооруженные богатым опытом финансового инжиниринга, все активней включаются в конкурентную борьбу за клиентуру исламских банков, лишний раз свидетельствует о перспективности этого бизнеса. Ведущие западные банки открывают у себя исламские подразделения (АБН-Амро, Сосьете Женераль, Чейз Манхэттен, Голдмэн Сакс, Ай-Эн-Джи, Номура Секьюритиз, Джей. Пи. Морган и ряд других). Наиболее далеко пошел Ситибэнк, в июле 1997 г. учредив на Бахрейне дочерний «Сити Исламик Инвестмент Бэнк» с начальным капиталом в 20 млн. долл. Событие всколыхнуло финансовый мир, поскольку носило символический характер. «Исламские финансы получили знак качества», – отреагировал на это Ж.-Ф.Сезнек.

Со своей стороны, к услугам исламских банков прибегает уже не только их, так сказать, естественная клиентура, но и такие искушенные игроки, как Ай-Би-Эм, «Дженерал Моторс», Алкатель, Дэу. Внимание и на Западе, и на Востоке в последнее время обращают также на то, что исламские и традиционные банки начинают вырабатывать формы сотрудничества. Пока самый яркий пример такого взаимодействия – синдицированный кредит на реализацию нефтехимического проекта «Экуэйт» в Кувейте, участниками которого наряду с Чейз Манхэттен, Джей. Пи. Морган и Ситибэнк стали исламские «Кувейт Файнэнс Хаус» и «Зе Интернэшнл Инвестор». Из 1,2 млрд. долл. на их долю пришлись два беспрецедентно долгосрочных – 8 и 10 лет – транша в форме *иджара* в объеме 200 млн. долл.

К феномену исламского бэнкинга при желании можно относиться скептически, так же как, например, к имеющемуся мнению, что в нем заложен потенциал прорыва финансового бизнеса на последний из возможных рубежей инновации. Однако не случайно английский журнал «Экономист» писал: «Некоторые на Западе начинают находить идею [солидарного несения деловых рисков] привлекательной. Она дает тому, кто выделяет деньги, сильный стимул задуматься, благоразумно ли он поступает. Как жаль, что западные банки не имели такого стимула, когда принимали многие из своих кредитных решений в 70-х и 80-х годах».

В.А.Исаев

РОССИЙСКИЙ И АРАБСКИЙ ГАЗ: ПАРТНЕРЫ ИЛИ СОПЕРНИКИ?

Газовая промышленность России благодаря ее выгодному географическому положению (между Европой и Азией), а также крупнейшим в мире ресурсам природного газа и достаточно развитой системе газопроводов, связывающей Россию с бывшими советскими республиками и европейскими государствами, способна оказать серьезное воздействие на формирование международных энергетических структур в первой половине XXI в.

Нарастающее значение природного газа в мировом энергобалансе – достаточно четко определившаяся в настоящее время тенденция, действие которой усиливается рядом энергетических, экологических и экономических факторов. Так, доля природного газа в мировом балансе первичных энергоресурсов возросла с 17,7% в 1975 г. до 23,1% в 1995 г.[1] При этом следует подчеркнуть, что природный газ сумел повысить свой удельный вес в условиях жесткой конкуренции с альтернативными видами топлива, прежде всего нефтью. По имеющимся на сегодняшний день прогнозам, к середине XXI столетия доля природного газа в мировом энергобалансе может достичь 30%.

Экономический кризис в России, последовавший после распада СССР, негативно отразился на топливно-энергетическом комплексе страны. Так, в 1995 г. добыча нефти упала по сравнению с 1990 г. на 41%, угля – на 34, а газа – только на 7%[2]. Это стало возможным благодаря сохранению целостности системы газоснабжения России.

Согласно планам, природный газ должен обеспечить в России весь прирост производства энергоресурсов в 1996-2010 гг. с учетом компенсации падения добычи нефти и угля. Даже при условии подъема нефтяной и угольной промышленности доля газа в приросте производства первичного топлива может составить 90%. Доля газа в общем производстве энергоресурсов России вырастет с 49% в 1996 г. до 57% в 2010 г.[3]

Понятно, что основа развития газовой промышленности России – обширная сырьевая база: общие начальные потенциальные ресурсы газа в России оцениваются в 235,6 трлн. куб. м. Разведанные запасы газа на конец 90-х годов составили 48,9 трлн. куб. м., из которых 45,1 трлн. куб. м. – на суше, в том числе в Европейской части – 10%, в Западной Сибири – 78, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке – 4%. Разведанные запасы газа только полуострова Ямал в настоящее время составляют 10,2 трлн. куб. м. Из находящихся на Ямале 27 месторождений газа четыре уже готовы к промышленной эксплуатации[4].

Практически весь газ России находится в руках компании Газпром, являющейся крупнейшим в мире экспортером газа, стоимость вывоза которого (без учета поставок на внутренний рынок) составляет ежегодно в среднем около 10 млрд. долл. Например, в 1999 г. стоимость экспортированного Газпромом газа составила 10,85 млрд. долл.[5]

Политика Газпрома в Европе.

В настоящее время российский газ поступает в 17 европейских стран, и Газпром контролирует около 30% газовых поставок в европейские государства.

Поставки советского газа за рубеж начались в 1966 г.: первым покупателем стала Польша. Затем к ней присоединились Чехословакия (1967 г.) и Австрия (1968 г.). Однако прорыв в Западную Европу стал возможен только после нефтяного кризиса начала 70-х годов. Клиентами советских газовиков стали сразу три крупные страны Запада – Италия, Германия и Франция. Итальянская экономика наиболее сильно пострадала в Европе от повышения цен на нефть, Германия и Франция хотели не только уменьшить энергетическую зависимость от США, но и продемонстрировать свой собственный политический курс.

В Кремле такие устремления могли только приветствовать. Помимо стабильного потока валютной выручки для насыщения внутреннего рынка импортными товарами, поставки газа давали дополнительный аргумент в политическом диалоге с Западной Европой. В конце 70-х СССР подписал с ФРГ очередной «газовый контракт», в рамках которого советские газовики получали трубы большого диаметра фирмы «Thyssen» (так называемая сделка «газ–трубы»). Условия сделки были заведомо невыгодны для Советского Союза, но для советского руководства, проводившего в те годы политику «разрядки международной напряженности», политические выгоды были важнее экономических дивидендов.

На современном этапе в России господствуют иные настроения. Однако Газпрому все еще приходится расплачиваться за щедрость советских политиков, так как долгосрочные контракты на газовом рынке заключаются на 15–25 лет, а добиться пересмотра цен достаточно сложно. Торговля в основном осуществляется по прежней советской технологии: доставка газа до границы одной из стран Центральной Европы и продажа посреднику.

Между тем постепенно нивелируется разница между внутренними и мировыми ценами. Разработка новых северных месторождений в крайне суровых климатических условиях ставит экспортные поставки на удаленные рынки на грань убыточности. Сегодняшняя цена на польско-германской границе (86 долл. за 1000 куб. м.) уже на доллар ниже издержек по добыче на Ямале природного газа. Себестоимость газа на новых месторождениях, которые планируется освоить в рамках проекта Ямал–Европа, может составить 120–150 долл. за 1000 куб. м.[6]

Следует заметить, что в Газпроме эти тенденции были замечены уже довольно давно. С целью не допустить негативного для России развития

событий, Газпром еще в начале 90-х годов создал группу специалистов, которая разработала стратегию компании до конца XX в. Особых секретов эта стратегия российского газового гиганта не содержала, так как эксперты исходили из весьма простых статистических выкладок: цена, по которой Газпром продает газ импортеру примерно в 3 раза ниже цены, по которой получает газ конечный потребитель. Отсюда была поставлена задача внедрения в газораспределительные сети европейских стран.

До последнего времени продажами газа в Европе занимались крупные монополии – Ruhrgas в Германии, Gaz de France во Франции, British Gas в Великобритании, ENI в Италии, контролировавшие по 80–100% внутреннего рынка. Однако маржа, получаемая посредниками, вызывала нарекания не только у производителей природного газа. Высокие цены на газ существенно понижали конкурентоспособность компаний континентальной Европы по отношению к британским и американским компаниям (Великобритания и США имеют собственные источники газа). Европейский бизнес решил изменить ситуацию и добился своего: несколько лет назад Еврокомиссия высказала намерение либерализовать газовый рынок. «British Gas» уже утратила монополию, на очереди другие страны. Предполагается, что в итоге цены на газ снизятся – в Великобритании либерализация рынка привела к снижению цен на 10%. Однако производители газа, в частности Газпром, получат возможность зарабатывать гораздо больше за счет прямого доступа на европейский газовый рынок, где среднегодовой оборот превышает 100 млрд. долл. Тем более что, по прогнозам, потребность стран Европы (включая Турцию) в этом сырье возрастет в ближайшие 10 лет на 50% – почти до 1 трлн. куб. м в год[7]. Поэтому Газпром поставил для себя задачу не просто поставлять газ, а внедриться во всю технологическую цепочку доведения газа до конечного потребителя. Для этого компания и приступила к созданию совместных предприятий в основных странах-импортерах.

На конец 1997 г. Газпром имел совместные предприятия и торговые дома со своим участием (35–50%) в 12 странах, закупающих российский газ. По оценкам ING Barings, объем продаваемого ими газа вырастет с 21,1 млрд. куб. м в 1995 г. до 90,4 млрд. в 2005–2010 гг. Основой для этого станет собственная газораспределительная сеть Газпрома в Европе, раскинувшаяся от белорусско-польской границы до Ла-Манша[8].

Главным центром инвестиционной деятельности Газпрома стала Германия. Созданное в начале 90-х годов с компанией Wintershall (стопроцентно дочерняя компания концерна BASF) совместное предприятие Wingas (российское участие составляет 35%) уже вложило в развитие собственной газовой сети 4 млрд. марок. Германия охвачена развилкой трубопроводов «Стегал» и «Мидал»; построено самое крупное в Европе подземное газохранилище «Реден»[9].

Ценность германского рынка не только в том, что он самый емкий в Европе. Газпром, сумев потеснить Ruhrgas, через совместные предприятия контролирует на нем 12% продаж. Германия стратегически очень вы-

годно расположена. Через ее территорию проходят все основные газотранспортные потоки: из Норвегии, России, Нидерландов, в 1998 г. начались поставки из Великобритании. Поэтому Газпрому очень важно присутствовать на этом рынке, иметь там свою транспортную систему. Другими словами, через Германию Газпром сможет самостоятельно, без посредников поставлять газ в любую точку Западной Европы – в Нидерланды, Бельгию, Францию, Австрию и даже в Великобританию через строящийся на побережье Ла-Манша газовый узел «Интерконнектор», в котором Газпрому принадлежат 10%.

Однако *основная* стратегическая цель Газпрома в Европе – создать замкнутую систему газораспределения, чтобы максимально использовать возможности «трубы» и довести до предела надежность поставок. Известно, что если компания обладает возможностью входа в газораспределительную систему с двух сторон, то теоретически она может увеличить мощность трубы в 2 раза (если закачивать газ с одного конца, то по мере распределения его по боковым отводам от трубы его давление падает). Существующие системы могут быть использованы гораздо более эффективно, и без дополнительных инвестиций можно заметно расширить рынки сбыта.

Осуществление этой стратегии реально только при наличии партнеров на европейском газовом рынке. Газпром уже заключил соглашение с голландской фирмой Gasunie о взаимной поддержке в том случае, если у него возникнут проблемы с поставками. Такое партнерство предусматривает и совместное использование подземных газохранилищ, чтобы сглаживать пиковые периоды. Подобное сотрудничество стоит денег, но создает на рынке серьезные преимущества. Для создания таких преимуществ Wingas закупит до 30 млрд. куб. м газа в Великобритании, который будет с противоположной стороны закачиваться в трубопровод «Ведал». Это позволит снабжать относительно дешевым газом землю Северный Рейн – Вестфалия, на которую приходится четверть всего потребляемого в ФРГ газа.

Разветвленная газотранспортная система, собственные газохранилища и возможность оперативно перемещать потоки газа дают Газпрому солидное преимущество на газовом рынке краткосрочных контрактов, быстрое развитие которого, как полагают, будет одним из следствий устранения монополий.

Кроме того, Газпром на нынешнем этапе готовится к тому моменту, когда истечет время долгосрочных контрактов, чтобы попытаться получить долю в компаниях-посредниках. Во всяком случае Газпром уже сейчас начинает скупку крупных предприятий-потребителей природного газа. В настоящий момент рассматривается вопрос приобретения 50% акций завода азотных удобрений «Ахема» в Литве (ежегодное потребление газа 800 млн. куб. м), пакетов акций ряда предприятий в Белоруссии и на Украине. Возможно участие Газпрома в строительстве крупных европейских электростанций, работающих на газе. Таким образом, российская газовая компания рассчитывает обеспечить устойчивый сбыт своего сырья.

Планы Газпрома базируются на прочной основе. В Европе действительно есть серьезное желание покупать российский газ. За 1997 г. общий объем долгосрочных контрактов Газпрома вырос с 1,4 до 2,2 трлн. куб. м.[10]

До недавнего времени «узким» местом в политике Газпрома была «привязка» к основному каналу экспортных поставок через Украину. Соединение новой системы Ямал–Европа, проходящей через Белоруссию и Польшу, с уже имеющейся системой газопроводов в Германии, а также подключение к газотранспортной системе через Украину, Словакию и Чехию создают новые возможности и для производителя, и для потребителей российского газа.

Политика Газпрома в других регионах

При всей важности для Газпрома европейского рынка он весьма активно начал выходить на рынки некоторых азиатских стран. Особенно сильны позиции Газпрома в Турции, более 70% потребностей которой в природном газе удовлетворяется за счет поставок из России. По оценкам, к 2010 г. в Турцию предполагается ежегодно поставлять до 30 млрд. куб. м российского газа[11].

Для осуществления этих целей Газпром в начале 1997 г. подписал соглашение с турецкой компанией «Боташ» о поставках российского природного газа в Турцию сроком на 25 лет. При этом речь идет о строительстве нового газопровода протяженностью 1160 км и пропускной способностью 16 млрд. куб. м в год, а также об увеличении мощности ныне действующего газопровода с 8 до 14 млрд. куб. м. Стоимость строительства оценивается в 13,5 млрд. долл.[12]

В связи с этим российско-турецким проектом свою заинтересованность в присоединении к нему высказал Израиль, который предложил продлить газопровод еще на 400 км, чтобы соединить его с собственной газораспределительной системой. Выбор поставщиков энергоносителей для Израиля – вопрос стратегический. Теоретически проще и дешевле проложить газопровод из Саудовской Аравии или Катара, но Израиль, по вполне понятным причинам, предпочел бы получать газ из России. В июле 1997 г. группа экспертов Газпрома провела в Израиле переговоры на эту тему.

В своей стратегии развития экспортных поставок Газпром в ряде случаев вынужден принимать во внимание геополитические интересы российского правительства. В частности, учитывая экономические интересы Турции, постепенно становящейся одним из главных торгово-экономических партнеров России, а также Армении, которая неизменно поддерживает российскую политику в СНГ, Газпром согласился с проектом прокладки газопровода в Турцию через территорию Армении. Новый газопровод будет обладать пропускной способностью до 9 млрд. куб. м в год. Для осуществления этого проекта создана российско-армянская компания, которая должна проводить строительство этого газопровода и контролировать все вопросы поставок газа через территорию Армении[13]. По-

нятно, что если эти планы будут реализованы, то транзит российского газа в Турцию по территории Армении фактически положит конец блокаде, которой подвергается Армения со стороны Азербайджана и Турции из-за расхождений позиций этих стран по вопросу Нагорного Карабаха.

Имеются и более отдаленные планы развития экспортных поставок газа из России в другие страны. Дело в том, что совсем недавно в Иркутской области обнаружено несколько крупных месторождений природного газа. Заинтересованность в разработке этих месторождений уже высказали Китай, Корейская Республика (Южная Корея) и Япония. Учитывая удобное географическое положение этих месторождений по отношению к названным странам, отсутствие между ними и Россией серьезных политических разногласий, заинтересованность России в развитии экономических отношений с ними, их готовность профинансировать работы по обустройству месторождений и прокладке новых газопроводов, эти дальневосточные страны в середине XXI столетия могут стать вторым после Европы рынком сбыта российского газа.

Имеются также планы по реконструкции и строительству новых газопроводов на территории стран Балтии, Румынии и Болгарии с целью снабжения российским газом Южной Европы. Россия также намерена принять участие в строительстве Южноевропейского транзитного газопровода.

Таким образом, Газпром во второй половине 90-х годов имел долгосрочные контракты по продаже газа на впечатляющую цифру – 2200 млрд. куб. м[14]. Однако – это менее 5% разведанных запасов газа России.

Следует при этом заметить, что подавляющая часть этих контрактов была подписана на условиях «take or pay». А это означает, что какому-нибудь новому участнику будет крайне сложно в течение ближайших 10–15 лет проникнуть на газовый рынок. Поэтому можно видимо, ожидать, что Газпром будет шире использовать заключение краткосрочных контрактов на поставки газа. Это предположение связано с потенциальными возможностями внутреннего российского рынка, который в перспективе сможет потреблять значительную часть российского газа, а, следовательно, Газпром не должен себе позволить полностью «закрыть» для себя рынок на основе долгосрочных обязательств по поставкам газа в другие страны и регионы, ущемляя тем самым интересы российских потребителей.

Арабский газ выходит на мировой рынок

Арабские страны в недалеком прошлом уделяли более чем скромное внимание разработке собственных ресурсов природного газа. Определялось это не только обилием и дешевизной нефти, но и относительно скромными разведанными запасами природного газа, небольшим внутренним спросом на него, неразвитостью сети газопроводов, мощностей по его сжижению. Кроме того, интенсивная разработка новых энергоресурсов могла подорвать ценовую базу на главный источник экспортных доходов – нефть в условиях крайней неустойчивости конъюнктуры мирового рынка. Так, в Саудовской Аравии разведанные запасы нефти и газа равнялись в

1996 г. соответственно 37 млрд. и 6 млрд. т условного топлива. Причем львиную долю попутного газа, как правило, просто сжигали. В 1983 г. было использовано на промышленные и бытовые нужды только 4 млрд. куб. м. попутного газа, а свыше 26 млрд. – сожжено. В 1991 г., спустя всего восемь лет, картина уже совсем иная: 32 млрд. куб. м подверглось утилизации и лишь 4,4 млрд. – сожжено[15].

Если обратиться к распределению запасов газа среди государств Ближнего Востока, то бросается в глаза, что, как правило, те из них, которые выступают в качестве экспортеров нефти, располагают крупными или относительно большими ресурсами природного газа. Поэтому они в состоянии последовать примеру Саудовской Аравии, а некоторые достаточно успешно это делают в течение относительно продолжительного периода.

В этом отношении показательны примеры Алжира, где уникальные, мирового значения запасы природного газа, сопоставимые разве что с российскими (оценка 1998 г.), по мнению специалистов, в несколько раз превышают разведанные запасы нефти, и Ирана (по новейшим данным – 23 трлн. куб. м газа). Здесь достаточно быстро оценили, какие доходы сулит использование богатейших ресурсов газа, и стали последовательно искать пути его продуктивной утилизации, наращивая соответствующие мощности.

Поначалу основным направлением стала закачка попутного газа в нефтяные пласты с целью повышения коэффициента добычи нефти и параллельно сохранения этого ценнейшего энергетического сырья. Такой подход, при всех его положительных сторонах, ограничивал производственный потенциал ближневосточных государств, связанный с использованием для внутренних нужд, а также экспортом газа. Сжигание газа или закачка основной доли добычи в нефтеносные пласты объективно снижали роль ближневосточных государств на мировом рынке природного газа, и ее можно охарактеризовать в тот период как малозаметную.

Однако постепенно страны, добывающие газ во все больших масштабах, стали переходить к технологиям, позволяющим его использовать в качестве топлива.

В условиях, когда происходит быстрое наращивание разведанных запасов в ближневосточном регионе, появились широкомасштабные программы освоения новых месторождений на Ближнем Востоке. Причем арабские страны и Иран обладают необходимыми значительными финансовыми ресурсами. Более того, внешние инвесторы проявили повышенный интерес к реализации многомиллиардных проектов в области добычи и транспортировки газа и, что не менее важно, к использованию новейших технологий его добычи и утилизации, которыми располагают компании промышленно развитых государств.

Целая группа стран, включая Саудовскую Аравию, Йемен, Ирак, Сирию, намерена значительно увеличить свою добычу и может начать в ближайшей перспективе его экспорт. Причем такие страны, как Катар, ОАЭ и Оман уже являются экспортерами газа и намерены наращивать свои поставки на мировой рынок, а также расширить географию его добычи.

Пока стремительный рост экспорта ближневосточного газа сдерживает ряд серьезных препятствий и среди них – неразвитость необходимой для этого промышленной и транспортной инфраструктуры, тесная зависимость перспектив разработки месторождений от весьма изменчивой конъюнктуры мирового рынка на основной энергоноситель – нефть и другие. Однако то обстоятельство, что практически все крупнейшие промышленные центры мира – Япония, Европа, США и Южная Корея – проявляют большую заинтересованность в диверсификации источников природного газа и наращивании объемов его поставок, может быстро изменить положение дел в этой области.

Для реализации планов в области расширения производства и экспорта газа ведущие компании промышленно развитых стран, действующие в сфере добычи, транспортировки и утилизации энергетического сырья, намерены реализовать широкомасштабные проекты строительства заводов по сжижению попутного газа с использованием ультрасовременных технологий. Применение последних, по мнению специалистов, может произвести революцию в этой области, сделав рентабельным утилизацию газа на огромных месторождениях, где ранее это было экономически невыгодно. В свою очередь, страны региона, где расположены газовые месторождения, проявляют растущую заинтересованность в сотрудничестве с крупнейшими энергетическими компаниями мира в освоении своих газовых ресурсов и готовы проявить гибкий подход в вопросах привлечения иностранного капитала для освоения газовых месторождений.

Гигантские ресурсы, которые могут быть направлены ведущими индустриальными странами мира на развитие газовой промышленности и необходимой транспортной инфраструктуры в ближневосточном регионе, в сочетании с новейшими технологиями извлечения из недр природного газа и финансовыми ресурсами самих его производителей в состоянии быстро «поставить на ноги» газовых гигантов региона.

В этом отношении весьма показателен опыт Алжира. Несмотря на то что страна длительное время переживает значительные экономические трудности и что в 90-е годы ее потрясают внутриполитические конфликты, Алжир заметно увеличивает свои вложения в разработку газовых месторождений. Добывая в 1994 г. порядка 33 млрд. куб. м, Алжир уже к 1998 г. почти удвоил этот показатель. Но при этом правительство пока в большей мере ориентируется не на экспорт газа, а на его использование в местной экономике, тем более что потребители (промышленные мощности) могут легко переходить при использовании в качестве топлива с мазута на газ.

Главные газовые поля страны находятся в ее центральной части – в 400 км южнее столицы в местечке Хасси-Рмель. Прочие расположены: Альрар – вдоль границы с Ливией, Рхурд Нус – южнее известного месторождения нефти Хасси-Меса-уд, и Ин Салах – юго-западнее Эйн-Аменас, где «Бритиш Петролеум» (БП) разрабатывает месторождение по соглашению 1995 г. Площадь, отводимая по проекту Ин Салах для разработки газовых ресурсов, составляет 23 тыс. кв. км. Стоимость контракта оцени-

вается в 3,5 млрд. долл., реализация программы рассчитана на 20-30-летний период. БП обеспечивает 65% всех расходов за треть получаемых прибылей. Предполагается, что в 2002 г. добыча достигнет 9–11 млрд. куб. м. БП примет участие в сооружении 520-километрового газопровода в северном направлении к Хасси-Рмель – начальному пункту газопровода в Европу и заводу по сжижению газа. Причем соглашение включает пункт о создании совместной компании по сбыту газа в Европе[16].

По этому же пути идут Экссон и другие крупные энергетические компании мира – Тоталь Мицубиси, Бечтел, Софре-газ… В частности, заключено соглашение с крупным итальянским производителем энергии ИНЕЛ (ENEL), в соответствии с которым Ин Салах Газ (In Salah Gaz), выступающая от имени СОНАТРАК, будет поставлять ИНЕЛ ежегодно 4 млрд. куб. м газа. Это – первая такая сделка, заключенная в конце 1996 г. в рамках совместной компании БП–СОНАТРАК, направленная на освоение газовых ресурсов Алжира и потребительских рынков Европы.

Алжир является также вторым в мире по величине производителем и экспортером сжиженного газа, которому, несмотря на беспрецедентные по своим масштабам и характеру экономические и политические трудности, переживаемые страной, удалось поднять годовой объем производства с 6 млн. т в 1995 г. до 8 млн. т в 1997 г. Расширяются и артерии по транспортировке газа от мест добычи к перерабатывающим мощностям и потребителям. В стране в настоящее время действуют семь морских терминалов, самый большой из которых находится в Арзеве, через него экспортируется весь производимый конденсат. С крупнейшим рынком алжирского газа – Европой – страну связывают Транссредиземноморский трубопровод, проложенный от Алжира по территории Туниса к Италии, и Евро-Магрибский трубопровод длиной 1265 км (Алжир–Марокко–Испания), являющийся частью газопровода длиной 2300 км.

В последние годы Алжир особенно динамично пробивается со своим газом на европейский рынок, в основном пока осваивая европейское Средиземноморье. Европейский рынок газа огромен. Причем доля газа в энергобалансе Европы достигнет в 2010 г. 25% по сравнению с 20% в 1996 г., и половина потребляемого европейскими странами объема этого энергоресурса будет импортирована[17].

До недавнего времени Алжир свои экспортные программы связывал главным образом с поставками на юг Европы – в Испанию и Португалию, а также Италию и Францию. Но времена меняются, и география поставок имеет тенденцию к расширению, тем более что переживающий в 90-е годы серьезные экономические трудности Алжир сделал серьезную ставку на мобилизацию своих газовых ресурсов для выхода из затянувшегося кризиса.

Эта политика находит положительный отклик и в Европейском Союзе (ЕС). По сообщениям алжирской печати, к 2002 г. страна намерена существенно увеличить поставки газа в Европу и довести долю алжирского газа в общем объеме потребления его странами ЕС до 36%. В свою очередь, ЕС активизировал свои контакты с Алжиром в целях продвижения

процесса постепенной экономической интеграции, создания совместной зоны свободной торговли и т.д. Подготовка условий для экономического сближения с ЕС включает предоставление последним кредитов на сумму в 5,3 млрд. долл., главным образом для того, чтобы повысить устойчивость и конкурентоспособность алжирской промышленности перед открытием экономических границ, созданием зоны свободной торговли (в которую Алжир войдет наряду с другими арабскими странами, ориентирующимися на экономическую интеграцию с ЕС).

Расширяется и список поставщиков природного газа в Европу главным образом за счет ближневосточных государств.

Египет, чьи резервы только в дельте Нила оцениваются в 1,42 трлн. куб. м, намерен был начать к 2000 г. первые поставки сжиженного газа в Турцию. Специалисты прогнозируют, что Египет, чьи запасы нефти в сравнении с нефтяными гигантами Ближнего Востока менее значительны, проявит больший динамизм в эксплуатации уже открытых месторождений, чтобы нарастить свой экспортный потенциал, а также продолжит интенсивный поиск новых месторождений за пределами района дельты Нила, где располагаются наиболее крупные запасы газа этой страны. Такие компании, как Амоко, Аджип, Бритиш Гэз и Национальная египетская нефтяная компания постоянно наращивают разведанные объемы запасов природного газа на севере страны. Египетская национальная компания и Амоко намерены пустить в эксплуатацию завод по сжижению газа стоимостью 2–4 млрд. долл. в дельте Нила. Амоко обнаружила значительные запасы природного газа также на севере Синая, где дневная добыча, как ожидается, составит порядка 1,08 млн. куб. м высококачественного топлива. Это уже 16-е месторождение, обнаруженное этой компанией за последние пять лет. Для того чтобы обеспечить быстро растущие добывающие мощности соответствующей инфраструктурой, в ближайшие годы будет сооружена сеть газопроводов. В частности, намечается соорудить газопровод от дельты Нила вдоль средиземноморского побережья к Эль-Аришу и, согласно имеющимся планам, – далее в Израиль[18].

Разведанные запасы газа в Ливии (1,3 трлн. куб. м) пока скромны по своему объему, хотя в 3 раза превышают египетские запасы. В Тунисе еще меньше – порядка 23 млрд. куб. м. Однако можно предполагать, что в обозримом будущем они, как и алжирские запасы, существенно возрастут. Вероятно, эти страны также начнут выходить на мировые рынки, прежде всего европейские, со своей продукцией, чтобы нарастить объем поступлений в иностранной валюте.

Абу-Даби – первая страна ближневосточного региона, которая начала в 1977 г. экспортировать сжиженный газ. Его примеру последовали Оман, Катар и Йемен, причем первый уже в 1997 г. стал вывозить сжиженный газ в Японию. Идет поиск новых рынков сбыта, в том числе и в Европе, партнеров по реализации широкомасштабных проектов, связанных с сооружением заводов по сжижению газа, строительством газопроводов возведением необходимых морских причалов и т.д.[19]

Катар также форсирует разработку своих газовых ресурсов, по запасам которых он превосходит большинство крупных владельцев и разработчиков газовых месторождений мира. Они составляют 7,1 трлн. куб. м. Обладая третьими в мире после России и Ирана доказанными запасами, крошечный Катар располагает самым крупным в мире газовым месторождением Северное поле (North Field), содержащим, по имеющимся оценкам, 10,8 трлн. куб. м газа. Эта цифра может быть еще увеличена на 6,77 трлн. куб. м. Пока экспорт катарского газа ориентирован на Японию[20].

В Омане разведанные запасы газа приближаются к 1 трлн. куб. м, часть произведенной продукции направляется на завод по сжижению, часть будет использована в химической промышленности для производства удобрений и электроэнергии.

Порядка 5 млрд. куб. м газа к 2002 г. будет добываться в Йемене (район Мариба), часть добычи предполагается пустить на экспорт.

Разведанные запасы Ирака пока составляют 3,3 трлн. куб. м, мощности по утилизации – немногим более 56,6 млрд. куб. м. Предполагается их нарастить до 2,2 трлн. куб. м, и тогда часть добычи будет также направлена на экспорт.

Ограниченные мощности по утилизации газа в Сирии планируется существенно увеличить, что должно позволить довести их до уровня в 16 тыс. куб. м в день.

По имеющимся прогнозам, примерно три четверти газа, экспортируемого странами региона, пойдет на мировые рынки по трубопроводам, остальная часть в сжиженном виде будет доставляться морскими судами. Эксперты оценивают общие суммарные затраты на сумму в 80 млрд. долл.

Среди предполагаемых «ниток» газопроводов необходимо выделить следующие:

– Катар – Пакистан;
– Катар – Пакистан – Индия;
– Катар – Израиль;
– Оман – Индия;
– Иран – Азербайджан – Грузия;
– Иран – Туркменистан;
– Иран – Армения;
– Иран – Азербайджан (Нахичевань);
– Иран – Турция – Европа;
– Иран – Пакистан;
– Иран – Индия;
– Туркменистан – Афганистан – Пакистан;
– Туркменистан – Иран – Турция – Европа[21].

По ним будет перекачиваться ежегодно до 270 млрд. куб. м газа. Однако, как отмечают специалисты, вряд ли все эти проекты будут реализованы в ближайшие 10–12 лет. Заметим также, что среди этих проектов нет газопроводов, могущих «столкнуть» российский и арабский газ в Европе.

***

Учитывая ограниченность газовых поставщиков на рынок Европы, где, судя по многочисленным прогнозам, развернется главное противостояние реальных и потенциальных экспортеров газа, многие европейские политические деятели заговорили о необходимости диверсификации источников поступления газа.

В этой связи следует заметить, что агрессивная политика норвежской Statoil, основным конкурентным козырем которой является стремление европейских стран диверсифицировать источники газа, уже обошлась конкурентам в десятки миллиардов долларов. Норвежские газовые компании совершили в последнее время ряд удачных сделок, сумев подписать долгосрочные контракты в Италии, Франции, Германии. Франция, например, с 2005 г. будет получать 15 млрд. куб. м норвежского газа в год, и Россия уступит Норвегии титул главного поставщика в эту страну. Согласно планам Ruhrgas, к 2010 г. доля Норвегии в снабжении Германии природным газом должна вырасти с 17 до 32%[22]. В данный момент Statoil начинает экспансию на рынки Великобритании и Скандинавии. Норвежская компания, которая прежде ограничивалась ролью поставщика до границы, планирует раскинуть свою «газовую сеть» на севере Европы, включив туда Данию, Швецию, Финляндию и страны Балтии. В марте 1997 г. премьер-министр Норвегии Ягланд предложил проект обеспечения норвежским газом странам Скандинавии и Балтии. Незадолго до этого Statoil приобрел 14,5% шведского газораспределительного концерна Vattenfall Naturgas (VN). Интересно, что такую же долю VN получил Ruhrgas, который участвует также в газовых компаниях Эстонии и Латвии[23].

Однако наиболее чувствительным для Газпрома стало вторжение Statoil и Ruhrgas в традиционную «зону влияния» российской компании – Восточную Европу. В 1997 г. Statoil подписал 20-летний контракт с Чехией на поставку 3 млрд. куб. м газа в год, аналогичное соглашение обсуждается с Польшей. Ruhrgas, участвующий в венгерской нефтегазовой компании MOL AG, будет закачивать получаемый им на польско-германской границе российский газ в газовые сети Венгрии (0,5 млрд. куб. м в год). Аналогичные планы существуют у Ruhrgas в отношении Эстонии, Латвии, Словакии, Польши, Чехии и Украины[24].

На юге Европы серьезную конкуренцию российскому сырью могут составить экспортеры из Алжира и Ливии, поставляющие газ на рынки Италии, Испании, Португалии и Франции. По дну Средиземного моря уже проложены две нитки газопровода, соединившие Алжир с Сицилией. По ним ежегодно можно перекачивать 24 млрд. куб. м газа. Себестоимость алжирского газа ниже, чем российского, поэтому этих объемов вполне достаточно, чтобы закрепиться на Апеннинах и постепенно начать вытеснять Газпром из Италии. Эксперты Газпрома обращают внимание на «нестабильную политическую обстановку» в Алжире, где власти ведут борьбу с исламскими экстремистами. Однако за первую половину 1997 г. Алжир увеличил экспортные поставки на 16%[25]. Нестабильность оказалась как

раз едва ли не главным стимулом: на средства от продажи природного газа финансируются операции по подавлению исламистов.

Направить на европейский рынок большие объемы газа надеется и руководство Туркменистана. Богатые газовые ресурсы республики (13 трлн. куб. м, четвертое место в мире), а также возможность добывать до 80 млрд. куб. м газа в год и почти все экспортировать привлекают в туркменские пустыни западные компании, которые стремятся воспользоваться возможностями либерализации европейского рынка. Разработка газопровода Туркменистан – Иран – Турция идет полным ходом. Даже администрация США, у которой не самые лучшие отношения с Ираном, сняла свои возражения. В этом нет ничего удивительного, поскольку Ашхабад готов продавать газ по 20 долл. за 1000 куб. м. Около 20 млрд. куб. м этого газа Shell и другие компании намерены перекачивать через Турцию на европейские рынки. При этом в Турции предполагается подключить туркменский газ к уже существующим трубопроводам и поставлять его странам Восточной Европы. Туркменистан надеется на содействие компании Ruhrgas в этом вопросе[26].

Понятно, что Россия в лице Газпрома внимательно следит за действиями конкурентов и предпринимает ряд мер, которые могут помочь в сохранении роли на европейском газовом рынке. Так, на севере планируется построить единую систему газопроводов, которая замкнет газотранспортные системы Скандинавии и Германии. Магистральная «труба» должна опоясать Финляндию, Швецию и Данию. Центральное направление наиболее важно для Газпрома, так как по газопроводу Ямал–Европа российский газ будет поставляться в Польшу, Германию, Австрию, Бельгию, Нидерланды, Великобританию (через «Интерконнектор») и на север Италии (через трубопровод «Ягал»). В 2000 г. планируется также завершить строительство нового транзитного трубопровода в Италию и на юг Франции через территорию Словении. Совместное предприятие «Вольта» (доля Газпрома – 49%) планирует построить свыше 1000 км новых газопроводов на территории Италии[27].

Следует заметить, что эти планы Газпрома вызывают определенное беспокойство в политических кругах некоторых европейских стран. Например, в Центральной и Восточной Европе многие местные политики считают, что их странам необходимо уменьшать зависимость от России в сфере поставок природного газа. Однако такая позиция слабо обоснована экономически, скорее всего, – это лишь политическая декларация. Ибо все, что нужно делать для обеспечения энергетической безопасности, – это иметь возможность использовать другой источник газоснабжения в случае, если поставщик по каким-то причинам начинает приостанавливать подачу газа. Картина, в принципе, будет достаточно ясной, по крайней мере, в течение ближайших 10–15 лет: газ из России сначала будет проходить через Центральную Европу, покрывая потребности расположенных в этом районе стран, и только затем поставляться в Западную Европу. То есть в реальности следует говорить не о диверсификации газоснабжения, а о своего рода страховании рисков.

Скажем, совершенно ясно, что Газпром не может быть конкурентоспособным на рынке Испании, если он попытается там вытеснить алжирский газ. Точно так же, как Алжир не может конкурировать с Россией в Польше. Но и Испания, и Польша заинтересованы в страховании рисков газоснабжения. Сейчас в стадии строительства находится газопровод, который соединит Испанию с западноевропейской газовой сетью. Это будет означать создание условий для того, чтобы Газпром экспортировал свой газ в Испанию. Картина же физического перемещения газа будет выглядеть так, что в Юго-Западную Европу, за небольшим исключением, будет поставляться алжирский газ, а, к примеру, Польша будет снабжаться исключительно российским газом. Между тем в контрактах на поставку газа в Испанию и Польшу будут фигурировать в качестве экспортеров и Россия, и Алжир. Политики в этом случае могут смело заявить, что как бы получая в Польше алжирский газ, а в Испании – российский (физически он туда не будет поставляться), «мы теперь стали независимыми».

Хорошо известно, что число возможных альтернативных источников газа для Европы невелико: помимо собственных газовых месторождений, это – Алжир, Норвегия, Нидерланды и Россия. Говорить о возможности снабжения европейских стран за счет Ливии, Туркменистана, Катара, Ирака или Египта пока преждевременно. Дело в том, что главный вопрос сейчас – это не поиск рынков сбыта для газа этих стран, а привлечение огромных финансовых ресурсов, требующихся для финансирования разработки уже обнаруженных здесь газовых месторождений, строительства новых газопроводов в политически нестабильных районах, строительства метановозов, предприятий по сжижению газа и регазификации и т.п.

Все это создает проблему поиска оптимального баланса в средне- и долгосрочном прогнозировании потребления газа в каждой отдельно взятой европейской стране. Гарантии надежного в необходимых объемах газоснабжения европейских стран–потребителей газа может дать только их правильная коллективная стратегическая политика в рамках ЕС.

Прежде все зависело от географии. Так как транспортировка газа сильно отражается на его цене, «сферы влияния» во многом определялись географическим положением: Нидерланды снабжают газом Бельгию и север Германии, Россия – Восточную Европу.

Однако после принятия ЕС «газовой директивы» многие традиционные представления о газовом рынке кажутся устаревшими. Имея свою инфраструктуру в Европе и заключая партнерские соглашения с западными производителями, Газпром ставит под вопрос принцип «географической целесообразности». Сейчас Газпром выражает готовность работать с газом других стран, например, с британским через Wingas. Вероятно, на будущем газовом рынке станут реальностью альянсы распределителей и поставщиков, скажем, симбиоз Ruhrgas и Statoil. Вполне возможно, что Западная и Центральная Европа будут снабжаться российским и норвежским газом, а Южная Европа – алжирским. При этом потеряет всякое зна-

чение, кто чьим газом торгует и по каким трубопроводам его транспортирует. Норвежцы, однако, пока не настроены на такого рода соглашения с другими экспортерами.

Необходимо учитывать действия еще одного игрока газового рынка – Европейской комиссии. Принимая решения о либерализации торговли газом, Европа преследует свои собственные интересы. Если сегодня 70% потребляемого ЕС газа приходится на собственную добычу, то в 2010 г. 60% газа будет импортироваться[28]. Цель Европейской комиссии – сделать импорт газа максимально дешевым для промышленных потребителей ЕС. Именно на это направлено основное положение «газовой директивы», обязывающее распределительные компании открывать за фиксированную плату свои сети для конкурентов. Понятно, что это вызвало недовольство европейских газовых монополий, под давлением которых в «газовую директиву» уже внесена оговорка о временных ограничениях на открытие сетей в том случае, если это ведет к уменьшению спроса на газ владельца сети ниже уровней, оговоренных в долгосрочных контрактах. Ruhrgas, например, в рамках долгосрочных контрактов take or pay дал обязательство закупить газа на 100 млрд. марок. Если конкуренты начнут предлагать потребителям с помощью его же сетей более дешевый газ, Ruhrgas просто разорится. Кроме того, «газовая директива» обязывает Норвегию предоставлять свои платформы в Северном море и идущие от них газопроводы конкурентам-производителям. Все газовые платформы, терминалы и газопроводы строились Норвегией с учетом того, что контракты на поставку газа будут действовать в течение 20–30 лет, причем при определенном уровне цен. Снижение цен на газ и возникающие трудности с транспортировкой могут сделать нерентабельной эксплуатацию многих норвежские газовых месторождений.

Через открытие сетей Европейская комиссия стремится создать пронизывающую весь континент замкнутую газовую систему с несколькими входами (российским, норвежским, алжирским). Помимо высокой экономической эффективности, эта система будет обеспечивать и высокую надежность поставок, взаимозаменяемость источников газа. Таким образом, идет процесс глобализации рынка, и если раньше говорили о рынках Германии, Чехии, Франции, то сейчас создается единый европейский рынок. Создание замкнутой общеевропейской системы соответствует интересам Газпрома, который сможет перекачивать свой газ в любую точку Европы, где за него готовы заплатить.

Таким образом, в ближайшие 8–12 лет на европейском рынке газа потенциальную конкуренцию России может составить только Алжир. Однако в условиях осуществления европейской «газовой директивы» трудно ожидать жесткого столкновения российского и алжирского газа. К тому же в случае угрозы такого столкновения Россия и Алжир при содействии ЕС могут провести переговоры с целью урегулирования проблемы. Другие арабские страны в ближайшие 10–15 лет не смогут составить конкуренции России на европейском газовом рынке.

[1] Business World. 05.12.1996, с. 5.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Независимая газета.18.02.2000.
[6] Независимая газета. 19.06.1997.
[7] Business World. 05.12.1996, с. 5.
[8] Эксперт. – 1997. – № 4. – С. 45.
[9] Там же.
[10] Business World. 30.09.1997.
[11] Эксперт. – 1999. – № 6. – С. 23.
[12] Независимая газета. 14.04.1998.
[13] Независимая газета. 23.01.1997.
[14] Business World. 05.12.1996.
[15] *Ткаченко А.А.* Ближний Восток: Основные тенденции и перспективы развития добычи и экспорта газа. // Ближний Восток и современность. – М., 1999. – Вып. 7. С. 169.
[16] Там же, с.171.
[17] Там же, с. 172.
[18] Там же, с. 173.
[19] Там же, с. 174
[20] *Исаев В.А.*, *Филоник А.О.* Государство Катар: Проблемы развития. – М., 1999. – С. 7–8, 75.
[21] *Ткаченко А.А.* Ближний Восток: Основные тенденции и перспективы развития добычи и экспорта газа, с. 175-176.
[22] The Financial Times. 10.06.1997.
[23] Там же.
[24] Там же.
[25] БИКИ. 03.01.1998, с. 12.
[26] Интерфакс. 1998. – № 5.
[27] Эксперт. 1997. – № 44. – С. 50.
[28] The Financial Times. 10.06.1997.

Л.С.Кеворков

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САНКЦИИ ПРОТИВ ЛИВИИ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

5 апреля 1999 г. Совет Безопасности ООН принял решение о приостановлении режима санкций против Ливии в связи с выдачей международному трибуналу двух ливийских граждан, подозреваемых в организации террористической акции, повлекшей многочисленные человеческие жертвы.

Краткая предыстория введения санкций такова: в ноябре 1991 г. США, Великобритания и Франция предъявили Ливии обвинение в причастности ее граждан к взрывам американского самолета над шотландским местечком Локкерби в 1988 г. и авиалайнера французской авиакомпании UTA в 1989 г. 21 января 1992 г. Совет Безопасности ООН единогласно принял резолюцию № 731, призывающую Ливию к сотрудничеству в расследовании указанных событий. В связи с отказом Ливии выполнять требования этой резолюции 31 февраля 1992 г. СБ ООН десятью голосами «за» при пяти воздержавшихся (Китай, Индия, Марокко, Зимбабве, Кабо-Верде) принял резолюцию № 748 о введении санкций в отношении Ливии (запрет на авиасообщение, военно-техническое сотрудничество, сокращение дипломатических представительств и пр.). А 11 ноября 1993 г. СБ ООН принял резолюцию № 843 о введении дополнительных санкций в отношении Ливии, которые в целом сводились к следующему.

1. Запрет на воздушные полеты (за исключением случаев, санкционированных Советом Безопасности) из Ливии и соответственно в Ливию гражданских и военных самолетов, а также на поставку запасных частей к самолетам всех типов и наземному навигационному и вспомогательному оборудованию. Предписывалось закрыть все зарубежные представительства Ливийской компании по воздушным перевозкам.

2. Запрет на поставку в Ливию всех видов вооружений и военной техники, включая запасные части к уже поставленной технике, а также командированию в Ливию военных и технических специалистов.

3. Замораживание всех финансовых активов Ливии за рубежом, включая инвестиции, акции, дивиденды, исключая поступления от операций с нефтью, газом и экспорта сельскохозяйственной продукции из Ливии после 3 декабря 1993 г.

4. Запрет на импорт технологического оборудования и запасных частей для нефтеперерабатывающих заводов и нефте- и газотранспортных систем в соответствии с утвержденным перечнем. Запрет не касался поставок бурового оборудования.

5. Требование сократить персонал ливийских дипломатических и торговых представительств за рубежом.

6. Введение регламента на процедуру снятия санкций, в соответствии с которой санкции могут быть сняты полностью в течение 90 дней после единогласного решения СБ, повторно санкции могут быть введены только по соответствующему решению СБ.

Введение экономических санкций против Ливии существенно повлияло на политическую ситуацию в Арабском мире, способствовало усилению позиции США и резкому ослаблению политических и торгово-экономических позиций России. Было фактически ликвидировано создававшееся десятилетиями военно-техническое сотрудничество между Ливией и Россией (как правопреемницей СССР). Под запрет попали такие важнейшие статьи российского экспорта в Ливию, как авиационная техника (военная и гражданская), запасные части к поставленной ранее военной технике, проведение на российских авиаремонтных предприятиях восстановления ресурса закупленных ранее самолетов российского производства; поставки оборудования и запасных частей на ремонтные заводы в Ливии; подготовка ливийских военных и гражданских специалистов, а также командирование в Ливию военно-технических специалистов, численность которых в 1992 г. составляла около 2,8 тыс. человек. Таким образом, вся военная техника, поставленная в 1970–1992 гг., осталась практически без запасных частей и надлежащего технического обслуживания.

Кроме указанных позиций, в Ливию в разные годы поставлялись также машины и оборудование, транспортные средства, энергетическое оборудование, цемент, пиломатериалы, прокат и пр. Из Ливии импортировалось значительное количество нефти в счет оплаты за поставленное оружие и военную технику, небольшая часть которой поступала на НПЗ в Туапсе, а остальное реализовывалось на рынке нефти. С введением в 1992 г. санкций Ливия окончательно переориентировала свою внешнюю торговлю на западные страны и объем российско-ливийского торгово-экономического и научно-технического сотрудничества сократился практически до нуля (см. табл. 1).

Пик экономического и научно-технического сотрудничества между СССР и Ливией пришелся на середину 80-х годов, когда в Ливии при участии советских внешнеторговых организаций был сооружен ряд крупных объектов, в том числе Центр ядерных исследований «Таджура» (ЦЯИ), построенный в пригороде Триполи ВО «Атомэнергоэкспорт», линии высоковольтных электропередач общей протяженностью более 600 км, газопровод Марса-эль-Брега – Мисурата, выполнены буровые работы на нефтяных месторождениях (более 130 скважин), осуществлены научно-исследовательские и проектно-изыскательские работы в области энергетики и сельского хозяйства, построено несколько оборонных предприятий. В конце 80-х годов акцент в торгово-экономических связях стал смещаться в сторону военно-технического сотрудничества, и Ливия стала одним из крупнейших партнеров России в этой области.

Таблица 1

Внешняя торговля России (СССР) и Ливии в 1982-1998 гг.,
млн. долл.

Год	Товарооборот	В том числе	
		Экспорт*	Импорт
1982	2076,0	346,0	1730
1986	1105,3	53,3	1052
1990	615,9	423,4	192,5
1991	256,6	256,6	–
1992	113,4	112,3	1,1
1993	9,0	8,7	0,3
1994	0,6	0,5	0,1
1995	0,9	0,7	0,2
1996	0,73	0,73	–
1997	0,24	0,24	–
1998	1,7	1,7	–

* Без учета военно-технического сотрудничества

Рассчитано по: Статистический сборник. Приложение к журналу «Внешняя Торговля»; Всемирный банк. Статистический сборник (за соответствующие годы).

В 1990 г. между СССР и Ливией были подписаны межправительственные документы, которые позволили на взаимоприемлемых условиях урегулировать вопросы ливийского долга по советско-ливийскому военно-техническому сотрудничеству. Однако присоединение России к санкциям приостановило выполнение уже достигнутых договоренностей и повлекло за собой вывод российских военных и технических специалистов. В Ливии осталась небольшая группа специалистов, работающих по индивидуальным контрактам в ЦЯИ «Таджура». Вопрос же ливийского долга остается неурегулированным до настоящего времени.

Для оценки перспектив восстановления утраченных в Ливии торгово-экономических позиций России необходимо проанализировать политические и экономические последствия санкций для самой Ливии, а также положение, сложившееся после их снятия.

Снятие санкций позволило Ливии выйти из изоляции и создало базу для дальнейшего восстановления ее позиций на международной арене. Серьезное препятствие этому – сохранение США режима односторонних санкций против Ливии, которые впервые были введены в 1978 г., а затем ужесточены в 1986 г. установлением полного торгового эмбарго и конфискацией всех активов Ливии в США. Осознавая необходимость разрешения сложившейся ситуации, в Триполи предприняли ряд шагов, направленных на нормализацию отношений с США и Великобританией. Так, ливийское правительство согласилось выплатить компенсацию семье британского полицейского, убитого в Лондоне сотрудником ливийского дипломатического представительства в 1984 г., ранее уже переданного британским властям. Хотя в Лондоне по прежнему ожидают дальнейших, подкрепля-

ющих доверие шагов Триполи, прежде чем дипломатические отношения будут восстановлены в полном объеме, можно констатировать значительное потепление британо-ливийских взаимоотношений.

Урегулирование же отношений с США представляется более затруднительным. Проведя ряд неофициальных консультаций с представителями Эксон Мобил, БП Амоко и Коноко, ливийское руководство предложило американским нефтяным компаниям возобновить деятельность в Ливии, обещав возвратить им имущество, конфискованное в 1986 г. Так, по словам президента Коноко Дж.Брукса Бакстона, «Ливия возвращается в содружество, частью которого станут американские нефтяные компании»[1]. Однако Госдепартамент США сохраняет жесткую позицию в отношении Ливии, и, несмотря на активное лоббирование, нефтяным компаниям удалось добиться лишь разрешения на один визит в Ливию своего представителя с ограниченным штатом технических специалистов для сбора информации. В свете предстоящих в 2000 г. президентских выборов политика США в отношении Ливии, по всей вероятности, не претерпит значительных изменений.

Сотрудничество ливийских властей в судебном процессе над подозреваемыми в организации взрыва авиалайнера французской авиакомпании UTA в 1989 г., завершившемся заочным осуждением шестерых ливийских граждан, позволило улучшить взаимоотношения Ливии с одним из крупнейших торговых партнеров. Уже 6 апреля (в день принятия решения о приостановлении действия санкций) Ливию посетил с официальным визитом министр иностранных дел Италии Ламберто Дини, обсудивший с ливийским руководством вопросы ре-интеграции Ливии в мировое сообщество. В 1998 г. была подписана совместная итальяно-ливийская декларация, в которой Италия взяла на себя обязательства по компенсации ущерба, нанесенного Ливии за время итальянской оккупации.

Что касается позиций Ливии в регионе, то они также неоднозначны. С одной стороны, дружественная позиция стран-соседей (в особенности Туниса и Мальты) позволила Ливии с меньшим ущербом перенести санкции, но ограниченная дипломатическая поддержка со стороны богатых арабских стран значительно усилила степень политической изоляции Ливии. Ливийский лидер Муамар Каддафи декларировал частичную переориентацию внешнеполитического курса страны в сторону повышения ее роли на Африканском континенте, предложив посреднические услуги в разрешении конфликтов в Конго, Сьерра-Леоне и Судане. Разрешение «локкербийского тупика» стало возможным во многом благодаря посреднической инициативе президента ЮАР Нельсона Манделлы при незначительном содействии саудовской дипломатии. Последние акции ливийского правительства, в том числе выдворение 30 тыс. суданских и палестинских рабочих, а также охлаждение отношений Триполи с радикальными исламистскими группировками были восприняты скорее не как попытка восстановления доверия Запада, а как признаки постепенного отхода М.Каддафи от идей панарабизма. Однако сохранение твердой приверженности Триполи политике ОПЕК и других арабских ор-

ганизаций, а также серия дружественных визитов в Ливию лидеров арабских государств, в том числе президента Египта Х.Мубарака и наследного принца Саудовской Аравии Абдаллы, свидетельствуют о постепенном восстановлении Ливией своей роли в арабском мире.

Экономические санкции нанесли серьезный удар по экономике страны. По данным источника в ООН, их кумулятивный эффект в виде прямого ущерба и недополучения дохода оценивался примерно в 24-26 млрд. долл.[2] Хотя эти цифры представляют собой экспертную оценку, основанную главным образом на данных внешних источников, они позволяют наглядно представить масштаб воздействия санкций на ливийскую экономику, последствия которых будут ощущаться еще долгие годы. В результате санкций были существенно ослаблены усилия ливийского правительства по диверсификации национальной экономики с целью окончательного преодоления ее монокультурного, ориентированного преимущественно на нефть характера. Экспорт нефти и нефтепродуктов по прежнему обеспечивает более 90% валютных поступлений страны, а доля нефтяной и газовой промышленности, а также непосредственно связанных с нею отраслей составляет около 40% ВВП, вследствие чего Ливия особенно пострадала от падения мировых цен на нефть в период с осени 1997 г. по весну 1999 г. (до 9 долл. за баррель в декабре 1998 г.). Так, при стабильной добыче на уровне 1,38–1,40 млн. барр. в сутки (69–70 млн. т в год) доходы от экспорта нефти упали с 9 млрд. долл. в 1997 г. до 5,8 млрд. долл. в 1998 г. Прогнозы, составленные в конце 1998 г., предполагали их дальнейшее сокращение до 5250 млн. долл., что впервые за долгие годы не покрывает объема заработной платы государственных служащих (700 тыс. человек).

Резкое сокращение поступлений вынудило правительство объявить о 80-процентном сокращении расходов по инвестиционным проектам, предусмотренным в бюджете на 1999 г. (включая промышленные и энергетические объекты). В целом расходная часть бюджета на 1999 г. была сокращена с 5,31 млрд. до 4,9 млрд. лив. дин. (с 11,8 млрд. до 10,9 млрд. долл.) при дефиците 650 млн. лив. дин. В 1997–1998 гг. уровень инфляции цен на потребительские товары составил 25%, а уровень безработицы достиг рекордных 30%. Ежегодные темпы прироста ВВП в 1996–1998 гг. составляли менее 1%, но достоверность этих цифр вызывают сомнение, учитывая систематическое завышение Ливией объявленных макроэкономических показателей. Так, объявленный объем ВВП Ливии за 1998 г. составил 93 млрд. долл., что на 4 млрд. долл. превышает ВВП соседнего Египта – страны с 62 миллионным населением, более развитой экономикой, с объемом добычи нефти и газа, сравнимым с ливийским. По данным МВФ, ВВП Ливии за 1998 г. составил около 26 млрд. долл. США.

Многолетняя политика, направленная на избежание внешних заимствований, позволила Ливии ограничить объем внешней задолженности, который на конец 1998 г. составил около 3,8 млрд. долл. (без учета долгов по поставкам вооружений), для сравнения внешний долг Саудовской Аравии равняется 22 млрд. долл., а Египта – 28,5 млрд. долл. Однако в сочетании с ограничениями на импорт потребительских товаров и поддержанием правительством завышенного курса ливийского динара это привело к формированию повы-

шенного спроса на наличную валюту внутри страны. Центральный банк Ливии предпринял ряд мер, направленных на ограничение теневого оборота валюты, который, по разным оценкам, составляет 20–25% от общего объема валютных сделок[3]. Так, в конце 1998 г. была осуществлена девальвация динара на 14% (текущий официальный курс составляет 0,45 л.д. за 1 долл.), а также проведена серия валютных интервенций, что, по словам председателя Главного комитета по экономике (министра экономики) Абдулхафеза Злейтни, позволило уменьшить параллельный курс с 3,2 до 1,5 динара за доллар. Но таких мер недостаточно для достижения реалистичного курса ливийского динара, отражающего реальную стоимость товаров и услуг. Для решения этой проблемы необходимы коренные преобразования структуры ливийской экономики. По свидетельству некоторых западных дипломатов, «существует ряд признаков, что Каддафи начал проявлять интерес к рыночной экономике»[4], однако реальных подтверждений этому до сих пор не последовало, что не позволяет сделать вывод, является ли это принципиальным изменением экономической политики ливийского руководства или лишь тактическими шагами, направленными на улучшение отношений с Западом и привлечение иностранных инвестиций.

В нефтяной и газовой промышленности характер введенных санкциями ограничений предопределил их различное воздействие в отдельных подотраслях. В нефтедобыче наиболее существенно санкции сказались на состоянии нефтепромыслов, принадлежащих Национальной нефтяной корпорации (ННК) – государственной компании, контролирующей до двух третей добычи нефти на территории страны. В связи с нехваткой необходимых запасных частей и материалов (бóльшая часть полученных в обход санкций была использована для обустройства новых месторождений) и ограничением доступа к современным технологиям себестоимость добычи одного барреля нефти на «старых» крупных месторождениях, эксплуатируемых ННК, возросла до 2,5 долл.[5]

Необходимо также отметить, что бóльшая часть этих месторождений функционирует в режиме падающей добычи, для ее стабилизации требуется использование «вторичных» методов повышения нефтеотдачи, технологиями которых ННК не располагает. На протяжении последних лет лишь 15% полученных ННК доходов реинвестировалось в энергетический сектор, и для реализации планов правительства по увеличению добывающих мощностей к 2004 г. до 2 млн. барр. в сутки (100 млн. т в год), по словам председателя «Зуэтина Ойл К°» (дочерняя компания ННК), необходимо дополнительно инвестировать в модернизацию оборудования действующих нефтепромыслов и обустройство новых месторождений около 1,5 млрд. долл.

Серьезно отразилось эмбарго и на нефтеперерабатывающем комплексе страны, мощность которого составляет около 21 млн. т в год. Построенные в 70-х годах, за исключением крупнейшего в Северной Африке НПЗ в Рас-Лануре (построен в 1985 г.), ливийские нефтеперерабатывающие заводы устарели и требуют модернизации и замены технологического оборудования. Бóльшая часть номенклатуры необходимых для нефтеперерабатывающей промышленности запасных частей и вспомогательных

материалов в Ливии не производится, и вызванная санкциями их нехватка привела к значительному сокращению объемов ремонтных и профилактических работ. Ливийские НПЗ характеризуются низкой глубиной переработки нефти – менее 50%, что объясняется изношенностью оборудования и отсутствием в их схеме установок вторичных (деструктивных) процессов, позволяющих увеличить выход светлых нефтепродуктов и повысить их качество. Структура производства не соответствует потребностям в нефтепродуктах, поэтому Ливия вынуждена импортировать более половины потребляемого бензина и некоторые другие виды нефтепродуктов (масла и пр.). Запрет на поставку технологического оборудования для нефтеперерабатывающей промышленности не позволил осуществить намеченную на вторую половину 90-х годов модернизацию комплекса, и с отменой санкций этот вопрос является одним из наиболее приоритетных.

Положение, сложившееся в области поисково-разведочных работ на нефть и газ, несколько отличается от положения в других подотраслях. Бóльшая часть поисково-разведочных работ на территории Ливии производится иностранными нефтяными компаниями и, поскольку санкции не затрагивали поставок бурового и сопутствующего оборудования, они не отразились на их деятельности. Несмотря на многочисленные сдерживающие факторы, объемы ежегодного прироста балансовых запасов превышают объемы добываемой нефти. Извлекаемые запасы нефти составляют более 3,5 млрд. т, а коэффициент кратности запасов (отношение запасов к ежегодной добыче) – 56,4[6].

Наиболее активную деятельность в Ливии ведут британские, канадские и испанские нефтяные корпорации. Так, британская компания «Lasmo» совместно с испанской «Repsoil» сделали ряд значительных открытий в бассейне Мурзук, в том числе месторождение «Elephant», запасы которого оцениваются в 500 млн. барр. Испанская компания, добывающая также около 140 тыс. барр. в сутки (7 млн. т в год) на месторождении «Аль-Сахара», объявила о дальнейших открытиях, сделанных в процессе доразведки в начале 1999 г., с запасами в 100–200 млн. барр. Канадская компания «Red Sea Oil» проводившая поисковое бурение в блоке NC177 бассейна Сирт, получила притоки нефти. Масштабы и промышленное значение открытия в настоящее время уточняются. Французская компания «Elf Aquitaine» открыла месторождение нефти на шельфе акватории залива Сирт, предполагаемые запасы которого составляют 100–200 млн. барр.[7]

Несмотря на успехи, достигнутые в этой области в последние годы, иностранные компании выражают обеспокоенность в связи с некоторыми аспектами действующего нефтяного законодательства, препятствующими расширению их деятельности. Настоящее положение по соглашениям о разделе продукции EPSA III, датированное концом 80-х годов, которое было призвано привлечь иностранные компании, не достигло поставленной цели, и до открытия месторождения «Elephant» ни одного существенного открытия на предоставленных в соответствии с EPSA III территориях сделано не было. По конкурентоспособности предлагаемых условий, по оценке «US Barrows», из 324 проанализированных налоговых систем EPSA III заняла 251 место[8]. Кро-

ме того, сильно бюрократизированная процедура подачи заявок приводит к многочисленным проволочкам в оформлении документов, а завышенный курс ливийского динара существенно повышает размеры начальных затрат, так как все платежи государству необходимо осуществлять в местной валюте. В результате, несмотря на низкую себестоимость добычи, высокое качество ливийской нефти и близкое расположение к европейским рынкам, значительная часть территории страны остается неисследованной. В настоящее время лицензии на поиск нефти, выданные различным иностранным компаниям, охватывают лишь четверть перспективных в отношении нефтегазоносности территорий, и даже бассейн Сирта, где поисково-разведочные работы ведутся уже более 30 лет, считается не до конца изученным.

Ливийское правительство осознает необходимость перемен. Еще с конца 1997 г. ведется разработка изменений и дополнений к Закону «О нефти» от 1955 г. Выступая на международной конференции по вопросам нефти и газа (Женева, апрель 1999 г.), секретарь Народного комитета по энергетике Абдулла Салем Аль-Бадри, объявил, что выход новой редакции Закона «О нефти» ожидается в конце 1999 г., и от имени ливийского правительства пригласил иностранных инвесторов (в том числе и американских) принять участие во всех областях ливийского нефтегазового сектора. Новые положения закона будут предусматривать более гибкие условия, а также откроют для доступа иностранного капитала прежде недоступные сферы (нефтехимию, нефтепереработку). Предполагается также введение практики проведения международных конкурсов и обеспечение большей «прозрачности» процедуры предоставления контрактов. Учитывая сложившуюся на международном рынке нефти конъюнктуру, осуществление указанных мер сделает Ливию крайне привлекательной для иностранных инвестиций.

Несомненно, что крупные инвестиции потребуются не только для модернизации всего нефтегазового комплекса Ливии, но и для восстановления воздушных и грузовых перевозок. По сообщению западных источников, для восстановления регулярного воздушного сообщения с зарубежными странами в соответствии с европейскими требованиями безопасности Ливийская национальная компания по воздушным перевозкам нуждается в современных авиалайнерах (10–20 единиц), при этом необходимо провести реконструкцию и модернизацию аэропортов, наземных авиатехнических служб, системы подготовки летного и технического персонала. Представители британских деловых кругов, связанных с авиабизнесом (в частности, «British Aerospace»), уже провели предварительные переговоры с ливийской стороной о возможном участии английских компаний в модернизации гражданской авиации Ливии, представляющей область повышенного коммерческого интереса для производителей самолетов и авиационного оборудования. Британские авиакомпании впервые за последние 15 лет возобновили полеты в Триполи – три рейса в неделю. В ноябре 1999 г. между ливийской национальной авиакомпанией «Либиен Араб Эйрлайнс» и европейским консорциумом «Эйрбас» было подписано соглашение на поставку 24 аэробусов типа А320, А330, А340, а также переобучение летного и подготовку технического персонала.

Окончание экономической изоляции Ливии совпало по времени с ростом цен на нефть, что еще раз напомнило европейским потребителям, сколь важное место занимает Ливия в системе топливно-энергетического снабжения европейских стран. С другой стороны, увеличение доходов Ливии от экспорта углеводородов укрепляет платежеспособность страны и, следовательно, усиливает привлекательность ливийского рынка для европейских поставщиков.

Наибольшую активность в закреплении своего присутствия на ливийском рынке проявила Италия. Еще в феврале 1999 г. до принятия Советом Безопасности ООН решения о приостановлении действия санкций между итальянской энергетической группой ЭНИ и Ливией было достигнуто соглашение о реализации крупного проекта по сооружению подводного газопровода от западных районов Ливии до Сицилии протяженностью более 1 тыс. км с соответствующей инфраструктурой, пропускная способность которого составит 8–10 млрд. куб. м в год. Строительство газопровода предполагается завершить к 2003 г., а общая стоимость проекта оценивается в 4 млрд. долл.

Италия – крупнейший торговый партнер Ливии. За счет экспорта ливийской нефти Италия удовлетворяет до 30% своей потребности в сырой нефти. Ливийским и инвестиционными компаниями «Лафико» и «Ойлинвест» контролируются значительные пакеты акций крупнейших итальянских компаний и банков (ЭНИ, ФИАТ, Банко ди Рома и др.) Крупные торговые партнеры Ливии – также Германия, Франция, Великобритания (см. табл. 2).

Таблица 2

Основные торговые партнеры Ливии в 1998 г.,

млн. долл.

Страна	Оборот	Экспорт	Импорт
Италия	5740	1011	4460
Германия	1827	513	1314
Франция	836	356	480
Великобритания	621	381	240

Составлено по: Middle East Economic Digest, 18.06.1999

Пятилетним планом социально-экономического развития Ливии (2001-2005 гг.) предусмотрена реализация ряда крупных проектов с суммарными инвестициями в 35 млрд. долл.[9] Помимо завершения проекта по переброске водных ресурсов из подземных резервуаров на юге в северные районы (третий и четвертый этапы проекта ВРР – великой рукотворной реки), намечено строительство железной дороги протяженностью 2178 км с востока на запад до границы с Тунисом, общей стоимостью 4 млрд. долл. по 12 контрактам, которые будут выставлены на торги (тендеры). Среди крупных проектов, которые предлагаются иностранным инвесторам, – модернизация портового хозяйства и строительство новых причалов и волнорезов в ливийских портах (в настоящее время общая мощность ливийских портов по перевалке грузов составляет 15 млн. т в год), расширение нефтеналивного терминала в порту Эз-Завия, создание инфраструктуры сотовой связи через

базирующуюся в Абу-Даби компанию «Thuraya Satellite Telecommunications». Планируется объединение газопроводной сети Ливии с тунисской и египетской, что позволит более рационально использовать ресурсы трех соседних арабских стран и благодаря будущему газопроводу Ливия–Сицилия сделает их серьезными конкурентами на газовом рынке Европы.

В октябре 1999 г. состоялось третье заседание Российско-Ливийской межправительственной комиссии, в ходе которой было рассмотрено современное состояние двустороннего торгово-экономического сотрудничества и намечены перспективы его развития. Между Россией и Ливией до сих пор не подписано соглашения о предоставлении режима наибольшего благоприятствования в торговле и взаимной защите инвестиций, что сдерживает развитие сотрудничества.

Несмотря на это, ожидается, что российские компании подпишут контракт на расширение ТЭС «Западный Триполи», предусматривающий установку двух энергоблоков мощностью 325 МВт каждый, и примут участие в международном конкурсе на строительство ЛЭП напряжением 400 кВ, а также получат контракт на поставку материалов и оборудования для распределительных электросетей, в обсуждении которого еще предстоит согласовать ряд позиций. Ведутся переговоры об участии ОАО «Атомэнергоэкспорт» в подготовке технической документации по строительству АЭС «Султан» в Сирте, а также модернизации центра атомных исследований «Таджура», эксплуатация которого осуществляется при техническом содействии российских специалистов. Подписан контракт между российской компанией ОАО «Зангаз» и ливийской «Сирт ойл компани» на сооружение газопровода Хомс – Триполи протяженностью 117 км, а также проведение работ по реконструкции двух компрессорных станций; срок строительства 22 месяца. Сумма контракта 170 млн. долл. Реализация проекта позволит полностью решить вопрос о газоснабжении столицы Ливии[10].

Новая политическая и экономическая ситуация, возникшая в Ливии после приостановки санкций, создает благоприятные условия для возвращения российских внешнеторговых объединений и частных компаний на ливийский рынок. Однако этот рынок в условиях, когда политические или идеологические факторы больше не определяют характер внешнеэкономических связей, предъявляет жесткие требования к конкурентоспособности коммерческих предложений. Несмотря на очевидную заинтересованность Ливии в участии российских компаний на ливийском рынке как некоторого балансирующего противовеса Западу, для успешного восстановления утраченных позиций потребуются и время, и значительные усилия.

[1] Middle East Economic Digest. 18.06.1999, с. 29-34 (далее MEED).
[2] MEED. 16.04.1999, с. 10.
[3] MEED. 18.06.1999.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] MEED. 23.01.1998.
[7] MEED. 16.04.1999, с. 10; MEED. 18.06.1999, с 29-34.
[8] MEED. 18.06.1999.
[9] БИКИ. 25.11.1999, № 139, с. 1, 4-5.
[10] Там же.

Н.Г.Киреев

ТУРЕЦКАЯ ДЕЛОВАЯ ЭЛИТА О ТУРЕЦКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

По инициативе Общества турецких промышленников и деловых людей (Türk Sanayicileri ve İşadamları Derneği – ТЮСИАД) в 1999 г. подготовлен и от его же имени издан в виде объемистой книги доклад-исследование «Фундаментальные проблемы турецко-российских отношений и предложения по их решению» (Türkiye-Rusya ilişkilerindeki yapısal sorunlar ve çözüm önerileri. İstanbul, TÜSİAD, Haziran 1999. 252 c.)

ТЮСИАД – самая авторитетная организация в Турции из тех, кто представляет интересы бизнеса, особенно крупного, ориентирующегося прежде всего на либеральную экономику по типу европейской и давно сотрудничающего с западным капиталом. (Можно напомнить в этой связи, что в качестве альтернативы ТЮСИАД окрепший в стране исламский бизнес создал сравнительно недавно свою аналогичную организацию МЮСИАД – Общество независимых предпринимателей – Müstakil İşadamları Derneği). В предисловии к данному, представляемому читателю изданию особо подчеркивается, что ТЮСИАД сохраняет верность таким кемалистским принципам, как «ориентация на современную цивилизацию», упрочение «основ демократического гражданского общества и светского правового государства». Общество также стремится к «укреплению рыночной экономики», «современной деловой этики», во имя «укрепления основ либеральной экономики» всемерно поддерживает самые эффективные способы использования человеческих и природных ресурсов – «с применением технологического обновления». К этому можно добавить, что общество осуществляет давнюю и постоянную поддержку многих научных разработок, проектов по различным аспектам экономического и политического развития Турции, ее связей с внешним миром; путем многочисленных публикаций и организации дискуссий доводит их до сведения общественности страны и мирового сообщества.

Что касается исполнителей проекта, согласно традиции ТЮСИАД, они не указаны на титульном листе публикации, сведения о них приводятся отдельно. Первый из авторов – Менсур Акгюн (Dr.Mensur Akgün), ответственный за подготовку трех первых разделов. Он стажировался в университете Осло, защитил диссертацию в Босфорском университете Стамбула. Сфера его научных интересов – внешняя политика Турции. Преподает в Мраморноморском университете, а также университетах Бильги и Едитепе. Сотрудничал в газете «Ени юзйыл», имеет публикации по вопросам внешней политики Турции, владеет норвежским и английским языка-

ми. Второй автор – Туран Айдын (Turan Aydın), выпускник Анкарского университета, ответственный за все другие разделы работы, сфера его интересов – внешнеэкономические связи Турции. Он работает в Совете по внешнеэкономическим связям (DEİK), где координирует вопросы сотрудничества Турции с евразийскими странами, в том числе с Россией. Владеет английским, русским, болгарским, македонским и татарским языками.

В своем Предисловии (с. 7–8) авторы подчеркивают, что отправной точкой при работе над выполненным ими проектом является та истина, что «РФ – один из ведущих торговых партнеров Турции». Они считают вместе с тем, что интерес Турции к России не ограничивается экономикой. «Несмотря на экономический кризис, политическую нестабильность, развал армии, признаки разложения ВМФ, Россия в конечном счете – ядерная держава и постоянный член СБ ООН. Более того, это страна с населением 150 млн. человек и территорией в 17 075 тыс. кв. км, сосед Турции по Черному морю. Турция не может игнорировать страну, которая во всем мире принимается во внимание при всех стратегических и внешнеполитических расчетах».

«Что касается нас самих, – пишут авторы, имея в виду турецкую сторону, – цель проекта – внести вклад в формирование такой политики, которая предупредит ухудшение отношений между Турцией и Россией по причине ненужных кризисов. Мы не знаем, насколько мы сможем в этом преуспеть, однако нас воодушевляют изменения в правительственной политике последнего времени. Пересмотр инструкции по Проливам 1994 г., договоренность с Россией в IMO, и что самое важное, первые признаки понимания по трубопроводу (подробнее о нем – ниже) – все это вселяет надежду. Особо радует повышение внимания Российской Федерации к значимости сотрудничества с Турцией. Вместе с тем нас и сейчас беспокоит любой неверный шаг, который может испортить отношения между двумя странами».

Авторы перечисляют с благодарностью те организации и официальные лица как в Турции, так и в России, которые оказали им консультационную и другую помощь при подготовке работы. При этом прежде всего упомянут Соли Озель, редактор издаваемого ТЮСИАД журнала «Private View», а также Комиссия по внешним связям ТЮСИАД.

Структура работы содержит пять разделов: 1. Введение; 2. Проливы и турецко-российские отношения; 3. Нефтепроводы и турецко-российские отношения; 4. Турецко-российские экономические связи; 5. Заключение. В конце каждого раздела на нескольких страницах представлен перечень используемых авторами источников, а также авторские примечания, комментарии, ссылки на личные беседы. В качестве приложений опубликованы тексты документов на турецком языке по Проливам (1936 – 1998), начиная с конвенции Монтре и кончая новым Регламентом судоходства через Проливы 1998 г.; представлены также подробная экономическая статистика по теме работы, по российским фирмам, действующим в Турции, и турецким – в России, краткая характеристика основных проектов сотрудничества двух стран – Газтранзит, Голубой поток и др., приложены также карты и схемы упоминаемых в тексте нефте- и газопроводов.

Ниже излагается подробное содержание работы. Мы сочли возможным опустить те абзацы, параграфы и главы исследования, которые относятся к прошлому, даже недавнему, двусторонних отношений (т.е. до 1980 г.), сосредоточив внимание на материалах, которые посвящены проблемам 90-х годов.

1. Введение (с.11-30)

Авторы начинают с ключевого положения о том, что крах коммунизма в Восточной Европе и затем в Советском Союзе «коренным образом изменил фундаментальные параметры международных отношений». Вместе с тем они признают, что «ни крах коммунизма, ни окончание холодной войны не смогли открыть путь к прогрессу в отношениях между Турцией и Россией, насчитывающих 500-летнюю дипломатическую историю, не смогли привести к тому, чтобы оба государства стали учитывать интересы друг друга».

«Еще до того, как организация НАТО стала заполнять геополитический вакуум, образовавшийся после роспуска Варшавского пакта, Турция мобилизовала все свои возможности, чтобы заполнить возникший после распада Советского Союза другой вакуум – на Кавказе и в Центральной Азии. Обнаруженные заново давние родственники дали турецкому обществу надежду и воодушевили его политиков. После этих событий Турции уже не надо было опасаться, что снижается ее геополитическая значимость. Ей не нужно было выполнять прежнюю функцию барьера, преграждавшего проникновение Советского Союза на Средний Восток, наоборот, она получила возможность играть роль моста между тюркским миром и Западом, предотвратив таким образом игнорирование Западом ее интересов по причинам гуманитарного и культурного характера».

«Основы отношений с тюркским миром заложил президент Тургут Озал во время поездки в марте 1991 г. в Советский Союз…, после попытки там переворота в августе 1991 г. они стали более динамичными. В сентябре Турцию посетил казахский лидер Нурсултан Назарбаев, 9 ноября Турция признала независимость Азербайджана. 16 декабря Турция объявила о признании в принципе всех Независимых Государств. В декабре Анкару посетил с визитом киргизский лидер Аскар Акаев, в январе 1992 г. – азербайджанский президент Аяз Муталибов. Вскоре в поездку по региону отправился министр иностранных дел Турции Хикмет Четин, вслед за ним регион посетил премьер-министр С.С.Демирель. Спустя некоторое время, в феврале 1992 г. С.Демирель впервые заявил, что с распадом Советского Союза от Адриатики до китайской стены возник великий тюркский мир; первая встреча лидеров тюркского мира на высшем уровне состоялась в том же году в октябре в Анкаре».

«Союз НАТО, членом которого мы являемся, был доволен тем, что Турция заполняет пустоту, возникшую в результате распада Советского Союза. В феврале 1992 г. генеральный секретарь НАТО Манфред Вернер

заявил, что поддерживает защиту Турцией интересов союза в Центральной Азии. Американская администрация стремилась к тому, чтобы вместо Ирана в этот регион проникала Турция, чтобы страны региона приняли светскую Турцию в качестве модели для своего развития. Однако Москва была другого мнения. Наблюдавшийся в 1992 г. хаос был быстро ликвидирован и под давлением армии все чаще подчеркивалось, что у России есть свои интересы в этих районах. В мае 1992 г. была оглашена доктрина безопасности, после 18 месяцев обсуждения в ноябре 1993 г. она вступила в силу. Миру было заявлено, что Россия с точки зрения своих стратегических интересов рассматривает сферой своего влияния Кавказ и Центральную Азию, определяя их как “ближнее зарубежье”. После этого стало неизбежным обострение конкурентной борьбы за этот регион, причем нефтепроводы, став символом этой геополитической конкуренции, коренным образом изменили характер двусторонних отношений».

Далее авторы отмечают, что в официальном плане «все шло хорошо»; они перечисляют взаимные визиты в 1992–1997 гг. руководителей двух государств и правительств, упоминают заключенные при этом договоры и соглашения, последним в работе упоминается визит В.С. Черномырдина в Турцию 15-16 декабря 1997 г. Также отмечается развитие связей на базе черноморского сотрудничества. «Однако несмотря на все это, проблема Проливов и ее первопричина – проблема трубопроводов так и не смогли быть полностью урегулированы. Между тем в случае поворота к политическому кризису это обстоятельство под воздействием воспоминаний о конфликтном прошлом могло стать причиной противостояния двух держав. Проблема оставалась в подвешенном состоянии даже после того, как в мае 1998 г. было достигнуто согласие в рамках Международной мореходной организации. Любой ошибочный шаг, предпринятый Турцией либо Россией, может вновь привести к кризису проблему Проливов и, как это бывало уже много раз в истории, стать предметом обсуждения на мировом уровне. Единственный способ снять с повестки дня двух стран вопрос о Проливах – покончить с конкуренцией в деле трубопроводов, как можно скорее принять решение по крайней мере о трассе для транспортировки АІОС каспийской нефти. Однако, как представляется, не похоже, что такое решение будет легко принять».

«Как уже выше отмечено, настоящая работа ставит задачу предупредить возможность вновь превратить Проливы в проблему в турецко-русских отношениях, предпринять по идеологическим крайностям ошибочные шаги, которые смогут нанести ущерб двум странам. Несмотря на тот факт, что Российская Федерация превратилась во второго торгового партнера Турции, дело, в конце концов, не сводится только к экономике. Данная работа учитывает, что Российская Федерация, несмотря ни на что, остается ядерной сверхдержавой, в Совете Безопасности ООН она имеет полномочия, позволяющие ей влиять на интересы Турции, и, что особенно важно, она имеет политическое влияние в регионе. Работа рассматривает Россию с точки зрения геополитики как важную точку опоры при возмож-

ных неожиданных тупиковых ситуациях в отношениях Турции с Западом, в сфере же экономических отношений работа рекомендует еще большее их развитие».

«В этом труде политика Российской Федерации принята как данность, решения и рекомендации рассмотрены вне зависимости, насколько это возможно, от позиции, которую Москва займет в отношении Турции. Несомненно вместе с тем, что отношения не должны развиваться путем односторонних уступок. Кроме того, и политическое будущее Российской Федерации – это тот фактор, который определит в значительной мере судьбу отношений между двумя странами. Далее, всегда существует возможность воздействия на Москву какими-либо мерами, предпринимаемыми союзом НАТО, членом которого мы являемся, а также прихода к власти в России антинатовских сил и соответственно отказа страны от взвешенной в отношении Запада геополитической ориентации». В примечании авторы также пишут, что поддержка расширения НАТО не решает проблем, связанных с Россией, «они не исчезли с повестки дня», и об этом свидетельствует косовский кризис, встревоживший Россию. Именно в эти дни провели переговоры министры обороны России и Белоруссии о совместных возможных мерах против НАТО. «Однако все это – не препятствие для выполнения Турцией взятых на себя обязательств и для того, чтобы рассматривать Российскую Федерацию не столько как стратегического противника, сколько как партнера».

«Не следует забывать многочисленное население Российской Федерации, дефицит товаров и услуг на ее рынке, географическую близость и тот факт, что она является важным рынком для турецкого частного предпринимательства. В 1997 г., рекордном для двусторонних отношений, источником примерно 15% всех валютных поступлений в Турцию была Россия. В российской экономике происходят коренные перемены, и в период, когда в некоторых отраслях двусторонние связи стали переживать трудности, возникшие новые проекты стали глотком свежего воздуха для турецко-российских отношений. Возможность их продолжения в значительной мере зависит от надежности политических контактов».

Почему Проливы и трубопроводы. Авторы приводят краткий обзор российско-турецких отношений, начиная с 1492 г. при Иване III и Баязите II и кончая конвенцией Монтре 1936 г.

Другие проблемы. После окончания холодной войны в регионе утратили свою остроту многие темы, включая и те, которые сохранялись из-за позиции России, например в вопросе АККА (Соглашение о сокращении обычных вооружений). Сохраняется перемирие в Нагорном Карабахе. «Стало легче, чем ранее, привлекать США, – они осуществляют посредничество в интересах Азербайджана, имеющего на руках нефтяные козыри, в последние годы возросла в целом заинтересованность США к региону». Чеченский вопрос, считают авторы, на стадии решения. Конфликт с продажей С-300 урегулирован после передачи их Греции. «В настоящее время, за исключением проблемы Проливов и связанного с нею вопроса о трубопроводах, единственная тема, способная негативно повлиять на развитие от-

ношений между Турцией и Россией, – это симпатии, испытываемые различными слоями населения России к курдской ПКК, но эта тема утратила свою значимость, поскольку российское правительство предприняло шаги по предотвращению пребывания Абдуллаха Оджалана в России».

Соглашение о сокращении обычных вооружений – АККА. Авторы напоминают, что оно было подписано 19 ноября 1990 г., вступило в силу 17 июля 1992 г. Это соглашение «соответствовало системе двухполюсного мира». Излагая относящиеся к этой теме события 90-х годов, авторы перечисляют пункты ограничения вооружений, согласованные для региона Кавказа («проблема флангов»), близкого Турции. При этом отмечается, что Россия не произвела сокращений вооруженных сил, предусмотренных ст. 5-й АККА. «Турция категорически заявила, что она против каких-либо изменений соглашения». Вместе с тем авторы признают, что любое использование Россией в регионе вооруженных сил против Турции и, следовательно, против НАТО окажется ядерной авантюрой, на которую никто не пойдет. «С точки зрения Турции, основной вопрос – борьба за сферы влияния на Кавказе. Анкара очевиднее, чем Россия избегает использовать свой военный потенциал для влияния на страны региона».

Чеченский вопрос. По мнению авторов, чеченский вопрос влияет и будет влиять на турецко-российские отношения. Он вступил в фазу урегулирования после достижения определенного согласия и вывода российских федеральных сил в январе 1997 г. «Несмотря на сохраняющуюся неопределенность статуса Чечни по подписанному 12 мая 1997 г. соглашению, можно говорить о стабилизации проблемы». Во всяком случае «исчезли законные основания для некоторых так называемых гражданских общественных организаций в Турции проводить мероприятия, направленные на демонстрацию солидарности с чеченским народом; сократилась возможность восприятия Россией акций протеста и поддержки их общественностью как вмешательство во внутренние дела и неуважение к ее территориальной целостности». В работе излагается история вопроса с момента провозглашения 2 ноября 1991 г. независимости Чечни, версия вооруженного конфликта, нападение Басаева на Буденновск, переговоры с Завгаевым о статусе автономии, бескомпромиссная позиция Дудаева, его смерть, соглашение Масхадова с Лебедем и т.д. «12 мая 1997 г. подписано соглашение о фактическом признании Россией Чеченской республики Ичкерия, по существу, как государства. Нельзя считать, что это соглашение, в юридическом плане означающее полное признание, решило все проблемы, однако оно способствовало исключению Чечни из повестки дня турецко-российских отношений». Авторы пишут в примечании, что юридическая оценка, подтверждающая факт признания Россией Чечни как независимого государства, дана в публикации *Francis A. Boyle. «Independent Chechnya: Treaty of Peace with of 12 May 1997,* http//amina.com/Chechens/article/peace_tret.html.

Нагорный Карабах. По мнению авторов, сейчас есть кому заниматься этим вопросом путем переговоров, а именно – Минской группе, поэтому следует эти переговоры и их результаты поддерживать.

С-300. Излагая историю с этими ракетными установками, авторы напоминают, что 5 января 1997 г. «министр иностранных дел греческой администрации Южного Кипра и Росвооружение» подписали контракт на поставку С-300 на Кипр. Вслед за этим МИД Турции заявил, что «Турция не сможет закрыть глаза на то обстоятельство, что турецкая община Кипра окажется в опасности, возникнет угроза ее территории, будет нарушен турецко-греческий баланс в Восточном Средиземноморье». Кроме того, «Турция дала понять, что в случае доставки на Кипр ракеты будут уничтожаться, и задержала в Проливах направлявшиеся из России на Средний Восток суда с военными грузами с подозрением, что эти грузы и есть С-300. Таким образом, Анкара кипрскую проблему, в сущности являющуюся проблемой между Турцией и Грецией, привнесла в турецко-российские отношения, воспрепятствовав эмоциональному сближению между двумя странами, которое последовало бы в связи с ростом экономического сотрудничества»,

Далее излагаются шаги российской стороны, в частности заявление российского посла в Анкаре о том, что если до прибытия ракет по кипрской проблеме будет найдено решение, нужда в ракетах отпадет. Позицию Турции поддержали США – пресс-секретарь Госдепартамента Н.Бэрнс «подверг резкой критике решение Никозии о закупке С-300». По рекомендации представителей третьей стороны в конце 1998 г. была достигнута договоренность о размещении ракет на греческом острове Крит. «Однако следует подчеркнуть – Анкару обеспокоило то обстоятельство, что продажи Россией оружия оказались связанными с кипрской проблемой, которую Турция считает для себя жизненно важной».

ПКК. В работе подчеркивается, что основанная в 1973 г. в Анкаре курдская террористическая организация ПКК сегодня «является для Турции серьезнейшей проблемой в ее внутренней и внешней политике». ПКК получает поддержку от нескольких стран и организаций, «наиболее успешно действуют ее организации в Европе, которая и открыла ей двери в 1989 г.». После высылки Оджалана из Сирии в 1998 г. под давлением Турции стало очевидно, что организацию ПКК активнее, чем Россия, поддерживают «наши союзники по НАТО Италия и Греция». Авторы напоминают, что на своем конгрессе в 1990 г. ПКК приняла решение не нападать на гражданское население. В январе 1995 г. очередной конгресс ПКК изъял из герба на знамени серп и молот, вооруженная борьба была объявлена не целью, а средством. В апреле 1995 г. был учрежден «курдский парламент», после съездов в Нидерландах и Австрии свой III съезд в октябре 1995 г. он провел в Москве, несмотря на протесты турецкой стороны, причем в официальном здании, принадлежащем Государственной Думе. Вслед за этими тремя заседаниями «Курдский парламент в изгнании» провел три собрания в Копенгагене, Риме и Осло, затем два – в Брюсселе и последний раз снова в Риме.

Что же касается связей ПКК с российской Думой, авторы пишут, что они «продолжались до последнего времени. При всяком удобном случае

Дума поддерживает ПКК. 26 сентября 1997 г. она публично обвинила Турцию в геноциде против курдов». В течение 1997 г. в Москве было проведено две конференции курдов. 1 сентября 1998 г., через неделю после того, как ПКК обратилась с призывом к миру, Дума призвала ООН и мировое сообщество «решить мирным путем курдский вопрос на принципах территориальной целостности Турции». 4 ноября 1998 г. вслед за прибытием Оджалана в Россию Дума 298 голосами приняла резолюцию о предоставлении политического убежища Оджалану. Что касается правительства России, авторы считают, что оно заняло нейтральную позицию, «Москва с пониманием отнеслась к операции в Северном Ираке турецких вооруженных сил численностью 35 тыс. человек». Авторы ссылаются при этом в примечании на информацию по Интернету за 1995 г. и добавляют, что тогдашний директор ФСБ С.Степашин во время переговоров в Анкаре в феврале 1995 г. договорился о взаимном отказе сторон от помощи и чеченцам, и ПКК. В этом же ключе авторы истолковывают позицию российских властей в отношении Оджалана, когда в октябре 1998 г. ему не разрешено было обосноваться в России.

Когда холодная война закончена. «Как ни стараются некоторые преисполненные добрых намерений политики, историки и писатели представить турецко-российские отношения как историю сотрудничества, в действительности, за некоторыми исключениями, это – история войн, страданий и переселений. А исключения, особенно в Турции, вспоминаются с неодобрением». Например, Ункяр-Искелессийский договор, подписанный с Россией 8 июля 1833 г. во время восстания против центральной власти египетского губернатора Мехмеда Али, основывался на принципах совместной обороны. Однако в истории он упоминается как горький пример уступок в пользу России. Авторы считают, что были действительно горькие для Турции события – приход русских в 1878 г. в Ешилькей (речь идет о Сан-Стефано. – *Н.К.*), раздел Турции по итогам Первой мировой войны, переговоры в 1945 г. Молотова и Сарпера и т.п. «Но ведь похожие проблемы существуют во всем мире и почти со всеми государствами. Не следует забывать, что в Европе, о политическом объединении которой идет сегодня речь, происходили самые кровавые в истории войны».

«Россия не является ни естественным конкурентом, ни естественным союзником Турции. Просто это государство стало вторым торговым партнером Турции; в значительных объемах оно накопило военную технологию; к нему прислушиваются в большинстве тех мест и регионов, к которым проявляет интерес и Турция; наконец, оно обладает правом вето в Совете Безопасности. Не нужно ожидать, что Россия откажется от всего этого. Необходимо сотрудничать там, где интересы совпадают, и не следует заранее осуждать как сомнительные возможные сферы сотрудничества… По разным причинам 1992–1997 гг. стали периодом, когда общие для Турции и России интересы, торговые выгоды в значительной мере оказались на заднем плане. Конкуренция, свойственная геополитическим реалиям давно прошедшей моды, привела нас к тому, что мы уже не за-

мечаем возможности сотрудничества. Символом в этой игре стал нефтепровод; ради его прокладки через свою территорию Турция использовала против России свои Проливы. Однако уже появились первые примеры того, что отношения между двумя странами вышли на первый план. стали освобождаться от груза мелких проблем».

«Визит в Россию в мае 1998 г. начальника генштаба И.Х.Карадаи засвидетельствовал, что армия Турции закончила свою “холодную войну”. Отныне пришло время и широкой общественности убедиться в том, что “холодная война” закончена, что пора осознать необходимость не разрушать гражданские связи между Турцией и Россией, основываясь на призрачных интересах и прибегая к необдуманным политическим шагам. В этом контексте и саму проблему Проливов, и породившую ее проблему нефтепроводов необходимо подвергать всестороннему обсуждению, как необходимо решать и другие вопросы, которые могут возникать в будущем».

2. Проливы и турецко-российские отношения (с. 31-64)

«Историю Проливов мы можем рассматривать одновременно и как историю конфликтов в турецко-российских отношениях. Как уже выше отмечено, перенесение в эту чувствительную точку проблем, существующих между двумя странами, может привести к коренному воздействию на развитие отношений. По причинам как исторического багажа, так и экономической, военной, символической важности для Российской Федерации, Проливы относятся к той сфере, которую Турция не должна использовать в своей внешней политике, а если все-таки она ее использует, следует при этом демонстрировать максимальную щепетильность. Предупреждение ненужных кризисов между двумя странами в значительной мере зависит от реального поведения Турции. Если предпринимаемые впредь со стороны Турции меры будут соответствовать духу и букве конвенции Монтре 1936 г., регулирующей режим прохода через Проливы, если в борьбе с нефтяными компаниями не будет игнорироваться международное право, то воздействие темы Проливов на отношения между двумя странами будет предотвращено».

«Надо прежде всего помнить, что через турецкое “горло” (*boğaz* по-турецки: пролив, горловина, горло) “глотают” и Россия, и другие выходящие к Черному морю государства, осуществляющие по этому морю торговые операции и проводящие свои суда через это “горло”. Как показано ниже, господство Турции над Проливами со временем сокращалось…, нынешний нормативный и стратегический баланс установлен конвенцией Монтре».

«Конвенцию Монтре, обеспечивающую Турции и России важные политические и стратегические преимущества, необходимо сохранять при всех ее недостатках и технически устаревших положениях. Исходящие от различных кругов требования в Турции о пересмотре второй статьи конвенции, предусматривающей в мирное время для торговых судов свободу неогра-

ниченного прохода, еще более возрастут с вводом в ближайшее время нефтепровода к Черному морю». (Поясняется, что речь идет о ныне уже действующей трассе Баку–Супса. – *Н.К.*). «Однако нет никакой гарантии, что попытка изменить статью вторую не отразится на всей конвенции. В случае отмены конвенции Турция затем уже не сможет, ссылаясь на свои полицейские полномочия, в одиночку производить необходимые исправления; равным образом Россия не сможет обеспечивать себе необходимую безопасность. Поэтому мы можем говорить о единстве стратегических интересов Турции и России в рамках сохранения конвенции Монтре».

Проливы сегодня. «Благодаря тому, что после 1946 г. Турция в большинстве случаев трактовала конвенцию Монтре таким образом, что она не противоречила интересам Советского Союза, проблема Проливов оставалась в состоянии дремоты». С появлением планов прокладки нефтепроводов проблема Проливов «снова оказалась в повестке дня, после 48 лет снова запылала». «Инструкция по урегулированию судоходства в Проливах и Мраморном море», опубликованная в «Ресми газете» («Официальная газета») 11 января 1994 г., состояла из 59 статей. Она учреждала караванное движение (*trafik ayrım şeritleri*, ст. 5), устанавливала обязательность прохода именно в караване (ст. 25). Также она требовала определения термина «крупные суда» (ст. 2.4.j), предусматривала закрытие движения в Босфоре и Дарданеллах во время прохода крупных судов (ст. 42, 52), приостановку либо запрет движения в случае изменения течения и при тумане (ст. 40, 41, 51). Короче говоря, для коммерческих судов, перевозящих опасный груз, устанавливались ограничения. В ответ на это Российская Федерация заявила, что таким образом нарушено международное право и прежде всего конвенция о Проливах, и вступила в политическую борьбу, начав с обращения в IMO.

О том, что возникнет проблема, было ясно еще при подготовке этой инструкции по Проливам. 26 марта 1993 г. один из ее разделов – «Схемы разделения движения» (TSS) был направлен Турцией в IMO для технического утверждения. При этом после разъяснения физических, географических и океанографических особенностей Проливов, со ссылкой на насыщенность движения и случаи аварий сообщалось, что ответственные инстанции в Турции намерены подготовить новое упорядочение – во имя защиты окружающей среды и населения, ради обеспечения должной безопасности и эффективного движения судов. Кроме того, в этом документе, представленном 62-й сессии Комитета по безопасности на море IMO, среди причин аварий указывались и такие, как отказ от лоцмана и нарушение существующих правил. На июньской, 39-й сессии Подкомитета по безопасности мореходства (NAV), было еще раз отмечено, что первым шагом в обеспечении безопасности движения в Проливах станет применение новых принципов, включенных в TSS и в инструкцию. Турция представила «Схемы» в NAV 9 июня 1993 г., и по принятии их в специальной рабочей группе 9 сентября поступили первые возражения от Российской Федерации… Они были упомянуты в заключительном докладе 39-й сессии NAV.

Несмотря на это, «Схемы» были утверждены и с 25 ноября 1994 г. вошли в новую систему «ротирования» (курсирования?).

«Подлинная проблема возникла при передаче Турцией в IMO “резюме” новой инструкции. Хотя Турция и забрала обратно это резюме еще не вступившей в силу инструкции, предполагая, что IMO вмешается в ее суверенные права, все же делегация РФ 24 марта 1994 г. представила 63-й сессии Комитета по безопасности на море доклад, в котором заявила, что если исходить из представленного ей Турцией текста, новая инструкция по Проливам противоречит конвенции в Монтре и некоторым другим международным правовым документам». (Авторы в примечании сообщают, что информация об этом появилась в турецком журнале «Denizalti dergisi», апрель-май 1994).

Авторы считают, что Турция оказалась перед трудным выбором – «либо согласиться с возражениями Российской Федерации и пересмотреть инструкцию, ослабив таким образом возможность реализации нефтепровода Баку–Джейхан, предназначавшегося для транспортировки нефти из каспийского бассейна, либо заявить, что принятие инструкции входит в сферу ее суверенных прав и постараться ее защищать в течение продолжительного времени. Турция выбрала второе и защищала эту открыто противоречащую конвенции Монтре инструкцию до середины 1998 г». После пересмотра изъянов и технических противоречий, содержащихся в инструкции 1994 г., ее новая редакция вступила в силу, как только была опубликована в «Ресми газете» 6 ноября 1998 г. (Полный турецкий текст этой новой «Инструкции по регулированию судоходства в Турецких Проливах» от 6 ноября 1998 г., именуемой также «Регламентом» и насчитывающей 54 статьи, прилагается к данной работе, с. 214-235).

«Регламент 1998 г.», как свидетельствуют авторы, «содержит радикальные изменения в сравнении с инструкцией 1994 г. В новой инструкции уже содержатся отсылки к международным договорам, а также положения, учитывающие интересы государств, пользующихся Проливами. Известно, что еще на этапе подготовки этого документа осуществлялось тесное сотрудничество между Анкарой и Москвой. Уже с первой статьи новая инструкция демонстрирует уважение к правовым принципам и смягчает многие ограничения, установленные в 1994 г.». Авторы пишут, что, например, в ст. 2-й, пункт «с», устанавливается, что юридическая основа документа – не только турецкие правовые акты, но и «международные договоры, к которым присоединилась Турция». Пункт «j» той же статьи вместо прежней предельной глубины осадки судна в 10 м установил новую глубину – 15 м. В новой инструкции «крупным судном» (т.е. подлежащим дополнительным ограничениям при проходе) именуется то, которое имеет длину не 150 м, как ранее, а уже 200 м и более. «Короче говоря, новая инструкция отменила очень много положений, замедляющих или усложняющих проход судов». Подробно перечислены и другие новшества и уточнения. Авторы при этом подчеркивают, что «с января 1998 г. и по настоящее время Турция осуществляет работы, направлен-

ные на обеспечение более безопасного прохода судов через Проливы», при этом кратко перечислены новые технические средства обеспечения безопасности.

Резюме. Подводя итоги раздела, авторы считают, что по положениям конвенции Монтре невозможно определить, правомерны ли изменения, внесенные инструкцией 1994 г., да и в целом «статьи конвенции не позволяют установить, имеет ли Турция право на национальное регулирование положений, касающихся прохода». Вместе с тем, по мнению одного из лучших специалистов Турции по морскому праву проф. Севина Толунера, «Турция может претендовать на полномочия по уточнению правил движения, но при условии, что не будет затрагиваться сам принцип права прохода, вносимые изменения не будут противоречить очевидным положениям конвенции и останутся в рамках правового режима, предусмотренного для аналогичных проливов». (Ссылка в тексте на: *Sevin Toluner. Milletleraras ı Hukuk dersleri: Devletin yetkisi. İst. Filiz kitabeyi, 1984, s. 150).* «Очевидно, что составители инструкции не приняли во внимание профессиональные взгляды проф. С.Толунера, на первом плане оказалась политика, а не право». (В примечании авторы пишут, что ст. 24-я конвенции Монтре передала властям Турции полномочия международной комиссии по Проливам, созданной согласно действовавшей тогда Лозаннской конвенции по Проливам 1923 г. Это так. Но авторы не пишут, что полномочия, оказавшись после этого в руках турок, не изменились по сути, духу, они должны были учитывать, как и прежде, не только национальные интересы Турции, но и интересы других стран, которые ранее защищала «лозаннская» комиссия, ликвидированная в Монтре. Ликвидация комиссии не означает ликвидации интересов других стран.– *Н.К.*)

В работе приводятся примеры негативных последствий введения инструкции 1994 г., упоминаются потери российской, болгарской сторон. (О потерях других причерноморских стран не упоминается. – *Н.К.*).Сообщается также и о проводимых работах по техническому оснащению Проливов для безопасной проводки судов с тем, чтобы уже в 2005 г. можно было провозить ежегодно 100 млн. т нефти. «Иными словами, инструкция 1994 г. вызвала обострение турецко-российских отношений по такой чувствительной и исторически трудной теме, как Проливы, в то же время она заметно не повлияла на выбор нефтяными компаниями трассы нефтепровода».

По мнению авторов, основная причина того, что Турция достаточно спокойно может осуществлять регулирование прохода через Проливы – это уверенность в том, что «РФ не является сторонницей изменения конвенции Монтре. Действительно, русские не стремятся каким-либо образом трогать эту конвенцию, обеспечивающую им важные стратегические преимущества. Условия и правовое поле изменились с 1946 г. не в пользу русских. Распад СССР, расширение НАТО на восток, присоединение всех бывших советских республик и союзников к программе типа “сотрудниче-

ство во имя мира”, открытой для членства в НАТО – все это означает, что для Москвы шахматная доска в стратегическом плане изменилась. Она очень хорошо понимает, что, не сумев изменить режим Монтре в 1945 г., она не может сделать это в то время, когда она слаба». Далее авторы подробно разбирают возможные варианты отмены конвенции и их последствия. Они считают, что после такой отмены начнут действовать положения международного права, предусматривающие свободный, без ограничений, проход всех судов. «Принимая во внимание все вышесказанное, не ожидается, что Москва предпримет какие-либо меры по изменению конвенции Монтре, а Турция подаст голос в пользу широкого толкования режима Монтре. Также невозможно предположить, что Российская Федерация окажется совершенно безучастной к этой столь близкой ее жизненным интересам теме».

В резюме отмечается также, что близким проблеме Проливов оказался конфликт с российскими ракетными установками С-300 для Кипра. Появились сообщения о транспортировке их через Проливы, «возникла дискуссия о том, имеет или не имеет Турция право обыскивать проходящие суда». В турецком журнале «Perceptions», июль-август 1998, появилась статья от имени Центра стратегических исследований турецкого МИД, в которой «защищалось право Турции обыскивать торговые суда в случае возникновения угрозы ее безопасности».

«Между тем, – считают авторы, – является спорным вопрос о том, что Турция обладает таким правом. Полномочия Турции, касающиеся мер по регулированию в Проливах во имя ее безопасности не безграничны. Конвенция Монтре не дает Турции твердого права обыскивать проходящие суда. Невозможно принимать меры, даже прибегая к положению ст. 21-й о близкой опасности войны. Если Турция считает, что она находится под угрозой войны, ей необходимо проинформировать о таком положении Совет Безопасности ООН. Но даже если она это и сделает, ей необходимо будет подчиниться решению, принятому Советом Безопасности. В итоге этой инициативы маловероятно, что Совет Безопасности, в котором РФ обладает правом вето как постоянный член этой организации, примет решение, учитывающее интересы Турции».

Завершая тему Проливов, авторы подчеркивают: «В наши дни неспособность решить проблему Проливов наносит ущерб не только турецко-российским отношениям, она в то же время интернационализирует проблему, со временем это приведет к тому, что Турция окажется вынужденной жертвовать своими суверенными правами. Со времени 69-й сессии Комитета по безопасности на море IMO в мае 1998 г. до настоящего времени вопрос оставался открытым. Есть уверенность, что новая инструкция по Проливам, принятая вместо инструкции 1994 г., удовлетворит требования РФ… Однако когда же, наконец, проход через Проливы окончательно перестанет оставаться проблемой в отношениях между двумя странами – это выяснится лишь при определении трассы нефтепровода».

3. Нефтепроводы и турецко-российские отношения
(с.65-98)

После подписания в декабре 1991 г. беловежских соглашений «Турция объявила о готовности установить дипломатические отношения со всеми новыми независимыми государствами». После 15 декабря начали осуществляться визиты на высшем уровне. В феврале 1992 г. Сулейман Демирель, в то время премьер-министр Турции, впервые заявил, что возник великий Тюркский мир от Адриатики до Китайской стены. В декабре 1992 г. Турция по личному приглашению президента Азербайджана А.Эльчибея направила в Баку двух специалистов, начав таким образом свою «нефтяную эпопею». [В примечании авторы приводят свидетельства турецкой журналистки о встрече вечером 5 декабря 1992 г. в номере одного из отелей Измира президента Т.Озала с Эльчибеем. Именно там А.Эльчибей предложил Т.Озалу направить двух специалистов в Баку, и на следующий же день эти специалисты от государственных турецких компаний БОТАШ (трубопроводы) и ТПАО (нефтедобыча) отправились в Азербайджан, причем даже без паспортов. – *Lale Sarıibrahimoğlu. Kurt kapanında kısır siyaset. İst., imge yayınevi, 1997, s. 25*]. Через несколько месяцев, 5 марта 1993 г., между Турцией и Азербайджаном было подписано соглашение о транспортировке азербайджанской нефти в Джейхан.

«После свержения А.Эльчибея это соглашение уже не действовало. Однако и поныне конкуренция относительно трассы нефтепровода для каспийской нефти остается одной из главных тем в отношениях между Турцией и Россией. Хотя эта конкуренция в последнее время стала опираться на более реальные основы, нельзя сказать, что по этому вопросу достигнуто понимание и он полностью решен. Не похоже, что он может быть решен, пока AIOC (Азербайджан интернейшнл ойл компани) окончательно не определит, где пройдет основная экспортная трасса нефтепровода. Как ниже будет показано, препятствия по реализации проекта Баку–Джейхан проистекают не столько из-за конкуренции России, сколько из-за экономической целесообразности».

Краткая история каспийской нефти (с.68-69)

Начало этой истории авторы относят к первым попыткам нефтедобычи в регионе во второй половине XIX в, причем в начале XX в. речь уже шла не только о бакинской, но и о казахстанской нефти. Приводятся данные об объемах добычи нефти в 60–80-е годы. Отмечается, что после распада СССР добыча нефти переживала очень серьезные трудности. «В наши дни эти трудности преодолеваются – где за счет поступления западной технологии, а где за счет участия иностранного капитала. В Азербайджане в 1997 г. добыча нефти снизилась до 9 млн. т. Бакинские НПЗ «Азернефтьяг» и «Азернефтьянаяг» имеют в совокупности мощности 22 млн. т, они работают на 40% мощностей. В Казахстане в 1997 г. добыто 25,7 млн. т нефти, в 1998 г. ожидается добыча 30 млн. т».

«Подсчеты запасов нефти в регионе различны. По данным Международного энергетического агентства (IEA), установленные в регионе запасы составляют от 15 млрд. до 40 млрд. баррелей. К этому можно добавить 70-150 млрд. баррелей потенциальных запасов. При нормальном развитии событий ожидается, что в 2010 г. в этом регионе будет добыто максимум 200-205 млн. т нефти». По приводимым авторами данным IEA (*Caspian Oil and Gas*), добыча нефти в каспийском бассейне в 1996 г. составила 43 млн. т, а экспорт –15 млн. т. По тем же данным, в 2000 г. соответственно будет 69-79 млн. и 29-33 млн. т, в 2010 г. – 138-194 млн. и 75-117 млн. т нефти.

Проекты нефтедобычи (с.70–74)

Азербайджан. «Заключено 16 соглашений о разделе продукции (PSA), касающихся эксплуатации нефтяных и газовых месторождений Азербайджана. Наиболее важное из них с точки зрения трассы подписано 20 сентября 1994 г. и относится к проекту, предусматривающему эксплуатацию нефтяных месторождений Чыраг, Азери и Дерин Гюнешли консорциумом, в который входит также и турецкая ТПАО – Тюркие Петроллери А.О. Ожидается, что при инвестициях в 8 млрд. долл. добыча здесь в 2004 г. составит ежедневно 300 тыс. баррелей, а в 2010 г. – 700 тыс. баррелей. За 30 лет на этих участках планируется всего добыть 3,7 млрд. баррелей, причем 70% полученной прибыли останется у Азербайджана. Сверх этого Азербайджан получает 300 млн. долл. в качестве премиальных за подпись. Добившись 12 декабря 1994 г. от азербайджанского парламента ратификации соглашения, консорциум начал подготовку программы развития, рассчитанную на 54 месяца. Первый этап, охватывающий пять лет, предусматривает осуществление “ранней” добычи с платформы Чыралы-1 в объеме 240 млн. баррелей.

Реализация этого проекта носила авантюрный характер. Начатые в 1991 г. переговоры предполагалось завершить в июне 1993 г., однако президент Азербайджана А.Эльчибей был смещен со своего поста в результате переворота, за которым просматривалась поддержка Российской Федерации (ссылка *на Thomas Golz. Letter from Euroasia: the Hidden Russian Hand. Foreign Policy (Fall 93) No 92).* После прихода к власти Гейдара Алиева переговоры возобновились. По первому протоколу, подписанному в октябре 1993 г., участок Гюнешли не был включен в соглашение, однако в 1995 г. этот вопрос был урегулирован. В этот период было официально заявлено, что азербайджанская нефтяная компания SOCAR из своих 30% акций в апреле 1994 г. 10% передала российской Лукойл. Затем из-за невыполнения своих финансовых обязательств SOCAR поделила между ТРАО и Exxon другие 10% своих акций. Несмотря на все усилия Ирана стать акционером AIOC (при поддержке азербайджанских властей), американская администрация и сами компании выступили против этого, Иран не смог заполучить акции консорциума».

Авторы пишут, что, помимо этого проекта, именуемого как «контракт века», среди других достаточно важных проектов упоминаются те, кото-

рые относятся к месторождениям Карабаг, Шах денизи; Дан Улдузу – Эшрефли; Ленкорань (море) – Талиш (море), Ялама, Огуз, Апшерон, Нахичевань, Инам, оффшорные месторождения Куюрдашы и Биби-Эйбат, Тагиев, Кузей Карабаг, Кергез, Кызылтепе, Умбаки, Каламадин, Кировдаг и другим оффшорным участкам. Кроме того, по очень многим участкам подписаны предварительные соглашения либо ведутся переговоры.

«Об эксплуатации в течение 25 лет месторождения Карабаг площадью 427 кв. км и с запасами в 68–150 млн. т 10 ноября 1995 г. подписано соглашение между SOCAR, Лукойл, Pennzoil (США), Agip (Италия), оно вошло в силу 23 февраля 1996 г. после ратификации его Милли меджлисом. Однако по итогам поисковых работ стоимостью примерно в 120 млн. долл. было установлено, что достаточного количества нефти там не обнаружено и созданная перечисленными фирмами компания CIPCO приняла 21 января 1999 г. решение о самороспуске. Будь поиски успешными, ожидалось получение с этого месторождения в течение пяти–шести лет ежедневно 200 тыс. баррелей. Аналогична Карабагу история проекта по месторождению Дан Улдузу-Эшрефли, где предположительно резервы нефти исчислялись в 150 млн. т и природного газа – 60 млрд. куб. м. В созданный для эксплуатации названного месторождения консорциум вошли BP-Amoco (США), Unocal (США), Delta (Саудовская Аравия), Itochu (Япония) и Socar. Проект был закрыт 3 марта 1999 г. по той причине, что установленное количество нефти и газа недостаточно для рентабельной эксплуатации месторождения.

4 июля 1996 г. подписано соглашение об эксплуатации месторождения Шахденизи, запасы которого исчислены в 100–200 т нефти и 400 млрд. куб. м газа. 51% акций компании принадлежит BP (Великобритания) и STATOIL (Норвегия). К ним присоединились иранская OIEC, французская Elf-Acquantine, российская Лукойл и турецкая TPAO. Еще один проект – по месторождению Ленкорань – Талиш Дениз с участием Ирана был подписан во Франции в январе 1997 г. В настоящее время ведутся работы по организации переработки большей части добываемой нефти на НПЗ в Тебризе и Тегеране».

Как сообщается в работе, 1 августа 1997 г. Г.Алиев на торжествах в присутствии вице-президента США А.Гора подписал четыре соглашения с компаниями Амоко, Шеврон, Эксон, Мобил по эксплуатации месторождений Апшерона, Нахичевани, Огуз, Инам, предусмотрены инвестиции в 8–10 млрд. долл. Во время визита в Лондон Г.Алиев подписал еще три важных документа о разделе продукции. Помимо всех этих оффшорных соглашений, подписаны документы и на условиях «on-shore», и как считают авторы исследования, именно такие «он-шорные» условия окажутся для турецких нефтяных компаний более приемлемыми.

Казахстан. «Открытое в 70-е годы и считающееся одним из самых крупных в мире Тенгизское нефтяное месторождение начало эксплуатироваться после подписания в апреле 1993 г. соответствующего соглашения между компанией Шеврон и правительством Казахстана. В мае 1996 г. к

проекту присоединилась компания Мобил, после того как она приобрела у казахского правительства 25% акций. Предполагается, что при затратах на эксплуатацию 25 млрд. долл. месторождение обеспечит поступление 150 млрд. долл. 114 млрд. долл. из этой суммы останется у правительства Казахстана. По состоянию на 1998 г. объем добываемой ежедневно в Тенгизе нефти достигает примерно 180 тыс. баррелей. Ожидается, что в 2000 г. эта цифра возрастет до 250 тыс. баррелей, а в 2010 г. – до 700 тыс. баррелей.

Акции в Тенгизшевройл распределены следующим образом: Тенгизмунай-газ/Казахойл – 25%, Шеврон (США) – 45, Мобил – 25, Лукарко (Лукойл и Atlantic Richfirld) – 5%. Поскольку Российская Федерация ранее не смогла добиться для себя желаемой доли участия, ссылаясь на то, что нефтепровод проходит по ее территории, в планах Тенгизшевройл по добыче и по инвестициям наметились сокращения. В 1996 г. российская Транснефть предоставила Тенгизшевройлу возможность экспортировать в течение года 3 млн. т нефти (ежедневно 60 тыс. баррелей), причем бóльшая часть была поставлена в Германию. В небольших количествах осуществлялись поставки через Азербайджан в Батуми, по железной дороге в Россию, танкерами в Иран и на НПЗ в южной России».

Другим богатым нефтью месторождением в Казахстане авторы исследования называют Караджаганак. «Предполагается, что резервы здесь можно исчислять в 4-6 млрд. баррелей. Эксплуатация месторождения в июне 1992 г. была передана Бритиш газ и Аджип, при этом имелось в виду, что сначала начнется эксплуатация месторождения газа. Россия настаивала на включении в проект ее компании, в противном случае цены на добываемый газ будут завышаться на 15% выше мировых. В результате такого давления 10 февраля 1995 г. в проект был включен Газпром, а 2 марта 1995 г. Бритиш газ, Аджип, Газпром и правительство Казахстана подписали соглашение о разделе продукции. Русские настаивали, чтобы при разработке месторождения использовалась российская технология, и по этой причине они вправе требовать увеличения своей доли прибыли. Окончательное соглашение о разделе продукции (PSA) было подписано в Вашингтоне в ноябре 1997 г. Инвестиции, необходимые для реализации в течение 40 лет проекта, исчислялись в 10 млрд. долл. В 1996 г. в этой зоне было получено 4 млн. т нефти (жидкость и конденсат). Это количество в 2001 г. возрастет до 9 млн. т, при максимальном росте добычи эта цифра может увеличиться до 13 млн. т. Помимо нефти коммерческую значимость Караджаганака определяет также газ».

Из других, «не столь значимых проектов», авторы работы считают нужным упомянуть район Актюбинска, где добыча нефти передана в 1996 г. одной компании – турецкой ТПАО. Поисковые работы планировалось провести в течение четырех лет, после чего ТПАО подпишет контракт на 25 лет, если запасы будут определены в размере менее 100 млн. т, и на 40 лет, если эти запасы превысят 100 млн. т. Предполагаемая прибыль Казахстана от этого проекта – 1,8 млрд. долл. В указанный проект компании надлежит инвестировать 750 млн. долл. Кроме этого, ТПАО совместно с

KazNIGRI учредило смешанную компанию (joint venture) с целью получения 4 млрд. баррелей нефти и 200 млрд. куб. м газа в регионах Актюбинска, Атырау (Atyrau) и Мангыштау (Mangystau).

В исследовании сообщается, что с целью разработки оффшорных месторождений казахстанского Каспия, компании Аджип, БП/Статойл, Бритиш газ, Мобил, Ройял Датч/Шелл, Тотал совместно с компанией KCS (Казахстан/Каспи/Шельф) договорились о проведении в декабре 1993 г. сейсмических исследований. Консорциум начал эти работы в сентябре 1994 г. и в декабре 1996 г. закончил исследование площади в 100 тыс. кв. км. По мнению правительства Казахстана, возможные резервы нефти на материковом шельфе достигают 10 млрд. баррелей. Вскоре эта площадь была поделена на 200 поисковых участков, площадь каждого – 500 кв. км. 12 поисковых участков начали разрабатываться консорциумом, осуществившим сейсмические работы, после того как в ноябре 1997 г. в Вашингтоне было подписано соглашение о разделе продукции. Авторы пишут, что когда их книга готовилась к публикации, распределение поисковых участков продолжалось. «Западные нефтяные компании подсчитали, что начать добычу на своих поисковых участках они не смогут ранее 2004 г., количество добываемой нефти в 2013 г. может составить 60 млн. т».

Как еще одно важное событие авторы отмечают соглашение на 4,3 млрд. долл., подписанное с национальной нефтяной компанией Китая (CNPC) о реабилитации месторождения Узен. Соглашение, в принципе, признает право китайской компании соорудить нефтепровод для транспортировки казахской нефти в Китай. Помимо этого, отмечают авторы, ведутся переговоры по другим проектам – с Шелл и Веба (Германия) по Тамиру, с японцами – по Актюбинскому региону и т.д.

Нефтепроводы (с.74-79)

Авторы в своей работе напоминают: «Чтобы претворить в жизнь перечисленные выше проекты, необходимо будет решать проблемы доставки». Они признают, что в этом обширном регионе имеются нефтепроводы, оставшиеся с советских времен. «Однако многие из них запущены, другие были сооружены с учетом лишь местных потребностей отдельных районов. Кроме того, пропускная способность этих нефтепроводов не была рассчитана на вывоз продукции из регионов… Более того, Россия, существуя за счет казахстанских нефтепроводов и туркменских газопроводов, использует проходящие по ее территории трассы, чтобы требовать от стран региона политических, но более всего экономических уступок. Поэтому и для компаний, и для владеющих нефтью государств важно не оказаться привязанными лишь к одной трассе. Однако по меньшей мере столь же важно, чтобы сооружение новых линий обходились как можно дешевле.

Авторы особое внимание обращают на проект Баку–Джейхан: «С момента своего возникновения и по сей день фундаментальной проблемой в турецко-российских отношениях остается конкуренция нефтепроводов Баку–Джейхан и Баку–Новороссийск. Речь идет о трассе, по которой будет

вывозиться добываемая AIOC в Азербайджане нефть. В соответствии с соглашением, подписанным этой компанией с правительством Азербайджана, она ответственна за оказание содействия в расширении (строительстве) экспортного нефтепровода, поэтому входящие в AIOC компании принимают решение относительно экспортной трассы, по которой следует отправлять добываемую в регионе нефть. В октябре 1995 г. AIOC в значительной мере под давлением Турции и США принял решение о транспортировке ранней нефти в количествах до 300 баррелей ежедневно по двум трубопроводам: Баку–Новороссийск и Баку–Супса».

Баку-Новороссийск. «Нефтепровод Баку-Новороссийск, или Северная трасса, вступил в действие в 1997 г. О его открытии было торжественно объявлено 12 ноября на встрече руководителей компаний – участников AIOC, причем турецкую сторону представлял премьер-министр М.М.Йылмаз. Уже в том же 1997 г. в Новороссийске было погружено 200 тыс. т поступившей по трубопроводу нефти. Как считается, небольшие дополнительные расходы помогут увеличить объем транспортируемой в порт нефти до 17 млн. т. Нефтепровод проходит к новороссийскому порту через Грозный и Тихорецк. Ранее эта линия использовалась для доставки российской сырой нефти на азербайджанские нефтеочистительные комбинаты, после необходимого ремонта она стала действовать в обратном направлении. 1411 км трубопровода приходится на российскую территорию, в том числе 153 км – на Чечню, причем 78,4 км этого отрезка пострадали от военных действий и грабежа и были затем отремонтированы Россией. Эксплуатация трубопровода осуществляется российской Транснефтью, которая перегружает в Новороссийске нефть в танкеры, получая за это 15,67 долл. с тонны. В 1997 г. начались работы по прокладке дублирующей трассы по территории Дагестана протяженностью 283 км и стоимостью 200-220 млн. долл.».

Баку–Супса. «Эта трасса протяженностью 920 км именуется еще Западной линией. Подобно Северной, она начала действовать в апреле 1999 г. после ремонта старого трубопровода, замены некоторых участков и добавления новых секций. Финансирование линии возложено на AIOC. Ранее предполагалось, что линия обойдется в 315 млн. долл., но после того, как стало очевидным, что в негодном состоянии находится большее число секций, AIOC вынуждена была пойти на дополнительные расходы. Ожидается, что реконструкция трассы обойдется в 590 млн. долл. В планируемых расходах предусмотрено использование 60 млн. долл. на строительство портовых сооружений Супсы и складских объектов».

«Сейчас речь идет о строительстве терминала с пропускной способностью 10 млн. т в год, при необходимости дополнительные инвестиции в сумме 1,2 – 1,5 млрд. долл. обеспечат возможность транспортировки в год 50 – 70 млн. т нефти, что предполагает превращение трубопровода в главную экспортную нитку этого региона. На первом этапе на трассе планируется соорудить пять насосных станций, танкеры будут загружаться на расстоянии 2,5 км от берега. Не обремененная никакими финансовыми расходами Грузия будет получать от перекачки каждого барреля 0,17 долл. или

с тонны – 1,24 долл.». [Здесь и в нескольких других местах текста – ссылка на источник: *International Energy Agency. Caspian Oil and Gas: The Supply Potential of Central Asia and Transcaucasia (France: OECD Publicatins, 1998), p. 163].* «Трубопровод подлежит передаче Грузии через 30 лет, он закончен в начале 1999 г., первая нефть в апреле поступила в Супсу». В примечании сообщается, что работы на азербайджанском участке этого нефтепровода осуществлены турецкой компанией Текфен и азербайджано-турецкой компанией Азфен.

Проект CPC. «Еще одна трасса влияет на судьбу проекта Баку–Джейхан – это нефтепровод для транспортировки казахской нефти, планируемый с выходом к морю у деревни Озеревка, в 15 км южнее Новороссийска. Строительство этой трассы продолжается с 1992 г., когда и был создан CPC – Консорциум Каспийского нефтепровода. Первоначально, а именно 17 июня 1992 г., соответствующее соглашение подписали Казахстан и Оман, затем к ним присоединилась Российская Федерация. В первое время проект не получил развития в основном из-за трудностей в распределении акций. В декабре 1996 г. было подписано соглашение о долях участников, а 16 мая 1997 г. – документ о техническом содержании проекта.

Протяженность трассы CPC составляет 1440 км. Предусматривается модернизация участка Тенгиз–Комсомольск (725 км), по участку в 480 км между Комсомольском и Кропоткиным будет протянута новая нитка из труб диаметром 1020 мм, а на оставшемся отрезке в 285 км будут проложены трубы диаметром 1000 мм самое позднее в 2001 г. Начальная пропускная способность линии планируется в объеме 28 млн. т в год. При сооружении новых насосных станций мощность в четыре этапа будет к 2012-2014 гг. увеличена до 67 млн. т в год. Всего на трассе будет создано 15 насосных станций, в Новороссийске построено 13 емкостей, каждая по 100 тыс. куб. м. На первом этапе строительства расходы составят 2,1 млрд. долл., работы по увеличению мощностей трубопровода потребуют 1,9 млрд. долл. Расходы по первому этапу покрываются фирмами, осуществляющими добычу, оплата расходов на увеличение мощностей распределяется между правительствами и добывающими компаниями. Предполагается, что за более чем 40-летний период Россия заработает на нефтепроводе 23,3 млрд. долл. Проектные и строительные работы начались, CPC в апреле 1997 г. подписала контракт с российской компанией Гипровостокнефть и американской фирмой Flour Daniel на 50 млн. долл., затем были организованы торги на строительные работы, проведены с местными властями переговоры относительно права прокладки трассы. По утверждению Вагита Алекперова, трубопровод должен начать действовать не позже, чем в конце 2001 г.». Как следует из приводимых данных, квоты по использованию трассы распределяются следующим образом: на начальном этапе 66% приходится на добывающие компании в Казахстане, 25% – на российские компании, 8% – на Россию, Казахстан и Оман.

Квоты СРС на 2000 г. составят 28,2 млн. т/год, в 2014 г. – 67 млн. т/год. Квоты по субъектам и годам распределены следующим образом (млн. т/год):

Квоты СРС:

	2000 г.	2014 г.
Казахойл (в т. ч. доля правительства)	2	11,3
Российская Федерация	1	4,8
Оман	1	1,4
Kaz Pipeline Ventures (Kazakoil, Amoko)	3	3
Лукойл	4	10
Роснефть (совместно с Шелл)	3	5
Шеврон	4	15
Мобил	2	7,5
Oryx	2,7	3
British Gas	2,75	3
Agip	2,75	3
	28,2	67

Источник: IEA, Caspian Oil & Gas

Проект Баку–Джейхан. «С 1992 г. и до настоящего времени Турция затратила громадные усилия, чтобы обеспечить доставку каспийской нефти в Джейхан. До недавнего времени основное внимание обращалось не столько на себестоимость проекта, сколько на его стратегическую значимость, обсуждались варианты трассы, сценарии прокладки через Армению и Грузию… Специальный Координационный совет, созданный при премьер-министре Турции в августе 1995 г., провел по этому поводу множество переговоров прежде всего с Министерствами торговли и энергетики, Государственным департаментом США, а также Советом национальной безопасности США, руководством Азербайджана, Грузии, Казахстана, компаниями и международными финансовыми организациями, например с БП, Амоко».

«Турция, чтобы вывести из игры трассу Баку–Новороссийск, считавшуюся в тот момент конкурентом трассе Баку–Джейхан, приняла активное участие в реализации линии Баку–Супса, которая ныне, как отмечено выше, стала самым серьезным конкурентом для трассы Баку–Джейхан… Уже с 1995 г. Анкара сосредоточила свое внимание на работах по ранней нефти. Когда на заседании, посвященном этому вопросу, AIOC представила семь проектов, пять из них были отклонены, поскольку предусматривали прокладку трассы через Россию или Иран; далее, была констатирована невозможность производить в Баку переработку и продажу готовой продукции; в итоге было решено поддержать вариант доставки добываемой нефти по железной дороге и трубопроводу в Батуми (Грузия). Как утверждают участники этого совещания, в принятии решения сыграли роль такие факторы, как прохождение трассы Баку–Джейхан через Гру-

зию; также с симпатией странами региона, прежде всего Казахстаном, был воспринят тот факт, что трасса не пройдет через Россию; были приняты во внимание и ограниченные возможности порта Батуми, который в состоянии переработать максимум 5 млн. т.»

«Затем принятое решение было сообщено политическому руководству, при этом договорились, чтобы попросить США также поддержать грузинский вариант для транспортировки ранней нефти. Сразу после этого в Грузию была направлена турецкая делегация, 28 февраля 1995 г. она подписала с Грузией протокол о сотрудничестве по батумскому проекту, а также о том, чтобы ценовые тарифы были самыми минимальными. Однако вскоре англо-американская инжиниринговая фирма Браун энд Рут подготовила проект, который вместо Батуми предлагал более перспективный для возможного расширения порт Супса и в конечном счете с ведома американских властей Турция начала поддерживать Супсу в той же мере, что и Батуми. Турция своим факсом от 26.08. 1995 г. в адрес AIOC официально подтвердила готовность финансировать Супсу. Известно, что в принятии этого решения важную роль сыграло стремление любой ценой предотвратить поступление ранней нефти в Новороссийск».

В примечании к этому материалу авторы добавляют: «По общепринятому мнению, считается, что Турция поддержала трассу Баку–Супса по той причине, что доставляемая в Грузию нефть будет закупаться Турцией, и что таким образом нагрузка на Проливы будет не столь тяжелой. Однако невозможно найти удовлетворительного объяснения, – почему Турция не может закупать нефть, транспортируемую в Новороссийск. Любопытная статья по данной теме принадлежит заместителю советника МИД Турции послу Темелю Искиту.» (см. *Temel İskit. Turkey: A New Actor in the Field of Energy Politics. Perceptions, vol. 1, no 1, March-May 1996»).*

Однако, пишут далее авторы исследования, «несмотря на все усилия Турции и США, AIOC склонялась к тому, чтобы раннюю нефть продавать через Новороссийск. Президент AIOC Терри Адаме 8 октября 1995 г. в Баку представил турецкой команде в качестве основания для предпочтения новороссийской трассы боязнь Гейдара Алиева русских и заявил, что Г.Алиев поддержал именно эту трассу» (*Лале Сары-ибрагимоглу, с. 68).* «После этого президент С.Демирель и тогдашний премьер Т.Чиллер разыскали Г.Алиева и постарались его переубедить, вслед за ними к уговорам присоединился Б.Клинтон, и в результате телефонного разговора, продолжавшегося 40 минут, Г.Алиев согласился на одновременное функционирование двух трасс. Это решение было оглашено 9 октября на заседании в Лондоне».

Авторы обращают внимание читателя на то, что после такого выбора 3 мая 1996 г. Турция сообщила AIOC, что отзывает свое предложение о финансировании проекта трассы до Супса. «Таким образом, все свои усилия начиная с августа 1996 г. она направила на подготовку проекта, обеспечивающего трассу основного экспортного нефтепровода по своей территории. Однако трудно сказать, что благодаря всем своим стараниям и давлению Турция смогла переубедить нефтяные компании». Авторы да-

лее приводят сведения по километражу участков будущей трассы Баку–Джейхан (всего 1730 км) по Азербайджану (468 км), Грузии (225 км), Турции (1037 км). Общая себестоимость всей трассы – 2 331 677 955 долл. Проект предусматривает сооружение девяти промежуточных насосных станций, прокладку 1618 км труб шириной 42 дюйма; остальные трубы – 34 дюйма – рассчитаны на высокое давление. В действие трасса войдет с мощностью в первый год 11,5 млн. т/год, за шесть лет мощность будет увеличена до 45 млн. т/год. Динамика увеличения мощности проектируемого нефтепровода Баку – Джейхан, по расчетам Министерства энергетики Турции, следующая (млн. т/год):

1 год	11,5
2 год	18,0
3 год	25,0
4 год	32,0
5 год	39,0
6 год	45,0

Козыри Турции (с. 80-85)

Проливы. «Самый большой козырь, который может способствовать реализации Турцией проекта Баку – Джейхан, – это Проливы. Как выше уже отмечено, создав проблемы в турецко-российских отношениях, Анкара вместе с тем продемонстрировала всему миру, что если будет умело пользоваться этим козырем, она может сделать все от нее зависящее, чтобы воспрепятствовать транспортировке еще больших объемов нефти. Почти из каждого анализа, посвященного нефтепроводу, явствует, что если даже и проводятся работы на техническом уровне (прежде всего фирмами–перевозчиками), связанные с провозом через Проливы перекачиваемой к Черному морю нефти, в наши дни проход через Проливы остается небезопасным для Стамбула и окружающей среды. Похоже, эту истину понимают и руководители AIOC. Один из них, Робин Бранаган, заявил в феврале 1998 г., что одна из особенностей трассы Баку–Джейхан – она минует многомиллионный Стамбул».

«Действительно, активизировать прохождение судов с опасным грузом через Босфор с его частыми авариями, сильными переменными течениями скоростью до 8 миль, с его поворотами до 80 градусов, с его сужениями подчас до 700 метров и при общей длине 31 км означает одновременно и увеличить риск, какие бы при этом меры не принимались. В 1997 г. через Проливы прошло транзитом 50 942 судна, в том числе 31 004 иностранных; при этом не следует забывать, что это число будет возрастать по мере развития экономики черноморских государств и роста их торговли».

Порт Джейхан. «В сравнении с Новороссийском порт Джейхан обладает важными преимуществами. Пропускная способность первого – 35 млн. т, значительную часть года (при неблагоприятных погодных условиях (он не в состоянии работать на полную мощность. (В примечании приводится при-

мер: в марте 1998 г. из Новороссийска швейцарская фирма Glencore должна была забрать азербайджанскую нефть тремя танкерами по 40 тыс. т. Погрузка затянулась на недели из-за плохой погоды. – *New Europe, April 5-11, 1998).* CPC вместо нового терминала теперь работает над проектом, предусматривающим погрузку с берега на рейд; этот же способ, эффективность которого спорна, предполагается применить и для трассы Баку–Новороссийск. Однако очень вероятно, что потенциальные мощности джейханского порта странами и фирмами-экспортерами приняты во внимание. Обладая двумя причалами, способными принять два танкера по 300 тыс. т и два танкера по 150 тыс. т, этот порт способен отгружать в год 120 млн. т нефти. Поскольку по иракскому нефтепроводу в порт поступает в год 70-76 млн. т нефти, остальные мощности могут использоваться после прокладки нового нефтепровода». В таблице приведены сравнительные мощности некоторых черноморских портов и порта Джейхан:

Порт	Число причалов	Глубина, м	Грузоподъемность, тыс. дедвейт	Мощность в год, млн. т
Новороссийск	7	10-13	30-90	35
-“-	1	24	250	
Туапсе	6	9-13	50	5
Поти	3	9-10	70 тыс. т	1,5
Батуми	3	11-12	60	5
-“-	1		45	
Джейхан	2	18	150	120
-“-	2	22	300	

«В сравнении с Новороссийском порт Джейхан обладает еще одним преимуществом – для продавцов нефти он сам по себе является рынком сбыта, поскольку по крайней мере часть доставляемой сюда нефти может быть закуплена Турцией. В 1996 г. она импортировала 23 млн. т сырой нефти и 5 млн. т нефтепродуктов, причем ожидается ежегодный рост импорта. Своей нефти Турция в состоянии добывать ежегодно 3,5 млн. т и каких–либо перемен в этом плане не ожидается, Турция не в состоянии удовлетворять эти потребности из собственных источников».

Ниже приводится предполагаемый импорт нефти Турцией (млн. т):

1995 г.	– 23,6	2005 г.	– 35,0
1997 г.	– 25,0	2010 г.	– 40.5
2000 г.	– 28,0		

Себестоимость транспортировки. «После загрузки на полную мощность линии CPC и линий ранней нефти на Новороссийск и Супсу в черноморские порты начнет дополнительно поступать по меньшей мере 80 млн. т. Самому черноморскому рынку потребить такое количество будет нелегко, поэтому значительная доля доставленной в Новороссийск и Супсу экспортной

нефти будет предназначена для средиземноморских рынков». Ниже приводятся сравнительные данные, полученные турецкой компанией БОТАШ по средней стоимости транспортировки нефти из черноморских портов до Генуи и Роттердама и той же стоимости при транспортировке из Джейхана.

Маршрут	Цена 1 т (долл.)	Цена 1 баррель (долл.)	50 млн. т/год х20 лет (долл.)
Черноморье – Генуя	5,34	0,72	5340 млн.
Восточное Черноморье – Роттердам	6,66	0,91	6660 млн.
Джейхан – Генуя	2,78	0,38	2780 млн.
Джейхан – Роттердам	3,52	0,48	3520 млн.

США и нефтепроводы. «Помимо всех этих технических преимуществ, важным для турецкого проекта Баку-Джейхан является открытая его поддержка со стороны США. С момента, когда 31 января 1995 г. тогдашний американский посол в Анкаре Марк Гроссман заявил о своем желании видеть, что каспийская нефть доставляется на мировые рынки не по одному, а по нескольким нефтепроводам, и по сегодняшний день позиция администрации Б.Клинтона становилась все более и более четкой, американские власти все активнее поддерживали проект Баку-Джейхан. На торжествах в Баку по случаю начала перекачки ранней нефти из Баку в Новороссийск 12 ноября 1997 г. министр энергетики США Федерико Пена заявил: «Мы хотим, чтобы проект Баку-Джейхан был реализован как можно скорее». Авторы приводят также следующие аргументы в пользу проекта, высказанные заместителем госсекретаря Марком Гроссманом на заседании специальной сенатской комиссии 8 июля 1998 г.: «Диверсификация энергетических источников укрепляет энергетическую безопасность США и их европейских союзников; разрушает энергетические монополии, от которых зависят многие страны региона; эксплуатация каспийских месторождений предупреждает появление узловых проблем типа проблемы Проливов; возникают благоприятные шансы для американских бизнесменов; обеспечивается возможность поддержать новые государства Центральной Азии и Кавказа, а также союзника по НАТО Турцию» (ссылка на: *Turkistan Newsletter. Vol. 98,113-115, 15 July 1998).*

Продолжая тему, авторы сообщают о проведенной 26 мая 1998 г. в Стамбуле международной встрече под названием «Повесть о двух морях (A Tale of Two Seas)», на которой представитель Министерства торговли США Ян Калицки «среди факторов, определяющих политику американской администрации в вопросе нефтепроводов, назвал независимость, суверенитет и развитие стран региона, а также региональное сотрудничество и урегулирование конфликтов». Кроме этого, пишут авторы, «среди причин поддержки Соединенными Штатами проекта Баку–Джейхан наличествует и такая: Израиль является одним из потенциальных покупателей той нефти, которая будет поступать в Джейхан». (В примечании добавлено, что, высказывая это утверждение, авторы исходят из содержания беседы с генконсулом Израиля в Стамбуле, а также по итогам краткой беседы Б.Нетаньяху с Г.Алиевым во время остановки первого в Баку по пути из Южной Кореи в Израиль в конце

августа 1997 г. Б.Нетаньяху заявил журналистам не только о поддержке его страной проекта Баку–Джейхан, но и о желании в нем участвовать).

Вместе с тем авторы подчеркивают, что «США учитывают и экономическую целесообразность проекта. Одна из влиятельных фигур сенатского комитета по внешней политике Ли Хамильтон утверждает, что поддержка проекта не безгранична, США не будут оказывать ему финансовую помощь, если при сохранении низких цен на нефть нефтяные компании пойдут на серьезные инвестиции в альтернативные проекты. Такие варианты будут рассмотрены, включая и иранский». О необходимости поддержки именно рентабельных проектов заявлял, сообщают авторы, и упоминаемый Я.Калицки. Они также пишут, что на встрече министров энергетики «восьмерки» в апреле 1998 г. в Москве первый заместитель премьер-министра РФ Б.Немцов отметил, что он, как и США, поддерживает точку зрения о целесообразности деятельности нескольких нефтепроводов, «нет ничего более естественного, чем доставлять каспийскую нефть на мировые рынки самым дешевым способом».

Чеченский вопрос. «Некоторые трудности, преодолевать которые приходится проекту Баку–Новороссийск, действуют в пользу проекта Баку–Джейхан. И поныне самая серьезная из них – сохранение проблемы Чечни, несмотря на подписание мирного соглашения 23 ноября 1996 г». опасным сигналом в этой связи авторы называют «бомбовое нападение на президента А.Масхадова со стороны, как считается, радикальных исламистов – ваххабитов. Не блестяще положение и в соседнем Дагестане, где сооружается обходная трасса. Свидетельством бурных событий стал захват парламента этой республики 21 мая 1998 г. Как сообщает «Экономист», в 1997-1998 гг. 14 политиков Дагестана стали жертвами различных преступлений, вооруженные исламистские группы установили контроль над селами на юге республики. В регионе и сейчас сохраняется политическая напряженность и происходят вооруженные столкновения».

«Кроме того, очевидно, что Грозный использует нефтепровод как козырь в решении своих проблем с Москвой» – угрожает закрыть свой участок трубы. Существует информация, пишут авторы, что во время одной из операций обнаружено более 100 нелегальных перегонных установок. Как сообщалось 9 июня 1999 г. агентством «Интерфакс», командующий чеченскими силами национальной безопасности М.Хамниев признал, что с начала действия нефтепровода из него похищено 120 тыс. т нефти.

Российская бюрократия. Авторы считают, что бюрократические препятствия в реализации проекта Баку – Новороссийск (например, меры местных властей, применяемые по налогообложению) способствуют успеху турецкого проекта. Более подробно эта тема в работе не освещается.

Препятствия на пути реализации проекта Баку–Джейхан
(с.85-92)

Цены на нефть. Авторы подчеркивают, что «фундаментальной проблемой, игнорируемой во всех дискуссиях по данной теме, остается цена на нефть». Приводя свидетельства роста добычи нефти в различных странах, они высказывают

предположение, что особенно по мере ввода в строй нефтепроводов из каспийского бассейна на мировом рынке тенденция на понижение цен будет сильнее, чем тенденция на их повышение, поэтому, «пока такая тенденция будет сохраняться, нефтяные компании будут воздерживаться от инвестиций в нефтепроводы».

Проект Баку–Супса. «С первых дней появления проекта Баку–Джейхан и до самого последнего времени Турция считала его соперником проект Баку–Новороссийск. Между тем трасса Баку–Супса, в реализации которой участвовала и Турция, представляет собою одного из конкурентов проекта Баку–Джейхан». При этом авторы приводят мнение, высказанное в докладе «Баку-Джейхан: препятствия для США в их продвижении на Кавказ и Центральную Азию» (*The Baku–Ceyhan: Constraints to a US–backed Central Asian/Caucasian Exit Route),* подготовленном для Петролеум Файненс компани (Petroleum Finance Company). В докладе «высказывается мнение, что более всего от конкуренции Турции с Россией выигрывает Грузия, также утверждается, что трасса Баку–Супса может стать основной экспортной трассой». Действительно, пишут авторы исследования, «при инвестициях в 1,2-1,5 млрд. долл. эту трассу можно превратить в основную экспортную трассу, причем известно, что компании настаивают именно на таком варианте. Кроме того, если учесть и реализацию проекта СРС, а также поставки азербайджанской нефти в размерах 96 млн. т в год, то к Черному морю будет поступать в 2010 г. максимум 117 млн. т, излишек нефти не окажется слишком большим. Не нужно также забывать и о нефтепроводах, оставшихся в Казахстане после развала Советского Союза».

Казахстанская трасса. «Казахстан в 1997 г. отгрузил из порта Актау на каспийском побережье в Иран и Грузию около 5 млн. т нефти. Из этого количества через порт Батуми продано на европейские рынки до 2 млн. т. Тенгизская нефть доставляется из Актау до азербайджанского терминала Dyubendi небольшими танкерами 5-7 тыс. дедвейт. Затем она либо непосредственно по железной дороге, либо по трубопроводу Dyubendi-Дашкил-Али Байрамлы, а потом по железной дороге транспортируется в порт Батуми. В настоящее время проводятся работы по реконструкции каспийских портов, чтобы с 2000 г. обеспечить ежегодную перевозку 10 млн. т нефти. Предусматривается также прокладка между Dyubendi и Батуми нитки, способной перекачать в год 7-8 млн. т нефти. Представители нефтяной компании Шеврон заявили 26 января 1999 г., что сооруженный в 1974 г. и находящийся с 1992 г. в заброшенном состоянии 232-километровый трубопровод Хашури-Батум благодаря инвестициям в сумме 8 млн. долл. сможет за полгода достигнуть мощности, обеспечивающей транспортировку ежедневно 40 тыс. баррелей нефти (2 млн. т в год)».

Казахские нефтепроводы (экспорт)	Мощности, млн. т	Загрузка, млн. т	
		1996 г.	1997 г.
Атырау-Самара	13	8,2	10,3
Бестамак-Омск	6,5	1,9	2,1

Источник: *IEA, Caspian Oil and Gas*

«Чтобы экономически осуществить проект Баку-Джейхан, очевидна необходимость использовать не только добываемую AIOC азербайджанскую нефть, но и, как выше сказано, казахскую. Однако возможности Казахстана действовать вопреки тому, что ждет от него Россия, весьма ограничены. Примерно 40% населения Казахстана составляют русские, а значительную часть добываемых нефти и газа он вывозит через российскую систему. Построенные в соответствии с советскими принципами экономической корпорации, нефтеперерабатывающие заводы на востоке страны используют нефть, поступающую из Западной Сибири. Экономика Казахстана в значительной мере интегрирована с российской. В 1996 г. 45% казахстанского экспорта и 54% импорта приходилось на Россию. Директор управления стратегического планирования Казахойл Александр Денякин утверждает, что проект нефтепровода Баку-Джехан не относится к его главным предпочтениям. Казахстан предпочитает трассы не через Турцию, а через Иран. [В примечании авторы пишут, что даже Проливы не произвели впечатления на руководство Казахойл. На семинаре, устроенном фондом Фридриха Эберта 3-5 июля 1998 г. А.Денякин отметил, что поступление в Новороссийск в год 50 млн. т нефти сверх обычного объема означает, что ежедневно через Проливы будет проходить дополнительно «всего лишь» один супертанкер, и это не составит никакой угрозы турецким проливам.] О том, что, основываясь на экономических реалиях, Казахстан не отвергает иранский вариант, 5 мая 1998 г. заявил министр иностранных дел страны К.Токаев. По его мнению, трасса из Казахстана через Иран может стоить 600-800 млн. долл., в то время как трасса в Турцию должна быть проложена по дну Каспия, затем пересечь Азербайджан, Грузию, и все это обойдется в 2,8 млрд. долл.».

Путь через Иран. «Между Казахстаном и Ираном действует система взаимозамены продукции (swap). Было подписано соглашение, предусматривавшее переработку 2-6 млн. т казахстанской нефти на НПЗ в Северном Иране и продажу того же количества нефти от имени Казахстана через Персидский залив. Соглашение по техническим причинам не могло быть реализовано к середине 1998 г»., руководители двух государств заявили о принятии мер для его выполнения. Далее авторы приводят примеры попыток Туркменистана и действующих там компаний преодолеть американский запрет ILSA и организовать транспортировку добываемой нефти через Иран, общий объем экспортируемой таким путем туркменской нефти может составить в год 13,7 млн. т. «Для стран региона и действующих там компаний иранский вариант с технической точки зрения привлекателен. Дополнительное сооружение минимум 125 км – максимум 300 км нефтепроводов обеспечит ежедневную доставку на НПЗ Северного Ирана 400 тыс. баррелей каспийской нефти, такое же количество можно будет продавать из Персидского залива. НПЗ в Тебризе перерабатывает в день 100 тыс. баррелей, в Тегеране – 300 тыс. баррелей. Подсчеты показывают, что Ирану будет достаточно выплачивать по 0,40 долл. с барреля. Утверждается также, что вполне возможно увеличение транспортных мощностей за счет весьма скромных инвестиций».

«После избрания Мухаммеда Хатами 3 августа 1997 г. президентом Ирана отношения между США и Ираном получили развитие. Однако в американской внешней политике радикальных изменений в пользу сближения с Ираном не наблюдается». Авторы напоминают, что введенные США запреты предусматривают наказание фирм, осуществляющих инвестиции в иранскую энергетику в размерах, превышающих 20 млн. долл. «Иными словами, будущее проекта Баку – Джейхан определяют в одинаковой мере как экономические и технические причины, так и ирано-американские отношения. Однако и характер политических отношений стран региона с Ираном, и тот факт, что Иран, – нефтедобывающая страна – все эти факторы необходимо учитывать в связи с определением основной трассы экспорта нефти из региона».

Альтернативные Проливам трассы. «На тот случай, когда окажется невозможным использовать Проливы для поступающей в черноморские порты нефти, нефтяные компании начали разрабатывать другие проекты доставки, помимо Проливов. Наиболее разработан из них трансбалканский проект Бургаз-Дедеагач. Предполагается, что его пропускная способность составит 35-40 млн. т в год, а стоимость строительства – 650-700 млн. долл., включая сооружение нефтехранилища в Бургазе на 520 тыс. т и в Кавале – на 1,04 млн. т. Предполагается, что стоимость транспортировки барреля нефти по этой 320-километровой трассе дополнительно возрастет на 0,2 долл. Руководители БОТАШ утверждают, что на подсчет себестоимости будут влиять погодные условия Черного моря и что также будет затруднена координация работы трубопроводов. Кроме того, Турция в связи с трансбалканской трассой обращает внимание на экологический фактор, учитывая прежде всего потенциальные возможности туризма».

«Помимо этого ожидается, что Украина в конце 1998 г. закончит строительство линии Одесса-Броды. Она утверждает, что ее линия обойдется дешевле других и что по этой трассе станет возможным напрямую выйти на рынки Германии, Франции, Польши и Чехии. Равным образом Румыния рассчитывает поставлять на рынки Европы ежегодно 30 млн. т нефти. Посетивший в июле 1998 г. Баку румынский президент Э.Константинеску сообщил, что загружаемые в Супсе танкеры могут доставлять ежегодно в Констанцу до 30 млн. т нефти, и затем по имеющимся нефтепроводам она будет отправляться в Европу. Кроме того, мощности НПЗ Румынии позволяют продавать и переработанную продукцию».

Статус Каспийского моря. До настоящего времени сохраняется неопределенность в статусе Каспийского моря, и, по мнению авторов исследования, такая неопределенность – «одно из важнейших препятствий для сооружения трубопроводов, предназначенных для подключения Казахстана к трассе Баку-Джейхан». В обращении Российской Федерации 5 октября 1994 г. в ООН утверждается, что статус Каспия основывается на советско-иранских договорах о дружбе от 26 февраля 1921 г. и о торговле и мореплавании от 26 марта 1940 г. Согласно мнению МИД РФ, «учреждаемые национальные поисковые на нефть зоны по указанным договорам не

должны выходить за пределы 12-мильной зоны. Морские участки за ее пределами находятся в совместном владении прикаспийских государств. Разделение Каспия на национальные зоны может создать серьезные проблемы по охране экосистемы и свободе мореплавания». В ответ азербайджанская сторона утверждала, что «упомянутые договоры не имеют отношения к использованию природных ресурсов, в советский период Каспийское море было поделено между СССР и Ираном, Москва не ставила вопрос об участках вне 12-мильной зоны, на прежних картах морская граница между СССР и Ираном проведена по прямой линии, Министерство нефтяной промышленности СССР разделило Каспий по зонам нефтедобычи. Казахстан в аналогичной форме настаивал на необходимости раздела моря на национальные зоны. Более близкой позиции России оказались точки зрения Туркменистана и Ирана».

«На заседании министров иностранных дел прикаспийских государств 12 ноября 1996 г. РФ предложила зону национального суверенитета расширить с 12 до 45 миль, а над оставшимся пространством учредить управление со стороны комитета, созданного из представителей прибрежных государств… В июле 1997 г. РФ провела торги на поисковые работы по нефтеносному участку в относящейся к ней зоне, расположенной уже за 12-мильной границей. В январе 1998 г. Россия поставила вопрос о секторальном разделе морских залежей, возник спор об их статусе… 6 июля 1998 г. Н.Назарбаев и Б.Ельцин подписали в Кремле соглашение об эксплуатации ресурсов морского дна в тех секторах Северного Каспия, которые относятся к каждой из этих стран, причем отмечалось, что морские воды остаются в их совместном владении. Стороны также согласились, что до тех пор, пока не достигнуто согласие между всеми прикаспийскими странами, в силе остаются положения советско-иранских договоров. Проблема статуса Каспия остается нерешенной».

Безопасность. «Те, кто инвестирует средства в трубопроводы, придает важное значение вопросам безопасности в регионах, по которым они проложены. Со времени появления проекта Баку-Джейхан его противники утверждают, что трасса не является безопасной из-за курдского вопроса. Действительно, несмотря на принятые полицейские меры и арест Абдуллаха Оджалана, начавшийся в 1983 г. террор ПКК не остановлен до сих пор. В последние годы наблюдается перемещение террора к северо-востоку Анатолии. Если даже допустить, что данные Турцией гарантии безопасности окажутся эффективными благодаря принятым решениям, нельзя считать, что ПКК откажется от намерения вмешиваться в это дело. В журнале «Рашен петролеум инвестор» за апрель 1997 г. приводится краткое заявление Махира Валата, представителя Фронта национального освобождения Курдистана, в котором он утверждает, что будущее проекта – в руках судьбы, и если необходимо, трубопровод «будет превращен в дуршлаг».

Не следует забывать, что и другие региональные проблемы также влияют на потенциальные возможности добычи нефти,– например, если

вновь воспламенится карабахская проблема… Также если вновь вспыхнет абхазский конфликт, шансы проекта нефтепровода Баку-Джейхан уменьшатся, поскольку он должен пройти через Грузию».

Резюме (с. 92-94)

«Как уже сказано выше, Турция с момента распада СССР и по сей день проявляет интерес к региону и к нефтепроводам. В основе этого интереса лежат не столько экономические, сколько политические интересы. Реализуя проект, Турция стремится сыграть роль моста между Востоком и Западом, восстановить свою значимость в глазах западных союзников, утраченную после окончания холодной войны. С другой стороны, используя этот нефтепровод, Турция намерена уменьшить зависимость от РФ стран региона и прежде всего Азербайджана». (В примечании приводятся соответствующие слова С.Демиреля в Бишкеке 29 августа 1995 г. о том, что нефтепровод уменьшит экономическую и политическую зависимость стран региона). «Также предполагается, что нефтепровод снизит нагрузку на Проливы. Помимо этого, встречаются в СМИ и совершенно нереальные комментарии относительно того, что Турция превратится в Геную или Роттердам и что она на транспортировке нефти хорошо заработает. Однако самая серьезная причина упорного настаивания Турции на этом проекте – надежда, что со временем он станет привлекательной темой во внутренней политике. Значимость, которая придается в печати проекту, увеличивает возможности политического маневрирования».

«Необходимо подчеркнуть, что препятствия на пути проекта создает не РФ и что не только трасса Баку-Новороссийск – конкурент турецкой. В качестве основной экспортной трассы вперед выходит нефтепровод Баку-Супса. Руководители AIOC много раз делали заявления, свидетельствующие, что по многим параметрам они склоняются к поддержке проекта Баку-Супса. (Например см. *Asia Times Online,* http.//wvvw.atimes.com /casapian/caspian.html.) Для фирм, осуществляющих инвестиции во имя прибыли, наиболее приемлемыми становятся проекты, которые обойдутся им дешевле и которые можно сооружать поэтапно».

«Для компаний и стран региона важно, чтобы нефть поставлялась на мировые рынки стабильно, без задержек и в самом рентабельном варианте. Ограничиваться лишь одной трассой для транспортировки добываемой на Каспии нефти на мировые рынки – это не подходит ни компаниям, ни странам, в которых нефть добывается. Однако всем нам надо понять, что диверсификация транспортировки уже осуществляется и что проект Баку-Джейхан перестал быть единственной альтернативой, уменьшающей зависимость от трассы Баку-Новороссийск. Трасса Баку-Супса и даже иранские варианты обладают многими свойствами главного экспортного нефтепровода, они могут обеспечить замену проекта Баку-Новороссийск».

«Несмотря на все это, ввиду перечисленных выше преимуществ трасса Баку-Джейхан представляет собою проект, который вынуждены принимать во внимание компании и государства региона. Действительно,

страны региона и прежде всего Азербайджан относятся к нему положительно. Помимо всего этого, благодаря проекту Баку-Джейхан возрастает роль Турции в стабилизации региона, Азербайджан и Грузия по причине связей с НАТО получат дополнительные гарантии безопасности. Невозможно представить, что азербайджанские и грузинские ответственные круги будут стремиться к реализации проектов, альтернативных турецкому, и способствовать таким образом провалу Турции, заангажированной на Баку-Джейхан; невозможно представить, что они не хотят участвовать в стабилизации региона. Сколько бы не стремилась группировка ГУАМ, созданная Грузией, Украиной, Азербайджаном и Молдавией, обеспечить себе в качестве фактора безопасности трассу Баку-Супса, все же и поныне самой важной составляющей в обеспечении регионального баланса остается Турция». (В примечании отмечается, что ГУАМ создана «для защиты от вмешательств России в этнические споры, она пользуется поддержкой США, известно также, что ее одобряет Турция».)

«Что касается прокладки экспортной трубы через Иран, то даже при полной нормализации ирано-американских отношений сделать это будет очень трудно. Иран – страна, экспортирующая нефть; значительную часть ее населения составляют азербайджанцы, к которым Азербайджан относится со вниманием; наконец, власть в Иране представляет собою исламистский режим, который, пусть и в смягченном виде, у Азербайджана не может вызывать доверия. Невозможно не учитывать, что упоминаемая трасса может быть использована для шантажа в экономических либо политических целях».

«Если нефтепровод для транспортировки нефти каспийского бассейна будет построен, вероятность того, что он пройдет через Турцию, весьма высока. Чтобы это осуществить, для Турции нет нужды идти на крайние жертвы и, что важнее всего, нет необходимости при этом рассматривать Россию как соперника. Естественно, и Турция, и Россия продолжат геополитическое соперничество в регионе. Важно сохранять это соперничество в рамках благоразумия, осознавая, что Россия для Турции не только соперник, но и одновременно партнер. Продолжение соперничества должно сопровождаться учетом жизненных интересов России и осознанием чувствительности проблемы Проливов, – тогда оно намного эффективнее будет способствовать защите стратегических, политических и экономических интересов Турции».

4. Турецко-российские экономические связи

(с. 99-165)

В начале раздела авторы подчеркивают, что «в 90-е годы в результате осуществленных в стране реформ, а также произошедших в евразийском регионе перемен Турция заняла в нем важные позиции. Ныне этот регион, включающий Россию, Украину, Балканы и Центральную Азию, стал после ЕС

вторым по важности во внешней торговле страны. Если 10 лет назад объем торговли Турции с 23 странами региона Евразии не достигал 1 млрд. долл., в 1997 г. он превышал 8,6 млрд. долл. Эту цифру, считают авторы, следует увеличить вдвое, если учесть челночную торговлю и постепенно увеличивающиеся турецкие инвестиции. «Важнейшим финансовым и одновременно самым оживленным торговым центром региона, единственным городом Европы, где соединяются воздушные пути всех стран региона, стал Стамбул».

«Роль локомотива в отношениях Евразии с Турцией выполняет Россия. Половина официальной и почти полностью неофициальная (челночная) торговля Турции с регионом приходится на Россию. Особенность отношений с Россией состоит и в том, что они влияют и на связи Турции с другими странами региона. Разрушение двуполярного мира, глобализация – эти явления сказались на турецко-российских отношениях таким образом, что впервые за столетия значимость ныне в них приобрела, рядом с политикой, в равной мере и экономика. Возникший в России дефицит потребительских товаров и услуг привел к стремительному росту заинтересованности Турции в российском рынке».

Перечисляя некоторые факторы в отношениях двух стран, негативно влияющие на дальнейшее развитие экономических связей, авторы называют среди них и чисто политические, в том числе кризисные ситуации вокруг нефтепроводов, чеченская проблема, режим Проливов. Возникли дискуссии и по экономическим вопросам, например по поводу предложенного во время визита В.Черномырдина в Турцию в декабре 1997 г. нового соглашения о поставках природного газа по проекту «голубой поток». При всех трудностях в 1997 г. Россия стала для Турции вторым после Германии торговым партнером. Авторы выделяют следующие особенности России как торгового партнера Турции:

1. «Из крупных рынков Турции более всего географически близок российский рынок».

2. «В России проживает 16,2 млн. граждан (11%) тюркского происхождения. Из 118 народов, населяющих Российскую федерацию, 46 имеют тюрко-монгольские корни».

3. «Отношения Турции с Россией чрезвычайно чувствительны к воздействию политических событий. Активная роль государства в этих отношениях еще более повышает указанную чувствительность. Например, такие проблемы, как сооружение нефтепроводов, события в Чечне, режим Проливов приводят к периодическим застоям в экономических отношениях между двумя странами. В той же степени примерами воздействия политических отношений на экономические являются: отказ Думы от ратификации соглашения по предупреждению двойного налогообложения; периодический ввод ограничительных квот на автомобильные грузовые перевозки; таможенная обработка турецких товаров не на ближайших к Москве таможнях, а на тех, которые удалены от нее на 50 км».

4. «Пребывание российской экономики на переходной стадии, в состоянии структурных изменений сказывается на содержании двусторон-

них отношений. Особенно влияют на экономические связи России с внешним миром усиление ее частного сектора, формирование новых секторов, технологические и производственные перемены в существующих секторах».

5. «Россия стала для Турции рынком многих товаров, считающихся на западных рынках весьма чувствительными (свежие фрукты и овощи, шоколад, печенье, макароны, табак, напитки, растительное масло, чай, текстиль, готовая одежда, легковые автомобили, бытовая электроника, оборудование). Производство этой продукции в определенной мере возросло под воздействием российского рынка. Более того, новые возможности, возникшие на российском рынке для челночной и приграничной торговли, впервые превратили мелких производителей Турции в экспортеров, во внешней торговле снизилась значимость посредников».

6. «Еще одна важная особенность отношений состоит в том, что их значимость для каждой из сторон на данном этапе приобрела асимметричный характер. Россия занимает очень важное место во внешнеэкономических связях Турции, в то же время для России Турция – не столь важный партнер, несмотря даже на большой объем торговли с ней. Если не учитывать челночную торговлю, Турция не входит в первую десятку ведущих торговых партнеров России. Вместе с тем две исключительные причины определяют важность для России отношений с Турцией. Ими являются экспорт природного газа и морские перевозки через Проливы. К этому надо добавить, что для России Турция с ее стремительно развивающейся экономикой – чрезвычайно перспективный импортер различных товаров и услуг. Речь идет прежде всего о потенциальном спросе Турции на электроэнергию, вооружение, оборудование».

Авторы считают, что интеграция Турции в ЕС создаст трудности для экспорта ряда потребительских товаров, в частности сельхозпродукции, на рынки стран этой организации, поэтому рынками сбыта многих турецких товаров будут прежде всего Россия, Украина, Балканы, Центральная Азия, а затем Китай и Индия. Для конкурентоустойчивых фирм со временем может приобрести значимость и рынок США. Россия, по мнению авторов, своего рынка сбыта сырья в странах ЕС не лишится, однако продавать там продукцию высоких технологий и оборудование она не сможет. Самыми доступными рынками для этой продукции будут Китай, Индия, Турция, страны Центральной Азии, Украина и другие соседние страны.

«Экономический кризис, разразившийся в России летом 1998 г., вызвал значительное сокращение объема турецко-российской торговли по сравнению с уровнем 1997 г. Но что еще важнее, он затруднил реализацию договоренностей, достигнутых во время визита в Турцию в декабре 1997 г. В.Черномырдина. Сказались также смены правительств в обеих странах, невозможность реализовать планировавшийся обмен визитами на высшем уровне, предвыборные дела. Негативно отразились на отношениях в первые месяцы 1999 г. события в Ираке и Косово, в России они стали инструментами политики».

Турецко-российские экономические контакты в 90-е годы. (с. 114-147)

Внешняя торговля. Авторы прежде всего подчеркивают, что «с 1993 г. внешняя торговля России стремительно либерализуется. Ликвидирована государственная монополия во внешней торговле, постепенно на первый план вышел частный сектор. В 1996 г. отменены налоги на экспорт, лишь в импорте сохраняются препятствующие развитию торговли тарифные и внетарифные ограничения. Фундаментальной стратегией во внешней торговле Россия избрала поощрение в экспорте доли обработанной продукции, оборудования и высоких технологий; в импорте же основное внимание уделяется сокращению ввоза потребительских товаров, защите импортозамещающих производств, поощрению импорта инвестиционных товаров». «Другое приоритетное направление во внешней торговле России – поиск новых путей экспорта, которые могут составить альтернативу Проливам, портам прибалтийских государств, трубопроводам, проложенным по территории Украины, уменьшив таким образом зависимость от них».

Что касается турецко-российской торговли, то с 1992 по 1997 г. рост турецкого экспорта в Россию составил 366,7%, импорта – 96,9%, рост всего объема торговли – 177%, о чем свидетельствуют данные приводимой авторами таблицы.

Место России во внешней торговле Турции (1992-1998)

Год	ЭКСПОРТ			ИМПОРТ			ТОВАРООБОРОТ		
	в Россию, млн. долл.	Доля Турции, %	Место	из России, млн. долл.	Доля Турции, (%)	Место	Млн. долл.	Доля, %	Место
1992	439	3,00	8	1040	4,95	8	1479	3,92	6
1993	499	3,29	8	1542	5,24	8	2041	4,55	6
1994	820	5,24	6	1045	4,50	7	1865	4,50	6
1995	1238	5,72	4	2082	5,83	4	3320	5,78	4
1996	1494	6,42	3	1900	4,30	6	3394	5,15	6
1997	2049	7,87	2	2048	4,38	6	4097	5,63	5
1998	1348	5,01	5	2155	4,68	6	3503	4,81	6

«Как видно из таблицы, за короткий срок Россия стала для Турции вторым по значению экспортным рынком… По российским данным, Турция в российском экспорте занимает 18-е, а в импорте – 20-е место. Основные товары турецкого экспорта в Россию – текстиль, продукты питания, кожаные изделия, автомобили. Из России Турция импортирует большей частью природный газ, черные металлы, нефтепродукты, семена подсолнечника, живой скот». (Более подробные статистические данные приведены в Приложении).

Зависимость некоторых стран от экспорта в Россию

Страна	%	Страна	%
Белоруссия	70,0	Эстония	13,5
Молдавия	62,0	Таджикистан	8,4
Казахстан	31,0	Болгария	8,0
Грузия	27,4	Турция	7,8
Азербайджан	26,0	Польша	6,5
Армения	22,1	Туркменистан	5,8
Украина	21,8	Венгрия	5,0
Литва	21,4	Хорватия	3,8
Киргизия	20,2	Словакия	3,7
Узбекистан	16,3	Чехия	3,3
Латвия	15,9		

Авторы напоминают, что во время визита В.Черномырдина в Турцию в декабре 1997 г. российская сторона заявляла о желании продавать Турции машины и оборудование, вооружение, высокие технологии. Российские руководители считают страны, куда они продают эту продукцию, своими «стратегическими партнерами». По мнению авторов, «в случае, если часть этой продукции откроет для себя в Турции рынок сбыта, значимость турецко-российских отношений еще более возрастет. Для России важно также расширить и диверсифицировать поставки в Турцию энергии, а, кроме того, добиться отмены некоторых антидемпинговых ограничений».

Что же касается Турции, то для нее, как считают авторы, очень важно обеспечить себе в России рынок сбыта потребительских товаров. Они неоднократно обращаются к последствиям экономического кризиса 1998 г. в России, напоминая, что под его воздействием турецкий экспорт на российский рынок резко снизился – на 34,2%. В ближайшие десять лет задача состоит в том, чтобы закрепить завоеванные ранее, до кризиса, позиции и, не снижая объемов неофициальной торговли, реорганизовать ее в обычную. «Если это будет реализовано, Турция превратится в одного из лидеров в сфере российского импорта». Авторы подробно анализируют в работе возможности расширения своего экспорта в Россию, его структуризации, совершенствования, перечисляют наиболее приоритетные экспортные группы.

Челночная торговля. В работе весьма подробно исследуются возможности реорганизации челночной торговли в обычную – без утраты позиций. По мнению ее авторов, такая торговля выполняет не только экономические, но и «важные социальные функции, ее объем по разным подсчетам составлял от 5 млрд. до 15 млрд. долл., т.е. обеспечивал поступление валюты в Турцию в крупных масштабах, а также занятость тысячам небольших цехов и мастерских». С другой стороны, и в России «благодаря челночной торговле многие безработные граждане, зачастую с высшим образованием, накопили средства, чтобы постепенно стать первыми свободными предпринимателями в этой стране».

Строительно-подрядные услуги. В работе отмечается, что деятельность в России строительного сектора – «важнейшее свидетельство достижений турецкого бизнеса». По состоянию на июль 1998 г. 138 турецких фирм работали над выполнением 533 строительных проектов общей стоимостью 9246 млн. долларов, причем 22 проекта стоили каждый более чем 100 млн. долларов, а 347 проектов – каждый свыше 10 млн. долларов. В 1990-1997 гг. в России было реализовано 42% всех зарубежных строительных подрядов Турции, Россия стала для нее рынком № 1 в подрядном строительстве.

Деятельность турецких подрядно-строительных фирм в России

Год	Сумма контрактов, млн. долл.	Число проектов	Занято рабочих	Число фирм	Средняя стоимость контракта, млн. долл.
1992 и ранее	3538	97	50040	28	36,5
1993	671	33	30740	23	20,3
1994	1065	91	36835	41	11,6
1995	1674	124	48230	66	13,5
1996	717	56	23317	42	12,8
1997	1126	80	23677	36	14
1998	465	32	13523	25	8,9
Всего	9246	533		138	17,3

Основные рынки турецких строительных фирм, 1990-1997 гг.

Страна	%
Россия	42,0
Ливия	13,0
Пакистан	5,9
Казахстан	5,3
Туркмения	4,3
Германия	3,7
Азербайджан	3,7
Саудовская Аравия	3,6
Другие	18,5

Туризм. «Самыми очевидными преимуществами иностранного туризма в Турции стали для российских туристов невысокая стоимость дорожных расходов, визовые льготы, возможности дешевого и качественного отдыха. Все это, особенно с 1996 г. все более привлекает российских туристов… Их характерной чертой является спокойное отношение к политическим событиям. В отличие от туристов Германии либо других европейских стран кризисные ситуации или угрозы террористов не производят впечатления на россиян. Вместе с тем, курдская ПКК предпринимала различные меры, чтобы заста-

вить русских отказаться от посещения Турции. Некоторые российские СМИ под влиянием ПКК начали представлять Турцию как страну, в которой жизни туристов грозит опасность. Предпринимались меры, чтобы побудить туристов отправляться в другие страны… Одновременно, чтобы привлечь русских туристов, много усилий было затрачено Грецией, Испанией, Италией, Францией. Против турецкого туризма была развернута мощная контрпропаганда». В работе излагается подробная программа мер, направленных на привлечение еще большего числа туристов из России, в том числе использование празднования двухтысячелетия рождения Христа.

Наиболее посещаемые российскими туристами страны 1997 г.

Страна	Тыс. человек	%
Турция	1048	13,5
Финляндия	741	9,5
Польша	636	8,1
Китай	554	7,1
Германия	483	6,2
ОАЭ	322	4,1
Япония	207	2,6
Италия	207	2,6
Другие	3573	46,3
Всего	7771	100

Энергетика. «Россия – одна из самых богатых энергетическими источниками стран мира. Она владеет 236 трлн. куб. м природного газа и 19,6 млрд. т запасов нефти, что составляет соответственно 32,2 и 13% всех мировых резервов этих видов сырья. Турция же – ближайшая к России страна, где стремительно растет спрос на энергию. Такая ситуация составляет фундамент долгосрочного сотрудничества в этой области». В работе подчеркивается, что успешнее всего развивается сотрудничество в вопросах закупок Турцией природного газа из России. Если в 1996 г. в списке потребителей российского газа Турция находилась на 11-м месте, то в 1997 г. она передвинулась на 6-е место (6,7 млрд. куб. м), уступая Германии (32,5 млрд. куб. м), Италии (14,2), Франции (10,9), Чехии (8,4), Словакии (7,0). Авторы напоминают, что в декабре 1998 г. подписано российско-турецкое соглашение о расширении поставок в Турцию природного газа из России по существующему газопроводу через Балканы, а также путем сооружения нового газопровода в Турцию через Северный Кавказ, по дну Черного моря. «Особенность Турции при этом состоит и в том, что территориально она обеспечивает возможность продления этой газовой трассы до Израиля, который в таком случае станет важным потребителем российского газа».

Также в работе рассмотрены вопросы развития между двумя странами **автомобильных, воздушных и морских** (в сочетании с речными) перевозок, проблемы инвестиций, возможности создания смешанных компаний, в том чис-

ле банков и др. В целом эти сферы сотрудничества должного развития пока не получили, отмечается, например, «очень ограниченная деятельность в Турции российского капитала» (легкая промышленность, рестораны, отели, НИОКР), его суммарный объем исчисляется авторами всего в 8,5 млн. долл.

Доля СССР/России в импорте Турцией нефти и природного газа

Год	Сырая нефть		Природный газ	
	млн. долл.	%	млн. долл.	%
1986	45,3	2,7	-	-
1987	49,9	2,0	9,0	9,6
1988	58,6	2,6	80,7	67,1
1989	97,6	4,3	179,7	66,3
1990	337,6	10,4	234,0	58,8
1991	24,5	1,1	312,4	63,4
1992	32,5	1,3	282,7	54,9
1993	192,2	6,3	350,2	59,6
1994	41,9	1,5	371,6	59,1
1995	197,9	6,0	522,3	51,8
1996	178,6	4,5	521,0	40,6
1997	107,5	2,9	637,7	59,0
1998	60,5	2,9	503,6	57,0

Доля России в импорте Турцией каменного угля

Год	млн. т	%
1993	44,6	14,4
1994	31,8	8,4
1995	53,9	19,8
1996	160,1	28,3
1997	154,2	24,8

Несколько страниц в работе посвящено оценке **августовского кризиса 1998 г.** в России и его воздействия как на российскую экономику, так и на экономику деловых партнеров России. Авторы считают, что в Турции кризис заметно сказался на своевременной оплате обязательств по различным соглашениям и контрактам, предусматривавшим поставки турецких товаров. Экспорт Турции в Россию в 1998 г. сократился на 34% по сравнению с предшествовавшим годом, в то же время объем импорта сохранился на прежнем уровне. Объем челночной торговли с Россией начал уменьшаться еще до кризиса, в 1997 г. он оставался на уровне 4 млрд. долл., в 1998 г. он снизился до 2-2,5 млн. долл. Авторы признают, что кризис вызвал сокращение притока российских туристов в Турцию, однако в условиях, когда эта страна оказалась «самым дешевым центом туризма, ожидается, что российские туристы вместо европейских стран будут отправляться в Турцию», «Турция останется наиболее посещаемой российскими туристами страной».

5. Заключение (с 167-177)

«Договоренность по Проливам первоначально была достигнута в мае 1998 г. на заседании MSC (Комитет по безопасности на море) во время 69-й сессии IMO. Затем комиссией под председательством отставного адмирала Г.Эркая был подготовлен проект, опубликованный 6 ноября 1998 г. в «Ресми газете» и таким образом вошедший в силу уже как документ – Инструкция о порядке мореходства в турецких проливах. Этот факт засвидетельствовал, что постепенно Проливы перестанут быть проблемой в отношениях между Турцией и Россией. Документ коренным образом отличается от Инструкции 1994 г. и прежде всего тем, что в юридическом смысле он основан на международном праве. Новая инструкция свидетельствует, что Турция отказалась от намерения использовать Проливы как козырь, главной задачей для себя она считает обеспечение безопасности Проливов и прохода судов. Вместе с тем невозможно утверждать, что борьба вокруг режима Проливов закончилась».

«Перед нами стоит неизбежность дискуссий на техническом уровне по проблемам, которые возникнут при применении на практике и при трактовке положений Инструкции. Самым очевидным доказательством этих слов стало вновь обсуждение темы Проливов на 70-й сессии MSC в декабре 1998 г. Кроме того, новая Инструкция по Проливам – это документ, в своей сути предназначенный для ограничения прохода там, где речь идет о судах с опасным грузом; положения Инструкции затрудняют такой проход. Инструкция, как и прежде, устанавливает обязательность соответствия TSS, предусматривая при этом учет не ст. 9-й COLREG 72 (Соглашение о предупреждении столкновений на море), а ст. 10-й. Таким образом, Турция получила юридическую возможность реализовать право контроля прохождения судов. Было бы верхом оптимизма ожидать, что это положение удовлетворит Российскую Федерацию, компании, транспортирующие нефтепродукты через Проливы, и, наконец, те страны региона, где добывается нефть».

«Борьба на платформе IMO и далее будет продолжена. Те, кто пользуется Проливами, будут стремиться подвергнуть эрозии суверенные права Турции и решать проблему в собственных интересах. Никто не должен сомневаться, что принимаемые Турцией меры безопасности прохода будут сопровождаться увеличением пропускной способности. До тех пор, пока не будут определены трассы нефтепроводов, пока не станет ясно, на какие рынки и каким путем каспийская нефть будет доставляться из черноморских портов, не следует ожидать, что проблема Проливов будет полностью снята с повестки дня. Вместе с тем до тех пор, пока Проливы не будут использоваться в качестве инструмента в региональных геополитических противоречиях с Россией, должна сокращаться возможность перехода проблемы в политическую плоскость».

«Избежать использования Турцией Проливов в качестве козыря можно, если справедливо договориться по всем параметрам проблемы каспийской нефти и не прибегать при этом к использованию нефтепроводов в

качестве инструмента внутренней политики. Всяческие гипотезы по поводу экономической и стратегической значимости нефти данного региона затрудняет реальное видение ситуации. Помимо этого, завышенные ожидания не только сказываются на отношениях Турции с Российской Федерацией, они на долгое время берут под ипотеку трубопроводов отношения и с другими странами региона. Однако необходимо вновь сказать, что задачей этой работы не является критика проекта Баку-Джейхан. В ней лишь обращается внимание на то, что необходимо осознавать не только пользу, которую проект Баку-Джейхан действительно принесет, но и иные, порождаемые им последствия».

Трубопроводы. «Прежде всего следует выяснить, действительно ли нефтяные резервы каспийского бассейна, как некоторые утверждают, не могут сравниться с запасами стран Ближнего Востока… По данным Международного энергетического агентства (EIA), в каспийском регионе установленные запасы нефти исчисляются в пределах 15-40 млрд. баррелей. Если к этому добавить 70-150 млрд. баррелей предположительных запасов, речь в итоге пойдет о 190 млрд. баррелей. Во многих работах сообщается, что нефтяные резервы каспийского региона не превышают 2% мировых запасов. Согласно расчетам Министерства экономики США, на 1 января 1998 г. нефтяные запасы Азербайджана составляли 1,2 млрд. баррелей, а Казахстана – 5,4 млрд. баррелей. Эти цифры намного ниже показателей по каждой из стран Среднего и Ближнего Востока: например, запасы Ирака в этих расчетах составляют 112,5 млрд. баррелей, Кувейта – 96,5 млрд., Саудовской Аравии – 261,5 млрд. баррелей. Необходимо при этом учитывать и мировые цены на добываемую нефть: падение цен сопровождается снижением добычи. В исследовании, проведенном Шелл, установлено, что из 30 важнейших проектов, по которым изучалась их рентабельность, только проекты Тенгиз и AIOC смогут продолжать работы на уровне цены в 10 долл., другие же смогут обеспечивать прибыльную добычу лишь при цене в 14-18 долл.».

«Не представляется реальным, что Турция благодаря трассе Баку-Джейхан будет держать руку на пульсе мирового рынка, что порт Джейхан станет Генуей или Роттердамом в случае, если другие газовые или нефтяные проекты окажутся нереализованными. Бесспорно, сооружение нефтепровода обеспечит региону экономическое оживление, однако преувеличен тезис о том, что Джейхан станет местом определения цен на нефть. Перед 1990 г. трубопровод Керкук-Юмурталык транспортировал в регион ежегодно 80 млн. т нефти, однако и тогда Джейхан не определял нефтяные цены».

«Лишь отчасти справедливо мнение, что благодаря трассе Баку-Джейхан снизится загруженность Проливов. Транспортировка 45 млн. т нефти не через черноморские порты, а по трубопроводу до Джейхана облегчает нагрузку на Проливы, однако если даже он и будет введен в действие, к Черному морю, помимо планируемой маломощной трассы до Батуми, нефтепроводами Баку-Новороссийск, Баку-Супса и Тенгиз-Новороссийск будет дополнительно транспортироваться ежегодно 100 млн. т нефти. (В примечании

допускается снижение поставок нефти к Черному морю после ввода в строй линии Баку-Джейхан, однако в любом случае такие поставки останутся на уровне не ниже 50 млн. т). В том случае, когда эта нефть не сможет быть продана в портах Черного моря, она будет отправлена на мировые рынки и альтернативными путями (если они будут проложены), но все же вероятнее всего через Проливы».

«Судя по всему, компании настаивают на трассе Баку-Супса, а это означает, что линия Баку-Новороссийск – не единственная альтернатива проекту Баку-Джейхан. Помимо трассы в Супсу, конкуренцию турецкому варианту составляет и упоминаемый нами выше иранский вариант. Для государств региона, компаний и многих государств Запада очень важно, чтобы каспийская нефть доставлялась не по одной лишь трассе и как можно дешевле. В случае ввода в действие других, альтернативных линии Баку-Новороссийск нефтепроводов проект Баку-Джейхан теряет свою значимость. Для них турецкий проект имеет смысл до тех пор, пока он сохраняет экономическую ценность. Страны региона для уменьшения своей зависимости от России считают важным ввод в действие не обязательно лишь проекта Баку-Джейхан, а любой альтернативной трассы».

«Нефтяные компании, будучи уверенными в своей правоте, выступили против строительства трассы Баку-Джейхан. Они будут против до тех пор, пока заметно не поднимутся цены на нефть и пока Турция не предоставит им эффективных экономических гарантий… 17 марта 1999 г. президент AIOC Дэвид Вудворд выступил с заявлением, что, принимая во внимание имеющиеся производственные мощности, до 2005 г. нужды в нефтепроводе Баку-Джейхан нет, будет достаточно лишь увеличить мощности нефтепроводов Баку-Новороссийск и Баку-Супса» (ссылка на: *New Europe, March 29 – April 4 1999*).

«Поддерживающая проект Баку-Джейхан администрация Б.Клинтона, как уже сообщалось, прежде всего поддерживает принцип прибыльности. Как бы ни выдвигались в различных заявлениях на первый план политические факторы, в них всегда подчеркивается и необходимость экономической целесообразности. Такой акцент очевиден во всех заявлениях ответственных американских чиновников. В этих условиях вопрос сводится к тому, что Турция должна предоставлять нефтяным компаниям и государствам региона соответствующие компенсации. Следует ли Турции идти на жертвы во имя реализации проекта или нет – отдельный вопрос, можно лишь сказать, что препятствия на пути его выполнения – не политические, а экономические, и исходят они не от России, а от нефтяных компаний, которые вынуждены думать о рентабельности проекта».

Общая оценка турецко-российских отношений

Авторы работы напоминают, что «после того, как проблема Проливов в 1946 г. была снята с повестки дня, особенно же после официального заявления Советского Союза от 30 мая 1953 г., что у него нет территориальных претензий к Турции, уже не оставалось каких–либо серьезных по-

литических вопросов, непосредственно влияющих на двусторонние отношения Анкары и Москвы… В наши дни, несмотря на разницу взглядов относительно способов решения различных проблем, несмотря на борьбу за сферы влияния, уже нет какой-либо темы, которая может негативно воздействовать на процесс развития между нами политических отношений… Россия, до тех пор, пока она не окажется в хаосе, пока не прибегнет к радикальным изменениям в своей внешнеполитической ориентации, не будет представлять угрозу для Турции. Если же это произойдет, НАТО, членом которого мы являемся с 1952 г., выполнит свои обязательства, предусмотренные ст. 5-й Вашингтонского договора от 1949 г.»

«Как выше уже отмечалось, Российская Федерация – это страна, которая может поддержать Турцию при обсуждении очень многих проблем, непосредственно ее касающихся. Будучи одним из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН, Россия обладает правом голоса при рассмотрении многих проблем, затрагивающих интересы Турции, и прежде всего кипрской проблемы. Несмотря на ослабление своей мощи по сравнению с западным союзом, Россия остается ядерной державой, которую в стратегических расчетах и поныне необходимо принимать во внимание. Непохоже, что это положение смогут изменить веющие в Российской Федерации сепаратистские ветры, проблемы со здоровьем президента Ельцина, усиление думской оппозиции».

«Важно также и то обстоятельство, что отношения Турции с Российской Федерацией способствуют обеспечению баланса интересов Турции в ее отношениях с Европой и США. Как известно, интересы Турции не всегда совпадают с интересами ее союзников. Так, Анкара вынуждена поддерживать политику США в Северном Ираке. Время от времени в своих контактах с другими соседями Турция неизбежно испытывает воздействие США. Отношения с Россией, основанные на все возрастающем доверии, будут способствовать сбалансированию такого рода воздействий».

«Создание надежной базы политических отношений между Россией и Турцией будет способствовать устойчивому развитию экономических связей. Как выше отмечено, турецко-российские экономические отношения очень чувствительны к политическим колебаниям, между тем в Турции весьма обширная часть общества обеспечивает себе существование за счет этих отношений. Сегодня очень многие в Турции – от владельцев грузовиков до ремесленников Лялели (квартал в Стамбуле, где наиболее активны российские “челноки” – *Н.К.*), от строительных подрядчиков до руководителей крупных фирм – зависят от состояния отношений между Россией и Турцией. Эта зависимость настолько возросла, что колебания в российской экономике сказались на Стамбульской бирже больше, нежели на биржах стран Восточной Европы».

«Экономики Турции и России взаимно дополняют друг друга, что определяет различия в отношениях Турции с Россией и со многими другими странами. Географическая близость России к Турции, наличие в этой стране более 16 млн. граждан тюркского происхождения, возникновение

спроса на турецкие товары, с трудом допускаемые на западные рынки, и, наконец, такое явление, как превращение – впервые – турецкого мелкого производителя в экспортера благодаря “челночной” торговле – все это безусловно требует особого внимания к тому чтобы сохранить такую специфику и такие связи».

Россия благодаря взаимным деловым возможностям, созданным в сферах внешней торговли, туризма, строительства, перевозок и энергетики, в 1997 г. превратилась во второго по значимости торгового партнера Турции. Уместно еще раз представить масштабы наших экономических связей, напомнить, что в 1991-1998 гг. 138 турецких фирм работали в России по 533 проектам на сумму 9246 млн. долл., причем за 1990-1997 гг. подрядные услуги турецких фирм в России составили 42% всех такого рода услуг, осуществляемых турками за рубежом. Уместно также напомнить, что в 1997 г. только в Анталье побывали 238 тыс. российских туристов, причем угрозы террористов не слишком на них подействовали; в том же году в Россию грузовики ТИР под турецкими номерами осуществили 27,7 тыс. рейсов; в среднем 55 самолетов ежедневно отправлялись из Стамбула в различные российские аэропорты чартерными рейсами; за последние 10 лет Турция заработала по меньшей мере 50 млрд. долл. от “челночной” торговли; наконец, уместно вспомнить, что в самый крупный торговый центр Москвы вложены турецкие инвестиции».

Последнее слово. «Как уже неоднократно отмечалось, задача данного доклада – “содействовать развитию отношений между Турцией и Россией”. Однако заинтересованность не ограничивается экономикой, Россия в докладе рассматривается как важная точка опоры в турецкой внешней политике. Соглашаясь с тем, что отношения не могут развиваться лишь одной стороной, предложения доклада предназначены для Турции, политика же России принимается как данность. Работа основывается на предположении, что, учитывая интересы другой стороны и одновременно убеждая ее, Турция будет проводить более эффективную внешнюю политику. По этой причине основное внимание уделено в докладе Проливам и Конвенции Монтре».

«Турция, владея жизненно важными для России Проливами, при желании может использовать их во вред российским интересам, а может и защитить их. Стратегический ущерб – это самый большой ущерб, который может принести России Турция при использовании Проливов. Если режим Проливов станет предметом переговоров, России может быть нанесен тяжелый удар, Проливы могут оказаться полностью либо по крайней мере более чем сейчас открытыми для военных кораблей под иностранным флагом. Помимо этого, в случае проведения международных переговоров Турция по их итогам может затруднить прохождение через Проливы торговых судов. Но такого рода меры в конечном счете нанесут ущерб самой Турции. Ибо дух стратегического взаимопонимания и партнерства, основывающийся на принципе сохранения режима Монтре, неизбежно приведет к тому, что Россия станет более внимательно относится к интересам Турции».

Авторы пишут, что их работа не имеет цели проводимую ныне Турцией политику в отношении России «принимать как данное, предъявлять счет прошлому либо критиковать». Тем более, что сама Турция утверждает, что эта политика «учитывает экономическую, военную и стратегическую значимость» России. Однако, по их мнению, с грузом прошлого – длительными войнами, конфронтацией в период холодной войны, стратегией, исходящей из взаимных угроз,– «не так легко идти к взаимному примирению, нелегко проявлять уважение к интересам друг друга». «Более того, некоторые шаги, предпринимаемые, чтобы добиться своих целей в других областях либо реализовать некоторые проекты, могут нанести ущерб двусторонним отношениям. Соперничество после 1993 г. из-за нефтепроводов – плохой прецедент, о котором всегда следует помнить. Если рациональная политика означает политику учета взаимных интересов, то мы уверены, что представляемый доклад поможет формированию рациональной политики».

В.В.Куделев

ИСЛАМИСТСКИЕ ПАРТИИ АЛЖИРА: ВТОРОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Упразднение в 1989 г. в Алжире однопартийной системы в первые же месяцы привело к появлению примерно 50 политических партий самой разной направленности. Сложившиеся в этот период в АНДР реалии привели к тому, что одними из самых заметных среди прочих сразу же стали исламистские партии, в частности Исламский фронт спасения (ИФС), ХАМАС (ныне – Движение общества мира, ДОМ) и движение «Ан-Нахда».

За прошедшее десятилетие по-разному сложилась судьба этих исламистских партий первого поколения. ИФС выиграл первый тур парламентских выборов 26 декабря 1991 г. и едва не пришел к власти. Военные поставили во главе Алжира в январе 1992 г. Высший государственный совет (ВГС), который отменил результаты первого тура парламентских выборов, аннулировал второй тур голосования и в конечном итоге в середине 1992 г. запретил ИФС. Вне зависимости от этих действий властей радикальное крыло Фронта к этому времени уже созрело для вооруженной борьбы, что нашло свое отражение в формировании ряда группировок религиозных экстремистов и привело к продолжающемуся уже восемь лет внутриалжирскому вооруженному противостоянию. В результате этого конфликта погибло свыше 100 тыс. алжирцев, около 1 млн. получило ранения, 600 тыс. человек стали вынужденно перемещенными лицами, материальный ущерб составил 20 млрд. долл., что примерно соответствует прибыли от продажи нефти и газа, получаемой Алжиром за два года[1]. Другими «наследниками» ИФС стали несколько структур, оспаривающих друг у друга право называться руководящими органами Фронта.

Две другие исламистские партии, побыв одно время в оппозиции, в конце концов попали в коалиционное правительство АНДР. Представители ДОМ вошли в Кабинет министров Алжира после парламентских выборов 1997 г. Движение «Ан-Нахда» присоединилось к правительственной коалиции в 1999 г., полгода спустя после прихода к власти в Алжире Абдельазиза Бутефлики.

Победа А.Бутефлики на досрочных президентских выборах в апреле 1999 г. и взятый им курс на подключение исламистских партий «умеренного» толка к работе в правительстве еще больше раскололи исламистское движение в стране, которое и без этого никогда не отличалось однородностью. 1999 – начало 2000 гг. ознаменовались рождением новых исламистских партий – партий второго поколения.

Формально алжирская конституция предусматривает запрет на создание религиозных партий. Однако это положение легко обходится путем

исключения из уставных документов подобных организаций ссылок на ислам при том, что исламистский характер ДОМ и ему подобных партий ни для кого не является секретом.

Буквально накануне досрочных президентских выборов в апреле 1999 г. от Движения «Ан-Нахда» откололась организация, получившая название «Харакат аль-Ислах аль-Ватания» (Движение национальной реформы – ДНР). Появление ДНР стало следствием конфликта между основателем «Ан-Нахды» Абдаллой Джабаллой и генеральным секретарем Движения Лахбибом Адами, который считается более умеренным во взглядах. Эта умеренность привела к тому, что Л.Адами выступил в поддержку кандидатуры А.Бутефлики накануне президентских выборов, в то время как А.Джабалла сам хотел баллотироваться на высший государственный пост. В итоге точка зрения Л.Адами победила, а А.Джабалла с группой своих сторонников был вынужден 16 января 1999 г. покинуть свое первое детище и после консультаций с представителями провинциальных организаций «Ан-Нахды» создать ДНР. Как утверждал А.Джабалла, «значительное большинство активистов “Ан-Нахды” намерено присоединиться к новой партии»[2]. Свои действия он обосновал тем, что «Ан-Нахда» «отошла от (исламистского) проекта, на котором была основана». А.Джабалла подчеркивал, что ДНР – «преемник» движения «Ан-Нахда», которое отошло от его основополагающих принципов и стало «инструментом в руках некоторых властных кругов».

Прошение о регистрации новой исламистской партии подписало свыше 100 человек, среди которых были 20 членов Консультативного совета «Ан-Нахды» и пять депутатов парламента от этого движения.

Тем не менее пока нет полной ясности, как «Ан-Нахда» и ДНР разделили принадлежавшие первой 34 места в Национальной народной ассамблее (нижней палате алжирского парламента). По состоянию на начало 2000 г. обе партии вели ожесточенную борьбу и за первичные ячейки на местах. Тем не менее ДНР уже создало руководящие структуры, в частности Национальное бюро.

Незадолго до досрочных президентских выборов А.Джабалла опубликовал свою предвыборную программу, во многом отразившую позиции ДНР. По оценке А.Джабаллы, кризису в Алжире, достигшему в сфере безопасности «недопустимого порога», должно быть найдено «политическое решение». Страна, по его мнению, находится в «стадии разрушения», причем делается это руками «алжирцев – предателей, заблудших или несведущих». Лидер ДНР, в частности, потребовал «освободить узников мнения» и всех лиц, непричастных к преступлениям, связанным с пролитием крови. Другое его требование касалось придания «позитивной» динамики процессу примирения, начавшемуся осенью 1997 г. с объявления перемирия со стороны Исламской армии спасения (ИАС – вооруженное крыло ИФС) и формально завершившемуся в январе 2000 г. разоружением ИАС и ряда других мелких бандформирований, а также амнистированием состоявших в них боевиков. Среди прочих предложений – отмена

чрезвычайного положения, действующего в ряде провинций Алжира, решение проблемы «исчезнувших лиц». В политическом плане А.Джабалла намеревался в случае избрания сформировать правительство национального единства, пересмотреть конституцию с целью придания ей «реального равновесия в вопросах соотношения власти и компетенции», наделить бóльшими правами Высший исламский совет, который должен проверять соответствие законов исламским нормам.

Если в начале избирательной кампании А.Джабалла делал лишь робкие ссылки на Коран, то накануне выборов его выступления больше напоминали религиозные проповеди. А.Джабалла – самый молодой из семи претендентов на пост президента Алжира, – в частности, заявлял, что в случае своего избрания на пост главы государства намерен «бороться против регионализма (по всей видимости, здесь подразумеваются берберы. – *В.К.*), дискриминации, коррупции, а также всех социальных бед, которые распространились вследствие нищеты». Он выступил против разделения на категории «жертв национальной трагедии», поставив тем самым на один уровень родственников жертв терроризма и близких (детей и вдов) убитых исламистов[3].

1 апреля 1999 г. ДНР получила официальное разрешение на легальную деятельность[4].

За день до состоявшихся в Алжире 15 апреля 1999 г. досрочных президентских выборов А.Джабалла вместе с пятью другими претендентами – оппонентами А.Бутефлики – сняли свои кандидатуры. Тем не менее бюллетени с именами «отказников» остались на избирательных участках. В результате голосования, по официальным данным, А.Джабалла занял третье место. За него проголосовали 3,95% алжирцев, пришедших на избирательные участки. Однако этот результат вряд ли отражает реальный вес ДНР в алжирском обществе, поскольку на ряде избирательных участков избирательные комиссии успели изъять ставшие ненужными бюллетени.

В связи с объявленной президентом А.Бутефликой перед 5 июля 1999 г. амнистией некоторым категориям участников исламистских бандформирований А.Джабалла призвал главу государства объявить всеобщую амнистию террористам. Соответствующий призыв прозвучал в письме, которое лидер ДНР направил президенту АНДР 30 июня[5]. «Все, что Вы осуществляете в настоящее время, является позитивным. Но настало время, чтобы эти меры были дополнены всеобщей амнистией», – отмечалось, в частности, в письме. А.Джабалла, известный как один из откровенных противников демократических и светских партий, потребовал также от своего недавнего конкурента в борьбе за пост президента «создать необходимые условия для защиты демократических свобод от всякого рода злоупотреблений».

В целом ДНР занимает позиции, достаточно близкие к наиболее радикальному крылу исламистского движения в Алжире. Одно из его главных программных требований – пересмотр избирательного законодательства[6].

Сразу после президентских выборов начал работу по созданию собственной партии Ахмед Талеб Ибрагими, занявший второе место по ито-

гам голосования. Примечательно, что одновременно с ним к аналогичной работе приступили два других экс-претендента на пост президента – Мулуд Хамруш и Мокдад Сифи. Однако только А.Т.Ибрагими удалось довести организационную работу по созданию собственной партии до ее логического завершения.

В начале июля 1999 г. экс-претендент на пост президента Алжира А.Т.Ибрагими подал в Министерство внутренних дел запрос на легализацию новой политической партии. Одновременно было объявлено, что она будет называться Партия «Вафа» или Движение «Верность и справедливость» (ДВС)[7].

Накануне досрочных президентских выборов А.Т.Ибрагими был поддержан рядом руководящих структур запрещенного ИФС и его боевого крыла – ИАС. В Алжире пропагандистской кампанией в его поддержку руководил возглавлявший одно время ИФС Абделькадер Хашани. В его задачу, в частности, входила организация сбора подписей для регистрации кандидата, а также сбора средств. Некоторые активисты Партии «Вафа» утверждают, что именно А.Хашани стоял у истоков этой организации[8]. А.Хашани пользовался весьма высоким авторитетом в среде алжирских исламистов, не забывших, что именно он, будучи третьим лицом в иерархии ИФС, после ареста А.Мадани и А.Бельхаджа привел Фронт к победе в первом туре парламентских выборов в декабре 1991 г.

Возможно, именно вопрос о лидерстве в Партии «Вафа» и решил судьбу А.Хашани. 22 ноября 1999 г. неизвестный открыл огонь по А.Хашани в тот момент, когда тот находился в приемной дантиста в алжирском квартале Баб-эль-Уэд, традиционно считающимся одним из оплотов исламистов. Пострадавший получил несколько пулевых ранений и через несколько часов скончался в столичной больнице «Мейот».

Как было сказано выше, по итогам досрочных выборов президента А.Т.Ибрагими занял второе место. За него проголосовали 12,53% принявших участие в выборах, или 1264 тыс. избирателей. Как и в случае с А.Джабаллой, этот результат вряд ли соответствует реальной популярности А.Т.Ибрагими среди некоторых категорий алжирцев.

Ахмед Талеб Ибрагими, врач по образованию, вышел из семьи известного в Алжире мусульманского богослова. Ранее он занимал ряд высоких государственных постов. В частности, при президенте Хуари Бумедьене А.Т.Ибрагими был министром национального образования и в этот период сделал немало для исламизации страны, при президенте Шадли Бенджедиде – министром иностранных дел. В этот же период лидер ИФС Аббас Мадани предлагал Ш.Бенджедиду, чтобы А.Т.Ибрагими возглавил правительство Алжира[9].

Учредительный съезд Партии «Вафа» состоялся в декабре 1999 г. Он проходил под лозунгом «За национальное единство, социальную справедливость, реабилитацию компетентности». В работе съезда приняли участие около 800 депутатов, представлявших 48 вилай (провинций) страны и зарубежную диаспору. Около 30% делегатов учредительного съезда в свое

время были депутатами местных органов власти от ИФС[10]. В качестве гостей на форуме присутствовали такие видные представители руководства ИФС, как Али Джедди, Абделькадер Бухамхам, Абделькадер Омар. И это несмотря на то, что всем им после сравнительно недавнего досрочного освобождения из тюрьмы было запрещено заниматься политикой.

Выступивший на церемонии открытия форума основатель партии А.Т.Ибрагими выразил мнение, что переживаемый Алжиром кризис носит политический характер и, следовательно, его решение также должно быть политическим, через реабилитацию исламизма как такового. Тем самым он фактически солидаризировался с точкой зрения многочисленных представителей руководства ИФС.

По оценке А.Т.Ибрагими, партия «Вафа» основывается на «двух основных политических течениях» страны – националистическом и исламистском. Главным ее приоритетом было названо прекращение насилия. В долговременном плане А.Т.Ибрагими неоднократно заявлял, что видит задачей своей партии консолидацию исламистского движения в Алжире и исполнение в нем лидирующей роли после запрета ИФС. Сразу было заявлено, что Партия «Вафа» видит себя в роли радикальной оппозиции по отношению к режиму А.Бутефлики. Она считает себя «реальной политической силой, способной влиять на ход событий в Алжире при уважении конституционной законности и демократических правил»[11].

Съезд избрал руководящие структуры партии. На пост председателя организации был избран ее учредитель Ахмед Талеб Ибрагими. Делегаты съезда избрали также Центральный комитет партии в составе 60 человек, ее Национальный совет (согласно внутреннему уставу, он руководит деятельностью партии в периоды между съездами) и Национальное бюро. Выступая на церемонии закрытия съезда, лидер партии «Вафа» выразил надежду, что в 2000 г. эта организация соберет под свои знамена «самое большое число граждан Алжира».

Сразу после учредительного съезда партия «Вафа» подала в МВД страны официальную заявку на регистрацию. По закону власти должны были ответить на нее в течение 60 дней.

По мнению А.Т.Ибрагими, партия «Вафа» – «синтез алжирского национализма и исламизма, ценностей идентичности и модернизма, индивидуальных свобод и социальной справедливости». Он считает, что «решение алжирского кризиса может быть только политическим, основанным на диалоге со всеми реальными силами страны и прежде всего – с Исламским фронтом спасения (ИФС)». При этом все стороны конфликта должны принять три принципа: уважения конституции, сменяемости власти и отказа от насилия. С точки зрения А.Т.Ибрагими, если до апреля 1999 г. в Алжире действовали два основных политических лагеря – «терминаторов» (так в АНДР называют сторонников борьбы с исламизмом вплоть до его полного искоренения – *В.К.*) и «примирителей», то сейчас к ним добавилась третья сила – «руки терминаторов в перчатках примирителей»[12].

Одно из главных требований партии «Вафа» – проведение досрочных парламентских выборов и выборов в местные органы власти.

Другие требования – освобождение лидеров ИФС А.Мадани и А.Бельхаджа, снятие ограничений на политическую деятельность для ранее освобожденных представителей руководства ИФС, отмена чрезвычайного положения, решение проблемы так называемых пропавших без вести лиц, восстановление на рабочих местах людей, уволенных из-за их политических убеждений. Как утверждал А.Т.Ибрагими, эти требования являются предварительным условием любой попытки национального примирения[13].

Дабы «расшифровать» эти требования, представляется необходимым напомнить, что в 1992 г. алжирские власти приговорили к разным срокам тюремного заключения А.Мадани и А.Бельхаджа и еще пятерых представителей высшего руководства ИФС. Однако позднее все, кроме А.Мадани и А.Бельхаджа, были постепенно условно освобождены. Идя на этот шаг, алжирское руководство рассчитывало, что освобожденные станут связующим звеном, с помощью которого ему удастся договориться с радикальными исламистскими группировками о прекращении вооруженной борьбы. Что касается А.Мадани и А.Бельхаджа, то для первого из них в 1997 г. мера пресечения была смягчена до уровня домашнего ареста, второй все это время (за исключением непродолжительного периода нахождения под домашним арестом) находился в военной тюрьме г. Блида.

Чрезвычайное положение было введено алжирскими властями в 1992 г. в семи центральных провинциях страны, где наиболее активно действовали исламистские бандформирования.

Международные правозащитные организации с подачи алжирских исламистов неоднократно поднимали проблему без вести пропавших лиц. К этой категории относятся, по разным данным, от 3 до 5 тыс. человек. Исламисты неоднократно обвиняли алжирские власти во внесудебных расправах над сторонниками исламизма, откуда и возникла проблема. Дабы решить ее, официальные власти создали специальные структуры на уровне провинций. При этом сразу же выяснилось, что многие из числа так называемых пропавших на самом деле оказались в исламистских бандформированиях. Это было в очередной раз подтверждено в январе 2000 г., когда начался процесс сдачи боевиков ИАС.

Что касается увольнений сторонников исламистского проекта в Алжире, то эта мера коснулась прежде всего лиц, стоявших на позициях ИФС и работавших в сфере образования.

В конце февраля 2000 г. стало известно, что Министерство внутренних дел Алжира не зарегистрировало партию «Вафа». Об этом было объявлено 27 февраля в ходе пресс-конференции, организованной руководством партии. Примечательно, что эту партию алжирская газета «Матэн», сообщившая об этом, прямо назвала «нео-ИФС»[14]. Несколькими днями ранее та же газета со ссылкой на парламентские источники, близкие к окружению президента, утверждала, что «примыкающие к центрам приня-

тия решений противники исламизма склонили власти к отказу на запрос о регистрации партии»[15].

В ответ на молчание властей партия «Вафа» пригрозила продолжить публичную деятельность, несмотря на отсутствие разрешающего документа. Выступивший на пресс-конференции представитель по печати партии и «правая рука» А.Т.Ибрагими Мохаммед Сайд утверждал, что отказ властей зарегистрировать его организацию вызван «страхом подъема реальной оппозиции», поскольку «Вафа» «представляет исламское течение, укоренившееся в [алжирском] обществе». М.Саид ни разу не назвал А.Бутефлику президентом Алжира, всякий раз указывая, что он – «назначенный глава государства». По мнению представителя партии «Вафа», эта организация легализована «по факту».

Действительно, по оценке алжирских аналитиков, «Вафа» сразу после рождения стала одной из ведущих оппозиционных сил страны[16].

Молчание властей сразу дало возможность исламистам из этой организации начать перепалку по поводу интерпретации закона, разрешающего деятельность партий, поскольку в нем ничего не говорится, законна та или иная партия или нет, если власти сами не удосужились принять однозначное решение на этот счет в течение 60 дней. При чем руководство партии «Вафа» пригрозило, что если она не будет легализована, амнистированные властями в начале 2000 г. и оказавшиеся на свободе боевики ИАС смогут соорганизоваться в менее респектабельную политическую организацию.

Неделю спустя после истечения 60-дневного срока, отводившегося на рассмотрение запроса о легализации, «Вафа» без каких-либо проблем со стороны властей провела первую сессию Национального совета. В коммюнике по итогам сессии действия властей, хранивших молчание по поводу запроса о регистрации, были расценены как «попытка морального убийства политической организации, являющейся носительницей идеи политической альтернативы того, как необходимо выходить из кризиса»[17]. Давая оценку общей ситуации в стране, неоисламисты констатировали, что «решение чувствительных вопросов безопасности, соблюдения прав человека и демократической практики, урегулирования экономического и социального кризисов осложняется закрытием политической арены, эскалацией насилия, усилением цензуры и произвола, непрекращающимися покушениями на национальные ценности». Тем самым они в очередной раз поставили на одну доску действия радикальных исламистских группировок и властей.

В целом пока затруднительно однозначно сказать, насколько жизнеспособными окажутся новые исламистские партии. Тем более, что у них в любой момент может появиться мощный конкурент. Им может стать старый ИФС, но в какой-либо новой «упаковке». К этому варианту развития событий уже готовы несколько участников Маджлис аш-Шура (Консультативного совета) ИФС, находящихся на свободе в Алжире. Не оставили идею возрождения ИФС и его зарубежные структуры, ставящие в качестве

условия нормализации обстановки в стране реабилитацию этой исламистской партии. Одна из них – Координационный совет ИФС за рубежом – базируется в Европе. Его участники во главе с Ахмедом Зауи в апреле 1998 г. откололись от Исполнительной инстанции ИФС за рубежом. Последняя находится в Германии, и возглавляет ее Рабах Кебир.

Если Исполнительная инстанция готова, чтобы возродить ИФС под новым названием, то Координационный совет настаивает на полной реабилитации ИФС. Так, в распространенном 13 сентября 1999 г. коммюнике № 13 Координационный совет ИФС за рубежом утверждал, что действия избранного 16 апреля 1999 г. главы АНДР направлены на восстановление позиций политиков «эпохи 30-летнего монопольного правления» Фронта национального освобождения (ФНО). Авторы документа считали невозможным достижение внутреннего мира без «безусловного освобождения шейхов Аббаса Мадани и Али Бельхаджа и реабилитации запрещенной партии»[18].

[1] Liberation. Casablanka. 01.04.2000.
[2] APC. Alger. 21.01.1999.
[3] La Tribune. Alger. 02.04.1999.
[4] Там же.
[5] Эль-Ватан. Алжир. 05.07.1999.
[6] La Tribune. 29.01.2000.
[7] La Tribune. 05.07.1999.
[8] Le Matin. Alger. 18.12.1999.
[9] Le Matin. 28.02.2000.
[10] Le Matin. 24.02.2000.
[11] La Tribune. 24.02.2000.
[12] Arabies. P., janvier 2000.
[13] Le Matin. 18.12.1999.
[14] Le Matin. 28.02.2000.
[15] Le Matin. 24.02.2000.
[16] La Tribune. 04.07.1999.
[17] La Tribune. 11.03.2000.
[18] La Tribune. 12.09.1999.

Н.М.Мамедова

НОВЫЙ ЭТАП ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ИРАНА
(Парламентские выборы – ход и результаты)

18 февраля 2000 г. в Исламской Республике Иран состоялись выборы в меджлис шестого созыва.

Меджлис (иранский парламент) – высший законодательный орган страны. В этом году в него избиралось 290 депутатов (за 20 лет число депутатов несколько увеличивалось в связи с ростом населения – в меджлисе первого созыва в 1980 г. было 270 депутатов).

На 290 мест в меджлисе претендовали 6083 кандидата, утвержденные Наблюдательным советом. К выборам в меджлис пятого созыва был допущен 3231 кандидат, а четвертого – 2066[1]. И это, несомненно, свидетельствует об активизации политической жизни в стране, об ослаблении контроля за «благонадежностью» кандидатов. Увеличилось число женщин, прошедших регистрацию. Из общего числа кандидатов в нынешний меджлис было 513 женщин. (Для сравнения: в меджлис четвертого созыва баллотировалось 320 женщин, а первого – 167)[2].

Согласно Конституции ИРИ (1979 г.), меджлис – однопалатный орган, хотя принятые им законы должны пройти обязательное одобрение Наблюдательного совета*, состоящего из 12 членов – шести юристов и шести улемов (высших богословов), назначаемых рахбаром.

В какой-то степени Наблюдательный совет можно рассматривать и в качестве верхней палаты меджлиса. Еще при жизни аятоллы Хомейни, когда противоречия между меджлисом и Наблюдательным советом достигли критического уровня, грозящего ослаблением и даже разрушением самой структуры исламского строя, был создан еще один высший законодательный орган, состоящий из высших религиозных и государственных деятелей, – так называемый Совет по целесообразности**, который стал выступать своеобразным третейским судьей между меджлисом и Наблюдательным советом и который после внесения в 1989 г. поправок в Конституцию обрел конституционный статус. Это в определенной мере снизило влияние Наблюдательного совета на законотворческий процесс и соответственно повысило роль самого меджлиса. И тем не менее, роль

---

* Шоурае негяхбан-э ганун агаси – досл. пер.: Совет по соблюдению Конституции.

** Маджма-йе ташхисе маслахате незам – досл. пер.: Совет по принятию решений, наиболее целесообразных для режима.

Наблюдательного совета остается все еще значительной не только из-за участия в законотворчестве, но и из-за участия в процессе выборов в меджлис. Именно Наблюдательный совет выполняет функцию избирательной комиссии, отбирая кандидатов для участия в выборах.

В выборах 2000 г. приняли участие лица, достигшие 17 лет, хотя еще в прошлом году возрастной ценз составлял 16 лет. Иранское общество расценило это решение, принятое меджлисом накануне выборов, как попытку уменьшить долю молодежного электората.

Дело в том, что Иран в настоящее время представляет собой одну из самых молодых стран мира, где 70% населения моложе 30 лет, а 43% – моложе 20 лет[3]. Таким образом, большую часть электората составляет молодежь, которая поддерживает сторонников нынешнего президента страны Мохаммада Хатами. Именно молодежный электорат обеспечил ему победу на президентских выборах и победу его сторонникам на муниципальных выборах в конце 1999 г.

Для избрания в меджлис кандидату необходимо набрать не менее 25% голосов в своем избирательном округе. На выборах 18 февраля 2000 г. в 65 избирательных округах ни один из кандидатов не набрал положенных 25% голосов. Поэтому в этих округах 5 мая состоялся второй тур голосования.

Выборы в меджлис, да и сама предвыборная борьба, обнажившая расхождение и в группировках, и между отдельными политическими и религиозными лидерами, имели чрезвычайно большое значение для развития политического процесса в Иране. Дело в том, что накануне президентских выборов 1997 г. политическая элита, которая и до этого была расколота на два лагеря, в значительной степени склонялась к проведению более жесткой линии в противовес сторонникам реформ тогдашнего президента А.Рафсанджани. В тот период сторонники экономических либеральных реформ, технократы правительства А.Рафсанджани создали организацию «Группа шести» [«Горухе каргозаране сазендеги» (служителей созидания)], которая в настоящее время известна как партия «Каргозаран». Ни один из кандидатов на пост президента, выдвинутых этой группой, не прошел через Наблюдательный совет, и сторонники А.Рафсанджани в качестве своего кандидата поддержали Мохаммада Хатами, хотя последний примыкал к Ассамблее борющихся улемов (Маджма-йе руха-ниюне мобарез – Military Clerics) – той фракции духовенства, которая выступала оппонентом правительства А.Рафсанджани по многим вопросам политической и экономической жизни Ирана. Правда, А.Рафсанджани к концу своего второго срока пребывания на посту президента фактически противопоставил себя и другой мощной группировке духовенства – Организации борющегося духовенства (Джаме-йе руханиятe мобарез – Militant Clergy), лидером которой был спикер меджлиса пятого созыва Али Акбар Натег Нури. Именно его прочили в президенты, а большинство членов Наблюдательного совета и Совета по целесообразности было в это время сторонниками Организации борющегося духовенства.

Взаимоотношения этих организаций духовенства до недавнего времени и составляли сущность внутриполитического процесса в Иране и внутриполити-

ческой борьбы, особенно после роспуска в 1987 г. Партии исламской республики. Часть высшего духовенства вышла в 1988 г. из Организации борющегося духовенства и создала Ассамблею борющихся улемов* (Маджма-е руханийюн)[4]. Члены этих группировок духовенства и составляют не только религиозную, но и политическую элиту страны, занимая ведущие посты в государстве.

М.Хатами, конечно, понимал, что своим избранием он в значительной мере был обязан не только поддержавшей его Ассамблее борющихся улемов, но и сторонникам А.Рафсанджани, поэтому свои взаимоотношения с меджлисом пятого созыва (1997-1999 гг.) он вынужден был строить, учитывая этот фактор, как и то, что большинство меджлиса составляли сторонники Организации борющегося духовенства. Несмотря на это, курс М.Хатами на демократизацию иранского общества, в том числе путем создания партий и политических организаций, расширения свобод прессы, был поддержан не только правительством, но отчасти и меджлисом. Особую активность проявили сторонники М.Хатами, создав пропрезидентские партии и группировки.

Муниципальные выборы, прошедшие в октябре 1999 г. в обстановке острого противостояния, укрепили позиции М.Хатами и показали позитивность использования партийного строительства для завоевания власти на всех уровнях. После выборов в местные органы власти сразу же началась предвыборная борьба за меджлис шестого созыва. Стремительными темпами стало расти число партий и различных партийных группировок и общественных движений.

Ассамблея борющихся улемов («Маджма») как группировка духовенства четко осознала, что в современном иранском обществе необходимо использовать партии, разделяющие взгляды на сохранение существующей исламской государственности, но объединяющие не только и не столько духовенство, а и остальные слои общества. По инициативе лидеров «Маджмы» был создан Фронт 23 мая (2 хордада – в этот день М.Хатами одержал победу на президентских выборах), в который вошли более 17 партий и организаций. Они и выдвинули общих кандидатов в меджлис. Более того, в программных заявлениях делался упор на то, в меджлисе должны превалировать светские депутаты.

Главным политическим ядром этого блока стала партия, образованная братом президента Мохаммадом Реза Хатами, – Исламский иранский фронт участия (Islamic Iran Participation Front), чаще именуемая в иранской

---

* Эти названия и в персидском, и в английском написании хотя и созвучны, но отражают и различие. В русском языке правильнее было бы перевести дословно – соответственно Ассамблея борющихся священников и Ассамблея борющегося духовенства. Однако слово «священник» не применяется для названия представителя исламского духовенства, поэтому в российской литературе организацию, созданную в 1988 г., чтобы подчеркнуть ее отличие от Организации борющегося духовенства, называли иногда Ассамблеей воинствующего духовенства, или Ассамблеей борющегося духовенства. Представляется, что более адекватным персидскому смыслу является Ассамблея борющихся улемов.

прессе сокращенно – «Мошарекят» (участие). Партия издает свою газету «Мошарекят».

Главный предвыборный лозунг Фронта 23 мая и партии «Мошарекят» – «Иран для всех иранцев» – оказался весьма привлекательным и действенным в значительной степени потому, что не связывал лояльность с исламской идеологией. В предвыборной борьбе широко использовались музыкальные средства агитации, т.е. все то, что запрещалось и изгонялось из быта иранцев в первые годы после исламской революции. В значительной мере «Мошарекят» ориентируется на молодежь, особенно на студенчество, женщин и интеллигенцию.

Второй крупной партией стала Организация моджахедов исламской революции, возглавляемая Бехзадом Набави, бывшим министром тяжелой промышленности в правительстве М.Х.Мусави. В коалицию Фронта 23 мая вошла и Партия труда во главе с Абольказемом Сархадизаде.

Кандидатом от объединенных сил стал и секретарь одной из влиятельнейших партий – Последователей курса имама Хомейни (Хатте имам – Imam's Line) Сейид Хади Хаменеи, брат рахбара Али Хаменеи.

Эта партия была создана на базе группировки студентов – последователей линии имама Хомейни, которая «прославилась» тем, что во главе со своим лидером ходжат-оль-эсламом Мусави-Хоэниха и Хабибуллой Пейманом (последний не прошел в качестве кандидата в депутаты меджлиса шестого созыва) захватила в заложники сотрудников американского посольства в 1979 г.

О том, как сложно в Иране делить лидеров на «правых» и «левых» свидетельствует как раз политическая позиция Мусави-Хоэниха в последние два года. Если Х.Пейман сейчас известен как крайне националистический лидер, то Мусави-Хоэниха занимает пропрезидентскую позицию. Он выступает за предоставление бóльших свобод, за нормализацию отношений с зарубежными странами, за реализацию принципа «диалога цивилизаций», выдвинутого М.Хатами. Именно он как главный редактор газеты «Салам» (орган «Маджмы») подвергся критике консервативного духовенства за ряд статей, опубликованных в этой газете летом 1999 г. И именно закрытие этой газеты вызвало взрыв возмущения студенчества и явилось стимулом бурных событий лета 1999 г., которые многие расценили как новую революцию.

Кандидатам-сторонникам М.Хатами противостояла Организация борющегося духовенства как традиционный оппонент Ассамблеи борющихся улемов.

Неожиданным, но, пожалуй, лишь на первый взгляд, оказалось противостояние с «Каргозаран», которую вместе с А.Рафсанджани пропрезидентские газеты зачислили в консерваторы, такая же формулировка прошла по западным СМИ. При этом сама партия «Каргозаран» среди своих кандидатов в меджлис имела многих представителей, выдвинутых «Мошарекят» и ее сторонниками.

Трудно назвать консерваторами таких деятелей, как А.Рафсанджани, открывшего путь к экономической либерализации и заявлявшего в конце своего президентства о необходимости расширения экономических сво-

бод, а также членов партии «Каргозаран», претворявших программу реформ в жизнь. Причисление их к консервативному крылу отражает, что они более «правые» в европейском понимании политического спектра, а «Мошарекят» – более левые. Да и сама иранская пресса если и классифицирует направленность газет как органов политических группировок, то называет газеты и лидеров, связанных с линией «Маджмы» и «Мошарекят», левыми, модернистскими или реформистскими. Членов Организации борющегося духовенства, особенно партии «Ансаре Хесболла», в иранской печати именуют сторонниками жесткой линии.

В противостоянии с «Каргозаран», особенно накануне выборов (возможно, из-за дистанцирования А.Рафсанджани от событий, связанных с арестом Абдоллы Нури, закрытием газеты «Салам» во главе с Мусави-Хоэниха пропрезидентской ориентации), при жестком противопоставлении на Западе М.Хатами и А.Рафсанджани, в период президентства которого были введены санкции США*, сторонники М.Хатами стали набирать ощутимый перевес. И это убедительно доказали парламентские выборы.

Из 30 мест по Тегерану 29 завоевали приверженцы линии М.Хатами, и лишь одно место с небольшим перевесом голосов (25,58%) досталось А.Рафсанджани, которого пресса официально представляет как независимого кандидата, хотя в предвыборных программах партии «Каргозаран» он был заявлен как ее кандидат, и общественность считает, что он тесно связан с этой партией. Несмотря на то что эта партия поддержала многих кандидатов «Мошарекят»[5], сторонники «Каргозаран» потерпели явное поражение. Не прошла в меджлис и кандидатура дочери А.Рафсанджани – Фаэзе Хашеми, занимающей видное место среди лидеров «Каргозаран». Влияние этой партии стало падать из-за разногласий в ее руководстве. Кроме того, освобождение из заключения бывшего мэра Тегерана Голама Хоссейна Карбасчи было достигнуто в результате его прошения на имя рахбара, это снизило его популярность как генерального секретаря «Каргозаран». Предвыборная программа «Каргозаран» (из 11 пунктов)[6] в принципе ничем не отличалась от программных заявлений «Мошарекят», но в отличие от последней не содержала кратких, но привлекательных лозунгов. А лозунг «Иран для всех иранцев», не отрицая необходимости экономических рыночных реформ, как бы делал упор на то, что эти реформы должны совершаться в интересах большинства иранцев, а не только «новых» предпринимательских слоев.

В результате выборов в меджлис шестого созыва в феврале 2000 г. было избрано 225 депутатов. Второй тур голосования по выбору остальных 65 кандидатов в депутаты, не преодолевших 25%-ный барьер, как уже отмечалось, состоялся 5 мая 2000 г.

По иранским данным, расстановка политических сил в новом меджлисе такова:

	I тур	II тур	Всего

* Европейский суд во второй половине марта 2000 г. выразил намерение устроить суд над А.Рафсанджани.

Реформаторы, сторонники Фронта 23 мая	148	41	189
Консерваторы	35	19	54
Независимые	37	5	42
Представители религиозных меньшинств (зороастрийцы, иудеи, христиане)	5	–	5

Необходимо отметить, что из 42 независимых депутатов большинство является сторонниками М.Хатами, хотя и избирались как независимые.

Таким образом, реформаторы – сторонники Фронта 23 мая на парламентских выборах 2000 г. одержали убедительную победу, имея в меджлисе шестого созыва (вместе со своими сторонниками из числа независимых) более двух третей мест.

Наиболее убедительна победа в первом туре сторонников М.Хатами в Тегеране (29 мандатов из 30), Исфахане (все 5), Мешхеде (все 5), Ширазе (из четырех мандатов – три, в одном круге кандидат не набрал 25% голосов), Бендер-Аббасе (из трех – двое официальные кандидаты Фронта 23 мая, один – независимый, но известен как приверженец президентской ориентации).

Для иранцев немаловажное значение имели не только общие результаты выборов, но и число проголосовавших за каждого из кандидатов коалиции – Фронта 23 мая. И для «Маджма» и для ее партии «Мошарекят» этот показатель стал дополнительным фактором укрепления их политических позиций[7]. Так, по Тегерану самую внушительную поддержку получил лидер партии «Мошарекят» Мохаммад Реза Хатами. Он набрал 61,2% голосов (1-е место).

Джамиле Кадивар, одна из активных деятелей «Мошарекят» (жена министра культуры, проф. Тегеранского университета, издатель газеты «Негар»), получила 47% (2-е место). Третье место в рейтинге поддержки – у Али Реза Нури, брата бывшего министра внутренних дел Абдоллы Нури, осужденного судом для духовенства на пять лет заключения.

Убедительную победу одержали кандидаты от «Маджмы» Меджид Ансари, один из видных политических лидеров Ирана, член Наблюдательного совета, депутат меджлиса пятого созыва, занимавшийся проблемами парламентской фракционной борьбы, – 40% голосов избирателей (7-е место), а также Махди Кярруби, бывший в 80-х – начале 90-х годов спикером меджлиса,– 30,5% (25-е место).

Высокий рейтинг поддержки получили кандидаты от Организации моджахедов исламского Ирана Мохсен Армин (4-е место) и ее лидер Бехзад Набави, ставший пресс-атташе всей коалиции (8-е место).

Пятое место занял Сейид Хади Хоссейн Хаменеи, брат Али Хаменеи, генерального секретаря партии Сторонников линии имама, который, как писала газета «Фатх», накануне выборов заявил, что «Хомейни не обладает иммунитетом против критики, и что каждый должен отвечать за принятые решения и за дела в прошлом».

***

1. Результаты выборов многие эксперты, особенно на Западе, расценили почти как крушение исламской государственности. Во многом это мнение базировалось исходя из изменений, происходящих в стране в последний год, и характера предвыборной кампании. Действительно, данная предвыборная кампания была весьма специфической, резко отличаясь от всех предыдущих за весь период существования Исламской Республики Иран. По использованию предвыборных технологий она напоминала кампании, проводимые в большинстве стран мира, были задействованы все средства массовой пропаганды, особенно печать и телевидение. Иран давно не сталкивался с такой полемичностью в прессе, представлявшей интересы различных общественных групп. Все это сопровождалось закрытием газет, судебными разбирательствами, возникновением новых изданий, зачастую менявших лишь название, но сохранявших штат и политическую направленность закрытых газет. Повсеместно стали проводиться рок-концерты в поддержку тех или иных сил, о чем нельзя было и подумать даже год-два назад. Стала даже меняться мода, становясь более свободной. Ускорился процесс распространения английского языка, особенно после разрешения пользования Интернетом.

Конечно, победа «реформистов» на выборах в высший законодательный орган усилит демократические потенции, заложенные в государственной структуре Ирана как структуре республиканской. Изменить исламский характер этой структуры можно: а) либо изменив структуру государственных органов, т.е. изъяв из Конституции статьи о велаяте факих (или рахбаре), ограничив роль Наблюдательного совета, изменив структуру судебной власти и вооруженных сил; б) либо выхолостить из исламской формы власти ее исламское содержание. К первому пути, как представляется, не готово ни реформаторское крыло лидеров, ни само общество.

Как показывает опыт развития Ирана, избранная им государственная и политическая модель способна на эволюцию, готова к ответам на вызовы времени. Второй путь, видимо, более реален, однако сколько-нибудь резкого снижения исламского фактора не произойдет. В меджлис пришло поколение, выросшее на идеях исламской справедливости, связывающих процессы идентификации с исламом, готовое принять и воспринять достижения вестернизации, но с условием использования их для повышения уровня самооценки, сохранения своего национального самосознания. Лидеры «Маджмы», пришедшие после выборов снова к власти, не считают изменение прежней политики предательством исламских принципов, хорошо помня, что именно в связи с созданием в свое время «Маджмы» аятолла Хомейни обратился с Братской хартией («Маншуре барада-ри»), в которой указывал, что врата иджтихада (толкования ислама) открыты для всех, и разные точки зрения на вопросы жизни общества возможны и полезны, если направлены на укрепление исламского государства.

2. Представляется, что сейчас делать выводы о расстановке политических сил даже в законодательном органе, лишь исходя из соотношения депутатов – кандидатов от Фронта 23 мая и остальных, было бы прежде-

временным. Само создание коалиционного блока партий – это скорее предвыборный ход, нежели действительный союз единомышленников. Многие из общих кандидатов имеют различные взгляды по важнейшим проблемам политической и экономической жизни. Очень сильными остаются позиции консервативных фракций в вооруженных силах, особенно в Корпусе стражей исламской революции. Активно действуют сторонники партии Хезболла, наиболее экстремистского движения в исламе. Уже после выборов, 12 марта 2000 г. в центре Тегерана был тяжело ранен один из идеологов и лидеров «Мошарекят» Сайед Ходжарийян. Он возглавляет одну из популярных реформистских газет «Собхе эмруз», которая в последнее время вела расследование обстоятельств серии политических убийств в конце 1998 г. Редакции газеты неоднократно угрожали, и в день покушения на С.Ходжарийяна, который занимался вопросами формирования парламентской фракции, редакция была разгромлена и подожжена.

Поэтому вполне возможна ситуация раскола меджлиса на фракции, способная затормозить законотворческий процесс. Поэтому уже 10 марта «Мошарекят» начала работу по созданию реформистской фракции меджлиса. В работе организационного собрания приняло участие около 200 выбранных членов меджлиса и кандидатов на второй тур голосования. Показательно, что к ним присоединились 20 независимых кандидатов[8].

3. Можно предположить, что в период работы меджлиса шестого созыва основной водораздел борьбы пройдет как между «новыми реформистами» и «консерваторами», так и между «новыми реформистами» и «старыми реформистами» – сторонниками А.Рафсанджани, занимающими сейчас центристское место.

Вполне прогнозируемо увеличение влияния «Каргозаран» или любой партии, которая будет занимать такие же центристские (в политическом аспекте) и более правые (в экономическом) позиции. Но это может произойти лишь в среднесрочной перспективе. Сейчас же, получив большинство в меджлисе, реформисты всячески стараются дистанцироваться от «Каргозаран» и А.Рафсанджани. Если накануне выборов реформисты допускали поддержку кандидатуры А.Рафсанджани на пост спикера меджлиса, то уже после объявления результатов голосования они эту возможность отвергают или, по крайней мере, ставят под большое сомнение.

Основное принципиальное отличие этих двух направлений – это то, что сторонники А.Рафсанджани, перед которыми остро стояла задача послевоенного восстановления страны, выживания населения и сохранения режима, сделали ставку на экономическую либерализацию. Сторонники М.Хатами, получив из рук А.Рафсанджани экономику, достигшую по многим параметрам не только довоенного, а дореволюционного уровня, главной считают общественную либерализацию, включающую как политическую составляющую, так и образ жизни. К числу компонентов, определяющих образ жизни, относится и свобода передвижения по всему миру, пользования информационными сетями, возможность получения образования за рубежом и т.п. Конечно, это наиболее привлекательно сейчас

для молодого населения Ирана. При этом новые реформаторы, представляющие более левые экономические взгляды, много говорят о социальной справедливости, социальных гарантиях, справедливо ориентированной экономике, ликвидации безработицы и т.п.

М. Хатами многое удалось сделать для демократизации политической жизни. В меньшей степени – в области экономического развития. Конечно, кризисное состояние, в котором оказалась иранская экономика в годы нахождения у власти правительства М. Хатами, объясняется в значительной мере падением цен на нефть в 1998 – первой половине 1999 г. и влиянием «азиатского» кризиса. Но и само правительство, в сущности, не смогло предложить обществу сколько-нибудь эффективной программы выхода из кризиса. Не приняты экономические законы, касающиеся налогообложения, защиты частных и иностранных инвестиций, гарантий инвестиций и их возврата и т.п. Одна из причин отсутствия необходимых законов – острые разногласия в меджлисе. Не был принят в окончательном варианте даже Третий пятилетний план на 2000–2005 гг. – основной экономический закон страны. Все эти задачи сознательно были отложены до начала работы меджлиса шестого созыва.

Логика экономического развития Ирана, страны с открытой экономикой, внешняя торговля которой составляет более трети валового внутреннего продукта, с капиталоемкими ведущими отраслями промышленности (нефтяной, нефтехимической, металлургией, энергетикой), требующими обновления основного капитала, притока огромных инвестиций, а следовательно, привлечения иностранных инвесторов и технологий, будет требовать продолжения начатых правительством А.Рафсанджани реформ. Но среди кандидатов, предложенных Фронтом 23 мая, преобладают лица, которые занимали ведущие посты в 80-х годах, когда правительство ориентировалось на построение жестко централизованной экономики. Так, Бехзад Набави, называемый «старым партизаном», в правительстве Мир Хосейна Мусави был министром тяжелой промышленности. Он был сторонником всемерного укрепления государственного сектора, расширения системы фиксированных государственных цен, жесткого внешнеторгового контроля.

Поэтому борьба в новом меджлисе по вопросам экономической политики во многом будет зависеть от позиций нейтральных депутатов, от создания новых фракций, ориентированных на курс партии «Каргозаран», но свободных от влияния ее лидеров.

4. Как может отразиться победа сторонников М.Хатами на отношениях с Россией и США? Дальнейшее развитие демократических тенденций во внутриполитической жизни Ирана, безусловно, может ускорить его сближение с США. Иран заинтересован в экономических связях с США, так как опыт развития в условиях эмбарго и санкций со стороны Соединенных Штатов наглядно показал уязвимость иранской экономики от этих санкций и отсутствие других внешнеэкономических субъектов, способных полностью восполнить отсутствие США на иранском рынке. Россия даже сейчас, в период разрыва отношений Ирана с США не смогла сколько-нибудь серьезно

закрепить свои экономические позиции в Иране. Исключение составляет лишь атомная энергетика, но можно предположить, что в случае установления полноценных отношений с США Иран может пожертвовать и этим проектом, который он в последнее время, как представляется, все больше склонен рассматривать в качестве средства давления на США.

Россия, безусловно, сохранит (при нынешнем уровне отношений с США) по-прежнему свою приоритетность для Ирана во внешнеполитической политике. Россия для Ирана действительно важный политический союзник в его отношениях со странами Центральноазиатского региона, Закавказья, Турции, Индии и Пакистана. Россия, особенно по мере увеличения ее экономического потенциала, – выгодный экономический партнер для Ирана, в первую очередь как поставщик необходимых технологий. С Россией Иран связывает и реализацию многих масштабных транспортных и энергетических проектов, включающих транзитные. Для нового меджлиса и, возможно, нового правительства перемены в ирано-российских отношениях вряд ли возможны. Безусловно, ситуация может измениться в случае установления отношений Ирана с США. Политическая роль России может значительно уменьшиться, но экономическая составляющая ирано-российских отношений получит больший вес. Приток американских инвестиций сможет повысить качество и конкурентоспособность иранских товаров, которые представят больший интерес для российского рынка, нежели сейчас. Заинтересованность Ирана в обширном российском рынке, взрастившем капиталы турецких, китайских и других азиатских компаний, еще более возрастет.

Россия должна быть готова к тому, что политически более однородный меджлис сможет уже в ближайшие годы ускорить процесс экономического законотворчества, она должна проявить инициативу в обеспечении более оптимальных законодательных основ для защиты интересов российских компаний на иранском рынке, в обеспечении политических и экономических интересов России в региональных и межрегиональных проектах, осуществляемых на территории или с участием Ирана.

[1] Iran News. 16.02.2000.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Iran after the Revolution. Crisis of an Islamic state. I.BTauris. – L.-N.Y. 1996., с. 89.

[5] Предвыборная программа партии «Каргозаран» и ее кандидаты. – Тегеран, 2000 (на перс. яз.).

[6] Там же.

[7] Iran Mania News. 01.03.2000. http://www.iranmania.com

[8] Iran News. 16.03.2000.

И.В.Масюкова

ИЗРАИЛЬ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ: РОЛЬ ИММИГРАНТОВ ИЗ СТРАН СНГ В РАЗВИТИИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Массовая иммиграция из стран СНГ в Израиль в конце 90-х годов способствовала огромному притоку дипломированных специалистов и научно-технических кадров. По данным Центрального статистического бюро Израиля (ЦСБ), с 1989 по 1999 г. в рамках Закона о возвращении в Израиль прибыло всего 903100 репатриантов, в том числе 771500 человек из бывшего СССР/СНГ[1]. Наибольшее количество иммигрантов приехало в 1989-1995 г.– всего 710 000 человек, в том числе подавляющее большинство из бывшего СССР/СНГ – 609 900 человек. В результате численность населения страны увеличилась более чем на 13%.

В конце 1993 г. профессиональная структура алии из бывшего СССР представлялась следующей: 57 400 человек – инженеры и архитекторы; 12 600 – врачи; 12 200 – медсестры; 9 000 – ученые; 12 200 – артисты, художники и представители других творческих профессий; 25 000 – преподаватели[2]. В последующий период происходил постоянный рост алии, в результате, по израильским статистическим данным на 1998 г., из бывших стран СНГ приехали 82 250 инженеров, 16 900 врачей и дантистов, 18 550 медсестер и вспомогательного медицинского персонала, 38 700 учителей, 16 450 – музыкантов, артистов, писателей, журналистов и представителей других творческих профессий[3].

Одна из наиболее характерных особенностей алии 90-х годов – ее высокий образовательный уровень. Среди русскоязычных репатриантов 40,5% имеют общий стаж обучения 13 лет и более, у израильтян этот показатель значительно ниже – 24,2%. Если среди иммигрантов 60% имеют высшее образование (научные сотрудники, инженеры, представители свободных профессий и др.), то у израильтян эта категория составляет 28%[4].

С 1989 по 1998 г. в Израиль иммигрировало 13 275 ученых[5]. В конце 90-х годов среди этой профессиональной группы можно было выделить: специалистов в области физики, вычислительной математики, программирования – 52%; специалистов в области биологии и биотехнологии – 27%; химиков – 12%, гуманитариев – 9%. Основная возрастная группа (около 50%) – ученые в возрасте от 31 до 45 лет, 56% имели ученую степень кандидата и 16% – доктора наук[6]. В результате последней «волны» иммиграции не только увеличилось население Израиля, но и на 41% возросло число научной интеллигенции, выведя Израиль на первое место в

мире по числу инженеров и ученых на душу населения: 135 – на 10 тыс. жителей (для сравнения в США на 10 тыс. жителей приходится только 85).

В последние десятилетия XX в. одним из приоритетных направлений израильской экономики становится развитие комплекса отраслей высокой технологии – так называемый «хай-тек», к которым прежде всего относятся телекоммуникации, электроника, компьютеры, медицинские технологии, новые технологии печати и др., объем которых за последние пять лет удвоился – с 4 млрд. до 8 млрд. долл.[7] По мнению израильских специалистов, из-за практического отсутствия полезных ископаемых (за исключением поташа, магния и фосфатов на Мертвом море) стратегия развития государства должна быть сосредоточена на эффективном использовании интеллектуального потенциала и, в первую очередь, ускоренном развитии отраслей «хай-тек».

Правительство партии Авода разработало в свое время три основных направления для реализации поставленной задачи: первое – увеличение бюджета на исследования и разработки в ведомстве главного ученого при Министерстве промышленности и торговли в связи с поступлением множества заявок от исследователей и появлением ежегодно около 1000 компаний для разработки перспективных научно-технических идей. Второе направление – вложение средств в развитие системы высшего образования для подготовки специалистов в области высоких технологий (математиков, физиков и программистов). Третье направление – международное сотрудничество и создание фондов для вложения капитала в компании, занимающиеся новыми научно-техническими разработками. Как подчеркивал в интервью министр финансов Авраам Шохат (партия Авода), «в 1992 г.… таких фондов вообще не существовало, (…) после четырех лет нашей деятельности они появились. В них сегодня насчитывается около 2 млрд. долл. иностранных инвестиций для вложения средств в израильский “хай-тек”[8]-. Ряд фактов подтверждает положительные сдвиги в развитии отраслей высоких технологий. По данным журнала «Шпигель» (август 1999 г.), более 100 израильских фирм было представлено на технологической бирже в Нью-Йорке. В настоящее время торговая экспансия Израиля нацелена на информационные рынки: продукция «хай-тек» составляет сегодня почти 40% в общем объеме национального экспорта страны[9].

В конце XX в. Израиль становится одним из центров современных наукоемких отраслей, в значительной мере благодаря иммигрантам из стран СНГ. Рекордно высокий образовательный уровень русскоязычной иммиграции, ее культурный и интеллектуальный потенциал определили ее занятость в самых передовых и перспективных отраслях: в индустрии высоких технологий, наукоемких производствах, научно-исследовательских комплексах, в области прикладных технологий, в современных финансовых структурах, в оборонной промышленности, торговле, международном бизнесе.

Большинство молодых перспективных специалистов из СНГ коренным образом отличается от своих предшественников – репатриантов 40-

50-х годов. По мнению журнала «Шпигель (август 1999 г.), их правильнее было бы назвать не репатриантами, а экономическими беженцами; блестящее знание компьютерной техники сочетается с индивидуализмом, стремлением к большим заработкам; они – высокообразованы и честолюбивы, их притягивает «израильская Силиконовая долина» (прибрежная полоса между Тель-Авивом и Хайфой) – долина наукоемких технологий. Многие из них откровенно заявляют, что их не прельщают ни сионизм, ни религия: «их Библия – это Интернет».

Русскоязычные специалисты принимают участие в разработке большинства передовых технических проектов, среди которых: новая технология получения электроэнергии в пустыне Негев; внедрение метода ранней диагностики рака; работа над эффективной программой ликвидации электронных вирусов и многие другие. В результате в 90-х годах специалисты – иммигранты из стран СНГ дали мощный импульс для развития наукоемких отраслей и высоких технологий. По данным ежегодного отчета Ассоциации израильских промышленников, в настоящее время в сфере электроники занято не менее 5 тыс. специалистов-репатриантов, и во многом благодаря им Израиль занимает второе место в мире после США по развитию высоких технологий, увеличив в последние годы на четверть экспорт продукции в этой отрасли, тем самым создав десятки тысяч новых рабочих мест, где сейчас уже занято более 100 тыс. человек, треть из которых – репатрианты[10].

Подчеркивая значимость космических исследований, оборонных проектов и ряда других наиболее актуальных разработок, проводимых специалистами-репатриантами, министр науки Израиля Сильван Шалом в одном из интервью сказал, что реализация программы космических исследований и запуск в 1998 г. израильского спутника во многом стали возможными благодаря ученым-репатриантам, работающим в Технионе: их знания и опыт позволили реализовать проект на несколько лет раньше, сэкономив значительные средства[11]. В течение нескольких лет большим и упорным трудом пробивалась идея по внедрению оборонных проектов ученых из стран СНГ. Важную роль в решении этой проблемы сыграло руководство программы БАШАН (цель которой – содействовать продвижению технологических проектов ученых и инженеров – репатриантов), в том числе и ее руководитель – Владимир Рубин, добившийся в июле 1999 г. проведения в Министерстве обороны первой рабочей встречи по внедрению проектов. Специалисты из Министерства обороны, ознакомившись с предложениями репатриантов, приняли решение о создании специального фонда – объемом около 6 млн. шекелей. Это решение помогло трудоустроить около 20 специалистов-репатриантов, а также оказало содействие пожилым специалистам и авторам ряда проектов, безуспешно пытавшимся внедрить свои разработки в течение ряда лет[12].

Для успешной интеграции и адаптации русскоязычных иммигрантов необходимо разрешение одной из наиболее важных проблем – проблемы трудоустройства. Опыт Израиля в этом случае представляется уникаль-

ным, так как в течение всего периода существования страны, и особенно в последний период, его экономика смогла вместить огромное число иммигрантов. Для небольшой по масштабам страны проблема трудообеспечения встала крайне остро, так как оказалось довольно сложно, а подчас и невозможно обеспечить работой многочисленный поток русскоязычных репатриантов: врачей, ученых, инженеров, музыкантов, преподавателей и т.д., число которых значительно превышало потребности страны. Процесс трудоустройства затрудняется рядом факторов: существует жесткая конкуренции между самими иммигрантами и между иммигрантами и коренными израильтянами; поиск работы проходит неравномерно – кто-то быстрее «встает на ноги», находя свою профессиональную «нишу», у кого-то этот процесс затягивается. Многим иммигрантам приходится сталкиваться со снижением своего профессионального и социального статуса в период адаптации.

Проблемам интеграции была посвящена международная конференция «Иммигранты и их интеграция на рынке труда», проходившая в Израиле в 1998 г. с участием исследователей из Германии, США, Нидерландов и других стран. В ряде израильских исследований, подготовленных на основе информации ЦСБ и института «Брукдейл» с 1990 по 1995 г., были проанализированы проблемы трудоустройства репатриантов из стран СНГ. Процесс адаптации проходит через несколько этапов: на начальном этапе после приезда в страну около 70% репатриантов с высшим образованием вынуждены заниматься неквалифицированной работой за низкую зарплату, но спустя пять лет 42% репатриантов уже работают в соответствии с полученным образованием. В течение этого времени им приходится переживать периоды безработицы, однако они проходят и дополнительную переподготовку и постепенно интегрируются в академические дисциплины, поднимаясь по ступенькам социальной лестницы[13].

Для решения социально-экономических проблем адаптации иммигрантов существуют конкретные системы планирования и координации данного процесса. Центральная роль в этом вопросе отводится Министерству абсорбции, разрабатывающему основные направления стратегии и тактики адаптации. В 1973 г. в связи с ростом числа ученых-иммигрантов из СССР специальным постановлением правительства был создан Центр абсорбции в науке (ЦАН) при Министерстве абсорбции для оказания помощи в вопросах трудоустройства ученым и специалистам-репатриантам.

Основные задачи ЦАН: содействовать интеграции ученых в систему израильской науки и промышленности; консультировать и оказывать помощь в поисках работы и осуществлении их научных планов; финансировать в случае необходимости исследовательскую работу специалистов на начальных этапах ее деятельности[14].

ЦАН объединяет три отдела: точных и технических наук, естественных наук и медицины, общественных и гуманитарных наук. Центр оказы-

вает помощь как тем ученым, которые приехали, так и тем, кто еще находится за границей, если они соответствуют одному из следующих условий:

а) имеют третью академическую степень (для ученых из СНГ – степень кандидата или доктора наук), занимались научной работой не менее трех лет из пяти и имеют, по крайней мере, три научные публикации или патента;

б) имеют вторую академическую степень, после получения диплома занимались прикладными исследованиями не менее четырех лет из шести, также имеют не менее трех публикаций или патентов;

в) имеют вторую академическую степень, после получения диплома занимались прикладными исследованиями не менее четырех лет, но не имеют научных публикаций. Эта категория может получить помощь для работы в области прикладных исследований (в промышленности или в промышленных исследовательских группах)[15].

Во время первого года работы ученого-репатрианта, доля Министерства абсорбции в расходах на трудоустройство составляет 79,2%, а работодателей – 20,8% годовых расходов. Во второй год министерство вносит 66,7%, а работодатель – 33,3%. На третий год расходы министерства и работодателя делятся поровну[16]. Ученым может быть также выплачено единоразовое пособие на следующие нужды: расходы по ведению исследовательской работы; приобретение оборудования; приобретение материалов и другие расходы, необходимые для проведения исследовательских работ. Размер помощи ученому, работающему в государственной организации или на предприятии, может достигать 8 тыс. шекелей, а работающему в общественном учреждении, например, в университете, колледже, клинике – 6 тыс. шекелей[17].

В результате комплексного подхода к решению проблем ученых-иммигрантов к началу 1989 г. ЦАН оказал поддержку 3,5 тыс. ученым. Работодатели получили финансовые дотации на трудоустройство 2,6 тыс. ученых, 65% из которых нашли работу в университетах и других высших учебных заведениях; 20% – в правительственных и общественных учреждениях, больницах и лабораториях; 15% – в промышленности. За годы своего существования при содействии ЦАН было создано более 50 временных исследовательских групп для реализации научных проектов[18].

Проблема финансирования научных исследований и адаптации ученых-иммигрантов постоянно вызывает острые дискуссии в кнессете. Например, при выделении дополнительных средств к бюджету 1998 г. бывший в то время координатор оппозиции в финансовой комиссии кнессета Авраам Шохат (Авода) подверг резкой критике предоставление недостаточной суммы – 5 млн. шекелей для помощи ученым-иммигрантам по сравнению с 25 млн. шекелей – для передачи йешивам[19].

Среди 13 275 ученых, прибывших с 1989 по 1998 г., по данным Министерства абсорбции на 1998 г., в сфере науки получили работу 9800 человек, из них с помощью ЦАН трудоустроились 8390 человек; 4040 работают в частном секторе и 2250 – в университетах[20].

Правительство разработало систему всевозможных программ и грантов, поддерживающих ученых в предпринимательстве и бизнесе; в научно-исследовательских институтах и университетах и др. Среди наиболее известных: программа «Гилади» (создана в 1995 г.) для материальной поддержки ученых из бывшего СССР, программа «Камея» – оказывает помощь при трудоустройстве ученых и финансирует зарплату специалистов, работающих в университетах на постоянной основе. В 1999 г. министру абсорбции Юли Тамиру удалось в упорной борьбе предотвратить ликвидацию проекта «Камея» и даже увеличить его бюджет[21].

Довольно сложная ситуация сложилась с трудоустройством в израильских университетах, хотя в каждом из них существуют специальные отделы и штатные сотрудники, занимающиеся вопросами абсорбции.

Некоторые положительные сдвиги наблюдаются в университете им. Бен-Гуриона в Беэр-Шеве: с 1 апреля 1998 г. начался прием на работу ученых-репатриантов на должность «ученый-исследователь». Программа трудоустройства ученых-репатриантов предусматривала в течение трех лет обеспечение работой 80 специалистов, зарплата для них поступала из фонда повышения квалификации с предоставлением условий для научных исследований. По данным на 1998 г., за семь предыдущих лет университет принял 465 ученых-иммигрантов, что составило 20% от числа всех трудоустроенных репатриантов в университетах Израиля. Такое же число ученых принял Технион в Хайфе. В 1998 г. в университете Беэр-Шевы работал 281 ученый-репатриант (230 получали стипендию Министерства абсорбции)[22].

Проблема интеграции ученых и специалистов-иммигрантов – сложный и, подчас, болезненный процесс. Трудности интеграции связаны с объективными и субъективными факторами, разработка этой проблемы нашла отражение в ряде западных и израильских исследований[23].

Основные различия в организационной структуре науки в СССР/СНГ и на Западе, в частности в Израиле, состоят в том, что наиболее приоритетные направления исследований проводились в СССР в академических институтах страны, а наиболее актуальные прикладные исследования – в крупных отраслевых институтах, а не в университетах (за исключением ряда ведущих вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Киева и др.). В Израиле практически большинство научных исследований сосредоточено в университетах и в Институте Вейцмана, и лишь в последние годы появились наукоемкие компании со своим штатом ученых, где наряду с «технологическими теплицами» (о них см. ниже), разрабатываются проекты ученых из стран СНГ.

Проблемы интеграции русскоязычных ученых заключаются в том, что они не находятся на одном уровне и имеют различный потенциал. В связи с этим в последние годы была установлена градация степеней Министерства абсорбции в зависимости от научной квалификации ученых-репатриантов. По мнению израильского профессора Олега Фиговского, отстаивающего права русскоязычных ученых, научные кадры последней

алии можно приблизительно разделить на несколько групп. Около 5% – выдающиеся специалисты, работающие в фундаментальных областях, бóльшая часть – в технических дисциплинах; около 30% – специалисты с прочной научной базой, которые могли бы принести дивиденды Израилю, но они зачастую не владеют современными компьютерными технологиями и английским языком; около 50% – рядовые специалисты, люди в возрасте около 55 лет. Многие из них получают гранты по программам «Гилади» и «Камея», весьма успешно работают в промышленности, в школах и колледжах, а также в «технологических теплицах» вместе с представителями предыдущей группы. Оставшиеся примерно 15% – специалисты, деятельность которых непродуктивна, либо их специализация не востребована[24].

По мнению западных исследователей, интеграция репатриантов на рынке труда затруднена в связи с тем, что израильские ученые выступают как монополисты в отношении всех проблем трудоустройства ученых-иммигрантов, и ни у иммигрантов, ни у чиновников, отвечающих за абсорбцию, не возникает каких-либо попыток изменения существующего подхода к проблеме интеграции специалистов-иммигрантов[25].

Борьба за решение злободневных проблем интеграции ученых-репатриантов на израильском рынке труда привела их к созданию в 1993 г. своей профессиональной организации – Союза ученых-репатриантов Израиля (СУРИ). В настоящее время СУРИ – крупнейшая всеизраильская ассоциация, объединяющая в своих рядах более 4 тыс. членов в 40 региональных и профессиональных организациях по всей стране. Цель СУРИ – долгосрочное сотрудничество с государственными институтами с целью развития израильской науки и экономики путем использования профессионального потенциала репатриантов.

По мнению президента СУРИ проф. Эдгарта Альтшулера (прибывшего в Израиль в 1991 г.), недостаточное использование мощного научного и технического потенциала ученых-репатриантов имеет три причины. Первая: искаженный имидж ученого из СНГ в глазах израильтян; вторая – несогласованность действий тех структур, которые должны отвечать за абсорбцию ученых; третья – неспособность самих ученых организоваться вместе для совместного решения наболевших проблем алии[26]. Среди недостатков, присущих многим «заслуженным ученым, – неумение пользоваться компьютером, незнание английского и иврита, что не дает им возможность построить работу в соответствии с современными требованиями, и в результате они проигрывают в сравнении с молодыми выпускниками местных вузов».

В сентябре 1999 г. на III съезде Союза ученых-репатриантов более 200 делегатов обсудили ключевые проблемы интеграции 150 тыс. ученых и специалистов из стран СНГ, основная из которых – трудоустройство и эффективное использование научно-технического потенциала русскоязычной алии. В работе съезда участвовали депутаты кнессета М.Солодкина, Ю.Штерн, М.Нудельман и др. В докладе начальника Отдела науки Министерства абсорбции Омри Ингбар подчеркивалось, что из 4,5

тыс. приехавших в Израиль докторов и кандидатов наук 70% получили работу в рамках программы «Камея», проекта «Гилади» и др.[27] Президент СУРИ Э.Альтшулер предложил для более эффективного решения проблем интеграции ученых из СНГ начать сотрудничество СУРИ с министерствами науки, промышленности и просвещения и Академией наук Израиля. По его мнению, среди первоочередных задач необходимо: восстановить связи с российской наукой; «продавать» интеллектуальный потенциал за пределы Израиля; создавать собственные учебные и исследовательские фирмы с привлечением ученых-репатриантов из СНГ, у которых уже накоплен положительный опыт в разработке ряда проблем.

В центре внимания съезда находились также актуальные проблемы многотысячной армии специалистов-репатриантов. Президент Ассоциации инженеров-репатриантов Николай Векслер и другие выступавшие подчеркивали значение развития так называемых домов технологий и технологических теплиц. При этом отмечалось, что большие возможности открываются при широком использовании в израильской промышленности технологий двойного назначения, секретами которых владеют многие русскоязычные инженеры.

В 1999 г. министерства абсорбции, промышленности и торговли выделили 3 млн. шекелей для создания инженерных центров по всей стране (в перспективе планируется создать 52 центра)[28]. В мае 1999 г. в Ашдоде был создан первый Дом технологий, задача которого облегчить ученым и инженерам-репатриантам профессиональную интеграцию, повысить их конкурентоспособность на рынке труда и создать необходимые условия для выполнения проектных заказов.

Пример успешной интеграции – научные центры, реально работающие в науке: «Наноптика» – в Иерусалиме, «Новые материалы» – в Мигдаль ха-Эмеке, «Биотехнологии» – в Реховоте, «Индустриальная математика» в Беэр-Шеве и др. Среди различных фирм, созданных специалистами-репатриантами, на протяжении многих лет действует ашдодская фирма «Изотоп», основанная в 1975 г. В настоящее время (по данным на 1998 г.) в ее составе 412 сотрудников, среди них около 150 новых репатриантов с высшим образованием и научными степенями. Фирма «Изотоп» насчитывает более 30 филиалов по всей стране, и годовой объем ее работ – свыше 50 млн. шекелей. Фирма специализируется на проверке стандартов строительных материалов, и в результате упорной работы она стала самой крупной в строительной отрасли страны[29].

Большую роль в процессе интеграции специалистов и ученых-иммигрантов играют «технологические теплицы», где соединяется наука с производством. В настоящее время их насчитывается примерно 28 (около 1,2 тыс. ученых). Специалистам-иммигрантам предоставляется возможность разрабатывать свои проекты, большинство из которых – в области электроники, химии, программирования, биотехнологии и ряда других направлений. «Технологические теплицы» предоставляют иммигрантам возможность в течение двух лет разрабатывать свои проекты и ориги-

нальные идеи за государственный счет[30]. Государственная поддержка «технологических теплиц» через Министерство промышленности и торговли способствует развитию технологического предпринимательства в Израиле, обеспечивая начинающего предпринимателя финансовой, правовой, административной, материально-технической, управленческой помощью. В условиях «технологической теплицы» иммигранты стремятся не только разработать свои проекты, но и применить их в местных технологических и коммерческих условиях.

Работа над проектом осуществляется в небольших научно-исследовательских группах, затем, если она идет успешно, проект покидает «технологическую теплицу», а работа может быть продолжена после создания самостоятельной фирмы, основанной на проекте. Проекты покрывают широкий диапазон научных исследований: 32% – электроника, 22 – программное обеспечение, 22 – химия и материалы, 9 – медицинское оборудование и остальное – 14%[31].

Обязательное условие для состава научной группы – наличие 50% новых иммигрантов. В 90-х годах постоянно увеличивалось финансирование «технологических теплиц»: в 1991 г. – 3,25 млн. шекелей, в 1992 г. – 23 млн., в 1993 – 51 млн., в 1994 г. – 80 млн. шекелей (что соответствовало 26 млн. долл.)[32].

Помимо разработки перспективных проектов, иммигранты овладевают управленческими навыками, необходимыми для интеграции в рыночную экономику, – составлением сметы проекта, его документации, изучением маркетинга.

Интеграция высококвалифицированных ученых и специалистов из СНГ, поддержка «русских» проектов, максимальное использование интеллектуального потенциала алии 90-х годов позволят Израилю в XXI в. выйти на качественно новый научно-технический уровень.

[1] 1989 год: статистика алии. // Вести. – Израиль. 03.02.1999.

[2] *Lissak M., Leshem E.* The Russian Intelligentsia in Israel: Between Ghettoization and Integration. – Israel Affairs, vol. 2, № 2 (Winter 1995), с. 22.

[3] Immigrant Absorption. 1998. The State of lsrael. Ministry of Immigrant Absorption. Israel, 1999, June, с. 10.

[4] Immigrant Absorption: Situation, Challenges and Absorption. Ministry of Immigrant Absorption. Israel, 1996, April, с. 9.

[5] Immigrant Absorption. 1998, с. 18.

[6] *Simanovsky S., Strepetova M.* Yu Naido. Brain-Drain from Russia: Problems, Prospects and Ways of Regulations. Nova Science Publishers. N.Y., 1996, с. 68-69.

[7] *Шохат, Авраам.* Сфера «хай-тек» – ключ к развитию экономики // Вести. 26.02.1998.

[8] Там же.

[9] *Фоллат, Эрик.* Окно в мир – Интернет. // Шпигель, 08.1999/см.: Новости недели. – Израиль, 12.08.1999.

[10] Вести. 4-5.03.1999.

[11] *Котляревский М.* Сильван Шалом: израильская наука и «Интернет-2». – Вести. 17.05.1999.

[12] *Лоевский Е.* «Линия обороны» в проекте БАШАН. // Вести, 15.05.1997; Начинается внедрение оборонных проектов ученых-репатриантов. // Вести. 15.07.1999.

[13] Гаарец. – Тель-Авив, 20.03.1998.

[14] Scientific Research in Israel. MOST. Israel, 1992, с. 20.

[15] См.: *Веселова Р.* Израиль: Политика поддержки иммигрантов-специалистов. // Человек и труд. – 1996. – № 1.

[16] Стипендия Министерства абсорбции для ученых-репатриантов. // Вести. 22.02.2000.

[17] Там же.

[18] *Adler Sh.* The Governmental Center for Absorption in Science. –The Proceedings of Seminar «Two Ways of Integration Immigrants Israel-Sweden». Stockholm: Regeringskansliests Offsetcentral, 1987, с. 52-56.

[19] Вести. 12.03.1998.

[20] Immigrant Absorption. 1998. с. 19.

[21] Вести. 02.09.1999.

[22] Бееэр-Шевский университет примет на работу новых репатриантов.– Вести. 03.03.1998.

[23] *Toren N., Griffel A.* Across – Cultural Examination of Scientists Perceived Importance of Work Characteristics. – Social Science Research [N.Y.]. March 1983, vol. 12, № 1, с. 10-25; *Toren N.* National Cultures of Science. A Study of Soviet and American Immigrant Scientists in Israel. – Science and Public Policy. 1984, vol. 11, № 9, с. 125-160; *Toren N.* Science and Cultural Context. Soviet Scientists in Comparative Perspective. N.Y., 1988.

[24] *Фиговский О.* Мобилизация научных сил. // Вести. 22.02.2000.

[25] *Lissak M., Leshem E.* The Russian Intelligentsia in Israel…, с. 35.

[26] *Лоевски Е.* Интеллектуальный потенциал алии и его слабости. // Вести. 18.01.2000.

[27] *Прилуцкий А.* Съезд Ассоциации ученых-репатриантов. // Вести. 07.09.1999.

[28] Открыт первый центр для инженеров-репатриантов. // Вести. 06.05.1999.

[29] *Котлярский М.* Барак на «русской улице». // Вести. 04.03.1998.

[30] См.: *Симановкий С.И., Стрепетова М.П.* Израиль. Серия: «Наши деловые партнеры». – М., 1995. – 2-е изд. – С. 83-87.

[31] Программа развития «технологических теплиц»./Министерство промышленности и торговли. – Израиль, 1996. – С. 5.

[32] Там же.

А.С.Надеждин

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САММИТЫ (ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЭКОНОМИКЕ РЕГИОНА)

1994 г. стал годом проведения первого Экономического саммита ближневосточных государств – нового направления в развитии хозяйственных интеграционных связей стран Северной Африки и Ближнего Востока. У его истоков стояли коспонсоры мирного процесса на Ближнем Востоке – Российская Федерация и Соединенные Штаты Америки, начало ему положила Мадридская конференция. Первый ближневосточный экономический саммит (The Middle East and North Africa – MENA-Economic Conference) состоялся в Касабланке (Марокко) в октябре 1994 г. Кратко экономические цели этого нового начинания, с которым страны региона связывали большие надежды на ускорение экономического развития, были сформулированы в Касабланкской декларации следующим образом: участники конференции «согласились, что имеется необходимость в содействии увеличению притока инвестиций как из стран региона, так и извне. Они отмечают, что такие инвестиции требуют свободы передвижения товаров, капиталов и труда через границы в увязке с рыночными силами, сотрудничеством в технической сфере, основывающемся на взаимных интересах, открытости мировой экономике и соответствующих институтов, содействующих экономическому взаимному сотрудничеству»[1].

На саммите отмечалась особая роль в развитии регионального экономического сотрудничества частного сектора, который получает все бóльшую поддержку в рассматриваемых странах со стороны государства[2]. Специально подчеркивалось, что региональное сотрудничество носит не чисто экономический характер, оно будет устойчивым лишь в том случае, **если позитивно скажется на социальной сфере** (выделено нами – *А.Н.*) – принесет его участникам рост новых рабочих мест и доходов.

В работе саммита приняли участие многие государства Ближнего Востока и Северной Африки, что само по себе подчеркивало значение и жизнеспособность данного направления многостороннего сотрудничества в хозяйственной сфере, правда, при соблюдении ряда политических условий – развитии мирного процесса на Ближнем Востоке и улучшении климата в отношениях между странами региона, включая арабо-израильские отношения.

Помимо руководителей ряда арабских стран и официальных представителей в ранге министров многих государств, в работе саммита приняли участие около 1350 руководителей компаний и банков из всех регионов мира. Столь широкое представительство высших государственных

руководителей и частного бизнеса придало саммиту очертания не только регионального, но и формирующегося глобального экономического союза.

Хотя его участники отдавали себе отчет, что нерешенные политические проблемы в регионе в начале, а возможно, и впоследствии будут оказывать мощное сдерживающее воздействие на все развитие партнерства в экономической области, тем не менее они проявили высокую активность. Отдельные страны – участницы саммита подготовили предложения – национальные доклады о возможных совместных проектах регионального значения, объем инвестиций в которые в ряде случаев достигал нескольких десятков миллиардов долларов.

Характерной особенностью национальных программ явилась их ориентация на привлечение финансовых средств из нескольких источников:

ресурсов государства, на территории которого предлагалось осуществить данную программу, что должно было стимулировать интерес других потенциальных инвесторов, международных финансовых организаций, которые выступали и в роли доноров, и одновременно как гаранты выполнения обязательств перед местными и иностранными инвесторами;

ресурсов местного частного сектора, которому отводилась важная роль не только в рамках интеграционных проектов, но и в проводимых прорыночных реформах;

инвестиций иностранных вкладчиков.

Иными словами, подход к ключевой проблеме – формированию средств, необходимых для реализации программ, – был достаточно сбалансированным.

Помимо этого, важное место отводилось Ближневосточному банку развития, который также должен был выступить в качестве катализатора кооперационных связей (привлечение внешних инвестиционных ресурсов, кредитование интеграционных проектов, финансово-экономический контроль за реализацией интеграционных программ и т.п.).

Национальные программы, предложенные странами региона на экономических саммитах, проведенных в Касабланке (Марокко, 1994 г.), Аммане (Иордания, 1995 г.), Каире (Египет, 1996 г.) и Дохе (Катар, 1997 г.), в сильной степени отражают как динамику политического процесса в ближневосточном регионе, так и корректировку подходов стран – участниц саммита.

Прежде всего необходимо отметить, что замедление и даже временами приостановка мирного процесса, связанные с изменением, корректировкой политики израильского правительства Б.Нетаньяху по вопросу об урегулировании конфликта, затормозили только начавшееся региональное сотрудничество, так как его участники и потенциальные внешние инвесторы вновь оказались в политическом плане на «нулевой отметке». Это проявилось не сразу, в основном перед каирским саммитом. Ряд арабских государств, расценив действия нового израильского руководства как возврат к прежней политике, приостановил свое дальнейшее участие в саммитах, некоторые страны заняли колеблющуюся позицию,

что также негативным образом сказалось на подготовке и проведении египетского и, в особенности, катарского саммитов. Вообще проведение встречи в Каире долго оставалось под вопросом. Египтяне, которые были заинтересованы, чтобы она состоялась, тем не менее сознавали, что резкое сокращение числа стран-участниц и другие вытекавшие из складывающейся ситуации осложняющие обстоятельства, заметно обесценивают каирский саммит и наносят ущерб авторитету стране-организатору, что было недопустимо.

Тем не менее и каирский, и последующий (в Дохе) саммиты состоялись: их основные арабские участники подошли весьма взвешенно к возникшей проблеме. Они учитывали не только всю политическую и экономическую важность и перспективность этого направления делового партнерства в регионе для их собственных стран, но и в целом положительный опыт предыдущих встреч, проходивших под патронатом как региональной, так и мировой политической и деловой элиты.

Возникший кризис вокруг экономических саммитов лишь подчеркнул, насколько важны и перспективны деловые интеграционные контакты не только для хозяйственного развития, но и судьбы региона в целом.

И хотя два последних саммита отличали более скромные масштабы сотрудничества, их роль можно определить как исключительную. Они сохранили глубокую надежду, что процесс интеграции будет в будущем возобновлен и даст значительные результаты.

Анализ национальных программ, представленных на саммитах, показал также, что вначале его участники подошли к новому направлению в деловом сотрудничестве с несколько завышенными ожиданиями. Об этом, в частности, говорит постепенное сокращение числа проектов, ежегодно включаемых в национальные интеграционные программы. По некоторым странам число проектов уменьшилось в 2-5 раз. Столь же существенным было и сокращение объемов необходимого финансирования – с нескольких десятков до нескольких миллиардов долларов. Впрочем, такая понижательная динамика отражала существенную особенность, связанную с начальным периодом развития сотрудничества в рамках саммитов, – в программы, представленные на саммите в Аммане (1995 г.), были включены те проекты, на которые откликнулись инвесторы, прежде всего иностранные, т.е. реальные проекты.

Предлагаемые проекты в основном группировались вокруг таких сфер экономики, как инфраструктура и торговля, туризм, добывающие отрасли. Предлагались также объекты в некоторых ведущих отраслях промышленности – в текстильной промышленности, нефтехимии и энергетике. Отдельные проекты намечались в сельском хозяйстве (ирригационное строительство), в развитии технологий, подготовке национальных кадров для арабских стран, в области защиты окружающей среды.

О структуре национальных программ по региональному сотрудничеству дает представление сравнение египетской и тунисской программ, предложенных участникам саммита в Аммане (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение проектов, предложенных Египтом и Тунисом на саммите в Аммане в 1995 г., по различным отраслям

Отрасль	Египет	Тунис
1. Транспорт	12	3
2. Электроэнергетика	6	3
3. Нефтедобыча	6	-
4. Сельское хозяйство	6	-
5. Промышленность и торговля	9	1
6. Туризм	6	-
7. Культура	4	-
8. Развитие людских ресурсов	11	-
9. Высокие технологии	1	-
10. Развитие информационных систем	9	-
11. Окружающая среда	9	1
12. Научные исследования	2	-
13. Водные ресурсы	4	5
Всего:	85	13

Источник: Egypt's Perspective. Cairo, 1996, с. 43;
Tunisian Projects Files. Tunis, 1996, с. 1-15.

Общая сумма планируемых капиталовложений по египетской программе составляет свыше 18 млрд. долл., по тунисской – 2,25 млрд. долл. Львиная доля инвестиций по египетской программе приходится на объекты в области развития инфраструктуры, энергетики, промышленности, в сфере добычи и переработки нефти – порядка двух третей от их общего объема, по тунисской – на объекты инфраструктуры (автотранспортные магистрали) – до 70% всех средств.

Выбор основных сфер для сотрудничества авторы национальных программ в области межарабской интеграции стремились сочетать с достижением приоритетных целей национального развития. Среди последних надо выделить следующие:

– активизация деятельности местного частного капитала путем привлечения его к инвестициям в объекты регионального значения и к их реализации;

– создание материальных и других хозяйственных предпосылок для более глубокого и масштабного участия стран североафриканского региона в мирохозяйственных связях, включая торгово-экономические связи между странами Арабского Магриба и Египта;

– содействие решению продовольственной проблемы, которая с особой остротой проявилась практически во всех странах североафриканского региона в последней четверти XX в.;

– смягчение проблемы безработицы путем создания возможно большего числа рабочих мест на совместных регионального значения проектах (в частности, акцент на проектах в сфере инфраструктуры был не в малой мере связан именно с данным обстоятельством);

– сохранение уникальной в своем роде окружающей среды, еще не затронутой глубоко влиянием современной цивилизации, в особенности со стороны промышленного производства;

– развитие и освоение капиталоемких по своей природе современных технологий регионального профиля (т.е. максимально приспособленных к особым условиям ближневосточного региона), без чего сложно представить более глубокое, равноправное с другими странами (в том числе промышленно развитыми) участие арабских государств в мировом хозяйстве;

– создание благоприятных условий для более равномерного развития различных районов региона Северной Африки;

– подъем экспорториентированных отраслей, которые, согласно мировому опыту, в особенности новых индустриальных стран (НИС), должны стать своеобразным мотором экономического развития североафриканских государств в XXI в.;

– всемерное поощрение проектов, связанных с развитием наукоемких отраслей национальных экономик, которые, как и экспорториентированные отрасли, должны сыграть особую роль в обеспечении экономического роста.

Параллельно некоторые участники ближневосточных экономических саммитов преследовали и другие, весьма значимые по своей сути цели – адаптацию через региональные проекты новейшего управленческого опыта, установление деловых партнерских связей как между гражданами арабского частного капитала, так и с деловыми кругами неарабского мира, апробация новых форм и более глубокого взаимодействия между гражданами различных стран Арабского Востока, а также представителями арабского мира, исламской цивилизации, с одной стороны, и остальных цивилизаций и конфессий, в том числе христианской, иудейской и т.д., – с другой.

В национальных программах в основном преобладали (количественно) проекты, связанные с развитием средств связи и транспорта и разработкой минеральных ресурсов. На долю этих объектов приходилось до трех четвертей от общего числа включенных в них объектов и от половины до двух третей всего объема необходимых финансовых средств. Следующий по значению – сектор туризма и объекты, относящиеся к сфере торговли, причем в отдельных случаях проекты совмещали обе эти сферы – международные туристические комплексы с крупными торговыми центрами или свободные экономические зоны. Хотя число этих проектов значительно уступало вышеназванным, объемы финансирования их сооружения были довольно значительными – порой до трети всего предусматривавшегося в национальных программах объема финансовых средств и ресурсов.[3]

Относительно ограниченное число проектов в области охраны культурных памятников стран Северной Африки или сохранения окружающей среды

свидетельствует не о пренебрежении к ним со стороны авторов программ, а о реалистичном подходе к проблеме осуществления интеграционных проектов. Найти необходимые ресурсы для этих сфер пока остается проблематичным, так как они все еще слабо или недостаточно связаны с коммерческим аспектом (экономической целесообразностью) реализации подобных проектов. В ряде национальных программ было включено лишь по одному проекту подобного рода, хотя и их значение не следует приуменьшать.

В основном проекты в области транспортных коммуникаций были связаны с модернизацией существующих автодорог и прокладкой новых современных, а также с сооружением мостов и тоннелей таким образом, чтобы национальные участки были связаны в единое транссевероафриканское шоссе. Это имело также целью соединить Северную Африку с Западной Европой и странами Восточного Средиземноморья (а впоследствии через них – с Восточной Европой). Из 7 тыс. км национальных автодорог, проложенных вдоль средиземноморского побережья, лишь немного менее 1,5 тыс. представляли собой двухрядное шоссе. Таким образом, примерно 5,5 тыс. км требует модернизации или полной замены, главным образом вдоль побережья Ливии, Туниса, Алжира и Марокко. Объем требуемого финансирования оценивается специалистами в несколько миллиардов долларов, что уже само по себе предполагает реализацию проекта на многосторонней основе.

Подобным же образом рассматривается и вариант создания североафриканской железной дороги. В настоящее время лишь Алжир, Тунис и Марокко связаны железной дорогой. Чтобы соединить все страны региона, необходимо модернизировать или соорудить ряд отрезков между Мавританией и Марокко (1600 км), на территории Туниса (350 км), между Алжиром и Ливией (1700 км), а также на территории Египта в восточном направлении. Хотя такой план до известной меры конкурирует с проектами развития уже существующей сети морских коммуникаций на южном побережье Средиземного моря, тем не менее он имеет большое самостоятельное значение, будучи ориентирован не только на обеспечение прибрежной, пока наиболее развитой во всех отношениях зоны, но и внутренних районов стран региона. Последнее относится к числу наиболее приоритетных национальных задач практически всех североафриканских стран.

Действительно, внутренние обширные, хотя и малонаселенные районы представляют собой и в конце XX в. наиболее отсталые в экономическом и социальном отношениях регионы, здесь концентрируются обширные ареалы бедности. Именно они в последние десятилетия отличаются социально-политической нестабильностью, постепенно превращаясь в некоторых странах в базу для экстремистских, а также сепаратистских сил, в том числе и тех, которые выступают под знаменем ислама. Наиболее типичный в этом отношении пример – Алжир, но проблема эта остро стоит и в других государствах Северной Африки. Дополняющая друг друга сеть современных авто- и железных дорог существенно приблизит страны региона к формированию как единого национального рынка, так и общеарабского экономического пространства. Достижение этой цели, несо-

мненно, создаст необходимые условия для решения острейших социально-экономических проблем.

Страны региона проявили большую заинтересованность не только в развитии на многосторонней основе энергетических мощностей, но и в объединении национальных энергосистем. Это отражает стойкую тенденцию, которая особенно проявилась с 70-х годов: по некоторым оценкам, ближневосточные государства за последнюю четверть века вложили около 500 млрд. долл. в эту сферу экономики. Причем в сотрудничестве в данной области заинтересованы как страны с избыточными ресурсами энергоносителей (Алжир, Ливия, до некоторой степени это относится и к Египту с его растущими разведанными запасами природного газа), так и государства, бедные энергоресурсами (прежде всего Марокко, а также Мавритания). К последней группе можно отнести и Тунис, так как его разведанные запасы нефти близки к исчерпанию, а газа – относительно невелики. Создание единой региональной энергосистемы – основа для комплексного развития отрасли на региональной (интеграционной) основе. Национальные программы включают, помимо проектов прокладки участков ЛЭП, дополняющих уже существующие и позволяющих объединить основные линии в единое кольцо, отдельные теплоэлектростанции и другие энергетические объекты.

В перспективе, как уже отмечалось выше, после создания единой энергосистемы стран региона вполне реально подключение ее к энергосистемам ряда стран Тропической Африки и европейской единой энергосистеме, что позволит экспортировать относительно дешевую электроэнергию в промышленно развитые государства, получив дополнительные доходы в иностранной валюте. Подобный подход одновременно создаст базу для электрификации внутренних районов Северной Африки, что ускорит их экономическое и социальное развитие[4].

Во второй половине 90-х годов в процессе реализации находились проекты создания единой энергосистемы Ливии, Туниса и Марокко, их объединения с общеевропейской системой с помощью подводного кабеля. Для этих целей была создана экспертная рабочая группа SYSTMED, состоящая из средиземноморских государств – членов UNJPEDE. Специализируясь на разработке долгосрочных проектов развития энергосистем средиземноморских государств, она подготовила широкомасштабный проект, согласно которому Африка будет связана с Европой тремя линиями электропередача. Его завершение планируется к 2015 г., когда будет закончено сооружение линий Египет – Иордания – Сирия – Турция – Европа, Египет – Ливия – Тунис – Алжир – Марокко – Испания, Тунис – Италия (Сицилия).

Хотя проект был разработан ранее и опубликован в 1994 г., т.е. до заключения каких-либо соглашений в рамках ближневосточных саммитов, вероятно, отдельные его звенья будут реализованы в рамках последних, если, конечно, будет продолжено сотрудничество по линии саммитов.

Данное направление в планируемом сотрудничестве арабских стран Африки наиболее полно представлено в национальной программе самого

развитого в экономическом отношении государства – Египта. В частности, на саммитах в Касабланке и Аммане египетские программы включали проекты по сооружению высоковольтных линий электропередач, связывающих Египет и Иорданию, объединяющих энергосистемы Египта, Ирака, Сирии, Турции и Иордании, а также планы создания после 2000 г. единой энергосистемы стран Арабского Машрика (10 стран региона), стоимостью около 2,5 млрд. долл. Египетская программа также предлагала объединение энергосистем пяти государств Арабского Магриба и осуществление более амбициозных проектов: завершение к 2015 г. сооружения единой Средиземноморской энергетической системы и проведение подготовительных проектных и других работ по созданию единой ближневосточной энергосистемы. Египет также уже на саммите в Касабланке включил сооружение нескольких теплоэлектростанций в свою национальную программу, подчеркнув при этом исключительно большое значение для всего развития экономики ближневосточных государств такой базовой отрасли, как энергетика[5].

Рост мощностей по выработке электроэнергии представлен и в программах Марокко и Туниса. Так, в тунисской программе, предложенной участникам саммита в Аммане (1995 г.), отмечается, что ежегодный рост спроса на электроэнергию в стране составляет 7%. Существует потребность в объединении высоковольтных линий электропередач, как и в прокладке новых линий, в основном в сельской местности. Уровень электрификации страны на середину 90-х годов составлял 86% и был одним из самых высоких среди стран региона; причем, уровень электрификации городов равнялся 100%, сельской местности – 63%. В программе предлагалось сооружение в Северном Тунисе трех станций мощностью в 100 МВт каждая, работающих на природном газе и дизельном топливе. Стоимость реализации проекта – 380 млн. долл.[6]

Среди стран региона – большинство производителей энергоносителей – нефти и природного газа, причем такие из них, как Алжир и Ливия обладают ресурсами не только регионального, но и мирового значения. В особенности эта оценка справедлива для Алжира, у которого за последнее десятилетие резко возросли разведанные запасы природного газа. Уже в 90-е годы добыча газа в стране превысила добычу нефти, и, вероятно, эта тенденция будет преобладающей в обозримой перспективе. По оценке экспертов, в XXI в. Алжир станет, (наряду с Россией) крупнейшим экспортером природного газа в Европу. Его доля в общем потреблении этого вида энергоносителей европейскими странами предположительно составит 30%, при том, что рынок газа на континенте оценивается в настоящее время в 100 млрд. долл.

Внушительные размеры запасов энергоресурсов, а также наличие рядом огромного и быстро растущего рынка энергоносителей представляют собой уникальные условия для разработки данного вида природного сырья, обещая его производителям (и экспортерам) доходы, которые, в принципе, позволяют решить многие острейшие социально-экономические проблемы. Однако их освоение объединенными усилиями дает возмож-

ность более эффективно, рационально и в более сжатые сроки использовать такую возможность. Это касается прежде всего прокладки трубопроводов по территории стран региона от производителей к потребителям – как местным, так и европейским. Сотрудничество в этой области уже началось, а отдельные проекты либо реализованы (газопроводы, соединяющие как отдельные североафриканские страны – Алжир, Тунис, Марокко, так и Северную Африку с государствами Южной Европы – Францией, Испанией, Италией, Португалией), либо прошли стадию экспертной проработки (газопровод из Египта в Турцию и др.). С крупными проектами в этой области выступил в свое время Египет, который предложил соорудить на своей территории три нефтеперерабатывающих предприятия мощностью до 40 тыс. баррелей в день – в Александрии, Каире и Суэце, на которых намечается выпуск авиационного и дизельного топлива, а также некоторых видов химической продукции (краска, полиэтиленовые трубы и бутылки и т.п.). Часть производимой на нефтехимических комплексах продукции планируется реализовывать на рынках стран Северной Африки и других государств Арабского Востока. Намечаемый объем инвестиций по данным объектам – примерно 1,5 млрд. долл.

Что касается проектов на многосторонней основе в такой области, как охрана окружающей среды, то в части региона Северной Африки они включают в себя следующие направления:

– обеспечение коллективными усилиями охраны окружающей среды в зоне Средиземноморья, в том числе применение специальных мер и техники для предупреждения, предотвращения экологических катастроф, оборудование морских терминалов для приема морской воды, содержащей нефть и нефтепродукты и т.д.);

– ввод в эксплуатацию дополнительных мощностей по очистке промышленных вод и их дальнейшему использованию;

– формирование региональной системы информации по вопросам охраны окружающей среды;

– создание «зеленого пояса» по средиземноморскому побережью;

– реализация региональной программы по технологии обессоливания почв.

Особенностью большинства проектов в сфере экологии является то, что они, как и проекты в области охраны культурного наследия, не предполагают получения прямого экономического эффекта, дохода. Однако их косвенное воздействие на экономическую область несомненно: перспективы развития международного туризма, ставшего уже основным или важным источником валютных поступлений в странах региона (Тунис, Египет, Марокко), непосредственно зависят от сохранения окружающей среды, не тронутой загрязнениями промышленными отходами в такой степени, как в соседних регионах.

Страны региона в высшей степени заинтересованы в программах борьбы с засолением почв, которые должны не только предотвратить утрату значительных сельскохозяйственных площадей, но и после восста-

новления естественного плодородия ввести вновь в сельскохозяйственный оборот сотни тысяч гектаров остродефицитных сельскохозяйственных угодий. Составная и важнейшая часть этих программ – разработка специальных технологий по обессоливанию почв. Их большое значение определяется не только повышенным дефицитом земель, пригодных для обработки, но растущим строительством ирригационных систем – основной причины засаливания почв. С учетом того, что будущее отрасли связано с орошаемым земледелием, значение подобных технологий трудно переоценить. Однако то обстоятельство, что данное направление находится лишь в самом начале и является довольно дорогостоящим, в ближайшие годы в его рамках реальна разработка соответствующих технологий и лишь в ограниченных масштабах – их апробация на практике. Из североафриканских государств именно Египет с первого саммита и в дальнейшем включал в интеграционные программы проекты по данному направлению, демонстрируя тем самым не только их исключительное хозяйственное значение в масштабах отдельно взятой страны, но и в границах всего региона.

Страны по-разному подошли к вопросу о включении в национальные программы отраслей обрабатывающей промышленности: в некоторых программах почти отсутствует упоминание о них, в другие включен ряд проектов по данному направлению. Так, в тунисской программе фигурирует только производство фосфорных удобрений в районе Габеса. Египетская программа включает отдельные предприятия по производству продовольствия, переработке морепродуктов, выпуску хлопчатобумажной пряжи, текстильных изделий, но в целом и она на фоне широкомасштабных проектов в области развития инфраструктуры, энергетики и т.д. выглядит довольно скромно. Между тем такой подход никак не соответствует усилиям североафриканских стран, прилагаемым в последние десятилетия и направленным на диверсификацию национальных экономик путем всемерного развития именно обрабатывающей промышленности, в особенности ее экспортных отраслей.

На самом деле ситуация не выглядит столь уж парадоксальной, если учесть, что обрабатывающая промышленность в арабских странах в основном ориентируется на переработку местного сырья, которое, если отвлечься от переработки таких его видов, как нефть и газ, в основном представлено сельскохозяйственным сырьем. Для переработки последнего предприятиями пищевкусовой и текстильной промышленности – традиционными отраслями экономики арабских стран – созданы однотипные хозяйственные структуры, которые не столько дополняют друг друга, сколько конкурируют. Причем выход североафриканских стран на европейские рынки в последние десятилетия не ослабил конкурентный потенциал этих отраслей, и в данных условиях вряд ли возможно сотрудничество интеграционного характера между странами региона в сооружении предприятий этого профиля. В то же время налаживание в будущем тесной координации между странами Северной Африки по развитию подот-

раслей пищевкусовой и текстильной промышленности, что уже сейчас представляется не только возможным, но и необходимым, открывает пути для сотрудничества в этой области, которое бы ориентировалось как на региональный, так и внешние рынки, включая европейский. В этой связи особое значение имеет нахождение партнерами в рамках совместной перспективной программы эффективных путей и форм сотрудничества между представителями малого и среднего предпринимательства отдельных стран при регулирующей роли государства[7].

В области сельскохозяйственного производства, которое относится если не к приоритетным, то к важным областям сотрудничества в рамках ближневосточных саммитов, в национальных программах отдельных стран выделяются такие направления, как развитие орошаемого земледелия, создание региональных центров развития сельского хозяйства и подготовки специалистов. С учетом дефицита ресурсов и в основном негативного исторического опыта, который имеют ближневосточные страны в этой области, вряд ли следует ожидать в ближайшие годы значительных масштабов сотрудничества стран региона. Дело в том, что в странах Северной Африки данное направление может в настоящее время получить развитие лишь в условиях современного фермерского хозяйства, которое все еще не имеет значительного распространения и пока только формируется в отдельных странах. Крупные иностранные и местные инвестиции в отрасль, которые производились в прошлом в Судане, Египте, некоторых других арабских странах выявили значительные трудности в достижении самообеспечения продовольствием и сельскохозяйственным сырьем. Некоторые международные программы были просто провалены, как, например, превращение Судана в «продовольственную корзину» Ближнего Востока. Хотя существует большая потребность региона в решении продовольственной проблемы, продвижение в этом направлении с учетом вышесказанного будет заметным, вероятно, только на более развитой стадии интеграционного сотрудничества, при наличии целого ряда как внутренних, так и внешних условий – на основе значительного сегмента устойчивого товарного хозяйства и других.

Поддержке аграрного сектора и, в конечном счете, смягчению и решению продовольственной проблемы на первых этапах сотрудничества в рамках ближневосточных саммитов будет способствовать не столько кооперация в производственной сфере отрасли, сколько меры, облегчающие экспорт производимых в странах региона различных видов продовольствия, а также сельскохозяйственных орудий и материалов местного производства (удобрений, посадочного материала, труб и энергосилового оборудования для оросительных систем и артезианских колодцев и т.п.), развитие региональной инфраструктуры, создание общеарабской зоны свободной торговли, обеспечение доступа к сельскохозяйственным кредитным институтам, электрификация сельскохозяйственных районов, подготовка национальных кадров для сельского хозяйства, создание

региональных научно-исследовательских центров для разработки новых технологий и условий их адаптации в условиях североафриканского региона и т.п. Видимо, с учетом такой оценки в национальных программах собственно объекты региональной интеграции в производственной сфере почти отсутствуют, а остальные направления (вышеуказанные) представлены достаточно широко. Так, в египетских программах предложено создать региональный центр подготовки кадров специалистов для сельского хозяйства близ Александрии, в котором велось бы обучение слушателей по таким дисциплинам, как планирование производства, практическое применение современной агротехники, управление ирригационными системами и т.д.

В 90-е годы в странах региона заметно возросли международные туристические потоки. Прежде всего это относится к таким арабским государствам, как Египет, Тунис и Марокко. Если в 70 – 80-е годы число иностранных туристов в Египте, например, не превышало 500 тыс. в год, то в 90-е годы оно превысило 3 млн. (табл. 2).

Таблица 2

Иностранный туризм в отдельных странах Северной Африки в 90-е годы, ежегодные посещения

Страна	Число туристов, млн. чел.	Доход от туризма, млрд. долл.
Алжир	0,9*	0,8*
Египет	3,0	3,0
Ливия	0,23	0,4***
Марокко	5,0**	5,0
Тунис	3,9	3,7

* прогноз, 1999 г., 720 тыс. в 1991 г.

** прогноз, 2000 г.

*** оценка

Источник: Guide for Investors in Algeria (Egypt, Morocco, Tunis). 1997; Аль-Маджмуа ли-ль-Ихса ад-Дуваль аль-Ватан аль-Арабий. 1995, с. 219.

В целом международный туризм представляет собой одну из наиболее динамично развивающихся отраслей мировой экономики, которая приносит крупные доходы в валюте и оказывает общее благоприятное влияние на хозяйственное развитие туристических стран (мультипликативный эффект). Достаточно сказать, что по прогнозам к 2000 г. общее число туристов, посещающих другие страны, достигнет 600 млн. человек, а суммарный ожидаемый доход составит астрономическую сумму в 7 трлн. долл., что значительно превышает ВВП наиболее экономически развитой страны мира – США. Что особенно важно подчеркнуть в связи с высоким уровнем безработицы в странах Северной Африки, индустрия туризма отличается высоким уровнем занятости. Примерно 300 млн. чело-

век во всех странах мира будут к 2000 г. в той или иной мере заняты обслуживанием иностранных туристов.

Если отвлечься от проектов, реализация которых создает общие благоприятные условия для развития туризма в регионе (объекты инфраструктуры, электрификация туристических районов и т.д.), то в таких странах, как Египет и Тунис – ведущих среди государств региона, – по-разному подошли к вопросу о включении в национальные программы объектов для многостороннего сотрудничества в области международного туризма. Если на саммите в Аммане (1995 г.) Египет включил шесть туристических объектов в круг своих предложений, то Тунис (как и другие страны североафриканского региона) пока не проявил особого внимания к данной сфере сотрудничества. Между тем потребность в таких проектах несомненно существует. Различия в подходе к этому направлению сотрудничества отражают определенные особенности современной внешнеэкономической политики арабских стран:

– недостаточную готовность последних полнее использовать имеющиеся значительные потенциальные возможности многостороннего сотрудничества;

– особенности, связанные с начальным, стартовым этапом в деловом партнерстве, когда его участники заняты поиском, выбором наиболее целесообразных, эффективных и, что немаловажно, реальных объектов сотрудничества;

– существенные различия в экономических потенциалах и т.д. Показательно, что такая страна, как Египет, предложившая значительное число проектов в области туризма – шесть, привела достаточно убедительные технико-экономические обоснования региональной значимости проектов: уникальность туристических зон, что позволяет включать их посещение в общерегиональные туристические маршруты; круглогодичный туристический сезон в данных туристических зонах, которые в зимнее время могут служить продолжением для основных туристических районов Туниса, Марокко, Алжира и Ливии, расположенных вдоль побережья Средиземного моря.

В целом в социально-экономическом плане египетская программа по развитию туризма носит комплексный характер, так как включает в себя такой важный элемент, как развитие уникальных национальных ремесел (проект поддержки Центра ремесленного производства в Египте), продукция которых, реализуемая в торговых центрах, расположенных в туристических зонах страны, является важным и неотъемлемым элементом всей инфраструктуры отрасли.

Будучи наиболее масштабной из всех государственных программ, представленных на ближневосточных экономических саммитах, египетская включает в себя (Амманский саммит) большое число проектов в области развития информационных систем. В программе обоснованно отмечается, что «региональные цифровые телекоммуникационные системы и информационные службы – катализатор экономического роста. В этой

связи чрезвычайно важно мобилизовать ресурсы, необходимые для создания как самой региональной информационной системы, так и отрасли, обслуживающей ее[8]. Причем такая система имела бы не только экономическую, но и большую социальную значимость, способствуя общению между народами, деловыми и культурными кругами.

О масштабах и характере проведенных саммитов дает представление третий раунд встреч, прошедший в Каире (1996 г.), организаторами которого стали египетское правительство и Всемирный экономический форум. Саммит имел весьма представительный характер – в его работе приняли участие делегации из 78 стран мира, 52 международных организаций, включая региональные, а также представители около 850 крупных компаний. Из арабских государств не участвовали по политическим мотивам Сирия и Ливан.

Представители правительственных и деловых кругов, эксперты рассмотрели широкий круг социально-экономических проблем, решение которых особенно актуально для стабильного развития региона Ближнего Востока и Северной Африки. Среди них были следующие:

– строительство будущего и создание благоприятного инвестиционного климата в регионе;

– роль правительств в создании оптимальных условий для привлечения инвестиций частного сектора;

– влияние бюджетных дефицитов на социально-экономическое развитие ближневосточных государств;

– экономическое положение палестинской автономии;

– проблемы либерализации торговли на Ближнем Востоке и в Северной Африке, создания общеарабской зоны свободной торговли;

– роль двусторонних соглашений между Европейским союзом и арабскими странами в развитии региональной торговли и арабо-европейского сотрудничества в целом;

– влияние мирного политического процесса в урегулировании ближневосточного конфликта на инвестиционную стратегию транснациональных корпораций в регионе;

– роль и значение приватизации в хозяйственном развитии арабских государств;

– международное сотрудничество и развитие ключевых сфер экономики стран Ближнего Востока и Северной Африки (региональной транспортной системы, туризма, энергетики);

– разработка и реализация эффективной социальной политики, в частности в области использования трудовых ресурсов – одного из важнейших ресурсов региона.

Крупнейший участник саммита – Египет предложил для рассмотрения национальную программу, которая включала рекордное число проектов – 188, из которых 99 – в промышленной сфере. Эксперты оценили возможные капиталовложения по египетской программе в сумму, превышавшую 33 млрд. долл. Отдельные сделки, заключен-

ные во время Каирского саммита, составляли несколько миллиардов долларов. Так, Египет заключил соглашение с Турцией на поставки египетского газа на сумму в 4 млрд. долл. Египет также предоставил итальянской компании ЭНИ права на освоение нефтяных залежей в Дельте Нила, что привлечет инвестиции на сумму в 5 млрд. долл. По результатам Каирского саммита, согласно официальным египетским источникам, только эта страна региона уже в ближайшее время может получить до 10 млрд. долл. в виде иностранных инвестиций по заключенным египтянами контрактам.

Значительный акцент в деловых контактах был сделан на проектах развития региональной инфраструктуры. Эксперты оценивают потребности ближневосточного региона в инвестициях в региональную инфраструктуру в предстоящие десять лет в огромную сумму – 350 млрд. долл.

Анализ национальных программ, представленных североафриканскими государствами на экономических саммитах стран Ближнего Востока, позволяет прийти к следующим выводам.

Отдельные страны, прежде всего Египет, рассматривали это направление экономического сотрудничества как важную форму развития кооперационных связей как между ближневосточными государствами, включая североафриканские страны, так и с промышленно развитыми центрами мировой экономики, а также крупными международными экономическими и финансовыми институтами и структурами. Об этом свидетельствует широкий комплексный подход к разработке проектов, которые включают более 80 объектов сотрудничества в важнейших областях экономической и социальной жизни. Только по египетской национальной программе предусматриваются ассигнования в объеме свыше 50 млрд. долл.

То обстоятельство, что ближневосточные экономические саммиты как форма многостороннего сотрудничества, предполагающая участие только от региона более 20 государств, находятся в начальной, «стартовой» фазе своего становления, оказывает существенное влияние на масштабы и характер участия в них отдельных североафриканских государств, программы которых выглядят значительно более скромными по сравнению с египетской. Даже такая развитая в экономическом отношении страна (хотя и относящаяся к числу малых) как Тунис, предложила лишь 13 проектов с общим объемом ассигнований, уступающим египетским предложениям в 25 раз.

На масштабах национальных программ, несомненно, сказалась изменчивая политическая конъюнктура в регионе: новый поворот в политике Израиля на Ближнем Востоке после прихода к власти кабинета Б.Нетаньяху существенно подорвал доверие деловых партнеров, представлявших на саммитах интересы как отдельных государств, так и частного бизнеса, к возможностям и перспективам сотрудничества с участием Израиля. Это еще раз продемонстрировало, насколько хрупка ткань делового партнерства, насколько она зависима от политического климата в этом регионе.

Еще один важный вывод состоит в том, что несмотря на крайне неблагоприятные условия, которые сложились после прихода к власти кабинета Б.Нетаньяху, саммиты все же не были свернуты окончательно – были проведены и Каирский раунд, и встреча в Дохе (Катар), хотя тенденция к сокращению числа участников в столь неблагоприятных условиях усиливалась. Данное обстоятельство продемонстрировало со всей очевидностью, что огромный потенциал для регионального экономического партнерства позволяет справиться с возникающими неблагоприятными условиями, и у саммитов, несомненно, есть будущее.

Проекты, включенные отдельными странами Северной Африки в национальные программы, могут сыграть огромную роль в их социально-экономическом развитии. Прежде всего это касается объектов в области инфраструктуры, реализация которых должна открыть широкие возможности для свободного движения людей, капиталов и товаров между соседними государствами. Последнее – непременное условие преодоления социально-экономической отсталости, расширения ниши североафриканских государств в мировом хозяйстве, их равноправного участия в международных экономических отношениях.

Вместе с тем необходимо учитывать, что осуществление в полном объеме (в планируемые сроки) данных программ вряд ли представляется реальным и по политическим, и по экономическим, а также по чисто организационным причинам. Только экспертиза проектов займет, как показывает опыт международного сотрудничества стран региона, не один год.

И, наконец, представляется вполне возможной реализация многих, если не большинства проектов, разработанных и предложенных участникам ближневосточных саммитов в ближайшей и среднесрочной перспективе, так как их значение с точки зрения интересов развития национальных экономик, культуры, здравоохранения, охраны окружающей среды не вызывает сомнений. При этом не исключено, что часть из этих объектов будет реализована и в рамках других программ национального и международного формата.

[1] Casablanca Declaration. Paragraph 6.

[2] Casablanca Declaration. Paragraph 3.

[3] The Middle East/North Africa. Summit Amman. Jordan. 29-31 October 1995.

[4] Middle East Economic Digest. L. 14.04.1995, c. 8.

[5] Egypt’s Perspective. Cairo, 1996, c.72-84.

[6] Middle East/North Africa. Economic Summit. Amman. Jordan 29-31 October 1995. Investment Environment and Opportunities in Tunisia. Tunisian Projects Files.

[7] The Middle East/North Africa. Economic Summit. Amman. Jordan 29-31 October 1995. Communique.

[8] Egypt’s Perspective. Cairo, 1996, c. 187.

М.А.Новгородова

ВЗАИМНАЯ ТОРГОВЛЯ ИЗРАИЛЯ, ПАЛЕСТИНЫ И ИОРДАНИИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Анализ процессов, происходящих на Ближнем Востоке в последние годы, позволяет предположить, что экономические интересы рано или поздно начнут брать верх над политическими разногласиями, подтверждением чему является растущее значение внешней торговли как необходимого фактора экономического развития. В этой связи представляется небезынтересным проследить динамику торгово-экономических отношений Израиля, Палестины и Иордании как стран, прошедших достаточно извилистый путь развития взаимной торговли.

Израиль – Палестина

1967 год вошел в историю в качестве точки отсчета весьма специфического хозяйственного взаимодействия Израиля и перешедших под его контроль сектора Газа и Западного берега р. Иордан – арабских территорий, на которых предполагалось строительство сети израильских поселений для все увеличивающегося числа прибывающих репатриантов. При этом официальной целью оккупации объявлялась «экономическая интеграция» основных отраслей хозяйства данных территорий с экономикой Израиля. Но, учитывая наличие многократного разрыва по большинству показателей развития, «интеграция» носила явно асимметричный характер. Статистические данные наглядно демонстрируют перемены во внешнеторговых связях Западного берега и сектора Газа: к середине 70-х годов экспорт товаров из Израиля на подконтрольные ему территории возрос до 75,5% от всего ввоза продукции в эти районы; еще десятилетие спустя – до 90,7%[1]. В результате торговый оборот Израиля с оккупированными территориями к концу 1987 г. составил 6,6% товарооборота страны, что практически вдвое превышало аналогичный показатель по торговле с африканским континентом[2].

В 1974 г. общая сумма импорта Западного берега составила порядка 200 млн. долл., при этом 90% ее приходилось на Израиль. Импорт сектора Газа равнялся 138,4 млн. долл., доля Израиля в нем характеризовалась величиной, сопоставимой с показателем по Западному берегу. Аналогичные данные за 1983 г. (402 млн. долл. и 90,1% для Западного берега и 287 млн. долл. с 92% для сектора Газа соответственно) выявили тенденцию к переориентации внешнеторговых связей названных территорий от арабских стран к «земле обетованной»[3].

Таким образом, к середине 80-х годов в двусторонней торговле между Израилем и оккупированными территориями сложилась ситуация, при которой районы Западного берега и сектора Газа оказались в значительной степени ориентированными на более могущественного соседа, который, по выражению

египетского журналиста Махмуда Абдель-Фазиля в статье, посвященной вопросам тройственной торговли между Израилем, Палестиной и Иорданией, «умело сочетал собственные технологии с относительно дешевой рабочей силой с управляемых территорий» [4]. При этом Израиль получал в распоряжение новые рынки сбыта продукции как сельскохозяйственного, так и промышленного назначения (в соотношении 1 к 6) и имел гарантированный источник поставок сырья и полуфабрикатов для нужд развивающейся экономики[5].

Таблица 1

Внешняя торговля Западного берега сельскохозяйственной продукцией, 1972-1983 гг.*

	1972	1974	1976	1978	1980	1982	1983
Доля Израиля в импорте,							
% к итогу	83	89	89,6	86,3	86,8	87,7	90
Доля Израиля в экспорте,							
% к итогу	49,5	70	62,2	56,6	57,8	53,8	62,8

*Рассчитано по: Hazboun S. Prospects and Options for Future Trade Relations in the Triad. Bethlehem, 1997, с. 34; Государство Израиль…, стр. 233.

Отсутствие политической и экономической самостоятельности палестинских территорий предопределило ход дальнейших взаимоотношений с Израилем и прочими государствами. Помимо «принудительной перестройки» внешнеторговых связей Западного берега и сектора Газа, практически тотального контроля над производственно-сбытовыми процессами и переориентации их на благо собственного прогресса, израильское правительство (в рамках так называемой «политики открытых мостов») провозгласило курс на создание палестино-израильского подобия «общего рынка». На практике контролируемые территории нередко использовались в качестве своего рода «перевалочной базы» для переправки израильских товаров в Иорданию и через нее в соседние арабские страны. Подобная схема транзитной торговли, возможно, объясняет возраставший в 70-80 годы (вплоть до палестинского восстания 1987 г.) дефицит торгового баланса Западного берега и сектора Газа: с 1974 по 1983 г. он увеличился в 300 с лишним раз (для сектора Газа – в 261 раз).[6]

«Неоколониализм», «израильская региональная гегемония» – вот лишь два из перечня определений, которые получила политика «открытых мостов».[7] Вспыхнувшее в конце 1987 года палестинское восстание («интифада») лишь подтвердило тезис о чрезмерной активности Тель-Авива на контролируемых территориях. Ущерб, понесенный обеими сторонами (составивший, по разным оценкам, от 3 до 10% годового валового внутреннего продукта Израиля; палестинская статистика не сообщает на этот счет ничего)[8], охватил в том числе и сферу внешней торговли двух стран: за 1987-1989 гг. общий объем товарооборота сократился на 20%, а активное сальдо Израиля в торговле с оккупированными территориями уменьшилось с 624 млн. долл. в 1987 г. до 43 млн. долл. в 1988 г. (в 1989 г. торговый баланс Израиля вообще был сведен с небывалым дефицитом в размере 52 млн. долл.)[9].

Что же касается доли Израиля в импорте и экспорте Западного берега и сектора Газа, то она изменилась не столь значительно (см. таблицу 2) и составила в 1987 г. 90,8% и 70,3% по первому территориальному образованию и 92,3% и 91,1% – по второму[10].

Таблица 2

Торговля Западного берега и сектора Газа с Израилем, млн. долл.*

Годы	Общая сумма экспорта	Экспорт в Израиль	Общая сумма импорта	Импорт из Израиля
1970	45,2	20,9	99,5	83,1
1977	252,6	154,3	505,6	461,5
1987	385,5	303,8	1051,3	961,3

*Рассчитано по: Israeli-Palestinian-Jordanian Trade Relations. Jerusalem, 1997, pp. 34-35.

Как видно из таблицы, за 1970-1987 гг. доля Израиля в палестинском экспорте неуклонно росла с 46% в начале 70-х годов до 61% в середине указанного периода и до 78,8% в 1987 г. Менее резкие скачки наблюдались в импортной составляющей: в 1970 г. на израильские товары приходилось 83,5% импорта Палестины, а за последующее десятилетие цифра составила 91,3%, что было сопоставимо с показателем конца 80-х.

90-е годы привнесли изменения в политическую и экономическую ситуацию во всем мире, не исключая Израиль и его непростые взаимоотношения с арабскими соседями. Что же касается «территорий под управлением», то взаимная торговля с ними, за исключением промежутка в несколько лет, прошедших с момента палестинского народного восстания, продолжала развиваться – правда, достаточно неравномерно (по сравнению с 70-80-ми годами): если с 1970 по 1987 г. доля Израиля в экспорте Палестины выросла в 14,5 раза, а в импорте – в 11,6 раза; то за 1990-1997 гг. изменения составили 1,37 и 2,2 раза соответственно. Внутри периода 90-х годов изменения не всегда имели однозначную направленность (см. Таблицу 3).

Таблица 3

Торговля Западного берега и сектора Газа с Израилем, млн. долл.*

Годы	Общая сумма экспорта	Экспорт в Израиль	Общая сумма импорта	Импорт из Израиля
1990	241,3	181		714
1992	291,7	221,6	1143	1035
1995	473	346	1909	1633
1996	382,3	242	1565	1361
1997	344,4	286,5	1844	1666**

*Рассчитано по: Israeli-Palestinian-Jordanian Trade Relations…, с. 34-35; Сатановский Е. Экономика Израиля в 90-е годы…, с. 82-83.

**Примечание: данные израильской и палестинской статистики могут расходиться, поскольку имеют различные методы учета неофициальной торговли, процент которой в разные годы колебался между 10-20% от заявленных показателей. См. также: Сатановский Е. Экономика Израиля в 90-е годы…, с. 83.

Тем не менее, палестинская автономия продолжала оставаться ведущим партнером Израиля в региональной торговле: совокупный внешнеторговый оборот контрагентов в 1996 г. составил 1648,3 млн. долл., по данным палестинской статистики[11], и 1875 млн. долл., согласно подсчетам израильской стороны (о причинах расхождений в цифрах см. примечание)[12], поставив тем самым ПНА на 2-3-е место по объему израильского экспорта и на 10-е по величине СВО в мире (в регионе – на 2-е). Процентное соотношение экспорта и импорта Израиля и территорий автономии в общей сумме указанных показателей по стране в течение 1992-1998 годов менялось незначительно: в 1992-1996 годах экспорт Израиля в Палестину колебался в пределах 8-8,5% от всего израильского экспорта, импорт – в границах 0,8-1%[13]. Статистика за 1997 г. называла цифры в 7,4% и 0,99% соответственно. В последние два-три года тенденция сохранилась: в 1998 г. экспорт Израиля в ПНА равнялся 1636 млн. долл. (7,2% от общей величины экспорта), а импорт из автономии – 280 млн. долл. (порядка 1%)[14]. Судя по последним данным, относящимся к 1999 году, складывается следующая картина: экспорт Израиля в Палестинскую автономию вырос по сравнению с предыдущим годом практически в два раза и составил порядка 4 млрд. долл., в то время как импорт из ПНА едва дотягивал до 5% объема экспорта (см. таблицу 4).

Таблица 4

Динамика внешней торговли Израиля с арабскими государствами и Палестиной,

млн. долл.*

	1998	1999
Экспорт Израиля в арабские страны	107	101
в том числе:		
– в Египет	53	54
– в Иорданию	25	21
Экспорт Израиля в ПНА	1636	4000
Импорт Израиля из арабских стран	32,4	48
в том числе:		
– из Египта	17,3	20
– из Иордании	16,2	20
Импорт Израиля из ПНА	280	200

*Рассчитано по: SAI, 1999, t. 8.1; Globes, feb.2, 2000; Пульс планеты, 14.03.2000, стр. 8.

Подписанные в 1993 году так называемые «промежуточные» Норвежские соглашения, условия которых предусматривали передачу под контроль палестинцев от 80 до 90% территории Иудеи и Самарии (кроме тех, где расположены базы ЦАХАЛа), Декларация о принципах («Oslo 1»), Договор о сотрудничестве между Израилем и ПНА включали ряд приложений, касающихся развития экономических связей – Протокол по пале-

стино-израильскому сотрудничеству в области экономики и Протокол по региональной интеграции, дополненные год спустя Парижским протоколом об установлении между двумя территориями Таможенного союза.

Упомянутые документы были в первую очередь призваны закрепить статус Палестинского государства как национальной автономии, а также разграничить полномочия Израиля и Палестинской администрации в сфере политики и экономики. Предполагалось, что настоящие Соглашения станут основой мирного разрешения ближневосточного конфликта и создадут прочную базу для дальнейшего развития израильско-палестинских отношений. На практике все оказалось сложнее. Ситуация противостояния, в которой стороны находились с начала израильской оккупации арабских земель, когда каждый компромисс – потеря, не могла в одночасье перестать быть напряженной. В результате многочисленных разногласий к 1997 году мирный процесс зашел в тупик. Как это отразилось на двусторонней торговле Израиля и Палестины, демонстрируют таблицы 3 и 4.

Парижское соглашение 1994 года, официально именуемое Протоколом об установлении таможенного союза между Израилем и Палестинской автономией, по сути, ближе к созданию зоны свободной торговли, поскольку с ликвидацией торговых барьеров между партнерами по Соглашению Палестинской администрации было разрешено иметь собственные внешние тарифы по отношению, в частности, к арабским странам. Данная оговорка была сделана, видимо, с целью переориентации внешних связей автономии и сокращения дисбаланса в торговле с Израилем. ПНА также рассчитывала на устранение различных административных ограничений экспорта. Как известно, до подписания Парижского протокола ПНА поставляла в Израиль сырье и полуфабрикаты для нужд промышленности, а также ряд товаров народного потребления, производимых по субконтрактным соглашениям с израильскими фирмами; сельскохозяйственный экспорт был ограничен квотами и рядом нетарифных ограничений «из соображений безопасности». Эксперты прогнозировали 1,5-кратный рост палестинского экспорта в Израиль за счет сокращения количественных ограничений по ввозу продуктов питания. Так, если в 1994 г. палестинский экспорт картофеля был лимитирован 10 тысячами тонн в год, то на 1997 г. уже было запланировано вывезти 17 тыс. тонн. Соответствующие показатели по экспорту огурцов, помидоров и дынь составляли 10 тыс. т. (17 тыс. т. в 1997 г.), 13 тыс. т. (22 тыс. т.) и 10 тыс. т. (17 тыс. т.) соответственно[15]. К 1998 году планировалось вообще ликвидировать любые ограничения по экспорту сельскохозяйственной продукции, однако, израильская сторона не пошла на этот шаг и санкционировала в рамках объявленного таможенного союза свободное передвижение товаров (кроме шести наименований: индейки, яиц, картофеля, огурцов, томатов и бахчевых)[16].

В свою очередь, израильские экспортеры прогнозировали расширение поставок изделий из металла, резины и пластика (на 150%), а также продукции химической промышленности (на 40-50%)[17]. Что же касается

импорта из автономии, он оставался на прежнем уровне, а в некоторые годы даже снижался (см. таблицу 3), что чаще всего объяснялось несоответствием палестинских товаров высоким израильским стандартам и запросам потребителей.

В последнее время в отношениях Израиля с ПНА наметилась тенденция к отходу от прежде заявленных позиций, направленных на экономическую интеграцию. Большинство мнений на этот счет сходилось в том, что политические разногласия порой превалируют над благими намерениями в сфере экономики. И хотя сторонники интеграции приводят аргументы, подтверждающие что структура производства и распределения Палестинской автономии такова, что ее экспорт в большей степени ориентирован на Израиль, нежели, как это заявлялось ранее, на арабские рынки (причиной тому является достаточно высокая степень их защиты), к тому же по крайней мере 20% рабочей силы ПНА трудится в Израиле (и вряд ли сможет устроиться в соседних странах, где уровень безработицы и без того значителен), администрация автономии достаточно серьезно настроена на четкое разделение «сфер влияния».

Подавляющее большинство публикаций на тему ближневосточной интеграции утверждает, что в последующее десятилетие Палестина и Израиль просто обречены на сотрудничество, ибо считается, что за прошедшие два-три года стороны должны были убедиться в его выгодах: Израиль получил выигрыш во внешней торговле, а Палестина добилась 4-5%-го годового экономического роста и сокращения безработицы[18].

В интервью газете «Globes», посвященному предстоящим палестино-израильским переговорам по определению экономического статуса автономии, глава израильской делегации Ави Бен-Бассат сказал следующее:

«Изучив возможные варианты дальнейшего развития торговых взаимоотношений наших государств, мы пришли к выводу о том, что и для нашей страны, и для Палестинской автономии перспективным направлением должно стать создание полноценного таможенного союза, поскольку слишком многое связывает Израиль и Палестину, чтобы в одночасье лишиться этого»[19].

В настоящее время Парижский протокол 1994 года, регламентирующий экономические отношения Израиля с ПНА, по своим условиям не является договором об установлении таможенного союза, потому что, согласно этому документу, Палестинская автономия получила право беспошлинно импортировать ограниченное число продукции из Египта и Иордании, что является исключением в мировой практике существования подобных союзов.

По мнению израильской стороны, полноценный таможенный союз с ней пошел бы ПНА только на пользу; в противном случае ПНА вынуждена строить более тесные экономические отношения с арабским миром, что явно сократило бы шансы на относительно стабильный рост. Эксперты отмечают, что позиция Израиля в данной ситуации выглядит не столь однозначно, ибо имеется ряд доводов как в пользу союза, так и против него:

с одной стороны, унификация тарифов, скорее всего, расширит объемы поставок на территорию автономии, но с другой стороны, потребуется привести в соответствие и прочие нормы, регулирующие внешнеторговые связи обоих государств, – а всем известно, как ревностно относится Израиль к собственным стандартам. Так что вопросов по будущему таможенному союзу пока предостаточно.

Таким образом, можно выделить три варианта исхода событий, касающихся определения экономического статуса Палестинской автономии и ее взаимоотношений с Израилем:

а) установление зоны свободной торговли с ликвидацией торговых барьеров между участниками соглашения, но с сохранением индивидуальных внешних тарифов по отношению к третьим странам;

б) образование таможенного союза, подразумевающего свободу взаимной торговли и применение единого тарифного барьера к государствам, не вошедшим в торговый блок;

в) наконец, существует возможность отделения ПНА от Израиля с целью обеспечения полной экономической самостоятельности как в сфере торговли, так и в области финансово-кредитной деятельности, вплоть до введения собственной валюты.

Какой из сценариев окажется предпочтительней, – покажет время.

Израиль – Иордания: от бойкота к сотрудничеству

Мирный договор, подписанный Израилем и Иорданией 26 октября 1994 года, обозначил поворотный этап в полувековой вражде двух государств, заложив основу для нормального экономического и политического взаимодействия. Арабский экономический бойкот, поддержанный в том числе Иорданией, нанес Израилю ущерб*, исчисляющийся, по разным оценкам, в пределах от 20 до 45 млрд. долл.[20] При этом от внимания исследователей, как правило, ускользает тот факт, что за 50 лет существования Израиля экспорт в арабские страны практически не прекращался: уже упоминавшаяся политика «открытых мостов» имела целью продвижение израильского экспорта в Иорданию и другие арабские страны. Через посредников было вывезено товаров на сумму порядка 10 млрд. долл.[21] Однако «транзитная торговля» обходилась израильским предпринимателям недешево, поэтому когда в середине 90-х зашла речь о подписании иордано-израильского мирного договора, первыми, кто выразил ему поддержку, были те, кто имел здесь непосредственные экономические интересы.

---

* Примечание: В последнее время в израильской печати стали появляться статьи, в которых утверждается, что бойкот израильских товаров арабскими странами имел для страны скорее положительные последствия, поскольку лишившись рынка сбыта, израильские экспортеры были вынуждены проникать на довольно взыскательные европейский и американский рынки, что стимулировало развитие промышленности, в том числе в таких отраслях, как high-tech.

Осенью 1995 г. Израиль и Иордания подписали торговое соглашение, которому предшествовала отмена 47-летнего бойкота израильской продукции. Плоды совместных усилий не замедлили сказаться: если учесть, что в 1994 г. иорданский экспорт в Израиль был нулевым (то же касалось и импорта), то рост за 1995-1997 гг. впечатляет масштабностью – 0,5 млн. долл. и 2,9 млн. долл. в 1995 г., в последующие два года произошел скачок до 9 млн. долл. (5,1 млн.) и 12,7 (20,1) млн. долл. соответственно[22]. И хотя доля взаимной торговли составляла не более 0,01% от всего экспорта и импорта Израиля и 0,4% от аналогичного показателя по Иордании[23], начало расширению экономических контактов было положено, что давало определенные основания рассчитывать на их упрочение и развитие.

По Соглашению от 25 октября 1995 г. Иордания получала трехуровневую систему преференций в торговле с Израилем: часть поставляемой продукции вообще освобождалась от таможенных пошлин, на остальные товары они составляли от 20% до 50% базового тарифа на импорт Израиля из третьих стран. Под преференциальный режим попадали, в частности, продукция промышленного назначения, цемент, телеоборудование и др. В свою очередь, Иордания предоставляла Израилю 15%-ный (от обычного) тариф на продукцию химической, фармацевтической и электронной промышленности, а также на медицинское оборудование и средства связи[24]. В целом Израиль освободил от таможенных пошлин 64 вида товаров, еще 48 подпадали под 50%-ное обложение и 36 – под 20%-ное. Иорданская сторона ограничилась 66 наименованиями товаров, пользующимися льготными тарифами[25].

В результате ввода в действие Соглашения торговый оборот между двумя странами достиг в 1998 г. 40 млн. долл., что на 18% превысило показатель предыдущего года и на 65% – объем 1996 г.[26] 1999 г. прервал наметившуюся было тенденцию к увеличению объемов взаимной торговли: совокупный внешнеторговый оборот Израиля и Иордании сократился почти на треть и достиг отметки 27,5 млн. долл., из которых 14,5 млн. приходилось на израильский экспорт (в 1998 г. аналогичный показатель составлял порядка 16 млн.)[27].

Несмотря на падение объемов двусторонней торговли, в ходе состоявшейся в Аммане встречи министров промышленности и торговли двух стран была достигнута договоренность о продлении действия протокола о торговом сотрудничестве между Израилем и Иорданией. Документ предусматривал увеличение торгового оборота до 100 млн. долл. в 2000 г. (хотя высказывались сомнения в достижении даже меньшего уровня)[28]. В процессе переговоров было также принято решение продолжить работу по расширению свободных промышленных зон, в частности, в районе порта Акаба и г. Эйлат, начатую еще во время встречи министра иностранных дел Израиля Шарона с министром торговли США Дейли в ноябре 1998 года. «Порт Мира» – так был назван проект по созданию объединенного порта Эйлат-Акаба. Предполагалось, что на начальном этапе он будет управляться представителями обеих стран, а позже и порт, и центр свободной торговли

при нем станут действовать в рамках региональной системы, что в итоге «превратит границы в мосты, соединяющие культуры, корпорации, экономические и торговые объединения и – что особенно важно – людей, независимо от их происхождения, верований, национальности и пола»[29].

Иордания – Западный берег р. Иордан и сектор Газа/ПНА

К сожалению, статистика по взаимной торговле данных территорий не так уж богата, к тому же ее поиск весьма затруднен. В немногочисленных публикациях, посвященных вопросам экономических связей Иордании с Израилем и арабскими странами, проблемам палестино-иорданского сотрудничества уделяется от силы пара-тройка абзацев, мало что добавляющих к существующим данным и выводу о том, что одним из ключевых моментов в отношениях указанных субъектов стал 1967 год, известный как год оккупации Израилем части арабских земель, среди которых были Западный берег р. Иордан и сектор Газа. Израильская статистика оперирует следующими показателями: экспорт из Иордании на оккупированные территории в 1968 г. составлял 7,7% от всего ввоза товаров в эти районы, сократившись к 1983 г. до 0,9%[30] (по экспорту сельскохозяйственной продукции – до 1,4%. См. таблицу 5).

Таблица 5

Динамика торговли сельскохозяйственной продукцией Западного берега и Иордании, в % к итогу:*

Годы	Доля Иордании в импорте	Доля Иордании в экспорте
1972	4,6	49,5
1974	2,3	29,3
1976	1,5	34,8
1978	2	42,2
1980	1,3	41,3
1982	2,1	45,8
1983	1,5	36,7

* Государство Израиль. Справочник. М., 1986, с. 233.

Политика «открытых мостов», рассматривавшаяся на предыдущих страницах, позволяла Израилю осуществлять товарообмен через р. Иордан с Западного берега на Восточный – т.е. в Иорданию. При этом торговля оккупированных территорий с Иорданией характеризовалась возрастающим для них дефицитом: так, в 1978 г. рост превышения ввоза товаров на Западный берег из Иордании над вывозом в нее составил (по сравнению с 1976 г.) 68,6%; в 1980 (в сопоставлении с предыдущим показателем) – 73,7%; а в 1983 (в отношении к 1980 г.) – почти 97%[31].

1980-90-е годы несколько понизили «вклад» Иордании в экспорт и импорт территорий Западного берега и сектора Газа: в 1987 г. он равнялся 46% в общей величине сельскохозяйственного экспорта территорий и 0% – в сумме импорта; а в 1992 г. – 55% и 0% соответственно (см. таблицу 6).

Таблица 6

Торговля Западного берега и сектора Газа с Иорданией, млн. долл.*

Годы	Общая сумма экспорта	Экспорт в Иорданию	Общая сумма импорта	Импорт из Иордании
1970	45,2	17,2	99,5	3,7
1977	252,2	84,5	505,6	4,7
1987	385,5	78,3	1051,3	9,4
1992	291,7	61,1	1143	12,7

* Рассчитано по: Israeli-Palestinian-Jordanian Trade Relations…, с. 34-35; Israeli-Palestinian-Jordanian Trade: Present Issues, Future Possibilities…, с. 27.

Приведенная таблица демонстрирует, как на протяжении двадцати лет менялось участие Иордании во внешней торговле оккупированных территорий: с 38%-ной доли во всей величине экспорта Западного берега и сектора Газа и 3,7% в общем импорте территорий в 1970 г. до 21% и 0,01% в 1992 г.

Похожая картина наблюдалась в торговле сельскохозяйственной и промышленной продукцией в отдельности: в 1970 г. на экспорт в Иорданию приходилось 44% вывоза сельскохозяйственных товаров с указанных территорий, в 1977 г. – 57%, в 1987 г. – 46% и в 1992 г. – 40%. Данные по импорту той же продукции говорят сами за себя: 6; 0,4; 0 и 0% приходилось в те же годы на долю Иордании в общем количестве сельскохозяйственного импорта Западного берега и сектора Газа. Что же касается торговли промышленными изделиями, то цифры приводятся следующие: в 1970 г. в Иорданию направлялось 33% экспорта территорий, в 1977 г. – 15%, в 1987 г. – 14%, а в 1992 г. – снова 15%. Импорт же продукции иорданской индустрии составлял в 1970 г. 3% от всего промышленного ввоза на территории, в 1977 г. – 1%, в 1987 г. – 1%, наконец, в 1992 г. – 1,3%.

В июне 1997 года в Аммане на встрече представителей Израиля, Иордании и Палестины, на сентябрьском экономическом саммите в Эйлате, а также на рабочем семинаре в Рамаллахе рассматривались вопросы сотрудничества трех стран, и на повестке дня стояла проблема возможной тройственной интеграции в целях налаживания взаимовыгодной торговли. В обсуждениях перспектив создания таможенного союза / зоны свободной торговли принимали участие также представители ЮНКТАД, осуществляющие ряд спецпроектов по «торговой дипломатии». В результате многочасовых переговоров участники пришли к выводу о том, что «пока существуют хоть какие-либо разногласия по политическим или экономическим вопросам, пока не налажена адекватная торговая инфраструктура, об интеграции не может идти и речи».[32]

Что ж, дальнейшие события покажут, насколько серьезными являлись намерения сторон в области развития внешнеторговых отношений и хватит ли им сил и терпения в деле осуществления далеко идущих планов. Остается только ждать.

[1] Государство Израиль: Справочник. – М., 1986. – С. 232.

[2] Федорченко А. В. Экономика переселенческого общества. – М., 1998. – С. 298.

[3] Государство Израиль…, с. 232-233.

[4] Feiler G. From Boycott to Economic Cooperation. L., 1998, с. 290.

[5] Государство Израиль…, с. 234. Приведенное соотношение относится к 1983 г.

[6] Там же, с. 234.

[7] Prospects for Partnership in Economic Development: Israel, the Middle East and North African countries. Jerusalem, 1994, с. 9; Feiler G. From Boycott to…, с. 290.

[8] Федорченко А. Экономика переселенческого общества, с. 324.

[9] Там же, с. 299.

[10] Сатановский Е. Экономика Израиля в 90-е годы. – М., 1999. – С. 82.

[11] Там же, с. 83.

[12] Statistical Abstract of Israel,1999, t. 8.1.

[13] Israeli-Palestinian-Jordanian Trade: Present Issues, Future Possibilities. Jerusalem, 1998, сс. 25-26; Peace and the Jordanian Economy. W., 1994, с. 27.

[14] Statistical Abstract of Israel, 1999, t. 8.1.

[15] Protocol on Economic Relations between the Government of the State of Israel and the PLO. Paris, April 1994. Article VII. 11.

[16] Israeli-Palestinian-Jordanian Trade: Present Issues, Future Possibilities…, с. 29.

[17] Israeli-Palestinian-Jordanian Trade Relations. Jerusalem. 1997, с. 85.

[18] Globes. Dec. 14, 1999.

[19] Globes. Nov. 25, 1999.

[20] Пульс планеты. 15.10.1997.

[21] Там же.

[22] Israel Yearbook and Almanac, 1998, с. 196.

[23] Israeli-Palestinian-Jordanian Trade…, сс. 25-26; EIU Country Profile (Israel) 1996-1997; 1997-1998, с. 13.

[24] См.: Ministry of Trade Communique on Israeli-Jordan Trade Agreement, 25 October, 1995.

[25] Israeli-Palestinian-Jordanian Trade…, с. 29.

[26] Рассчитано по: Israel Yearbook and Almanac 1998, с. 196; Israel Business Today, Jan. 2000, с. 6; Globes, Oct. 27, 1999.

[27] Israel Business Today, Jan. 2000, с. 6; Globes, Sep. 9, 1999; Jan. 26, 2000.

[28] Пульс планеты. 14. 01. 2000.

[29] Перес Ш. Новый Ближний Восток. – М., 1994. – С. 173.

[30] Государство Израиль. Справочник. с. 232.

[31] Государство Израиль…, с. 235.

[32] UNCTAD News. Vol. 1, issue 2, 1999, с. 12.

К.И.Поляков

ОБЪЕДИНЕННЫЙ ЙЕМЕН: ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕОЛОГИИ И ИСЛАМ

В настоящее время одним из заслуживающих внимание факторов, прямо или косвенно влияющих на международную и региональную безопасность, может считаться политика, проводимая руководством Йеменской Республики (ЙР) в отношении распространения идеологии исламского фундаментализма. Кроме того, часть этой страны, носившая в недавнем прошлом название Народная Демократическая Республика Йемен (НДРЙ)[1], представляет теоретический и практический интерес как бывший идеологический союзник Советского Союза, разделивший в дальнейшем участь стран социалистической ориентации. Сегодня Южный Йемен идет по пути сложной социально-экономической и политико-идеологической трансформации традиционного общества, около двух десятилетий развивавшегося по рецептам марксистско-ленинской теории[2].

После объединения в 1990 г. «двух частей родины» (ЙАР и НДРЙ) в Йеменской Республике произошли серьезные сдвиги в сфере идеологии.

Значительное влияние на идейно-политическое развитие объединенного йеменского государства оказывает религиозный фактор. Рассматривая сложившуюся к настоящему времени ситуацию в идеологической сфере Йеменской Республики, следует учитывать весь предыдущий опыт идейно-политического развития как Северного, так и Южного Йемена, а также воздействие ислама на формирование мировоззренческих установок населения. Для этого необходимо обратиться к историческим предпосылкам выдвижения исламской религии на одно из первых мест в современной системе идеологических (и политических) приоритетов йеменцев. Представляется, что комплекс таких предпосылок включает в себя: во-первых, особенности распространения мусульманской религии на юге Аравии, обусловившие появление межконфессионального конфликта (между зейдитами и шафиитами); во-вторых, приобретение исламом специфической интегрирующей роли в условиях доминирования родо-племенных институтов в социальной структуре йеменского общества; в-третьих, традицию использования ислама в качестве основы для формирования и развития политической оппозиции в Йемене; в-четвертых, политику исламизации в рамках противодействия распространению материалистической (социалистической) идеологии после объединения ЙАР и НДРЙ; в- пятых, изменение в 90-х годах социально-экономических и политических условий жизни населения Йемена, способствующих распространению идей исламского фундаментализма.

Ислам проник в Йемен уже в первые годы после хиджры (переезда пророка Мухаммеда из Мекки в Медину в 622 г.), и в настоящее время эту

религию исповедует практически все население Йеменской Республики. Примерно более 60% (оценка автора) принадлежит к шиитской секте зейдитов[3]. Они населяют центральные и северные районы северной части Йемена. В последние годы за счет миграции представителей этой секты можно встретить в крупных городах Юга страны[4].

Последователи религиозно-правовой школы аш-Шафии составляли до объединения религиозное меньшинство в южной части Северного Йемена и подавляющее большинство – в Южном Йемене[5]. Проблема взаимоотношений между двумя основными конфессиями (зейдитами и шафиитами) является традиционной для Йемена и остается весьма актуальной до настоящего времени. Социально-экономические предпосылки сохранения межконфессиональных противоречий в объединенном Йемене – предмет отдельного исследования. В то же время эта проблема ранее рассматривалась некоторыми учеными на примере Северного Йемена. В частности, известный египетский специалист по Йемену Адиль Рида, описывая ситуацию еще в монархическом Северном Йемене, отмечал: «Проблема межобщинного конфликта усугублялась и приводила к столкновениям в связи с тем, что обладатели групповых (классовых и кастовых) привилегий, а также лица, стремящиеся к власти, поддерживали дух религиозного сектантства. Выступая под прикрытием религиозных разногласий, они усиливали его в интересах сохранения своих привилегий и защиты эгоистических частных интересов»[6]. Как представляется, такого рода социально-экономические устремления и позднее определяли движущие мотивы йеменских оппозиционных группировок, выступавших под различными идеологическими лозунгами.

Вместе с тем, несмотря на межконфессиональные противоречия, на протяжении всей современной истории Йемена исламская религия выступала в качестве консолидирующей идеологии на фоне племенной раздробленности страны и господства (особенно в северной части Йемена) племенного сознания.

Устойчивость родо-племенных отношений в северной части Йемена обусловливалась в значительной мере социально-экономическими особенностями развития этих районов. Немаловажное значение для формирования специфической племенной психологии имела не только племенная раздробленность сама по себе, но и хозяйственно-экономическая замкнутость отдельных племенных групп. Так, по переписи населения 1975 г., 95% населения Северного Йемена проживало в племенных группах, численность каждой из которых не превышала 250 человек. При этом кочевники составляли около 5% от всего населения. Большинство племен вело оседлый и полуоседлый образ жизни и занималось растениеводством, торговлей, службой, в том числе, в армии[7]. Фактически, до настоящего времени каждое йеменское (особенно на Севере) племя – как бы отдельное «государство», обладающее территориальным суверенитетом, живущее по своим законам и обычаям, часто не совпадающим с нормами шариата. Это создает долговременные предпосылки для сохранения центробежных тенденций, вооруженной борьбы племен в защиту своих прав. В частности, Адиль Рида, описывая северойеменское общество в 70-х годах, отмечал: «На пути борьбы с племенным экстремизмом возникает проблема устойчивости племенного

строя, базирующегося на прочности связей, которые имеют в своей основе сложившуюся в процессе длительной социализации и постоянно воспроизводящуюся систему племенных ценностей. Эти ценности существуют в виде сплава обычаев и традиций, и их нельзя ликвидировать изданием закона. Однако по мере роста общенационального сознания плавно и постепенно племенная лояльность, возможно, трансформируется в чувство патриотизма»[8]. Прогноз египетского исследователя в отношении такого рода трансформации до настоящего времени не реализовался в силу указанных им же причин. Кроме того, как представляется, устойчивость современных племенных структур основывается не только на отмеченных Адилем Рида связях. На протяжении всей современной истории Йемена племена представляли внушительную вооруженную силу. В частности, еще до объединения совокупное ополчение северойеменских племен по численности превосходило вооруженные силы ЙАР.

Развитие идеологических доктрин правящих и оппозиционных групп в Йемене всегда находилось под сильным воздействием ислама. В этом плане традиция использования мусульманской религии для выражения социального и политического протеста в северной части Йемена имеет давнюю историю. Обычно начало деятельности политической оппозиции под исламскими лозунгами в Йемене относят к периоду борьбы с турецкими завоевателями, окончившейся отказом Османской империи от сюзеренитета над Йеменом в соответствии с Лозаннским договором 1923 года. Так, авторы издания «Секреты и документы йеменской революции», вышедшего в 1978 г. под редакцией А.А.Салеха (в то время президента ЙАР), отмечают, что «сопротивление иностранному господству было выражением непринятия феодального строя и сопутствующих ему методов принуждения, а также реакцией на установленные системы налогообложения, религиозного образования и т.п. В тех исторических условиях движение социального сопротивления могло найти свое идеологическое выражение только в форме оппозиционной исламской мысли, которая критиковала турок»[9]. Выступая против официальной религиозной доктрины Османской империи, зейдизм стал духовным знаменем, под которым развернулось антитурецкое сопротивление йеменских племен.

Однако следует отметить, что исторические корни «исламского протеста» в Йемене уходят глубже и имеют более разветвленную форму. Условно можно выделить два идейно-политических направления в рамках йеменского движения религиозной оппозиции. Во-первых, это – движение за религиозный реформизм, которое получило название *«йеменская школа религиозного освобождения»* («мадрасат ат-тахрир ад-диний фи аль-Йемен»). Ее видными представителями считаются Мухаммед бен Ибрагим аль-Вазир (ум. 1436), Мухаммед бен Исмаил аль-Амир (ум.1768), Мухаммед бен Али аш-Шаукани (ум.1834)) и др. Как считает йеменский исследователь А.М. Зейд, формирование собственно политической оппозиции, выступавшей за проведение реформ и модернизацию общества против консервативной политики, которую проводил имам Яхья бен Мухаммед аль-Мутаваккилю (1904-1948 гг.), а затем его сын – имам Ахмед (1948-1962 гг.), вначале происходило под непосред-

ственным идейным влиянием традиционной «йеменской школы религиозного освобождения»[10]. Так, в 30-х годах политическая оппозиция режиму имама Яхьи, ставшего только духовным, но и светским (малик) правителем Йемена, группировалась вокруг религиозно-просветительского общества, которое получило название «Лига свершения добрых дел и запрещения греховного» («джамыйт аль-амр би аль-мааруф ва ан-нахи ан аль-мункяр»)[11].

Во-вторых, значительное влияние на идейно-политические процессы в Йемене в конце XIX – начале XX вв. стало оказывать общеисламское *«движение за обновление религиозной мысли»* («харакат тадждид аль-фикр ад-диний») в лице Джамаля ад-Дина аль-Афгани (ум.1897), Мухаммеда Абдо (ум.1905), Абдур-рахмана аль-Кавакиби (ум.1902) и др. Йеменские сторонники «движения за обновление религиозной мысли», выдвигавшие требование проведения умеренных реформ для выведения страны из отсталости, выражали свои взгляды на страницах журнала «Йеменская мудрость» («Аль-Хикма аль-Йаманийя»), издававшегося в период с 1939 по 1941 гг., редактором которого был Ахмед Абд аль-Ваххаб аль-Варис. Идейная направленность этого журнала строилась на попытках использования идей аль-Афгани и Мухаммеда Абдо в области реформизма педагогики и идеологии в соответствии с йеменскими условиями. На страницах журнала публиковались краткие рассказы, а также политические статьи, авторы которых, преимущественно молодые люди, познакомились с идеями исламского реформизма в ходе паломничества или же редких в то время для йеменцев посещений зарубежных стран. Они привозили литературу, которую распространяли среди образованной части молодежи. По оценке авторов уже упоминавшегося официального издания «Секреты и документы йеменской революции», журнал «Аль-Хикма» сыграл важную роль в эволюции идеологических взглядов в Йемене, способствуя распространению взглядов *«школы обновления ислама»* («мадрасат аттадждид аль-исламий»), несмотря на то, что большая часть представителей школы «Аль-Хикма» была выходцами из средних и богатых городских семей Севера, что препятствовало распространению влияния на другие социальные слои, в том числе на крестьянство.

Немаловажную роль в развитии идеологии в Йемене в тот период сыграло также движение *«Свободные йеменцы»* («аль-йамани-йюн аль-ахрар»), также вставшее в оппозицию имаму Яхье и созданному им теократическому государству. Как отмечают авторы издания «Секреты и документы йеменской революции», это движение быстро упрочило свои позиции благодаря связям в теоретической и практической областях с движением «Братьев-мусульман» и поэтому превзошло в идейном плане группу журнала «Аль-Хикма», которая находилась только под влиянием течения исламского обновления. Позднее сторонники «Свободных йеменцев», находясь в 50-х годах в эмиграции в Египте, учредили организацию «Йеменский союз». Воссозданный в 70-х годах уже как общенациональная общественно-политическая организация «Йеменский союз» выступал как против «застоя исламской мысли», так и против искажения вероучения со стороны экстремистов. Тем самым был учтен негативный опыт выступлений радикальных исламистов в Египте[12].

Изменение в 90-х годах социально-экономических и политических условий жизни населения Йемена способствовало относительному росту оппозиционных настроений в обществе, которые частично стали находить свое выражение в идеологии исламского экстремизма, а частично – в возрождаемых идеях социализма. В этой связи уместно отметить, что применительно к сложившейся в первой половине 90-х годов в объединенном Йемене (главным образом бывшей НДРЙ) ситуации в области идеологии вряд ли можно было бы употреблять ставшее уже привычным для характеристики постсоциалистического мира такое определение, как «идейный вакуум». Прежде всего это касается оценок йеменцами реализации своих давних устремлений. Объединение «двух частей родины», о котором с таким пафосом говорили и в «капиталистической» Йеменской Арабской Республике, и в «социалистической» НДРЙ, произошло не так безболезненно, как предполагалось.

Слияние в единое государство внешне напоминало «ползучую аннексию» Южного Йемена со стороны северян, более мощных в экономическом и ресурсном отношении, да еще обладавших моральным преимуществом «победителей» в «холодной войне». Сторонники социалистического выбора, стремясь восстановить утраченные позиции, попытались организовать сопротивление. В разразившихся в 1994 г. боевых действиях победу одержал президент бывшей ЙАР Али Абдалла Салех, который возглавил единственную в настоящее время на Аравийском полуострове республику. Ее политическая система по форме отвечает западным демократическим стандартам[13]. Однако, несмотря на фактическое преимущество северян, вошедших в НДРЙ под знаменами ислама и национализма, южанам удалось частично сохранить интерес к социалистической идее. Кроме того, следует напомнить, что руководство Северного Йемена и раньше в своих заявлениях достаточно активно использовало социалистическую риторику для ослабления позиций своих политических оппонентов в лице НДФ и других группировок социалистической направленности.

С середины 50-х годов в Йемене социалистические идеи в той или иной трактовке распространялись представительствами отделений Партии арабского социалистического возрождения («Баас»), Движения арабских националистов (ДАН), а также различными группировками марксистов (в том числе маоистами). Наибольшей популярностью их взгляды пользовалась среди молодежи, студенчества и офицеров армии. Тайная организация «Свободные офицеры», возникшая в декабре 1961 г. в Северном Йемене, которая ставила своей целью свержение монархического строя, использовала эту популярность в своей политической деятельности. Так, представители «Свободных офицеров» накануне выступления 1962 г. заранее установили контакты со всеми указанными группировками и достигли с ними договоренности о сотрудничестве. Однако, как вспоминают сами участники этих переговоров, «Свободные офицеры» в отношениях с союзниками придерживались принципа «все брать – ничего не давать»[14]. Возможно, именно такой «прагматичный» подход армейских офицеров обусловил успех их организации в деле последующего захвата власти.

Позднее, примерно со второй половины 70-х годов в ЙАР стало принято рассматривать социалистическую теорию (марксизм) как одно из порождений западного капиталистического общества. В принципе, в своей массе северные йеменцы в тот период не видели существенных идейных различий между СССР и США, в равной степени отмечая господствующий материализм в общественной жизни двух стран. В то время среди образованных слоев населения была популярна концепция «Север-Юг» (богатый Север и бедный Юг). Кроме того, несмотря на видимые различия между официальными идейно-политическими установками руководства обеих стран (ЙАР и НДРЙ) до объединения, на уровне массового сознания жителей «двух частей родины» разделение страны воспринималось в целом как результат «заговоров империализма» (США) и «арабской реакции» (Саудовская Аравия), а трудности на пути интеграции выглядели лишь как следствие недостатка политической воли правящих элит Севера и Юга.

Позднее, в конце 70-х – начале 80-х годов, по мере расширения международных связей и увеличения числа северных и южных йеменцев, получивших образование в США, странах Европы и СССР и воспринявших в той или иной степени соответствующие идеологические взгляды, в йеменском обществе началось осмысление степени пригодности иностранного опыта для местных социально-экономических реалий[15]. Характерным в этом отношении является исследование, которое опубликовал в 1980 г. северойеменский культуролог Хамуд аль-Ауда из Университета г. Саны. Рассматривая соотношение западной культуры и идеологии, включая марксизм, с йеменскими реалиями, в которых, по его мнению, господствует «феодализм», этот исследователь в конечном итоге склоняется к мысли о том, что национальным ценностям йеменцев больше соответствует свой собственный путь развития[16]. Дискуссия по вопросу выбора путей дальнейшего развития, развернувшаяся в этот период в научных кругах северойеменского общества, фактически имела в своей основе идейное противостояние между сторонниками «традиционализма» и «модернизма» (в широком смысле). Северойеменский историк Али Мухаммед Зейд в предисловии к своей книге «Муатазилиты» в Йемене. Государство аль-Хади и его концепция» отмечал, что «современное социальное положение йеменцев явилось результатом длительного и сложного исторического процесса. Призыв изменить к лучшему сегодняшнюю реальность с начала движения за модернизацию в Йемене и до настоящего времени постоянно наталкивался на обвинение в «отрыве от реальности» и «непонимании существующего положения». Такого рода обвинения выдвигаются теми, кто под «реальностью» понимают свои прошлые социальные, экономические и политические интересы»[17]. Схожие причины при объяснении возникающих в обществе противоречий («старое-новое») отмечались также и в работах южнойеменских ученых, однако в целом обществоведы НДРЙ в своих исследованиях стремились руководствоваться марксистско-ленинской методологией.

После объединения в идеологической сфере жизни южнойеменского общества стали отмечаться те же тенденции, что и в других странах, в том

числе и новых государствах, возникших на постсоветском пространстве, которые сменили «социалистическую ориентацию» на «исламскую».

Кроме того, в тот период южнойеменцы считали себя пострадавшими от «вероломства» бывшего руководства СССР и утверждали, что Советский Союз «предал дело арабов», поддержав американцев во время операции «Буря в пустыне». Смена идеологических ориентиров для населения бывшей НДРЙ сопровождалась серьезными социально-экономическими изменениями, связанными с межйеменской интеграцией. Вплоть до настоящего времени северяне продолжают вести линию на насаждение на Юге своих кадров и ущемление там имущественных интересов населения. Это происходит, в частности, в процессе денационализации земельной собственности и объектов недвижимости. В результате население южной части страны, лишенное ставшей за годы «социалистической ориентации» привычной системы, обеспечивавшей социальную защищенность, снова вынуждено искать спасение в традиционных формах общественной организации. Принадлежность в недавнем прошлом к тем или иным кланам правящей элиты, основу которой составляла Йеменская социалистическая партия, сменилась восстановленными связями в реконструированной родо-племенной системе. Вчерашние районные и провинциальные партийные функционеры правящей ЙСП, эмансипированные и «прогрессивные», вдруг вспомнили национальные «реакционные» и «отсталые» обычаи и традиции.

Очевидно, что традиционные факторы по-прежнему продолжают оказывать большое влияние на формирование мировоззренческих установок населения. В полной мере это относится к племенному фактору, влияние которого исторически определяется значительной вовлеченностью йеменских племен во внутриполитическую борьбу в стране. В конечном счете от поддержки крупных племенных конфедераций зависела судьба наиболее значительных процессов и событий, в том числе и проходивших под теми или иными идеологическими лозунгами (выступления «традиционной» оппозиции, революция 1962 г., гражданская война и др.). При этом главным мотивом племен всегда оставалось противодействие центральным властям, стремившимся ограничить их суверенитет. Двое предшественников А.А.Салеха на посту президента ЙАР погибли в результате насилия из-за того, что пытались решить проблему племенного сепаратизма административными или военными средствами. В своей деятельности все северойеменские политические силы, включая нелегально действовавший в 80-х годах в примыкавших к границе с НДРЙ районах Народно-демократический фронт (НДФ), учитывали специфическую роль племенных структур. Последний включал в себя ряд левых и левацких политических партий, придерживавшихся самых разнообразных идей: социализма, арабского национализма, маоизма и т.п. В Северном Йемене также подпольно действовали стоявший на позициях марксизма-ленинизма северойеменский филиал Йеменской социалистической партии НДРЙ – Революционно-демократическая партия Йемена (РДПЙ), а также немногочисленные группировки сторонников «насеризма» и «баасизма».

При этом следует отметить, что идеологическая работа северойеменских оппозиционных группировок проводилась в условиях, когда 75% мужско-

го населения и 98% женского были неграмотны[18]. Это обстоятельство накладывало свой отпечаток на подходы северойеменских марксистов к ведению политической пропаганды в массах, а также придавало особый колорит попыткам применения идеологических установок при теоретическом анализе социально-классовой структуры общества. Результатом этого становилась известная двойственность теоретических выкладок идеологов РДПЙ в оценке места и роли племен, в том числе в их планах по революционному преобразованию общества. С одной стороны, их, видимо, смущала родо-племенная структура, которая не укладывалась, как им представлялось, в классические схемы социалистической революции. Так, авторы одного секретного партийного документа РДПЙ добросовестно задавались вопросом: «Как могут племена пойти против государства и его функций, и как, следовательно, может начаться классовая война против власти, которая выражает все эти обычаи, интересы, старое деление, со стороны тех, кто свято верит в них, кто сознательно и добровольно им подчиняется?»[19]. Проблема состояла также еще и в том, что сами революционеры пользовались покровительством племен, проживавших в южных районах ЙАР и выступавших в качестве их вооруженных защитников от войск центрального правительства в Сане. Поэтому, с другой стороны, ими прагматично ставилась задача: «усиливать борьбу, поднимать ее до уровня отдельных вооруженных восстаний, то в одном, то в другом месте, поощрять выступления племен против властей и шейхов, организовать их, придавать им определенную форму и направлять в нужное русло»[20]. При этом считалось, что «если сыграть на самолюбии племен, то этим можно добиться большего, чем убеждением, можно убедить их в необходимости борьбы против феодализма, а сама война для них превратиться в состязание в отваге и смелости»[21]. Что же касается влияния племенного фактора в НДРЙ, то в силу колониального прошлого и связанной с ним специфики социально-экономического развития, а затем попыток социалистических преобразований и формального признания преимуществ идей социализма, это влияние было несколько слабее, чем на Севере.

В объединенном Йемене влияние племенных отношений на мировоззренческие установки жителей страны несколько возросло. Это было вызвано относительным повышением значения племенных структур в изменившихся социально-экономических условиях жизни населения. Например, сегодня племенная верхушка контролируют некоторые, наиболее прибыльные полулегальные сегменты рынка, в частности, продажу оружия. На двух неофициальных рынках (неподалеку от Саны и Саады) любой желающий может приобрести себе подходящее вооружение современных образцов. Правительство не решается прикрыть этот бизнес. Кроме того, оно попрежнему слабо контролируют обстановку в северных и восточных провинциях, где с недавнего времени получило широкое распространение похищение иностранцев с целью получения выкупа, а также усилилось давление на правительство для получения определенных социально-экономических преимуществ. В этих же целях племена осуществляют блокирование автодорог, а иногда и вооруженные нападения на госучреждения и официаль-

ных лиц. Вместе с тем это не значит, что президент Йемена смирился с засильем шейхов племен. Как и прежде, будучи еще президентом ЙАР, А.А.Салех действует в вопросах решения племенной проблемы достаточно осторожно, «размывая» традиционные структуры, главным образом экономическими средствами (через кооперативное движение, строительство дорог и т.п.). Кроме того, в своем противостоянии племенному сепаратизму президент уже давно придерживается разработанной им идеологии так называемого «национального согласия», стержневым принципом которого выступает патриотизм как главный фактор консолидации общества.

Немаловажное значение в преодолении племенной раздробленности придается исламизации – шариат противопоставлен племенному праву «урф». Надо отметить, что наряду с племенным сознанием важной составляющей мировоззрения жителей Йемена продолжает оставаться исламская религия, которая играла и продолжает играть ведущую роль в эволюции идеологических взглядов йеменцев. Кроме того, в 90-х годах влияние конфессионального фактора на идейно-политические процессы в Йемене стало возрастать. Сложилась ситуация, в которой произошедшая в ходе объединения смена официальных идеологических установок для населения Южного Йемена, стала осложняться известным притеснением по конфессиональному признаку. Результатом этого явилось новое обострение отношения между зейдитами и шафиитами, а также рост оппозиционных настроений под религиозными лозунгами.

В этих условиях часть правящей элиты Йеменской Республики во главе с президентом А.А.Салехом была вынуждена более активно использовать ислам в качестве одной из составляющих своей идеологической доктрины. Представляется интересным проследить некоторые исторические особенности формирования взглядов правящих в Йемене групп на роль ислама в идейно-политической жизни страны. Как уже отмечалось выше, накануне революции 1962 г. в Йемене была образована йеменская группа «Свободных офицеров» (предтеча современной правящей элиты ЙР). Их идеологические предпочтения, судя по некоторым программным заявлениям, изначально формировались в духе идей, восходящих к течению муатазилитов «йеменской школы религиозного освобождения» («мадрасат ат-тахрир ад-диний фи аль-Йемен»), совмещенных позднее с доктриной ранних «Братьев-мусульман». Следует напомнить, что целями антимонархической революции 26 сентября 1962 г., совершенной группой «Свободных офицеров» во главе с Абдаллахом ас-Салялем, провозглашались «возрождение правильного исламского законодательства», «ликвидация дискриминации по религиозно-общинному признаку», «осуществление социальной справедливости… в духе исламского закона и правильных национальных традиций». Кроме того, в первой «революционной» конституции ислам объявлялся официальной религией государства, а шариат – основой законодательства (ст. 3)[22]. В ходе гражданской войны в 60-х годах в Северном Йемене один из видных деятелей йеменской оппозиции Мухаммед Махмуд аз-Зубейри предпринял попытку создания «Партии Аллаха», программа которой включала требование создания «исламской республики»[23], а уже к се-

редине 1965 г. в Северном Йемене сложился политический блок, выступавший с позиций создания «исламского государства».

В дальнейшем не только исламская риторика идеологических органов государства, но и реальная политика властей компенсировала видимое противоречие между фундаменталистско-традиционалистской идеей исламского государства и республиканской формой правления. Как отмечала в середине 80-х годов Е.К.Голубовская, «республиканские власти активно используют в своих интересах традиционные ценности, в первую очередь ислам. Смысл этой политики исходит из прочности мусульманской общины в ЙАР, в которой ислам играет роль интегрирующего фактора, а также освящает легитимность власти»[24]. Вместе с тем не следует также забывать, что в системе «сдержек и противовесов» А.А.Салеха в его бытность президентом Северного Йемена исламистам было отведено строго определенное место.

Анализируя влияние традиции «йеменской школы освобождения ислама» и фундаменталистской концепции «Братьев-мусульман» на взгляды части политической оппозиции, пришедшей к власти в 60-х годах в Йемене («Свободные офицеры»), нельзя не отметить своеобразное сочетание этого воздействия. Можно также предположить, что в данном случае имело место идеологическое совпадение установки «Братьев-мусульман» на борьбу с «неправедным» правителем (одно из положений главного идеолога «мусульманского братства» 50-60-х гг. Сейида Кутба) и шиитско-зейдитской доктрины, прочно связанной с рационалистической традицией муатазилитов, особенно в части обоснования выступления против тиранов и узурпаторов власти.

В этой связи представляется оправданным провести некоторые параллели в концептуальных установках исламских фундаменталистов суннитского направления и зейдитских «реформаторов» ислама. Эти сравнения, если не полностью, то частично объясняют комфортное пребывание в Йемене в течение последних 40 лет исламистов-суннитов. Например, борьба за чистоту ислама, которую традиционно вели «Братья-мусульмане», была созвучна требованиям моральной чистоты власти, выдвигавшейся упомянутой «Лигой свершения добрых дел и запрещения греховного». Кроме того, идея создания «истинного» исламского государства (имамат – у зейдитов; халифат у суннитов) также предполагала в своей основе совпадение фундаменталистского требования возврата к первоосновам вероучения. Что касается южнойеменской оппозиции, то имеющиеся в распоряжении автора источники не свидетельствуют о ее заметом вкладе в разработку идеологического обоснования установления исламского правления. При этом следует учитывать, что традиции создания на Юге оппозиционных политических организаций на основе ислама складывались во многом под влиянием опыта деятельности мусульманских движений в других, в том числе неарабских, странах Востока. В частности, в 1949 г. йеменскими арабами, главным образом из провинции Аден, а также представителями инонациональных (пакистанских, индийских) мусульманских общин было создано «Исламское общество» («аль-джамыйя аль-исламийя»). В качестве главной цели этого объединения было объявлено «возвышение достоин-

ства мусульман и отношений братства между ними». Требования «Общества» в 60-х годах сводились к «поддержке исламских связей для объединения жителей Адена и Юга из числа арабов и других исламских диаспор, особенно пакистанцев и индийцев». Как отмечает южнойеменский историк А.А. аль-Масри, «Исламское общество» не оставило заметного следа в истории Йемена, однако течения, которые сформировались внутри этого объединения, действовали внутри других многочисленных организаций, в том числе и созданного в 1950 г. Аденского общества»[25].

Таким образом, в условиях объединенного Йемена ислам, с одной стороны, выступает в качестве основы официальной идеологической доктрины Йеменской Республики, а с другой, – консолидирующим фактором части оппозиционных сил в стране. Отмеченная выше неурегулированность межобщинных проблем сыграла не последнюю роль в создании благоприятных условий для деятельности в Йемене современных исламистов – сторонников так называемого «политического ислама», выступающих за активное использование мусульманской религии в достижении политических целей[26]. При этом территория Йемена уже сравнительно давно рассматривалась международными радикальными исламскими группировками в качестве зоны своего идейного и организационного влияния. Как уже отмечалось, с 60-х годов активную деятельность в ЙАР развернули «Братья-мусульмане». В Йемен направлялись эмиссары так называемой «Группы мусульман» («джамаат аль-муслимин»), известной также как «Группа обвинения в неверии и ухода из общества» («джамаат ат-тафкир ва аль-хиджра»). Это экстремистское объединение возникло в египетских тюрьмах среди исламистов, арестованных в 1965 году, руководителем которых являлся главный идеолог египетских «Братьев-мусульман» Сейид Кутб[27]. Проникновению в Йемен радикальных исламских воззрений способствовала политика самого северойеменского руководства, которое широко практиковало командирование за рубеж слушателей для получения или продолжения религиозного образования в учебные заведения, программы которых строились в духе нетрадиционных для Йемена исламских теологических концепций. В частности, только в 1981 г. на стажировку за рубеж в различные исламские страны из Университета г. Саны выехали по специализации «шариат» – 69, «арабский язык – чтение Корана» – 34, «исламоведение» – 20, мусульманская юриспруденция – 3 человека[28]. В конце 70-х – начале 80-х годов в Йемене на базе различных мусульманских организаций при превалирующей роли «Братьев-мусульман» был создан так называемый «Исламский фронт», пользовавшийся поддержкой среди торговцев и части средних городских слоев, а также шейхов сельских племен. Активисты Фронта считали себя истинными поборниками веры, противниками коммунистов, марксистов и всех тех, чьи действия были направлены на ликвидацию в стране традиционных устоев. Идеологи «Исламского фронта» настраивали своих сторонников против централизаторской деятельности государства, выдавая ее за неправомерное покушение на издревле существовавшие обычаи и образ жизни. Среди деятелей «Исламского фронта» были приверженцы аятоллы Хомейни, члены секты ваххабитов, «беженцы с Юга», выступавшие за развязывание «холодной войны» с НДРЙ, улемы, обличавшие «безбожников» и «неверных» Юга и Севера. Их сторонники были

достаточно широко представлены в Учредительном национальном собрании, в правительстве, армии, органах госбезопасности. Отряды «Исламского фронта» при поддержке армии вели вооруженную борьбу против Национально-демократического фронта[29]. Дальнейшая эволюция исламских радикалов в объединенном Йемене, происходившая под влиянием краха мировой системы социализма и ослабления влияния коммунистической идеологии, привела к поляризации и новой расстановке сил исламистов на политической арене страны.

Во второй половине 90-х годов в Йемене сформировались две основные группировки сторонников «истинного» ислама. Одна из них продолжает придерживаться идей фундаменталистского движения «Братьев-мусульман», выступающих за создание «халифата» на принципах социальной справедливости. До объединения «двух частей родины» в 1990 году «братья» боролись главным образом против «безбожного» правления марксистов в Южном Йемене. Другая (так называемые «салафииты» – радикальные «традиционалисты») близка по своей идеологической доктрине к ваххабитам. Ее представители фанатично отстаивают принцип единобожия, резко выступают против каких бы то ни было новшеств и стоят на защите традиционных норм жизни мусульманской общины, восходящих к временам жизни пророка Мухаммеда. На сегодня можно констатировать, что йеменские «Братья-мусульмане» (фундаменталисты) занимают более умеренные позиции, чем, например, их единомышленники в Египте, приближаясь к политической линии фундаменталистских «прагматиков» в Судане во главе с Хасаном Абдаллой ат-Тураби. После воссоединения страны президенту А.А.Салеху удалось в какой-то мере установить контроль над их активностью, во многом используя тот факт, что «братья» вместе с десятком родственных исламистских группировок создали организацию «Йеменское объединение в защиту реформ» («ат-таджамму аль-йеманий ли аль-ислах», сокращенно – «аль-Ислах»), которая за последние годы приобрела черты и атрибутику партии парламентского типа[30]. Во главе партии встал один из старейших племенных лидеров на севере страны – шейх конфедерации зейдитских племен Хашед – Абдалла бен Хусейна аль-Ахмар, поддерживающий президента А.А.Салеха.

Отряды «Братьев-мусульман» сыграли решающую роль в победе А.А.Салеха в гражданской войне 1994 г. против его политического и идеологического оппонента в лице генерального секретаря Йеменской социалистической партии (ЙСП) Али Салема аль-Бейда. Однако они же разделили с ним ответственность за последующие тяготы проводившихся реформ. Следствием этого явилось снижение популярности идей радикальных исламских фундаменталистов и некоторое сокращение численности их рядов. Кроме того, став частью правящей политической элиты, кооптированной в органы государственной власти, «Братья-мусульмане» временно утратили возможность проявлять свой экстремизм. В частности, несмотря на очевидно негативное отношение радикальных фундаменталистов к политике федеральных властей России на Северном Кавказе, ни руководитель йеменских «Братьев-мусульман» Ясин Абд аль-Азиз аль-Куббаты, ни их главный

идеолог Абд аль-Маджид аз-Зиндани (оба занимают высокие должности в руководстве партии «аль-Ислах»), до последнего времени не сделали ни одного официального антироссийского заявления о ситуации в Чечне. Главными объектами критики «Братьев-мусульман» стали в настоящее время идеологически чуждая им ЙСП, «насеристы» (арабские националисты), а также, в определенной мере, коллеги по парламенту – представители пропрезидентской партии «Всеобщий народный конгресс».

Руководство йеменских исламских фундаменталистов, представленных в партии «аль-Ислах», в отличие от экстремистских группировок «возрожденцев» в других странах, которые исповедуют идеи «обвинения в неверии» (ат-такфир) и «ухода из общества» (аль-хиджра), придерживается (во всяком случае до последнего времени) умеренных, внешне демократических методов политической деятельности. Большое значение придается ими организации предвыборных кампаний различного уровня, продвижению своих кандидатов в парламент. В середине 90-х годов «ислаховцы» добились значительного успеха: в стране, где около половины населения составляют молодые люди до 14 лет, в большинстве провинций Йемена представители этой партии оказались избранными в руководящие органы студенческих союзов и школьных комитетов.

В настоящее время обеспокоенность не только йеменского руководства, но и мирового сообщества, особенно стран Запада, а теперь и России, вызывает прежде всего деятельность экстремистски настроенных «салафиитов», которые принимают активное участие в различных кризисных ситуациях, возникающих по всему миру на почве сепаратизма и межобщинной розни. Йеменские «салафииты» выступают главными покровителями находящихся на территории страны и интернациональных по своему составу «муджахиддинов». Часть из них является йеменцами, но большинство составляют выходцы из Алжира, Египта, Ливии и некоторых других мусульманских стран, которых командировали в Йемен на подготовку те или иные исламские неправительственные религиозно-политические организации. Главным объединяющим их моральным императивом выступает принадлежность, как они сами считают, к «воинству Аллаха», а поведение контролируется только духовными авторитетами. Сами йеменцы неоднозначно относятся к тому, что на их территории обосновались некоторые радикально настроенные исламисты. С одной стороны, различные региональные конфликты (Афганистан, Босния, Косово, Северный Кавказ и др.) породили определенное количество профессиональных «борцов за дело ислама», не принять которых для йеменцев было невозможно в силу известного принципа «исламской солидарности» и традиционного национального гостеприимства. С другой, – в самом Йемене существует ряд факторов, прежде всего связанных с социально-экономическими трудностями (бедность, неграмотность и т.п.), которые создают сравнительно благоприятную среду для сочувствия идеям религиозных экстремистов.

Весьма характерна личность и жизненный путь духовного авторитета и лидера «салафиитов» – шейха Мукбиля бен Хади аль-Уафи. Он родился

в 1932 году в одном из племен крупнейшей зейдитской племенной конфедерации «Бакиль», проживающем к востоку от г. Саада. Начальное религиозное образование получил в медресе при мечети «аль-Хади» в г. Саада. После идеологических разногласий с духовными лидерами зейдитов был вынужден переехать в Саудовскую Аравию, где продолжил теологическое образование у лучших богословов королевства. Однако через некоторое время шейх аль-Уафи стал критиковать саудовскую королевскую семью за коррумпированность и дружбу с американцами, которые, по его мнению, являются главным врагом ислама. В 1979 году за участие в крупнейших антиправительственных выступлениях, связанных с захватом Большой мечети в г. Мекка и находившихся там паломников, был арестован и полгода провел в заключении, после чего был депортирован на родину. Вернувшись в Йеменскую Арабскую Республику, при поддержке своих покровителей из Саудовской Аравии в 1980 году в селении Даммадж неподалеку от г. Саада («зейдитская столица» в Йемене) Мукбиль бен Хади аль-Уафи построил мечеть и религиозную школу, а также основал лагерь для подготовки «афганских муджахиддинов», который до 1990 года являлся основным лагерем такого рода на Аравийском полуострове, где одновременно могло проходить подготовку более 2 тысяч человек. На базе его религиозной школы неоднократно проходили форумы руководителей мусульманских экстремистских организаций арабских стран, обсуждавших планы установления исламского порядка.

Однако после окончания войны в Афганистане роль и значение центра в Даммадже и его руководителя стали снижаться. В это время Мукбиль аль-Уафи вступил в теологический спор с идеологом йеменских «Братьев-мусульман» – шейхом Абдель Маджидом аз-Зиндани, а также наметился его конфликт с местными «зейдитскими шиитами» из Саада, ориентировавшимися на Иран. Кроме того, он не поддержал планов бывшего тогда на посту президента ЙАР Али Абдаллы Салеха об объединении Северного и Южного Йемена, а в период кризиса в Персидском заливе издал «фетву» (заключение по религиозно-юридическим вопросам в форме публичного заявления) против военного присутствия США в Саудовской Аравии.

В своих проповедях духовный лидер «салафиитов» Мукбиль бен Хади аль-Уафи, считающийся одним из самых известных и признанных мусульманских авторитетов в мире (его перу принадлежит более 50 теологических произведений по вопросам толкования Корана), подвергает анафеме коммунистов и суфиев. Наиболее фанатично настроенные последователи его учения причисляют себя к двум категориям – «мунтахир» (приносящий свою жизнь в жертву за дело ислама; близко к японскому понятию «камикадзе») и «муджахид» (сражающийся за веру). «Идеологической подготовке» «салафиитов» служат проповеди. «Хатыбы» (проповедники) из числа «салафиитов» рассказывают собравшимся о «героях Северного Кавказа», о «притеснениях мусульман» и политике их «насильственного обращения в атеистов и христиан», или же о необходимости

призыва мусульман к «джихаду против неверных», об оказании помощи «братьям по вере» в Чечне. Они заявляют, что «мечта русских о великой России» так же невыполнима, как желание евреев жить в «великом Израиле» (от Нила до Евфрата), а сербов – в «могучей Сербии», ибо «настоящие борцы за веру» из мусульманских стран будут противодействовать этим планам.

Наибольшим влиянием йеменские «салафииты» пользуются в Адене, а также провинциях Саада и Хадрамаут, хотя их учебные заведения – так называемые «религиозные институты» («аль-маахид ад-динийя») имеются в большинстве районов страны[31]. Значительную часть контингента обучающихся составляют представители маргинальных слоев йеменского общества, особенно той его части, которая больше всего пострадала в ходе «перестройки» социалистической НДРЙ. Духовная пища – ежедневное чтение и изучение книг самого Мукбиля бен Хади аль-Уафи – дополняется телесной: слушатели обеспечиваются бесплатным питанием и проживанием. Однако быт строго аскетичен, он напоминает жесткие ограничения, свойственные ваххабизму: слушателям запрещено слушать музыку, танцевать, смотреть телевизор, пользоваться ложками и т.д., а также обязательным требованием является ношение длинной бороды и усов.

Противоречия между исламскими фундаменталистами и традиционалистами в Йемене временами обостряются настолько, что даже наиболее радикальные представители «аль-Ислах» выступают с критикой сторонников Мукбиля аль-Уафи, называя их «религиозными фанатиками и экстремистами». Это вызвано еще и тем, что радикально настроенные «салафииты» нетерпимо относятся к присутствию в Йемене представителей иных течений в исламе и их деятельности. В частности, у них часто возникали конфликты с шиитской организацией «Бадр», руководство которой ориентируется на Иран и имеет свои учебные заведения на базе нескольких мечетей в «зейдитской столице» – Сааде и в столице государства – Сане.

Помимо указанных группировок, в Йемене также работают представительства палестинских радикальных мусульманских организаций, выступающих с позиций «возрожденчества» – «ХАМАС» и «Исламский джихад», духовным лидером которых является проживающий на окраине Газы 70-летний шейх Ахмад Ясин – легендарная личность в Палестинском движении сопротивления. В провинции Хадрамаут проживает также многочисленный клан бен Ладенов, один из представителей которого – Усама бен Ладен обвиняется США в проведении террористической деятельности против американских объектов в других странах.

Наличие на территории Йемена мусульманских экстремистских группировок вызывает серьезное беспокойство его правительства. В конце ноября 1998 г. организация, именующая себя «Исламская армия Адена и Абъяна» (по другим данным – «Исламский джихад»), захватила 16 западных туристов. В ходе операции по освобождению заложников были убиты трое англичан и австралиец. Повторение такого рода инцидентов способно серьезно подорвать усилия правительства ЙР по получению иностран-

ной помощи и инвестиций, поскольку снова привлекает внимание международной общественности к проблеме терроризма в Йемене, которая уже имеет свою историю. В свое время, до объединения с ЙАР в 1990 г., эксперты правительства США относили НДРЙ к числу стран, «покровительствовавших международному терроризму». После переориентации йеменской внешней политики, а также ужесточения требований к предоставлению гражданства иностранцам, включая палестинцев, в 1991 г. американцы стали заявлять, что «Йеменская Республика, похоже, обрывает все контакты с террористическими группировками». Сохранение присутствия на йеменской территории нескольких террористических группировок США объясняли «поддержкой представителей йеменских властей, в прошлом являвшихся государственными чиновниками в НДРЙ»[32].

Смена Южным Йеменом идеологических ориентиров (социализм – ислам) повлекла за собой изменение политики, ранее направленной на поддержку организаций, входящих в Палестинское движение сопротивления (НФОП, ДФОП и др.), а теперь – на терпимое отношение к присутствию международных исламских радикальных организаций на территории страны. В 1995 году правительство объявило о высылке из страны около 7,5 тысяч незаконно находящихся в Йемене иностранцев, в том числе, представителей мусульманских экстремистских группировок. Вместе с тем, по мнению западных обозревателей, на самом деле депортации подвергались беженцы из Джибути, Сомали и Эфиопии. Соединенные Штаты Америки, некоторые другие западные и арабские страны, выдвигая в адрес Йеменской Республики обвинения в «государственной поддержке исламского экстремизма», продолжают требовать от йеменских властей принятия решительных мер по ограничению свободы действий иностранных «салафиитов», проходящих идеологическую и военную подготовку в Йемене, в упоминавшихся так называемых религиозных «институтах» и «школах», которые, в свою очередь, находятся под патронажем влиятельных шейхов местных племен, разделяющих идеи радикального ислама. Президент А.А.Салех не идет на конфликт с этой влиятельной силой. Более или менее действенные меры правительство Йемена смогло принять только в отношении местных исламских радикалов. Например, одной из попыток противодействия растущему влиянию «салафиитов» стало принятие решения о передаче назначения проповедников («хатыбов») в мечетях под контроль министерства вакуфов. Это было вызвано тем, что в некоторых мечетях представители «салафиитов» стали самочинно читать проповеди перед верующими. Однако в целом президент А.А.Салех в сложившейся религиозно-политической ситуации, не предпринимая шагов, которые могут вызвать недовольство правоверных, в то же время вынужден демонстрировать мировому сообществу свою готовность противодействовать распространению исламского экстремизма.

Следует учитывать, что позиция, занимаемая западными странами в отношении деятельности исламистов на территории Йемена, значит для руководства ЙР достаточно много, поскольку обуславливает предостав-

ление Йемену финансовой помощи. В июне 1997 г. на второй конференции государств и организаций-доноров ЙР в Брюсселе было принято решение выделить Сане под осуществление реформ на 1998-2000 гг. финансовую помощь в суммарном объеме 1,8 млрд. долл. В значительной мере это стало возможным благодаря продемонстрированной йеменцами готовности сотрудничать с США в деле борьбы с международным терроризмом, а также позиции Йеменской Республики, связанной с заключением межарабского соглашения по борьбе с терроризмом[33]. В то же время американо-йеменское сотрудничество, а также процессы демократизации в Йемене настораживают соседние исламские монархические режимы. Это, в частности, относится к Саудовской Аравии и правящей там королевской семье. Следует вспомнить, что уже с 80-х годов саудовцы оказывали значительную финансовую помощь ЙАР, объем которой равнялся суммам, тратившимся северойеменцами на закупку оружия, в том числе и советского. Объединение Йемена и развитие его нефтедобывающих проектов вынуждает «хранителей общемусульманских святынь» внести определенные коррективы по отношению к зарубежной исламской благотворительности. Кроме того, йеменские эмигранты в Саудовской Аравии, чьи денежные переводы на родину до сравнительно недавнего времени составляли весьма значительную часть внешних инвестиций в экономику ЙАР и НДРЙ, стали сталкиваться с трудностями визового порядка, вызванными ужесточением требований властей Саудовской Аравии к пребыванию на ее территории иностранной рабочей силы. Теперь для этого требуется поручительство приглашающей стороны.

Наблюдаемая в настоящее время эволюция идеологии правящей элиты Йемена напрямую зависит от непростой политической обстановки, складывавшейся в объединенном Йемене в последнее десятилетие. Однако благодаря своей традиционной гибкости и умению лавировать между различными политическими группировками президенту ЙР А.А.Салеху удалось сохранить и укрепить свои позиции. Возглавляемый президентом Всеобщий народный конгресс (ВНК) расширяет свое присутствие во всех государственных структурах[34]. Сформированное в мае 1998 г. новое правительство включило в себя представителей ВНК и «независимых» во главе с Абдель Керимом аль-Арьяни. Тем самым создалась ситуация, свидетельствующая о намерении ВНК игнорировать попытки оппозиционных сил увеличить свое влияние во властных структурах. В этой связи исламская оппозиция, представленная «аль-Ислах», сохраняющей значительное влияние в стране, пока выступает в роли стороннего наблюдателя и стремится воздерживаться от резких критических выпадов в адрес правительства. Вместе с тем не исключено, что настроения протеста части йеменского общества, недовольной результатами объединения, могли бы в принципе отразится в требованиях, выдвигаемых радикальными исламскими фундаменталистами. В то же время политика «исламизации», проводимая президентом Али Абдаллой Салехом, не оставляет им шансов на увеличение числа своих сторонников в ближайшей перспективе. Очевидно, что сдерживающее влияние

на активность зей-дитских племен оказывает шейх аль-Ахмар. Правительству удается держать под контролем развитие светской оппозиции, представленной «баасистами», «насеристами», «арабскими националистами». Значительному давлению со стороны правоохранительных органов подвергаются социалисты. Несколько раз отмечались аресты активистов Йеменской социалистической партии (ЙСП) под предлогом якобы их причастности к террористической деятельности[35].

Таким образом, наблюдаемые в объединенном Йемене процессы в сфере идеологии характеризуются противоборством нескольких основных течений: социалистического (с уклоном в «арабский социализм»), исламского (умеренного и радикального), традиционного («племенного») и националистического («официального»). Созданная А.А.Салехом йеменская модель системы политических «сдержек и противовесов», в которой он играет ведущую роль, не позволяет возобладать ни одному из указанных течений. Об этом свидетельствуют результаты первых всеобщих президентских выборов, состоявшихся 23 сентября 1999 года в объединенном Йемене, в которых приняло участие 70% зарегистрированных избирателей. Они вновь продемонстрировали прочность позиций А.А.Салеха. Второй претендент на этот пост (заместитель председателя правящей партии «Всеобщий народный конгресс» Наджи аш-Шаабан) принял лишь формальное участие в предвыборной кампании. В свою очередь, объединенная оппозиция бойкотировала выборы, так как кандидатура третьего претендента – Али Салема аль-Бейда – была ранее отклонена парламентом[36].

В дальнейшем, как представляется, на развитие идеологических процессов в ЙР значительное влияние будут оказывать внешние факторы, в частности, проблема международного исламского экстремизма. Предполагается, что исламская оппозиция в Йемене будет чутко реагировать на любые ущемления прав мусульман в других странах и оказывать давление на правительство с целью принятия мер по поддержке зарубежных исламистов, на что оно не может пойти, не нарушив имеющийся баланс внутри страны. При этом не исключается формирование еще одной группировки в рядах исламской оппозиции, выражающей интересы недовольных объединением и пострадавших в ходе денационализации. Скорее всего, они консолидируются под шафиитским знаменем, но возможно и появление новых, нетрадиционных для Йемена сектантских исламских движений (существующая секта исмаилитов малочисленна). Идеология формирующегося союза левых сил в Йемене также будет во многом зависеть от перспектив развития международного социал-демократического движения, опосредованно через арабские группировки социалистического толка. В этих условиях наиболее жизнеспособной и привлекательной пока остается идея йеменского национализма, которая в той или иной мере «перехватывает» лозунги представителей всех остальных идеологических течений в Йемене.

Весьма тревожной, на наш взгляд, тенденцией является формирование новой воинствующей идеологии под знаменем ислама, ареал распространения которой охватывает не только Йемен, но и многие страны пост-

советского (постсоциалистического) пространства. Эта отличная от веры идеология включает в себя набор исламистской риторики, имеющей в своей основе упрощенную трактовку ханбалитского мазхаба. Для нее характерны: интернациональность, политизированность, воинственность (примитивная версия «джихада»), жестокость, культ личности полевых командиров (военачальников-амиров), враждебность «традиционному» или «национальному» исламу. Если раньше, в 70-80-х годах радикальные исламские группировки (преимущественно суннитские) на Ближнем Востоке носили достаточно замкнутый характер, объединяя носителей «истинного» ислама, то те, кого сейчас принято называть «ваххабитами» («в Йемене – «салафиитами»), представляют собой как бы новую генерацию исламистов. Как правило, эта идеология «ваххабитов» возникает в тех местах, где изначально непрочно укоренившийся «традиционный» ислам подвергся в течение определенного времени разрушающему воздействию атеистической пропаганды, а последующая «ре-исламизация» проходила при участии сторонников «возрождения чистого ислама». Наблюдаемая в этих районах социально-экономическая «перестройка» и сопровождающая ее реконструкция родо-племенных и клановых отношений, в которые не всегда могут «вписаться» все прежние, «доперестроечные» группы населения, активизировали социальные слои маргинального типа, чьи потребности, в первую очередь, порождают «спрос» на примитивную идеологию воинствующего ислама.

[1] Раздел Йемена восходит к временам колониальных захватов Англии, которая в XIX веке установила свое господство над Аденом (1839 г.) и всеми южнойеменскими эмиратами. Северная же часть Йемена оставалась в составе Османской империи и в 1918 г. имам Яхья провозгласил независимость этой части Йемена. Крупнейшая английская военная база на Юге – порт Аден, была превращена Великобританией в один из центров осуществления ее колониальной политики в Азии. В 1934 году Великобритания вынуждена была признать независимость Северного Йемена, однако она сохранила свой контроль над Южным Йеменом (Аденскими протекторатами). 26 сентября 1962 года в результате антимонархической революции на Севере, возглавляемой группой «Свободные офицеры», была свергнута власть короля-имама Ахмеда и образована Йеменская Арабская Республика. Патриотические силы Южного Йемена в 1963 году образовали Национальный Фронт освобождения оккупированного юга Йемена. К 30 ноября 1967 года им удалось установить контроль над большей частью южнойеменских территорий и парализовать систему управления созданной англичанами марионеточной Федерации Южной Аравии. В этот день была провозглашена независимая Народная Республика Южного Йемена, которая спустя ровно три года (30 ноября 1970 г.) получила название – Народная Демократическая Республика Йемен (НДРЙ).

[2] Формально НДРЙ прекратила свое существование после объединения Северного и Южного Йемена 22 мая 1990 года, получив название Йеменская Республика. В этот день в Адене в торжественной обстановке на заседании президиумов высших законодательных органов ЙАР и НДРЙ была провозглашена Декларация о

создании Йеменской Республики, объявлено о начале переходного периода и утвержден проект конституции, которая была принята на состоявшемся в 1991 году общенациональном референдуме. В сентябре 1994 года в нее был внесен ряд важных конституционных поправок, в частности был введен институт президента и вице-президента, ислам был признан основным источником законодательства, был сохранен закрепленный в конституции принцип многопартийности.

[3] По оценке А.Рида, численность зейдитов в 1974 г. составляла 1/3 населения Йемена [См.: Рида, Адиль. Мухавалят ли фахм ас-саура аль-йаманийя (Попытка понять йеменскую революцию). Каир, 1974 (на араб. яз.), с. 296].

[4] Появление исторически доминировавшей в Северном Йемене общины зейдитов связано с именем потомка второго шиитского имама Хасана, аль-Хади Яхьи бен Хусейна бен Касема, который в 898 году поселился в городе Саада, ставшем резиденцией зейдитских правителей Йемена на долгие годы. Со временем власть зейдитов распространилась на всю территорию страны, включая ее южную часть. По своим религиозным догматам зейдизм является тем ответвлением шиизма, которое более всего приближается к суннизму. В отличие от суннитов зейдиты считают Коран сотворенным пророком Мухаммедом, а не существовавшим извечно. Зейдитское вероучение отрицательно относится к культу святых, особенно широко распространенному среди суннитов. От других шиитов их отличает веротерпимость, отсутствие веры в «скрытого имама» и некоторые особенности в богослужении. Однако их нормы вполне допускают совершение молитвы совместно с суннитами в одной мечети. Кроме того, среди зейдитского населения северной части Йемена имеется несколько общин, принадлежащих к шиитской секте исмаилитов (См. подробнее: Котлов Л.Н. Йеменская Арабская республика. – М., 1971. – С. 24, 45).

[5] Мусульманская часть населения Йемена (проживающая в южных районах северной части Йемена и в Южном Йемене) исповедует ислам в его ортодоксальной – суннитской – форме. Йеменские сунниты в юридически-правовых вопросах придерживаются учения школы мекканского теолога-законоведа Абу Абдаллаха Мухаммеда Идриса аш-Шафии (умер в 820 г. н.э.), и поэтому они называются шафиитами. На крайнем востоке южной части Йемена имеются мелкие группы суннитов, придерживающихся маликитского мазхаба и ибадитов – представителей хариджизма – третьего основного направления в исламе. В прибрежных районах проживает небольшая община суннитов ханифитского мазхаба. (См.: Александров А.А. Народная Демократическая Республика Йемен. – М., 1976. – С. 26; Котлов Л.Н. Указ. соч., с. 41-44).

[6] Рида, Адиль. Указ. соч., с. 297.

[7] аль-Арьяни, Абд аль-Керим. Аль-хасаис ас-сукканийя ва аль-умранийя фи аль-Джумхурийя аль-Арабийя аль-Йаманийя мин вакыа ат-таадад аль-авваль ли ас-суккян (Демографические и возрастные особенности населения в Йеменской Арабской Республике по данным первой переписи населения). // «Маджаллят дира-сат аль-Халидж ва аль-Джазира аль-Арабийя». – Аль-Кувейт, 1981 (на араб. яз.). – № 16 (апрель). – С. 19.

[8] Рида, Адиль. Указ. соч., с. 299

[9] Асрар ва васаик ас-саура аль-йаманийя (Секреты и документы йеменской революции). Сана – аль-Кувейт, 1978 (на араб. яз.), с. 27.

[10] Зейд, Али Мухаммед. Муатазилят аль-Йемен. Даулят аль-Хади ва фикруху («Муатазилиты» в Йемене. Государство аль-Хади и его концепция). – Бейрут, 1981 (на араб. яз.), с. 11.

[11] Название этой организации восходит к одному из программных заявлений зейдитского имама аль-Хади Яхьи бен Хусейна (правил Йеменом с 898 по 911 гг.), направленных против политических противников: «Мы исповедуем свершение добрых дел и запрещение греховного. Достижение победы угнетенного над угнетателем является не только его правом, но и обязанностью, поскольку уничтожение тирана считается добрым делом в отношении восстановления истины и служит запрещению греха в виде обмана» (Зейд, Али Мухаммед. Указ. соч., с. 180).

[12] Асрар ва васаик ас-саура аль-йаманийя…, с. 29-30, 34, 35-36.

[13] Глава государства – президент, избираемый сроком на 5 лет прямым всеобщим голосованием. Законодательную власть осуществляет Палата депутатов (парламент) в составе 301 члена, избираемых на 4 года путем всеобщих равных и прямых выборов. Палата депутатов утверждает состав правительства и имеет право вынести вотум недоверия кабинету министров. Совет министров признан Высшим исполнительным и административным органом государства, кроме того, согласно конституции, был сформирован Консультативный совет в качестве совещательного органа при Президентском совете.

[14] Асрар ва васаик ас-саура аль-йаманийя…, с. 89-99.

[15] В тот период северойеменцы изучали иностранный опыт не только в идеологической области. Значительное число издававшихся в Северном Йемене работ было посвящено исследованию социально-экономической проблематики в зарубежных странах. Их авторы стремились к проведению сравнительного анализа зарубежного опыта в социалистических, капиталистических и развивающихся странах. В качестве примера можно привести работу, которую написал северойеменский экономист, главный редактор журнала «Вопросы сельского хозяйства в Йемене» («Аль-уаы аз-зираый аль-йеманий»), одновременно редактор раздела «Сельское хозяйство» в центральной газете «Аль-джумхурийя аль-йаманийя», Абдалла Мухаммед аль-Муджахид по вопросам развития кооперативного движения в сельском хозяйстве Йемена. В этом исследовании он, в частности, подробно рассмотрел накопленный в этой области опыт в Англии, Франции, Голландии, Италии, Дании, США, СССР, Чехословакии, Югославии, ГДР, а также арабских странах, сравнил теоретическое обоснование применяемых в этих странах моделей кооперации и их возможное применение в йеменских условиях [См.: аль-Муджахид, Абдалла Мухаммед. Ат-Тааун аз-зираый – мадхаль ли ат-танмийя фи аль-Джумхурийя аль-арабийя аль-йаманийя (Сельскохозяйственная кооперация как путь развития в Йеменской Арабской Республике). Б.м., 1978 (на араб. яз.), с. 24-61].

[16] Критикуя марксизм, Хамуд аль-Ауда, в частности, пишет: «Идейные изменения в умах людей не могут происходить в ходе их взаимодействия в мастерской, на фабрике, механизированной ферме, в школе, социальной группе, на рынке труда, а также при распределении между ними материальных благ. Эти изменения не являются также результатом разделения труда, системы оплаты, или отражением

чувства принадлежности к определенному классу в капиталистическом обществе… Трудовые отношения, взятые как критерий оценки идейного содержания общественной жизни, искажают истинный смысл прогресса. Возникающие при таком подходе «блуждающие» идеи и понятия, не имея корней и почвы, присоединяются в конце концов к феодальному или старому буржуазному образу мышления. Эти взгляды не усиливают общество, не способствуют возобновлению его материальных и духовных составляющих и не организует его на новой основе с учетом современных изменений и требований истинного и всеобъемлющего развития» [аль-Ауда, Хамуд. Ат-турас аш-шаабий ва аляка-туху би ат-танмийя фи аль-бульдан ан-намия. Дираса татбикыйя ан аль-муджтамаа аль-йеманий (Народное наследие и его соотношение с развитием в развивающихся странах. Практическое исследование йеменского общества). Каир, 1980 (на араб. яз.), с. 353].

[17] Зейд, Али Мухаммед. Указ. соч., с. 12.

[18] аль-Арьяни, Абд аль-Керим. Указ. соч., с. 33.

[19] Стратегические планы Революционно-демократической партии Йеменской Арабской Республики: Сб. документов революционно-демократических партий и национально-освободительных движений./Институт общественных наук. – М., 1974. – Ч. II. – С. 364.

[20] Стратегические планы Революционно-демократической партии Йеменской Арабской Республики…, с. 361.

[21] Там же, с. 367.

[22] Асрар ва васаик ас-саура аль-йаманийя…, с. 181, 183.

[23] См.: *Котлов Л.Н.* Указ. соч., 182.

[24] *Голубовская Е.К.* Политическое развитие Йеменской Арабской Республики (1962-1985 гг.). – М., 1989. – С. 263.

[25] аль-Масри, Ахмед Атыйя. Ан-Наджм аль-ахмар фоук аль-Йемен. Таджрибат ас-саура фи аль-Йемен ад-димукратыйя (Красная звезда над Йеменом. Опыт революции в Демократическом Йемене). – Бейрут, 1986 (на араб. яз.). – С. 77-78, 80-81.

[26] *Поляков К.И.* Йеменские экстремисты и Россия (Племенные вожди покровительствуют экспорту исламской революции). // НГ-Религии. 24.02.1999 г.

[27] См.: аль-Джихни, Маниа бен Хаммад. аль-Маусуа аль-му-яссара фи аль-адьян ва аль-мазахиб ва аль-ахзаб аль-муасыра (Энциклопедия современных религий, движений и партий). – Эр-Рияд, 1418 х. (на араб.яз.). – Т. 1. – С. 336, 341.

[28] Адва аль-Йемен. – 1981. – № 87, сентябрь (на араб. яз.). – С. 8.

[29] См.: *Голубовская Е.К.* Указ. соч., с. 237-239.

[30] О позиции современных «Братьев-мусульман» в отношении проблемы политических партий в традиционном обществе см. подробнее: Асакир, Абд аль-Фаттах. аль-Хакаик би аль-васаик ан джамаат аль-ихван аль-муслимин (Документальные свидетельства о группировке «Братьев-мусульман»). – Каир, 1996 (на араб. яз.). – С. 61-73.

[31] «Религиозные школы» получили распространение в Йемене в конце 70-х годов. При них действовали «военные лагеря», где учащиеся проходили военную подготовку. Эти заведения контролировались «Братьями-мусульманами» и фактически финансировались организациями, расположенными на территории Саудовской Аравии.

[32] Patterns of Global Terrorism: 1991. United States Department of State. April, 1992, с. 28.

[33] По проблемам борьбы с международным терроризмом Йемен придерживался особого мнения. В частности, на 15-й конференции Совета министров внутренних дел арабских стран в Тунисе 5 января 1998 г., посвященной рассмотрению проекта межарабского соглашения по борьбе с терроризмом, Йемен внес предложение об оказании договаривающимися сторонами помощи другим государствам в ведении следствия и осуществления судебной процедуры по преступлениям терроризма. Представители Йемена предложили в случае выдачи обвиняемого передавать следственные материалы и доказательства по делу суду того государства, где находится обвиняемый. Кроме того, в процессе дискуссии Йемен высказал опасение, что снятие вопроса о выдаче лиц, совершивших преступление по политическим мотивам, может использоваться в тех или иных случаях как политическое прикрытие для уклонения от выполнения соглашения. Однако позднее йеменцы приняли все положения проекта в отношении выдачи террористов, поставив свою подпись под окончательным текстом договора.

[34] На последних парламентских выборах 27 апреля 1997 года возглавляемый самим А.А.Салехом Всеобщий народный конгресс (ВНК), который был образован еще в августе 1982 года, стал фактически правящим блоком после присоединения к нему «Йеменского объединения в защиту реформ» (сокращенно – «Аль-Ислах»). ВНК получил 187 мест плюс поддержку 39 «независимых», итого – 226 мест из 301. Партия «Аль-Ислах» получила 53 места плюс поддержку 10 «независимых». Йеменская социалистическая партия (ЙСП) (создана в октябре 1978 г.) отказалась участвовать в выборах по мотивам «отсутствия национального единства в обществе». Деятельность нескольких более мелких партий, в том числе зарегистрированных 1 июля 1997 года Партии народного единства (ПНЕ) и Юнионистской партии народного освобождения (ЮПНО), пока не оказывает существенного влияния на расстановку политических сил в стране.

[35] В частности, в марте 1998 г. был утвержден приговор по списку 16 наиболее активных руководителей сепаратистов, по которому пяти южнойеменским деятелям заочно вынесли смертный приговор за государственную измену.

[36] Независимая газета. 25.09.99 г.

К.И.Поляков

ИСЛАМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ АЛЬ-АЗХАР: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Среди наиболее актуальных проблем, с которыми столкнулось мировое сообщество в конце XX века, часто называют угрозу распространения исламского экстремизма. При этом из поля зрения большинства исследователей уходит такой важный, на наш взгляд, аспект, как условия формирования так называемого «радикального ислама» в системе исламского образования, в том числе в крупнейших мусульманских университетах мира. Несмотря на то, что в своей основе исламские вузы выступают хранителями традиций образования и воспитания в духе «умеренного» ислама, студенческая молодежь, как и повсюду, является наиболее благоприятной средой для распространения различного рода «революционных» течений, включая идеи сторонников возврата к основам веры, исламской революции и т.п. Как представляется, в числе возможных причин определенного успеха в студенческой среде проповедников «чистого» ислама свою роль играет либо ослабление контроля государственных органов над системой образования, либо, наоборот, чрезмерное увлечение властей процессом реформирования исламских учебных заведений.

Старейший мусульманский университет аль-Азхар в Каире за десять веков своего существования в полной мере испытал как внимание и благосклонность власть предержащих, так и периоды забвения и упадка. Однако его руководству до настоящего времени удается, с одной стороны, сохранять вековые традиции и накопленный опыт подготовки кадров, а с другой стороны, делать все возможное для предотвращения негативного «брожения в умах» студентов. В этой связи представляется интересным проанализировать опыт развития аль-Азхара с момента его основания до настоящего времени. Не будет преувеличением утверждать, что поступить в известный во всем мире исламский университет аль-Азхар – мечта многих молодых мусульман. Диплом аль-Азхара означает успешную карьеру, обеспеченное будущее и в любом случае – пожизненный почет и уважение окружающих. Престижный характер образования определяется не только вековыми традициями этого широко известного учебного заведения. В разное время с аль-Азхаром была связана жизнь и деятельность многих выдающихся людей – физика Ибн аль-Хайсама (ум. 1039 г.), врача Абд аль-Латифа аль-Багдади (ум. 1231 г.), поэта Умара бен аль-Фарида (ум. 1234), историка Ибн Халдуна (ум. 1406 г.) и др. Многие знаменательные события в жизни Египта разворачивались или начинались в стенах

аль-Азхара. Его преподаватели и студенты неоднократно выступали движущей силой египетского национально-освободительного движения и внесли значительный вклад в историю этой страны Арабского Востока.

История аль-Азхара начинается во времена Фатимидов – династии арабских халифов-шиитов (909-1171 гг.), возводивших свое происхождение к Фатиме – дочери Пророка Мухаммеда. Первоначально эта династия утвердилась в Ифрикии (современный Тунис) в результате завоевания этой страны берберами, которые боролись под шиитско-исмаилитскими лозунгами установления социальной справедливости. После завоевания в 969 г. Египта фатимидский военачальник Джохар ас-Сакли отдал распоряжение одновременно с самим городом, ставшим новой столицей Фатимидского халифата, начать строительство мечети. Считается, что свое название построенная в 972 г. мечеть получила по эпитету к имени той же Фатимы – аз-Захра, что переводится как Светозарная Фатима (превосходная степень – аль-Азхар).

По замыслу правившего тогда Египтом халифа аль-Муизза (953-975 гг.) мечеть аль-Азхар должна была стать символом шиитского духовного господства и главным идеологическим центром Фатимидского государства исмаилитов. Предполагалось, что мечеть будет использоваться шиитскими духовными лидерами для проповеди и разъяснения своих религиозных сочинений, а также богословских дискуссий в рамках исмаилитской доктрины. Благодаря щедрым пожертвованиям фатимидских халифов мечеть аль-Азхар процветала. Вскоре там же началось преподавание религиозных дисциплин. Первый, кто проявил внимание к превращению аль-Азхара в учебное заведение, был визирь бен Кальс. Он ввел регулярные занятия, на которых зачитывались его «министерские» доклады по вопросам мусульманского права в шиитской трактовке.

Со временем группе юристов-богословов аль-Азхара, дабы они полностью сосредоточились на учебном процессе и науке, были назначены ежемесячные зарплаты и построены рядом с мечетью дома. Ядром преподавательского состава нового исламского учебного заведения первоначально были представители семьи Науман – главных шариатских судей в Каире. Обучение слушателей не ограничивалось только религиозными дисциплинами и филологией. По указанию фатимидских правителей оно стало включать в себя математику, астрономию, естествознание и географию. Для слушателей были введены стипендии. Шиитское господство окончилось в 1171 г., когда Каир был взят войсками Салах ад-Дина (1138-1193). Известный в европейской традиции как Саладин, изгнавший в 1187 г. из Палестины крестоносцев, этот военно-политический деятель по происхождению был курдом. Его отец – Айюб ибн Шади был военачальником у сирийского султана. Воспользовавшись смертью последнего из Фатимидов, при котором он состоял везирем, Салах ад-Дин захватил власть в Египте, получил титул султана и стал родоначальником династии Айюбидов. В отличие от своих предшественников пришедшие на смену Фатимидам новые правители Египта стояли

на позициях радикального суннизма. Прежде всего они приказали ликвидировать все следы шиитской государственности.

В рамках новой политики в мечети аль-Азхар была отменена хутба (проповедь), запрещена практика богатых пожертвований, а сами азхариты лишены многих прежних привилегий. В качестве альтернативы аль-Азхару Салах ад-Дин стал оказывать всемерную помощь многочисленным малым религиозным школам в Каире, в которых обучали богословским наукам первоначально в соответствии с шафиитским мазхабом (один из четырех основных религиозно-правовых толков в суннитском исламе). Устанавливая посещавшим эти школы слушателям повышенные стипендиями и раздавая подарки, новый египетский правитель поощрял их к уходу из аль-Азхара. Фактически в это время аль-Азхар утратил свое былое значение и превратился в рядовую мечеть с ограниченными учебными занятиями в рамках суннитского направления ислама.

Относительное оживление деятельности аль-Азхара наступило при новых правителях Египта – мамлюках (1250-1517 гг.). Не решаясь набирать в армию местное население, султаны Египта опирались на специальные отряды мамлюков (рабов-воинов), укомплектованные невольниками из Грузии, Абхазии и других частей Кавказа, а также Кыпчакской орды. Со временем мамлюки превратились в самостоятельную политическую силу. В 1250 г. они свергли последнего из Айюбидов и установили свое господство, которое продолжилось до завоевания Египта турками и включения его в 1517 г. в состав Османской империи. Во времена мамлюков, особенно в период правления султана аз-Захира Байбарса (1260-1277), статус аль-Азхара стал подниматься. Новый правитель распорядился о возобновлении чтения хутбы в мечети. Последующие мамлюкские правители продолжили расширение религиозно-учебного комплекса аль-Азхара. В XIV-XV веках вблизи аль-Азхара были построены новые школы. В дар ученым-богословам и филологам были переданы многотомные библиотеки для исследовательской работы и учебных занятий. Финансовое положение аль-Азхара также поправилось. Мечеть и медресе получили крупные вакфные пожертвования. Средства от них были направлены на ремонт строений, а также на улучшение содержания преподавателей и студентов. Работавшим там ученым, студентам и их семьям власти делали богатые подарки. В этот период аль-Азхар стал считаться престижным учебным заведением и главной соборной мечетью Каира и Египта. Основной упор в обучении был сделан на богословские науки и арабскую филологию, а математике, естествознанию и другим светским наукам придавалось второстепенное значение. Вскоре известность этого исламского университета стала затмевать все другие существовавшие в то время религиозные учебные заведения университетского типа – в Багдаде, Андалусии и других частях слабеющего арабского халифата[1].

Турецко-османское завоевание Египта на первом этапе парализовало научную и культурную жизнь страны. После вхождения Египта в 1517 г. в состав Османской империи местные вакфы обеднели, и зависевшая от

них система образования стала приходить в упадок. Турецкие улемы так и не смогли завоевать симпатии египтян. Престиж образования заметно снизился. Многие религиозные школы закрылись. Однако в этих условиях аль-Азхар сохранился как крупный центр юридическо-богословских дисциплин и арабской филологии на Ближнем Востоке. С XVIII века аль-Азхар начинает фактически играть роль обще мусульманского учебного заведения. В этот признанный центр традиционного образования и наук стремились также ученые и студенты исламских стран Среднего Востока и Африки. Особое место в османском периоде аль-Азхара занимает правитель, значение которого в истории Египта трудно переоценить. Албанский янычар Мухаммед Али, правивший Египтом в первой половине XIX века, известен в мировой историографии реформ как «египетский Петр I». Правда, в отличие от своего просвещенного российского коллеги, читать он научился в возрасте 45 лет. К власти Мухаммед Али пришел, используя улемов Каира во главе с Омаром Макрамом, с которым потом и расправился. Мухаммеду Али удалось прекратить смуту, которая продолжалась в период правления мамлюкских беев, истребив их в 1811 г. Однако он вынужден был капитулировать перед давлением европейских держав и открыть Египет для иностранной торговли. Экономические реформы, начатые Мухаммедом Али, сопровождались изменениями в области культуры и образования, которые не обошли аль-Азхар. Освободив имущество, передаваемое аль-Азхару в порядке благотворительности, от обложения налогом, новый египетский правитель приблизил к себе улемов.

Реформы в Египте требовали создания нового корпуса специалистов, получивших европейское образование. Мухаммед Али направил на стажировку во Францию некоторых преподавателей из аль-Азхара, а его студенты позднее составили костяк первых светских школ – медицины, языков и управления. В самом аль-Азхаре была предпринята попытка частичного введения европейских методик обучения, проводниками которых надлежало стать вернувшимся из Европы преподавателям. Целью реформ Мухаммеда Али в этой сфере стало соединение традиционного религиозного и светского научного образования. Однако пришедший на смену Аббас-паша (правил в 1849-1854 гг.) под давлением английского и французского капитала пошел на свертывание капиталистических реформ в Египте – закрыл мануфактуры и светские школы. В свою очередь другой правитель Египта – Исмаил-паша (правил до 1879 г.), который сумел добиться для Египта значительной внутренней автономии в рамках Османской империи, издал первый закон об аль-Азхаре от 1872 г. Был введен квалификационный экзамен на получение диплома «международного образца». Придание аль-Азхару университетского статуса изменило в сторону большей свободы режим учебы и жизни студентов и преподавателей. Слушателям разрешалось присутствовать на занятиях по выбору. Студенты в соответствии со своими желаниями и склонностями специализировались на изучении религии или филологии. Дополнительно преподавали: географию, историю, математику и естествознание. Аль-Азхар вы-

пускал специалистов-филологов, шариатских судей, преподавателей богословия, имамов мечетей и проповедников. Существенно повысилась роль ректора. Слово шейха аль-Азхара считалось окончательным и не подлежало обсуждению. Исключение составляли рекомендации некоторых наиболее авторитетных улемов. Глава аль-Азхара лично распределял материальные блага среди преподавателей и студентов.

Конец XIX века ознаменовался началом небезболезненного процесса обновления учебных программ, внутреннего распорядка и организационной структуры аль-Азхара. Общественно-политическое развитие Египта порождало новые требования к реформе системы образования и выдвигало новых проводников передовых идей. Знаменитый египетский общественный деятель и реформатор ислама Мухаммед Абдо (1849-1905) посвятил развитию аль-Азхара последние десять лет своей жизни. Окончив аль-Азхар, он продолжил религиозно-научную деятельность. Считался одним из лучших учеников знаменитого Джемаль ад-Дина аль-Афгани. Став в 1899 г. главным муфтием Египта, он руководствовался принципом: традиционные религиозные представления не должны приходить в противоречие с новыми реалиями жизни. Его фетвы были направлены на примирение религии с наукой, новейшими достижениями технического и социального прогресса. Мухаммед Абдо принял бразды правления в аль-Азхаре в драматичное для Египта время. Древняя страна входила в орбиту западной культуры. Элементы вестернизации смущали правоверных, которые не находили в традиционном исламе ответов на многие вопросы меняющейся действительности. Большинство не знало как относиться к стремительно входившим в их повседневную жизнь «новшествам» (радио, банки, страхование и т.п.).

Стремясь к сохранению покоя в душах мусульман, Мухаммед Абдо заявлял, что «настоящим мусульманином является тот, кто в вопросах земной жизни и религии руководствуется разумом», призывая правоверных прилагать все свои силы для познания окружающего мира. Реформы в аль-Азхаре он начал с почти невероятного – получения согласия хедива (титул правителя Египта) на пересмотр образовательных методик, введение обучения современным наукам, новым учебным дисциплинам. Благодаря его усилиям в 1890 г. был издан закон, по которому создан первый совет по управлению аль-Азхаром: он состоял из наиболее авторитетных богословов во главе с самим Мухаммедом Абдо. С его кончиной в 1905 г. движение реформ в аль-Азхаре снова замерло[2]. Однако последователи шейха Мухаммеда Абдо продолжили дело своего учителя. В 1911 г. им удалось добиться издания нового закона о статусе аль-Азхара (Закон № 10). Этому предшествовала работа комиссии, состоявшей из сподвижников М.Абдо – Фатхи Газзаля, Абдель Халика Сарвата и Исмаила Сидки, которая упорядочила методики преподавания и улучшила условия жизни преподавателей и студентов. Учебный процесс был разделен на три ступени с определенным сроком обучения на каждой из них. Были добавлены новые учебные дисциплины, соответствующие современным достижениям

науки, сформирована группа старших преподавателей, был создан наблюдательный комитет по делам аль-Азхара.

Революционные события 1919 и 1921 гг. в Египте, вылившиеся в широкие антианглийские восстания, послужили дополнительным стимулом для правящей элиты продолжить реформу аль-Азхара. Король Египта Фуад I приказал в 1930 г. разработать новый устав этого учебного заведения, в соответствии с которым студентам предоставлялась возможность уделять больше внимания общеобразовательным предметам. Возглавлявший в то время аль-Азхар шейх Мухаммед аль-Ахмади аз-Завахири сыграл значительную роль в издании нового закона об аль-Азхаре (№ 49 от 1930 г.), который определял получение высшего образования в аль-Азхаре в рамках трех факультетов: шариата, основ религии, арабского языка, а также узаконивал создание отделений специализации после получения диплома о высшем образовании на отдельных факультетах. Однако возросший в 30-40 годы во многих странах с частичным (например, Эфиопия, Китай, Индия и др.) или преобладающим мусульманским населением спрос на грамотных учителей богословия и проповедников, в том числе и со знанием западных и восточных языков, потребовал очередного обновления программ обучения. В период шейха аль-Азхара Мухаммеда Мустафы аль-Мараги, сумевшего поднять уровень до мировых (по тому времени) стандартов, было введено гарантированное распределение после учебы. Принятый тогда же закон № 26 от 1936 г. регламентировал учебный процесс следующим образом. Поступивший в аль-Азхар абитуриент в течение 4-х лет получал начальное образование, которое наряду с изучением арабского языка включало обязательные религиозные дисциплины – таухид (монотеизм), фикх (мусульманская юриспруденция, право), хадис (предание о словах и действиях Пророка), а также чтение Корана нараспев. Кроме того, в программу обучения входили светские предметы: география, черчение, рисование, спорт и гигиена. Желавший получить среднее образование в течение 5 лет более углубленно изучал указанные религиозные и светские дисциплины, но к ним добавлялась арабская грамматика, история, логика, химия, биология, естествознание и некоторые другие предметы.

Для получения диплома о высшем образовании следовало продолжить учебу на одном из трех факультетов. В процессе 4-летней учебы на факультете мусульманского права вместе с продолжением изучения тех же религиозных дисциплин (фикх, таф-сир, хадис) студентам преподавались основы религии (усуль ад-дин), мусульманский свод законов (шариат), сравнительное мазхабоведение (мазхаб – правовой толк). Кроме того, добавлялись история шариатского права, философия и иностранный (английский или французский) языки. Факультет выпускал юристов-правоведов и шариатских судей. Еще один год продолжения учебы требовался для получения ученой степени устаза основ религии и юриспруденции. Ставившие своей целью получение лицензии на проповедническую деятельность или ученой степени устаза по монотеизму и философии,

либо устаза по коранические наукам и преданию о жизни Пророка, либо устаза по исламской истории поступали на факультет основ религии (богословский факультет). В этом случае они сверх указанных выше предметов изучали исламскую историю, этику и психологию. Обучение на факультете арабского языка предполагало в те же сроки освоение всего комплекса предметов, связанных с арабской филологией и литературой.

Накануне революции 1952 г., свергнувшей власть короля Фарука, аль-Азхар приобретает черты важного инструмента египетской внешней политики. Посещавший в то время Египет корреспондент итальянской газеты «Унита» Альберте Яковиелло писал о значительной роли университета аль-Азхар в обеспечении «исторически сложившегося влияния Египта на другие страны мусульманского мира, в которые ежегодно возвращаются окончившие университет молодые юристы, готовые занять место в судах, где подсудимых осуждают или оправдывают по закону Мухаммеда»[3]. В то время руководство страны придавало большое значение распространению в мусульманском мире влияния «египетского» ислама ханифитского толка. В связи с полемичностью вопроса о существовании «национальных» разновидностей толков ислама можно сослаться на мнение известного суданского религиозно-политического деятеля Аун аш-Шариф Касима. Он писал: «Допустимо говорить о суданском исламе, египетском, индонезийском, поскольку распространение этой религии означает ее взаимодействие с местной национальной средой. Проникновение ислама предполагает интеграцию всех позитивных культурных ценностей из прошлого народа, которым религия дает новую жизнь»[4]. Позднее, уже в наше время, зарубежная деятельность национальных школ ислама становится составной частью внешнеполитического курса многих мусульманских стран.

В середине XX века аль-Азхар становится известен как один из наиболее крупных исламских университетов религиозного и языкового направления. Благодаря льготным условиям учебы и проживания, а также сравнительно либеральным порядкам этот университет становится притягательным для абитуриентов-выходцев практически из всех исламских общин мира. Кроме того, преподаватели из аль-Азхара работали в начале 50-х годов: в Саудовской Аравии (35 чел.), Кувейте (10), Ливане (5), Судане (Север – 12, Юг – 9 чел.), на Филиппинах (2), Занзибаре (2), Киренаике (2), Ираке (1), а в исламских культурных центрах в Лондоне и Вашингтоне – по 1 преподавателю[5]. Значительное внимание египетское руководство уделяло распространению своего влияния по религиозной линии как в Северном, так и Южном Судане. Большую роль в этом направлении играл аль-Азхар. По официальным данным Министерства просвещения Египта, на июль 1952 г. из общего числа студентов-иностранцев (3961 чел.), командированных для получения богословского образования в университет, 2336 чел. были суданцами (59%). При этом число студентов из Северного Судана достигало 1605 чел., Сеннара (Средний Судан) – 391 чел., и Дарфура (Западный Судан) – 340 чел.[6]. Кроме того, в Южном Судане аль-

Азхар имел свои миссии по обучению и распространению ислама в городах Джуба, Малакал и Асмара, куда было командировано 9 египетских преподавателей-теологов. Эти миссии были призваны внести свою лепту, не только обратив часть южан в ислам, но и привив им симпатии к Египту и его представителям в Судане.

Расширение международной деятельности аль-Азхара в конце 50-х годов, а также общественно-политические изменения в самом египетском обществе побудили руководство Египта приступить к очередной реформе этого учебного заведения. Кроме того, определенное беспокойство властей вызывала набиравшая с середины 50-х годов популярность в аль-Азхаре деятельность «Братьев-мусульман», требовавших возвращения к принципам ислама в области социального законодательства[7]. На момент очередного реформирования аль-Азхар превратился в гигантский религиозный и образовательный комплекс. Помимо главной соборной мечети (аль-Джами аль-Азхар) и других религиозно-культовых сооружений, аль-Азхар включал филиалы в других городах страны и представительства (миссии) за рубежом. Университет возглавлял ректор (шейх), он же являлся главным имамом. В правительстве заседал специальный министр по делам аль-Азхара. Общее число студентов во всех учебных подразделениях университета к 1952 г. составило 22889 человек (в 987 г. их было только 35 человек). В 1968/69 учебном году в университете и институтах обучалось свыше 30 тыс. студентов (из них 18% из других мусульманских стран). Библиотека, основанная еще в 1897 г., накануне революции 1952 г. насчитывала 92 тыс. томов, из них 23 тыс. редких рукописей. Имея сильную редакционно-издательскую базу, аль-Азхар большими тиражами выпускал религиозную и учебно-методическую литературу. С 1930 г. издавался печатный орган «Маджаллят аль-Азхар» («Журнал аль-Азхара»), редактирование которого осуществляли наиболее авторитетные улемы. Созданная в 1947 г. медицинская часть превратилась в поликлинику, при которой была открыта больница. Лечение и выдача лекарств осуществлялись бесплатно.

Университетский статус этого заведения был закреплен законодательно. В 1961 г. был издан новый «Закон о развитии аль-Азхара», в соответствии с которым были созданы светские факультеты. Впервые в истории этого исламского заведения студенты получили возможность обучаться на одном из девяти факультетов Университета аль-Азхар: основ религии (богословском), мусульманского права (шариата), литературном (арабского языка), административных дел и торговли, политехническом (инженерном), сельскохозяйственном, медицинском, педагогическом и женском факультете. Соответственно был определен статус институтов и специальных религиозных учреждений в провинциальных центрах. При аль-Азхаре была создана Академия исламских исследований. Руководящую пирамиду венчал Высший ученый совет аль-Азхара.

Считается, что проучившийся в Аль-Азхаре три года выпускник-иностранец может рассчитывать на получение квалифицированной и

хорошо оплачиваемой работы в любой из арабских стран в качестве переводчика. Для работы по духовной линии требуется гораздо более длительный срок обучения, однако это не смущает наших соотечественников, решивших получить богословское или филологическое образование в этом известном учебном заведении. В 50-60 гг. из СССР на учебу в аль-Азхар слушатели выезжали в единичном порядке. Первые группы студентов из республик бывшего СССР появились в Университете на трехмесячных курсах подготовки имамов мечетей в 1990-1991 гг. по личному приглашению шейха аль-Азхара. Позднее к набору слушателей стали подключаться некоторые международные исламские благотворительные организации. В частности, в 1992 г. Международная исламская организация спасения («Аль-Игаса») выбрала и направила около 40 студентов из республик Средней Азии и Закавказья для обучения на богословском и светских факультетах Университета. Одновременно финансовую поддержку для прохождения полного курса группами студентов из республик бывшего Союза стал оказывать ряд благотворительных организаций стран Персидского залива. По некоторым оценкам, на различных факультетах аль-Аэхара, в аспирантуре, докторантуре и других подразделениях аль-Азхара в год обучалось в среднем около 500 студентов-граждан стран СНГ.

В связи с тем, что для поступления на любой из факультетов Университета необходимо наличие диплома Исламского института при аль-Азхаре или сертификата аль-азхарской средней школы, все вновь прибывающие проходят обучение на курсах арабского языка. Ежегодно по результатам экзаменов с этих курсов осуществляется набор в Исламский институт, срок обучения в котором 7 лет. Однако студенты имеют возможность сдавать экзамены экстерном за два курса. После окончания института желающие могут продолжить учебу на одном из теологических или светских факультетов аль-Азхара. Условия проживания и размер стипендии студентов-граждан стран СНГ различны и зависят от финансового положения направляющих организаций. Так, лица, прибывшие по приглашению администрации аль-Азхара, размещаются в студенческом городке университета с ежедневным двухразовым питанием и получают ежемесячно в местной валюте сумму, равную примерно 25 долларам США. Студенты, отобранные для обучения в аль-Азхаре некоторыми благотворительными фондами, ежемесячно могут получать стипендию в размере около 60-70 долларов США. Кроме того, обучающимся в Университете перед началом каждого учебного года выплачивается небольшая сумма для приобретения одежды и пособий. Прибывающим в аль-Азхар за свой счет компенсируется стоимость билетов.

В последнее время египетское общество снова обеспокоилось судьбой аль-Азхара. Благодаря традиционно высокому качеству богословского образования египтяне привыкли считать аль-Азхар своего рода «оплотом» умеренности и преградой на пути религиозных отклонений экстремистского толка. Однако наблюдаемое снижение уровня преподавания позволяет

некоторым египетским журналистам, в частности, Фахми Хавиди в респектабельной «Аль-Ахрам», прямо заявить о том, что «культура филологического и религиозно-юридического образования в аль-Азхаре продолжает регрессировать, что приводит к увеличению числа целых поколений профессионально неграмотных выпускников»[8]. Другие обозреватели, общественные и политические деятели призывают к оптимизации процесса обучения и приведению его в соответствие с требованиями времени.

Основания для такого рода, пусть даже несколько преувеличенных беспокойств имеются. Еще в конце 1997 г. египетский премьер-министр сделал заявление о необходимости изучения «возможностей сокращения программы (аль-Азхара) без ущерба для образовательного уровня выпускников и приведения ее в соответствие с современными тенденциями развития египетского общества». Соответствующие распоряжения о внесении изменений в учебные планы подразделений аль-Азхара были переданы руководству Университета. Дело в том, что до принятия закона 1961 г. «О развитии аль-Азхара» преподавание в его учебных заведениях было ограничено филологическим и религиозными курсами, причем перед тем как приступить к основному курсу, студент сначала проходил подготовительный, состоящий из изучения Корана, основ философии, математики и геометрии. По закону 1961 г. к основному университетскому курсу добавились и все предметы, изучаемые в начальных школах, при одновременном сокращении периода обучения с пяти до четырех лет. В результате нагрузки почти удвоились, что осложнило процесс обучения студентов. Общеобразовательные рамки расширились, а количество специализированных предметов сократилось. При этом преподавание общих дисциплин осталось на уровне средних школ. В связи с увеличением жалоб студентов и администрации на непосильные нагрузки в 1991 г. объем спецпредметов был сокращен еще на 20% (составил 50% от объема 1961 года), а объем общих дисциплин остался прежним. Позднее, в 1996 году прошло третье сокращение. Программа предметов основного курса была урезана на 5-10%, а подготовительного – на 30%, причем общие дисциплины вновь остались нетронутыми.

Такое положение дает возможность египетским обозревателям предположить, что студент, решивший поступить в аль-Ахзар, лишен возможности получить 80% специальных знаний в ходе предварительного курса и от 55 до 60% – в ходе основного. Другими словами, уровень подготовки на первой ступени обучения не дает даже элементарного минимума познаний, а на второй – лишь слегка его перекрывает. Указанные выше предложения египетского правительства сводились в конечном счете к новому, уже четвертому сокращению программы спецдисциплин, которое произойдет автоматически с планируемым сокращением времени обучения до трех лет. В этой связи предполагается, что очередное сокращение (и без того не лишенной недостатков программы обучения) сделает нормой выпуск студентов, знания которых не будут отвечать потребностям развития египетского общества. В этой связи высказываются опасения, что

столь поверхностные знания таят опасность поворота настроений общества в сторону «радикального ислама».

Предполагается, в частности, что результатом сокращения программы обучения в аль-Азхаре стала ситуация, когда университету грозит утрата многого, что было накоплено за тысячу лет его существования. К примеру, ранее имелась возможность с юного возраста приобщить детей к литературному языку, научить их правильно говорить, посвятить в тонкости арабской речи. С этой целью ежедневно отводилось четыре часа для заучивания наизусть Корана. Эти занятия лежали в основе всей программы. Традиционно существовала специальная группа преподавателей, чтецов Корана, которые в большинстве своем работали в мечетях и за свою педагогическую деятельность получали денежное довольствие от администрации аль-Азхара. Ситуация изменилась после 40%-го сокращения как объема материала, подлежащего заучиванию, так и времени, отводимого для этого, с 4 до 2 часов в день.

Кроме того, на подготовительном курсе программа обучения была сведена к зубрежке отдельно взятых сур (сура – глава Корана), а не последовательного комплексного изучения Корана и его толкований. Теперь вместо того, чтобы выучить 30 хадисов, студенты учат три, причем самостоятельно. Из программы также были удалены важные разделы, предназначенные для того, чтобы помочь студентам самим досконально разобраться в прочитанном и научить их применять полученные знания к существующей действительности, к проблемам сегодняшнего мусульманского мира. В частности, к числу сокращенных относятся разделы, освещающие проблемы наследования, наказания за грехи, ограничений и возмездия.

Египетскими обозревателями подвергаются также критике нововведения в области филологии и языкознания. Морфология и синтаксис всегда были отдельными дисциплинами, причем процесс изучения каждой из них подразделялся на 40 отдельных «ступеней». Теперь же они объединены вместе, а количество «ступеней» сокращено до 20. Однако наибольший упадок в области языкознания наблюдается по предмету «чтение Корана». На основном курсе чтение Корана сведено к двум часам в неделю, тогда как английскому языку стали отводить не 3, как раньше, а 6 часов. Ранее студенты старших курсов отдельным предметом изучали «Историю исламской цивилизации», теперь же она превратилась в параграф учебника по общей истории. Такие объединения предметов мотивируют необходимостью сокращения нагрузки на студентов. Вместе с тем, был введен новый курс по «Истории фараонского Египта».

В области университетского образования в целом жесткое сокращение всех гуманитарных предметов прошло уже при переводе на 4 летний график занятий. Составители Закона 1961 г. предполагали, что недостатки будут восполнены за счет расширения общего кругозора студентов, однако этого не произошло, и студенты лишились части знаний. В области правоведения студентам изначально давалось 16 часов в неделю на изучение «мусульманского права» и 18 часов на изучение «мусульманской

юриспруденции» (фикх), всего 34 часа. После сокращения эти дисциплины были объединены, а количество часов уменьшено с 34 до 6 в неделю, то есть, по 3 на каждый предмет. Для сравнения можно привести пример: студентам факультета права Каирского университета на изучение мусульманской юриспруденции отводится 4 часа в неделю. Таким образом стала складываться парадоксальная ситуация, когда студенты светского вуза знают богословский предмет лучше, чем студенты аль-Азхара.

Вместе с тем, анализируя процессы, происходящие в аль-Азхаре в настоящее время, следует отметить, что египетское общество, обеспокоенное судьбой и падением международного авторитета аль-Азхара, болезненно отреагировало на указанные планы правительства. В выступлениях египетских СМИ звучат призывы сделать все возможное, чтобы не допустить регресса в культуре преподавания исламских и филологических дисциплин, а следовательно, выхолащивания истинных ценностей Корана через упрощение и минимизацию процесса его изучения. В свою очередь государственные органы Египта учитывают, что только запретительные и репрессивные меры в отношении исламистов не способны решить проблему «радикального ислама» и должны дополняться соответствующими продуманными изменениями в системе религиозного образования, флагманом которой продолжает оставаться аль-Азхар.

[1] См.: Ан-нашра ас-сакафийя. Визарат аль-маариф аль-уму-мийя. Аль-адад аль-авваль – юлью санат 1952. (Культурный бюллетень. Министерство общественного образования. № 1, июль 1952 год). Каир, 1952 (на араб. яз.). – С. 39-47.

[2] См.: Ас-Сайд, Рифаат. «Эволюция» исламского экстремизма. // Колодец. – № 1. – 1998 г. – С. 33-34.

3 *Яковиелло А.* Свидание в Суэце. – М., 1953. – С. 77.

4 Касим, Аун аш-Шариф. аль-Ислям ва аль-арабийя фи ас-Судан (Ислам и арабизм в Судане). Бейрут-Хартум, 1989, (на араб. яз.). – С. 41.

[5] По данным министерства образования Египта, в то время в аль-Азхаре обучались выходцы из Ливии, Туниса, Алжира, Марокко, Сомали, Судана, Палестины, Ливана, Южной Африки, Нигерии, Уганды, Сирии, Ливана, Иорданского Хашимитского Королевства, Ирака, Хиджаза, Королевства Саудовская Аравия, Кувейта, Йемена, с о. Ява, о. Цейлон, из Индии, Пакистана, Китая, Японии, России, Грузии, Анатолии, Курдистана, Афганистана, Греции, с о. Родос, из Югославии, Румынии, Болгарии, Чехословакии, Польши, Португалии, Германии, Туркестана, Пакистана, Филиппин, с Мальдивских о-вов, из Индонезии, Малаи, Сингапура, Суматры. Занзибара.

[6] Подсчитано по: Ан-нашра ас-сакафийя…, с. 49, 51.

[7] Яковиелло А. Указ. соч., с. 79.

[8] Аль-Ахрам. 3.03.1998 г.

К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов

ПРОБЛЕМА СТАБИЛЬНОСТИ СИРИИ В XXI ВЕКЕ

XX век ознаменовался для Сирии многими событиями, среди которых следует выделить получение политической независимости, череду военных переворотов и глубокие социально-экономические преобразования в различных сферах. Однако, вероятно, самым значимым является возрождение духа Омейядов, который заключается в реставрации былого могущества Дамаска. Несмотря на все политические и социально-экономические потрясения второй половины уходящего столетия, Сирия сумела в полной мере реализовать идею своего величия, превратившись в мощную региональную державу Ближнего Востока. В настоящее время нельзя представить себе урегулирование какой-либо региональной проблемы без доброй воли на то со стороны дамасского лидера. Однако наступающий XXI век таит большие опасности для могущества Сирии и ее будущности. Одна из таких опасностей кроется в этноконфессиональном составе населения этой страны.

Признавая неоспоримые социально-экономические и политические достижения Сирии в годы независимости, важно указать на то, что на пороге нового тысячелетия страна оказалась отягощенной грузом множества новых проблем практически во всех сферах жизнедеятельности государства и общества. Наиболее острой из них является проблема резкого экономического спада. На рубеже 80-90-х годов руководство Сирийской Арабской Республики, столкнувшись с огромными трудностями в экономике, пошло на либерализацию экономической жизни, которая стала объективно необходимым условием выхода страны из социально-экономического кризиса[1]. Однако непродолжительный экономический подъем сменился очередным затяжным спадом. Начиная с 1995 года в стране отмечается устойчивая тенденция к снижению темпов экономического роста. Более того, в 1998 году этот показатель приобрел отрицательную динамику, составив 1,5%, В истекшем 1999 году данная тенденция сохранилась, чему в немалой степени способствовала обрушившаяся на страну засуха. Кроме того, по некоторым оценкам, уже через несколько лет Сирия будет вынуждена возобновить импорт нефти, что окажет крайне негативное влияние на экономику страны[2].

Существует несколько причин, объясняющих столь сложное экономическое положение, из которых, пожалуй, главными является тот факт, что политика либерализации экономической жизни, на которую так рассчитывало политическое руководство САР, изначально не была способной принести долгосрочные дивиденды в условиях политической системы, не терпящей какого-либо реформирования.

В феврале 1999 года Хафез Асад уже в пятый раз подряд подтвердил свои полномочия президента САР на очередной семилетний срок. Вероятно, столь длительное и бессменное нахождение на вершине власти в стране лидера Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ) можно было бы отнести к числу достижений, свидетельствующих о стабильности в сирийском обществе и государстве. Однако этот феномен несет в себе и ряд сложностей, прежде всего связанных с проблемой преемственности власти в стране. В 1999 году президенту САР Х.Асаду исполнилось 70 лет. Десять лет назад он перенес инфаркт, который чуть не убил его. Спустя полтора года Х.Асад перенес новый сердечный приступ, который приковал его к постели на несколько месяцев. Кроме того, он страдает сахарным диабетом. В настоящее время сирийский президент, не потерявший остроту ума, находится под постоянным медицинским контролем[3].

Стареющий Х.Асад сделал ставку на своего старшего сына Басиля, которого готовил в качестве своего преемника у власти, но в начале 1994 года Басиль погиб в автокатастрофе близ Дамасского аэропорта, что стало настоящим ударом для Х.Асада. Вслед за этим неофициально на роль будущего преемника своего отца стал выдвигаться его второй сын 35-летний Башар, врач-офтальмолог, долгое время проживший в Лондоне. Однако он не обладает харизмой своего старшего брата и не располагает достаточной поддержкой в армейских кругах. Кроме того, сирийское законодательство запрещает выдвижение кандидата на пост президента страны людей моложе 40 лет. Тем не менее, существуют зримые свидетельства подготовки Башара к тому, чтобы он впоследствии заменил отца на вершине «политического Олимпа» в Сирии. В конце 1994 года Башар с успехом окончил военную академию в Хомсе. Более того, он постепенно набирает политический опыт государственного управления, контролируя сирийское присутствие в Ливане. В последнее время Башар все чаще выполняет международные поручения отца. Вероятно, Х.Асад стремится заранее представить своего преемника мировым и региональным лидерам, что может содействовать его успешному вхождению в президентство. Будет достаточным напомнить, что в июле 1999 года Башар Асад уже посетил с визитом Саудовскую Аравию, где он встретился с королем Фахдом, а затем провел в Аммане переговоры с иорданским королем Абдаллой II. 8 августа 1999 года Башар в сопровождении главы резведслужбы Сирии генерала Гази Кенаана нанес визит в Ливан, где встретился с президентом этой страны Э.Лахудом и обсудил с ним общую стратегию в диалоге с Израилем по мирному урегулированию в регионе. Одновременно с этим Х.Асад стремится устранить с политической арены тех, кто мог бы хоть как-то осложнить плавный переход власти от отца к сыну. В первую очередь это касается армии. Так, недавно был уволен начальник Генерального штаба сирийской армии Хикмад Шакаб, который якобы позволил себе публично усомниться в стратегических способностях Асада-младшего[4].

Тем не менее, Башар продолжает оставаться новичком в большой политике.

Вместе с тем нельзя исключить развитие событий по такому сценарию, когда после ухода с политической арены нынешнего президента САР Х.Асада в борьбу за власть в стране включатся представители сирийского истеблишмента, долгие годы верой и правдой служившие Х.Асаду, состарившиеся вместе с ним, но не потерявшие вкуса к еще большей власти. При этом было бы также неправомерным игнорировать возможность прихода к власти представителей среднего звена армейского офицерского корпуса, осуществляющих непосредственное командование частями и подразделениями сирийских вооруженных сил. Все эти сценарии возможной борьбы за власть имеют право на существование уже в силу того, в этом арабском государстве отсутствует отработанная и опробованная система бесконфликтной смены государственного руководства. При этом со значительной степенью вероятности можно предположить, что на первый план начнет выдвигаться проблема этноконфессионального соперничества внутри сирийского общества.

По оценке на 1990 год, в Сирии проживало около 12 млн. человек[5]. Подобно многим другим арабским странам, современная Сирия обладает достаточно сложным этноконфессиональным составом своего населения. Народы, населяющие Сирию, образуют этноконфессиональные сообщества, среди которых следует особо выделить алавитов, друзов, исмаилитов и др. В настоящее время на территории Сирии проживают следующие этнические группы: собственно сирийцы, удельный вес которых в общей численности населения страны составляет 65%; алавиты – 12%; курды – 8%; друзы – 3%; палестинцы – 3%; армяне – 2%; исмаилиты и черкесы – 2%, а также евреи и туркмены[6]. Что касается конфессиональных групп населения Сирии (по ситуации на конец 80-х годов), то они представлены суннитами – 76% (в частности, собственно сирийцы, курды, палестинцы, а также черкесы и туркмены), алавитами (шиитская секта) – 12%, христианами – 8% (в их числе собственно сирийцы, армяне и палестинцы), друзами (шиитская секта) – 3%, исмаилитами (шиитская секта), которые вместе с алавитами и друзами составляют более 15% всего населения страны, а также незначительной иудейской общиной, объединяющей всех евреев, проживающих в стране[7].

Этноконфессиональный фактор всегда играл весомую роль в сирийском обществе. Однако XX век кардинально трансформировал действие этого фактора, существенно изменив баланс сил и роли различных этноконфессиональных общин как в жизни сирийского общества, так и в функционировании государственных институтов страны. Так, будет интересным отметить, что в период вхождения Сирии в состав Османской империи доминирующую роль в стране играли сунниты, которые традиционно занимали ведущее место в структуре общества, составляя большинство населения страны. Позднее, в условиях французского мандата на Сирию мусульмане-сунниты сохранили свою традиционно лидирующую роль в сирийском обществе. Вместе с тем стала отчетливо проявляться тенденция значительного усиления влияния христианского элемента в государ-

стве, что в какой-то степени было характерно и для последнего периода нахождения Сирии под властью турков-османов.

Однако после вывода французских войск из Сирии в апреле 1946 года ситуация в стране стала коренным образом меняться, в борьбу за власть включались все новые силы. Особенно четко это прослеживается в период военных переворотов в Сирии в конце 40-х – начале 50-х годов, который ознаменовался, прежде всего, борьбой двух этноконфессиональных групп, суннитов и друзов, посягнувших на незыблемость доминирующих позиций крупнейшей этноконфессиональной общины страны. При этом следует обратить особое внимание на весьма знаменательный факт, который заключается в том, что, по существу, за всеми военными переворотами того периода стояло еще одно этноконфессиональное меньшинство – курды, которым удалось значительно сократить влияние друзов в армии, прежде всего в офицерском корпусе. Тем самым возникли условия, в которых, в частности, открылись новые возможности для успешной военной карьеры алавитов. Параллельно следует заметить, что в это время этноконфессиональные меньшинства не были очень заметны в политической сфере. Однако их позиции стали стремительно укрепляться, особенно в сирийской партии Баас. Важно отметить, что создание Объединенной Арабской Республики в результате слияния Сирии и Египта (1958-1961 гг.) весьма благоприятно сказалось на продвижении представителей этнонациональных меньшинств Сирии к вершинам власти. В условиях роспуска всех политических партий и организаций на территории Сирии в период существования ОАР организационные структуры ПАСВ в провинции Латакия, в которой традиционно доминировали алавиты, сохранили свою дееспособность и к моменту развала египетско-сирийского союза 28 сентября 1961 году оставались одной из немногих политических сил, реально способных вести борьбу за власть. Эта тенденция стала очевидной после революции 8 марта 1963 года, которая была совершена баасистами, насеристами и юнионистами и в результате которой власть в стране перешла к ПАСВ.

С этого момента резко возросла роль этноконфессиональных меньшинств, прежде всего алавитов, а также друзов и исмаилитов, выступающих в качестве их основных, но младших партнеров. При этом обращает на себя внимание усиление алавитского влияния в Военном комитете ПАСВ, из 14 членов которого пятеро представляли алавитскую общину, в том числе Мухаммед Умран, Салах Джадид и Хафез Асад. После революции 1963 года в стране начался процесс быстрой замены офицеров-суннитов на офицеров-алавитов, прежде всего на высшем уровне. Так, С. Джадид стал начальником генерального штаба сирийской армии (август 1963-сентябрь 1965 гг.), М.Умран – командиром 70-й бронетанковой бригады, дислоцированной к югу от Дамаска, и т.д.[9] Одновременно усиливалось влияние представителей этнонациональных меньшинств, прежде всего все тех же алавитов, в руководстве ПАСВ в целом. Несмотря на межфракционную борьбу в правящей ПАСВ, вышеупомянутая тенденция не только не ослабевала, но, наоборот, усиливалась.

Окончательно это приобрело завершенные формы 13 ноября 1970 года, когда к власти в Сирии в результате очередного военного переворота, получившего в истории название «исправительного движения» в ПАСВ, пришел алавит Хафез Асад, ставший генеральным секретарем ПАСВ. 22 февраля 1971 года он был избран президентом страны, объединив в своем лице также посты главнокомандующего вооруженными силами и генерального секретаря ПАСВ, а в последующем и председателя Национального прогрессивного фронта[10]. Главной опорой режима Х.Асада стала армия. Именно в это время резко усилился процесс внедрения алавитского элемента в офицерский корпус сирийской армии и сил безопасности[11].

В этих условиях алавиты фактически монополизировали власть в стране. Особая роль алавитской общины в истории сирийского государства последних десятилетий требует более пристального внимания к их истории и догматам их веры.

Этноконфессиональная мусульманская община нусайритов (более позднее их название – алавиты) образовалась в X веке в среде «крайних» шиитов Северной Сирии. Вероучение алавитов основано на исмаилизме с элементами гностического христианства и астральных культов. Эманацией божества считается неразрывная триада Смысл (ма'на) – Имя (исм) – Врата (баб). Она ассоциируется с Луной, Солнцем и небесами и периодически воплощается в пророках, последними из которых были Мухаммед, Али и Салман аль-Фариси. Они верят в переселение душ (танассух) мужчин. По степени посвящения разделяются на 'амма («простые») и хасса («особые»). Алавиты отвергают многие предписания ислама, при обрядах используют вино, однако имеют пищевые запреты (свинина, зайчатина, угорь). Почитают Ису (Иисуса Христа) и ряд христианских «святых», отмечают некоторые христианские праздники. В ритуальном отношении алавиты делятся на подгруппы: хайдария; шамалия или шамсия с центром в Киликии; киблия или камария с центром в Кардахе (Сирия); и гаибия. Все эти отличия от ортодоксального суннитского ислама объясняют ту точку зрения, согласно которой иногда на Ближнем Востоке алавитов лишь формально относят к ответвлению от шиизма, как, впрочем, и к исламу в целом[13].

Алавиты традиционно представлены сельским населением, хотя в последние десятилетия наметилось достаточно сильное стремление к их миграции в города. До последнего времени алавитские районы считались наиболее бедными и неразвитыми в Сирии в силу их географической изолированности, обусловленной горным рельефом местности в зонах их проживания. Сирийские алавиты продолжают сохранять родоплеменные связи, хотя их роль в последние десятилетия несколько ослабла. Как правило, выделяют 4 конфедерации алавитских племен (по степени убывания их численности): кальбия, хаятин, хаддадин и матаура. В силу различных причин внутри алавитской общины прослеживаются противоречия между шейхами религиозными, являющимися вершиной социальной структуры алавитской мусульманской общины, и племенными, между знатными фамилиями и крестьянами. Еще в колониальную эпоху отдельные предста-

вители алавитов благодаря индивидуальным усилиям пытались сделать карьеру на государственной или военной службе. Однако этот процесс резко активизировался после получения Сирией независимости в апреле 1946 года. Именно в этот период, как уже отмечалось, наметилась устойчивая тенденция к вступлению части алавитской молодежи в политические партии и организации. При этом, достигая определенного уровня, алавиты стремились усилить свое влияние в этих структурах за счет окружения себя своими соплеменниками, то есть, опираясь **на** внутриобщинную (или родоплеменную) солидарность[14].

Сирия традиционно считается страной, население которой исповедует достаточно умеренный ислам, которому не свойственны какие-либо радикальные проявления. Более того, сирийское общество в целом характеризуется традиционно прочными светскими воззрениями[15]. Однако нарушение веками складывавшегося баланса интересов различных этноконфессиональных общин страны привело к появлению в Сирии мощного национального движения, выступавшего под исламскими лозунгами и боровшегося за восстановление ведущей роли суннитского большинства. Возникновение этого исламского оппозиционного движения, таившего в себе реальную угрозу правящему режиму, основу которого составили этноконфессиональные меньшинства шиитского толка, главным образом и прежде всего алавиты, пришлось на вторую половину 70-х годов. Таким образом, движение отражало скрытый конфликт внутри сирийского общества, сутью которого стали противоречия между подчиненным положением суннитского большинства страны и политическим доминированием в ней этнонациональных меньшинств, представленных алавитами, друзами, исмаилитами (все три группы относятся к шиитской ветви ислама) и частично христианами. Даже учитывая характерную для сирийского общества толерантность, было бы опасной ошибкой игнорировать определенные этноконфессиональные интересы. Кроме того, в 1976 году Сирия открыто вмешалась во внутриливанский конфликт на стороне правохристианских маронитских формирований против ливанских мусульман и палестинцев. Подобные действия сирийского руководства вызвали недовольство не только некоторых политических сил страны, но даже части вооруженных сил, о чем свидетельствуют аресты среди армейских офицеров в тот период.

Однако, бесспорно, главную опасность для официального Дамаска представляла исламская оппозиция, которая не только предлагала альтернативную ПАСВ модель развития сирийского государства, но и реально угрожала доминированию представителей алавитской общины в нем. Стоит напомнить, что в апреле 1964 года в городе Хама, где были особенно сильны позиции экстремистской организации «Братья-мусульмане», уже вспыхивал антибаасистский мятеж, который был жестоко подавлен[16]. В конце 70-х – начале 80-х годов основу оппозиционного ПАСВ исламского движения вновь составили «Братья-мусульмане». Пик активности исламской оппозиции пришелся на 1979-1982 годы, когда различные религиозно-экстремистские течения страны создали «Объединенный исламский

фронт» (конец 1980 года), в который вошли наиболее воинственное крыло организации «Братья-мусульмане», возглавлявшееся Аднаном Саад ад-Дином Укле, а также более умеренная консервативная исламская оппозиционная группировка под руководством Сайда Хаввы и шейха Али Байнуни. Возникновение ОИФ поставило страну на грань гражданской войны.

10 октября 1980 года было опубликовано первое официальное обращение ОИФ, подписанное его лидером шейхом А.Байнуни. В соответствии с текстом этого заявления в состав Фронта вошли: организация «Братья-мусульмане», Партия исламского освобождения и ряд суфийских группировок, требования которых сводились к созданию исламского государства на территории Сирии и введению шариата в качестве единственного закона страны. В январе 1981 года ОИФ опубликовал свои основополагающие документы: Манифест и Программу исламской революции в Сирии. Говоря об исламской оппозиции того периода, важно обратить внимание на отсутствие в **ее** рядах сплоченности и единства. В частности, следует отметить, что среди «братьев-мусульман» произошел раскол, так как лидер одной из фракций этой организации Иссам аль-Аттар под нажимом влиятельной дамасской буржуазии занял выжидательную позицию и устранился от активного участия в деятельности ОИФ. Однако это не уберегло его от гнева сирийского режима, и впоследствии он был вынужден эмигрировать в Европу. Кроме того, принципиально важно указать на трения между руководителями ОИФ (в частности, Саидом Хаввой) и лидерами исламской революции в Иране[17]. Следует также отметить, что наряду с ОИФ на территории Сирии действовали и другие оппозиционные режиму и организационно самостоятельные от Объединенного исламского фронта исламские группировки, в частности. Фронт освобождения Сирии.

На протяжении нескольких лет в Сирии происходили ожесточенные вооруженные столкновения между полицией и силами безопасности, с одной стороны, и исламистами, с другой. О масштабах этих событий свидетельствует тот факт, что в их эпицентре оказались такие города страны, как Дамаск, Алеппо, Латакия, Хомс, Хама и др.[19] Однако поражение оппозиционного ПАСВ исламского движения было предопределено, даже несмотря на то, что оно якобы опиралось на поддержку со стороны Иордании и ООП. Так, официальный Дамаск обвинил Иорданию в предоставлении исламистам своей территории для создания тренировочных баз, что чуть было не привело к вооруженному конфликту между двумя этими соседними государствами в ноябре-декабре 1980 года[20]. Конец открытому противостоянию между суннитским ОИФ и режимом Х.Асада положили события в Хаме в 1982 году, когда мятежный город был окружен и практически разрушен артиллерией и танками правительственных войск, а жертвами политики «умиротворения» стали, по различным оценкам, от 5 до 10 тыс. человек[21]. Однако на протяжении еще некоторого времени после событий в Хаме в различных районах Сирии отмечались отдельные столкновения между силами безопасности страны и вооруженными группами мусульман-суннитов, как это произошло в Хомсе в начале июля 1983 го-

да[22]. Более того, в июле 1986 года в некоторых зарубежных СМИ сообщалось об аресте 16 сирийских офицеров-суннитов, обвиненных в сотрудничестве с «Братьями-мусульманами» и еще одной суннитской подпольной группировкой «Организация исламского освобождения», якобы финансировавшейся ООП[23]. Тем не менее, разгромив исламскую оппозицию, официальный Дамаск пошел на постепенную нормализацию отношений с некоторыми ее видными деятелями. В январе 1985 года МВД Сирии амнистировало членов организации «Борющийся авангард», возглавлявшейся Аднаном Саад ад-Дином Укле и сложившей оружие. В соответствии с этим актом многие члены упомянутой организации были выпущены из тюрем, часть бежавших из страны исламистов вернулась в Сирию[24]. Однако большинство руководителей разрозненной исламской оппозиции, включая «Братья-мусульмане», осталось за рубежом, продолжив борьбу, в основном пропагандистскую, против баасистского режима.

К концу 80-х годов в стране насчитывалось до 12 нелегальных оппозиционных ПАСВ политических партий и организаций, включая ассоциацию «Братьев-мусульман», подозревавшуюся в получении поддержки со стороны Ирака, ООП и некоторых кругов Иордании. Однако в своем большинстве современная оппозиция правлению Х.Асада придерживается секуляристских, левых или националистических позиций[25].

Относительно спокойная и стабильная политическая ситуация в Сирии не должна создавать иллюзию полного мира в сирийском обществе. «Мягкий авторитаризм» президента Х.Асада, подкрепленный его бесспорным авторитетом внутри страны и за ее пределами, является в настоящее время, пожалуй, единственным фактором, препятствующим возникновению в стране крупномасштабного этноконфессионального конфликта. При этом важно отметить, что у нынешнего режима в Сирии сохраняется шанс избежать этого в том случае, если ему удастся решить триединую задачу, вставшую перед обществом и государством на пороге нового столетия и заключающуюся в плавном протекании бесконфликтного процесса передачи власти и выработке новой экономической модели развития. При этом было бы ошибочным акцентировать чрезмерно большое внимание на проблеме демократизации внутренней жизни в Сирии как третьей задаче в современном развитии Сирии. Вероятно, проблема развития демократии в развивающихся странах, на чем настаивает Запад, выглядит не столь бесспорной, если платой за это должна стать стабильность не только в отдельно взятой стране, например, в Сирии, но и во всем Ближневосточном регионе, занимающем важное место в системе глобальной безопасности.

[1] *Сулейман Абу Дияб.* Опыт ПАСВ в организации политического пространства Сирии. // Арабские страны. Проблемы социально-экономического и общественно-политического развития. – М., 1995. – С. 138; *Филоник А.* Курс остается прежним. // Азия и Африка сегодня. – 1996. – № 4. – С. 19.

[2] The Economist, 1999, vol. 351, № 8116, с. 44.

[3] The Economist, 1995, vol. 334, № 7896, с. 45; US News & World Report, 1999, vol. 126, № 7, с. 42; Drysdale, Alasdair. The Succession Question in Syria. // The Middle East Journal (MEJ), 1985, vol. 39, № 2, с. 247.

[4] Независимая газета. 10.08.1999; НГ – Фигуры и лица. 13.07.1999. – № 6. – С. 7; Contemporary Review, April 1999, vol. 274, № 1599, с. 171; US News & World Report, 08.02.1999, vol. 126, № 5, с. 42.

[5] Syria Unmasked: The Suppression of Human Rights by the Asad Regime. New Haven, 1991, с. XIX.

[6] Dam, Nikolaos van. The Struggle for Power in Syria. New York, 1979, с. 15; Syria Unmasked…, с. XIX, 90.

[7] Syria Unmasked…, с. XIX, 90.

[8] *Нинушин А.О.* Императивы авторитаризма и демократизация в политической жизни Сирии. // Арабские страны. Проблемы социально-экономического и общественно-политического развития. М., 1995. – С. 159; Dam, Nikolaos van. The Struggle for Power…, с. 41-42; The Political Role of Minority Groups in the Middle East, New York, 1979, с. 37, 41-42, 127.

[9] *Медведко Л.* Счастливая звезда Хафеза Асада. // Азия и Африка сегодня. – 1996. – № 4. – С. 11; Dam, Nikolaos van. The Struggle for Power…, с. 21, 42; The Political Role…, с. 37, 42, 129.

[10] *Медведко Л.* Указ. Соч., с. 13; Dam, Nikolaos van. The Struggle for Power…, с. 88; The Political Role…, с. 42; Syria Unmasked…, с. XIX.

[11] *Нинушин А.О.* Указ. соч., с, 176; Syria Unmasked…, с. 3.

[12] The Political Role…, с. 20-22, 36; Ислам: Энциклопедический словарь. – М., 1991. – С. 194.

[13] Humphreys, Stephen. Islam and Political Values in Saudi Arabia, Egypt and Syria. // MEJ, Washington, 1979, vol. 33, № 1, с. 15.

[14] The Political Role…, с. 19, 22-26, 28, 35-36.

[15] Humphreys, Stephen. Islam and Political Values…, с. 13.

[16] Ислам. Энциклопедический словарь. – М., 1991. – С. 34.

[17] *Ахундова Н.Ч.* Об организации «Исламский фронт» в Сирии.// Проблемы современной советской арабистики. Ереван, 1988. – С. 82-85; *Нинушин А.О.* Указ. соч., 1995, с. 172, 178; Сулейман Абу Дияб. Указ. соч., с. 136; *Филоник А.* Курс остается…, с. 15; *Филоник А.* Хафез Асад: призвание -гражданин. // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. М., 1997. – С. 320, 324; Syria Unmasked…, сс. XIII, 3-8, 18-21.

[18] MEJ, Washington, 1981, vol. 35, № 2, с. 226-227.

[19] MEJ, Washington, 1979, vol. 33, № 4, с. 491; MEJ, Washington, 1980, vol. 34, № 1, с. 59; MEJ, Washington, 1982, vol. 36, № 4, с. 580.

[20] MEJ, Washington, 1981, vol. 35, № 2, сс. 226-227.

[21] Drysdale, Alasdair. The Succession Question…, с. 248.

[22] MEJ, Washington, 1983, vol. 37, № 4, с. 671.

[23] MEJ, Washington, 1986, vol. 40, № 4, с. 716.

[24] Syria Unmasked…, с. 36.

[25] Ibid, с. VII, 34-35.

В.И.Сажин

ИРАНСКАЯ «ПЕРЕСТРОЙКА» И США
(К постановке вопроса)

Ушедший 1378 год по иранскому солнечному календарю был юбилейным для Исламской Республики Иран (ИРИ). Страна, имеющая почти 3000-летнюю историю государственности, отпраздновала двадцатилетие исламско-республиканского правления. В феврале 1979 года рухнул амбициозный проамериканский шахский режим, победила исламская революция. Иранский народ, воодушевленный новыми идеями аятоллы Хомейни, на референдуме проголосовал за исламскую республику. 1 апреля 1979 года была официально провозглашена Исламская Республика Иран. В мире появилось уникальное государственное образование, объединившее теократические и общепринятые республиканские формы. В ИРИ наряду с демократично избираемыми органами власти (президент, парламент, местные советы) конституционно закреплялась власть Духовного лидера, который представал как бы в трех ипостасях: Факиха – религиозного лидера шиитов, Рахбара – вождя нации, Верховного Главнокомандующего. Таким образом, Духовный лидер сосредоточил в своих руках практически неограниченную религиозную, административно-государст-венную и военную власть в стране. При лидере было сформировано несколько сугубо теократических институтов: Совет по охране конституции, Совет по определению государственной целесообразности, Совет экспертов, Совет по политике возрождения, Совет по культурной революции. Все они в той или иной степени призваны контролировать «светские» (конечно, для исламского Ирана данный термин достаточно условен) органы власти, тем самым защищая исламские устои государства. Особые, исламские формы приняла и военная организация нового иранского государства. Не доверяя до конца бывшей шахской армии, даже «вычищенной» от монархистских элементов и значительно исламизированной, шиитское руководство создало Корпус стражей исламской революции (КСИР), который за короткий срок из милиционных, иррегулярных формирований (подобно штурмовым и охранным отрядам нацистской Германии) превратился в мощную военную структуру, по многим показателям превосходившую армию. Шахскую охранку «САВАК» сменила не менее радикальная исламская тайная полиция безопасности «САВАМА». В стране господствующее положение заняла одна идеология, одно мировоззрение, одна партия – партия бога (хезболла). Таким образом, иранское духовенство построило жесткую струк-

туру своей власти, которую вполне можно охарактеризовать как идеологизированный, тоталитарный режим.

В первые годы своего существования этот режим жестоко расправлялся с инакомыслящими, до основания разрушал шахские институты, вел яростную «холодную войну» с «большим шайтаном» – США, с «малым» – Израилем, со всем мировым империализмом («черным» и «красным»), с продавшимися Западу «неправильными мусульманскими режимами», позже – «горячую войну» с саддамовским Ираком. Одновременно иранское духовенство, взявшее власть в стране, активно проводило политику экспорта исламской революции по иранскому образцу. Однако, как и любой тоталитарный режим, шиитский режим в ИРИ был эффективен лишь в чрезвычайных ситуациях: революционный слом старого строя, уничтожение политических противников, восьмилетняя война с Ираком, мобилизационная экономика. Но хорошо известно, что штыками нельзя ничего построить, в том числе и новое общество, о котором постоянно говорил аятолла Хомейни.

После окончания ирано-иракской войны стало ясно, что ресурсы жесткой системы, отличающей исламский режим, созданный аятоллой Хомейни, были исчерпаны. Для дальнейшего развития и укрепления его требовались реформы. Это отчетливо понимали сторонники «умеренного исламизма», во главе которых с мая 1997 года стоит президент ИРИ Мохаммад Хатами. Их назвали прагматиками, считающими, что продолжение революционной политики начала 80-х годов ведет к гибели режима. Как полагали и полагают иранские реформаторы, Ирану необходимы кардинальные реформы, но… только в рамках исламской государственности. И к счастью сторонников Мохаммада Хатами, иранский народ, несмотря на известные экономические трудности, сопряженные с реформами, а также тотальное религиозно-идеологическое давление, идущее прежде всего от ортодоксальных последователей жесткого курса, не захотел еще глубже погрузиться в средневековый ислам, не захотел отгородиться идеологической стеной от всего мира. За три последних года сторонники президента Хатами одержали судьбоносные победы: на выборах президента ИРИ в 1997 г., на муниципальных выборах в 1999 году и в феврале 2000 года – на выборах в высший законодательный орган страны – меджлис.

Продуманный и осторожный политический курс президента Хатами, направленный во внутренней жизни на активизацию реформ, расширение сферы демократии, во внешней политике – на прорыв полублокады, на выход из самоизоляции, на открытость исламского Ирана всему миру и при всем этом избегающий опасной демонстративной конфронтации с исламско-фундаменталистскими кругами внутри страны, вызывает одобрение в мире. На Западе президента ИРИ уже называют «Горбачев-аятолла». Однако в отличие от Горбачева Мохаммад Хатами не идет на радикальные шаги. Он пытается реформировать режим, не меняя его «несущих конструкций», оставляя незыблемыми идеологические опоры.

Во внутренней политике Хатами, не посягая на основополагающие принципы системы, созданной основателем ИРИ аятоллой Хомейни, пытается лишь «очеловечить» ее, реформировав наиболее одиозные элементы, доставшиеся в наследство от первых ура-революционных лет формирования исламско-республиканского режима. Президент Хатами стремится вложить в режим новое современное содержание, отвечающее политическим, экономическим и технологическим вызовам эпохи. Справедливости ради надо отметить, что в ИРИ при Хатами на расширяющемся поле политического и экономического либерализма стали все активнее пробиваться ростки демократических свобод, именно в общечеловеческом, а не узко шиитском понимании этих явлений.

Именно поэтому при президенте Хатами стали особенно заметны эволюционные изменения исламского режима. Так, активно развивалась и демократизировалась политическая система. Имело место позитивное реформирование вооруженных сил. КСИР утратил свои привилегии и стал вровень с армией. Прошедшие в течение последних трех лет общенациональные выборы наглядно показали, что в Исламской Республике Иран сформирована и действует демократическая система выборов, применяемая всеми цивилизованными государствами современности. В Иране, как и во всех подобных странах, идет нормальная политическая борьба, иногда жестокая, иногда ведущаяся на грани фола, но все же открытая борьба между различными политическими силами за обладание рычагами властного управления. Причем в отличие от других мусульманских государств в Иране женщины не только имеют право голоса, но они избираются в парламент. Кстати, в число правомочных избирателей включена и 16-летняя молодежь, чего нет даже в самых демократических странах мира. Это показатель большого доверия нынешнего руководства ИРИ к политической и гражданской сознательности подрастающего поколения.

Иранская экономика также получила от реформ хороший импульс. Активно проводится приватизация, совершенствуется система кредитования частного сектора, облегчаются правила деятельности иностранного капитала. Конечно, перед Хатами и его правительством стоит масса экономических проблем. Однако к настоящему времени позитивные оценки экономического состояния ИРИ явно перевешивают эти проблемы и позволяют прогнозировать углубление реформ.

Во внешнеполитической сфере, выдвинув идею «диалога цивилизаций», Мохаммад Хатами внес чрезвычайно позитивное, миротворческое начало в проблему взаимосвязей цивилизаций. Это более оптимистичный взгляд в будущее в отличие от взглядов знаменитого Сэмюэля Хантингтона, считающего, что «столкновение цивилизаций будет доминировать в мировой политике». По сути, президент Ирана декларирует новую редакцию «политики мирного сосуществования», которую провозгласил лидер СССР Н.С.Хрущев в конце 50-х годов.

Новый внешнеполитический курс Мохаммада Хатами, безусловно, способствовал и способствует выходу ИРИ из изоляции, куда, собственно,

и завел страну сам радикальный фундаментализм своей целенаправленной политикой самоизоляции, господствовавшей в стране в первое десятилетие под лозунгами: «Ни Восток, ни Запад! Исламская революция!», «Ни Восток, ни Запад! Исламская республика!». Понимая пагубность для страны «политики осажденной крепости», президент Ирана за время своего пребывания на этом посту целенаправленно и плодотворно проводит курс на придание своей стране нового имиджа. Он пробивает дверь в Европу, повышает уровень ирано-российских отношений до партнерских, осуществляет активную внешнюю политику во всех уголках Земли, эффективно действует в рамках международных организаций. Важным шагом президента стала инициатива по поднятию «железного занавеса», отделявшего Исламскую Республику Иран от многих арабских государств. Новая внешняя политика Хатами – это прорыв и успех иранской дипломатии, результатом которого станет, вне всякого сомнения, улучшение связей Ирана с большинством стран в различных областях, укрепление международного авторитета ИРИ и, как результат, – усиление экономического и военного потенциала страны.

При этом нельзя не отметить, что в изменении взглядов Запада на Исламскую Республику Иран есть немалая доля заслуги и России, которая всегда, несмотря на сильное давление со стороны прежде всего США, не порывала отношений с ИРИ. Более того, и в Европе, и на других континентах Москва выступала и призывала мировое сообщество на равных воспринимать исламский Иран. Позиция России исходила и исходит из простой истины: нельзя создавать вокруг Ирана «китайскую стену». Это автоматически рождает у находящихся внутри комплекс осажденной крепости, что в свою очередь ведет к появлению у иранцев чувства замкнутости, враждебности, ненависти ко всему чужому. И вот именно в таких условиях и может вызреть та самая «исламская угроза цивилизованному миру», о которой твердят американцы. И наоборот – активная роль страны в мировом сообществе, разносторонние политические, экономические, культурные, спортивные и все другие связи с различными государствами, обмен информацией, идеями постепенно открывают традиционное, закрытое общество, делают невозможным государственный экстремизм. Эти процессы, катализируемые всемирным радио, глобальным спутниковым телевидением, Интернетом, размывают и разоблачают основы социальной лжи, всеобщей централизованной идеологической и морально-политической обработки населения, что составляет базу тоталитаризма, порождающего и исламский экстремизм, и экспансионизм. Более того, они лишают возможности носителей подобных идей пропагандировать их и осуществлять свои опасные замыслы.

В рамках внешнеполитической деятельности Мохаммада Хатами и его сторонников «американский вопрос» занимает особое место. Антиамериканизм – это краеугольный камень господствующей в Исламской Республике Иран идеологии хомейнизма. Ортодоксальный Иран не мог по определению уклониться на миллиметр от антиамериканской политики.

Но Иран либералов-прагматиков, проводя в рамках реформ президента Хатами политику открытых дверей, делает знак США о готовности к обсуждению ирано-американских проблем, предоставляет Америке шанс на примирение. И, надо отметить, что инициатива Тегерана находит понимание в Вашингтоне. В марте сего года был зафиксирован новый всплеск ирано-американских отношений. Соединенные Штаты объявили об ослаблении торговых санкций в отношении Ирана. Был снят запрет на импорт американской стороной иранских ковров, черной икры, фруктов и фисташек. Кроме того, Вашингтон согласился рассмотреть с Тегераном ряд взаимных финансовых претензий, в частности, по поводу «замороженных» в 1979 году иранских авуаров в банках США. Администрация Клинтона приняла также решение продолжить расширение контактов с Ираном в научной, культурной, спортивной областях и по линии неправительственных организаций.

Это был третий за последнее время всплеск. Первый – после сенсационного интервью президента Мохаммада Хатами американскому телеканалу Си-Эн-Эн в начале 1998 года, когда недавно избранный президент ИРИ впервые за 18 лет после исламской революции предлагал «разрушить стену недоверия» между ИРИ и США. Второй – в августе 1998 года после письма американского президента Клинтона президенту Ирана Хатами, в котором глава администрации США наметил перспективу улучшения отношений между двумя странами. И вот, третий – после абсолютной победы сторонников президента Хатами на парламентских выборах в феврале 2000 года.

В чем причина эволюции взглядов друг на друга двух, как казалось, «вечных врагов»?

Объективный анализ нынешней политики Ирана и США, их позиций по многим политическим, идеологическим вопросам свидетельствует о том, что сближение позиций двух стран и в теоретической плоскости, и в политической практике – вроде бы не акция ближайшего будущего. Оставим пока в стороне перспективы финансово-экономических выгод двух стран (прежде всего, конечно, Ирана) от возобновления контактов. Они, безусловно, важны, серьезны и значительны по своим масштабам. А для Ирана вообще имеют, как нам кажется, явно приоритетные побудительные мотивы. Однако в случае с американской стороной дело обстоит не так просто. Всем давно известно, что в мире есть вещи, которые важнее и серьезнее материальных стимулов. И одна из таких «вещей» – ***власть***, стоимость которой выше материальных благ и которая в итоге приносит значительно больше дивидендов.

Сегодня, накануне нового тысячелетия Соединенным Штатам крайне необходимо укрепить свою власть в Западной Азии, где в последнее время по разным причинам Америка не имеет того безоговорочного влияния, которым обладает во многих регионах планеты. Но национальные интересы США, исходящие из концепции однополярного мира, требуют глобального американского контроля. Однако именно в Западной Азии Иран, этот

«вечный враг» США, играет ведущую роль. Он занимает важнейшее военно-стратегическое положение, являясь одновременно и средневосточной, и кавказской, и центральноазиатской, и каспийской страной, страной, омываемой водами Персидского и Оманского заливов Индийского океана. Все болевые точки региона так или иначе сопряжены с Ираном. Большинство, казалось бы, сугубо внутренних проблем отдельных частей региона, – будь то этнические или религиозные, военные или экономические, проблемы беженцев и наркобизнеса, проблемы терроризма и сепаратизма, – могут эффективно решаться только при содействии Исламской Республики Иран. Излишне напоминать, что Иран как источник углеводородных природных ископаемых, а также как территория транспортировки нефтегазопродуктов обладает абсолютной ценностью. И в Вашингтоне все это хорошо понимают. Причем, понимают по-разному. Одни представители американского истеблишмента считают, что исламский Иран надо задавить санкциями и блокадой, другие полагают, что после ряда внушительных побед «умеренных исламистов» на иранской внутриполитической сцене у Штатов есть шанс приручить непокорных шиитов.

Не секрет, что заблокированный и ожесточенный исламский Иран нужен Соединенным Штатам по многим причинам: политическим, геополитическим, экономическим. Жупел агрессивного Ирана способствовал Вашингтону в нагнетании обстановки вокруг ИРИ и тем самым вынуждал соседние с ней страны просить у США помощи и защиты от исламской угрозы, укрепляя позиции Америки и обеспечивая ее присутствие в регионе. В течение последних лет целью политики США в Западной Азии было создание американской сферы влияния на южном фланге России с опорой на Турцию, Азербайджан, Грузию, а также некоторые бывшие советские республики Центральной Азии. Причем средствами достижения стратегической цели была минимизация роли Ирана (а также России) в этом регионе, в частности посредством возрождения древнего «Шелкового пути», правда, по своему варианту, направляющему торговые потоки, а также нефте- газопроводы исключительно в обход территорий Ирана и России.

Одновременно антииранские экономические законы, принятые в США, де-факто распространенные и на их союзников, сдерживают выгодные для Западной Европы связи с ИРИ и играют на руку американцам. Однако даже самые ближайшие союзники США наконец уяснили то, что доказала международная политическая практика последних лет и о чем без устали говорила Москва: без участия 70-ти миллионного Ирана не могут быть решены многие мировые и региональные проблемы: борьба с наркобизнесом, кризис в Афганистане, национальное примирение в Таджикистане, стабилизация на Кавказе, ближневосточное урегулирование и в более широком плане – наведение мостов и ведение диалога между цивилизациями.

Новый прагматистский внешнеполитический курс президента Хатами, принесший значительные успехи Ирану особенно в Европе, арабском мире, в международных организациях, внес определенные коррективы в политику США по отношению к Исламской Республике Иран. Более того, влиятель-

ные деловые круги в США (прежде всего нефтяной и финансовый бизнес) осознали, что Иран открывается миру, что, несмотря на мощное давление Вашингтона, конкурирующие европейские, азиатские, российские компании успешно начали осваивать иранский рынок. Америка оказалась в положении, когда создаваемая ею блокада рушится, а реальных позиций в Иране у нее нет. Необходимы решительные шаги в сторону Тегерана.

Однако процесс нормализации ирано-американских отношений в силу многих внутриполитических причин, существующих прежде всего в ИРИ, не может не быть постепенным и относительно длительным. Но США не могут ждать. Ведь, сегодня они на обочине дороги, ведущей к Ирану. Они опаздывают в успешно осваиваемый конкурентами регион. Поэтому вскоре после победы реформатора – либерала Хатами на президентских выборах 1997 года Вашингтон предпринял титанические усилия для ускорения этого процесса. Причем чем больше побед одерживает Мохаммад Хатами в политических битвах, тем сильнее и целенаправленнее давление США. Иностранные аналитики отмечают, что недавнее решение Вашингтона о смягчении санкций по отношению к Ирану, неслучайно совпало с победой сторонников президента Хатами на выборах в меджлис.

Дело заключается в том, что в Иране, как и в США, есть силы, которые выступают как за нормализацию, так и против нее. Причем каждая из группировок в ИРИ находит вполне убедительные доводы для подтверждения абсолютной правильности своих позиций. Так, Духовный лидер ИРИ аятолла Хаменеи неоднократно заявлял, что Тегеран не намерен восстанавливать дипломатические отношения с США, при этом подчеркивая, что «Америка больше и богаче Европейского Союза, но Иран никогда не стремился к отношениям с ней, поскольку двусторонние отношения должны быть дружескими, основывающимися на взаимном уважении, и быть свободными от вмешательства в дела друг друга». Это мнение консерваторов-фундаменталистов. С другой стороны, лидер либерально-реформистских кругов президент Хатами является выразителем идей той части политико-государственной и деловой элиты ИРИ, которая видит определенные выгоды от нормализации отношений с Америкой. Такие разные подходы, конечно, не цементируют иранское общество. Более того, консерваторы считают инициативы ОПТА, направленные на нормализацию отношений, как попытку американцев внести раскол и дестабилизацию в иранское общество. Так, секретарь Высшего совета национальной безопасности Хасан Рухани расценил подобные шаги Вашингтона как «недопустимое вмешательство во внутренние дела страны». А в обращении Корпуса стражей исламской революции говорится, что все это представляет собой «настойчивые попытки Белого дома спровоцировать кризис в Иране». В то же самое время иранский МИД в целом позитивно рассматривает американскую инициативу. Раскол, действительно, наблюдается.

А выгодно ли это Ирану? В политическом, идеологическом, гуманитарном плане, в ракурсе проблем независимости? Конечно, экономика и финансы – это серьезные аргументы.

Однако…

…По утверждению иранской газеты «Кейхан», высказанному ею еще почти год назад в момент «второго всплеска «любви» США к Ирану», «примирительные признания вашингтонской администрации в адрес Тегерана скорее напоминают действия охотника, расставляющего силки на дичь».

Так насколько вероятна возможность нормализации ирано-американских отношений?

В этой связи примечательны мнения независимых экспертов-политологов, которые полагают, что в ближайшие два года сближение двух стран будет реальностью. Однако следует подчеркнуть, что большое значение для перспектив ирано-американских отношений будут иметь три момента: во-первых, – результаты выборов президента США, во-вторых, – жизнеспособность и эффективность либеральных реформ в Иране, в-третьих, (быть может, самое главное), – мнение Духовного лидера аятоллы Хаменеи. Его верховное место в государственной иерархии, его последнее слово при принятии всех важных государственных решений при любых ситуациях станут определяющими во внешнеполитическом курсе Ирана. Захочет ли аятолла Хаменеи, который отвергает любые переговоры и связи с США, поступиться основополагающим идеологическим принципом Исламской Республики – антиамериканизмом – для получения неясных пока материальных выгод? Вот в чем вопрос.

В принципе, велика роль аятоллы Хаменеи не только в важном, однако, относительно частном вопросе «Иран-США», но и в целом – в судьбе «иранской перестройки».

Не ждет ли президента-реформатора Хатами провал на пути перестройки исламского общества в Иране? Предпосылки есть. Во-первых, Хатами, являясь человеком № 2 в иерархии иранского истеблишмента, не обладает всей полнотой власти. Основные решения все-таки по-прежнему принимаются консервативными фундаменталистами, в руках которых, несмотря на триумфальные победы реформаторов, все еще находятся многие рычаги управления всеми сферами жизнедеятельности государства. Во-вторых, не Хатами, а верховный Духовный лидер ИРИ аятолла Али Хаменеи, ставший наследником умершего лидера революции и основателя Исламской Республики имама Хомейни, контролирует оборонную политику, специальные службы, судебную систему и примерно 80% экономики Ирана через исламские революционные фонды. Однако у президента ИРИ Хатами есть надежда – молодежь, составляющая около 65% населения страны. Именно она является активной сторонницей президентских реформ и составляет главный оплот Хатами в народе. Значит, у «иранской перестройки» есть будущее, так же как и у ирано-американских отношений.

***

Ирано-американские отношения – важнейшая и сложнейшая проблема современной международной обстановки. Эта проблема требует тщательного всестороннего анализа с учетом всех составляющих и факторов, на них воздействующих.

В целом следует констатировать, что проблема нормализации ирано-американских отношений имеет как бы три пространственных уровня: двусторонний, региональный и глобальный. Одновременно сам процесс ирано-американского сближения делится на временные этапы, характеризуемые качеством отношений на каждом из них. Этот процесс укладывается в диапазон от взаимной вражды в прошлом до предполагаемого восстановления дипломатических и всех других видов отношений в будущем. Причем на каждом этапе на этот процесс оказывают влияние особенности внутриполитической обстановки в ИРИ и США, военно-политические и экономические условия в регионе Западной Азии, а также в мире.

В плане воздействия ирано-американских отношений на внешний мир, представляется чрезвычайно актуальным научный прогноз последствий влияния сближения ИРИ и США на российско-иранские и российско-американские отношения, на расклад сил в кавказском, каспийском и центральноазиатском регионах, в Персидском заливе, на Ближнем Востоке (по вектору Израиль-арабские страны), на ситуацию в арабском и в целом – мусульманском мире. Важен также и экономический аспект ирано-американских отношений: их влияние на мировой рынок нефти, на взаимодействие (конкуренцию!) различных стран в Иране и так далее.

Данные заметки есть попытка обрисовать контуры проблемы взаимосвязи успехов «иранской перестройки» и процесса нормализации ирано-американских отношений.

(Статья написана по материалам ИТАР-ТАСС, РИА Новости, Радио «Голос России», Агентства Рейтер.)

Е.И.Уразова

К ОЦЕНКЕ РОЛИ ИСЛАМСКИХ ИДЕЙ И КАПИТАЛОВ В ТУРЕЦКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Как известно, став республикой, Турция избрала светский путь развития. Отказавшись от норм шариата, в том числе и хозяйственных, турецкое руководство заменило их законодательством, регулирующим экономическую жизнь в соответствии с нормами и понятиями, принятыми в европейских странах. Это законодательство постоянно совершенствовалось и распространялось на все сферы экономики – также с использованием западных образцов, благодаря чему в стране сформировались ныне действующие экономические институты и правила поведения; по европейским экономическим моделям с учетом специфики развивающейся страны шло становление местного предпринимательства.

Оживление ислама, происходящее в последние десятилетия в Турции, возрождение общественного интереса к его ценностям нашли отражение как в экономических доктринах исламских политических партий, так и в возрастающей активности исламского капитала, пользующегося поддержкой международных исламских организаций и фондов отдельных мусульманских стран.

Намерения турецких исламистов, в том числе и по реформированию экономической жизни страны в соответствии с шариатскими нормами, и реальные возможности их воплощения наиболее полно обнаружили себя в середине 90-х годов, когда исламская Партия Благоденствия (далее – Рефах) на волне общественного недовольства ухудшением условий жизни стала пользоваться поддержкой растущей части населения и сумела войти во власть как на местном, так и на общегосударственном уровнях. Функционеры Рефах заняли посты мэров в ряде турецких городов, в том числе – крупнейших (Анкара, Стамбул), а ее лидер – Неджметтин Эрбакан – в течение года (июль 1996-июнь 1997) возглавлял коалиционное правительство, сформированное Рефах совместно с Партией верного пути (Догру йол партиси), которое в просторечье стали называть Рефахйол.

Коротко об экономической ситуации, сложившейся в это время в стране. В 80-90-е годы в турецкую экономическую стратегию были внесены существенные изменения. Экономика Турции, которая ранее в течение десятилетий базировалась на государственном предпринимательстве и администрировании, начала переводиться на рыночную основу, стала более конкурентоспособной на мировом рынке. Это способствовало быстрому росту и укреплению частного предпринимательства, в первую оче-

редь – ориентированного на внешние рынки и сотрудничество с иностранным капиталом. Увеличение накоплений благодаря поддержанию низкого уровня оплаты труда и различным видам государственной поддержки и субсидирования, а также расширившимся возможностям привлекать средства с зарубежных денежных рынков, привело к быстрому росту промышленных отраслей и сферы услуг. Формирование современных холдинговых компаний, модернизация кредитно-банковской системы, инфраструктурное строительство сопровождалось быстрой интеграцией турецкой экономики в мировую хозяйственную систему, расширением торгово-экономических связей как со странами Запада, так и Востока. Особенно следует отметить налаживание Турцией торгово-экономического сотрудничества с соседними арабскими странами-производителями нефти.

Вместе с тем экономический рост, основанный на углублении рыночных отношений и интеграционных процессов с внешним миром, в силу ряда причин сопровождался ухудшением условий жизни значительной части населения страны. Гиперинфляция, рост безработицы, низкая оплата труда, слабая социальная защищенность вызвали недовольство не только среди бедных, но и у средних слоев. Турция оказалась в числе стран с наиболее несправедливым распределением доходов[1].

Большой ущерб турецкой экономике нанесла война в Персидском заливе. Хотя Турция не принимала в ней непосредственного участия, ее потери от сокращения торговли, строительных подрядов, транзита, туризма и других видов деятельности официально исчислялись более чем в 30 млрд. долл.[2] В 1994 – первой половине 1995 годов Турция пережила серьезный финансовый кризис, сопровождавшийся сокращением промышленного производства, усилением инфляции, которая еще больше обнажила острые экономические и социальные проблемы.

В условиях массового недовольства политикой правительства, просчеты которого при проведении рыночных реформ явились основной причиной многих трудностей, местные исламисты при финансовой поддержке из-за рубежа[3] расширили свою пропаганду, свои нападки на устои светской власти, в том числе на ее прозападный курс, подкрепляя это благотворительными подачками обездоленным слоям населения. Общественно-политическое влияние исламистов в стране быстро возрастало, что наглядно отражали успехи Рефах на местных и парламентских выборах: в 1987 г. за нее проголосовало лишь 7,2% избирателей, в 1989 г. – уже 9,8%, в 1991 г. – 16,9%, в декабре 1995 г. – 21,4%[4] – больше чем за какую-либо светскую политическую партию в стране.

Резко критикуя своих политических противников – особенно Партию Отечества (ПО) и Партию верного пути (ПВП) – главных инициаторов рыночных реформ по рецептам МВФ и Всемирного банка, – Рефах призывала добиваться «подъема нации до уровня современной цивилизации», опираясь на национальные культурно-исторические традиции и духовные ценности ислама.

Признавая, что основным условием такого подъема является создание сильной современной экономики, исламские экономисты не смогли

выработать цельную экономическую концепцию, а ограничились отдельными лозунгами и положениями, частично совпадавшими с установками светских партий.

Еще ранее в борьбе за голоса избирателей Рефах заговорила о своем намерении в случае прихода к власти установить «справедливый экономический порядок» (адиль дюзен). В книге Н.Эрбакана, опубликованной под этим названием, действующая в стране экономическая система была охарактеризована как «рабский порядок» (келеси дюзен), пораженный пятью вредоносными микробами: процентом, несправедливыми налогами, режимом обмена валюты, монетным двором и банковской системой. «Когда мы придем к власти,– писал Эрбакан – мы сразу начнем преобразования, которые избавят Турцию от этих микробов»[6]. Эрбакан и другие исламские функционеры заявляли себя ярыми противниками прозападного курса, выступая против членства Турции в ЕС, ее сотрудничества с западными финансовыми структурами. Свою страну – Турцию они видели в семье исламских государств в качестве одного из ее лидеров. В то же время они рассчитывали на расширение исламских кредитов и прямых вложений в турецкую экономику, поставку энергоносителей в обмен на турецкие товары, строительные и транспортные услуги.

Идеи установления «справедливого экономического порядка», находившие отклик среди полуграмотных слоев населения, верующих мусульман, так же как и планы исламистов переориентировать экономические связи страны с Запада на Восток, всегда критически и скептически оценивались турецкой европеизированной бюрократией, большей частью военной и предпринимательской элиты, которая видела в ней чистый популизм исламского толка, а то и пустую фантазию. И на это имелись основания, так как уже сложившийся капиталистический уклад турецкой экономики и всех ее институтов практически сделал необратимыми результаты курса кемалистов на вестернизацию, в том числе – экономическую.

Современная Турция обладает по всем основным параметрам сходной с европейской, хотя и менее развитой периферийной экономической системой, о перестройке которой в соответствии с исламскими нормами, тем более трактуемыми в традиционном, подчас близком к средневековью духе, серьезно говорить не приходится.

Действующие в стране предприятия, принадлежащие исламскому капиталу, занимают в турецкой экономике маргинальное место. Их сфера – высокоприбыльные отрасли с быстрым оборотом капитала: легкая и обрабатывающая промышленность, строительство, туризм, торговля, сделки с недвижимостью. Большинство из них создано в последние десятилетия близкими к Рефах лицами с привлечением средств зарубежных исламских общественных и частных фондов и инвестиционных банков и компаний.

О последних следует сказать особо. Еще в начале 80-х гг. известные арабские инвестиционные группы – «Аль Барка» и «Фейсал Файнэнс» – вступили в контакт с турецким руководством по поводу создания в Турции своих дочерних отделений. После необходимых подготовительных работ в

начале апреля 1985 г. состоялись церемонии (с традиционным жертвоприношением барана) открытия таких отделений, и они приступили к работе.

Это событие положило начало созданию исламского подразделения турецкой банковской системы, получившего название «специальных финансовых институтов» (озель финанс куруму), иногда еще их называют «домами» или «беспроцентными банками»,так как они в соответствии с исламским запретом на «риба» не взимают и не начисляют процентов по своим депозитным и кредитным операциям, а предлагают своим клиентам «участие в прибылях и убытках». Позже возникло еще несколько подобных заведений, работающих согласно исламским нормам (во второй половине 90-х годов их насчитывалось пять), – к уже названным выше прибавились «Ихляс Файнэнс», «Кувейт – Тюрк» и «Анадолу финанс».

Внедряясь на турецкий рынок, исламские инвестиционные компании рассчитывали на то, что их финансовые услуги привлекут многих турецких граждан, являющихся правоверными мусульманами и с религиозной нетерпимостью относящихся к ссудному проценту, а также на то, что их турецкие филиалы будут содействовать расширению связей Турции с арабским миром.

Их деятельность в определенном смысле преследовала и политические цели, вытекавшие, в частности, из устава международного финансового дома «Дар Аль-Мааль Аль-Ислами», в подчинении которого находится «Фейсал Файнэнс». В уставе содержится положение о необходимости содействия «религиозному, политическому и культурному воссоединению с исламским миром»[7], которое с самого начала вызывало настороженность турецких сторонников светского государства и сводило к минимуму официальную поддержку «специальных финансовых институтов», тем более, что в их руководстве закрепились некоторые происламские деятели, функционеры партии Эрбакана[8].

Последующее развитие событий как во внутренней жизни страны, в частности, связанное с процессами открытия ее экономики и создания на ее территории филиалов и представительств крупнейших западных банков, совершенствованием национального банковского сектора, так и с изменением конъюнктуры в регионе в связи с войной в Персидском заливе, снижением цен на нефть, не позволило «специальным финансовым институтам» осуществить свои далеко идущие планы. Положение на рынке финансовых услуг этих институтов характеризуют данные об их удельном весе в операциях всей банковской системы Турции (по состоянию на 1976 г.): в совокупных активах он составлял 2,3%, в общем объеме предоставленных кредитов – 4%, в собственном капитале – 1,1%, в совокупной прибыли – 1,5%[9]. В консолидированном балансе «специальных финансовых институтов» лидирует «Аль Барка» – 41%, за ним следует «Ихляс Файнэнс» – 20%, «Кувейт-Тюрк» – 18% и «Анадолу финанс»– 8%[10].

Что касается привлечения вкладов турок-мусульман, то и здесь «специальные финансовые институты» не слишком преуспели. Согласно имевшимся оценкам, на середину 90-х годов из общей суммы сбережений правоверных мусульман, хранивших их «под подушкой», равной около 50

млрд. долл., они смогли привлечь всего 1,5 млрд. или 3%[11]. Эта сумма в определенной степени отражает масштабы участия «озель финанс куруму» в экономике, их внутренние возможности оказания поддержки исламским предприятиям за десятилетие. Кстати, такую поддержку исламские предприятия получали и из других источников – например, от частного турецкого «Религиозного фонда» (Дианет вакфы)[12].

Для характеристики положения исламского капитала в Турции, пользующегося поддержкой зарубежных кураторов, приведем высказывание президента правления «Фейсал Файнэнс компани» саудоаравийского принца Мухаммада аль Фейсала, находившегося в Турции осенью 1996 г. (т.е. уже при правлении Рефахйол) для согласования проектов инвестиций компании в турецкую экономику. По его словам, исламским банкам работать в Турции гораздо труднее, чем даже в странах Запада. «Мы рассматриваем десять лет своего пребывания в Турции как лабораторную работу. Мы можем сделать гораздо больше для восприятия Турцией нашей системы. Наши цели носят долгосрочный характер. До сих пор наша группа вносила свой вклад в турецкую экономику при посредничестве иностранных компаний. Мы ждем поддержки нашим инициативам со стороны турецкого государства»[13].

Трудности интегрирования Турции со странами с исламскими экономиками (в том числе арабскими странами, а также Ираном и Пакистаном) связаны с тем, что за республиканский период в ней были выкорчеваны корни хозяйствования по шариату, да и они не были слишком глубокими (принимая во внимание, что основную часть коммерсантов и предпринимателей в Османской империи составляли представители национальных меньшинств), а позже турецкий частный бизнес развивался по западным правилам. Подавляющее число турецких компаний, банков, включая те, которые поддерживают с исламскими странами торговые, финансовые и иные экономические связи, не приемлет шариатские установки исламского бизнеса, рассматривая создаваемые им в здесь хозяйственные структуры как нежелательных конкурентов, представляющих определенную угрозу турецкому бизнесу в условиях своей страны, где подавляющая, масса населения состоит из мусульман.

Провозглашенные Рефах намерения перестроить турецкую экономику согласно шариату были обращены и рассчитаны на поддержку наиболее обездоленных слоев населения. Предвыборная программа Рефах[14] в период избирательной кампании 1995 г. содержала обещания облегчить положение этих слоев за счет искоренения принесенных извне и чуждых мусульманам методов налогообложения и кредитования. В число этих обещаний входили: ликвидация действующей в стране налоговой системы, а в качестве первоочередной меры – отмена задолженности по налогам; освобождение мелких предпринимателей и ремесленников от обязанности вести бухгалтерский учет; упразднение процентов по кредитам ремесленникам; замена банковского дела, основанного на получении процентного дохода на участие в прибылях; возложение функций инвестиционного посредника на фондовую биржу, т.к. «биржевая игра, согласно Корану, не является

запретной»; пересмотр условий выпуска акций путем приведения их в соответствие с правилами исламского предпринимательства.

Рефах обещала полностью и в короткие сроки устранить инфляцию с помощью расчетов «доброкачественными векселями», ограничить рамки приватизации выставлением на продажу лишь отдельных предприятий, а все другие «привести в дееспособное состояние» (например, государственную закупочную «Организацию продуктов земледелия» (Топрак офис) преобразовать в «пшеничный фонд», который, «опираясь на свою мощь, откажется от всех тех целей, которые связаны с получением прибыли»).

В программе содержались и другие противоречия и тезисы популистского характера, в ней игнорировались экономические условия и финансовые возможности страны.

Макроэкономически не обоснованная, оторванная от реалий внутреннего и внешнего рынков, состояния государственных финансов предвыборная программа Рефах была воспринята серьезными политиками и экономистами как сугубо политическая декларация, лишенная каких-либо шансов на успех после неудачных попыток создания правого кабинета. Но когда ПВП пошла на создание коалиционного правительства с Рефах, о непредсказуемых последствиях прихода к власти исламистов заговорили всерьез. Большие сомнения в соответствии намерений Рефах реальности высказывали даже ее зарубежные партнеры на совещании Объединения исламских обществ, состоявшемся в Стамбуле (25.05.1996). Его участники – представители ряда исламских государств, – поздравляя Рефах с успехом, в то же время не могли воздержаться от критики ее экономической программы, не учитывающей существующие в Турции и во всем мире условия. По мнению его участников, «отмена процента может привести турецкую экономику к краху – полезнее было бы не отменять, а снижать проценты»[15]. Бывший министр экономики Пакистана Ахмед Куршит следующим образом изложил свое понимание «справедливого экономического порядка»: его суть, помимо исламизма, состоит в уважении к собственности и свободе личности, в основе такого «порядка» должно быть справедливое распределение дохода[16].

В согласительном протоколе, подписанном лидерами Рефах и ПВП – Н.Эрбаканом и Т.Чиллер – при формировании правительства, крайности требований исламистов были в значительной степени устранены: в нем было зафиксировано, что деятельность коалиционного кабинета будет основываться на принципах республиканизма и лаицизма, что будут продолжены структурные преобразования в экономике, разработана стабилизационная программа, соответствующая требованиям МВФ[17]. Руководство Рефах было вынуждено заявить, что, находясь в коалиционном правительстве с ПВП, партия не сможет осуществить обещанный «справедливый экономический порядок»[18].

Хотя экономическая часть правительственной программы Рефахйол в целом сохраняла преемственность с прежними программами и была наце-

лена на продолжение экономической либерализации, по некоторым вопросам были учтены пожелания исламистов. Например, говорилось, что альтернативой банковским процентам могут быть операции на фондовой бирже, что необходимо ввести регулирование банковских инвестиций, покончить со спекуляцией, использовать частные иностранные прямые инвестиции лишь при условии, что они будут способствовать созданию дополнительных рабочих мест и использовать современные технологии. Отношения с МВФ и Всемирным банком, а также с ЕС не должны сокращаться, но и капитулировать перед ними не следует, необходимо шире пользоваться всеми возможностями мирового рынка; приватизация должна быть продолжена, а монопольное положение госпредприятий – ликвидировано, но государственное предпринимательство должно быть сохранено, рентабельность госсектора – повышена, а его капитал – увеличен. Программа предполагала меры по снижению инфляции, достижению темпа экономического роста в 10% в год. В целях оздоровления государственных финансов правительство обещало в срочном порядке задействовать пакет мер по сокращению бюджетных расходов и увеличению доходов[19].

Включение в правительственную программу формулировок, предложенных исламистами, усиливало противоречивость, характерную для подобных документов, принимавшихся ранее, сохраняло присущий им декларативный характер. В то же время эта программа, с одной стороны, предоставляла исламистам возможности для инициатив, а с другой, – освобождала их от ответственности.

В сформированном коалиционном кабинете большинство постов – 19 из 36 – было отдано Рефах, причем исламисты получили ключевые экономические министерства: финансов, энергетики и природных ресурсов, сельского хозяйства, общественных работ, окружающей среды, а также министерство социального обеспечения. Правительство Рефахйол во главе с Эрбаканом проработало почти год, и хотя непосредственными причинами его отставки стали политические и идеологические мотивы, существенную роль в ней сыграло недовольство делового мира, генералитета и некоторых других влиятельных сил его экономической политикой, не говоря уже о том, что эта политика крайне негативно воспринималась на Западе.

Вопреки заявленным намерениям развивать экономические связи равно как с Востоком, так и с Западом – поддерживать Таможенный союз, ЕС, в который Турция вошла с 1 января 1996 г., и на страны которого приходилась половина турецкого внешнего товарооборота (события, открывшего близкую перспективу принятия Турции в полные члены Сообщества), основное внимание Рефахйол было направленно на расширение и укрепление торгово-экономических связей с исламскими государствами. Заняв пост премьер-министра, Эрбакан вплотную занялся воплощением в жизнь своей идеи создания Великого исламского союза. До конца 1996 г. он совершил поездки в исламские государства (Иран, Ирак, Египет, Ливию, Пакистан, Индонезию и др.), в ходе которых были заключены крупные со-

глашения о расширении торгово-экономического сотрудничества, выполнении совместных проектов и т.д.

В ноябре 1996 г. в Стамбуле собрались представители исламских стран для участия в конференции «Сотрудничество и развитие», на которой было принято решение о создании Исламского Союза наподобие ЕС с единой валютой и согласованной торгово-экономической политикой.

Эта инициатива, исходившая в первую очередь от Рефах и самого Эрбакана, не могла не отразиться на отношениях Турции с ЕС. Если еще недавно ее считали одним из первоочередных кандидатов на принятие в Сообщество, то теперь, перед лицом наступления в стране исламского фундаментализма, решающий вес обрели доводы противников данного шага. Полное исключение Турции из списка кандидатов на принятие в ЕС произошло после того, как в апреле 1997 г. Эрбакан осуществил свой план создания исламской «восьмерки», что, по его словам, «явилось эпохальным событием мировой истории»[20].

На самом деле, возникло очередное нежизнеспособное объединение, участников которого (кроме Турции, это были Иран, Пакистан, Бангладеш, Египет, Индонезия, Малайзия, Нигерия) мало что связывало, помимо приверженности к исламу, а к Турции, как к светскому государству, это было применимо с очень большой натяжкой.

Внутренняя экономическая политика правительства Рефахйол также оказалась крайне непродуктивной. Ни один из пунктов правительственной программы практически не был выполнен, по многим экономическим позициям произошло ухудшение. Наиболее провальными были результаты финансовой политики: бюджетный дефицит достиг около 8% ВВП[21].

При сохранении высоких темпов роста бюджетных расходов, которые за год в текущих ценах удвоились, не удалось обеспечить соответствующее увеличение доходной части бюджета. Намеченная налоговая реформа была отложена. Отмена недоимок по налогам за прошлые годы, предпринятая по инициативе исламистов, вместе с массовым уклонением от налоговой обязанности предпринимателей и владельцев крупного недвижимого имущества привела к снижению налоговых поступлений, которые оказались много меньше, чем намечалось. Еще в большей степени оказались невыполненными наметки по выручке от продажи государственной собственности. Принятое правительством решение о приватизации было отменено конституционным судом. Казначейству удалось реализовать лишь небольшую часть имущества из государственного жилищного фонда за мизерную сумму в 8,8 млрд. лир, вместо намеченных 1,2 катр. лир[22].

Для покрытия бюджетного дефицита правительство Рефахйол широко пользовалось внутренними и внешними займами и денежной эмиссией. Когда в конце июня 1996 г. оно пришло к власти, внутренний долг страны составлял 2,4 катр. лир (29 млрд. долл. по официальному курсу), – в апреле 1997 г. он достиг 4,2 катр.(31 млрд. долл.)[23]. Вопреки отрицательному отношению исламистов к процентам, при правительстве Рефахйол процентный доход по государственным ценным бумагам достиг рекордного уровня – 32% (в реальном исчислении) по облигациям сроком на два года[24].

Внешний долг в период правления Рефахйол увеличился с 75,8 млрд. долл. до 80 млрд., а к концу 1997 г. достиг 89,3 млрд. долл.»[25]. В то же время резко снизилась активность частных иностранных инвесторов – сумма заявок на прямые иностранные инвестиции в 1997 г. упала до 1,7 млрд. долл. против 3,8 млрд. в 1996 г.[26]. Международные рейтинговые компании снизили свои оценки кредитоспособности Турции.

Большие масштабы дополнительной денежной эмиссии стали основной причиной заметного роста инфляции. Среднегодовой рост оптовых цен, равный в 1995 г. 65.6%, в 1996 г. составил 84,9%, а в 1997 г.– 91%[27]. Обесценивание турецкой лиры шло параллельно инфляции: за время пребывания у власти Рефахйол ее курс по отношению к доллару США упал почти на 80%[28] – с 82,2 тыс. лир в июле 1996 г. до 147,7 тыс. лир в июне 1997 г. за 1 доллар США.

В условиях ухудшения финансово-экономических показателей Рефахйол весной 1997 г. пришлось обратиться за помощью в МВФ. Прибывшая в Турцию в апреле миссия Фонда предложила турецкой стороне подготовить к сентябрю среднесрочную стабилизационную программу с включением в нее проведения реформ (налоговой, пенсионной, административной) и возобновления приватизации и других мер, входивших в предыдущую стабилизационную программу 1994 (так и не выполненную), обещая предоставление после этого 3 млрд. долл. из специального «фонда расширенного кредитования»[29]. Но после того, как правительство Рефахйол объявило о проведении досрочных выборов, турецкое казначейство приостановило подготовку такой программы до создания нового кабинета.

По словам известного турецкого экономиста проф. А.Алкына, Турция при правлении Рефахйол «потеряла целый год»[30]. Страна за это время ни на шаг не продвинулась по пути структурных преобразований. Вынужденное военными уйти в отставку, это правительство оставило после себя незавершенные проекты, тяжелые финансовые и социальные проблемы. Наверстывать упущенное пришлось турецкому руководству в последующие годы в трудных условиях, которые были еще более осложнены последствиями мировых финансовых кризисов. С большим трудом ему удалось добиться восстановления доверия западного мира: лишь в конце 1999 г. было возобновлено кандидатство Турции на принятие в ЕС.

Нельзя также не упомянуть о том, что, находясь у власти, турецкие исламисты вели себя далеко не безупречно с точки зрения их же собственных этических норм. Сам Н.Эрбакан в период своего премьерства более чем вдвое превысил суммы, положенные ему на организационные расходы, безотчетно пользовался трансфертами из закрытых бюджетных счетов[31]. Ряду высокопоставленных исламских функционеров были предъявлены обвинения в коррупции, некоторые из них оказались в тюрьме, как, например, мэр Анкары Мелих Гекджек.

Результаты пребывания у власти партии Рефах существенно подорвали ее политический авторитет, влияние в стране. Дискредитированны-

ми оказались не только ее программные установки, но и способность принимать взвешенные решения и осмысленно действовать.

Ставшая после запрета Рефах ее преемницей Партия Добродетели (Фазилет партиси) была вынуждена коренным образом пересмотреть свой план действий, отказавшись от прежних установок. В ее программе нет и следа шариатских догм, бывших основой программы Рефах.

Провозглашаемый Фазилет в качестве основной цели «новый порядок» призван формировать духовную среду в рамках светскости[32]. В своей программе Фазилет заявляет о приверженности задачам укрепления демократического, светского, социального, правового государства, основными целями которого являются социально-экономический подъем, обеспечивающий благополучие отдельной личности и общества в целом, а также повышение уровня современной культуры[33].

В экономической части своей программы Фазилет заявляет себя сторонницей свободной рыночной экономики, основанной на конкуренции[34], она выступает за приватизацию и максимальное отстранение государства от торговой и промышленной деятельности, которая должна вестись силами частного сектора. По большинству конкретных вопросов Фазилет придерживается социал-демократических подходов и взглядов, а когда речь идет о внешнеэкономических связях, ее позиции совпадают с правыми либеральными моделями, предусматривают полное открытие экономики, опору на экспорториентирование, сотрудничество с внешними рынками, привлечение иностранных прямых инвестиций, интегрирование турецкой экономики в мировое хозяйство, поощрение всех видов работ, использующих Интернет и другие электронные средства связи[36].

В таком новом облике турецкие исламисты не представляют угрозы для продолжения модернизации и европеизации страны, а перед исламскими капиталами открываются новые возможности интеграции в турецкую экономику.

[1] В 1994 г., согласно официальным данным, 21% турецкого населения жил за чертой бедности, а коэффициент неравенства при распределении 20% дохода между самой бедной и 20% наиболее богатой группами населения достигал 49%. По данному показателю Турция входила в число развивающихся стран с наиболее несправедливым распределением дохода. («Ekonomi Forum». İst., 15.01.1999, с. 23; «Cumhuriyet». 24.01.1999).

[2] Ekonomist, İst. 08.02.1998, с. 22.

[3] Рефах пользовалась финансовой поддержкой из фондов арабских нефтедобывающих стран, в первую очередь Саудовской Аравии, получала средства из западноевропейских исламских фондов, в частности, таких как «Международная организация поддержки человека («Uluslararası İnsan Yardım Teşkilatı»), «Европейская организация по национальному наблюдению» («Avrupa Milli Görüş Teşkilatı») «Европейский исламский архив», «Комитеты помощи Боснии и Герцеговине», «Исследовательский центр по социальному и экономическому регулированию». Через доверенные немецкие и турецкие банки эти средства поступали

на счета исламских компаний в Турции, пайщиком которых была Рефах («Milliyet», 22.11.1994).

[4] Cumhuriyet. 23.02.1996.

[5] Турция: новые тенденции экономического развития в 80-е годы. – М., 199. С. 48-49.

[6] Capital. İst., eylül 1996. – № 9. – С. 58-59.

[7] Le Monde. 21-23.04.1985.

[8] Там же.

[9] Finansal Forum. 24.06.1997.

[10] Там же.

[11] Finansal Forum. 01.07.1997.

[12] Религиозный фонд в 90-е годы представлял собой заметную коммерческую структуру, включавшую семь компаний, которые действовали в различных отраслях экономики, конкурируя с местными холдингами. Сумма активов компаний Религиозного фонда составляла 2 трлн. лир. (Yeni Yüzyıl, 09.06.1997).

[13] Yeni Yüzyıl. 18.09.1996.

[14] Milliyet. 23.12.1995.

[15] Milliyet. 29.05.1996.

[16] Haber. 29.06.1996.

[17] Para. 07.07.1996.

[18] Там же.

[19] Независимая газета. 17.06.1997.

[20] Economic İndicators of Turkey 1995-1997. – Ankara, 1998. – С. 3, 9.

[21] Там же.

[22] Finansal Forum. 30.07.1997.

[23] Finansal Forum. 02.07.1997.

[24] Там же.

[25] Finansal Forum. 14-15.06.1997.

[26] Economic indicators of Turkey 1995-1997, с. 8.

[27] Там же, с. 12.

[28] Finansal Forum. 14-15.06.1997.

[29] Yeni Yüzyıl. 09.06.1997.

[30] Finansal Forum. 06.07.1997.

[31] Там же, 06.07.1997.

[32] «Fazilet Partisi». «Türkiye için elele». Demokrasi, İnsan hak ve özgürlükleri, barış, adalet ve öncü bir Türkiye için Kalkınma Programı (Ankara, 28.10.1998), с. 2.

[33] Там же, с. 2-3.

[34] Там же, с. 6.

[35] Там же, с. 7-8.

[36] Там же, с. 8.

А.В.Федорченко

ФОНДОВЫЕ РЫНКИ БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ СТРАН: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Процесс всеобщей интернационализации экономики, стремительно набиравший темпы в последние десятилетия XX века, открыл новые возможности для ускорения экономического развития не только в уже утвердившихся точках роста современного мира, но и на периферии мирового хозяйства. Благодаря глобализации и осуществлению эффективной экономической политики большой группе стран, традиционно входивших в состав так называемого развивающегося (или «третьего») мира, удалось осуществить стремительный рывок в своем социально-экономическом развитии. Следует заметить, что само понятие «развивающаяся экономика» («developing economy») в последнее время наполнилось новым смыслом по сравнению с 50-70-ми годами. Чтобы выделить страны с новым режимом экономического роста, был введен в оборот термин «зарождающийся, или формирующийся, рынок» («emerging market»), характеризующий новую хозяйственную систему, динамично развивающуюся на рыночных основах и активно включающуюся в процесс экономической интернационализации.

Феномен новых индустриальных стран как полюсов роста в группе развивающихся стран достаточно хорошо изучен. В меньшей степени внимание исследователей было обращено на страны и целые регионы, которым пока не удалось в полной мере воспользоваться плодами хозяйственной интернационализации и перед которыми может возникнуть перспектива отстать не только от индустриально развитых стран, но и от НИС. Эта проблема весьма актуальна для государств Ближнего Востока.

Ближневосточные страны[1] никогда не представляли собой монолитную экономическую группу, а во второй половине XX века неравномерность экономического развития этой части мира еще больше усилилась. К концу века здесь сложилось несколько групп стран, значительно различающихся по уровню хозяйственного развития, отраслевой и технологической структуре экономики, профилю участия в международном разделении труда, внутренним и внешним факторам воспроизводства.

К наиболее развитым государствам региона следует, очевидно, отнести Турцию и Израиль, хотя их объединение в одну группу весьма условно, учитывая существенные различия в структуре экономики, ее технологическом уровне, степени вовлеченности в мирохозяйственный обмен. Если Турция – это индустриально-аграрное государство, по многим параметрам сходное с новыми индустриальными странами, то Израиль,

по классификации МВФ, входит в немногочисленную группу промышленно развитых стран, обладает явными признаками постиндустриального типа, более глубоко вовлечен в мирохозяйственный обмен.

Во вторую группу вошли нефте- и газоэкспортирующие страны с относительно немногочисленным населением, высоким уровнем доходов и слабо диверсифицированной экономикой (арабские государства Персидского залива и Ливия).

Третья группа состоит из стран с более низким уровнем доходов, но со сравнительно диверсифицированной экономикой, основанной на аграрном секторе и формирующихся многоотраслевых промышленных комплексах (Ирак, Сирия, Ливан, Иордания, Египет, Алжир, Тунис и Марокко).

И, наконец, в четвертую группу вошли наименее экономически развитые страны арабского мира, для которых характерны преобладание аграрного сектора, слабое развитие национальной промышленности, очень низкий профиль участия в международном разделении труда, сильная зависимость от притока внешних финансовых ресурсов (Йемен, Судан, Мавритания).

При всех различиях в экономическом развитии странам Ближнего Востока в 80-е годы пришлось столкнуться со сходными проблемами. Ухудшение внешних условий воспроизводства в сочетании с негибкостью национальных хозяйственных механизмов и структурными проблемами привели к длительному спаду в экономике региона. Растянутость и незавершенность до настоящего времени процесса структурной адаптации региональной экономики к изменившейся мирохозяйственной ситуации проистекают из высокого уровня этатизации хозяйственного механизма ближневосточных стран, что типологически сближает их подобно тому, как географическое положение определяет сходство природно-климатических условий этих государств.

В последние два десятилетия XX века страны Ближнего Востока для восстановления своей экономики были вынуждены с большей или меньшей интенсивностью осуществлять переход от этатистской системы к товарно-рыночному механизму. В этот период особенно рельефно проявились недостаточная эффективность государственного регулирования экономики и уязвимость ее институциональной структуры. Одним из главных инструментов рыночных преобразований является фондовый рынок, через который осуществляется капитализация сбережений, т.е. превращение непотребленной части ВВП в материальные элементы воспроизводственного процесса или в финансовые обязательства государства. От эффективности функционирования фондового рынка, которая в значительной степени определяется свободой передвижения фондовых ценностей, в конечном счете зависит успех в решении проблемы финансирования национальной экономики, в том числе достижение финансовой стабилизации, осуществление структурных реформ.

Между тем фондовые рынки долгое время оставались наименее развитым сегментом финансовых рынков ближневосточных стран. Это объяснялось ключевой ролью этого весьма чувствительного к административному контролю финансового инструмента в механизме хозяйственного регулирования, неже-

ланием государства терять контроль над финансовыми потоками, а также неразвитостью акционерной формы собственности в регионе в целом.

Рынки корпоративных ценных бумаг и государственных облигаций на Ближнем Востоке начали складываться намного позже, чем в индустриально развитых странах, хотя отдельные их элементы возникли здесь еще в начале XX века. Создание соответствующих рыночных институтов в регионе раньше всего началось в странах, лидирующих в настоящее время по уровню развития торговли фондовыми ценностями. Зарегистрированные рынки капиталов (фондовые биржи) возникли в Египте, Израиле и Кувейте соответственно в 1925, 1953 и 1952 гг., а в Турции размещение государственных облигаций проводилось с 30-х годов.

Формирование фондовых рынков на Ближнем Востоке происходило крайне медленно, и лишь отмеченное выше изменение условий воспроизводства в глобальном масштабе в 80-е годы придало этому процессу заметное ускорение, позволившее этим рынкам выйти на принципиально иной, качественно более высокий уровень развития.

Анализируя ближневосточные рынки, финансовые аналитики сходятся в том, что возрастающий тренд берет начало в конце 80-х годов, и в течение последующего десятилетия отдельные из этих рынков обрели значительную по мировым критериям притягательную силу как для спекулянтов, так и прямых стратегических инвесторов. За период с 1989 г. по 1995 г. наиболее обобщающий показатель развития фондового рынка – объем рыночной капитализации – возрос в таких странах, как Египет, Турция, Иордания, Марокко и Оман, в 2-4 раза, а общая капитализация ближневосточных стран составила в 1995 г. 163 млрд. долл. Нельзя не отметить, что, помимо чисто экономических факторов (курс на приватизацию, ускоренное формирование институциональной структуры рынков, обеспечение большей открытости национальных хозяйств), большую роль в улучшении инвестиционного климата сыграл прорыв в процессе ближневосточного мирного урегулирования в начале 90-х годов.

Среди показателей уровня развития ближневосточных фондовых рынков немаловажное значение имеют их качественные характеристики, которые существенно повысились в последние годы. Улучшилась финансовая отчетность субъектов рынка, были внедрены бухгалтерские технологии, соответствующие международным стандартам. Повышение степени «прозрачности» ближневосточных рынков позволило западным информационным и аналитическим службам обеспечивать зарубежных инвесторов оперативной информацией о состоянии ближневосточных фондовых бирж. Существенно возросли численность и активность инвестиционных фондов, являющихся одним из главных каналов, по которым средства институциональных и индивидуальных инвесторов поступают на рынки ценных бумаг. Так, в арабском мире эти фонды начали возникать лишь в 1993 г., но уже к 1997 г. их число достигло 30 (с объемом инвестиций в 2 млрд. долл. только на региональном уровне), 20 из которых успешно размещали свои акции на Ближнем Востоке, в США и Великобритании.

Рост капитализации и увеличение числа компаний, чьи акции и облигации обращаются на биржевом и внебиржевом рынках, также свидетельствуют о позитивных сдвигах в экономике ближневосточных стран. Однако удельный вес последних в мировой торговле фондовыми ценностями пока еще невелик и значительно уступает доле стран Юго-Восточной Азии или Латинской Америки. По данным на 1995 г., лишь 4% из суммы в 25 млрд. долл. общих западных инвестиций на фондовых рынках стран с возрождающимися рынками приходилось на Ближний Восток. В ценные бумаги ближневосточных стран (без учета Турции и Израиля) к середине 90-х годов было вложено 10 млрд. долл. портфельных инвестиций, а всего в страны с возрождающимися рынками – 250 млрд.

Относительно невысокая привлекательность ближневосточных фондовых рынков для крупных западных капиталов самым непосредственным образом отражается на абсолютных размерах совокупной капитализации компаний, мобилизующих финансовые средства на этих рынках. Даже по нормам развивающихся стран основная часть национальных фондовых рынков ближневосточных стран относятся к категории малых. В 1995 г. только в пяти странах (Кувейт, Израиль, Турция, ОАЭ и Саудовская Аравия) рыночная капитализация превышала 6 млрд. долл., причем на эти страны приходилось 81,6% суммарной капитализации государств, чьи рынки фондовых ценностей достигли доступного статистическому учету уровня (см. таблицу 1 приложения).

Небольшие размеры фондовых рынков определили моноцентрическую систему биржевой торговли ценными бумагами. В отличие от подобной системы, сложившейся в индустриально развитых странах, на Ближнем Востоке в подавляющем большинстве государств не просто абсолютно доминирует одна биржа, расположенная в финансовом центре страны, а эта биржа является единственной на местном фондовом рынке. Исключение составляет Египет, где организованные рынки ценных бумаг действуют в Каире и Александрии.

Формирующиеся рынки, как правило, отличаются, во-первых, существенной недооценкой акций, во-вторых, повышенной неустойчивостью биржевых индексов, фондовых курсов отдельных компаний и других показателей состояния рыночной конъюнктуры. Этими факторами, а также ходом приватизации, уровнем государственного контроля над потоками капиталов и, в меньшей степени, перепадами в общеэкономической динамике объясняются резкие колебания рыночной оценки фондовых ресурсов отдельных стран, причем в весьма широком диапазоне. При узости рынка легко манипулировать курсами акций. Так, всего за три года (1995-1998 гг.) произошло трехкратное увеличение капитализации марокканских компаний, пятикратное – египетских, а суммарная стоимость обращавшегося на рынке саудовского и турецкого акционерного капитала возросла на 31,6% и 63,0% соответственно.

Еще одним показателем невысокого уровня развития ближневосточных фондовых рынков является незначительное число компаний, активно использующих публичное (через выпуск и размещение акций и облигаций) финансирование своего бизнеса. Исключение составляют страны с наиболее развитыми рынками – Турция и Израиль, а также самое крупное по численности населения государство региона – Египет, чьи масштабы уже сами по себе предпо-

лагают большее по сравнению с соседями количество акционерных обществ, выходящих на фондовый рынок (конечно, при наличии развитой акционерной формы собственности и соответствующей финансовой инфраструктуры).

Динамичный рост торговли фондовыми ценностями на Ближнем Востоке в 90-е годы происходил на фоне значительных страновых различий в направленности, эффективности и результатах этого процесса, что объясняется в первую очередь дифференциацией в уровнях общеэкономического развития и несходством стратегий хозяйственных преобразований.

По уровню развития фондового рынка лидируют Турция и Израиль, которым удалось в кратчайшие исторические сроки не только создать необходимую финансовую и институциональную структуру, но и частично интегрировать национальную фондовую торговлю в мировой финансовый рынок.

До 90-х годов фондовый рынок Турции был фактически монополизирован государством, размещавшим на нем различной формы облигации государственных займов с высокими процентными ставками. В силу замедленного формирования корпоративного сектора конкурировать с государством могли лишь крупные частные холдинги и компании с участием государственного и иностранного капитала. К приватизации путем акционирования госсектор Турции приступил практически лишь в середине 80-х годов. Это предоставило инвесторам более широкие возможности в диверсификации принадлежащих им портфелей бумаг. Однако гораздо больший размах, чем продажа акций приватизируемых предприятий, сохраняла государственная экспансия на фондовом рынке в форме высокопроцентных долговых обязательств. С 1984 по 1987 г. доля государственных ценных бумаг в общем объеме эмиссии превышала 90%, и только на рубеже 80-х и 90-х годов она стала снижаться (77,5% в 1990 г.)[2].

Особенность формирования турецкого рынка состоит в том, что он является одним из наиболее неустойчивых не только на Ближнем Востоке, но и в мире в целом. В 1988-1998 гг. он трижды демонстрировал рекордные по мировым стандартам взлеты конъюнктуры, которые затем сменялись резкими падениями. Наиболее показательным был 1997 г., когда на фоне фондовых крахов в странах ЮВА индекс турецких ценных бумаг увеличился вдвое. Однако уже в четвертом квартале пределы колебаний этого показателя составили 30%, а в начале следующего года рынок стал «проседать».

Слабое влияние азиатского кризиса на турецкий фондовый рынок связано с невысокой в целом активностью зарубежных инвесторов в Турции. Темпы приватизации оказались существенно ниже декларируемых и ожидаемых, а игра на курсах акций в таких потенциально высокоприбыльных секторах, как банковское и страховое дело, стала не столь привлекательной, так как завершился период их рыночной недооценки. Тем не менее на зарубежных инвесторов в Турции возлагают большие надежды, поскольку внутренних сбережений для реализации крупных пакетов акций приватизируемых компаний явно недостаточно. Наиболее перспективными считаются телекоммуникационные, нефтеперерабатывающие компании, предприятия по производству цемента и несложной бытовой техники. Тесные экономические и полити-

ческие отношения Турции со странами ЕС и США улучшают перспективы укрепления турецкого фондового рынка, диверсификации его структуры.

Несмотря на высокий современный уровень экономического развития Израиля, для этой страны долгое время была характерна относительная слабость либеральной экономической традиции и запоздалое развитие крупного частного бизнеса, что не могло не тормозить формирование национального фондового рынка. Израильское частное предпринимательство долгое время не могло выйти из «семейной» стадии развития, и только в 80-е годы началось широкое преобразование компаний с единоличным владельцем и партнерств в частные закрытые компании акционерного типа и публичные компании с ограниченной ответственностью. Потребность в привлечении дополнительных капиталов вынуждала семейные фирмы приобретать статус акционерных обществ, мобилизующих финансовые средства путем размещения части своих акций на фондовом рынке.

Акционерная форма организации весьма обширного государственного сектора Израиля была также мало распространена. Большинство госкомпаний не было публичными. В госсекторе преобладало унитарное государственное владение компанией, даже если она формально являлась акционерным обществом. Закрытый характер государственной собственности при неразвитости рынка государственных корпоративных ценных бумаг способствовал консервации неэффективных видов производства, сконцентрированных в госсекторе.

Примерно до начала 90-х годов израильское государство всесторонне и жестко регулировало как рынок долгосрочного ссудного капитала, так и денежный рынок (рынок краткосрочного капитала). При крайней неразвитости рынка ссудного капитала вместо рыночного механизма трансформации сбережений в инвестиции действовали внерыночные методы государственного административного регулирования. Для мобилизации частных сбережений Банк Израиля продавал государственные облигации институциональным инвесторам и населению. Этот способ заимствования не может быть в полной мере отнесен к общепринятой категории «операции на открытом рынке», поскольку последняя подразумевает свободный оборот ценных бумаг, регулируемый в первую очередь соотношением спроса и предложения. В Израиле открытый рынок облигаций действовал параллельно с принудительной конвертацией сбережений в данный вид бумаг. Государство в административном порядке резервировало за собой подавляющую часть аккумулированных в финансовых институтах долгосрочных частных сбережений. В первой половине 80-х годов такие институциональные инвесторы, как пенсионные, страховые и ряд других фондов, были связаны обязательством расходовать не менее 92% имевшихся в их распоряжении сбережений на приобретение необращающихся (на фондовом рынке) или обращающихся государственных облигаций. Основная часть средств вкладывалась в первый вид бумаг, т.к. по ним выплачивался значительно

более высокий процент. Сюда же следует добавить принудительное распространение разнообразных гособлигаций среди физических лиц.

Одним из следствий всепроникающего государственного финансового регулирования стало замедленное и несбалансированное развитие рынка корпоративных ценных бумаг и сохранение зависимости нефинансового сектора от более развитых банковских групп, являвшихся наряду с государством главным источником внешнего финансирования израильских корпораций.

Начавшийся во второй половине 80-х годов процесс разгосударствления включал комплекс мер, создававших благоприятные условия для развития фондового рынка. Государство стало уступать частным финансовым институтам свою роль посредника между сберегательными институтами и заемщиками капиталов. Началось постепенное сокращение обязательной доли сосредоточенных в банках и различных кассах социального страхования сбережений, вкладываемой в облигации государственного займа. Была облегчена процедура выпуска акций и облигаций частными компаниями, сняты запреты на размещение этих ценных бумаг через фондовую биржу практически для всех фирм. Кроме того, с целью усиления конкуренции на рынке ссудного капитала были отменены запреты на заемные операции за рубежом, а компании, зарегистрированные на Тель-Авивской фондовой бирже, получили право на размещение своих ценных бумаг через биржи других стран.

Либерализация рынка капиталов не замедлила сказаться на финансовых потоках. Со второй половины 80-х годов наблюдалось падение доли государственных долговых обязательств в совокупных активах населения – с 83% в 1985 г. до 65% в 1990 г. и 57% в 1994 г.[3]

С конца 80-х годов развернулась приватизация государственных и профсоюзных компаний, которая привела к существенному росту капиталов, мобилизованных посредством частного размещения акций и облигаций. С 1987 г. по 1995 г. было проведено 39 трансакций в 19 компаниях и 6 банках, что принесло государству 3,72 млрд. долл. По данным министерства финансов Израиля, доходы от приватизации в 1996-1999 гг. составили 4,43 млрд. долл.[4] Параллельно шло расширение участия частного сектора в торговле ценными бумагами. Данные таблицы 3 демонстрируют ведущую и усиливающуюся роль частных компаний на фондовой бирже. Наиболее динамичную часть рынка образовали фонды венчурного капитала, на которые опирались высокотехнологичные виды производства – основа современной хозяйственной специализации Израиля.

Первая половина 90-х годов была периодом расцвета фондового рынка. Если в 1989-1991 гг. на Тель-Авивской бирже было мобилизовано 1,2 млрд. долл., то в 1992-1994 гг. – уже 5,5 млрд. Важным источником негосударственного финансирования для израильских компаний становились мировые фондовые рынки. В 1995 г. по численности зарубежных компаний, чьи акции котировались в США, Израиль занимал третье место, а их рыночная капитализация (около 10 млрд. долл.) достигла 30% от капитализации корпораций, оперирующих на Тель-Авивской бирже[5]. В 1998 г. по числу компаний, ценные бумаги которых имели хождение на внебиржевом рынке США (NASDAQ), Израиль уступал лишь Канаде.

Израильский фондовый рынок служит не только сферой приложения, но и каналом мобилизации капиталов для иностранных инвесторов. Если раньше существовали ограничения на выпуск акций иностранными фирмами на израильской бирже, то, начиная с 7 февраля 1996 г., Тель-Авивская биржа стала открытой для мобилизации капитала.

Крупным фондовым центром на Ближнем Востоке становится группа арабских нефтедобывающих стран Персидского залива. Аравийские нефтяные монархии играют важную роль в мировом хозяйстве и обладают, несмотря на все колебания цен на энергоносители, огромным валютно-финансовым потенциалом. Здесь возникли высококапитализированные, хотя недостаточно ликвидные и все еще малодоступные для зарубежных инвесторов фондовые рынки, постепенно сближающиеся на субрегиональном уровне.

Слабое до недавнего времени развитие фондового рынка в этой группе стран объяснялось тем, что накопление весьма весомой сбереженной части ВВП многие годы происходило за пределами региона путем перекачки нефтедолларов на рынки ценных бумаг США, Западной Европы и Японии. Акционерные формы предпринимательства были неразвиты, а инвестиционное финансирование национальных компаний проводилось за счет внутренних источников (прибыль и амортизация) и институционального финансирования (банковские кредиты на весьма льготных условиях).

Под влиянием резкого ухудшения конъюнктуры на рынке энергоносителей в 80-е годы и ускорившегося процесса интернационализации мирового хозяйства нефтяные монархии начали пересматривать стратегию своего экономического развития. Однако старый, чрезмерно огосударствленный механизм хозяйствования не только не позволял быстро и эффективно реагировать на установившиеся на мировой арене новые правила игры, но и мало способствовал либерализации внутреннего рынка и активной поддержке местного предпринимательства. Происходящие в последние годы экономические преобразования носят плавный, эволюционный характер. Государство и общество в целом не готовы к внедрению рыночных институтов западного типа и пытаются конструировать собственные национальные хозяйственные модели, соответствующие законам и традициям исламского общества. Этим во многом объясняется специфика значительного по размерам, но недостаточно структурированного и открытого фондового рынка арабских стран Персидского залива.

Наиболее крупный и потенциально весьма привлекательный для зарубежного капитала рынок действует в Саудовской Аравии. Здесь росла не только суммарная капитализация, но и объемы выставляемых на продажу пакетов акций. За период с декабря 1996 г. по декабрь 1997 г. общая стоимость этих акций увеличилась с 6,6 млрд. долл. до 16,6 млрд. долл., а их число – с 134,7 млн. до 312,4 млн.

Вместе с тем при наивысшей для ближневосточных стран капитализации (50 млрд. долл. в 1998 г.) саудовский рынок остается в целом изолированным и структурно слабо развитым сегментом мировой торговли ценными бумагами. Его интернационализация носит преимущественно односторонний характер, так как экспорт капитала абсолютно преоблада-

ет над его ввозом. Размещение средств за рубежом осуществляется при помощи инвестиционных компаний, которые, как правило, мобилизуют долгосрочный ссудный капитал и предоставляют его заемщикам посредством выпуска и размещения акций, облигаций и других ценных бумаг. Капитал экспортируется не только в индустриально развитые государства, но и в ближневосточные страны. Саудовская Аравия стала инициатором создания двух крупных межарабских инвестиционных компаний, специализирующихся на инвестициях в промышленность стран-участниц[6].

Формирование фондовых институтов шло долго и сопровождалось всесторонним анализом их совместимости с исламом. В 1987 г. была открыта первая саудовская фондовая биржа в виде биржевого зала при Финансовом агентстве Саудовской Аравии, но уже через месяц ее закрыли, и операции стали проводиться через коммерческие банки, а с 1990 г. – с помощью электронной системы для биржевых сделок[7]. Внебиржевой рынок, образуемый крупнейшими коммерческими банками, во многих аспектах дополняет его.

Государственная политика в области развития фондового рынка направлена на привлечение прямых инвестиций в реальный сектор саудовской экономики, причем приоритет отдается саудовским вкладчикам. Руководство страны опасается потрясений рынка ценных бумаг и перехода контроля над национальными компаниями к иностранным инвесторам, особенно в ключевых для Саудовской Аравии добывающей промышленности и финансовых услугах. В этой связи всячески ограничиваются краткосрочные спекулятивные операции, зарубежным вкладчикам капитала в основном отводится роль младших партнеров саудовских компаний в нефтеперерабатывающей и не связанной с нефтью добывающей отраслях. Данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что в смешанных компаниях (с участием иностранных партнеров) основная часть инвестиций приходится на проекты в обрабатывающей промышленности и сфере услуг, тогда как доля добывающей отрасли составляет всего 0,1%. Основная часть акционерного капитала находится в руках долгосрочных инвесторов, что делает рынок малоподвижным и снижает его привлекательность.

В 1997 г. иностранные инвесторы впервые получили относительно свободный доступ на саудовский рынок ценных бумаг через инвестиционные фонды открытого типа. Тогда же был зарегистрирован первый закрытый фонд – «Саудовский арабский инвестиционный фонд», привлекающий инвестиции через Лондонскую фондовую биржу. До этого приобретать саудовские акции через инвестиционные фонды могли лишь граждане Саудовской Аравии и стран ССАГПЗ (последние не имели права оперировать с банковскими акциями).

Депрессивное влияние на торговлю корпоративными ценными бумагами оказывает рост государственного заимствования на национальном фондовом рынке. Размещая через банковский сектор и фонды социального страхования высоколиквидные облигации (казначейские векселя, облигации займов развития и так называемые «специальные государственные облигации»), государство аккумулирует значительную часть частных сбережений, сокращая тем

самым внутренний спрос на фондовые ценности частных эмитентов. В 1999 г. внутренний долг королевства превысил стоимость ВВП страны.

Таким образом, фондовый рынок в Саудовской Аравии функционирует, но его огромный потенциал раскрыт лишь в минимальной степени. В государственном секторе производится 65% ВВП, а перспективы акционирования и приватизации выглядят весьма туманно. Закрытым характером рынка объясняется незначительный приток зарубежных прямых инвестиций – 3,7 млрд. долл. в 1990-1996 гг. (3% ВВП). В стране пока не созданы условия для репатриации хотя бы части из примерно 470 млрд. долл., вложенных в зарубежные активы. Активизация фондового рынка, повышение его ликвидности при условии существенной либерализации инвестиционного законодательства могли бы привлечь портфельные инвестиции из-за рубежа, в том числе за счет средств около 120 тысяч саудовских граждан, проживающих за пределами королевства.

В Кувейте создан рынок ценных бумаг, гораздо меньший по размерам (по сравнению с саудовским), но наиболее структурно развитый в районе Персидского залива. Эта страна первой среди аравийских монархий встала на путь развития фондового рынка. Проявляя менее консервативный подход к развитию финансовой системы и стремясь закрепить за собой роль международного финансового центра, Кувейт создал близкую к моделям индустриально развитых стран институциональную структуру торговли фондовыми ценностями. Во второй половине 90-х годов в Кувейте наряду с фондовой биржей активно действовали около 30 инвестиционных компаний, многочисленные инвестиционные подразделения коммерческих банков.

Кувейту не удалось избежать болезней роста рынка ценных бумаг. В 1982 г. развитие спекулятивных тенденций привело к краху кувейтской фондовой биржи, лишившему инвесторов больших финансовых ресурсов. С тех пор государству так и не удалось создать действенный механизм, гарантирующий безопасность и прибыльность купли-продажи ценных бумаг. На инвестиционной привлекательности рынка негативно сказались также иракская оккупация и война в Персидском заливе в 1991 г. В системном плане слабость кувейтского фондового рынка проявляется в его односторонней интернационализации: инвестиционная политика ориентирована на размещение капитальных вложений за рубежом, а национальный рынок ценных бумаг практически закрыт для иностранных инвесторов.

Рынки остальных арабских стран Персидского залива невелики и до самого последнего времени были малодоступны для зарубежных прямых и портфельных инвестиций. Однако малые размеры этих государств, сильная вовлеченность в мирохозяйственный обмен и небольшие по сравнению с Саудовской Аравией запасы энергоносителей диктуют необходимость ускоренной разработки и принятия мер по привлечению капитальных ресурсов как из стран региона, так и индустриально развитых государств. Здесь создаются инвестиционные фонды, ориентированные на привлечение и размещение иностранных и национальных инвестиций в отраслях, испытывающих потребность в увеличении внешнего финанси-

рования и в доступе к передовым технологиям и новым рынкам сбыта. Прежде всего это отрасли нефтегазового комплекса, химическая промышленность, телекоммуникации. Фондовые биржи малых стран Персидского залива раньше других ближневосточных бирж вышли на региональный (или, точнее, – субрегиональный) уровень. Так, на бирже Бахрейна оперируют зарубежные индивидуальные собственники и кредитно-финансовые институты из Кувейта, Саудовской Аравии, ОАЭ, Омана. Арабские предприниматели инвестируют средства в фондовые ценности Бахрейна и размещают на местной бирже свои ценные бумаги.

Тенденции развития фондовых рынков в третьей группе ближневосточных стран существенно отличаются от аналогичных процессов в Израиле и странах Персидского залива, но имеют много общего с развитием торговли фондовыми ценностями в Турции. Страны этой группы сильно различаются по уровню развития фондовых рынков. Если среди нефтедобывающих стран (вторая группа) этот рынок фактически отсутствует только в Ливии, то в третьей группе по внутри- и внешнеполитическим причинам он пока не сложился в Ираке, Сирии и Алжире, а в Иордании и Ливане все еще слишком мал и отличается низкой ликвидностью. Наибольшего размера в абсолютных цифрах и в пропорции к ВВП капитализация достигла в Египте, Марокко и Тунисе. Именно эти страны постоянно находятся в поле зрения как национальных, так и зарубежных инвесторов. Здесь открываются хорошие перспективы для фондовой торговли. Стратегических инвесторов привлекает возможность расширения своей производственной базы в странах с высоким совокупным внутренним спросом (Египет) или относительно высоким для нефтеимпортирующих арабских стран жизненным уровнем населения (Марокко и Тунис). Во всех трех странах широкая приватизационная кампания уже перешла из стадии подготовки в фазу реализации и создан инвестиционный климат, благоприятный для капитализации сбережений на рынках ценных бумаг.

По мнению многих аналитиков фондового рынка, в ближайшие годы Египет имеет наилучшие возможности среди арабских стран по привлечению инвестиций. В 90-е годы существенно изменилось отношение египетского руководства к частным инвесторам. В начале десятилетия была принята программа «1000 дней», которая уравняла в правах частный сектор с госсектором и открыла путь для ускорения приватизации государственных предприятий. Около половины приватизационных трансакций осуществлено через публичный выпуск ценных бумаг. В 1991-1995 гг. государство продало – полностью или частично – только 4 свои компании, а в 1996-1997 гг.– уже 88. В итоге доля частного сектора в ВВП повысилась с 61,8% в 1992 г. до 66,4% в 1997 г. До конца века планировалось реализовать на фондовом рынке акции еще 91 компании и сократить долю государства в совокупных активах до 10%. Серьезность этого намерения подтверждает согласие правительства приватизировать ключевые для страны предприятия транспорта и связи, коммерческие банки и страховые компании. В качестве перспективных источников инвестиций рассматриваются зарубежные инвестиционные

компании, транснациональные корпорации, местные крупные предприниматели и набирающие силу пенсионные фонды. Приоритет отдается иностранным источникам, поскольку норма внутренних накоплений в Египте составляет только 11% ВВП. В 1997 г. около 1/3 торгового оборота на фондовом рынке приходилось на долю зарубежных инвесторов.

Немаловажное значение для инвесторов имеет значительное улучшение хозяйственной конъюнктуры в Египте. Длительный период макроэкономической нестабильности сменился возобновлением роста, который к тому же приобрел более сбалансированный характер. Среднегодовые темпы прироста ВВП составили в 1995-1997 гг. 5%, а в промышленности и строительстве – около 8%. Понизились темпы инфляции (до 4,0% в год) и бюджетного дефицита до 2,6% ВВП. Резерв иностранной валюты возрос с 880 млн. долл. в 1991 г. до 20 млрд. долл. в 1997 г. и достиг 30% ВВП. Сумма внешнего долга, равная в 1990 г. общей стоимости ВВП, снизилась со 100% до 41% в 1997 г.[8]

Все это помогло оживить фондовый рынок, укрепить его репутацию. В 1996 г. удалось привлечь 800 млн. долл. прямых инвестиций (вдвое больше, чем в предыдущем году) и 700 млн. долл. портфельных инвестиций. В 1997 г. эти цифры по некоторым данным составили 1-1,5 млрд. долл. прямых и 1,5 млрд. долл. портфельных инвестиций.

Во второй половине 90-х годов заметно повысилась капитализация фондового рынка в Марокко. Продвижение вперед процесса приватизации помогло создать «рыночную глубину», под которой участники рынка подразумевают определенный уровень рыночных параметров (объемы биржевых торгов, численность акционеров, размеры капитализации и др.), способный вызвать интерес не только у местных, но и зарубежных инвесторов. В 1998 г. фондовая биржа Касабланки вступила в период расцвета: по ряду основных показателей (темпы роста биржевых индексов, чистая прибыль инвесторов) она оставила позади рынки США, Западной Европы и Азии. Так же как и набирающий силу турецкий рынок, фондовый рынок Марокко не подвергся разрушительному влиянию азиатского кризиса, что, очевидно, связано с более низкой степенью вовлеченности и того, и другого в мировые финансовые потоки.

Масштабы капитализации в Тунисе намного скромнее, но местный рынок стабильно растет, питаемый приватизацией и западными портфельными инвестициями, ушедшими с перегретых рынков новых индустриальных стран и Запада. Развитие фондового рынка сдерживается малыми масштабами тунисской экономики, слабостью таких субъектов рынка, как брокерские и страховые компании, инвестиционные фонды, несовершенством системы хранения ценных бумаг.

Оценивая итоги развития ближневосточных фондовых рынков, нельзя не признать, что большой инвестиционный потенциал этой части мира пока раскрыт далеко не полностью и реализуется преимущественно в анклавной форме. В большинстве стран региона, где к концу XX века осуществлялась статистически уловимая торговля фондовыми ценностями и были созданы соответствующие финансовые институты, всплеск фондовой активности первой половины 90-х годов не перерос в долговременную

тенденцию динамичного роста. Процесс формирования рынков перешел в эволюционную стадию, хотя некоторые страны (Турция, Израиль, Египет, Марокко и Тунис) продвигались в этом направлении опережающими темпами. Переход на следующую, качественно более высокую ступень развития сдерживается рядом перечисленных ниже факторов.

Медленные темпы экономических реформ, в том числе реформы хозяйственного механизма. Сохранение жесткого государственного контроля над рынком и высокий удельный вес государственных облигаций в обороте ценных бумаг ограничивают возможности частного сектора по размещению ценных бумаг и снижают привлекательность акций приватизируемых компаний. Для Ближнего Востока в целом характерна невысокая степень рассредоточения собственности на ценные бумаги. В фондовой торговле здесь преобладают частные сделки, а не публичные эмиссии. Малые масштабы использования акционерного способа финансирования и высокая иммобильность многих выпусков ценных бумаг (преимущественно корпоративных) сильно тормозят развитие национальных фондовых рынков. В институциональной структуре рынка по-прежнему доминируют государство и коммерческие банки, а другие финансовые посредники – инвестиционные фонды, страховые компании, брокерские фирмы – зачастую малочисленны и находятся в зависимом положении. За исключением Израиля и Турции, эти признаки недостаточной зрелости хозяйственного механизма в целом и фондового рынка, в частности, присутствуют в подавляющем большинстве ближневосточных стран.

Невысокий профиль участия большинства стран региона в международном разделении труда. Помимо торговли энергоресурсами, экспортный потенциал региона пока ограничен, совокупный внутренний спрос также по мировым масштабам невелик – либо из-за малой численности населения стран, либо вследствие его низкой покупательной способности. В этих условиях привлечь иностранный или репатриировать национальный капитал можно лишь в ограниченное число отраслей.

Сохранение напряженности в региональных международных отношениях и внутриполитической обстановке в отдельных странах. Высокие политические риски препятствуют интернационализации ближневосточных финансовых рынков. 90-е годы ярко продемонстрировали возможности позитивного воздействия понижения уровня конфликтности на приток иностранного капитала (равно как и разрушительные для рынка последствия отката в ослаблении международной напряженности).

Все это прямо или косвенно *препятствовало интернационализации ближневосточных фондовых рынков.* Сохранение экономических и административных барьеров на пути международного перелива капитала создает практически непреодолимые пределы роста национальных фондовых рынков, увеличивает отставание ближневосточного региона от мировых полюсов экономического роста.

Перечисленные факторы, вероятно, будут действовать и в первом десятилетии XXI века. Возможность ускорения формирования националь-

ных фондовых рынков, их интеграции с мировыми финансовыми центрами или объединения на региональном уровне будет зависеть от динамичности хозяйственной либерализации и потребностей в капитальных ресурсах. Необходимость в расширении сферы накопления в связи с глубокими структурными преобразованиями способна стать главным двигателем развития фондового рынка. С проблемой дефицита капитальных ресурсов может столкнуться не только большинство стран региона, никогда не являвшихся капиталоизбыточными, но и страны – крупные экспортеры энергоносителей, например, из-за ухудшения конъюнктуры на их основной экспортный товар.

Темпы развития фондовых рынков будут определяться и наличием экономических и политических преград на пути международного перелива капитала на Ближнем Востоке. До настоящего времени во многих странах остро стоит проблема нехватки внутренних ресурсов для размещения акций и облигаций среди резидентов – как частных лиц, так и институциональных структур. Страны, обеспечившие себе доступ к многомиллиардным временно свободным капиталам, вращающимся на мировых финансовых рынках, наверняка смогут усовершенствовать свою хозяйственную структуру и ускорить экономическое развитие. Наилучшие шансы для этого имеют Израиль, Турция, нефтяные аравийские монархии и Египет. Даже в случае либерализации фондовых рынков главными факторами, определяющими возможности притока на Ближний Восток западных капиталов и размещенных на Западе нефтяных капиталов аравийских монархий (на них приходится основная часть межстрановой миграции фиктивного капитала), останутся уровень хозяйственного развития капиталоимпортирующих государств, степень диверсификации и либерализации их экономики. Пока совокупная доходность фондовых ценностей, их надежность, норма прибыли в избранном для инвестиций виде производства здесь будут ниже, чем на Западе или на зарождающихся рынках, странам региона придется рассчитывать в основном на внутренние накопления и зарубежную финансовую помощь.

Интернационализация фондовых рынков на региональном уровне, скорее всего, будет носить ограниченный характер, учитывая сложность межгосударственных отношений и низкую степень международной хозяйственной интеграции на Ближнем Востоке. Более вероятно усиление перелива капитала на субрегиональном уровне: между странами Персидского залива (здесь уже прорабатываются планы создания субрегиональной фондовой биржи), между Израилем и Турцией, между Турцией и отдельными арабскими странами, среди стран Магриба. Формирование общеарабского фондового рынка, а тем более объединение его с мощным израильским рынком может произойти лишь в самой отдаленной перспективе даже в случае ускоренного продвижения процесса мирного урегулирования на Ближнем Востоке. Барьеры на пути перелива капитала обычно рушатся на поздних стадиях хозяйственного сближения.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Показатели развития фондовых рынков в 1995-1998 гг.*

Страна	Рыночная капитализация (РК), млрд. долл.		Соотношение РК и ВВП, (%)		Количество компаний в листинге	
	1995	1998	1995	1998	1995	1998
Бахрейн	5,9		113,4		36	
Египет	4,5	22,2	9,5	42,4	700	668
Израиль	45,0	46,2	48,9	47,6	600	648
Иордания	4,9	5,5	80,3	78,2	100	147
Кувейт	10,0		37,0		48	
Ливан	3,2		28,8		43	
Марокко	5,4	15,0	16,7	41,6	65	49
ОАЭ	10,0		25,6		77	
Оман	3,0		25,0		110	
Саудовская Аравия	38,0	50,0	29,7	38,4	67	60
Тунис	2,6	2,3	14,4	11,5	23	34
Турция	27,6	45,0	18,4	29,0	199	262

* Из-за нехватки сопоставимых статистических данных показатели за 1998 г. приведены только по семи странам.

Рассчитано по: The Middle East, January 1996, с. 21; December 1998, с. 4; Middle East and North Africa 2000, L., 1999.

Таблица 2

Совместное предпринимательство с участием иностранного капитала в Саудовской Аравии (январь 1998 г.)

Отрасль	Количество проектов	Сумма инвестиций, млн. долл.
Сельское хозяйство	10	140
Строительство	397	430
Обрабатывающая промышленность	758	34330
Добывающая промышленность	66	40
Услуги	265	3240
Всего	1496	38180

Источник: Doing Business in Saudi Arabia. New York, 1998. – С. 10.

Таблица 3

Израильские государственные компании на Тель-Авивской фондовой бирже в 90-е годы

	1990 г.		1992 г.		1994 г.	
	Число	Капитализация*	Число	Капитализация*	Число	Капитализация*
Все компании в листинге	261	9300	378	30000	638	33000
Госкомпании	12	2100	14	4800	14	4700
Доля госкомпаний (%)	4,6	22,6	3,7	16,0	2,2	14,2

(*) Млн. долл.

Рассчитано по: Privatization in Israel. Review and Commentary. – Tel Aviv, 1995. – С. 24, 25.

[1] В их число в данной работе включены арабские страны Азии и Северной Африки, Турция и Израиль.

[2] *Уразова Е.И.* Экономика Турции: от этатизма к рынку. – М., 1993. – С. 194-200.

[3] Recent Developments in the Capital Markets 1990. Bank of Israel. Jerusalem, 1991, с. 27; SAI 1995, с. 236, 453.

[4] Economic outlook, January 30, 2000. Ministry of Finance of Israel, Jerusalem.

[5] Privatization in Israel. Review and Commentary. – Tel Aviv, 1995. С. 24.

[6] См. Современная Саудовская Аравия. – М., 1998. – С. 250.

[7] Там же, с. 230.

[8] Egypt's Economic Profile. – Cairo, 1998. – С. 3, 4.

[9] Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. – М., 1999. – Вып. 3. – С. 25.

К.З.Хамзин

ПЯТЬ ЛЕТ МИРА: ИОРДАНО– ИЗРАИЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1994-1999 гг.

Основанные на мирном договоре октября 1994 г. иордано-израильские отношения второй половины 90-х годов представляют собой уникальный для арабского региона феномен, значительно более масштабный и глубокий, если, например, сравнивать его с кемп-дэвидским процессом.

Для Египта эпохи Садата мирный договор с Израилем носил преимущественно тактический характер и был нацелен на обеспечение благоприятного внешнеполитического климата для задуманной египетским президентом политической и экономической переориентации. Именно выход из противостояния с Израилем, хотя и ценой временной (а в этом президент А.Садат, судя по всему, не сомневался) изоляции в арабском мире, позволял установить партнерские отношения с США, способными своим влиянием подтолкнуть остальные страны Запада к финансово-экономической подпитке «инфитаха» (политики открытых дверей, начатой А.Садатом). Как показали дальнейшие события, мир с Израилем не был самоцелью и потому практически не вышел за рамки юридического закрепления факта прекращения состояния войны между сторонами и возврата оккупированных территорий. В Израиле договор с Египтом прозвали «холодным миром», не стоившим того, чтобы отдавать за него Синай и демонтировать поселения, существовавшие на полуострове в момент подписания кемп-дэвидских соглашений.

Иордания изначально придерживалась иного подхода. Для короля Хусейна мир с Израилем – стратегический выбор. В душе, как об этом неоднократно высказывался в последние годы жизни иорданский монарх, он сделал этот выбор очень давно, однако региональные и глобальные реалии длительное время препятствовали его осуществлению. Ситуация стала благоприятной лишь в середине 90-х гг., после того как в мире начала складываться новая система международных отношений.

Мирный процесс между арабами и Израилем в его нынешней форме стал возможен только в условиях окончания «холодной войны», когда прекратилась эксплуатация региональных конфликтов сверхдержавами в своих идеологических и военно-политических целях в рамках глобального противостояния. Первым внушительным показателем этого сдвига в миропорядке явилось объединение практически всех мировых сил в восстановлении статус-кво в Кувейте и ликвидации иракских арсеналов оружия массового уничтожения (ОМУ). Подобное оперативное вмешательство мирового сообще-

ства для имплементации своей воли (материализованной во всех ключевых резолюциях, принятых СБ ООН по Ираку) показали, что при консенсусном подходе могут быть найдены эффективные средства для урегулирования весьма сложных кризисов. Действия антииракской коалиции, направленные на полное и неукоснительное выполнение Ираком решений СБ ООН (подкрепленные силовыми мерами воздействия), подвигнули арабские государства к тому, чтобы самым решительным образом потребовать от мирового сообщества урегулировать и ближневосточный конфликт, остающийся неразрешенным, несмотря на целый ряд резолюций Совета Безопасности.

После окончания военных действий в регионе Персидского залива (март 1991 г.) поддержка арабами политики мирового сообщества на иракском направлении стала во многом зависеть от того, какую линию станут проводить ведущие державы по отношению к арабо-израильскому урегулированию. Осознание этого факта, подкрепленное уверенностью в том, что объединение усилий США и СССР в деле ликвидации одного из самых застарелых локальных конфликтов дает известные гарантии успеха мероприятия, привело к началу интенсивных консультаций и переговоров о модальностях вступления региональных сторон в процесс ближневосточного урегулирования (БВУ). В течение лета и осени 1991 года удалось согласовать формат участия арабов и израильтян в мирном процессе (впоследствии эта схема получила название «мадридской формулы»: проведение широкой стартовой конференции с последующим переходом к прямым двусторонним переговорам и работе в многосторонних специализированных рабочих группах).

Для Иордании ближневосточный мирный процесс имел жизненную важность. В краткосрочной перспективе участие Аммана в БВУ было нацелено на выход из изоляции, в которой страна оказалась вследствие поддержки Ирака в ходе военной операции «Буря в пустыне». В ситуации, когда страна нуждалась в срочных широкомасштабных экономических преобразованиях, она не могла позволить себе сохранять прохладные отношения с Западом. Пауза в операции по оздоровлению экономики, начатой в конце 80-х гг. в соответствии с рецептурой МВФ, грозила обернуться серьезными социальными потрясениями. По этой причине уже весной 1991 г. Иордания в числе первых региональных сторон начала самым активным образом будировать вопрос о переключении внимания мирового сообщества с кувейтского конфликта на арабо-израильский.

Разблокирование ближневосточного конфликта в полной мере соответствовало интересам Вашингтона, который, почувствовав изменившуюся после «Бури в пустыне» мировую конъюнктуру, с энтузиазмом взял на себя роль «застрельщика». Уже во время первых челночных поездок госсекретаря США Дж. Бейкера в регион Амман подал американской администрации четкий сигнал, что в своих усилиях «запустить» мирный процесс она может твердо рассчитывать на Иорданию. В дальнейшем иорданцы оказали США существенную услугу, поддержав такую формулу палестинского представительства, которая на том этапе устраивала все стороны и в то же время помогала «сохранить лицо» Израилю и руководству ООП.

Выстраивая новую внешнеполитическую линию Иордании, король Хусейн исходил из того, что США рано или поздно предпочтут «перевернуть страницу» периода войны в Персидском заливе, поскольку на новом этапе будут нуждаться в поддержке регионалами своих усилий по «спонсорству» арабо-израильских мирных переговоров. По собственным иорданским оценкам, в Аммане «мирный договор с Израилем рассматривали как лучший способ спасти королевство от политических и экономических трудностей, которые оно переживало с момента кризиса и войны в Персидском заливе в 1990-1991 гг., когда США, монархии Персидского залива и многие государства Европы фактически объявили Иордании бойкот, приписав ей занятие проиракской позиции»[1].

В долгосрочной перспективе Амман планировал выйти на такой уровень взаимодействия и партнерства с США и Израилем (а вместе с ними и со всем Западным миром), который гарантировал бы сохранение иорданского трона за Хашимитской династией, а также территориальную целостность и стабильность Иордании. По словам одного иорданского аналитика, «главными вопросами арабо-израильского конфликта являлись палестинская проблема и (!) будущее Иордании»[2]. По утверждению посла Иордании в США М.Муашшера, заключение мирного договора с Израилем означало бы «снятие вопроса об альтернативной родине (имеется в виду тезис о том, что Иордания есть палестинское государство) навсегда, через признание Иордании как независимого государства и демаркацию границ с Израилем»[3].

Как показали события, сопутствующие переговорному процессу, опасения короля и его окружения на этот счет не были напрасными. Переговоры «разморозили» бурные дискуссии о будущей архитектуре Ближнего Востока. В непосредственно окружающем Иорданию регионе нашлось немало влиятельных и высокопоставленных лиц, намеревавшихся решать сложные проблемы БВУ за счет Хашимитского Королевства. Как выразился в 1993 г. один видный иорданский политик, «страну просто пытаются растащить по частям».

Помимо этого, основываясь на обещанной под мирный договор финансово-экономической и информационной поддержке Запада, король Хусейн предполагал сделать иорданскую модель политической демократизации и экономической либерализации образцом для других арабских государств, что вкупе с налаживанием добрососедских отношений с Израилем должно было «придать Иордании ключевую роль в формулировании нового регионального порядка в условиях мира между арабами и Израилем»[4].

В силу этого внутриполитический курс короля Хусейна в 90-х гг. был нацелен на «трансформацию политической мысли королевства от арабизма к ориентации на Запад»[5]. Фактически речь шла об умеренной вестернизации, призванной обеспечить процесс формирования нового общества, идеологией которого стала бы приверженность идеалам демократии и рыночной экономики. Такое общество, по замыслам короля, неизбежно заняло бы лидирующие позиции в арабском мире в условиях «нового международного порядка».

Один из главных теоретиков этой политики, брат короля Хусейна принц Хасан Бен Талал, обосновал ее следующим образом: «Наша образованная рабочая сила – залог нашего прогресса. Мы не являемся нефтедобывающей страной, но мы достаточно хорошо продвинулись вперед в том, что касается человеческих ресурсов. Исходя из этого, можно ли считать Каир более влиятельным лишь по причине большего числа населения или Эр-Рияд из-за большего богатства и т.д.? Я считаю, что Иордания может играть ключевую роль в демонстрации того, что плюрализм, сопряженный с определенной степенью равновесия между частями общества, ведет к миру и стабильности»[6].

Вполне очевидно, что дворец не строил иллюзий относительно того, как реализация вышесказанного будет воспринята определенными внутренними и внешними региональными силами. В случае возникновения осложнений, вызванных неизбежной оппозицией такому курсу, в частности со стороны Сирии, Ирака, Ирана, палестинских непримиримых, исламистов, панарабистов и др., расчет делался на соответствующую помощь США и их союзников. В этой связи можно привести слова одного из иорданских официальных лиц: «700 млн. долл. списанного американского долга, 225 млн. долл. ежегодной помощи США, увеличение объема имеющихся водных ресурсов и создание Специализированной Индустриальной Зоны в Ирбиде, представляющей собой зону односторонней свободной торговли с США – все это стоит того, чтобы заплатить за это возникновением местной и региональной оппозиции»[7].

Схожими подходами руководствовался и Израиль в своем видении будущих отношений с Иорданией. Давние неафишируемые тесные связи с королем Хусейном позволяли надеется на плотное взаимодействие и в период после заключения мирного договора. По словам первого израильского посла в Аммане Ш.Шамира, «у Израиля и Иордании существовало уникальное совпадение интересов, жизненно важное значение которого неоднократно подтверждалось в предыдущие десятилетия… поэтому не удивительно, что мир между Израилем и Иорданией буквально стал прорывом в арабо-израильском мирном процессе». «Это была уже не навязанная нормализация, которую арабская сторона пыталась подорвать на каждом вираже **(явный намек на Египет),** а концепция строительства мира, основанная на взаимных интересах»[8].

Иордано-израильский мирный договор

Многие аналитики утверждают, что согласование параметров мирного договора между Иорданией и Израилем состоялось задолго до его подписания, несмотря на то, что на официальном уровне распространялась информация о сложных переговорах и серьезных противоречиях между сторонами. Думается, что определенные трудности действительно возникали в ходе «переговорного торга», однако, как представляется, руководители обеих стран изначально ориентировались на то, что нельзя допустить провала заключаемого ими мирного договора. Для этого им прежде всего следовало бы обеспечить друг друга весомыми аргументами, способными оттенить сделанные уступки. Израильтяне получали гарантии

«теплого» мира со всеми его составляющими: установление дипотношений, налаживание политического, экономического, научного и культурного сотрудничества, реализация совместных проектов развития, взаимные поездки граждан и туризм. Иордания соглашалась на мир и всестороннюю нормализацию отношений взамен восстановления ее прав на ряд анклавов, принадлежащих ей в соответствии с британскими картами раздела подмандатных территорий Трансиордании и Палестины в 1922 г., и справедливый раздел водных ресурсов рек Иордан и Ярмук. Кроме этого, признавалась особая роль Иорданского Хашимитского Королевства во всех вопросах, касающихся исламских святынь в Иерусалиме. Как показали дальнейшие события, именно эти аргументы использовались для убеждения населения обоих государств в правильности сделанного шага.

Толчком для форсирования подписания мирного договора стали палестино-израильские договоренности в Осло. Воспользовавшись этим «прорывом» на палестинском направлении, о котором иорданцев не ставили в известность до самого конца, Амман объявил о выполнении своих обязательств перед палестинцами и отсутствии каких-либо дополнительных препятствий для аналогичного прогресса на иордано-израильском «треке». Логика короля была предельно простой: Иордания сделала максимум возможного для успешного участия своих палестинских братьев в мирном процессе, предоставив им «зонтик» единой делегации. В этой связи Амман рассчитывал на соответствующий уровень координации. Палестинцы же, попользовавшись удобствами иорданского прикрытия, в одностороннем порядке перестали считать себя частью одной команды и при первой же возможности договорились с Израилем за спиной Иордании. Посему, делал вывод иорданский монарх, Амману тоже следует перестать оглядываться на других и позаботиться о собственных интересах.

Мирный договор между Израилем и Иорданией был подписан 26 октября 1994 г. в Вади Араба, на участке нейтральной полосы, отделяющей близлежащие города Акаба и Эйлат. Высокие свидетельские подписи под ним поставили президент США Б.Клинтон, министр иностранных дел России А.В.Козырев и госсекретарь США У.Кристофер.

Документ состоит из 30 статей и нескольких приложений. Составной частью договора являются и подписанные сторонами карты, на которых обозначена новая линия границы.

Для аналитиков новой архитектуры Ближнего Востока этот договор представляет значительный интерес. Это связано прежде всего с тем, что в нем закреплен целый ряд положений, отражающих новый региональный баланс сил, сложившийся к середине 90-х гг. под влиянием кардинальных перемен в глобальной диспозиции. Изменения прежде всего касаются многих привычных доселе понятий и формулировок из лексикона арабо-израильского конфликта, сложившегося под влиянием советско-американского соперничества на всем пространстве Ближнего Востока.

Для большинства арабов текст документа был несколько неожиданным. Арабские политологи левого толка сходятся во мнении, что такой

разворот событий является прямым следствием ослабления позиций России в регионе (существует и выражение «фактический уход России с ближневосточной сцены»), позволившего соответственно усилиться Соединенным Штатам Америки и их традиционному союзнику – Израилю. Именно отсюда и возникает тезис, озвученный известным исследователем профессором А. Хаммудой: «то, как составлен договор, не может не создавать впечатления, что Израиль более сильное государство не только с точки зрения экономического, научного и военного потенциала, но и с точки зрения переговорных позиций»[9].

Эти слова в полной мере отражают бытующее среди иорданцев и других арабов мнение, что в погоне за «иорданскими правами» израильтянам были сделаны значительные уступки в различных, казалось бы, второстепенных вопросах, имеющих, тем не менее, важное значение как для самой Иордании (учитывая ее демографическую поликомпонентность), так и для других арабских участников БВУ (как прецедент). Наиболее полно все претензии иорданцев к договору как документу собраны в статье А.Хаммуды «5 лет Иордано-израильскому мирному договору»[10]. Что же отмечается автором?

В преамбуле статьи 2, описывающей Основные принципы, на которых базируется договор, говорится о том, что «в своих отношениях стороны будут применять положения Устава ООН и принципы международного права (МП), регулирующие межгосударственные отношения в мирное время». В статье 6 этой же части предусматривается «недопущение принудительной миграции жителей одной из сторон, которая может оказать негативное воздействие на другую сторону». Здесь А.Хаммуда задается следующим вопросом: что первично – Устав ООН или принципы МП, и как быть с добровольным переселением, таким, как например, экономическая миграция арабов из Палестины в Иорданию.

В пункте 2 статьи 3 (Границы) использована формулировка «территории, попавшие под контроль израильской власти в 1967 г»., где под словом «контроль», согласно А.Хаммуде, подразумевается военная администрация, управляющая оккупированными территориями. И хотя тематика статьи касается прежде всего территорий, граничащих с Иорданией, подспудно, по мнению Хаммуды, из оккупированных территорий изымается Восточный Иерусалим, который на правах остальных территорий, включенных в состав «материкового» Израиля, управляется гражданской администрацией. Помимо этого, в договоре обойден вопрос об оккупации Израилем в апреле 1949 г. поселка Умм ар-Рашраш, расположенного западнее Акабы.

Согласие Иордании на «принятие необходимых и действенных мер и сотрудничество [с Израилем] для борьбы против терроризма во всех его видах» (пункт 5 статьи 4) фактически означает в контексте продолжающегося арабо-израильского конфликта, что Иордания выступает против отстаивания арабами своих прав вооруженным путем и будет вести борьбу с теми, кто с точки зрения израильтян и Запада считается террористами.

Крайне чувствительный для иорданцев вопрос – беженцы. Однако и здесь, как утверждает А. Хаммуда, возобладал израильский, а не араб-

ский подход к проблеме. Во-первых, иорданцы фактически согласились с израильскими дефинициями «беженца» и «переселенца», что позволяет избежать необходимости считаться с принятыми ранее международными документами по данному вопросу с отличными от израильской трактовками. Более того, подпунктом А пункта 2 статьи 8 (Беженцы и переселенцы) предусматривается создание комитета в составе Иордании, Израиля, Египта и палестинцев для урегулирования проблемы переселенцев, что представляет собой попытку зачеркнуть резолюцию СБ ООН № 194, предоставляющую беженцам право на возвращение к своим очагам.

Помимо вышесказанного, существует ряд более мелких замечаний, также концентрирующихся вокруг того, что договор является чересчур благоприятным для Израиля и негативным для «общеарабского дела».

Среди моментов, которые могут считаться позитивными, отмечается тот факт, что договор закрепил признание Израилем государственных границ Иордании, что может рассматриваться как «официальный отказ израильского руководства от пресловутого сионистского тезиса о том, что восточный берег Иордана тоже относится к историческому Израилю»[11]. Выделяется также статья 24, связанная с проблемой претензий сторон. В ней, в частности, фиксируется договоренность о «создании совместной Комиссии по решению всех финансовых претензий на взаимной основе». Для тех подданных Иорданского Королевства, кто потерял свою собственность, находившуюся к западу от р. Иордан, это внушает надежду на возможность предъявить соответствующее требование к правительству Израиля, изымавшему арабскую собственность по Закону об отсутствующих лицах.

В Израиле отношение к мирному договору с Иорданией было более благоприятным. Определенные сомнения выражались лишь в отношении того, насколько после кемп-дэвидского опыта можно доверять арабскому государству, когда оно обязуется всесторонне нормализовать отношения с Израилем, и отсюда насколько будут оправданы сделанные уступки, если иорданцы де-факто начнут саботировать выполнение договоренностей. Кроме этого, неуверенность высказывалась и в том, что касается преемственности курса короля Хусейна в случае прихода к власти других руководителей.

То есть, как мы видим, основная разница в подходах заключается в том, что для израильтян мир с Иорданией – это самостоятельный, не зависимый ни от чего процесс, где с одной стороны находятся они, а с другой – иорданцы. Основная же масса иорданцев (при наличии небольших групп твердых сторонников мира и абсолютных противников какого-либо диалога с Израилем вообще) так и не сумела преодолеть того чувства, что не может быть отдельно взятого мира с Израилем в отрыве от состояния дел на всех других направлениях БВУ.

Таким образом, на основе отношения к мирному договору в Иордании сложилось три основных лагеря. Первый: полностью отвергает договор и видит в его подписании причину практически всех нынешних проблем Иордании. Второй: поддерживает договор и считает, что альтернативы ему в любом случае не имеется. Третий: лица, не имеющие оконча-

тельного мнения и продолжающие анализировать, кому данный документ больше выгоден, Израилю или Иордании?

Иордано-израильские отношения с октября 1994 г. по май 1996 г.

В первые полтора с небольшим года после заключения мира иордано-израильские отношения можно без преувеличения охарактеризовать как «медовый месяц», чему способствовал ряд факторов.

Во-первых, после мощнейшей информационной «артподготовки» в обеих странах царило ожидание многообещанных плодов мира. Руководство Израиля исходило из того, что гарантированная королем в ходе неформальных контактов динамичная нормализация сможет быть выгодным образом использована в работе на остальных «треках» БВУ и во взаимоотношениях с арабским миром в целом. Для простых израильтян преимущества мира заключались прежде всего в возможности беспрепятственно ездить в Иорданию, отдыхать там за меньшие, чем на родине деньги, посещать исторические места, многие из которых имеют для евреев важное религиозное значение. В экономическом плане прорабатывались проекты создания совместных предприятий на территории Иордании, с тем чтобы извлекать выгоду из существенно более низкой стоимости иорданского труда и имеющихся у израильтян коммерческих преференций при экспорте товаров в США и другие страны Запада.

Иорданцы, идеологическая обработка которых была более интенсивной, поскольку их требовалось подвигнуть на принятие мира с бывшим врагом в ситуации, когда на других направлениях прогресс или отсутствовал, или был незначительным, имели заметно более завышенные ожидания. Многие полагали, что подписание мирного договора уже в течение первого года ощутимо улучшит социально-экономическое положение королевства, в том числе и на уровне индивидуумов.

Во-вторых, между лидерами двух стран – королем Хусейном, наследным принцем Хасаном, президентом Х.Вейцманом и премьер-министром И.Рабином – наладился позитивный диалог, основанный на взаимном доверии и уважении. Для израильтян сама личность короля Хусейна внушала уверенность в том, что договоренности с иорданцами будут выполнены. В свою очередь иорданские руководители рассматривали Рабина в качестве человека, который разделяет их точку зрения относительно ситуации в регионе и на чьи слова можно положиться.

В-третьих, в первое после подписания мирного договора время было очень важно показать США то, что «мир работает», поскольку американцы не только вложили в него много усилий, но и обещали солидную финансовую подпитку (как напрямую, так и через международные финансовые институты) различным проектам развития, особенно в Иордании. То есть и король Хусейн, и премьер-министр Рабин осознавали, что для администрации Клинтона заключение договора представляет собой крупную внешнеполитическую победу, за которую она в прямом смысле слова готова платить, лишь бы этот успех принял долговременный характер.

Все эти факторы и обеспечили высокую динамику иордано-израильских отношений на этапе до перехода власти от правительства «Аводы» к блоку «Ликуд». Обе стороны старались максимально энергично продвигать процесс нормализации. Несмотря на многочисленные трудности и технические препятствия, и иорданцы, и израильтяне проявляли немалую гибкость и компромиссность.

Дворец в кратчайший период провел через иорданский парламент закон № 14 от 1994 г. «О ратификации мирного договора». Голоса оппозиции фактически утонули в волне мощнейшей пропагандистской кампании, рекламировавшей преимущества и выгоды мира. В Израиле также динамично одобрили договор, что позволило уже 10 ноября 1994 г. провести обмен ратификационными грамотами, который и стал началом вступления договора в действие.

11 декабря 1994 г., менее чем через два месяца после церемонии в Вади Араба, в Тель-Авиве открылось иорданское посольство, а в Аммане – израильское. Символичным стало и назначение первым иорданским послом в Израиле последовательного сторонника мира и активнейшего участника переговорного процесса, бывшего заведующего иорданским информационным бюро в США Марвана Муашшера. Это был недвусмысленный знак того, что продолжение сближения и сотрудничества с израильтянами является для Аммана приоритетным.

10 февраля 1995 г. израильский Кнессет принял «Закон об имплементации Договора о мире между Израилем и Иорданским Хашимитским Королевством», юридическое действие которого начиналось 10 ноября 1994 г.

В первой половине 1995 г. страны заняли территорию с учетом новой, закрепленной в мирном договоре (статья 3), международной границы, установленной по линии раздела в 1922 г. двух британских подмандатных территорий Трансиордании и Палестины. Стороны уточнили морскую границу в Акабском заливе и на Мертвом море. 25 июня 1995 г. был установлен первый из 122 пограничных столбов, которые после завершения процесса демаркации должны обозначать 220-километровый участок иордано-израильской границы от Мертвого до Красного моря. Вступили в действие специальные соглашения по районам аль-Хамр/Зофар и Бакура/Нагараим, которые перешли под суверенитет Иордании, но на которых израильтяне сохранили право продолжать заниматься сельским хозяйством.

В феврале 1995 г. стороны подписали двустороннее соглашение по туризму, которое определило основные направления иордано-израильского сотрудничества в этой сфере и конкретизировало совместные туристические проекты. В соответствии с данным соглашением был значительно упрощен порядок пересечения сухопутной иордано-израильской границы (в Акабе/Эйлате и по мостам через р. Иордан) для граждан обоих государств, которые желали бы посетить Израиль или Иорданию с туристическими целями (необходимость получения въездной визы, правда, была сохранена). С 1 апреля 1996 г. начались регулярные автобусные перевозки туристов на маршрутах Амман – Тель-Авив, Хайфа, Назарет, Ирбид – Хайфа, Назарет, Акаба-Эйлат. С этого же момента обе стороны разреши-

ли проезд через пункт Араба/Арава (между Акабой и Эйлатом) и мост шейха Хусейна (в Северной части долины р. Иордан) граждан на собственных автомобилях, однако, пока на тех, которые имеют регистрационные номера третьих стран. Это прежде всего было вызвано соображениями безопасности, так как, к примеру, в Аммане нападениям подвергались даже автомашины израильского посольства.

В мае 1995 г. вступило в действие промежуточное иордано-израильское соглашение по воздушному сообщению. Благодаря этому иорданская гражданская авиация смогла летать через воздушное пространство Израиля, что позволяло существенно экономить время полетов и горючее. 16 января 1996 г. сторонами было подписано новое Транспортное соглашение, вступившее в действие для наземного транспорта 1 апреля, а для воздушного – 7 апреля того же года.

17 сентября 1995 состоялся первый чартерный рейс иорданской авиакомпании из Аммана в Тель-Авив. 7 апреля 1996 г. «Ройял Вингз» (одно из дочерних предприятий национальной авиакомпании «Ройял Джорданиен») начало осуществлять постоянное авиасообщение между Амманом и Тель-Авивом.

После подписания в октябре 1996 г. «Дополнения к двустороннему соглашению о перевозках между Иорданией и Израилем» интенсивность пассажирского авиасообщения между двумя странами вышла на уровень шести рейсов иорданских «Ройял Вингз» в Тель-Авив и двух – в Хайфу, а также пяти рейсов израильской «Аркиа» в Амман.

По данным занимавшего в тот период пост министра транспорта Иордании Н.Лози, с октября 1994 г. по июнь 1996 г. королевство посетили 120 тысяч израильтян (израильтяне называют цифру 200 тысяч), при этом, по информации посла Иордании в Тель-Авиве О. Рифаи, за тот же период Израиль посетило более 50 тысяч иорданцев. По данным израильтян, начиная с 1997 г. поток израильских туристов стал стабильно составлять около 125 тысяч чел. в год, иорданцев – около 47-50 тыс., не считая навещающих родственников[12].

Мир и стремление развивать сотрудничество и добрососедские отношения дали толчок широкой кампании по рекламе Иордании в США и странах Европы. Тиражируемый в западных СМИ позитивный имидж Хашимитского королевства привел к резкому усилению туристического потока с Запада в Иорданию. Только в одном 1995 г. страну посетило более одного миллиона иностранных туристов.

В августе 1995 г. в соответствии со статьей 21 мирного договора было подписано двустороннее соглашение в области здравоохранения. Наряду с другими положениями в него были включены пункты об обмене специалистами и информацией о новых медицинских технологиях и фармацевтических препаратах.

В этом же месяце стороны подписали промежуточное соглашение в области энергетики, в котором предусматривалась возможность объединения израильской и иорданской энергосистем. Запланировано создание

высоковольтных линий Амман-Цфат, Акаба-Эйлат, Сафи-Содом (район Мертвого моря), Ирбид-Тель-Ор (на севере Иорданской долины).

В начале сентября 1995 г. Иордания и Израиль подписали соглашение о защите окружающей среды, в котором наметили основные направления сотрудничества в решении экологических проблем. В частности, предусматривается установление единых экологических стандартов, регулярный обмен информацией по потенциально опасным в плане экологии промышленным объектам, расположенным вблизи границы между странами, и проведение совместных работ по экологической экспертизе проектов в области туризма и энергетики, реализация которых намечена в районах Акабского залива, Вади Араба, Мертвого моря и долины р. Иордан. Уже в конце того же месяца Израиль по просьбе иорданцев оказал им содействие в ликвидации последствий возникшей в порту Акабы аварии, которая стала причиной выброса в Акабский залив около 100 т. нефти.

Уже через полгода после церемонии в Вади Араба был реализован первый проект в сфере водных ресурсов: 26 июня 1995 г. король Хусейн торжественно открыл водовод длиной 3,4 км, соединивший Тивериадское озеро и канал короля Абдаллы. Его мощность – 30 млн. куб. м/год.

После проведения в течение нескольких месяцев интенсивных переговоров для согласования позиций сторон Иордания и Израиль подписали 25 октября 1995 г. торговое соглашение и на следующий день, 26 октября, соглашение по сельскому хозяйству. Цель этих документов, по мнению участников переговоров, заключалась в обеспечении активизации иордано-израильских экономических отношений. Так, в соответствии с достигнутым соглашением по сельскому хозяйству иорданская ежегодная квота на экспорт аграрной продукции в Израиль составила 50 тыс. тонн свежих овощей и фруктов, 30 тыс. овец, 2 тыс. тонн сыра и 900 тонн оливкового масла[13]. Израиль получал право экспорта в Иорданию тех сельскохозяйственных товаров, которые королевство вынуждено закупать за рубежом. В торговой сфере Иордания получала снижение израильских таможенных пошлин на бóльшую часть своей промышленной продукции (в частности, цемент, мебель, продукты питания, лекарства) от 20 до 50% сроком на три года (после чего было намечено вновь вернуться к согласованию этого вопроса). Взамен Израилю предоставлялось 10-процентное снижение таможенных ставок на целый ряд товаров (фанерные изделия, автомобильные покрышки, средства связи, медицинское оборудование, лекарства, продукты питания и др.), предполагаемых для ввоза в Иорданию[14].

Во второй половине сентября 1996 г. на заседаниях совместных комитетов сельскохозяйственной координации, состоявшихся в Израиле, стороны дали зеленый свет реализации с середины октября 1996 г. соглашений о сельскохозяйственном сотрудничестве и торговом обмене.

Торговым соглашением также определено проведение в ближайшей перспективе переговоров о создании между странами свободной экономической зоны (СЭЗ) в долине р. Иордан и предусмотрено формирование совместного иордано-израильского комитета по торговым связям. Причем

иорданцы провели свою точку зрения по СЭЗ, добившись права самим определять, когда ее создавать.

В конце октября 1995 г. министр внутренних дел Иордании и министр полиции Израиля подписали соглашение по вопросам безопасности, которое значительно дополнило первое иордано-израильское соглашение в этой области от февраля того же года. В соответствии со вторым документом наряду с сотрудничеством в деле охраны границ стороны наметили координацию своей деятельности по борьбе с терроризмом и наркобизнесом, совместные расследования, в случае необходимости, различных преступлений, обмен информацией и результатами экспертиз, установление между полицейскими ведомствами обоих государств прямой телефонной линии, а с декабря 1995 г. начало деятельности совместного иордано-израильского комитета по вопросам безопасности.

Было запланировано подписание между странами меморандума о взаимопонимании в области телекоммуникаций.

Подобный сдвиг в двусторонних отношениях сопровождался и сближением точек зрения по различным аспектам регионального сотрудничества, что отчетливо проявилось в ходе подготовки к Амманской конференции по экономическому развитию Ближнего Востока и Северной Африки и на самом форуме, состоявшемся 29-31 октября 1995 г. Делегации обеих стран выступили на этой конференции с рядом совместных долгосрочных проектов регионального развития и создания региональных институтов экономического сотрудничества, в частности Банка экономического сотрудничества и развития на Ближнем Востоке и в Северной Африке, Ближневосточно-Средиземноморской туристической ассоциации (МЕМТТА) и Регионального предпринимательского совета (RBC).

Высокая степень координации была достигнута и в вопросах создания новой системы региональной безопасности. В ходе заседания ближневосточной многосторонней рабочей группы по контролю за вооружениями и региональной безопасности (МРГКВРБ) был принят ряд конкретных решений. Так, при активной поддержке Иордании и Израиля на амманской (сентябрь 1995 г.) встрече МРГКВРБ было принято решение о создании Регионального центра безопасности со штаб-квартирой в иорданской столице.

Интенсивно развивалось взаимодействие по региональным проблемам. Кроме этого, И. Рабин использовал свое влияние в американской администрации для лоббирования в Вашингтоне иорданских экономических интересов. Так, по просьбе короля Хусейна он в ходе визита в США в октябре 1995 г. посоветовал американцам положительно решить вопрос о поставках Амману 72 истребителей F-16 и безвозмездной передаче иорданским вооруженным силам военно-транспортного оборудования и средств связи на общую сумму около 100 млн. долл.

В то же время израильская сторона крайне вяло подключалась к налаживанию непосредственного двустороннего сотрудничества. Уже к концу 1995 г. иорданцы стали отмечать возникновение «негативных мо-

ментов»: процесс обсуждения и реализации многих совместных планов и проектов затягивался, откладывался и где-то пробуксовывал. Иорданские деловые круги с неудовлетворением констатировали, что уровень экономической координации заметно отстает от масштабов политического диалога. Возникало ощущение, что израильтяне стремятся не допустить иорданский бизнес на свои рынки.

С большими трудностями сталкивался экспорт иорданской продукции в Израиль и в районы Палестинской автономии. Из-за искусственно усложненных бюрократических процедур и контроля органов безопасности на мостах через Иордан торговый оборот оказался сильно ограничен. По словам иорданских бизнесменов, им было проще и легче транспортировать грузы на палестинские территории через Кипр, чем кратчайшим путем – грузовиками через мосты.

Убийство И.Рабина противником мира с арабами стало своего рода психологическим ударом по лагерю сторонников нормализации отношений с Израилем в Иордании, развеяло определенные иллюзии относительно возможности быстрого преодоления идеологических наслоений прошлого. Похороны Рабина стали для иорданского руководства своего рода прощанием с эпохой взаимопонимания и партнерства (которую аналитики окрестили «медовым месяцем» в иордано-израильских отношениях), когда эмоциональный подъем и «головокружение» от ожидаемого эффекта мира практически заглушили трезвую оценку ситуации, в определенной степени сделали всю иорданскую внешнюю и внутреннюю политику заложницей ее израильской ориентации.

Первой «ласточкой» перемен стала эмоциональная реакция иорданских парламентариев на обострение событий на юге Ливана весной 1996 г. Обычно они придерживались неписаного правила публично не идти наперекор политике дворца. Посвятив данной проблеме заседание, Палата депутатов иорданского парламента приняла декларацию, призывающую правительство приостановить действие мирного договора с Израилем, выслать израильского посла в Аммане, соответственно отозвав своего из Тель-Авива, прекратить процесс нормализации, все переговоры, встречи и визиты, а также созвать экстренный общеарабский саммит и активизировать Договор арабской коллективной обороны. С этого момента противодействие нормализации отношений с Израилем вступило в новую фазу.

Подвело черту под первым этапом иордано-израильских отношений после заключения мирного договора поражение «Аводы» на выборах 1996 г. и приход к власти «Ликуда» во главе с Б.Нетаньяху.

Отношения между двумя странами в период деятельности правительства Б.Нетаньяху

Наблюдатели отметили некоторое охлаждение отношений между Иорданией и Израилем уже в начале 1996 г., когда вместо погибшего И.Рабина кресло премьер-министра занял другой израильский архитектор мирного процесса Шимон Перес. Его переговоры с Палестинской нацио-

нальной автономией (ПНА), оформленные позднее как соглашение Бейлин-Абу Мазен реанимировали серьезные опасения иорданцев относительно истинных намерений израильтян.

Как известно, БВУ для Иордании представляет собой не только один из главных приоритетов внешней политики, но и серьезнейший сегмент внутренней политики. По словам известного арабского политолога Б.Хасана, «в отличие от всех других окружающих Израиль арабских стран в Иордании ситуация в арабо-израильском конфликте трансформируется из фундаментальной проблемы в судьбоносную и из вопроса внешней политики в вопрос внутренней политики»[15]. В чем это выражается? Как известно, в Иордании находится более миллиона палестинцев, проживающих в лагерях и соответственно продолжающих иметь официальный статус беженцев. В силу этого в Аммане всегда внимательно следили за переговорами и контактами израильтян с палестинцами, предполагая, что могут иметь место попытки договориться за счет Иордании.

Речь идет о периодически вытаскиваемой на свет идее о том, что Иордания – палестинское государство, в связи с чем нет никакой необходимости ставить вопрос о возвращении беженцев из Иордании к их историческим очагам. В королевстве эту теорию, одним из главных сторонников которой является А.Шарон, называют «Альтернативной родиной» *(аль-Ватан аль-Бадиль)* и не упускают случая выразить свое резкое неприятие подобных планов. Если Израиль и ПНА, как полагают в Аммане, договорятся о том, что находящиеся на территории Иордании палестинские беженцы остаются там навсегда, последней придется инкорпорировать их в свое общество (по-арабски этот процесс именуют *«тау-тын»).* Это неприемлемо и по политическим соображениям, и по экономическим. Так, монополизировавшие все властные рычаги в Иордании представители коренных иорданских кланов, численность которых составляет, по разным данным, от 40 до 60% населения королевства (точные данные в силу их особо чувствительного характера не публикуются), в случае реализации вышеупомянутого сценария оказались бы в значительном меньшинстве. Такой разворот событий неминуемо привел бы рано или поздно к постановке вопроса о переделе власти. Стоит ли говорить, что «Черный сентябрь» 1970 г. еще у многих иорданцев свеж в памяти.

С экономической точки зрения абсорбция более миллиона беженцев, живущих сегодня на скудные дотации и помощь БАПОР (UNRWA), потребует значительного отвлечения бюджетных средств на долгосрочную перспективу, при том, что совокупный внешний долг страны в настоящее время заметно превышает ВВП Иордании (на середину 1999 г. он составил 7 млрд. долл.[16]). Одно только поддержание социально-экономической жизни лагерей беженцев на нынешнем уровне представляет для страны тяжелое финансовое бремя.

Именно поэтому «Иордания следит за палестино-израильскими переговорами не только как за внешним событием, но и как за внутренним»[17]. И когда на свет появился документ, получивший название «План Бейлина-

Абу Мазена», маятник политических симпатий Аммана, как отметили наблюдатели, качнулся в сторону «Ликуда». Король Хусейн и Б.Нетаньяху, имевший в тот момент статус лидера крупнейшей оппозиционной партии, заметно интенсифицировали контакты. Весной 1996 г. Нетаньяху совершил по приглашению иорданского монарха визит в Амман.

Тем не менее, несмотря на казавшееся взаимопонимание между королем Хусейном и Б.Нетаньяху в оценках перспектив и императивов мирного процесса, с приходом «Ликуда» к власти ситуация заметно осложнилась. При этом Амман выразил несогласие и неприятие не только в отношении генеральной линии Нетаньяху на израильско-палестинском направлении БВУ, но и по его отдельным действиям, задевшим лично короля Хусейна. Болезненность реакции иорданского монарха усугублялась еще и тем, что в отличие от доминировавшего среди арабских лидеров пессимизма по поводу будущих шагов лидера «Ликуда» он в первые недели нового израильского правительства публично высказывал уверенность, что Б. Нетаньяху не отступит от достигнутых ранее договоренностей и будет продолжать процесс урегулирования.

Сам Нетаньяху, судя по всему, вовсе не желал ссориться с королем. Свидетельством тому служит его обращение к королю в ходе июльского (1996 г.) визита в Вашингтон помочь ему улучшить свой имидж среди арабских руководителей и убедить их в том, что нет причин для сомнений в приверженности нового израильского руководства делу мира.

При этом на деле премьер-министр Израиля как минимум два раза крупно «подставил» короля Хусейна. Первый раз после того, как за заверениями в самых добрых намерениях, озвученными в Аммане советником Нетаньяху Дори Голдом, последовало решение израильского правительства о расширении израильских поселений на оккупированных территориях, второй раз – когда буквально на следующий день после другого визита Д.Голда в иорданскую столицу и очередных клятв в стремлении к миру произошел инцидент со злополучным тоннелем под Храмовой горой, о намерении «ликудовцев» открыть который советник израильского премьера во время встречи с королем умолчал.

Иорданский монарх достаточно долго не спешил с казавшейся логичной резкой критикой такого поведения израильтян и даже, получив информацию о планах расширения поселенческой деятельности на Западном Берегу и в Секторе Газа, выразил надежду, что израильское правительство не будет «создавать препятствий к миру»[18]. Однако открытие тоннеля Хасмонеев окончательно вывело монарха из себя, ибо это ставило в смешное положение лично его: по мирному договору признается особая роль иорданского короля в опеке над исламскими святынями Иерусалима (пункт 2 статьи 9), и израильтяне должны были бы проявить такт и хотя бы поставить монарха в известность.

Серьезный удар по процессу нормализации нанесла неуклюжая попытка «Моссад» ликвидировать в Аммане 25 сентября 1997 г. члена руководства «ХАМАС» Х.Мишаля, являвшегося гражданином Иордании. И

хотя король в дальнейшем выгодно использовал этот инцидент для укрепления своих позиций в палестинской среде (в качестве «компенсации» из израильской тюрьмы выпустили духовного лидера «ХАМАС» шейха А.Ясина), его критике в адрес Нетаньяху и израильской администрации не было предела. Монарх оказался вынужденным примкнуть к тем, кто, критикуя Нетаньяху, ставил под вопрос целесообразность мирного процесса в целом. Сохранять молчание или демонстрировать оптимизм в отношении политики Нетаньяху стало означать для руководства Иордании противопоставление себя общественному мнению страны.

Еще на вашингтонской встрече участников мирного процесса (1996 г.) Хусейн раздраженно заявил Нетаньяху: «Нам нужна не наглая демонстрация силы, а мудрость, как у Ицхака Рабина. Может, когда-нибудь она появится и у Вас, однако сегодня победу могут праздновать экстремисты и разжигатели войны. Я сильно разочарован. Я беспокоюсь за Вас. Если вы не в состоянии понять, что происходит, это прежде всего отразиться на всех нас, тех, кто здесь присутствует»[19]. Этими словами король Хусейн пытался вызвать у израильского деятеля понимание того, что его политика делала мишенями противников мирного процесса (после убийства Рабина это получило и буквальный смысл) всех, кто поддерживал курс на мир, на диалог, на разумные компромиссы.

Следует отметить, что, несмотря на вышесказанное, король Хусейн не собирался сидеть сложа руки. Дворец предпринял целый ряд усилий по воздействию на Нетаньяху. Использовались каналы США, а также внутренние израильские рычаги. В октябре 1996 г. премьер-министр Иордании А.К.Кабарити направил приглашение посетить королевство лидерам израильской ортодоксальной религиозной партии ШАС Арье Дери и раввину Овадии Йосефу. Как известно, ШАС была членом правительственной коалиции, и позиция партии не могла не учитываться израильским премьером при принятии решений.

Изменение доминирующих в иорданском обществе настроений относительно мирного договора с Израилем материализовалось не только в усилении антиизраильской риторики (которую дворцу удавалось в значительной мере удерживать в рамках кампании «анти-Нетаньяху»), но и в активизации деятельности различных радикальных исламских и панарабских групп, выражавших намерения бороться против нормализации и мирного договора в целом всеми доступными средствами. Именно на период правления «Ликуда» приходится закрепление в Иордании движения «ХАМАС» (к середине 1999 г. это приняло такие угрожающие масштабы, что иорданское руководство начало выдавливание хамасовцев со своей территории).

За возникшим при Б.Нетаньяху в иордано-израильских отношениях «заморозком» стоит несколько факторов. Часть из них носит субстантивный характер, какие-то моменты являются результатом обычных недоразумений, которые, тем не менее, в условиях взаимной подозрительности и недоверия также сыграли определенную роль в формировании общественных настроений.

Несмотря на достаточно развитую в Израиле школу ближневосточных исследований, израильские аналитики явно, просчитались в оценке роли панарабского, и тем более, палестинского факторов в иорданской политике. Так, по словам экс-посла Ш.Шамира, «самой большой иллюзией, преобладавшей в основном у израильтян, было мнение о том, что любое мирное соглашение, заключенное между Израилем и арабским государством, будет закрытой автономной системой, как будто каждый [мирный] договор является отдельным кирпичом, а весь мирный процесс заключается в простом водружении одного кирпича на другой, пока не будет завершено все сооружение». Выраженная послом мысль ясна: при известной целостности и взаимозависимости арабских обществ можно достичь ничем не омрачаемой нормализации с Израилем со стороны ряда арабских государств в то время, когда в отношениях с другими арабами сохраняются враждебность и «ворохи» нерешенных проблем. В самой Иордании звучит та же мысль. По утверждению главы одной из крупнейших финансовых структур страны Инвестиционной группы «Сенчури» О.Салаха, «для иорданцев, если Израиль враждебен какому-то одному арабскому образованию, – он враждебен нам всем»[21].

Конечно, в какой-то степени декларирование приверженности арабской и исламской солидарности носит поверхностный характер, порой мотивируется желанием «прикрыться», поскольку многие бизнесмены, имеющие дела с израильтянами, просто опасаются быть подвергнутыми остракизму и шельмованию. У кого-то это связано с необходимостью скрыть работу с Израилем, чтобы не нанести ущерб одновременному деловому сотрудничеству с Саудовской Аравией, Ираком, Сирией.

В Иордании с каждым новым витком напряженности на палестинском и ливанском «треках» буквально на глазах происходила эрозия общественной поддержки мирного договора. Даже те иорданцы, кто не имел палестинских корней, не могли, будучи арабами и мусульманами, провести грань между своим отношением к миру с Израилем и эмоциональной реакцией на различные инциденты, происходившие на Западном берегу р. Иордан и на юге Ливана.

Среди трезвомыслящих иорданцев, отдающих себе отчет в том, какое место занимает мирный договор с Израилем в процессе оздоровления иорданской экономики и налаживания партнерских отношений со странами Запада, также стал распространяться пессимизм. Поначалу в Аммане возлагались большие надежды на экономическую отдачу от мира и всесторонней нормализации отношений, однако со временем определенное разочарование испытали не только широкие слои общества, ориентировавшиеся под воздействием пропаганды на получение невиданных дивидендов, но и представители деловых кругов, полагавшие, что нормализация создаст им в Израиле и на палестинских территориях определенное поле для деятельности. Об этом, в частности, сообщил в интервью выходящей в Лондоне арабоязычной газете «аш-Шарк аль-Аусат» посол Израиля в Аммане Ш.Шамир: «Корни неудовлетворенности иорданцев лежат в

изначально нереалистичных ожиданиях, к тому же два года мира вряд ли могут снять все то, что накопилось за десятилетия конфликта»[22].

Сближение с Израилем создало напряженность в отношениях Иордании с Сирией и Ираном. Более того, под давлением США, рисовавших радужные перспективы партнерства с «демократическим миром», Амман был вынужден несколько дистанцироваться от Ирака, играющего заметную роль в поддержании на плаву иорданской экономики. Однако ожидавшегося эффекта от этого бизнесмены и курирующие экономические вопросы госчиновники не увидели, что также внесло свою лепту в усиление чувства обманутости.

Израильтяне, как показала практика, неадекватно относились к развитию торгово-экономических отношений с Иорданией. В том, что касается иорданского экспорта на палестинские территории, проводилась политика его бюрократического блокирования с целью «защиты израильского производства и недопущения в страну (Израиль) более дешевых товаров»[23]. По оценке Ш.Шамира, «израильские чиновники порой ведут переговоры со своими партнерами так, как будто Иордания, чья экономика составляет менее одной десятой экономического потенциала Израиля, является конкурирующим индустриальным государством»[24]. Отсюда, в частности, такой дисбаланс в торговле с Западным берегом р. Иордан, сектором Газа: экспорт из Иордании в 1998 г. составил 25 млн. долл. (по другим данным – 34 млн. долл.[25]), из Израиля -2,8 млрд. долл. за тот же период[26]. В то же время двусторонний товарооборот Израиля и Иордании составил в 1998 г. всего около 40 млн. долл. (для сравнения товарооборот между Иорданией и находящимся в блокаде Ираком превысил в 1998 г. 500 млн. долл.), из которых около 14 млн. – импорт из Израиля и около 26 млн. – экспорт в Израиль[27]. В 1998 г., в свете заключения палестино-израильского соглашения в Уай Плантейшн отмечен незначительный рост товарооборота. При этом в Иордании не находят понимания ссылки израильских руководителей на то, что сложные бюрократические процедуры, которыми сопровождается иорданский экспорт, крайне необходимы, поскольку связаны с «противодействием насилию, обрушившемуся в последнее время на Израиль»[28].

Напряженность, возникшая в регионе вследствие политики Нетаньяху и ответных действий его оппонентов, негативно сказалась на состоянии иорданской экономики в целом. Сократился приток туристов. Вот одно из наиболее распространенных мнений: «Израильское правительство опустило на регион облако… никто не хочет инвестировать, никто не хочет приезжать, все попросту «заморожено»[29]. Сократился приток туристов. Амману не удалось собрать запланированного на 1996 г. 1 млрд. долл. (в 1995 г. туризм дал в бюджет 700 млн. долл.), поскольку только из США и Европы количество туристов уменьшилось по сравнению с предыдущим годом на 30% (по некоторым оценкам на 50%)[30]. Так, в последние месяцы 1996 г. в иорданской национальной авиакомпании «Ройял Джорданиен» было зарегистрировано около 10 тыс. отказов от бронирования билетов[31].

Негативные оценки состояния дел в двустороннем формате прорвались на страницы центральных газет, пессимизм иорданского истеблишмента зазвучал на достаточно высоком уровне. Так, видный иорданский политик (занимал такие ключевые посты, как должности начальника королевской канцелярии, вице-премьера, министра иностранных дел, министра информации) Дж. Аннани открыто признал: «Нет никакого сомнения, что мир переоценили. Правительству **(называть короля напрямую не принято в иорданской политической традиции)** следовало быть более реалистичным относительно экономических проблем…»[32]. Другой известный аналитик, директор Организации по правам человека в Иордании Л. Камхауи выразился еще откровеннее: «Люди чувствуют, что это **(сближение с Израилем)** скорее дело Хашимитской династии, нежели Иордании»[33].

Стоит ли говорить, какое подспорье такие высказывания представляли для оппозиции, прилагавшей максимум усилий для того, чтобы создать в стране обстановку нетерпимости в отношении договора с Израилем и мирного процесса в целом.

Израильтяне в какой-то степени были осведомлены о набирающих силу «антидоговорных» тенденциях в Иордании. Так, из-за противодействия различных сил достаточно долго не мог быть решен вопрос об открытии в Аммане 1-й Выставки израильской продукции. Был даже создан Национальный комитет противодействия проведению выставки. Когда же она наконец состоялась, у павильона прошли массовые демонстрации, сопровождавшиеся столкновениями с силами безопасности Иордании[34].

Более серьезным сигналом явился инцидент с расстрелом израильских школьниц иорданским солдатом А.Дакамсой в Бакуре/Нагараиме. Показательным было и то, что Дакамса – выходец из коренного иорданского клана, проживающего на севере Иордании, и то, насколько эмоционально иорданцы поддержали его (был даже создан народный комитет, целью которого ставилось «спасение» Дакамсы от судебного преследования). Даже несмотря на то, что его признали виновным и приговорили к длительному тюремному заключению, Дакамса продолжает оставаться героем для большого числа иорданцев. И хотя король Хусейн лично приезжал после этого инцидента в Израиль и принес соболезнования и извинения семьям погибших девочек, значительная часть израильтян вернулась в своем отношении к Иордании к прежнему подходу: ее вновь стали рассматривать как одну из арабских сторон в контексте полувекового арабо-израильского конфликта. Мнение израильтян укрепляла и постоянно муссируемая СМИ Израиля информация о развернутой в Иордании активной деятельности представителей движения «ХАМАС», провозгласившего курс на срыв мирного процесса, в том числе и путем насилия.

В то же время стратегическая линия короля Хусейна на продолжение взаимодействия с Израилем не подверглась ревизии. Фактически был сформирован многоуровневый подход. На верхнем, официальном уровне дворец формулировал позицию в отношении деятельности израильского правительства в соответствии с общеарабскими настроениями. Здесь ри-

торика, адресованная и Израилю, и США и странам Европы, действительно основывалась на учете региональных и общеарабских интересов (мир, стабильность, безопасность, сотрудничество). Одновременно на более низких уровнях практически безостановочно велась работа по дальнейшей нормализации и налаживанию двустороннего экономического сотрудничества. Король Хусейн и его единомышленники в Израиле исходили из того, что мирный договор иорданцами подписан не с тем или иным израильским правительством, а с государством и его народом, и отказываться от реализации существенной части договоренностей только в связи с определенной политикой «Ликуда», который рано или поздно уступит власть другим силам, не совсем разумно.

Премьер-министру Нетаньяху и возглавляемой им коалиции посылались одни сигналы, израильским деловым кругам и общественности – другие. Так, послу Израиля в Аммане Ш.Шамиру в связи с открытием злополучного тоннеля был вручен протест, затем МИД Иордании не разрешил израильскому посольству провести в Химме (на р. Ярмук) торжества по случаю второй годовщины мирного договора. В одном из своих выступлений в октябре 1996 г. иорданский премьер-министр А.К.Кабарити подчеркнул: «Мы ничего не имеем против Израиля, но мы хотели бы, чтобы политика израильской администрации соответствовала тому, о чем была достигнута договоренность с предыдущим правительством»[35]. В это же время на другом уровне последовательно продолжалось дальнейшее налаживание сотрудничества. 10 октября 1996 г. было объявлено о договоренности сторон обменяться к концу декабря 1996 г. в целях упрощения торгового обмена и поездок граждан консульскими представительствами в Акабе и Эйлате[36].

На каирской экономической конференции по Ближнему Востоку и Северной Африке (12-14 ноября 1996 г.) Иордания и Израиль вышли с рядом совместных проектов – туристический «Самый низкорасположенный парк на Земле»(The Lowest Park on Earth), «Школа туризма для Мертвого моря», шоссе Ирбид-Северная Шуна – мост Шейх Хусейн (включая модернизацию моста), шоссе Хайфа-мост Шейх Хусейн, развитие макрозоны Акаба-Эйлат-Таба. Для участия на декабрьской (1996 г.) выставке оборудования и систем безопасности (КОПЭКС) в Амман были приглашены и израильские производители.

Более 15 израильских текстильно-швейных фирм размещают заказы в Иордании. Созданы совместные предприятия легкой промышленности. На заводе «Сенчури Веар» в Промышленной зоне Аль-Хасан (рядом с североиорданским городком Рамта) трудится около 500 женщин, занимающихся пошивом эксклюзивного женского белья, в частности для таких мировых марок, как «Викторияс Сикретс», «Ральф Лаурен», «Донна Каран» и др. Всего же число занятых на текстильных фабриках, работающих в Иордании по израильским заказам, превышает 2500 чел. Только в первые 8 месяцев 1997 г. такими предприятиями произведено одежды более чем на 4,5 млн. долл., в 1998 г. стоимость произведенной продукции уже

оценивалась в 1 млн. долл. в месяц. Практически вся продукция поставляется через израильских партнеров в США. В 1998 г. Иордания и Израиль подписали соглашение о создании еще одной совместной индустриальной зоны в долине р. Иордан (южнее моста Шейх Хусейн). Иорданское правительство выделило под этот проект 80 га земли.

Арабская компания поташа (АКП) и «Хайфа Кемикалс» договорились о создании совместного предприятия по производству на территории Иордании сырья для двух химзаводов в Хайфе и Негеве. Создано и действует предприятие по производству бромина (90-миллионный проект АКП и израильской «Дед Си Уоркс»). Изготавливаемый на иорданском берегу Мертвого моря бромин продается по израильским каналам в США.

В декабре 1996 г. было подписано Транспортное соглашение, по которому иорданские грузовики смогли начать доставку грузов непосредственно вглубь Израиля без существовавшей ранее необходимости перегружать их на израильские грузовики. Во многом это стало возможным благодаря установлению на мостах через Иордан специального просвечивающего оборудования (стоимостью 100 млн. долл.), позволяющего проверять самый большой грузовик на наличие оружия или взрывчатки за 15 минут.

Для доставки в королевство грузов (преимущественно продовольствия) иорданские торговцы начали использовать израильский порт Хайфа, позволяющий им экономить на маршруте до Аммана не менее 8 долл. за тонну.

Были разработаны специальные проекты использования Иорданией израильских морских портов Хайфа и Ашдод, а Израилем – иорданского порта Акаба. Стороны также подписали соглашение о расширении и модернизации акабского аэропорта, который под названием «Аэропорт мира» получил бы статус регионального международного аэропорта и находился бы в совместной иордано-израильской эксплуатации. Израильтяне обязались увеличить загрузку акабского аэропорта пятью рейсами «Эль-Ал» в неделю.

В июле 1998 г. заключено соглашение об увеличении с 450 до 700 чел. в неделю количества авиапассажиров, которых каждая из сторон может перевозить для другой. В том же месяце состоялись переговоры о техническом обслуживании израильских авиалайнеров специалистами иорданской Администрации гражданской авиации. Для Израиля это выгодно с точки зрения сокращения затрат, для иорданцев – организация новых рабочих мест.

В конце 1998 г. Израиль разрешил пролет через свое воздушное пространство самолетов третьих стран, направляющихся в иорданские аэропорты.

Значительный прогресс достигнут за последние годы в сфере использования водных ресурсов. В середине 1997 г. удалось урегулировать последний вопрос, предусмотренный мирным договором в этой области: выделение Иордании дополнительных 50 млн. $м^3$ воды в год (пункт 1.3

приложения к мирному договору, касающегося водных ресурсов). Израильтяне длительное время не могли изыскать источник для его выполнения, что негативно отражалось на отношениях между странами. Однако на секретных переговорах в Акабе 8 мая 1997 г. между королем Хусейном и израильским премьером Б.Нетаньяху, которого сопровождал министр А.Шарон, было наконец достигнуто взаимоприемлемое решение этого «мини-кризиса». Израиль согласился поставлять 25 млн. $м^3$ воды в год, начиная уже с лета 1997 г., а оставшиеся 25 млн. $м^3$ через три года, когда будет создана инфраструктура задержания и хранения зимних паводковых вод. Создавать ее намечено совместными усилиями с привлечением иностранного капитала. По оценкам израильтян, общая стоимость проектов достигает 500 млн. шекелей, из которых израильская сторона готова предоставить 135 млн. шекелей[38].

В середине мая 1997 г. во время визита иорданской делегации в Израиль были окончательно урегулированы все технические вопросы. Удалось также договориться о том, что в настоящее время иорданцам будет поставляться 30 млн. куб. м в год. 27 мая 1997 г. в Адасии состоялась торжественная церемония начала поступления из Тивериадского озера дополнительных 30 млн. $м^3$/год, которую открыл сам монарх[39].

В настоящее время работа ведется вокруг создания упоминавшейся выше инфраструктуры по задержанию и использованию потоков, переполняющих Ярмук и Иордан зимой. Так, началось строительство отводной плотины на р.Ярмук для накопления 40 млн. $м^3$ воды с целью дальнейшей сезонной регуляции объемов ирригационной воды в канале короля Абдаллы.

Об успехах в сфере обмена туристами уже говорилось выше. Кроме этого, турфирмы обеих стран сотрудничают в разработке и пропаганде туров для иностранцев, охватывающих сразу обе страны. Особую динамику эта работа приобрела в преддверии 2000-летия христианства. Израильские фирмы постепенно подключаются и к реализации проектов развития туристической инфраструктуры в Иордании, выдвинутых еще на Амманском и Каирском региональных экономических саммитах. В 1999 г. британо-израильская Льюис Груп Интернэшнл (ее глава Д.Льюис имеет двойное гражданство и дочерние фирмы в самом Израиле) начинает строить туристическую деревню на южном акабском побережье. Стоимость проекта – более 50 млн. долл. В сотрудничестве с иорданскими компаниями ведется работа и на других участках туркомплекса королевства.

В сферах науки, культуры и образования также имеются серьезные наработки. По состоянию на начало 1999 г. 11 иорданских студентов защитили в израильских ВУЗах диссертации и получили степени магистров и докторов. В иорданских университетах учились 8 израильских студентов арабского происхождения. Около 300 иорданцев окончили в Израиле различные специализированные курсы, в частности, в таких областях, как здравоохранение и сельское хозяйство. Налажено сотрудничество в сфере обучения и профессиональной подготовки инвалидов. Прямые связи

установлены между Фондом королевы Алии и Центром Голды Меир в Хайфе, занимающимися вопросами социального развития[40].

Отношения после прихода к власти правительства Э.Барака

В Иордании любят цитировать слова Эхуда Барака, произнесенные им до майских выборов 1999 г.: «Со стратегической точки зрения, я считаю, что для Израиля было бы важным внести позитивный вклад в иорданскую экономику»[41]. Неплохая база для этого создана при его предшественниках: за 1994-1998 гг. заключено 15 соглашений, рассматриваемых как пакет мер по укреплению доверия. В ноябре 1999 г. в Аммане началось предметное обсуждение «открытия израильского рынка труда перед иорданскими рабочими», что позволило бы облегчить столь острую для Иордании проблему безработицы. Пока намечено задействование 200 иорданцев, способных приезжать на работу из Акабы в Эйлат, каждый день пересекая границу[42].

Для тех, кто старается смотреть на двусторонние отношения с деполитизированных позиций, это – серьезный повод для оптимизма.

Дворец приветствовал смену правительства в Израиле, поскольку, во-первых, подход Партии труда к мирному процессу представляется иорданскому руководству более реалистичным и гибким, и, во-вторых, это позволяет углубить процесс нормализации отношений, списав весь застой на личность бывшего лидера «Ликуда». Уход этой одиозной для арабов фигуры дает возможность приступить к расчистке накопившихся за последние несколько лет завалов, «сохраняя лицо».

Последовательные приверженцы налаживания сотрудничества с Израилем – преимущественно иорданская элита – стоят на той позиции, что «иордано-израильский мирный договор – это не только иорданский, но и общеарабский стратегический выбор, связанный с потребностями развития и экономического подъема в условиях кризиса, который переживает регион»[43]. Что касается так называемых национальных интересов, то здесь, по их мнению, им наиболее полно отвечает именно ускоренное продвижение мирного процесса, поскольку всякий раз, когда арабы отказывались от переговоров, в последующем им приходилось идти на бóльшие уступки.

Тем не менее, среди сторонников мирного процесса есть и другая большая группа – те, кто выступал против политики Нетаньяху в БВУ и не приемлет целого ряда ее составляющих, с которыми согласны и другие политические силы Израиля (речь идет прежде всего о так называемых «красных линиях», относительно которых в израильском обществе сложился определенный консенсус). Первая реакция представителей этой группы на избрание 17 мая 1999 г. новым премьер-министром Израиля лидера Партии труда Э.Барака была крайне сдержанной. Без сомнения, уход Нетаньяху все восприняли с большим облегчением и удовлетворением, в то же время не замечено большого оптимизма и в отношении но-

вого руководства. По словам видного сенатора и экс-министра информации И.Изэддина, обрисовывая внешнеполитическую линию, Барак высказал «очень много «нет», практически все из которых являлись составной частью политики «Ликуда» при Б. Нетаньяху»[44].

Наиболее организованной силой выступают сегодня противники договора и нормализации отношений с Израилем. Лидирующие позиции в этом лагере занимают исламисты и арабские национал-патриоты. Они же составляют костяк и так называемой оппозиции, считающей, что ее мнение также должно учитываться при выработке внутренней и внешней политики страны. Представители оппозиции не делают разницы между израильскими правительствами и с каждым днем лишь усиливают антиизраильскую кампанию. Разрыв с Израилем при этом рассматривается ими как часть общей стратегии по воссозданию единого арабского и исламского фронта, противостоящего не только израильскому, но и «мировому сионизму», стремящемуся оторвать арабов и исламский мир от их духовных корней, а затем полностью подчинить своей воле.

Работа ведется как через политические партии, так и через такие общественные институты, как профессиональные ассоциации и специализированные народные комитеты (например, Комитет противодействия нормализации, Комитет поддержки Ирака и др.). И хотя статистика об участии иорданцев в деятельности, направленной против нормализации отношений с Израилем, сильно завышается оппозицией, нельзя не признать, что ее ряды быстро растут. Этому объективно способствует и существующая в Иордании профессиональная организация общества. Дело в том, что по целому ряду иорданских законов и подзаконных актов право на занятие тем или иным трудом обусловлено членством в соответствующей профессиональной ассоциации. Исключение из нее влечет за собой изъятие профессиональной лицензии. При этом ассоциации являются не только своего рода профсоюзами, но и активно вовлечены в политическую деятельность, по своим масштабам существенно превосходящую деятельность партий. Во многих ассоциациях уже приняты внутренние нормативные документы, запрещающие их членам под угрозой исключения любые действия, которые могут быть расценены как сотрудничество с Израилем. 14 ассоциаций являются корпоративными членами Комитета противодействия нормализации (КПН).

Так, в сентябре 1999 г. Иорданская ассоциация прессы (своего рода Союз журналистов, отсутствие членства в котором не позволяет заниматься журналистской деятельностью на территории Иордании) исключила из своих рядов троих журналистов за «нарушение правил ассоциации и нормализацию с Израилем». В середине ноября их восстановили в ИАП в обмен на подписание заявления о поддержке борьбы против нормализации. Однако, несмотря на «раскаяние», против журналистов, а также самой ассоциации выступил КПН, который в связи с последним решением Иорданской ассоциации прессы призвал исключить ее из Комитета[45].

В этих условиях лишь единицы могут позволить себе пойти против профассоциаций. Эффективных контрмер этому «идейному террору», как именуют давление антинормализационных комитетов на население в проправительственных кругах, руководство страны пока не выработало. Предлагаемые административные меры вплоть до роспуска ассоциаций пока рассматриваются как несвоевременные, поскольку население и так взбудоражено борьбой иорданского руководства с присутствием в стране «ХАМАС».

Большинство аналитиков сходится во мнении, что в подобном расколе иорданского общества по принципу отношения к миру с Израилем нет ничего противоестественного. Практически весь арабский мир переживает сегодня кризис традиционного самоосознания, обусловленный серьезной эрозией в последние два десятилетия его фундаментальных основ, и прежде всего принципа единства арабской нации. Формируется новая идеология, которая ставит во главу угла интересы отдельного государства и его общества (в качестве примеров можно привести раскрутку «египтофильства» А.Садатом, африканский разворот М.Каддафи, нынешний иорданоцентризм Хашимитов), что ослабляет позиции панарабизма и побуждает его предпринимать ответные шаги.

Это в полной мере относится и к Иордании. Носителями панарабских настроений здесь в силу длительного запрета на партийную деятельность выступают прежде всего исламисты, в частности «Братья-мусульмане», составляющие ядро созданной в союзе с другими исламскими течениями политической организации - Фронта исламского действия. Идеологом собственного иорданского пути выступает королевская семья, вокруг которой объединяется та часть истеблишмента и общества, которая разделяет the Hashemite Vision (т.е. *хашимитское видение*[46] – термин, которым обозначают идеологию иорданской королевской семьи). Однако процесс иорданизации общественного сознания наталкивается на серьезное препятствия со стороны граждан Иордании палестинского происхождения, многие из которых, по их собственным признаниям, живут «душою там, а телом тут». Для них, зачастую далеких от идей панарабизма, нормализация между официальным Амманом и Израилем, основанная на мирном договоре, не является достаточным основанием для личного в ней участия. Эта группа населения ориентируется на окончательное урегулирование палестино-израильского «трека», пополняя одновременно ряды антинормализационного лагеря.

Перспективы

Может ли изменить что-либо в этой ситуации приход к власти в Израиле партии «Авода»? Коренного перелома, как показывает анализ событий прошедших пяти лет, пока, видимо, не будет. Иордания слишком «завязана» на урегулировании палестинской проблемы, чтобы двигаться вперед без учета палестинского фактора. Пока не определился окончательный статус палестинских территорий и не достигнуто взаимоприем-

лемое решение о судьбе беженцев, нет уверенности и в том, каково будущее самой Иордании, поскольку открытыми остаются такие вопросы, как ее демографический состав и государственное устройство.

Если суммировать настроения иорданской элиты, особенно интенсивно высказывавшиеся в момент перехода власти от короля Хусейна к королю Абдалле, то можно предположить, что большая ее часть не разделяет Хашимитского мессианства и желала бы отгородиться от палестинского образования в любом его виде и сохранить унитарную Иорданию в сегодняшних границах. С этой точки зрения ею полностью разделяется курс дворца на партнерство с Израилем и развитым Западом, которое гарантировало бы сохранение иорданской государственности. Тем не менее, этого явно не достаточно. Требуется создание условий как для поступательного развития экономики страны по западной модели, что предполагает региональную стабильность и безопасность, так и для формирования Jordanian national identity, т.е. единой общности – иорданский народ, для чего необходимо окончательно решить, кто останется «иорданцем», а кто станет гражданином палестинского образования, которое будет создано после переговоров об окончательном статусе.

В этом контексте показательны некоторые шаги короля Абдаллы, который, как утверждают аналитики, является бóльшим иорданцем, чем его отец. Новый монарх четко зафиксировал свое отношение к идее иордано-палестинской конфедерации, подчеркнув, что пока преждевременно говорить об этом. С первых дней царствования приоритетом явно стали внутренние дела – желание навести порядок в «собственном доме». Этим обусловлена и кампания против «ХАМАС», чье присутствие в Иордании подрывало стабильность и безопасность страны, оборачивалось излишней радикализацией и без того антиизраильски настроенной иорданской «улицы».

В своем желании прогресса, мира, стабильности, безопасности и ликвидации основ постоянной регенерации экстремизма иорданское руководство и истеблишмент являются естественными союзниками Израиля, в интересах которого, в свою очередь, – помочь победе курса союзника на внутриполитической иорданской арене. Как полагают в Аммане, для этого прежде всего требуется вклад в решение самой серьезной проблемы королевства – его большой экономической уязвимости, поскольку продолжающийся уже несколько лет экономический кризис автоматически влечет за собой кризис иордано-израильских отношений, так как создает благоприятную почву для распространения идей разного рода радикалов и экстремистов.

Подписав мир с Израилем в октябре 1994 г., король Хусейн пошел на риск, который он считал оправданным при той динамике мирного процесса, которая наметилась при Рабине. Иорданское руководство явно рассчитывало, что формальное урегулирование на всех «треках» БВУ произойдет в самом ближайшем будущем. К этому был готов и ряд других арабских стран, например, государства Магриба и Персидского залива, о

чем, в частности, свидетельствует открытие на их территории израильских представительств. Определенная эйфория ощущалась и на первых Ближневосточных экономических саммитах (Касабланка'94, Амман'95, Каир'96). С приходом Нетаньяху во всем регионе начали вновь расти антиизраильские настроения, значительно увеличилось число сторонников свертывания отношений с Израилем, что позволило антинормализационному лагерю усилить давление на арабских «нормализаторов» и поставить их в трудное положение. После инцидента с Х.Мишалем казалось, что король Хусейн может не найти сил продолжать идти против подавляющей части общественного мнения. Требовался «прорыв», который вывел бы ситуацию из тупика. По этой причине король и принял участие в финальной стадии переговоров в Уай Ривер Плантейшн, хотя для этого ему пришлось пожертвовать здоровьем.

Наметившиеся подвижки на палестинском направлении, начавшиеся с Уай Ривер, уход Нетаньяху, возобновление переговоров с Сирией создают выгодный фон для перелома и начала мирного наступления на противников сотрудничества с Израилем. Амман послал израильтянам несколько весьма содержательных сигналов: торжественная инаугурация обновленного моста Шейх Хусейн через Иордан, согласие на назначение Д.Ятома (экс-глава «Моссад», ответственный за организацию покушения на Х.Мишаля) председателем комитета по координации мирного процесса с Иорданией.

Как представляется, многое будет зависеть от того, насколько адекватно воспримут нынешнее состояние дел израильтяне, насколько позитивно отреагируют они на призывы иорданского руководства пересмотреть прежнюю линию, когда к взаимодействию с Иорданией в Израиле фактически подходили с тех же позиций, что и к любой неарабской стране, игнорируя особую чувствительность иорданцев (как, собственно, и других арабов) во всех вопросах, связанных с арабо-израильскими отношениями, вызванную десятилетиями взаимной вражды и недоверия.

[1] Jordan Times, 26.10.1995.
[2] Дустур, 03.02.1999.
[3] аш-Шарк аль-Аусат, 26.10.1998.
[4] Jordan Times, 26.10.1995.
[5] Там же.
[6] Jerusalem Report, 02.10.1995.
[7] Jordan Times, 26.10.1998.
[8] Там же.
[9] аль-Араб аль-Яум, 26.10.1999.
[10] Там же.
[11] Из интервью заместителя генерального секретаря Национальной конституционной партии А.Шаннака газете «аль-Араб аль-Яум», 27.10.1999.
[12] аш-Шарк аль-Аусат, 26.10.1998.
[13] Jordan Times, 25.10.1995.

[14] Там же.
[15] аш-Шарк аль-Аусат, 29.06.1998.
[16] Jordan Times, 08.06.1999.
[17] аш-Шарк аль-Аусат, 29.06.1998.
[18] International Herald Tribune, 06.08.1996.
[19] International Herald Tribune, 10.10.1996.
[20] Jordan Times, 26.10.1999.
[21] Jordan Times, 19.05.1999.
[22] аш-Шарк аль-Аусат, 28.10.1996.
[23] Из выступления министра финансов Израиля Д.Меридора на конференции по торговле в регионе Ближнего Востока. // аль-Хаят, 12.11.1996.
[24] Jordan Times, 26.10.1999.
[25] The Arab Daily, 19.05.1999.
[26] Jordan Times, 19.05.1999.
[27] Jordan Times, 23.11.1998 и 10.02.1999.
[28] Из высказываний министра Н.Щаранского в Аммане **во** время визита в июне 1997 г. // аль-Хаят, 30.06.1997.
[29] The Middle East. – № 264 (February 1997). – С. 29.
[30] Там же.
[31] Там же.
[32] International Herald Tribune, 22.08.1996.
[33] International Herald Tribune, 06.08.1996.
[34] аль-Хаят, 09.01.1997.
[35] аш-Шарк аль-Аусат, 17.10.1996.
[36] По состоянию на 1 января 2000 г. единственными дипломатическими представительствами Иордании и Израиля на территории друг друга оставались посольства в Тель-Авиве и Аммане соответственно.
[37] аш-Шарк аль-Аусат, 26.10.1998.
[38] Jordan Times, 10-11.05.1997; Дустур, 10.05.1997; Jerusalem Post, 11.05.1997.
[39] Jordan Times, 24, 28.05.1997.
[40] аш-Шарк аль-Аусат, 26.10.1998.
[41] Jordan Times, 19.05.1999 и 22.11.1999.
[43] Из интервью депутата иорданского парламента Г.Обейда газете «аль-Араб аль– Яум», 27.10.1999.
[44] Jordan Times, 20.05.1999.
[45] Jordan Times, 25.11.1999.
[46] Отдельные его составляющие описаны, в частности, в монографии М.Брейзата «Иордано-палестинские отношения: банкротство идеи конфедерации» (Musa S. Braizat, The Jordanian-Palestinian Relationship. The Bankruptcy of the Confederal Idea, London, 1998).

МАТЕРИАЛЫ РАБОЧЕГО СОВЕЩАНИЯ
СЕКТОРА ТУРЦИИ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
(Москва, январь 2000 г.)

«СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА ТУРЦИИ»

Н.Ю.Ульченко

ДИНАМИКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В ТУРЦИИ В 1999 г. И ПЕРСПЕКТИВЫ НА 2000 г.

Землетрясение в августе 1999 г. явилось серьезным испытанием для турецкой экономики, обострившим многие застарелые экономические проблемы и поставившим под вопрос возможность сохранения и развития достижений страны в сфере финансовой стабилизации.

Дефлятор ВНП в 1998 г. составил 73,8% против 81,2% в 1997 г., а рост розничных цен в январе 1999 г. по сравнению с январем 1998 г. – 50%[1]. В начале 1999 г. тенденция снижения инфляции продолжалась: в марте годовой рост цен измерялся уже 48,2%[2]. Некоторый рост инфляции отмечался в апреле 1999 г., что объяснялось повышением мировых цен на нефть, а также дополнительными расходами на проведение парламентских выборов. Однако в последующие несколько месяцев до августа 1999 г. правительству вновь удавалось ежемесячно снижать показатели роста цен. Более пристальный взгляд на макроэкономическую конъюнктуру 1999 г. обнаруживает некоторые ее дополнительные особенности. Как год продолжения политики финансовой стабилизации и неизбежно связанного с ней сужения внутреннего рынка он с самого начала явился не самым благоприятным для экономического роста. Кроме того, действовали и дополнительные факторы, замедлявшие экономический рост в 1999 г. Длительный период инфляционного развития в 80-90-е годы, на протяжении которого правительства неоднократно заявляли о намерениях ограничить рост цен, сформировал весьма устойчивые инфляционные ожидания хозяйственных агентов Турции. И в 1998 г., который ознаменовался первыми успехами в снижении инфляции, достигнутые результаты все же заметно отставали от поставленных целей. 1999 год, явившийся годом парламентских выборов, привнес еще больше скепсиса в настроение деловых кругов страны.

С этим обстоятельством, очевидно, следует связывать тот факт, что процентные ставки весьма вяло реагировали на заявления партийных лидеров о преемственности курса на финансовую стабилизацию. По итогам 1999 г. годовая номинальная процентная ставка по вкладам оставалась на уровне 145%, а реальная – около 50%[3]. В результате инвестиции в ценные бумаги и банковские депозиты оставались предпочтительными по сравнению с инвестициями в реальный сектор экономики. Одновременно высокие процентные доходы сдерживали и рост потребления, побуждая откладывать спрос и увеличивать сбережения. Вместе с тем среднемесячные темпы роста денежной эмиссии в 1999 г. в январе-июле оказались почти на 2% ниже по сравнению с

последними семью месяцами 1998 г.[4] Изменилась конъюнктура и на рынке государственных ценных бумаг: даже в конце года Казначейство производило займы на более долгосрочной основе при минимальном сроке погашения облигаций в три месяца[5]. Поэтому ранее в условиях проведения властями стимулирующей фискальной политики рост сбережений в частном секторе сопровождался ростом потребления, а также, несмотря на заметное отставание абсолютного размера инвестиций от сбережений, – и ростом нормы инвестиций. В условиях же сокращения темпов прироста доходов приверженность хозяйственных агентов инвестициям в различные финансовые инструменты сохранялась, по мнению многих экономистов и представителей делового мира, ценой падения инвестиций в реальный сектор экономики и дополнительного сужения потребительского спроса[6]. В результате в первом квартале 1999 г. показатель экономического роста был отрицательным и равнялся 8,6%, во втором квартале экономический спад удалось несколько замедлить, и падение валового продукта составило 3,3%[7].

После августовского землетрясения в начале октября 1999 г. государственный министр по экономике Реджеп Онал заявил, что проведение стабилизационной программы будет продолжено вопреки тем сложностям, которые система госфинансов испытывает в результате стихийного бедствия. В этой связи он подчеркнул особую важность кредита в размере 500 млн. долл., который МВФ должен был предоставить Турции в качестве срочной помощи[8]. Однако на практике скорейшая ликвидация последствий землетрясения оказалась трудно совместимой с политикой ограничения государственных расходов. Не только социальные, но и экономические издержки проведения в новых обстоятельствах стабилизационной программы могли оказаться слишком высокими.

Землетрясение имело наиболее разрушительные последствия для Мраморноморского района, самого развитого в промышленном отношении: в нем сосредоточено до половины промышленных предприятий Турции, в том числе 86% крупнейших[9]. Объем создаваемой здесь добавленной стоимости в среднем в 2,5 раза выше, чем в других районах страны[10]. В результате землетрясения неблагоприятная внутриэкономическая конъюнктура 1999 г. чрезвычайно усугубилась. По итогам третьего квартала падение ВНП вновь составило 6,6%[11]. Особенно заметным падение уровня производства было в промышленности: в августе по сравнению с предыдущим месяцем оно составило 12,7%, а в сентябре – 9,7%[12]. Эти показатели характеризуют самые значительные масштабы помесячного сокращения производства за последние годы. При этом если и в первом квартале 1999 г. падение объемов промышленного производства составило 8,6%, то во втором квартале в силу некоторого оживления спроса на внутреннем рынке (так, по товарам длительного пользования рост продаж превысил 22%) в промышленности наблюдался даже незначительный рост – 0,7%[13]. Снижение объема производства в насыщенном промышленными предприятиями различной отраслевой специализации Мраморноморском районе произошло в 22 наиболее важных отраслях производства. По итогам августа падение производства в нефтеперерабатывающей промышленности составило приблизительно 15%, в текстильной – около 10%, в пищевкусовой – примерно

14%, в химической – не менее 18%[14]. Таким образом, сдержанность правительства в предоставлении помощи пострадавшей экономике грозила обернуться беспрецедентными масштабами спада и длительностью падения производства валового продукта. Одновременно общественный менталитет не видел никакой иной модели выхода из ситуации, кроме значительной государственной помощи. Так, председатель промышленной палаты Коджаэли после землетрясения заявил следующее: «Фирмы ждут кредитов. Мы имели консультации с представителями трех государственных банков и заявили им о размерах своих потребностей в кредитах. Нам обещали проинформировать о наших нуждах премьер-министра и совет министров»[15].

В связи с неизбежным экстренным увеличением государственных расходов были приняты меры по укреплению государственных финансов и дальнейшему исполнению программы борьбы с инфляцией: намечалось изменить порядок взимания подоходного и корпоративного налогов (иначе говоря, повысить их ставки), выросли на 2 пункта налоги, взимаемые с процентных доходов по банковским вкладам и «репо» соответственно до 15 и 14%[16].

Однако предпринятых мер, по всей видимости, оказалось недостаточно для покрытия бурного роста чрезвычайных государственных расходов. В результате на фоне увеличения по итогам третьего квартала 1999 г. государственного потребления на 9,1% отношение дефицита консолидированного бюджета к ВНП в 1999 г. вместо намечавшихся 7% составило почти 12%, отношение профицита первичного бюджета к ВНП вместо намечавшихся 4,3% – чуть более 1%[17]. Темпы прироста денежной эмиссии в сентябре-декабре возросли до 6,5% против 3,9% в январе-июле[18]. В результате дефлятор ВНП вместо намечавшихся 44% на конец 1999 г. достиг почти 64%[19].

Поскольку каналами, по которым осуществляется государственная помощь, остаются три банка, сохраняющие на сегодня статус государственных – Народный, Сельскохозяйственный и Ипотечный, – то их положение заметно ухудшилось. В результате землетрясения банки были вынуждены пойти на предоставление отсрочки ряду должников и открыть новые кредиты, уровень риска которых в связи с нестабильностью общеэкономической ситуацией очень высок. Поэтому, по прогнозам Государственной плановой комиссии, в 2000 г. их убытки составят 300 трлн. тур. лир. Сами же банки считают, что их убытки составят 450-500 трлн[20].

Удалось ли правительству, решившемуся на рост затрат в связи со сложившейся чрезвычайной ситуацией, стабилизировать положение в экономике страны?

По состоянию на середину октября 1999 г. предприятия Мраморноморского района, в наименьшей степени подвергшиеся разрушениям, сумели выйти на уровень использования производственных мощностей, зафиксированный перед землетрясением. Некоторые из сильно пострадавших предприятий возобновили работу на арендованных площадях. Сильно разрушенным предприятиям для восстановления производства требовался еще один дополнительный месяц. В наиболее сильно пострадавшем Измире, где погибли тысяча триста рабочих, а многие лишились до-

мов или потеряли родственников, восстановить производство намечалось к концу года[21]. Уровень использования производственных мощностей в обрабатывающей промышленности по состоянию на октябрь 1999 г. составил 71% против 80% в октябре прошлого года[22].

Теперь о прогнозах экономического развития Турции в 2000 г. По оценкам большинства экономистов, Турция в 2000 г. выйдет из состояния экономического спада. К числу факторов экономического роста относят начавшееся уже в конце 1999 г. снижение реальной процентной ставки, необходимость восстановления жилья и объектов инфраструктуры, разрушенных в ходе землетрясения, что предопределит оживление не только в строительном секторе, но и ряде отраслей промышленности, производящих разнообразные предметы домашнего обихода. Скажется оживление мировой экономической конъюнктуры и рост спроса на турецкие экспортные товары, прежде всего, текстильные. Особое внимание обращает на себя динамика процентных ставок. Их снижение стало результатом роста доверия экономических агентов к стабилизационной программе правительства. Изменению настроения в их среде способствовало подписание в конце 1999 г. кредитного соглашения с МВФ (что одновременно означало и признание за этой международной финансовой организацией права контроля за динамикой цен в турецкой экономике), стабильная работа вновь созданного коалиционного правительства, ожидание того, что 2000 г. окажется политически спокойным, то есть не будет годом выборов.

Каковы же прогнозируемые темпы экономического роста? По оценкам правительства страны, они составят 5,5%[23]. По мнению турецких специалистов и исследовательских организаций, темпы роста будут 4-5%. Согласно расчетам экономистов журнала «Capital», темпы роста составят 6%. На их взгляд, более низкие прогнозы темпов экономического роста были составлены по состоянию на октябрь-ноябрь 1999 г. и не учитывали в полной мере воздействия последствий землетрясения на динамику экономического роста в 2000 г. То есть эти оценки исходили из снижения темпов роста в третьем квартале 1999 г. и выхода на положительные темпы роста в четвертом. Таким образом, показатель общей динамики роста в 1999 г. должен был бы составить (-2)%. Однако, во-первых, темпы падения производства в третьем квартале оказались выше прогнозируемых. Во-вторых, достаточно низкий уровень использования производственных мощностей в октябре дает основания надеяться лишь на стабилизацию ситуации в промышленности, но не на рост объемов производства. Поэтому, итоговые темпы роста в 1999 г., по мнению «Capital», составят не -2%, а -4%[24]. Более значительное падение масштабов производства в 1999 г. является основанием для прогнозирования более высоких темпов роста в 2000 г. Прогнозы экономического роста Турции в 2000 г., сделанные МВФ, исходили из цифры 2,6%. Однако составлены они были до августовских потрясений и основывались на показателе общего темпа роста в 1999 г. в 1,2%. По прогнозам директора департамента Турции Карло Коттарелли, относящимся к концу 1999 г., темпы роста экономики страны в 2000 г. составят 5,5%[25].

В связи с ожидаемым оживлением экономической конъюнктуры для Турции весьма важной остается проблема соотнесения темпов экономического роста и темпов инфляции. Сохранение в экономической политике приоритета необходимости снижения инфляции выступает фактором ограничения темпов роста в условиях экономики, пережившей крупный спад в 1999 г. Однако требования МВФ состоят в выходе на 25%-ный уровень инфляции к концу 2000 г. То обстоятельство, что в краткосрочном плане ограничение инфляции сдерживает экономический рост, вызывает раздражение у экономистов антизападного толка. В этом плане интересно высказывание профессора, декана экономического факультета Билги Университета Гюльтен Казган о том, что планируемый правительством на 2000 г. уровень инфляции в 25% приблизит экономику к смертельной точке, ибо выполнение данной программы означает «сужение» экономики и приведение ее к бедственному состоянию[26]. И хотя дискуссии по этой проблеме в турецком обществе сохраняют остроту, рост розничных цен в январе 2000 г. несколько замедлился по сравнению с декабрем 1999 г., составив 5,8% против 6,8% соответственно[27].

[1] DTM. Baslica ekonomik gostergeler. 1999, Temmuz, c. 1, Milliyet, 04.04.1999.
[2] Milliyet, 04.04.1999.
[3] Ekonomist, 19-25 Aralik 1999, c. 40.
[4] Подсчитано по: Capital Inforcard, Eylul 1999.
[5] Finansal Forum, 01.10.1999.
[6] См., например, Ekonomist, 19-25 Aralik, c. 20-32, 40-41.
[7] Finansal Forum, 01.12.1999.
[8] Finansal Forum, 05.10.1999.
[9] Ekonomist, 25-31 Temmuz, 1999, c. 50.
[10] Там же.
[11] Finansal Forum, 01.12.1999.
[12] Там же.
[13] Там же.
[14] Finansal Forum, 09.10.1999.
[15] Finansal Forum, 17.10.1999.
[16] Finansal Forum, 02.12.1999.
[17] Finansal Forum, 01.12.1999; Capital, Kasim 1999, c. 45.
[18] Подсчитано по: Capital Infocard, Mart, 2000.
[19] Finansal Forum, 01.12.1999.
[20] Finansal Forum, 05.10.1999.
[21] Finansal Forum, 17.10.1999.
[22] Capital, Aralik 1999, c. 54.
[23] Там же, c. 56.
[24] Там же, c. 58.
[25] Там же, c.60.
[26] Finansal Forum, 03.10.1999.
[27] Capital Infocard, Mart, 2000.

Е.И.Уразова

ФИНАНСОВАЯ ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ В ТУРЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ

1999 год стал одним из наиболее трудных для Турции и ее экономики за последние десятилетия. Произошел спад промышленного производства, внутреннего и внешнего товарооборота, притока иностранных частных инвестиций, доходов от туризма и других источников. Все это отрицательно сказалось на состоянии платежного баланса и бюджета страны. Причинами стали резкое ухудшение внешней конъюнктуры под воздействием финансовых кризисов в Юго-Восточной Азии и России, рост мировых цен на нефть, политическая нестабильность в стране в конце 1998 – начале 1999 г. в период подготовки к внеочередным парламентским выборам и, наконец, разрушительное землетрясение 17 августа в густонаселенном Мраморноморском регионе.

За 10 месяцев 1999 г. отрицательное сальдо по текущим статьям платежного баланса составило 615 млн. долл., а дефицит консолидированного бюджета достиг более 9 квдр. лир или 11% ВВП[1]. Эта несбалансированность была результатом слабости доходной базы и неумеренного роста расходов, среди которых доминировали долговые и процентные платежи, расходы на военно-полицейские нужды при сохранении значительного недофинансирования социально-экономической сферы, снижении до 5% всех затрат на инвестиции.

Несбалансированность консолидированного бюджета, достигшая самого высокого за многие годы уровня, явилась следствием отнюдь не только чрезвычайных событий 1999 г. Это – итог практических действий турецкого руководства, длительное время злоупотреблявшего такими средствами решения своих финансовых проблем, как привлечение внутренних и внешних займов, чрезмерная денежная эмиссия, к которым прибегали вопреки предписаниям правительственных программ и других официальных документов, обязывающих воздерживаться от таких методов и проводить структурные и институциональные реформы, которые способствовали бы росту экономики и оздоровлению государственного бюджета и платежного баланса страны.

Напомним, что Турция уже на протяжении 20 лет следует либеральной стратегии развития, осуществляя структурное реформирование экономики, перевод ее на конкурентную основу. За указанный период наибольшей перестройке подверглась сфера внешних экономических связей – турецкая экономика практически стала целиком открытой для движения капитала, товаров, рабочей силы. В то же время замедленно, непоследовательно, с отступлением от уже принятых решений протекает реформирование некоторых сегментов внутриэкономической жизни, в первую очередь тех, кото-

рые напрямую связаны с системой государственных финансов. Незавершенность рыночных преобразований ограничивает возможности страны для ее интеграции в мировое хозяйство и использования выгод от привлечения в экономику иностранных инвестиций и новейших технологий.

Основным фактором, тормозящим внутренние реформы, было до последнего времени отсутствие поддержки со стороны большинства населения, тех его слоев, которые являются социальной опорой власти. Политика государственного патернализма, которая стала проводиться уже с первых лет Республики, обеспечивая правящим партиям голоса избирателей, включала в себя налоговые освобождения и льготные кредиты крестьянству, периодическое списание его задолженности Сельскохозяйственному банку, дотирование из бюджетных средств государственных закупок сельскохозяйственной продукции по высоким ценам. Многочисленные предприятия госсектора обеспечивали рабочие места, смягчая проблему занятости, чрезвычайно острую в условиях страны, где до последнего времени население возрастало более чем на 2% ежегодно. Разнообразными формами бюджетного субсидирования и финансовой поддержки госпредприятий пользовались предприятия частного сектора.

Турция с большим трудом отходит от традиционного патернализма, сохраняющего тяжелое бремя для государственного бюджета, который, помимо этого, отягощен чрезмерным грузом военно-полицейских расходов. Власть вынуждена пользоваться экстраординарными источниками – внутренними и внешними займами, эмиссионными мерами Центрального банка. Первое вело к образованию огромного долга, тогда как второе – к хронической и сильной инфляции, ставшей главным злом для турецкой экономики, причиной многих бед для большинства населения.

Среднегодовые темпы роста оптовых и розничных цен, в 80-е годы равные в среднем 60%, в 90-е годы достигли 75-80%. Инфляция не только сокращала семейные бюджеты, но и вела к искажению процесса экономического развития, сдерживая рост производства реальных отраслей. В условиях огромной дороговизны кредита инвестиционные решения все реже принимались в пользу капиталоемких и высокотехнологичных проектов и все чаще – в пользу несложных быстроокупаемых производств и сфер экономики. Гиперинфляция стала одной из основных причин переключения интереса местных и иностранных инвесторов с прямых вложений в хозяйство на операции по купле-продаже высокодоходных государственных ценных бумаг.

Меры, которые время от времени предпринимались турецкими властями по сдерживанию инфляции, были половинчатыми. На проведение последовательной антиинфляционной политики они не решались, опасаясь еще большего обострения социально-политической ситуации, которую подогревала активность исламских и левых экстремистов, радикализм профобъединений. В этом плане характерно, что антиинфляционные установки постоянно включались в правительственные программы, они содержались во всех стабилизационных планах, принимавшихся Турцией при заключении соглашений с МВФ. Но все они оставались, как правило, на бумаге, из-

за чего Фонд отказывал Турции в предоставлении согласованных траншей или выделял их дозировано. Аналогичной линии поведения в отношениях с Турцией в последние годы часто придерживался и Всемирный банк.

Во второй половине 90-х годов негативные последствия инфляционной политики стали не просто очевидными, но приобрели одиозный характер. Турецкое руководство, особенно после провального правления правительства Рефахйол, главой которого был лидер исламской Партии Благоденствия Н.Эрбакан, было вынуждено всерьез заняться реформами, в первую очередь необходимыми для оздоровления финансовой сферы. Эту деятельность продолжило и коалиционное правительство Б.Эджевита, сформированное по результатам парламентских выборов в апреле 1999 г.

Главное место в программе правительства, вынесенной на обсуждение в меджлис в начале июня 1999 г. занимала экономическая часть, а в ней – перечень основных мер по укреплению финансово-экономической стабильности. Как следовало из текста программы, «экономическая стабильность должна быть обеспечена путем сокращения бюджетных дефицитов и достижения – исключая процентные платежи – бюджетных профицитов, принятия эффективных мер против теневой экономики, ликвидации дефицитов органов социального страхования, укрепления бюджетной дисциплины. Таким путем в экономике будет создаваться обстановка доверия. Для финансирования государственных дефицитов ни при каких условиях и ни в каких формах не должны использоваться источники Центрального банка. Будет продолжено проведение реальной курсовой политики… При объявлении закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию за основу будут взяты мировые цены, себестоимость и инфляционные ожидания… Будет обеспечено быстрое проведение приватизации в прозрачной и выгодной для государства форме»[2].

Среди намеченных правительством конкретных мер было представление в парламент законопроектов о внесении изменений в закон о банках, о реформе системы социального страхования, о пересмотре отношений государства с производителями сельскохозяйственной продукции, о расширении масштабов и ускорении приватизации госсобственности и некоторые другие.

Необходимость мер по стабилизации финансов, а это в первую очередь – сокращение бюджетных дефицитов и темпа инфляции, увязывалась с требованиями гармонизации турецкой экономики с экономиками стран ЕС, продвижение к полному членству в нем, что стало одной из главных стратегических задач турецкого руководства. Согласно Маастрихтскому договору, страны, вступающие в ЕС, не должны иметь бюджетный дефицит, превышающий 3,5%, и среднегодовой темп инфляции – больше 5%.

Уже консолидированный бюджет 1998 г. был составлен в соответствии с 3-летней программой борьбы с инфляцией. Подготовка к этому стала вестись сразу же после сформирования правительства М.Йылмаза в июле 1997 г., когда между Казначейством и Центральным банком было достигнуто соглашение об установлении нормативов и координации денежной политики банка и кредитной стратегии казначейства, в соответ-

ствии с которым последнее впредь должно воздерживаться от использования краткосрочных кредитов Центрального банка. Шаги в этом направлении делались и в 1998 г.: в начале каждого квартала банк стал объявлять свои наметки по увеличению денежной массы, соответственно казначейство объявляло свои оценки по привлечению кредитов на каждый квартал, воздерживаясь от авансов Центрального банка. Благодаря этим и некоторым другим мерам ожидалось сокращение темпов инфляции до 50% в 1998 г., 20% – в 1999 и менее 10% – в 2000 г. Одновременно намечалось снижение бюджетного дефицита до 3,5% ВВП.

Однако эти цели достигнуты не были, хотя рост цен удалось несколько замедлить[3]:

Таблица

Динамика оптовых и розничных цен в Турции

(среднегодовые данные в процентах)

	1995 г.	1996 г	1997 г.	1998 г.	1999 г.
Оптовые цены	88,5	75,9	81,8	71,8	53,1
Розничные цены	93,6	80,4	85,7	84,6	64,9

Темпы инфляционного процесса в Турции продолжали оставаться несопоставимыми с показателями стран ЕС, где в результате продуманной политики, осуществлявшейся в 80-90-е годы, инфляцию удалось свести к минимуму, – в 1999 г. в среднем для стран сообщества она оценивается в 1,7% за год[4].

Прогнозы по динамике цен, заложенные в турецкий бюджет 1998 г., основывались на надеждах повысить бюджетные доходы путем налоговой реформы. Однако ее подготовка и проведение через парламент заняли гораздо больше времени, чем предполагалось. Принятие налогового закона состоялось лишь в июле 1998 г., он предусматривал расширение налоговой базы, укрепление налогового аппарата и повышение собираемости налогов. Снижение ставок основных подоходных и поимущественных налогов, как ожидалось, должно было уменьшить масштабы сокрытия доходов и других методов уклонения от налогов, получивших широкое распространение.

Летом 1999 г. глава Центрального банка Турции Газе Иргель обнародовал меры, которые предполагалось осуществить совместно с государственным казначейством для сдерживания и регулирования денежной эмиссии с тем, чтобы уже в этом году понизить темп инфляции до 35%[5]. После землетрясения выполнение этих наметок стало невозможным, хотя показанный результат был не так уж плох по сравнению с прошлыми годами (см. табл.).

По отношению к доллару США турецкая лира обесценилась почти на 70%, к концу года ее курс составлял около 540 тыс. лир за 1 доллар.

Свои финансовые трудности турецкие власти по-прежнему частично решали, привлекая внутренние и внешние займы. Например, только внутренний долг за 11 месяцев возрос вдвое, достигнув 22,7 квдр. против 11,6 квдр. лир в 1998 г.[6] В течение года турецкое казначейство выпустило на рынок ценные бумаги на общую сумму в 31,3 квдр. лир. Особенностью новых выпусков, которые

оценивались как шаги по оздоровлению бюджета, стало удлинение срока погашения – с прежнего 1 года до 3 лет, снизился и процентный доход по государственным облигациям – со 132% в феврале до 81% в конце ноября[7].

В течение года и государство, и частные компании активно привлекали внешние ресурсы. За 9 месяцев были достигнуты соглашения на получение кредитов и займов на общую сумму в 11,6 млрд. долл., из которых 64,2% – долгосрочных и среднесрочных и 35,8% – краткосрочных; помимо этого, на мировых финансовых рынках были размещены турецкие облигации на общую сумму в 4,3 млрд. долл.[8]

Летом правительство обнародовало проект реформы системы социального страхования. Он предусматривал меры по оздоровлению, укреплению ее финансовой базы с тем, чтобы система могла функционировать за счет собственных ресурсов и не зависела от бюджетных дотаций. Для этого было намечено повысить возраст и трудовой стаж, необходимые для назначения пенсии в соответствии с европейскими стандартами. В Турции они были существенно меньше, например, возраст – 43 года для мужчин и 38 – для женщин. Реакция населения, естественно, была болезненной. Обсуждение законопроекта сопровождалось акциями протеста со стороны профсоюзов и других общественных организаций. Закон был принят парламентом (сентябрь 1999 г.), но в урезанном виде. Возраст, дающий право на назначение пенсии, удалось повысить не до 60 лет для женщин и 65 – для мужчин, а до 58 и 60 лет соответственно. Принятый закон не решил проблемы финансового оздоровления системы социального страхования: по мнению турецких специалистов, ее совокупный дефицит в 2000 г. может достичь 6% ВВП, что означает ухудшение положения с выплатой пенсий и пособий, так как проблема по-прежнему будет решаться за счет привлечения бюджетных средств[9].

Землетрясение 17 августа 1999 г. причинило колоссальный ущерб турецкой экономике, оцениваемый в 10 млрд. долл. От него пострадало 7 наиболее развитых илей страны, чей вклад в ВВП составлял 35% и где создавалось 47% добавленной стоимости обрабатывающей промышленности. Огромный урон понес жилищный фонд страны: было полностью разрушено 66,4 тыс. жилых строений и 10,9 тыс. предприятий, от частичных разрушений пострадало 147,4 жилых строений и 19,6 тыс. предприятий. Согласно официальным данным, во время землетрясения погибло 17 тыс. человек, ранено – 10 тыс.[10]

Очевидно, что ликвидация всех последствий землетрясения собственными силами и в приемлемые сроки была для Турции непосильной задачей. По первоначальным оценкам, для восстановительных работ и оказания помощи пострадавшим срочно требовалось 6,2 млрд. долл. Согласно докладу, подготовленному экспертами ОЭСР, половину этой суммы должно было мобилизовать само государство, остальные средства обещало предоставить международное сообщество[11]. Уже осенью 1999 г. в виде срочной помощи МВФ выделил Турции 500 млн. долл. В ноябре Всемирный банк принял решение предоставить Турции два займа на об-

щую сумму в 757,3 млн. долл.[12]: первый займ в 252,5 млн. долл. был направлен на аварийную помощь жертвам землетрясения для поставок горючего, строительного оборудования и материалов. Второй заем в 503,8 млн. долл. должен быть использован для создания национальной службы спасения и аварийного реагирования на случай новых землетрясений, учитывая, что территория Турции находится в зоне повышенной сейсмической активности, а также для создания системы контроля за ведением строительных работ. Оба займа должны быть погашены в течение 15 лет при 3 годах льготного периода[13].

Финансовая помощь Турции для ликвидации последствий землетрясения поступила и продолжает поступать. В частности, комиссией ЕС в начале 2000 г. был обнародован пакет гуманитарной помощи Турции на сумму в 23 млн. евро, предназначенной для оказания поддержки жертвам землетрясения. Вместе с 7 млн. евро, ранее предоставленными по каналам ECHO, общая сумма средств, выделенных Турции ЕС, составит 30 млн. евро[14].

Турецкая сторона при мобилизации средств из внутренних источников ориентировалась преимущественно на рост налоговых поступлений, в том числе – за счет введения добавочных налогов. В ноябре 1999 г. правительством было принято решение о введении так называемого дополнительного налога (ек вергиси), который представляет собой 5%-ю надбавку к личному подоходному и корпоративному налогам, к налогам на все виды моторизованных транспортных средств, а также на домовладения и некоторые др. Базой для начисления этой надбавки являются доходы и рента, продекларированные в 1998 г., а также заработная плата в 12 млрд. лир и более, выданная в том же году. Действие этого нового налога рассчитано лишь на 2000 год, а выплаты по нему должны быть осуществлены шестью частями – в январе, феврале, апреле, июне, августе и октябре. Ожидается, что дополнительный налог принесет казне 2,5 квдр. лир[15].

Введение этого налога, которое существенно ограничивало снижение прямого налогообложения в соответствии с принятой в 1998 г. налоговой реформой, было встречено в стране с пониманием, хотя и не без критики. Так, по мнению председателя Стамбульской торговой палаты Мехмета Йылдырыма, повышение налогового бремени может привести к росту теневой экономики, уклонению от налогов с неизбежными при этом финансовыми потерями для государства. На его взгляд, государству следовало найти другие источники средств для пополнения бюджета, например, расширяя список государственных предприятий и имущества, предназначенных для продажи: «В условиях чрезвычайных трудностей, в которые попала экономика в результате землетрясения, государство оказалось неспособным обеспечить необходимые средства путем приватизации и теперь запускает руку в карманы граждан»[16]. И действительно, приватизация, объявленная еще в начале 80-х годов одним из основных направлений рыночных преобразований, растянулась на два десятилетия, содержание убыточных государственных предприятий по-прежнему остается тяжелым бременем для бюджета. Но существующее положение устраивает связанную с госсектором бюрократию и обслуживающие ее профсоюзы. В те-

чение всех первых восьми месяцев 1999 г. из-за политической нестабильности и проблем, связанных с парламентскими выборами и формированием нового правительства, продажа государственной собственности была приостановлена. Лишь к сентябрю правительство смогло подготовить соответствующую программу. Денежная выручка от торгов (на которые были выставлены мелкие объекты и земельные участки), проведенных в последние месяцы года, составила незначительную сумму в 23,6 млн. долл.[17], которые целиком пошли на расходы Управления по делам приватизации и другие внебюджетные цели, что было характерным и для всех прошлых лет.

Ожидается, что уже в 2000 г. масштабы приватизации будут существенно увеличены, в первую очередь за счет наиболее крупных государственных объектов. По сообщениям печати, уже в конце 1999 г. была начата подготовка процедуры приватизации ряда крупных промышленных предприятий, входящих в структуры государственных холдингов СЕКА, ПЕТКИМ, ТЮПРАШ, предприятия транспорта и связи – Дениз Наклият, Телеком, ТВП, а также одной из крупнейших в стране страховой компании «Гювен». Названа предполагаемая сумма, которая будет в 2000 г. выручена в результате предстоящих торгов – 5,3 млрд. долл., что превышает суммарную выручку от приватизации за весь период от начала ее проведения – 4,6 млрд. долл.[18] Однако в Турции многие, исходя из опыта прошлого, сомневаются, что это на самом деле произойдет.

Накопившиеся финансовые проблемы намечено решить в предстоящем десятилетии. Согласно исследованиям, проведенным Стамбульской торговой палатой, реальным является снижение бюджетного дефицита до 2% ВВП лишь к 2009 г., к тому же сроку можно ожидать снижения темпа инфляции до 5% в год[19].

В наступившем 2000 г. заметных улучшений в состоянии турецких государственных финансов не предвидится. В соответствии с проектом консолидированного бюджета на 2000 г. общая сумма расходов установлена в 47 квдр. лир, что на 73% больше, чем в 1999 г. Использование бюджетных средств останется прежним: основная их часть – 64% – выделена на трансфертные расходы, предназначаемые службе долга, и переводы в другие звенья бюджетной системы, в частности 19,6% трансфертов предназначено на покрытие убытков госсектора и дотирование закупок сельскохозяйственной продукции, 11,7% – на финансирование дефицита системы социального страхования[20].

Правительству будет крайне трудно профинансировать принятый бюджет из обычных источников – налогов или даже доходов от приватизации, если таковые хотя бы частично поступят в его распоряжение.

Известный турецкий экономист Халюк Джиллов, ставя под большое сомнение адекватный рост бюджетных доходов на здоровой основе, т.е. в первую очередь за счет сбора налогов, которые намечено удвоить, считает безотлагательным внесение изменений в бюджетную политику, полагая, что «при сохранении инфляционной обстановки (т.е. продолжения финансирования средствами печатного станка – Е.У.) управлять турецкой экономикой

станет невозможно». По его словам, Турция прошла этот путь до конца. Чтобы освободиться от этого кошмара нет другого выхода, кроме заключения добротного соглашения с МВФ. Помимо этого, необходимо, чтобы политические лидеры заботились не только о росте доходов, но и с большей ответственностью относились к экономии государственных расходов[21].

Принять требования МВФ, которые выдвигались им на протяжении всех последних лет и особенно настойчиво – в 1998-1999 годы, на этот раз в сложившейся экстремальной обстановке, по-видимому, были готовы все – и деловые круги, и министры коалиционного правительства, которые, несмотря на некоторые «зигзаги», работали слаженно, с полной отдачей.

Принятие бюджета 2000 г. проходило почти одновременно с согласованием «письма о намерениях» с МВФ и последовавшим за этим подписанием соглашения, по которому Турция взяла на себя обязательства довести до конца намеченные и уже начатые реформы.

МВФ со своей стороны обязался предоставить Турции в течение ближайших трех лет (2000-2002 годы) 4 млрд. долл. (включая ранее предоставленные 500 млн. долл.). В стране считают, что этой суммы будет недостаточно, чтобы полностью ликвидировать все последствия землетрясения, обеспечить нужды турецкой экономики. Однако соглашение с МВФ открывает перед Турцией возможность расширить привлечение заемных средств с мирового денежного рынка. Обещает предоставить ей новые крупные кредиты и Всемирный банк, но только после того, как она начнет проводить обещанные преобразования.

[1] İstanbul Ticaret, 07.01.2000.
[2] Cumhuriyet, 02.06.1999.
[3] İstanbul Ticaret, 14.01.2000.
[4] İstanbul Ticaret, 28.01.2000.
[5] İstanbul Ticaret, 24.12.1999.
[6] Там же.
[7] Там же.
[8] Там же.
[9] Там же.
[10] İstanbul Ticaret, 21.01.2000.
[11] İstanbul Ticaret, 19.12.1999.
[12] The Moscow Times, 18.11.1999.
[13] Там же.
[14] İstanbul Ticaret, 07.01.2000.
[15] İstanbul Ticaret, 10.11.1999.
[16] Там же.
[17] İstanbul Ticaret, 24.12.1999.
[18] İstanbul Ticaret, 07.01.2000.
[19] İstanbul Ticaret, 10.12.1999.
[20] İstanbul Ticaret, 25.11.1999.
[21] Там же.

О.В.Плаксин

ТУРЦИЯ – МВФ: НОВАЯ ПРОГРАММА ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

Не только Россия является объектом «злокозненных и малограмотных» наставлений Международного валютного фонда, повышенным драматизмом отличаются его отношения и со многими другими странами-кредиторами. Представляются поучительными недавние события 1999 года во взаимоотношениях МВФ и Турции.

22 декабря 1999 года МВФ и Турция достигли в Вашингтоне Соглашения о предоставлении этой стране кредита (stand-by) на сумму в почти 4 млрд. долл. США для поддержки согласованной с Советом директоров фонда программы экономических реформ, рассчитанной на период до 2002 года[1]. Это соглашение является уже 17-й по счету в новейшей истории страны попыткой с помощью МВФ победить хронически высокую инфляцию, реструктурировать неэффективный, коррумпированный госсектор и отсталое сельское хозяйство. У Турции ненадежная репутация с точки зрения выполнения обещаний, данных МВФ. Правительства страны до сих пор либо не могли, либо не хотели выполнять взятые на себя обязательства. Но сегодня налицо некоторые оптимистические признаки. В отличие от прежних правительств нынешняя правительственная коалиция, возглавляемая Бюлентом Эджевитом, представляется относительно стабильной. Из 550 мест в меджлисе ей принадлежит 351.

Все три входящие в нее партии сейчас жизненно заинтересованы в том, чтобы оставаться на виду. Праворадикальная Партия национального действия (ПНД) впервые за 20 лет находится у власти и всячески стремится стереть из памяти политиков и избирателей воспоминания об участии ее молодежного крыла в террористической деятельности в 70-е годы. Девлет Бахчели, лидер ПНД, прилагает много усилий по формированию нового имиджа партии как центристской, ответственной организации. Представители ПНД стали в правительстве министрами обороны, торговли и промышленности, общественных работ, кроме того, эта партия получила также пост одного из вице-премьеров.

Партия Отечества (ПО), войдя в состав коалиции, получила возможность восстановить свои позиции после всех неприятностей, связанных с тяжелейшими обвинениями ее лидера, бывшего премьер-министра Месута Йылмаза в коррупции (в первую очередь в процессе приватизации). ПО удалось провести своих людей на ведущие министерские посты – финансов, внутренних дел, энергетики.

Что касается лидера коалиции – Демократической Левой Партии (ДЛП), то ее успех зиждется в первую очередь на незапятнанной репутации и авторитете ее руководителя – Бюлента Эджевита. В последнее время участились разговоры о том, что среди соратников 74-летнего политика нет ни одной фигуры, сравнимой с ним по степени уважения. Правая рука Эджевита – Хюсаметтин Озкан, ставший вице-премьером, больше известен как его личный секретарь. В лагере ДЛП фигурой, в какой-то мере влияющей на развитие событий, можно считать лишь государственного министра Хикмета Улугбая. Он курирует Казначейство (роль этой инстанции в Турции важнее, чем роль Минфина, деятельность которого в основном ограничивается сбором налогов) и Центральный Банк.

Две оппозиционные партии – Партия добродетели (т.н. «исламисты»), являющаяся наследницей Партии благоденствия, вместе с прежней союзницей по коалиции – Партией верного пути Тансу Чиллер, были довольно бесцеремонно отстранены от власти военными в 1997 году. В сегодняшней расстановке сил в парламенте их влияние оказалось, по крайней мере, не определяющим. Таким образом, нынешняя правительственная коалиция выглядит чуть ли не наиболее устойчивой за последние 10 лет, что, вероятно, отражает наметившийся в турецком обществе консенсус относительно необходимости срочного проведения структурных реформ.

Экономика Турции пребывает в депрессии, начало которой, согласно распространенному мнению аналитиков, было положено Российским финансовым кризисом августа 1998 года. По некоторым данным, до кризиса Россия являлась источником пятой части турецких валютных поступлений. К марту 1999 года экспорт в Россию (второе по объемам направление турецкого экспорта после Германии) упал на 70%. В целом же экспорт снизился на 13% – до 6,4 млрд. долл. США, а импорт – на 34% – до 7,9 млрд. долл. США[2]. Однако главные причины депрессии – внутренние. Во-первых, ощутимый удар экономике нанесли взлет курдского терроризма после поимки Оджалана (что сказалось на туризме) и разрушительные землетрясения, произошедшие в наиболее развитых и густонаселенных районах. И тем не менее, даже эти беды не были бы в состоянии решающим образом повлиять на ситуацию. Дело в структурных пороках экономики и государственного устройства.

По предположениям «Emerging Market Investor», в 1999 году ВВП страны сократился на 2%[3]. По данным МВФ, первичный профицит уменьшится с 3,6% ВНП в 1998 году до 0,9% от ВНП в 1999 году, а общий дефицит бюджета возрос в те же сроки с 7,7% от ВНП до 12,1%. Ухудшается ситуация с долгами государственных корпораций и региональных властей, потерями госбанков. Потери двух крупнейших государственных банков – Зираат (сельскохозяйственного) и Халк – банка, активы которых достигают четверти всего банковского сектора, только в 1999 году оцениваются в 16,2 млрд. долл. США (что сравнимо с размером дефицита бюджета). М.Эгильмез, бывший высокопоставленный сотрудник Казначейства, говорит, что «никто толком и не знает, где эти деньги. Государственные банки – это как параллельный бюджет, который используется в интересах влиятельных политиков»[4]. Особый вопрос –

инфляция. В последние 20 лет средний уровень инфляции превышает 60%, несмотря на бесчисленные программы по борьбе с нею. За последние 9 лет государственные расходы выросли почти на 100%, в то время как доходы – лишь на 51%. В период с 1980 по 1985 г. инфляция достигала средних значений 38%, между 1990 и 1995 гг. – 79%, а за 1996-1999 гг. – 83%[5].

В этих условиях не удивляет решимость, с которой правительство Эджевита приступило к осуществлению программы структурных экономических реформ, предварительно предприняв усилия по обеспечению финансовой поддержки МВФ. В итоге, несмотря на негативный опыт своих прежних попыток склонить Турцию к серьезным реформам, МВФ счел возможным начать новый этап кредитования. Изложенная в письме на имя М.Камдессю от 9 декабря 1999 года программа правительства Эджевита состоит из 64 пунктов и в кратком виде сводится к следующему.

Цель программы – снизить инфляцию настолько, насколько это вообще возможно сделать в короткие сроки без угрозы коллапса экономики. Правительство ориентируется на достижение уровня инфляции в 25% к декабрю 2000 года, 10-12% к концу 2001 года, а к концу 2002 года – 5-7%. Программа предусматривает три главных направления деятельности: корректировка фискальной системы (на нее влияет слабость государственных финансов как основной фактор, вызывающий инфляцию); структурные реформы (они должны помочь обществу пережить корректировку фискальной системы, повысить эффективность экономики, а также посредством доходов от приватизации сократить государственный долг); обеспечение твердого обменного курса, поддержанного последовательной политикой в области доходов (необходимо для сохранения быстрых темпов сокращения инфляции и процентных ставок, особенно на первом этапе реформ). При этом ожидается, что в 2000 году реальный ВНП вырастет на 5-5,5%, переломив тенденцию 1999 года к падению.

Основной фискальной задачей на 2000 год становится увеличение первичного профицита системы госфинансов, включая внебюджетные фонды, бюджеты местных администраций, госпредприятий, ЦБ и снижение «запланированных» потерь государственных банков, до 2,2% от ВНП. Фискальная политика должна быть поддержана более активными и разнообразными действиями по управлению долгом (в первую очередь за счет ускорения приватизации), что позволит сократить бремя процентных выплат. Большие надежды возлагаются на поправки к налоговому законодательству, принятые парламентом 26 ноября 1999 года, которые предусматривают усиление налогообложения личных и корпоративных доходов, налог на мобильную связь, налог на поступления, получаемые некоторыми регулирующими организациями (Стамбульская фондовая биржа, Комитет по рынкам капиталов и т.д.), введение системы сокращения сроков военной службы за определенную плату, налог на доход по государственным ценным бумагам, а также увеличение ставки НДС на табак, алкоголь.

Указанные налоговые меры должны иметь положительный эффект, исчисляемый в 2% от ВНП. Кроме того, планируется совершенствование методики исчисления налогооблагаемой прибыли.

Особое внимание будет уделено аграрной и пенсионной реформам, управлению бюджетом с его прозрачностью, налоговой политике и администрированию. Так, чтобы искоренить диспропорции в аграрном секторе, государство перейдет от политики неэффективного дотирования крестьянских хозяйств к политике прямого стимулирования доходов сельхозпроизводителей. При этом ожидается, что в 2000 году стимулирующие закупочные цены на зерновые не будут отличаться от среднемировых более чем на 35% (а в последующие годы эта цифра будет неуклонно сокращаться). Пока останутся в силе протекционистские импортные тарифы, но и от них планируется постепенно отойти. Что касается льготных кредитов фермерам, выдаваемых государственными банками Зираат и Халк-банк, – ситуация с ними особенно тяжелая. В 1999 году эти кредиты (их особенности в том, что они, как правило, достаются богатым фермерам, не всегда используются на сельскохозяйственные нужды, бесконечно пролонгируются и довольно редко возвращаются) составляли 1,2% ВНП. Правительство ставит целью сократить этот объем до 0,6% ВНП в 2000 году.

В ходе пенсионной реформы намечено повысить планку пенсионного возраста, увеличить минимальный размер взносов, предназначенных для пенсионного обеспечения, создать правовую основу для формирования негосударственных пенсионных фондов.

Государство вновь заявляет о своем стремлении постепенно отдаляться от экономической деятельности и сосредотачивать усилия на уменьшении долгового бремени за счет доходов от приватизации ряда объектов в ключевых отраслях экономики, таких как телекоммуникации и энергетика.

Политика в отношении процентных ставок и обменного курса будет сфокусирована на двух задачах. Во-первых, для обеспечения предсказуемости уровня процентных ставок и обменного курса необходимо быстро снизить инфляцию. Во-вторых, чтобы избежать в долгосрочной перспективе излишней жесткости, вызванной твердым режимом процентных и обменных ставок, необходима прозрачная, заранее объявленная стратегия действий в этом направлении. Будут предприняты серьезные меры по усилению банковского регулирования и повышения прозрачности и эффективности банковского сектора. Создается независимое Агентство по банковскому регулированию и контролю (о деталях – см. ниже). Максимальный размер открытой валютной позиции коммерческих банков снижается до 20% от их собственного капитала. Ужесточаются требования по резервированию средств, коэффициенту достаточности капитала, качеству кредитных портфелей и т.д.[6]

Итак, программа заявлена, и отныне все взоры будут обращены на статистику, отражающую степень ее реального исполнения. Эксперимент начал разворачиваться на наших глазах с января 2000 года, и МВФ уже может одобрительно отметить принятие парламентом закона о реформировании системы социального обеспечения и поправки к конституции, допускающей возможность международного арбитража, что устраняет серьезное препятствие для притока иностранных инвестиций в страну. Еще более пристально, чем МВФ, будут отслеживать ситуацию турецкие бизнес-элиты, так как ситуа-

ция в экономике страны затрагивает их непосредственным образом. Многие турецкие бизнесмены сходятся во мнении, что первой проверкой серьезности бюджетной политики будут решения кабинета об индексации оплаты госслужащих. В соответствии с программой индексация не должна превысить 15% в первом полугодии и 10% во втором. Тогда станет ясно, был консенсус с МВФ результатом тактических или стратегических соображений и удастся ли правительству выдерживать обязательства по снижению темпов инфляции.

Что касается реформы банковского сектора, то первые сенсационные результаты уже налицо. Несмотря на то, что Агентство по банковскому регулированию и надзору намечается создать еще только в августе 2000 года[7], правительство начало решительные действия уже в декабре 1999 года. Так, буквально в день объявления о предоставления Турции кредита МВФ, было обнародовано решение о переводе под управление государства пяти частных банков, имевших проблемы с ликвидностью. Все они входили в категорию «средних» финансовых институтов, с общими активами в 7,6 млрд. долл. США (суммарные активы 81 государственного и частного банков составляют 137 млрд. долл. США) и отныне будут управляться созданным ЦБ Фондом по страхованию сберегательных депозитов. То обстоятельство, что один из этих банков – Эгебанк – принадлежал племяннику президента Сулеймана Демиреля, явилось серьезным свидетельством решимости властей реально проводить программу в жизнь. Одновременно парламент принял постановление о том, что банкам страны предписывается в пятилетний срок перейти на международные стандарты отчетности и банковского регулирования.

Следующим важнейшим шагом по реформированию банковского сектора может стать отмена государственных гарантий по банковским вкладам, которые создают нездоровый климат для основной деятельности финансовых учреждений. Система гарантирования всех вкладов была введена в Турции после банковского кризиса 1994 года. Ее главный побочный эффект – возможность для мелких банков чрезмерно завышать ставку по депозитам в целях привлечения клиентуры. Вкладчики, зная о государственных гарантиях, не заботятся о качестве управления банками, не обращают внимания на их деловую репутацию. В свою очередь авантюристы, управляющие такими банками, получают очень дорогие ресурсы, которые могут взять в кредит еще более «рисковые» фирмы, что порождает высокий процент невозвратов. Одновременно такая ситуация провоцирует акционеров банков на банальное воровство, осуществляемое путем увода собранных средств через аффилированные с банком структуры (в Турции их называют «нейлоновые» компании). В итоге за все расплачиваются налогоплательщики. Регулирующие органы прекрасно осведомлены о происходящем, однако их законодательные инициативы блокируются коррумпированными чиновниками, являющимися активными участниками вышеописанных процессов.

В исправлении ситуации заинтересованы прежде всего крупные и эффективные турецкие банки, поскольку они не могут себе позволить устанавливать нереалистичные ставки по депозитам. Управляющий директор «Япы ве Креди Банкасы» Н.Сигин приводит такие данные: отток

депозитов в пользу более «рисковых» конкурентов составил в 1998 году 20%, а в первой половине 1999 года– 5%. Турецкие банкиры и предприниматели отчетливо представляют себе вероятные последствия реформ банковского сектора и снижения инфляции. В первую очередь восстановится связь между уровнем риска и процентной ставкой, что сделает финансовые рынки намного более реалистичными и предсказуемыми. Примитивные спекулянты лишатся своего главного инструмента паразитирования – высокодоходных государственных казначейских обязательств. Банки вынуждены будут расширять кредитование реального сектора, а так как многие этого делать не умеют, вероятно снижение качества активов, что неизбежно приведет к банкротствам и консолидации. В Мексике подобный процесс привел к тому, что с 1982 по 1993 год соотношение объема кредитования к ВВП увеличилось с 9,4% до 35%. В Турции этот показатель составляет 24,4%, в Бразилии – 42%, в Великобритании – 142%. В таких условиях логично ожидать резкой активизации на турецком рынке крупнейших иностранных банков, в первую очередь тех, кто уже обозначил здесь свое присутствие – Citigroup, Chase, HSBC, Standard Chartered, BNP, Santander, ING, ABN-AMRO, Deutsche Bank. На конец декабря 1998 года иностранным банкам принадлежало 4,4% турецкого финансового рынка[8].

В то же время банковские аналитики сходятся во мнении, что крупнейшие частные банки Турции (как минимум, это Акбанк, Гаранти, Япы ве Креди, ТЕБ, Ишбанк, Кочбанк), добившиеся впечатляющих успехов в развитии банковских технологий, диверсификации активов, управлении рисками и пользующиеся хорошей репутацией на международных рынках капиталов, уверенно пройдут бурный период начавшихся в декабре 1999 года реформ и смогут увеличить свою долю на рынке, находящуюся под их контролем. Судьба государственных банков (прежде всего – Зираат и Халк-банка) неясна. То, что с ними будет происходить в ближайшее время, представляется в высшей степени индикативным.

Очень показательным будет также и то, как пойдет процесс приватизации. В Турции по-прежнему слишком сильны позиции бюрократии, воспринимающей приватизацию лишь как бесплатную раздачу государственных льгот и привилегий. Пресса изобилует материалами о проводимых тендерах и вносимых платежах, результаты которых затем отменяются, а объекты передаются в чьи-то руки на непонятных условиях, иногда – бесплатно. Некоторые компании приватизируются по многу лет. Подготовка к продаже пакетов акций (за счет комиссий инвестиционных банков, юридических фирм, оценщиков, организаторов торгов и т.п.) с 1998 года уже стоила казне 5,8 млрд. долл. США. В итоге продажа этих пакетов принесла 4,1 млрд. долл.[9] По словам Юкселя Ялова, председателя Комитета по приватизации, к концу 2000 года будут проданы 49 из 74 намеченных к приватизации компаний. Это должно принести государству 5,3 миллиарда долларов, в том числе 3,2 миллиарда – наличными. Внимание аналитиков будет привлечено к тому, как пройдет приватизация нефтеперерабатывающего концерна «Тюпраш», авиакомпании «Турецкие авиалинии», а самое главное – «жемчужины турецкой экономики»

– компании «Тюрк Телеком» (ТТ), которая безуспешно приватизируется уже с 1992 года. В то время Morgan Stanley оценил ее в пределах от 18 до 20 млрд. долл. Однако затем компания начала терять рынок в пользу операторов мобильной связи и в 1997 году ее пытались продать уже за 10 млрд. долл.

Два главных претендента на покупку ТТ – крупнейшие турецкие частные конгломераты «Коч Холдинг» и «Сабанджи Холдинг» – уже привлекли стратегических партнеров: «Сабанджи» – испанскую Telefonica, а также мощный турецкий холдинг «Догуш» (строительство) и «Доган» (масс-медиа), в то время как «Коч» объединился с американской CBS Communications. Однако оба претендента ждут уже слишком давно (для них обоих ТТ нужна как стартовая площадка для прорыва на растущие рынки телекоммуникаций и информационных технологий), а инвестиции в ТТ нужны были еще вчера, компания быстро теряет конкурентное преимущество в пользу частных компаний «Тюрксель» и «Тельсим». «Тюрксель», возникшая в 1993 году, ежегодно удваивает число подписчиков на услуги мобильной связи, и концу 1999 г. у нее уже было около 6 миллионов клиентов (свыше 70% турецкого рынка). В 2000 г. компания намерена произвести первичное публичное размещение своих акций на стамбульской, нью-йоркской и лондонской фондовых биржах[10].

Вместо заключения. В одном из недавних номеров «Financial Times» один из многочисленных гуру американской экономической науки Руди Дорнбуш из Массачусетского технологического института опубликовал статью «When funny money is no joke». На наш взгляд, эту статью следует считать приметой надвигающихся новых жестоких времен в отношениях между развитыми странами и развивающимися в условиях глобализации.

Публикация может быть навеяна и впечатлениями о недавнем соглашении Турции и МВФ и пронизана откровенным недоверием к попыткам развивающихся стран, включая Турцию, стабилизировать свои финансы. «Когда рождаются новые государства, – пишет Руди Дорнбуш, – первое, что они делают, - придумывают собственную валюту. Вне зависимости от того, называется ли она «песо», или «гривна», ее создание сопровождается большой патетикой. В дальнейшем лишь немногие представители этой новой армии валют дорастают до запланированной покупательной способности. Большинство же обрастает все большим количеством нулей, параллельно с тем, что все более патриотические профили появляются на обратной стороне банкнот. Такова плата за искаженное представление о национальной идентичности. Будь то вариант с устойчивой инфляцией от 60 до 100%, который существует все последние годы в Турции, или чуть более удачно развивающаяся экономика, базовый вопрос остается неизменным: зачем этим новым странам обязательно иметь свой Центральный банк?» По мнению автора, даже такие страны, как Италия, в недавнем прошлом «едва избежали государственного банкротства путем сдачи своей денежной власти Европейскому Центральному банку. Во Франции, где ситуация была чуть менее драматичной, капитуляция последовала сначала в пользу Бундесбанка, а затем Европейского ЦБ… и имела самые благоприятные для страны последствия». Тем более «периферийным европейским нациям» и

особенно тем бедным странам, которые так стремятся к международному уважению и процветанию, должно стать очевидным, что «дилетантство с управлением собственными валютными системами слишком дорого обходится».

Крепкая валюта хороша, считает автор статьи, но переоцененная, она может обернуться новыми проблемами и погубить только начавшуюся программу стабилизации страны. Уж лучше следовать итальянской стратегии dot-евро, которая будет работать в виде currency-board, т.е. ЦБ больше не будет эмитировать деньги (за исключением случаев покупки иностранной валюты), обменный курс жестко и навсегда окажется привязанным к евро. Процентные ставки валятся, инфляция умирает, возможности для финансовых злоупотреблений в бюджетной сфере резко сужаются, и всякая политика уходит из государственных финансов. «Местные фондовые рынки расцветают, идет экономический рост и министр финансов улыбается с обложки модного журнала. Президент успешно переизбирается на второй срок».

«Никто уже не верит, что девальвация – это шаг к процветанию, что инфляция создает рабочие места. Никто уже не верит даже в то, что печатать деньги – это разумный путь финансировать правительство. Периферийные европейские страны хотят присоединиться к ЕС, чтобы продавать свои овощи и текстиль. Однако стабильность валюты намного важнее. И единственный путь ее достичь – безоговорочная капитуляция, закрытие ЦБ и отправка на свалку всех этих цветных бумажек (funny money). Сопротивляться этому процессу будут только надутые чиновники из ЦБ да финансовые спекулянты, делающие барыши на высокой инфляции». Руди Дорнбуш вопрошает: «Как можно вообще верить в нечто, называющееся «турецкая лира»?Само название, и то плохое! И Турция не делает его лучше. Даже если в стране вообще ничто другое не работает, по крайней мере, надежные деньги могут изменить ситуацию к лучшему»[11].

Пока трудно сказать, насколько мнение Дорнбуша отражает реальные тенденции в политике мировой финансовой элиты. В то же время будущие результаты срочно предпринятых Турцией реформ могут оказаться чрезвычайно важными, в том числе и для других «периферийных европейских наций». Об этих результатах будет идти разговор, когда *уже* наступит 21 век.

[1] IMF Press Release No. 99/66, December 22, 1999.

[2] Turkey. Financial Times Survey. June 15, 1999, с. 14.

[3] Emerging Market Investor, December 1999, с. 11.

[4] Euromoney, November 1999, с 83.

[5] Там же.

[6] Letter of Intent of the Government of Turkey to the Managing Director of IMF, 09.12.1999.

[7] Кстати, один из ведущих турецких банкиров Эрол Сабанджи, президент Акбанка, считает такую меру абсолютно излишней и полагает, что надзор должен осуществляться исключительно ЦБ (там же, стр. 97).

[8] Там же, стр. 97.

[9] Там же, стр. 94.

[10] Там же, стр. 96.

[11] Financial Times, 03.01.2000.

Н.Г.Киреев

СОХРАНИЛСЯ ЛИ В ТУРЦИИ ГОССЕКТОР? НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ПРИВАТИЗАЦИИ

Законодательные и практические меры турецких властей, начатые во второй половине 80-х годов по приватизации государственных предприятий в промышленности и инфраструктуре, включая социальную, а также банковском секторе, торговле, туризме и т.д., составляют основу глубокой реформации социально-экономической структуры современного турецкого государства, ее деэтатизации, модернизации на пути европеизации, а если говорить совсем конкретно, – на пути интеграции в ЕС. В этих же целях было либерализовано и законодательство по негосударственным общественным фондам, вакуфам, что способствовало росту независимых источников финансирования в социальном секторе и даже привело к неожиданному для властей результату – стремительному росту в 80-е – 90-е годы религиозных фондов, связанных с влиятельными тарикатами и происламскими холдингами. Но это – отдельная тема.

Первые приватизационные законы, принятые в 1984-1986 годы, были предназначены не для того лишь, чтобы еще раз подтвердить право на частное предпринимательство и ускорить провозглашенный еще в 50-е годы процесс деэтатизации турецкой экономики. В законах 80-х годов впервые в истории республики конкретно прописывались процедуры, согласно которым государственное объединение, предприятие, а также государственные доли (иногда объединяемые в «пакеты») акций в смешанном государственно-частном либо частно-государственном становились частными. Самым для того времени смелым шагом правительства Т.Озала считается принятый в июне 1986 г. закон 3291, получивший в Турции наименование Кодекса приватизации. Раздел пятый закона так и был назван: «Положения по приватизации ГЭО – государственных экономических организаций». Согласно ему, государственное предприятие или учреждение, объединение даже самого высшего уровня, подчас занимавшее монопольное положение в какой-либо отрасли, а также государственный пакет акций в капитале смешанной компании могли стать частной собственностью – личной или корпоративной. Решение об этом по корпорациям высшего уровня – холдингам, акционерным обществам и всем другим хозяйственным единицам и объединениям, которые турецкая законодательная традиция с 30-х годов объединяет общим официальным названием «государственная экономическая организация» (ГЭО, в турецкой аббревиатуре – KİT-Kamu İktisadi Teşekkülleri), принимает совет мини-

стров. Что касается приватизации госпредприятий низших статусов, включая дочерние подразделения и непосредственно производственные и сервисные объекты, а также государственные пакеты акций, – для них было достаточно решения учреждаемого с этой целью при Совете министров специального управления. Это управление объявлялось конкретным распорядителем государственной собственности после принятия решения о необходимости ее приватизации, включения в приватизационный список. Находясь в этом списке, каждый такой объект считался государственным лишь до того момента, пока его капитал не менее чем на 51% не переходил в частные руки. После этого он уже считался приватизированным, исключался из списка, его деятельность регулировалась другими правовыми нормами, например, Торговым кодексом[1]. Эти основополагающие принципы и поныне составляют основу всех модификаций приватизационного законодательства современной Турции.

Уже в самом первом списке ГЭО, подлежащих приватизации, были представлены крупнейшие предприятия основных отраслей экономики: например, Турецкие авиалинии (Türk Hava Yolları A.Ş), Читосан (производство цемента и продуктов почвы – Çimento ve Toprak Sanayii TAŞ), ТПАО (Турецкая нефтяная компания – Türkiye Petrolleri AO), Этибанк (горнодобывающие и металлургические предприятия Турции) и другие. В список было включено, а затем изъято (впоследствии включалось вновь) располагающее крупными земельными угодьями, поголовьем племенного скота и подсобными хозяйствами Управление госимениями (ТИГЕМ – Türkiye Tarım işletmeleri Genel Müdürlüğü) со своими региональными производственными единицами. В список затем были добавлены Петким (нефтехимия – Petrokimya AŞ) и Сумербанк (текстильное производство), и с тех пор он непрерывно пополнятся новыми объединениями, предприятиями и учреждениями различного профиля, став единым официальным перечнем подлежащих приватизации ГЭО и госпакетов акций в смешанных компаниях.

Что касается государственных пакетов акций в капитале компаний со смешанным, в том числе иностранным капиталом, призванных в свое время поддержать таковые и в финансовом, и в политико-экономическом плане во имя развития частного предпринимательства, то первыми такими пакетами последовательно становились акции капитала весьма прибыльных компаний Неташ и Телеташ, – телекоммуникационных фирм, входивших в структуру ПТТ (почта, телеграф, телефон) со смешанным турецко-иностранным капиталом (канадская Норзерн электрик). Стимулируя успех первых шагов по приватизации, власти сочли возможным пустить эти заведомо привлекательные акции в продажу на Стамбульской фондовой бирже. Также к первым продажам были предложены государственные акции в ряде смешанных компаний, владеющих предприятиями по производству бытовой электротехники, черных металлов, химических удобрений и по автосборке. Турецкие исследователи считают, что отбор самых первых кандидатов на приватизацию был особенно тщательно подготовлен, благодаря чему недостатка в «хороших» внутренних и ино-

странных заявках на большинство самых первых предложенных к приватизации объектов и пакетов акций не было. Например, акции Неташ и Телеташ после их перехода в распоряжение Управления по приватизации стали отличаться высоким спросом на бирже. Иностранный интерес оказался высоким в отношении туристических гостиниц Турбана, его бюро путешествий и гаваней для яхт.

Турецкие аналитики вместе с тем уже тогда осознавали наличие такой проблемы в делах приватизации, как слабое развитие в стране рынка капитала. Власти стремились привлечь мелких и средних вкладчиков, подчеркивая «народный» характер первых продаж государственной собственности. Оказывалось воздействие на персонал приватизируемых предприятий, ему часто предоставлялось преимущественное право приобретения акций. Однако уже в первых оценках хода приватизации не было уверенности, что она приведет к широкому «народному» акционированию. Высказывалось мнение, что наемные работники приватизируемых предприятий покупают акции на короткий срок, чтобы обеспечить дополнительный доход, многие из них не могут позволить себе рассчитывать на эти сбережения как на долгосрочные. Поскольку турецкий рынок акций – явление сравнительно новое и находится в процессе формирования, Управление по приватизации ведет себя осторожно, с тем чтобы не перенасытить рынок своими акциями, чтобы оставить достаточно места также и для обычного размещения частным сектором своих акций.

Подлежащие приватизации государственные корпорации в целом либо их подразделения после включения в упомянутый официально контролируемый единый приватизационный список прежде всего проходили стадию реорганизации, акционирования и даже, если это требовалось из-за их масштабов и структуры, реформирования в холдинговые компании. Методы приватизации определялись, как явствует из высказываний турецких экспертов, «природой и особенностями самих предприятий». При этом достаточно широко использовалась практика торгов, тендеров, давно уже получившая законодательное регулирование в Турции. Потенциальные покупатели о предстоящих торгах широко оповещались через средства массовой информации, было активно задействовано несколько тысяч отделений различных банков по всей Турции. В том случае, когда речь шла о так называемой «продаже акций народу», она осуществлялась (в ряде случаев в условиях ажиотажа) через уже упомянутую фондовую биржу Стамбула; например, по итогам торгов уже на 1991 г. 42 тыс. человек стали владельцами акций. Подробная информация о каждом случае приватизации, тендере, свободной продаже акций на бирже публиковалась в СМИ, чего требовало, кстати, само законодательство по торгам.

Приватизация на первом этапе шла нарастающими темпами и за счет иностранных покупателей. В августе 1989 г. фирма ССП, сервисный партнер известной авиакомпании САС приобрела в блоке 70% государственных акций сервисной компании Усаш, обеспечивающей организацию питания в крупнейших турецких аэропортах. В октябре 1989 г. француз-

ской группе «Семан франсез» были проданы пять цементных заводов Читосан (анкарский, балыкесирский и др.). Реализация этих сделок отличалась затяжным, вялотекущим характером, поскольку указанные продажи затем опротестовывались, суд принимал решения об их отмене. Таким образом, вслед за первыми сделками по приватизации госсобственности через продажу последовали и первые шаги судебных инстанций (чаще всего Конституционного суда) по отмене некоторых продаж. Таких решений, как свидетельствует практика приватизации, принято немало, однако не обо всех информация попадала в турецкие СМИ, в целом процедуры «исполнения» приватизационного «листа» нельзя считать прозрачными, а информацию по их итогам – исчерпывающей. Впрочем, это характерно не только для Турции.

Стремление властей прибегать к блоковой продаже акций специалисты оценивают как намерение предупредить распыление капиталовложений, привлечь серьезный иностранный капитал, способный осуществить технологическое обновление предприятий. Известно, что этатистская индустриализация приобрела широкий размах еще в 30-е годы, когда были построены многие госпредприятия текстильной, пищевой, цементной, добывающей промышленности, действовавшие затем под эгидой Сумербанка и Этибанка. Система прямых, внерыночных, по декретируемым ценам закупок сырья и поставок готовой продукции, бюджетное покрытие издержек деятельности такого механизма избавляла ГЭО от необходимости заботиться о рентабельности и модернизации многие годы, поэтому поиски иностранных инвестиций в некоторые безнадежно устаревшие производства, их акционирование так затягиваются. К тому же поиск иностранных инвесторов вызывает критику со стороны ряда местных предпринимателей, убежденных, что они сами могут справиться с модернизацией, если государство предоставит им льготные кредиты.

В печати также высказывалась критика по поводу того, что приватизация сводилась к простой продаже государством своей собственности, включая дорогостоящие земельные участки, а также прибыльные акции. В крайне неблагоприятных для приватизации экономических условиях не были приняты меры по предупреждению роста безработицы, торга по ценам; утверждалось, что продажные цены на госсобственность нельзя считать рыночными, «политические предпочтения порождают политические цены». До своего поражения на выборах в октябре 1991 г. правящая тогда Партия отечества смогла подготовить список 112 государственных компаний, подлежащих приватизации.

В ходе приватизации становилось очевидным, что расходы на нее весьма значительны, они съедают большую часть поступлений. Остаются невостребованными такие «киты» госсектора, как первый в Турции металлургический комбинат Карабюк, построенный на английский кредит еще в 1938 г., медеплавильный комбинат, угольные корпорации (добыча каменного и бурого угля). Нет покупателей и на предприятия энергетики, прежде всего на дорогостоящие тепло- и гидроэлектростанции и др. Даже ставить

вопрос о продаже всех такого рода по турецким масштабам гигантов нелегко не только из-за их величины и стоимости, но также и потому, что они одновременно представляют из себя каждый в отдельности и все вместе в масштабах страны оформившийся за многие десятилетия достаточно эффективный социальный институт. Эти разбросанные по всей стране флагманы турецкой индустриализации с казенным жильем, сектором «соцкультбыта» являлись до последнего времени единственным средоточием городской жизни в провинции, даже символом экономического прогресса. Россияне помнят, что несколько таких «флагманов индустрии» (металлургические, нефтеочистительные, алюминиевый комбинаты) было построено на советские кредиты и в 30-е, и в 70-е годы. Последовавшие после включения в список приватизации реорганизация этих заводов и фабрик, перепрофилирование персонала, его сокращение, не говоря уже о полном закрытии, становятся иногда причиной политической дестабилизации в стране, вызывают протесты профсоюзных конфедераций, составляющих ныне в Турции одну из влиятельных групп давления.

«Своя» приватизационная судьба сложилась у Сумербанка – лидера кемалистской индустриализации. Он оставался до последнего времени крупнейшей государственной корпорацией, сохранившей серьезные позиции в текстильной промышленности – отрасли, им созданной и впоследствии ставшей колыбелью современного национального частного бизнеса и подготовки национальных кадров квалифицированной рабочей силы. После включения его в 1987 г. в приватизационный список он оказался брошенным на произвол судьбы, кривая его убыточности стала расти. Из имеющихся в распоряжении Сумербанка 436 розничных магазинов предполагалось продать 316 магазинов, в том числе уходящему на пенсию персоналу корпорации. Сообщалось также, что Сумербанк получил от властей разрешение на «самоприватизацию» – на продажу земельных участков в ряде городов страны. Например, упоминалась продажа принадлежащих хлопчатобумажному комбинату Сумербанка 76 гектаров земли в Адане. Речь шла и о земельной площади действующей с османских времен обувной фабрики Сумербанка в Бейкозе, азиатской части Стамбула на берегу Босфора.

По итогам первого этапа приватизации оказались преувеличенными ожидаемые от нее успехи производства и поступления извне новейшей технологи; за некоторыми исключениями, иностранный капитал вяло отреагировал на приватизационные усилия Турции. Возможно, одной из серьезных причин такого рода трудностей явился тот факт, что принятые при Озале законы потребовали разработки таких подзаконных актов, которые выходили за рамки самих законов и даже конституции. Как уже отмечалось, некоторые важные решения о приватизации ряда ГЭО, принятые на основе упомянутых выше законов 80-х годов, были затем отменены Конституционным судом Турции, по другим происходило затяжное выяснение в различных инстанциях правильности процедуры приватизации и т.д. Продать ГЭО местному капиталу было нелегко из-за огромной стои-

мости при одновременной нерентабельности, а также по социальным мотивам. В конечном счете, по разным причинам, но в приватизационном списке оставались (и остаются до сих пор) нетронутыми многие ГЭО – крупнейшие в стране банки, металлургические комбинаты, нефтедобывающие, нефтеперерабатывающие и нефтехимические комплексы, объекты энергетики. Сохраняющаяся в решающих отраслях экономики фактическая монополия государства являлась, по мнению многих экономистов и политиков, основной причиной роста дефицита бюджета страны и инфляции, которая в 1994 году, когда вновь встал вопрос об обновлении законодательства, касающегося приватизации, достигла 140% в год.

27 ноября 1994 г. вступил в силу новый закон о приватизации – закон 4046, подтверждающий, что он распространяется на приватизацию всех видов государственной собственности, имеющей отношение к предпринимательству, т.е. документ практически распространялся и на все ГЭО, действующие в турецкой экономике. Делами включения названных организаций в приватизацию или вывода из нее, подготовкой к приватизации, установлением сроков, приостановкой либо прекращением их деятельности ведает Высший совет приватизации (ВСП – Özelleştirme Yüksek Kurulu), в составе которого – премьер-министр, министры финансов, экономики и торговли, государственный министр. Непосредственным исполнительным органом по приватизации является, как уже отмечалось, Управление по приватизации (Özelleştirme idaresi Başkanlığı).

При продаже некоторых ГЭО, как и ранее, сохраняется условие блоковой продажи акций (например, пакет может представлять 60% капитала). Оставшаяся часть может продаваться свободно отдельным лицам. Для некоторых из них – Сельхозбанка, Народного банка, «Турецкой нефти», Турецких авиалиний и других оговорено право сохранения на известный срок за государством контрольного пакета акций (51%). Фактически такие крупнейшие банки страны, как Сельскохозяйственный и Народный, были исключены (первоначально на два года) из списка приватизируемых. Предусматривалось также, что получаемые от приватизации средства должны поступать только в Фонд приватизации, не могут переводиться в казначейство, в бюджет, они должны использоваться непосредственно на меры приватизации, на смягчение ее негативных последствий (например, на компенсацию за потерю работы). Управление приватизации наделялось правом определять виды производства и услуг, носящих стратегический для страны характер. В капитале таких предприятий государство имеет право на преимущественное участие. Приобретаемое частной компанией право на эксплуатацию ГЭО, которые являются монопольными объектами с общественными функциями (например, плотины, автотрассы, лечебные стационары, порты, и т.п.), по срокам не должно превышать 49 лет. Изъято положение, ограничивавшее допуск иностранного капитала в нефтеочистительные компании и телекоммуникации.

Выполнение нового закона осуществляется с не меньшими, нежели ранее, трудностями. Так, потребовалось принятие отдельного закона 4107

от 6 мая 1995 г., чтобы определить принципы продажи 49% государственной Тюрк телекомюникасьон А Ш. (Тюрк Телеком), однако уже 29 февраля 1996 г. действия некоторых статей вышеуказанного закона были отменены по решению Конституционного суда.

Как уже отмечено, медленно проходят формальности по приватизации Эреглийского металлургического комбината, Сумербанка (ныне именуется Сумер-холдинг), Денизджилик ишлетмелери (судостроение), компаний Турбан (туризм), Петким, Турецкие авиалинии, Петроль офиси (продажа нефтепродуктов, бензоколонки), Черноморского медеплавильного комбината, Сивасского металлургического комбината, а также нескольких электростанций, принадлежащих нефтеперегонным заводам Тюпраш (TÜPRAŞ) и других.

Все же, если судить по некоторым высказываниям специалистов, новый закон о приватизации придал во второй половине 90-х годов дополнительную динамику процессу приватизации. Проф. Х.Джиллов, патриарх турецкой экономической публицистики, писал: «Мы, наконец, убедились, что по этой проблеме создана здоровая атмосфера, дан зеленый свет Конституционным Судом… Продажа Сумербанка и Этибанка частному сектору, последовавшие за ними продажи других банков, сама «прозрачность» способа продаж увеличили доверие к правительству в этом вопросе… Приватизация в 1998 г. пережила застой, в первую очередь из-за предвыборной компании. Ожидается, что после сформирования нового правительства этот процесс ускорится»[2].

Еще раз следует подчеркнуть, что в турецкой печати не приводятся точные, единые сведения о результатах приватизации и о полученных по ее итогам прибылях. По некоторым данным, с 1985 г. список приватизируемых объектов госсобственности постепенно возрос до 211 объектов, причем половина их к началу 1998 г. была полностью приватизирована. Стоимость приватизированного имущества оценена более чем в 4 млрд. долл.[3] В то же время в официальном отчете Союза торговых и промышленных палат Турции сообщается, что по состоянию на начало 1998 года Управление приватизации осуществило процедуру продажи 122 пакетов акций либо самих объектов. В 105 из них государственного участия не осталось, в 17 объектах еще остается государственное участие. Они частично приватизированы путем блоковой продажи, продажи публике и иностранцам, продажи на бирже или же продажи имущества, принадлежащего какой либо ГЭО (имеются в виду также земельные участки, особенно ценные в городах и туристических зонах). Всего с учетом доходов от обращения и использования получаемых средств в банковских и других операциях доходы от приватизации за 1986-1997 гг. составили по эквиваленту 4 824 087 долл. Из названных поступлений почти вся сумма была использована на покрытие расходов по приватизации (участие в капитале, социальная компенсация и др.), на оплату по кредитам, на переводы в казначейство и т.п.

По сообщению турецких СМИ, новое правительство, пришедшее к власти по итогам апрельских выборов 1999 года, объявило приватизацию

одной из приоритетных мер. Отвечающий за нее государственный министр Юксель Ялова утверждает, что цель приватизации – не получение прибыли, а ликвидация в экономике естественных монополий. Это означает, по его мнению, что вместо «монополии государства должна утвердиться монополия частного сектора» и что речь идет о внедрении «законов конкуренции». Он опровергает приписываемое его Партии националистического движения намерение остановить приватизацию. «Я не связываю свое политическое будущее с отменой приватизации, для меня как политика будущее Турции важнее моего». По утверждению министра, во второй половине 1999 года в портфеле Управления приватизации находились акции 74 ГЭО, готовых к продаже, причем ожидалось, что в 2000 году удастся довести суммарные итоги приватизации до 5,3 млрд. долл., уменьшив при этом число оставшихся ГЭО с 74 до 25. Из госсобственности предполагается продать предприятия деревообрабатывающей отрасли промышленности, черной металлургии, туризма, производства удобрений, текстильного производства, судостроения[4]. Уверенная в том, что новое националистическое правительство продолжит приватизацию, газета «Сабах» в декабре 1999 г. писала, что среди самых важных для Турции событий года – допуск Турции в зал ожидания ЕС и подписание с МВФ нового важного соглашения. Принятие к исполнению европейских стандартов развития заставляет правительственную коалицию умерить свое стремление, если оно есть, притормозить приватизацию. «Процесс продолжится, но очевидно, с не меньшими, чем ранее, трудностями и паузами»[5].

В другой газете было опубликовано сообщение Тюркие эмляк банкасы о продаже некоторых видов недвижимости в городах и городских поселках через торги, назначенные на местах на определенные часы и дни ноября и декабря 1999 г. Речь шла о земельных участках, производственных площадках, конторских, торговых и жилых помещениях. В опубликованном списке перечислено более 200 таких объектов, выставляемых на продажу[6]. Газета Миллиет даже перечислила объекты, которые подлежат продаже с торгов или через биржу в 2000 г.: блоковая продажа 51% акций Петроль офиси, имущество Петким в Ярымджа, деревообрабатывающий завод в Этимесуте, блоковая продажа акций на условиях инвестиций металлургического комбината Исдемир, земельные участки, принадлежащие Черноморскому медеплавильному комбинату, «народная» (через фондовую биржу) продажа акций нефтеперерабатывающего завода Тюпраш, продажа блоков акций Турецких авиалиний и Стамбульского завода химических удобрений, продажа «части имущества» целлюлозного комбината СЕКА и др. Бросается в глаза, что часть этих предприятий находится в зоне недавних землетрясений. Перечисление же всех названных объектов – новое свидетельство того, что все они, а также много других еще остаются в госсекторе, хотя порой и давно включены в приватизационный список[7].

Не все ГЭО, вовлеченные в сложный и подчас непредсказуемый процесс приватизации, стремятся обязательно продать 51% своего капитала и уйти из госсектора. Например, генеральная дирекция Этибанка

вслед за приватизацией своей банковской структуры реорганизовала также и горнодобывающие предприятия, назвав эту структуру «Эти холдинг АШ». Сохранив статус ГЭО, этот холдинг создал 7 связанных с ней компаний. Другой пример: отмена государственной монополии на табачную и спиртоводочную продукцию, казалось бы, дала возможность включиться в этот сектор и частнику. Однако прежняя государственная «Текель» («Монополия»), превратив это название в свою марку, явно с благословения властей сохранила свою фактическую монополию в области производства, сбыта и контроля рынка табака и табачных изделий. Руководство «Текель» заявляет, что приватизация компании не стоит в повестке дня, для этого требуется отдельный закон[8]. О том, что контролируемая государством «Тюрк телеком» продолжит свою деятельность как акционерное общество, «используя всю динамику частного сектора», заявил министр коммуникаций нового правительства Энис Оксюз в декабре 1999 г.[9]

Итак, правящая элита Турции добилась со второй половины 80-х годов немалых успехов в реализации одного из главных условий создания в стране рыночной экономики – приватизации государственных предприятий. За истекшие годы ликвидирована правовая и фактическая монополия государства в экономике. Частное предпринимательство контролирует производство в текстильной и пищевой отраслях, сборку и производство автомобилей, бытовой электротехники и электроники, полиграфическую промышленность, индустрию туризма, торговлю, строительство, крупные финансовые учреждения, включая банки и различные фонды. Вместе с тем говорить о ликвидации госсектора в экономике рано.

В экономических отчетах, планах развития, различных статистических материалах, содержащих сведения об экономике страны в конце 90-х годов, приводятся различные данные, свидетельствующие о сохранении государством серьезных, подчас решающих позиций в различных отраслях экономики, о влиянии ГЭО на состояние бюджета, на ценообразование, инфляционные процессы, о решающей роли государства в промышленной и социальной инфраструктуре, в развитии технологии, сельского хозяйства.

Приезд в Турцию очередной миссии МВФ в 1999 г. сопровождался сетованиями в турецких СМИ по поводу того, что планы приватизации выполняются с трудностями, что вновь требуется обновление законодательства, регулирующего приватизацию. Председатель самой влиятельной в стране торговой палаты – стамбульской М.Иылдырым заявлял, что «кроме Турции, не осталось государства, в руках которого 60% экономики и 95% финансирования, которое и сейчас дает работу 2,5 млн. людей». По разным причинам – и финансовым, и политическим, и военно-стратегическим – за государством остается контроль, полный либо частичный, над энергетикой, железнодорожным, морским, воздушным, трубопроводным транспортом, портовым и аэродромным хозяйством, оборонной промышленностью, связью. Государство в значительной мере контролирует также закупки зерна, табака, чая, производство спиртоводочной продукции, са-

хара, поставки в агросферу техники и химудобрений, элитных семян и скота, и т.д.

Крупнейшими банками Турции, помимо Центрального, остаются старейший в стране Сельхозбанк и Народный банк – оба государственные. В руках государства немало земельных угодий, городских и сельских земельных площадей. Скромными остаются успехи частного предпринимательства в социальной сфере: здравоохранение, образование финансируются из госбюджета. Турецкая статистика свидетельствует об абсолютном преобладании системы государственных лечебных учреждений над частными. То же можно сказать и о школах всех ступеней и университетах. Фактически полностью за счет государства действуют весьма немногочисленные научно-исследовательские центры и крупнейший из них - ТЮБИТАК (Türkiye Bilimsel ve Teknik Araştırma Kurumu). Турецкая экономика пока остается смешанной.

[1] T.C. Resmi Gazete, Ankara, 03.06.1986.
[2] Finans Dünyası, Nisan, 1999, c. 25.
[3] INTERMEDYA EKONOMI, 31 EKİM 1999, c. 16.
[4] INTERMEDYA EKONOMI, 31 EKİM 1999; Sabah, 22.11.1999.
[5] Sabah, 28.12.1999.
[6] Türkiye, 17.11.1999.
[7] Milliyet, 17.09.1999.
[8] Sabah, 22.11.1999.
[9] Hürriyet, 27.12.1999.

Ю.А.Ли

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ ТУРЦИИ: ПОЯВЛЕНИЕ ЧАСТНЫХ ВУЗов

В Турции в период ее республиканского развития отношение к деятельности частных учебных заведений менялось неоднократно.

Частные начальные и общеобразовательные средние школы в стране сохранились и продолжают функционировать, хотя и в весьма ограниченном количестве, главным образом как учебные заведения для национальных меньшинств.

Так, в настоящее время начальных частных школ всего 317 в городах и 18 в сельских районах (0,6% от общего количества); средних – лишь 3,5% от общего количества, профессиональных частных институтов – единицы в отдельных отраслях обучения[1].

Отношение правящих кругов к деятельности частных вузов в различные периоды развития страны также было неоднозначным. Так, в 60-е годы II-й пятилетний план предусматривал открытие новых частных школ, в том числе и высших, как одного из резервов для расширения сферы профессионального образования. 60-е годы были периодом наибольшей активизации деятельности частных вузов. К 1969 г. их число достигло 44.

Был издан соответствующий закон № 625 от 18 июля 1965 г., обязывающий владельцев частных вузов составлять свои учебные программы в строгом соответствии с утвержденными министерством просвещения программами государственных учебных заведений. Процесс обучения должен был контролироваться компетентными инспекторами. К сожалению, эти требования носили чисто декларативный характер, т.к. устав частных вузов министерством не был утвержден, что позволило их владельцам допускать различного рода нарушения учебного процесса, методов преподавания.

В целях экономии средств учебные группы формировались непомерно большими, соотношение преподавателей и студентов было в ряде случаев как 1:57, 1:46. Или вообще эти показатели казались запредельными. Например, в Высшей Стамбульской школе экономики и торговли учебный процесс осуществляли 32 преподавателя при наличии 2,6 тыс. учащихся. Похожее положение наблюдалось в Высшей частной Стамбульской фармацевтической школе: 21 преподаватель в среде 2,2 тыс. студентов[3].

Кроме того, частные вузы не имели соответствующего оснащения и в бóльшей степени готовили специалистов гуманитарного профиля или стоматологов да фармацевтов, в то время как расширение масштабов национальной промышленности, развитие городов требовали других специалистов, к примеру, в сфере инжиниринга новых технологий. Частные вузы оказались не готовы также воспитывать специалистов для проектно-

го конструирования, промышленного строительства, энергетики, в которых во все большей степени ощущалась необходимость.

При составлении планов развития национальной экономики, в частности в той их части, которая учитывала количество специалистов в соответствии с потребностями сфер аграрного и промышленного производства, выпускники частных вузов не учитывались, что нарушало связь между обучением специалистов и распределением их в различных отраслях хозяйства.

Десятилетняя практика деятельности частных вузов, где обучение в ряде случаев отходило от общепринятых стандартов, а уровень преподавания оказывался ниже, чем в государственных школах, показала, что такие вузы не готовы к модернизации формирования национальных кадров. И в силу этих обстоятельств в августе 1971 г. по закону № 1442 все частные вузы были национализированы, частично закрыты[4].

С тех пор в течение двух десятилетий в систему высшего образования входила лишь государственная высшая школа.

Пересмотр социально-экономической политики Турции, начавшийся в 80-е годы, связанный с формированием свободного рынка, созданием открытой экономики, поощрением частного предпринимательства, сокращением государственного вмешательства в различные сферы деятельности, возрастанием финансовых возможностей турецкого бизнеса, активным стремлением частных фирм открыть для себя новые сферы приложения капитала, подготовил почву для активизации частного капитала в сфере образования.

Первым частным университетом, открывшимся в Турции в 1986 г. после почти 20-летнего перерыва, был университет Билькент (Анкара), хотя решение о его организации состоялось раньше, наряду с пакетом законов, определяющих статус частных высших учебных заведений. Впоследствии открытие каждого нового частного вуза оформлялось отдельным законом.

Университет Билькент управлялся Советом опекунов, языком обучения был английский. Ректор университета – проф. Али Дограмаджи[6].

Базой организации университета явились несколько ранее уже функционировавших четырехлетних и двухлетних школ, на их основе университет начал работать в составе 6 факультетов, силами 169 преподавателей. К концу 90-х годов преподавательский корпус и количество учащихся увеличились более чем в 10 раз, ежегодный выпуск специалистов превышает 1000 человек. Научно-исследовательскую базу вуза курируют 33 профессора, к научной деятельности готовятся 529 магистров и 133 будущих доктора наук[7].

Сегодня в составе университета 7 факультетов и 5 высших школ. Помимо традиционных для турецких вузов отделений гуманитарных и точных наук, функционируют факультеты искусствоведения, управления в сферах бизнеса и финансов, факультеты музыки и исполнительного мастерства, естественных наук и инжиниринга.

Гуманитарный факультет отличается от подобных ему преподаванием английского языка, литературы, истории и культуры Великобритании и США, археологии и истории искусств.

На факультете изящных искусств, кроме архитекторов гражданского строительства и градостроительства, готовят специалистов в сфере ландшафтного дизайна и дизайна внутренних интерьеров, в том числе офисных.

На факультетах управления, экономики и социологии обучение осуществляется по широкому спектру учебных программ, в том числе менеджмента в сфере бизнеса и финансов, управления административных и промышленных объектов, истории Запада и Востока, политологии, международных отношений, журналистики.

Учебная база и современное оборудование инженерного факультета позволяют готовить здесь специалистов в области электроники, в том числе индустриальной, информатики, компьютерного программирования, сферы управления офисных служб.

Обучение осуществляется еще в 5 высших школах с 4-летним образованием, в 3 из них готовят менеджеров в сфере туризма и гостиничного дела. При университете функционирует также Центр изучения общественных и современных политических течений[8].

Следующим по времени создания стал частный Коч университет, открытый в 1993 г. в Стамбуле[9]. Это самый камерный университет, объединяющий два колледжа: искусства и наук и административных наук и экономики. Язык обучения – английский. За годы функционирования число преподавателей в университете увеличилось до 88, в их числе 10 профессоров, что в процентном отношении выше, чем в других вузах[10]. В 1999 году в структуру университета включен новый факультет – медицинских сестер высшей квалификации. Первоначально на обучение принято 19 человек.

Это учебное заведение по характеру своего формирования представляется эклектичным. Однако принятый правительством военного режима закон № 2547, позднее получивший подтверждение в конституции Турецкой Республики (ст. 130, 131), определяет единый тип высшего учебного заведения. Таким образом, данная высшая школа также регламентируется как университет[12].

Наиболее отличным от других вузов из числа открывающихся один за другим частных университетов является Стамбульский Бильги университет, преподавание в котором и первый прием студентов был осуществлен в 1996 г.

За короткий срок предварительного формирования вуза было подготовлено 20 учебных программ различного содержания для лиценциата (4-годичное обучение, дающее право выпускнику преподавать в лицеях и вузах) и несколько более объемных для магистратуры. В подготовке учебных программ и организации учебного процесса принимали участие специалисты учебных центров Великобритании, в том числе Лондонской школы экономики, Манчестерской школы бизнеса, университета города Портсмут. Университет Бильш управляется Советом директоров, язык обучения – английский[13].

Преподавание осуществляется на 5 факультетах. На факультете экономики и менеджмента предметами изучения являются экономика промышленного производства, стратегия руководства промышленной сферой, теория макро- и микроэкономики, политология, международные отношения в сферах бизнеса и финансов[14].

На факультете гуманитарных и точных наук в отличие от аналогичных факультетов других вузов в практику изучения включены сравнительный анализ взаимодействия и взаимопроникновения в мировом литературном процессе, музыке и искусстве, история западной культуры, мифология, критические методы исследования литературного процесса, теория перевода, психология и музыка. В разряде естественных наук – математическое компьютерное программирование, теория и практика новых технологий данной сферы[15].

На факультете коммуникаций в сферу изучения включены кино-, радио- и тележурналистика, управление и менеджмент широкого спектра средств массовой информации и обеспечение технологического процесса средств связи[16].

Основная направленность юридического факультета ориентирована на подготовку сотрудников для международных организаций, изучаются социальные аспекты деятельности и опыта человека в культурном и историческом процессе[17].

Факультет социологии нацеливает выпускников на работу в правовых и информационных органах. В рамках университета работает несколько профессиональных школ, в том числе иностранных языков[18].

Университет с полным правом можно назвать международным, т.к. среди учащихся присутствуют студенты из 50 стран, здесь учатся 27 студентов из Китая.

В 1997/98 учебном году на факультетах университета обучалось 27 тыс. студентов, в числе преподавателей почти треть – профессора, 12,5% преподавателей – иностранцы, в основном англичане[19].

Состоялся и первый выпуск, университет окончили 2 лиценциата. Торжественный акт вручения дипломов состоялся в Лондоне. Один из выпускников продолжил обучение в магистратуре, другой поступил на работу в административный центр одной из турецких текстильных фирм[20].

Известно, что выезд за рубеж выпускников турецких вузов сопряжен с рядом ограничений, а именно: необходимо сдать экзамен на знание английского языка, представить 2 реферата по искомой теме исследования и предоставить документ, удостоверяющий материальную достаточность соискателя, т.к. иностранным студентам в ряде стран запрещено работать в процессе обучения[21].

Выпускники стамбульского университета Бильги обретают право продолжить обучение или стажироваться в любом зарубежном вузе и, в частности, в Лондонской школе экономики и политологии, где, овладев так называемой «повышенной программой», получают престижный диплом этой школы. Достаточно высоко котируются и дипломы университета Портсмута, так называемый «Европейский диплом»[22].

Сами турки оценивают университет Бильги как учебное заведение XXI века, т.к. современное содержание его учебных программ, материальное оснащение учебного процесса обеспечивают глобальные перспективы для его выпускников, достойное применение их знаний и приобретенного опыта в системах управления промышленностью, в сфере связи, бизнесе, финансах, в средствах массовой информации, педагогике, искусстве и культуре[23].

Оплата обучения в частных университетах Турции достаточно высока и различна для отдельных факультетов: на медицинских и инженерных выше на 20%, чем на юридических и гуманитарных (так же в каждом из вузов).

Так, в Коч университете она составляет 6,5 тыс. долл. за учебный цикл, в университете Ишик – 6 тыс. 480 долл., в университете Едитепе, имеющем медицинскую направленность, – 10 тыс. долл. Но эти суммы при сравнении на порядок ниже, чем в зарубежных вузах, в частности американских[24].

Вместе с тем Турция располагает весьма разветвленной системой стипендиальных фондов для учащихся вузов, стажеров и лиценциатов, стремящихся получить ученую степень магистра или доктора наук, что, несомненно, расширяет возможности получения образования более широкому кругу молодежи.

Стипендиальными фондами владеет достаточно объемный спектр организаций Турции: помимо собственно учебных заведений, министерств просвещения, социальной помощи, иностранных дел, такие организации, как TÜBİTAK[*], торгово-промышленная палата и ее отраслевые отделения, «Фонд обучения турок» (имеет подразделения в США, Англии, Германии, Японии), НАТО, различные иностранные фирмы и научные объединения.

Основное различие фондов университетов и других организаций заключается в том, что последние целенаправленно помогают выпускникам вузов, готовящим себя к научной деятельности в рамках магистратуры и докторантуры; дотации для докторантуры предоставляют, главным образом, иностранные фонды[25].

Наиболее распространенная форма распределения стипендий в среде учащихся вузов – это та, которая осуществляется из средств фонда «Кредит высшего образования государственных организаций». Каждый студент, заинтересованный в получении материальной помощи в определенные сроки (чаще всего – апрель, ноябрь), обращается с просьбой о предоставлении кредита в виде помесячной или годовой дотации. Возврат ссуды по окончании обучения производится с учетом инфляции. Имеет место и так называемый «Дополнительный учебный кредит», сумма его выплат не облагается налогом. Сроки выплаты кредитов в различных вузах различны. Размер ежемесячной стипендии от 10 до 15 млн. турецких лир в месяц[26].

Подобные фонды имеются почти во всех университетских центрах. Чаще всего они имеют целевую направленность определенному контингенту учащихся: медицинских, технических, педагогических, спортивных циклов. В Стамбуле их 79, Анкаре – 37, Адане – 8, Бурсе – 11, Измире – 16, Ичеле – 4, Текардаге – 3, Зонгулдаке – 3, Езгате – 2, Ване –1[27].

Студенты ряда провинциальных вузов, главным образом находящихся в отдалении от промышленных центров страны, пользуются безвозмездным кредитом: Сельджукский университет (г. Конья), университет «19 Мая» (г. Самсун), университет «Столетия» (г. Ван).

---

[*]. Общество научно-технических исследований Турции, создано в 1963 г. В его компетенцию входит организация, контроль и координация фундаментальных и прикладных исследований в научных центрах в области науки и техники.

Имеются и другие особенности пользования стипендиальным фондом. Так, в Босфорском университете на выбор можно получить вспомоществование на приобретение книг, учебных пособий, компенсацию для частичной оплаты за обучение или помесячную стипендию в размере 15 млн. турецких лир. Однако и та, и другая помощь оказываются лишь отлично успевающим студентам.

В университете г. Газиантеп малообеспеченные учащиеся (каждый из 1000), имеющие оценки не ниже 80 баллов из 100, имеют право на получение стипендии в размере 15 млн. турецких лир в течение 7 месяцев учебного года[28].

Другим порядком отличается медицинский факультет Эзинджанского университета (г. Кайсери). Здесь 10 наиболее успевающих учащихся из числа лиценциатов при поступлении в магистратуру могут рассчитывать на стипендию в размере 1000 долл. в год[29]. Получение дисциплинарного взыскания влечет за собой лишение стипендии.

10% от общего числа учащихся частных университетов обеспечиваются стипендиями из средств бюджета учебных заведений. Размер стипендии 125 млн. турецких лир в месяц. В основном стипендии предоставляются сравнительно малообеспеченным студентам из числа жителей илей[30].

Стипендиальным фондом министерства социального обеспечения с равным правом имеют возможность пользоваться как студенты очного обучения, «открытого» обучения (экстерном), так и лиценциаты при обучении в магистратуре. В кредитный отдел министерства следует обращаться в последнюю неделю ноября[31].

Министерство иностранных дел ежегодно предоставляет 2 стипендии соискателям степени доктора наук в зарубежных странах, выбор отрасли знаний остается за соискателями.

Стипендиальный фонд TÜBİTAK имеет разветвленную систему, он нацелен как на поддержку учащихся, так и на воспитание научных кадров.

Студенты могут пользоваться кредитами «А» и «В». Второй – безвозмездный для успевающих учащихся. Кредит «А» направленно адресован учащимся естественно-математического цикла, знания которых оцениваются высшим баллом (75-80 из 100).

Аналогичную помощь предлагает «Программа поддержки исследовательских проектов», адресованная выпускникам вузов – будущим магистрам. В 1999/2000 учебном году выбраны исследования в области медицины и точных наук. На осуществление предъявленных проектов ассигновано 100 млн. турецких лир[32].

Отдельная программа стипендиального фонда TÜBİTAK направлена на поддержку учащихся-турок, которые готовят себя к научной деятельности, занимаясь самостоятельно или ведя групповые исследования (наименьшее число участников – двое). Темы исследований оговариваются, а именно: индустриальные технологии, медицина, естественные науки, в частности генная инженерия.

Срок обучения в докторантуре – 2-3 года, размер стипендии – 75 млн. турецких лир в магистратуре и 125 млн. турецких лир – в докторантуре. Уровень знаний у поступающих на обучение – не ниже 80 баллов из 100. Возможно комплексное обучение: в Турции и в виде стажировки за рубежом, в этих случаях предусматривается серия семинаров по теме исследования и консультации иностранных специалистов на срок не менее 15 дней. На осуществление этой программы ежегодно ассигнуется 3 тыс. долл. Так, в 1999 г. для исследовательских работ были предложены следующие темы: технология, системы обслуживания и контроля средств коммуникаций, микроэлектронные системы, химия полимеров, современные методы процессов керамического производства, обработка редких металлов, молекулярная биология и генетика, астрофизика, физика высоких энергий, плазмы[33].

Параллельно существует стипендиальная «Программа подготовки докторов «TÜBİTAK – Мюнир Барсель» (создана в 1985 г. по имени и на средства юриста, в прошлом министра). Стипендии из этого фонда ежегодно получают 176 лиценциатов-турок, получивших экзаменационный балл не ниже 73 из 100 и намеревающихся получить ученую степень доктора наук в отраслях: химия, электроника, электротехника, геология, металлургия, нефтехимия. Срок обучения ограничен 3 годами, размер стипендии 150 млн. турецких лир. Один раз в 3 месяца предусматривается стажировка за рубежом[34].

Стипендиальный фонд Торгово-промышленной палаты предоставляет кредит на обучение студентам университета Чукурова (г. Адана), занимающимся в сфере экономики и индустрии; беспроцентный кредит учащимся университета Коджатепе (г. Афьен), а Палата торговли и производства чая (г. Зонгулдак) каждый год обеспечивает стипендиями 25 студентов университета Зонгулдаг-Коджаелмаз[35].

Стипендии, предоставляемые иностранными государствами, распределяются по решению «Совета по высшему образованию Турции»[*]. В их числе стипендиальная программа НАТО.

Программа насчитывает несколько направлений, нацеленных на подготовку исследователей – докторов наук в естественных науках и медицине, в научных центрах стран-союзниц НАТО. Стипендиальные фонды обеспечивают учебные программы от 3, 9 месяцев до 3-х лет, они адресованы ограниченному числу соискателей, турок по национальности, выпускников турецких вузов, рожденных до 1 января 1971 г. Знание иностранных языков обязательно. Размеры обеспечения учащихся различны, от 1000 до 3,5 тыс. долл. в месяц[36]. Количество стипендий и направление исследований, осуществляемых на средства НАТО, определяет TÜBITAK, в основном в рамках новых для Турции отраслей науки и техники: компью-

---

[*] Орган управления, планирования, контроля за процессами воспитания, обучения, развития научных исследований в учреждениях высшего образования.

терные технологии, современные средства связи, электроника, компьютерная информатика.

Отдельные страны Европы, в том числе Германия, предоставляют возможность стажировки и защиты диссертации магистра и доктора наук в учебных центрах страны стипендиатам-туркам, владеющим немецким языком, в возрасте не старше 32 лет на средства ряда фондов, в том числе «Стипендиального фонда Берингер-Ингельхайм фундаментальных медицинских исследований», «Общества Карла Дуйсберга», «Германского общества академического обмена», «Фонда Фридриха Наумана», «Фонда содействия научным исследованиям Ханса Зайделя». Размер стипендий: от 1 до 1,6 тыс. DM в месяц[37].

Австрия на средства «Государственного стипендиального фонда» ежегодно принимает 4 турок, владеющих немецким и английским языками, для стажировки в области педагогики, в частности преподавания иностранных языков, сроком на 9 месяцев[38].

Выпускники турецких университетов имеют возможность воспользоваться специальным фондом Дании (отрасль изучения каждый год определяется министерством просвещения Турции); Финляндии – 2 стипендии в год.

Ограниченное количество стипендий выделяет ряд фондов США, Англии и Японии[39].

Естественно, лишь незначительная часть выпускников турецких вузов намерена или имеет возможность стажироваться за рубежом, тем более воспользоваться стипендиальными фондами, в том числе Европы и США. Такими возможностями в большей мере обладают выпускники частных вузов, т.к. устав части из них предусматривает наличие стажировок и научных командировок в учебные и научные центры зарубежных стран, тем более что некоторые частные университеты работают по учебным программам вузов Европы.

Тем не менее, несмотря на известные трудности, число турок-лиценциатов и магистров, выезжающих для продолжения обучения за рубеж, возрастает из года в год. Так, если в 1988 г. их было 19,4 тыс.[40], то через 10 лет их число увеличилось до 25,7 тыс. (на 24,6%), в их числе 55,2% – выпускники частных вузов. Сведения о стипендиатах, к сожалению, известны лишь за 1992 г., тогда их число составляло 14,6% от общего количества учащихся, выехавших за рубеж учиться[41].

Расширяющееся с каждым годом внедрение в турецкую экономику интенсивных факторов (появление новых производств, импорт современной техники и технологий, рост технической вооруженности отдельных производств и отраслей) нуждается в соответственно обученных и подготовленных кадрах. Правительство Турции на всех этапах развития страны уделяло и продолжает уделять пристальное внимание процессу воспитания собственных специалистов всех уровней. Однако возможности государственных учебных заведений в достаточной степени оказались ограниченными. Выпускники государственных школ по уровню подготовки по-

рой не отвечают современным требованиям технического прогресса. Особенно это касается современных технологий и инжиниринга. Если некоторые государственные вузы и готовят специалистов высокого уровня знаний и навыков, то число их пока не велико. Эти причины обусловили снять некоторые запреты, касающиеся частных учебных заведений.

Частный капитал – ряд фирм, фондов (Бильги), корпораций и холдингов (Коч, Сабанджи), – заинтересованный в интенсификации развития производительных сил, выступил инициатором создания частных вузов, где при помощи национальных, частично иностранных специалистов-педагогов, при насыщении учебного процесса современным оборудованием, со стажировкой специалистов за рубежом можно было бы ускорить процесс обучения работников крайне необходимого профиля.

Правительство вынуждено было поощрить инициативу по организации частных университетов (их учредителям предоставляются налоговые льготы). В 1998 году в стране функционировал 71 университет, 18 из которых – частные (2 высшие технические школы)[42].

Процесс организации частных вузов – явление второй половины 90-х годов. Первый из них открыт в 1993 г., 2 – в 1994 г., 4 – в 1996 г., 6 – в 1997 г., 2 – в 1998 г.* За исключением одного («Чаг университет», г. Тарсус), все вузы находятся в Анкаре (4) и Стамбуле (13), – в городах, где сосредоточены промышленные и научные объекты, оснащенные сравнительно передовыми технологиями, и где функционирует наиболее квалифицированный педагогический корпус, что важно, т.к. значительно более высокая оплата труда в частном вузе позволяет привлечь к преподаванию в нем наиболее квалифицированных профессоров и преподавателей.

Анализ тематики учебных программ различных подразделений частных вузов (за исключением медицинских) выявляет три основных направления обучения: современные индустриальные и компьютерные технологии, компьютерная информатика и иностранные языки, которые расцениваются как «ключ»** при овладении новыми технологиями. Большинство стипендиальных фондов, за исключением государственных, также нацелено на поддержку образования специалистов именно этих профилей.

У частных вузов значительно большие возможности в воспитании активных предпринимателей, работников, владеющих современными технологиями для перестройки социально-экономической структуры страны и рассчитанных на интеграцию Турции в мировой экономический прогресс.

[1] Türkiye Istatistik Yilliği 1998. Ankara, 1999. С. 181.

[2] Ant, № 117, 25.03.1969.

---

*. Закон об организации университета Сабандиш № 4142, опубликован еще в 1996 г. Однако процесс формирования вуза пока не завершен.

** Приблизительно 80% учебных программ в частных вузах составлены с учетом владения учащимися иностранными языками, в основном английским и немецким. В составе университетов имеют место как школы обучения языкам, так и курсы усовершенствования знаний.

[3] The World of Learning 1971-1972. – London, 1972. – C. 1269.
[4] T.C. Resmî Gazete, 01.09.1971.
[5] Закон № 2547. T.C. Resmî Gazete, 01.09.1971.
[6] The World of Learning 1997. – London, 1998. – C. 1434.
[7] Türkiye Istatistik Yilliği 1998. – Ankara, 1998. – C. 189.
[8] The World of Learning 1997. – London, 1998. – C. 1434.
[9] 75 yilda Eğitim. Ist. 199, c. 274-275.
[10] Türkiye Istatistik Yilliği 1998. – Ankara, 1998. – C. 192.
[11] Finansal Forum, 16.10.1999.
[12] T.C. Resmî Gazete, 04.11.1981.
[13] Bilgi Istanbul Üniversitesi. – Istanbul, 1998. – C. 7-29.
[14] Ibid, c. 7-13.
[15] Ibid, c. 14-19.
[16] Ibid, c. 20-24.
[17] Ibid, c. 28-29.
[18] Ibid, c. 30-32.
[19] Ibid, c. 2-28.
[20] Ibid, c. 8-29.
[21] Milliyet, 31.08.1998.
[22] Bilgi Istanbul Üniversitesi. – Istanbul, 1998. – C. 6.
[23] Milliyet, 15.07.1998.
[24] Ibid, 31.08.1998.
[25] Economist, Ağustos 1999, c. 3.
[26] Ibid, c.3.
[27] Ibid, c. 22-23.
[28] Ibid, c. 10.
[29] Ibid, c. 9-10.
[30] Ibid, c. 12.
[31] Ibid, c. 3-4.
[32] Ibid, c. 4-5.
[33] Ibid, c. 7-8.
[34] Ibid., c. 8.
[35] Ibid, c. 13-14.
[36] Ibid, c. 18.
[37] Ibid, c. 18-19.
[38] Ibid, c. 19.
[39] Ibid, c. 20.
[40] Türkiye Istatistik Yilliği 1996. Ankara, 1997, c. 192.
[41] Türkiye İstatistik Yilliği 1998, Ankara, 1998, c. 197.
[42] Milliyet, 15.07.1998.

В.К.Егоров

РОССИЯ И ТУРЦИЯ: ЛИНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Одной из наиболее важных задач, решаемых отечественными историками-международниками и политологами, является научно обоснованный и всесторонне аргументированный прогноз развития международных отношений на долгосрочную и краткосрочную перспективу, определение будущей конфигурации мировых силовых взаимодействий глобального и локального уровня применительно прежде всего к проблеме обеспечения безопасности и наиболее благоприятных условий развития России.

В силу целого ряда факторов объективного и субъективного свойств именно Россия в бóльшей степени, чем любое другое государство в мире, стало пусковым механизмом начала глубоких и уже необратимых изменений во всей системе международных отношений. События в России вызвали к жизни и новые явления (перекройка, казалось бы, давно устоявшихся границ, обретение государственности народами, ранее ею никогда не обладавшими), и способствовали реанимации забытых геополитических и этнополитических проектов. Стал очевидным и практически осязаемым очередной передел мира, прежде всего зон и сфер экономического и военно-стратегического влияния, и в меньшей степени (пока что, в основном, в форме притязаний на вербальном уровне) – территориальный передел.

Приобретающие все большую определенность линии и границы этих переделов вряд ли послужат в будущем границами мира и дружбы. Скорее всего, и об этом свидетельствует исторический опыт (в том числе недавнего прошлого) практически всех стран мира, – это линии будущих конфликтов различной интенсивности.

Геополитический откат России после 1991 года притормозил свое движение на рубежах, близких к границам Российской империи времен Петра I. В тот период на юге, юго-западе и западе эти границы были линией соприкосновения России с Османской империей или с ее временными союзниками. И именно в южном и юго-западном направлениях, решая важнейшую для себя геополитическую задачу выхода к теплым морям, расширялась Российская империя. Поэтому, как известно, в XVIII и XIX веках Российская империя больше всего и воевала, и мирилась с Османской империей.

В настоящей работе не предполагается проводить сравнительный анализ международного положения России начала XVIII и конца XX веков, но сходство геополитических ситуаций, на что сейчас часто обращают внимание, очевидно.

Прежде чем вернуться к проблеме, заявленной в заголовке статьи, хотелось бы вкратце рассмотреть одно из наиболее популярных теоретических представлений о причинах и характере будущих мировых противоречий и столкновений. В многочисленных публикациях предпринимаются попытки смоделировать ситуацию в мире после того, как произойдет окончательное закрепление (в экономическом, политическом, международно-правовом и прочих смыслах) уже упоминавшихся радикальных изменений. В их анализе решается и вопрос об источниках, направлениях и границах объективно неизбежных напряжений, конфронтации и конфликтов.

В 1993 году в американском журнале «Foreign Affairs» была опубликована статья С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций?». Эта статья вызвала большой интерес в научном мире, ее идеи завоевали много сторонников и породили не меньшее число противников. Ключевым положением теории Хантингтона является то, что основополагающая причина конфликтов в новом мире не связывается с идеологией и экономикой. Важнейшая причина конфликтов будет определяться культурным, цивилизационным фактором. Хотя национальные государства останутся главными действующими лицами на земном шаре, основные конфликты в мировой политике будут развертываться между нациями и группами наций, принадлежащими к различным культурам. В мировой политике будет преобладать столкновение цивилизаций, культур, а границы разлома между цивилизациями будут определять фронтовые линии будущего.

Эта теория, нацеленная прежде всего на решение проблемы цивилизационного, культурного взаимодействия западной, христианской цивилизации с исламским и конфуцианским мирами, вряд ли может дать необходимый научный инструментарий для описания состояния и развития глобальной полицивилизационной картины. Хантингтон пишет о 1300 конфликтах между западной и исламской культурами и делает вывод о том, что после окончания идеологического раскола Европы (в конце 80-х – начале 90-х годов) вновь проявилось ее культурное разделение: между западным христианством, с одной стороны, и ортодоксальным христианством и исламом, – с другой.

Критики теории Хантингтона заявляли, что автор абсолютизирует культурные (цивилизационные) противоречия как источники и причину будущих противоречий и конфликтов. Хантингтона упрекают в том, что он поставил цель найти новые, легкоклассифицируемые детерминанты современного хаотичного международного поведения. Хотя нельзя игнорировать наличие культурных аспектов в противоречиях между государствами, следует признать, что расширенное толкование теории Хантингтона означало бы прикрытие цивилизационной терминологией сложного и динамичного комплекса устремлений государств к наращиванию своих сил влияния, к расширению рынков сбыта и обладанию природными ресурсами.

Концепция Хантингтона, представляющая собой взгляд с Запада на проблему базовых противоречий в мире, парадоксальным образом может быть воспринята отдельными государствами, относимыми к незападной, нехристианской цивилизации, в качестве идеологической основы их меж-

дународной активности. К таким государствам при всей интегрированности в западные структуры по целому ряду параметров относится Турция.

Здесь уместно напомнить высказывание премьер-министра Турции Б.Эджевита, сделанное им летом 1999 года после того, как в очередной раз было отложено решение вопроса о членстве Турции в Европейском союзе. Эджевит заявил тогда, что Турция чужда Европе потому, что она исламская страна и что турки подвергаются расовой дискриминации. Тут же был сделан вывод, что Турции следует искать альтернативу Европе.

Цель автора – попытаться выявить некоторые источники противоречий, в том числе культурного плана, между Россией и Турцией и сделать прогноз их будущего состояния. Для этого предполагается провести анализ событий на линии соприкосновений коренных интересов России и Турции в период, хронологически совпадающий со временем появления статьи Хантингтона, т.е. в начале 90-х годов. Есть все основания утверждать, что Турция в последнее десятилетие активно и успешно использует факторы цивилизационного характера для решения своих военно-политических и внешнеэкономических задач.

Известные события начала 90-х годов (роспуск Организации Варшавского договора, распад СССР и Югославии) имели для Турции огромный двойной позитивный эффект. Во-первых, исчез мощный потенциальный противник в лице ОВД и СССР, без оглядки на которых Турция не могла осуществлять свою внешнюю политику даже при наличии такого гаранта, как США. Во-вторых, в результате этих событий на мировой арене появилось более десятка новых государств, имеющих в качестве титульного населения или в крупных общинах этнических тюрок, в большинстве своем исповедующих ислам.

Появилась исторически уникальная возможность для Турции, в одночасье ставшей самым мощным тюркским, мусульманским государством в мире, использовать в своих интересах целый набор факторов цивилизационного плана. В их числе – этническая и языковая близость, исторические и культурные связи (для некоторых государств, некогда входивших полностью или частично в состав Османской империи, – общая история), религиозная общность и т.д.

Благоприятные условия для реализации упомянутого набора создавались тем (и это стало, по существу, еще одним фактором), что новым государствам предстояло решать сложную, комплексную задачу выбора модели развития как во внутри-, так и во внешнеполитическом плане. Не имевшие в большинстве своем опыта государственности, не обладавшие на тот период закрепленными в международно-правовом порядке границами, с неопределенной политической ориентацией, с экономикой, страдающей в результате быстрого отсечения от России фантомными болями, эти квазигосударства не могли самоопределяться без опоры на сильных партнеров и союзников.

Так называемые «мусульманские республики» сделали свой выбор довольно быстро – светско-исламская модель Турции, выгодно сочетаю-

щая западную модернизацию с традиционной идеологией, основанной на исламе умеренного толка, явилась для них наиболее привлекательной.

1992 год стал годом «триумфального шествия» турецкой дипломатии по территориям бывших республик Советского Союза и Югославии. В феврале министр иностранных дел Турции совершает поездку по 5 мусульманским республикам Закавказья и Средней Азии, что стало началом установления с ними официальных многосторонних связей. Одновременно Турция заявила о признании Македонии, Боснии и Герцеговины, Словении и Хорватии. В этом же месяце подписывается турецко-украинское соглашение о сотрудничестве в экономической области, создавшее необходимую правовую базу для расширения турецкой активности на Украине, прежде всего в Крыму. В этом же году заключен Договор об основах отношений между Российской Федерацией и Турецкой Республикой.

В марте 1992 года Турция даже предпринимает попытку непосредственного участия в урегулировании проблемы Карабаха, для чего в Москву для встречи с президентом Армении Тер-Петросяном направлялся специальный представитель правительства Турции.

Все это далеко не исчерпывает перечня успешных дипломатических и внешнеэкономических акций Турции в 1992 году, однако в достаточной мере отражает четкое осознание турецким руководством крайне благоприятного сочетания различных факторов и условий, а также указывает на наличие у него политической воли для последовательной и энергичной их реализации.

Решая вполне конкретные задачи установления и развития связей с новыми государствами, турецкое руководство стремилось с максимальной для себя пользой интерпретировать свои внешнеполитические успехи в плане повышения международного статуса Турции в целом. Например, уже в начале 1992 года во время визита в Вашингтон премьер-министр Турции С.Демирель на встрече с президентом США Дж.Бушем заявил об изменении Турцией своего регионального статуса из-за растущих возможностей определять политическое будущее мусульманских республик СНГ. Турки, по мнению С.Демиреля, были способны решить двуединую задачу: обеспечить необходимый уровень контактов Запада с данными странами и убедить руководителей мусульманских стран СНГ в том, что Турция способна защищать их интересы на Западе.

Немного позднее президент Турции Т.Озал, находясь в Ираке, уже с уверенностью заявил, что «у независимых республик Средней Азии нет проблемы выбора модели развития, поскольку они сделали выбор в пользу турецкой модели». Это заявление, вызвавшее раздражение в Тегеране, было, по мнению западных аналитиков, справедливо, по меньшей мере, применительно к первому поколению лидеров постсоветских государств. Подчеркивалось, что «все они – бывшие коммунисты и атеисты, за одну ночь превратившиеся в националистов». Те же аналитики отмечали, что в условиях неожиданно свалившейся на них независимости эти руководители рассматривали Турцию в том числе и как «препятствие распростра-

нению исламского фундаментализма, который страшит лидеров Средней Азии не меньше, чем Запад».

Реакция России на крупнейшие в новейшей истории геополитические изменения была явно неадекватной той скорости, с которой она утрачивала свои позиции в Средней Азии, в Закавказье, на Балканах и в черноморском регионе. Погруженность в острые внутриполитические проблемы, едва не вызвавшие в октябре 1993 года гражданскую войну в России, соглашательская позиция, а порой и явный непрофессионализм российской дипломатии в реагировании на инициативы Запада – все это на какое-то время оставило вне поля зрения российского руководства качественно меняющуюся расстановку сил в жизненно важных для России регионах.

Ситуация на Балканах складывалась несколько иначе. Вскоре после того, как 6 февраля 1992 года Турция заявила о признании Македонии, Боснии и Герцеговины, Словении и Хорватии, состоялась встреча министров иностранных дел Болгарии и Греции. Греческий министр выразил серьезное беспокойство в связи с превращением Турции в крупнейшую державу на Балканах и возможностью использования турками Македонии, как трамплина для вторжения в Грецию.

Аналогичную роль могла сыграть и Албания, с которой Турция во время визита президента Т.Озала в 1992 году готовилась подписать двустороннее соглашение. Этому способствовало стремление косовских албанцев-мусульман выйти из состава Сербии и присоединиться к Албании. Но даже признание Албанией «де-факто» «Республики Косово» давало возможность Турции в будущем в необходимых случаях разыгрывать «албанскую карту» при решении своих задач на Балканах.

Ожидалось также, что признание Турцией Македонии сблизит Грецию и Болгарию перед лицом потенциальной турецкой угрозы, тем более, что незадолго до этого, в 1991 году Греция и Болгария подписали Договор о дружбе, создававший основу и для оборонного сотрудничества. Возможно, это бы и произошло, будь признание актом одной лишь Турции. Но она оказалась одним из многих государств-членов НАТО и ЕС, а также не входящих в эти организации стран, которые поспешили признать упомянутые государства. Болгария, нацеленная на вступление в НАТО и ЕС, тоже сделала это, после чего турецкая угроза уже не представлялась столь явной, и оборонное сотрудничество между Болгарией и Грецией не заладилось.

Вышеприведенный пример отражает действие еще одного эффективного фактора, с успехом используемого Турцией в своей международной деятельности. Речь идет о том, что все постсоциалистические государства Центральной и Восточной Европы и существенная часть постсоветских (Азербайджан, Грузия, Украина, страны Балтии) с разной степенью интенсивности ориентируются на сближение с НАТО и ЕС.

Настойчивые попытки в тот период Болгарии, Венгрии и Румынии присоединиться к НАТО сделали заранее неэффективными любые шаги коллективного противодействия турецкой экспансии на Балканском полу-

острове. И наоборот, Турция, как активный и влиятельный член НАТО, становилась их потенциальным партнером и союзником.

Благоприятно складывающиеся для нее обстоятельства Турция подкрепляла организационными мерами. Начиная с 1993 года в Турции проводятся встречи турецких руководителей с главами тюркских государств СНГ, регулярно осуществляются взаимные визиты высокого и высшего уровня для консультаций и совместных внешнеполитических акций. Например, президент Турции С.Демирель, неоднократно побывавший в 1999 г. с визитами в Закавказье, был назван там «отцом Кавказа». При МИД Турции создано и энергично действует в тюркоязычных республиках СНГ «Агентство тюркского сотрудничества и развития» (ТИКА).

Столь активная и масштабная внешняя политика Турции настоятельно требовала соответствующего идеологического обеспечения. Эта сфера деятельности основывалась на использовании уже упоминавшихся выше цивилизационных, культурных факторов. Религия, история, этническая и языковая близость – все это и многое другое было приведено в действие для обеспечения успехов Турции на международной арене.

При прямой и опосредованной поддержке со стороны государственного руководства и соответствующих ведомств в Турции резко активизировались общественные организации, землячества, общины, фонды и т.п., имеющие целью установление и развитие контактов и реализацию совместных программ и проектов с общественностью мусульманских республик СНГ и республик в составе России. Высшей организационной формой этой деятельности стали регулярно с 1993 года проводимые в Стамбуле, Анкаре и других городах Турции курултаи тюркских народов.

Проводимые с участием представителей мусульманских стран СНГ и некоторых республик в составе Российской Федерации эти мероприятия превратились в своеобразные идеологические семинары, где основное внимание уделялось проблемам объединения тюркских народов в некое надгосударство при бесспорном доминировании Турции. В основу объединения, помимо вполне естественных объединяющих факторов, была положена культивируемая крайняя ксенофобия и порой неприкрытая враждебность к России некоторых участников «семинаров». Рассматривались различные формы и методы антироссийской, сепаратистской деятельности в отдельных субъектах Российской Федерации. Иностранные участники этих съездов становились объектами наиболее интенсивной обработки подобного рода.

Примечательной особенностью проведения курултаев тюркских народов стало посещение их высшими руководителями Турции.

Стимулирующую роль в появлении и активизации данных организаций сыграли в тот период те высказывания высшего руководства Турции, в которых представлялось блестящее будущее страны и возглавляемого ею тюркского сообщества. Под влиянием дипломатических успехов в 1992 году президент Турции Т.Озал провозгласил XXI век «веком Турции», а

премьер-министр С.Демирель говорил о «турецком мире от Адриатики до Великой китайской стены».

Как известно, развитие событий в последующие годы показало, что далеко не все ожидания Турции и постсоветских государств оправдались, и можно даже говорить об определенном взаимном разочаровании. Но тогда, в начале 90-х годов внешнеполитические успехи Турции и вышеизложенная позиция руководства страны дали мощный толчок националистическим настроениям в турецком обществе в целом и соответствующей организационной деятельности националистов-радикалов.

Деятельность упомянутых организаций в Турции способствовала активизации ряда националистических организаций внутри России. Еще в СССР в 1990 году была создана Ассамблея тюркских народов, а на ее III съезде, состоявшемся в 1993 году в Чебоксарах, была принята программа, где, в частности, говорилось, что тюркские республики должны создать мощное содружество тюркских государств. Отмечалось при этом, что «народы тюркского мира находятся на разных ступенях национально-государственного самоопределения. Одни имеют международнопризнанные государства, другие, обладая той или иной формой государственности, продолжают борьбу за независимость и международно-правовое признание». Под вторыми понимались прежде всего тюркоязычные республики в составе России.

В работе III съезда участвовала делегация Турции и представитель Турецкой республики Северного Кипра.

В 1992 и 1993 годах лидеры тюркских общественных организаций СНГ и России приняли участие в работе 2-й и 3-й Всемирных тюркских конференций в США. Спонсорами этих мероприятий стали как американские, так и турецкие неправительственные фонды и организации. На одной из этих конференций представители Татарстана направили обращение к конгрессу и президенту США с просьбой помочь в обеспечении признания Татарстана в качестве суверенного государства. Перечень подобного рода примеров можно было бы продолжить.

Справедливо рассматривая такие мероприятия как провоцирующие сепаратистские настроения в России и дестабилизирующие ситуацию в стране, МИД России неоднократно выражал в связи с этим свою озабоченность. В октябре 1994 года перед открытием в Стамбуле второй встречи глав тюркских государств СНГ и Турции и перед началом приуроченного к этой встрече очередного курултая тюркских народов представитель МИД России заявил, что объединение тюркского мира или создание закрытой группировки под эгидой Анкары нежелательно для России.

В заявлении говорилось также о том, что Россия не против того, чтобы тюркоязычные страны с учетом их этнической, языковой и культурной близости развивали между собой взаимовыгодное сотрудничество, вели нормальный цивилизованный диалог на основе общепринятых норм международного права.

Озабоченность вызывает тенденция к обособлению стран по этническому и конфессиональному признаку в противопоставлении их окружающим государствам. Этим, по заявлению представителя МИД, пользуются националистически настроенные, экстремистские круги как светского, так и клерикального толка, которые в немалой степени несут ответственность за разжигание конфликтов, в том числе на территории СНГ.

При этом отмечалось, что турецкое руководство постоянно заявляло об отсутствии у него пантюркистских претензий и замыслов объединить под своей эгидой тюркский мир, создать какую-то замкнутую группировку, однако, если дело пойдет в соответствии с упомянутыми тенденциями, то это было бы безусловно нежелательным и для России, и для других стран мира.

К середине 90-х годов эйфория в молодых тюркских республиках Закавказья и Средней Азии, вызванная обещаниями экономической помощи и всесторонней поддержки со стороны «старшего брата» Турции, заметно улеглась. Прежде всего, как оказалось, открывшиеся возможности для экономического сотрудничества, инвестирования в местную промышленность, финансирования крупных совместных проектов и т.п. – существенно выше потенциала самой Турции.

С турецкой стороны возобладал принцип дифференцированного подхода к отношениям с отдельными странами, прагматизм в оценке целей и перспектив сотрудничества с ними в различных областях. К примеру, нефтегазовые проекты – с Азербайджаном, Туркменией и Казахстаном, совместная деятельность в области культуры и образования, строительные проекты, коммерция – с другими.

Особняком стоят военно-политические отношения. Наиболее продвинутыми они являются у Турции с Азербайджаном. Следует подчеркнуть, что большая часть инициатив по их развитию исходит от Азербайджана, рассчитывающего с помощью Турции, а следовательно, США и НАТО разрешить в свою пользу затянувшийся карабахский вопрос. Только в 1998 -2000 годах Азербайджан, имеющий соглашение с Турцией о сотрудничестве в военной области, сделал ряд серьезных предложений: о размещении в Азербайджане турецких воинских контингентов, о передислокации из Инджирлика в Турции на Апшеронский полуостров базы ВВС НАТО, о создании военного «Пакта стабильности и безопасности» с участием Азербайджана, Грузии и Турции. Кстати, в начале февраля 2000 года турецкая газета «Миллиет» прямо писала о том, что этот пакт направлен против «агрессивной и все более пугающей политики России на Кавказе».

В наиболее концентрированной форме характер отношений Турции с целым рядом республик СНГ выразил министр Турции по связям с тюркоязычными республиками СНГ А.Чей. Он заявил, что «Турецкая республика – преемница великой Османской империи» и должна создать союзное объединение с Азербайджаном, Казахстаном, Узбекистаном, Киргизией и Туркменистаном даже ценой резкой конфронтации с Россией. Но эти тюр-

коязычные республики, судя по всему, должны стать вместе с Турцией лишь ядром Османской империи образца XXI века, поскольку Чей выразил надежду на присоединение Украины и Ирана на том основании, что их территории некогда входили в состав Османской империи.

Высказывания министра вызвали резкую реакцию МИД России. В официальном заявлении отмечалось, что Чей допустил ряд некорректных выражений в адрес России, а его заявление «никак нельзя назвать дружественным и соответствующим нынешнему уровню российско-турецких отношений». Подчеркивалось, что «идеи создания замкнутого сообщества на этнической основе не способствуют укреплению сотрудничества и взаимопонимания в центральной Азии и Закавказье».

Традиционно выражаемая надежда на то, что «подобный образ мышления не отражает позицию турецкого руководства» не оправдалась, поскольку вместо опровержения 29 января тот же Чей развернул и конкретизировал сделанное ранее заявление. Он представил план возрождения Османской империи. Тюркоязычным республикам СНГ предлагалось изменить свое экономическое законодательство из-за его близости российским стандартам, затем создать арбитражную комиссию, осуществить разработку общей инвестиционной программы и т.д. – речь шла о создании экономической основы империи.

Трудно предполагать, тем более если принять во внимание приведенные ранее данные о событиях начала 90-х, что эти высказывания являются всего лишь «прожектами» частного лица. И не так уж важно, озвучил ли министр уже существующие планы официальных властей, или его заявления не что иное, как излишне прямолинейный зондаж общественного мнения в процессе выработки подобных планов. Налицо реанимация «идефикс» младотурок – паносманизма, идеологии реализации в новых исторических условиях старого геополитического проекта – Османской империи.

Идея возрождения Османской империи (даже в ее модернизированном варианте) едва ли когда-нибудь воплотится в жизнь. Вполне реальными, однако, представляются идеи создания коалиций государств – узлов будущей структуры мирохозяйственных и глобальных политических взаимосвязей. Образование коалиций, их взаимодействие и трансформация, гармонизация отношений – все это долгий, противоречивый, конфликтный процесс.

Вряд ли сейчас, в период серьезных тектонических подвижек в мире можно с большой долей уверенности определить направление и глубину разломов. Также не следует ожидать появления в ближайшее время универсальной теории глобальных противоречий и столкновений. Скорее всего, возможны лишь общие подходы к проблеме и способы решения частных задач. Примером этого и может послужить теория Самюэля Хантингтона.

Частной задачей является проблема российско-турецких противоречий. Вне рамок настоящей работы осталось непроанализированным мно-

жество фактов и явлений. Тем не менее, изложенного, как представляется, достаточно для выводов общего и частного плана.

Во-первых, в обозримой перспективе противоречия, имманентные самому существованию мирового сообщества, сохранятся и будут обостряться в силу радикального характера изменений в глобальной расстановке сил. Формирование новых центров тяготения будет динамичным с постоянно меняющимися векторами напряженности.

Во-вторых, существо противоречий останется сложным и многоплановым, включающим в себя наряду с цивилизационными политические, экономические, экологические и другие аспекты.

Линия российско-турецких противоречий на среднесрочную перспективу будет проходить примерно там, где проходит сейчас – близко к окраинам давно не существующей Османской империи. Все более заметным будет военное присутствие Турции на Балканах, более тесной – привязка к Турции базовых отраслей (энергетика, металлургия) национальной экономики Болгарии. Вырастут темпы турецкой экспансии на Украину, прежде всего в Крым. При поддержке США Турция укрепит и расширит благодаря Грузии свои военно-стратегические позиции в Закавказье и каспийском регионе. (Так в российских СМИ в марте с.г. прошло сообщение о планируемых на 2001 год американо-турецко-грузинских воинских учениях в Аджарии).

Серьезным источником противоречий способна стать любая попытка даже в первом приближении реализовать идею единого Тюркского государства. К резкой конфронтации и даже конфликту может привести последовательное усложнение Турцией режима судоходства в Черноморских проливах. При дальнейшем ослаблении России и ее Черноморского флота Россия может лишиться выхода в Средиземное море. Перечень источников противоречий, конечно же, этим не исчерпывается.

В то же время в недалеком будущем следует ожидать развития и некоторых позитивных тенденций в двусторонних отношениях. Это расширение торгово-экономического сотрудничества (Россия – приоритет для Турции в этой сфере), реализация новых масштабных проектов типа «Голубого потока», общее понимание необходимости борьбы с международным терроризмом (подписание в Москве в ноябре 1999 года Российско-турецкой Декларации о борьбе с терроризмом), культурное сотрудничество и т.д.

Хотя кажется, что позитива меньше, но сама сложная и драматичная история отношений России и Турции дает основание для оптимизма, поскольку свидетельствует, что естественные для реального мира даже самые серьезные противоречия разрешимы при наличии обоюдной доброй воли.

Б.М.Поцхверия

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ

Развал СССР и роспуск Организации Варшавского договора открыли для Турции возможность активизировать свою политику в новых регионах. Сохраняя как основу внешней политики военно-политическое сотрудничество с западными странами, перспективы принятия ее в Европейский Союз, Турция активизировалась в новых республиках Центральной Азии и Кавказа, на Балканах. Вместе с тем она не умаляет и значения стран Ближнего и Среднего Востока с точки зрения ее стратегических и экономических интересов. Не имея собственных финансовых возможностей для масштабного влияния на новые государства Центральной Азии и Кавказа в области экономики, Турция действует, используя кредиты других стран для вложений в указанный регион, проявляет незаурядную активность в культурной, этнической, исторической сферах.

Вместе с тем новая геополитическая обстановка привела к тому, что для обеспечения безопасности Турции в региональном масштабе ситуация усложнилась. Это относится и к ее политическим и военным аспектам. В отношениях с соседями у Турции имеются сложные проблемы.

В связи с новой обстановкой изменилось отношение к Турции ее союзников. Что касается стратегических интересов, США придают возрастающее значение Турции, особенно в связи с американо-иранскими отношениями и с американскими интересами на Кавказе и в Центральной Азии.

Турция воспринимается как влиятельная держава, занявшая центральное место в международных отношениях в регионе. Преследуя свои экономические и политические цели, Турция одновременно служит здесь стратегической опорой своих западных союзников. Она взяла на себя роль «моста» между Западом и новыми государствами Центральной Азии и Южного Кавказа. До этого такую же функцию она выполняла в отношении стран Ближнего и Среднего Востока. Союзники Турции считают ее политику важнейшим фактором в обеспечении сотрудничества, политической и экономической стабильности в регионе.

Отстаивая свои интересы в Центральной Азии, на Кавказе, на Ближнем и Среднем Востоке, Турция не упускает из виду важные стратегические задачи, отвечающие и интересам ее натовских союзников. Одной из таких задач является противостояние возрастающему в мусульманском мире радикально-религиозному экстремизму. Бывший премьер-министр Великобритании Маргарет Тетчер охарактеризовала Турцию как крепость против революционного арабского национализма и агрессивного мусуль-

манского радикализма[1]. Значение Турции как стратегического союзника по НАТО, в основу государственного строя которого положен лаицизм, отмечала государственный секретарь США Мадлен Олбрайт[2].

Во внешней политике Турции традиционно особое место занимают США. В свое время США сыграли решающую роль в приеме Турции в НАТО, ныне они занимают благоприятную для Турции позицию по проблеме вступления ее в Европейский Союз, способствуют решению других важных для Турции сложных ситуаций, в частности турецко-греческих разногласий.

В отношениях Турции с США определяющую роль играет сотрудничество в военной области. Американцы оказывают Турции военную и экономическую помощь, значительно большую, чем другие союзники по НАТО. США используют в Турции систему созданных ими и переданных турецким вооруженным силам военных баз совместной обороны – разведывательного, оперативного, наступательного характера. На этих базах осуществляется совместная деятельность американских и турецких вооруженных сил[*].

Военное, военно-промышленное и экономическое сотрудничество двух стран регламентировано договорной системой, в которой основными ныне действующими соглашениями являются следующие.

Соглашение об оказании помощи Турции, подписанное и вступившее в силу 12 июля 1947 г. Оно не определяет срока действия, но может быть денонсировано одной из сторон. Особенностью соглашения является запрет на использование предоставленного Турции американского вооружения вне целей, для которых оно дается, а предоставляется оно для обеспечения национальной независимости и безопасности страны[3].

Соглашение о сотрудничестве, подписанное и вступившее в силу 5 марта 1959 г. Оно не оговаривает срока действия, но может быть денонсировано одной из сторон. Этим соглашением предусмотрена возможность оказания правительством США всевозможной помощи, включая переброску в Турцию, по ее просьбе, американских вооруженных сил в случае агрессии против нее. При этом такое оказание помощи вооруженными силами не должно противоречить положениям Конституции США[4].

Соглашение о сотрудничестве в области обороны и экономики, подписанное 29 марта 1980 г. в рамках 2 и 3 статей Северо-Атлантического договора.

Одновременно были подписаны дополнительные к нему соглашения, конкретизирующие статус и деятельность вооруженных сил США на турецких военных объектах. Соглашение 1980 года было подписано на 5 лет с автоматическим продлением на каждый следующий год. Оно вступило в силу 18 декабря 1980 г. после обмена ратификационными документами[5].

---

[*] База ВВС в Инджирлике используется как база совместной обороны и как база ВВС НАТО.

Особенностью Соглашения 1980 г. является статья, в которой упоминается режим Черноморских проливов: «Положения Конвенции Монтре (1936 г.) сохраняются». Заметим, что США не участвовали в Конференции Монтре и не имеют отношения к Конвенции по Проливам*, а повышенный интерес США к режиму Проливов объясняется тем, что военный аспект его отвечает интересам НАТО.

По предложению турецкого правительства соглашение 1980 г. было дополнено рядом положений, согласованных в результате длительных переговоров и изложенных в письмах, которыми стороны обменялись 16 марта 1987 г.** В письме государственного секретаря США Дж.Шульца говорится об общем вкладе США и Турции в их оборонное и экономическое сотрудничество, в совместную оборону в контексте общности интересов безопасности, и о стремлении правительства США обеспечивать Турции самый высокий уровень помощи, в том числе финансовой и экономической, в частности в виде дара, помощи в модернизации вооруженных сил, в изыскании возможностей облегчения турецкого долга. Заявлено о расширении сотрудничества в области военной промышленности. В письме говорится, что стороны будут предпринимать максимальные усилия для развития торгово-экономических связей[6].

Знаковым в отношениях двух стран являются обязательства США, связанные с терроризмом, являющимся важной проблемой для Турции. В обмене письмами в 1987 г. относительно соглашения 1980 г. говорится, что США подтверждают решимость сотрудничать с правительством Турции в борьбе против терроризма и в противодействии любой деятельности по финансированию, поддержке и помощи террористической деятельности[7].

Если в документе 1987 г. речь шла о терроризме вообще, то позже США определили, какие террористы имеются в виду. В 1999 г. Государственный департамент США включил в список основных террористических группировок в мире и Курдскую рабочую партию. Всем американским гражданам и организациям было запрещено оказывать этим группировкам материальную поддержку, а финансовым институтам США приказано заморозить их активы. Террористы и причастные к их организациям лица лишены права въезда и пребывания в США[8].

Приоритетным в экономических отношениях между Турцией и США является сотрудничество в военной промышленности. В соглашении 1980 г. между двумя странами о сотрудничестве в области обороны и экономики говорится, что с целью развития оборонной промышленности стороны будут поддерживать совместные исследования и производство, будут подготавливать совместные проекты таким образом, чтобы обеспечивался рост производственных возможностей турецкой промышленности. Со-

---

* Такие же статьи были в потерявших силу американо-турецких соглашениях о сотрудничестве в области обороны 1969 г. и 1976 г.

** Некоторые изменения, не столь существенные, вносились в соглашение 1980 г. и позже.

глашением предусматривается осуществление как турецко-американских проектов, так и многосторонних с участием стран НАТО и дружественных стран. Для Турции важно также то, что предусмотрено содействие США турецкому экспорту в страны НАТО производящихся в Турции вооружений, военного оборудования, снаряжения. Развитие военной промышленности позволило Турции установить сотрудничество в области военной промышленности с некоторыми странами Ближнего и Среднего Востока, обеспечивать внешнее финансирование совместных проектов, экспортировать в эти страны турецкую продукцию. Например, Турция продала Египту 46 истребителей «Ф-16», сборка которых производится в Турции по лицензии США, с использованием значительного числа деталей и узлов, производящихся в Турции. Контракт на сборку «Ф-16» в Турции был подписан правительством страны с американской компанией «Дженерал дайнемикс» в конце 1983 г. Турецкие ВВС получили 278 самолетов. Сборка «Ф-16» продолжается. Американские фирмы заняли ведущее положение и в других областях военной промышленности, как, например, в модернизации танков.

В Турции убеждены, что развитие военной промышленности соответствует стратегии индустриализации страны, развития ее экономики в целом.

Дискуссию в Турции вызвало использование авиацией США против Ирака базы ВВС в Инджирлике. В связи с кризисом в Персидском заливе государства антииракской коалиции во главе с США и Великобританией приняли меры по подрыву позиций режима Хусейна, встали на путь поддержки сепаратистского курдского движения в Ираке. С этой целью в 1991 г. были созданы «зоны безопасности» («зонтики»), запретные для полетов иракской авиации: северная зона – часть Ирака севернее 36-й параллели и южная зона – южнее 32-й параллели, позже расширенная до 33-й параллели. В этих зонах ВВС США, Великобритании и Франции проводили «операции успокоения», акции «ударных сил». Об этих операциях, направленных на недопущение подавления режимом Багдада курдского движения с целью создания курдского государства в Северном Ираке, сообщается как об акциях «обеспечения поддержки» курдов.

Для Турции проблемной является северная зона, установленная в связи с операциями багдадских властей против курдов, а также туркмен, арабов[9]. Поддержка курдов не в интересах Турции. Основная цель США и Великобритании определялась стратегическими интересами этих держав в регионе.

Во время патрулирования в зонах безопасности, запрещенных для полетов самолетов Ирака, в котором участвовали также английские и французские ВВС, американские истребители-бомбардировщики, базирующиеся в Турции, наносили в северной зоне удары по иракским средствам противовоздушной обороны. В том числе в важных в экономическом отношении районах Мосула на Севере и Басры на Юге.

Сложность позиции Турции заключается в том, что как союзник США, которые обеспечивают ей поддержку по ряду важнейших для нее проблем, она твердо придерживается принципов союза, не идет на запрет использования базы Инджирлик американской авиацией против Ирака, хотя не в интересах Турции создание какого-либо независимого курдского государственного образования в Ираке, к чему могла бы привести американская политика. Президент Сулейман Демирель заявил в марте 1999 г., что политика Турции основана на принципе целостности Ирака[10]. Но принципа целостности Ирака придерживались и США. Помощник государственного секретаря С.Тэлботт сказал 12 апреля 1995 г., что американская администрация не стремится к созданию независимого курдского государства ни в Северном Ираке, ни где-нибудь в другом месте[11]. Против создания независимого курдского государства занимают твердую позицию и Иран, и Сирия.

Говоря об отношении Турции к политике США в Ираке, премьер-министр Бюлент Эджевит подчеркнул, что есть две Турции. Одна из них рука об руку с США, другая – против них. Он высказал беспокойство политикой США[12]. Как отмечала «Миллиет» среди партий и депутатов наблюдаются сомнения относительно «ударных сил». Считается, что они отрицательно влияют на обстановку и на борьбу с террором в Турции, что эти силы, созданные для охраны курдов, не способствуют стабилизации на турецкой границе[13].

Турция стремится не допускать ухудшения отношений с Ираком. Она сторонник отмены введенных ООН санкций в отношении Ирака, в частности на экспорт иракской нефти, которая перекачивалась по нефтепроводу через турецкую территорию к Средиземному морю. Только от закрытия нефтепровода и нарушения приграничной торговли с Ираком Турция потеряла, по разным данным, 35 – 40 млрд. долл.

Вместе с тем в Турции считают необходимым укрепление обороны базы Инджирлик, опасаясь возможного возмездия со стороны Ирака. По данным турецкой прессы, еще во время войны в Персидском заливе на базе ВВС Инджирлик американцами были установлены 3 батареи ракет «Пэтриот». В январе 1999 г. в Инджирлик вновь была доставлена батарея «Пэтриот» и ожидалась доставка еще двух батарей. Эти ракеты сопровождаются американскими специалистами и находятся под контролем американцев[14].

Ракеты были переданы Турции по ее просьбе. США пошли на встречу ей, так как для американцев имеет особое значение позиция Турции в отношении «ударных сил».

Несмотря на дискуссию в стране по поводу «ударных сил», критику в прессе относительно использования базы Инджирлик авиацией США, несмотря на пожелания, чтобы режим «запретной зоны» был отменен или изменен, несмотря на боязнь, что Ирак может ответить ударом по базе Инджирлик, тем не менее, разрешение на использование базы на каждый следующий срок давалось. Турецкие лидеры оправдывают анти-

иракские акции США. Как сообщала газета «Радикал», президент С.Демирель «успокоил США», «облегчил их душу». Он критиковал Саддама Хусейна, упоминая, что тот не считается с документами ООН, подписанными после поражения Ирака в развязанной им войне против Кувейта, «бросает вызов миру», ведет себя как победитель. Поэтому самооборона разведывательных сил «против нападения» иракских средств ПВО будет продолжаться[15].

В Турции вызывает беспокойство недовольство Ирака ее позицией. «Джумхуриет» сообщала, что первый заместитель премьер-министра Ирака Тарик Азиз критиковал Турцию за то, что она предоставила США и Великобритании свою военную базу для ударов по Ираку в зоне, запретной для иракских самолетов, и ничего не делает, чтобы прекратить это[16].

«Ударные силы» являются предметом дискуссии в Турции, так как они осложняют отношения с Ираком. Президент Турции С.Демирель подчеркивал, что «операция успокоения» в Северном Ираке несет Турции больше отрицательных последствий, нежели положительных, что «ударные силы» вызывают беспокойство в парламенте, в печати, у народа. Он отмечал также, что вакуум власти в Северном Ираке, создание там независимого курдского государства беспокоят турецкое общество[17]. Турцию не устраивает перспектива сохранения этого, находящегося под прикрытием «ударных сил» США курдского автономного образования, что способствует развитию курдского сепаратистского движения близ турецкой юго-восточной границы с Ираком. Анкара занимает позицию сторонника целостности Ирака[18].

Недовольство создавшейся в результате политики США в Ираке ситуацией проявляется в заявлениях турецких лидеров. Премьер-министр Бюлент Эджевит говорил о неопределенности в политике США: «Мы не понимаем до сих пор, чего добиваются США», «мы не знаем, каким будет результат» нанесения ударов по средствам ПВО Ирака, «каким будет поведение Хусейна»[19]. Турция подготовила предложения по урегулированию обстановки в регионе и представила их американцам для обсуждения. Указывая на стремление США свергнуть Хусейна, «Миллиет» задает вопрос: «А что после Хусейна?». Газета призывает к более глубокому пониманию проблемы. Министр иностранных дел Турции Исмаил Джем считает, что имеющиеся между Турцией и США различия в позициях надо устранять путем аналога, не превращая его в споры[20].

К отношениям с США Турция подходит как преданный союзник. От этих отношений зависят характер и размер американской военной и экономической помощи, американская поддержка на мировой арене, в частности в связи с традиционноострыми турецко-греческими разногласиями по Кипру, по сложным проблемам в Эгейском море, в связи с вопросом принятия Турции в Европейский союз, по некоторым другим проблемам.

Важнейшей и весьма тяжелой проблемой для Турции является ее стремление вступить в Европейский Союз. Многолетняя борьба за это увенчалась в декабре 1999 г. на встрече в верхах 15 стран Евросоюза

включением ее в список кандидатов «второй волны». Важным фактором, способствовавшим решению этой проблемы, была позиция США, влияющих на европейские страны с целью обеспечить принятие в ЕС Турции, учитывая ее геостратегическое положение, ее военно-политическое сотрудничество с США, участие в НАТО. Сыграло роль изменение в положительном смысле отношения к этому Германии и Великобритании. Еще за несколько месяцев до этого наблюдался различный подход к проблеме президента США Б.Клинтона и федерального канцлера Германии Г.Коля. Под влиянием США изменилась позиция Греции, которая на этот раз сама предложила рассмотреть кандидатуру Турции, хотя раньше Греция была категорически против присоединения Анкары к ЕС.

А заявление в ЕС (ранее «Общий рынок», Европейское экономическое сообщество – ЕЭС) о принятии ее в качестве полноправного члена Турция подала еще 14 апреля 1987 г. Одновременно она обратилась в Западно-Европейский союз (ЗЕС) с просьбой о принятии ее в эту организацию. Однако обе просьбы не были удовлетворены. В ЕЭС она попрежнему осталась ассоциированным членом. Такой же статус ей определили и в ЗЕС. В ЕС считают, что в связи с принятием в качестве кандидата в его члены Турции предстоит многолетний период решения экономических, финансовых, политических, правовых проблем с тем, чтобы страна отвечала требованиям, предъявляемым при принятии в ЕС.

Необходимость кардинальных реформ во многих областях экономической жизни воспринимается в Турции с пониманием. Предстоит также урегулирование с Грецией спорных, уже ставших традиционными проблем, особенно кипрской, без чего Греция может применить вето при решении в ЕС вопроса о приеме Турции в качестве полноправного члена сообщества. А если до этого членом ЕС станет Республика Кипр, что возможно, то ситуация с приемом Турции будет еще более осложнена.

И до этого процесс приобщения Турции к европейскому сообществу был весьма долгим, о чем следует напомнить, чтобы понять сложность, многогранность проблемы.

Впервые переговоры о присоединении Турции к Европейскому экономическому сообществу начались в 1958 г., а официально Турция обратилась с просьбой о принятии ее в ЕЭС 3 июля 1959 г. Она смогла добиться подписания Анкарского соглашения об ассоциации с сообществом только 12 сентября 1963 г. Соглашение предусматривало три этапа на пути к полному членству в ЕЭС: подготовительный этап сроком в 5-9 лет; переходный этап, начавшийся 1 января 1973 г. и предусматривавший постепенное снятие всяких ограничений в торговле между Турцией и странами ЕЭС, приведение тарифов между Турцией и странами – не членами ЕЭС в соответствии с тарифами сообщества; третий – этап полного завершения создания таможенного союза между Турцией и ЕЭС, свободы движения капитала и рабочей силы в рамках сообщества, выработки единой экономической политики.

Задача интеграции с Европейским союзом в качестве полноправного члена ныне в Турции считается первостепенной. Исторический, экономический, социальный факторы, интересы безопасности определяют приоритетное западное направление турецкой политики. В Турции высказывается мнение, что альтернативы этому нет, не следует и думать об изменении этого основного направления внешней политики, если даже двери ЕС будут перед нею закрыты[21]. Считается, что со всех точек зрения для Турции нет какого-либо другого регионального сообщества, вступление в которое было бы столь естественным. Нынешние, например, Организация Черноморского экономического сотрудничества, среди инициаторов создания которой была Турция, Организация экономического сотрудничества, включению в которую центральноазиатских стран способствовала Анкара, и другие организации не могут считаться альтернативой ЕС[22]. В Турции также считают, что членство в ЕС не сможет мешать ее активности в других международных организациях.

Многолетний опыт отношения в ЕС к Турции не дает оснований предполагать, что она скоро будет принята в сообщество, несмотря на лоббирование США.

Важным этапом, определявшим возможность принятия Турции в полные члены ЕС, было заключение Таможенного союза ЕС-Турция. Соответствующее соглашение было ратифицировано Европарламентом 13 декабря 1995 г. и вступило в силу с 1 января 1996 г. Это событие оценивали в Турции как великое достижение, о чем писала пресса и заявляли политические деятели страны, в том числе особенно премьер-министр Тансу Чиллер. Но голосование в Европарламенте свидетельствовало о сохранении сдержанного, по меньшей мере, отношения к принятию Турции. За принятие голосовали 65% присутствовавших на заседании парламентариев. К тому же на этом заседании 525 голосами из 528 было принято заявление, касающееся прав человека в Турции. В нем содержались призывы к турецкому правительству, к Рабочей партии Курдистана и другим курдским организациям использовать все возможности для политического решения курдского вопроса, к турецкому правительству и ВНСТ отменить чрезвычайное положение на Юго-Востоке страны, изыскать пути осуществления культурных чаяний курдов в рамках целостности Турции[23].

Вместе с тем Европарламент призвал Комиссию Евросоюза жестко следить за политикой, связанной с правами человека и демократизацией в Турции, а турецкое правительство – принять решительные меры против применения пыток и плохого обращения с заключенными.

Европарламент обратился к кипрской проблеме. Он призвал Евросоюз, ООН и кипрское правительство использовать все возможности, чтобы положить конец разделу Кипра. В связи с этим от Турции требовалось осуществление резолюций СБ ООН. При этом подчеркивалось, что ничего не было сделано для решения кипрского вопроса и прекращения турецкой оккупации части острова[24].

Принятие подобных заявлений объясняется широкой антитурецкой пропагандой, которую десятилетиями ведут греческая и армянская диаспоры как в Европе, так и в США.

Вступление Турции в Таможенный союз сопровождалось отказом Евросоюза включить ее в число кандидатов в его члены, что произошло 16 декабря 1995 г. на Мадридской встрече в верхах. В то же время в число кандидатов «первой волны» в члены этой организации были включены 6 стран Восточной Европы, Мальта и Республика Кипр.

Включению Турции в число кандидатов «второй волны» предшествовали решительные требования ее лидеров, жесткая критика в Турции в адрес европейского «христианского клуба». Премьер-министр Турции Бюлент Эджевит высказывал мнение, что Европа проводит в отношении Турции расистскую политику. Он обратился в мае 1999 г. к канцлеру Германии с жестким требованием о принятии Турции в кандидаты в члены ЕС. Президент Турции Сулейман Демирель говорил: «Если Вы разделяете народы на религии, по цвету кожи, по Вере, вы возвращаетесь на 500 лет назад»[25]. «Если Европа, говоря, что это христианский клуб, не хочет принимать иного члена, это позор для нее… Турция не должна быть отвергнута потому, что ее народ – мусульмане»[26].

Демирель указывал на значение Турции для Запада в качестве моста на Восток: «Объединенная с Европой Турция, сильная в экономической и социальной областях… представляет собой мост, связывающий Европу с Востоком, противоядие теории «борьбы культур»… Мы – европейцы с времен создания республики. Европа – это не географическое понятие, Европа – это система»[27].

Что же касается причин, которые могут привести к длительному ожиданию Турцией приема в ЕС, они делятся на экономические и политические. К экономическим проблемам относятся: недостаточное по стандартам ЕС развитие экономики Турции, высокая инфляция, слабая финансовая дисциплина и другие проблемы. Прием Турции в ЕС потребует весьма больших внешних финансовых вливаний в экономику страны, что ляжет тяжелым грузом на доноров сообщества, особенно на Германию. Опасность для стран ЕС представляет неминуемый наплыв рабочей силы из Турции, дешевых турецких товаров.

К политическим проблемам относятся: турецко-греческие разногласия по Кипру, которые сохраняют остроту, несмотря на некоторое, со второй половины 1999 г., улучшение отношений между двумя странами, выразившееся в снятии Грецией своих прежних возражений против включения Турции в кандидаты в члены ЕС и в подписании этими двумя странами в феврале 2000 г. ряда соглашений в области экономики и культуры; обвинения Турции в нарушении прав человека; проблемы Юго-Восточной Анатолии, связанные с преодолением курдского сепаратизма. Эти проблемы вряд ли можно назвать определяющими в решении вопроса о приеме Турции в ЕС.

Скорее всего, задача вступления Турции в ЕС будет разрешена не на основе решения указанных экономических и политических проблем, а на

основе стратегических интересов союзников по НАТО, на основе геостратегического положения страны, ее политики и роли «моста» между Западом и Центральной Азией, Кавказом, Ближним и Средним Востоком.

[1] Milliyet.22.10.1993.
[2] Cumhuriyet.13.02.1997.
[3] Arnıaoğlu, Fahir. Belgelerle Türk-Amerikan Münasebetleri. – Ankara, 1991. – С. 162-164.
[4] Там же, с. 258-260.
[5] Там же, с. 301-363.
[6] Там же с. 366-369.
[7] Там же с. 367.
[8] Известия. 13.10.1999.
[9] Cumhuriyet. 18.09.1996.
[10] Radikal. 11.03.I999.
[11] Olaylarla Türk Dış Politikası. – Ankara, 1996. – С. 662.
[12] Hürriyet. 25.01.I999.
[13] Milliyet. 11.11.I993.
[14] Hürriyet. 22, 25.01.1999.
[15] Radikal. 11.03.I999.
[16] Cumhuriyet.25.01.I999.
[17] Demirel `in Çankaya `da Üçüncü Yılı. – Ankara (б/г). – С. 68-69.
[18] Radikal. 11.03.I999.
[19] Milliyet. 26.0I.I999; Hürriyet. 25.01.1999.
[20] Milliyet. 26.01.1999.
[21] Çağdaş Türk diplomasisi: 200 Yıllık süreç. – Ankara. 1999. – С. 650.
[22] Там же, с. 643.
[23] Olaylarla Türk Dış Politikası.., с. 725.
[24] Там же, с. 726.
[25] Demirel `in Çankaya `da.., с. 89.
[26] Там же.
[27] Там же, с. 88.

С.Л.Логунова

ДОГОВОРНЫЕ ОСНОВЫ И ПРАКТИКА РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ТУРЦИИ И КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Развивая внешнеэкономические связи, субъекты Российской Федерации должны действовать в рамках федерального законодательства и обеспечиваемой им меры суверенитета. В то же время, как и в международной практике, для развития внешнеторговых и внешнеэкономических отношений республик РФ весьма важно создание благоприятных стартовых условий, которые обычно определяются базовыми, официальными соглашениями об экономическом сотрудничестве между сторонами. Такого рода договоренности устанавливают основные направления партнерства, ориентируя предпринимательскую деятельность экономических агентов сторон, а также обеспечивают им определенный уровень гарантий и стабильности на рынке страны-партнера.

Поэтому выход Турции, как и других стран, на более или менее заметный уровень экономического сотрудничества с субъектами РФ требует разрешения противоречий между ограниченностью полномочий последних в договорно-правовой сфере и необходимостью выработки основополагающих принципов двусторонних отношений.

В рамках отношений Турции с Кабардино-Балкарией данное противоречие было успешно преодолено посредством подписания 3 марта 1993 года договора между правительством КБР в лице министра внешних связей и по делам национальностей А.Г.Ямузовым и Председателем Союза Торговых Палат и Бирж Турции (СТПБ) Ялымом Эрезом[1]. Хотя формально СТПБ является организацией частных предпринимателей, она имеет тесные связи с правительственными структурами страны. Таким образом, подписанный договор можно считать своего рода специфическим аналогом базовых межправительственных договоров об экономическом сотрудничестве.

В рамках договора стороны наметили вопросы развития экономических отношений Турции и КБР и договорились о сотрудничестве по многим направлениям.

Так, турецкая сторона обязалась предоставить КБР долгосрочный кредит на взаимовыгодных условиях для создания в КБР международного акционерного банка, международной торговой палаты или дома, учреждения международных инвестиционных фондов и бирж и других коммерческих предприятий. Совершенно очевидно, что КБР, обладая довольно значительным ресурсно-экономическим потенциалом, испытывает недостаток в средствах для его дальнейшего развития. Поэтому инвестицион-

ное направление является важнейшим на первом этапе сотрудничества. Готовность Турции к кредитованию определенных проектов позволяет надеяться на успех двустороннего сотрудничества. На базе имеющихся в КБР крупных производственных мощностей – «Северо-Кавказском заводе электроприборов», заводе «Телемеханика», электровакуумном заводе и заводе по производству полупроводников, «Терском заводе алмазного инструмента» – предполагалось создать совместные предприятия, ориентированные на выпуск товаров народного потребления.

Турецкая сторона намеревалась также осуществить инвестиции в добывающую и перерабатывающую отрасли промышленности, использующие такое сырье, как нефть, золото, мрамор и минеральные источники. Она также согласилась предоставить современные технологии для создания предприятий, производящих необходимую для республики протезно-ортопедическую продукцию.

Данное соглашение предусматривало сотрудничество и в области переработки сельхозпродукции, в том числе участие турецкой стороны в создании совместного производства по выпуску консервированных изделий, мукомольной и хлебопекарной продукции, изготовлению кукурузных и подсолнечных масел, развитию животноводства.

Также был согласован проект совместной эксплуатации малых гидроэлектростанций, реконструкции аэропорта в городе Нальчик.

Новым направлением сотрудничества турецкой стороны с КБР должна была стать область информатики и связи. Турция, имеющая уже опыт в налаживании международных каналов связи, включая спутниковую, брала на себя обязательства по оказанию помощи в организации подключения КБР к международным спутниковым каналам через используемые ею спутники связи.

В настоящее время среди предприятий КБР, которые активно сотрудничают с Союзом Торговых Палат и Бирж Турции, можно выделить «СКЕП», «Телемеханику», «НЕВЗ», «Терекалмаз». Областями их совместной деятельности стали сельское хозяйство, энергетика, транспорт, информатика и связь.

Дальнейшему развитию базовых принципов двустороннего сотрудничества способствовало подписание 27 марта 1996 года соглашения между министром внешних связей КБР и турецким агентством по международному сотрудничеству (TICA)[2].

При подписании соглашения стороны действовали в рамках уже ранее найденной схемы, позволяющей обойти отсутствие в КБР права на подписание прямых межправительственных соглашений.

TICA является государственной организацией, действующей при Турецком МИДе. Она была учреждена 24 января 1992 года в целях оказания помощи в экономическом развитии тюркоязычным и другим странам – соседям Турции, развития с ними экономического, торгового, технического, социального и культурного сотрудничества, осуществления необходимых преобразований в области внешней торговли, банковского дела, налоговой и бюджетной систем, а также обеспечения сотрудничества стран-партнеров с другими государственными организациями Турции. К концу

1997 года TICA подписала 210 проектов. Из них 50 – с региональными организациями и 160 – с отдельными странами (Болгария, Киргизия, Молдавия, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан и другие).

Однако в случае с КБР, помимо прочих обстоятельств, свою роль, по-видимому, сыграло формальное нахождение TICA за рамками Министерства иностранных дел, что позволило подписать двустороннее соглашение, не вступая в противоречия с федеральными законодательствами России.

Турецкое агентство по международному сотрудничеству (TICA) признало взаимовыгодность сотрудничества с КБР в области реализации инвестиционных проектов в предпринимательской, банковской и других областях. В рамках соглашения TICA брала на себя обязательства по обучению специалистов из КБР банковскому делу, маркетингу и менеджменту, обслуживанию в сферах туризма и гостиничного хозяйства и др. специальностям. Турецкая сторона брала на себя расходы по проведению исследований, планированию и подготовке инвестиционных предложений. Она обязалась предоставить республике квалифицированных экспертов для оценки представленных проектов, которая может проводиться либо в Турции, либо в КБР.

Стороны запланировали сотрудничество в области применения компьютерных систем управления в министерствах и ведомствах (включая финансово-кредитные учреждения), в высших и средних специальных учебных заведениях, на предприятиях малого и среднего бизнеса КБР. Сейчас в республике изучается вопрос об открытии в КБР Бюро Координации Программ (БКП) со статусом представительства TICA. Турецкое агентство также будет участвовать в финансировании долгосрочных программ в области технического сотрудничества и обучении кадров.

КБР брала на себя обязательства содействовать реализации данных инвестиционных проектов, обеспечивать условия для работы и проживания сотрудников турецкой стороны во время их пребывания в республике. Турецкое агентство по международному сотрудничеству намеревалось распространять в деловых кругах Турции информацию об инвестиционных проектах, реализуемых в КБР, о законодательной, налоговой и банковской системах республики. Эти меры должны способствовать дальнейшему развитию экономических отношений КБР с различными турецкими фирмами и организациями.

На основе достигнутых сторонами базовых договоренностей об экономическом сотрудничестве получают все более широкое развитие контакты КБР с турецкими частными фирмами. Турецкие инвесторы, кредитуя проекты КБР, вкладывают деньги в наиболее развитые отрасли республики. Среди основных можно выделить электроэнергетику, пищевкусовую и нефтедобывающую отрасли промышленности.

Так, в феврале 1993 г. был подписан протокол о сотрудничестве между Правительством КБР и турецкой фирмой «Орсан Иншаат Таахут Ве Хайвандлык Тиджарет Пазарлама Лимитед Ширкети» в области строительства, промышленности, сельского хозяйства, торговли[3]. Турецкая фирма планировала участие в освоении нефтеносных месторождений и

переработке сырой нефти в КБР путем поставки современного технологического оборудования, обучения персонала.

В марте 1995 г. турецкая фирма «Джеррахоглу» подписала протокол с Правительством КБР. В соответствии с данным документом турецкая сторона обязалась оказывать содействие в переработке сельскохозяйственного сырья, разливе минеральной воды в пластиковую тару, включая изготовление бутылок в количестве 12 млн. бутылок в год.

Строительная фирма намерена участвовать в модернизации отдельных объектов курорта «Нальчик», в создании международного аэропорта «Нальчик». Правительством РФ было выделено 350 млн. долл. в качестве гарантии под реализацию проектов развития экономики КБР[4].

Поскольку, как уже отмечалось выше, финансирование проектов развития экономики является особо острой проблемой для КБР, важное место в системе двусторонних отношений занимает сотрудничество республики с турецкой фирмой EKOL. 19 декабря 1997 года между ними был подписан протокол о намерениях.

Согласно протоколу, турецкая фирма брала на себя обязательства предоставить долгосрочные кредиты в общем объеме до 500 млн. долл. на срок до 5 лет по ставке LIBOR +(2-4)% для финансирования инвестиционных программ, которые имеют поддержку со стороны федеральных властей под гарантии правительства КБР[5]. Т.е. стороны все же отдают предпочтение направлениям сотрудничества, которые были одобрены на федеральном уровне.

Фирма EKOL выразила готовность инвестировать следующие основные программы: «Жилье 2000», «Программа развития свободной экономической зоны», «Возрождение КБР», «Программа развития горнодобывающей отрасли».

Также турецкая сторона брала на себя обязательства предоставить товарный кредит сроком на 13 месяцев в объеме до 50 млн. долл. при условии получения банковских гарантий на каждую партию поставленного товара.

Кредитное соглашение, подписанное с турецкой фирмой EKOL, по всей видимости, способствовало согласованию новых пакетов промышленных проектов между КБР и турецкими частными фирмами.

В феврале 1999 г. состоялись переговоры правительства КБР с турецкой фирмой «AKFEN GROUP». Согласно подписанному проекту, Турция проведет реконструкцию существующих нефтяных скважин и разработку новых с целью увеличения добычи нефти. С 15 марта по 1 апреля турецкие и российские специалисты провели исследование нефтяных скважин для оценки возможностей дальнейшего сотрудничества. Также «AKFEN GROUP» будет принимать участие в строительстве международного аэропортового комплекса в КБР, развитии туристического комплекса Приэльбрусья, строительстве малых ГЭС. Данные совместные работы будут осуществляться по 2003 г.

В феврале 1999 г. правительство республики одобрило проект «О строительстве ГЭС на реке Адыр-Су», к реализации которого будет при-

влечена турецкая фирма «AKFEN GROUP». В свою очередь КБР гарантировало турецкой стороне возврат кредитов поставками вольфрамового, молибденового и ферромолибденового концентрата.

Одним из пунктов данного соглашения было предусмотрено, что в случае неблагоприятного изменения местного законодательства к его участникам будут применяться законы, действовавшие на момент подписания договоров. То есть к числу вопросов, беспокоящих турецкую сторону, можно отнести и политическую нестабильность, и, следовательно, неустойчивость законодательства как в отдельных республиках, так и на всем Северном Кавказе. Этот фактор оказывает сдерживающее влияние на инвестиционный климат в республике. Однако в данном конкретном случае его действие удалось устранить за счет указанной оговорки.

В апреле 1999 года вновь обсуждался вопрос о финансировании инвестиционного проекта строительства малых гидроэлектростанций в КБР. Были подтверждены ранее достигнутые договоренности. Турецкая сторона обязалась предоставить кредит в размере не менее 50 млн. долл. (с возможной кредитной ставкой 10% в USD, или 7% в EURO). Акционерное общество, в которое со стороны КБР входят правительство, ОАО «Тырныаузский ГОК» и другие соучредители, будет осуществлять строительство ГЭС, ее эксплуатацию и за счет прибыли погасит кредит и проценты. В свою очередь, АО гарантирует турецкой стороне сбыт всей вырабатываемой электроэнергии по согласованным ценам и предоставление налоговых льгот.

Причем в данном договоре было отмечено, что для строительства ГЭС предпочтительно создание частного предприятия.

14 июля 1999 года было подписано еще одно соглашение, в рамках которого получили дальнейшее согласование детали проекта по строительству ГЭС на реке Адыр-Су(мощностью 20 мегаватт), а также предусматривалось строительство 15 малых ГЭС[6]. На территории КБР было зарегистрировано российско-германское предприятие в форме 000 и турецко-германское предприятие, учредителями которого являются фирмы «AKFEN GROUP» (Турция) и «Редигер» (Германия). Турецко-германское предприятие закупило оборудование и ведет строительство ГЭС «под ключ».

Однако сумма кредита была уменьшена с 50 млн. долл. до 44 млн. немецких марок, сроки кредита – до 20 лет при льготной ставке[7].

По завершении строительства российско-германское предприятие принимает готовый объект у турецко-германского предприятия в соответствии с заключенным договором, эксплуатирует его и за счет прибыли возвращает кредит и проценты.

Причем в данном протоколе отмечалось, что участие российских учредителей должно быть не менее чем на 85% сформировано за счет частного капитала. То есть инвестиционная деятельность зарубежных фирм, помимо прочего, способствует ускорению рыночной трансформации экономики КБР. По всей видимости, этот процесс в Кабардино-Балкарии находится лишь в самой начальной стадии, поскольку во всех

договоренностях с турецкими фирмами КБР представлена в основном правительством республики.

Турция активно сотрудничает с КБР, проявляя интерес и к совершенно новым, лишь только начинающим развиваться отраслям экономики республики. Так, один из проектов – уже широко известный проект «Линза КУМАХОВА». КБР налаживает выпуск оптических линз. Данный проект, имеющий большое значение для физики и медицины, прошел экспертизу в самой крупной научно-исследовательской организации Турции «ТЮБИТАК». Между Турцией и КБР было подписано соглашение о сотрудничестве по этому проекту.

В марте 1997 г. в КБР находилась делегация членов объединения северокавказских обществ в Турции «Kafkas Birliği Derneği» во главе с президентом этой организации Мухиттином Юналом[8].

Таким образом, в инструментарий развития экономических связей с КБР включается и использование северо-кавказской диаспоры, проживающей на территории Турции.

Турецкая сторона пытается активно реализовать свои возможности сотрудничества с новым партнером – КБР. Она стремится расширить диапазон контактов в области строительства, промышленности, торговли, энергетики, связи и в других областях. В свою очередь Правительство КБР содействует развитию отношений с Турцией. Оно создает благоприятные условия для выполнения согласованных проектов путем предоставления всех необходимых лицензий и разрешений, прав доступа, использования поверхности земли, транспортных путей, которые требуются в связи с осуществлением инвестиционной деятельности.

[1] По материалам Постоянного Представительства Кабардино-Балкарской Республики в Москве.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] Там же.

МАТЕРИАЛЫ ШЕСТОГО ЗАСЕДАНИЯ РОССИЙСКО-ИРАНСКОГО «КРУГЛОГО СТОЛА»,

Москва, 15-16 февраля 2000 г.

А.Ю.Умнов

АФГАНИСТАН В ПОЛИТИКЕ МОСКВЫ И ТЕГЕРАНА

Как известно, 90 процентов территории Афганистана контролирует Исламское движение «Талибан» и лишь 10 процентов – Ахмад Шах Масуд. Хотя за исключением Пакистана, Саудовской Аравии и ОАЭ, все мировое сообщество признает законной властью именно Ахмад Шаха, ключевую роль в его поддержке играют Россия и Иран.

Сила слабого

Трезво оценивая тенденции внутриполитического развития Афганистана, вряд ли можно рассчитывать на расширение власти Ахмад Шаха за пределы той территории, которую он сегодня контролирует. Особое значение здесь имеет национальный вопрос. Ведь Афганистан в этническом отношении одна из самых «пестрых» стран мира: половина его населения – пуштуны, половина – непуштуны (прежде всего таджики), которых здесь больше, чем в Таджикистане. После краха коммунистического режима в Кабуле именно их лидеры стали основой правительства моджахедов. Однако объединить вокруг себя не только пуштунов, традиционно правивших в стране, но даже непуштунов, в том числе тех же таджиков, этому правительству не удалось. В конце концов, жизненно заинтересованное в воссоединении страны большинство афганцев перешло на сторону талибов, сложившихся через несколько лет после ухода с политической арены афганских коммунистов как массовое, в основе пуштунское движение.

Именно тяга к воссоединению, которую не могли удовлетворить моджахеды, а не подкуп, как нередко утверждают, обусловили успех талибов не только на юге, где доминируют пуштуны, но и на севере, где преобладают непуштуны. Единственным исключением стали таджики северо-востока Афганистана, самой природой изолированные не только от пуштунов, но и от большинства афганских таджиков. Выразителем их стремления к обособленности и стал Ахмад Шах Масуд. Как представитель законного (по крайней мере, для большинства государств) правительства он продолжает говорить о необходимости свержения деспотического режима талибов и создания свободного союза всех народов Афганистана.

На практике, однако, он, скорее всего, вполне удовлетворился бы признанием талибами широкой автономии (фактически полунезависимости) северо-востока страны.

На таком фоне возникает вопрос: почему поддержка Ахмад Шаха, в свое время активно воевавшего против афганских коммунистов и советских солдат, столь важна для России сегодня? В конце концов, разве не она в свое время «бросила» безусловно пророссийского президента Наджибуллу, который после вывода советских войск три года самостоятельно контролировал все крупные города, включая Кабул, то есть находился в более выгодном положении, чем ныне Ахмад Шах? Тем более, что Москва во времена СССР была объективно заинтересована во власти пуштунов в Афганистане. Ведь тогда, контролируя своих непуштунов (прежде всего таджиков) на севере, они – пуштуны – обеспечивали нерушимость южных границ Советского Союза, а сейчас могут делать то же самое в отношении СНГ. Правда, само по себе вдохновляющее исламских экстремистов на бывшем советском юге умелое использование талибами ислама как политического оружия не может не влиять на отношение к ним со стороны России. Однако моджахеды, правительство которых Москва незамедлительно признала, выступали не меньшими, а, пожалуй, большими экстремистами, чем талибы. Этому способствовали и инерция многолетней и (что не менее важно) успешной войны, и преимущественно таджикская база сформированного ими правительства (достаточно вспомнить, что тот же Ахмад Шах, получивший в новом кабинете пост министра обороны, открыто заявлял о необходимости объединить всех таджиков Афганистана и Таджикистана). Подкрепленные реальной поддержкой исламистов в Таджикистане подобные декларации не могли не дестабилизировать ситуацию в Центральной Азии.

Конечно, сегодня никто из правительства моджахедов не делает таких заявлений. Более того, Ахмад Шах превратился в сторонника не только национального примирения в Таджикистане, но и союзника светских сил в Душанбе. Таким образом, все постсоветские центральноазиатские режимы могут рассматривать его уже не только как соседа, с которым волей-неволей приходится иметь дело (как это было в первые годы после распада СССР), но и как своеобразный барьер на пути воплощенного ныне в талибах идущего с юга исламского экстремизма. Правда, в Туркмении сила традиционных связей и отсутствие «земельного голода» (сочетание уникальное для региона) сделали внутренний «исламский взрыв» крайне маловероятным. Поэтому Ашхабад, полностью признавая Ахмад Шаха, открыл консульства и на территории талибов, т.е. признал их де-факто. Но другие центральноазиатские государства не склонны идти по пути Туркмении. В Казахстане и особенно в Узбекистане этому препятствует высокий уровень напряженности среди коренного населения, превращающий угрозу исламского экстремизма в реальность.

Слабым звеном в антиталибском фронте представляется лишь Киргизия, которая, стремясь наладить отношения с собственной исламской оппозицией, в последние годы отошла от жесткой поддержки Ахмад Шаха, но занять в афганском вопросе сходную с туркменской позицию вряд ли решится. В Таджикистане играющие ведущую роль в национальном при-

мирении светские силы стремятся, и небезуспешно, интегрировать местных исламистов, не только делясь с ними властью, но и выдвигая общенациональные задачи, будь то сохранение единства страны или поддержка «борьбы афганских таджиков за свободу».

Исламизм исламизму рознь

В первые годы после распада СССР Москва смотрела на антикоммунистические, в том числе и исламские, движения на бывшем советском юге чуть ли не как на своих естественных союзников. Такая позиция питалась, во-первых, логикой продолжающейся борьбы за власть в России, во-вторых, представлением о коммунистическом наследии как главном препятствии на пути интеграции в современную цивилизацию, в-третьих, эволюцией внешнеполитического курса Ирана в Центральной Азии и на Кавказе.

Во времена советско-американской конфронтации Тегеран пытался одновременно противостоять не только Вашингтону, но и Москве. После распада Советского Союза на пятнадцать отказавшихся от коммунистической идеологии и нередко нестабильных государств, ухода в прошлое двуполярной структуры международных отношений внешняя политика Тегерана стала меняться. Призывы к «исламской революции» на бывшем советском юге, ранее исключительно антикоммунистические, теперь оказались для Ирана своеобразным бумерангом, во-первых, ослабляя тех, кто мог служить для него хоть в какой-то мере стратегическим тылом, а во-вторых, оказывая подрывное воздействие на собственную страну. Очень пестрое в этническом отношении население Ирана в принципе весьма чувствительно к нестабильности на границах. Как известно, одну половину населения страны составляют персы, другую половину – неперсы, в том числе азербайджанцы (которых здесь больше, чем в Азербайджане).

Ставя во главу угла общенациональные интересы, внешняя политика Ирана на бывшем советском юге сегодня не только не сводится к поддержке различных исламских движений, но зачастую прямо им противостоит. Так, например, в Карабахском конфликте позиция Тегерана ближе к позиции христианской Армении, чем «единоверного» Азербайджана. Дело в том, что сильный националистический режим в этой бывшей советской республике, неизбежно поднимая проблему «воссоединения» с иранскими азербайджанцами, представляет угрозу для Ирана. В Таджикистане Тегеран, стремясь усилить свое влияние, поддерживает политику национального примирения, в случае срыва которого раздираемая противоречиями бывшая советская республика может вообще перестать существовать. А Таджикистан фактически единственная страна в мире, связанная с Ираном общностью государственного персидского (таджикского) языка. Правда, существует еще Афганистан, где этот язык широко распространен. Однако там он всегда был языком как местных таджиков, так и межэтнического общения, но неродным для традиционно правящих пуштунов. В частности, поэтому Тегеран всегда активно поддерживал борьбу мод-

жахедов против талибов. Контролируя населенный непуштунами север страны, власть моджахедов долгое время служила плацдармом иранского влияния и в Афганистане, и в Центральной Азии. Что же касается пуштунов, то они исторически веками выступали соперниками иранцев.

По мере утверждения власти талибов позиция Ирана по отношению к ним стала смягчаться. Это, в частности, выразилось в открытии на подконтрольной исламскому движению территории иранских консульств, что согласно международному праву, можно рассматривать как пусть и неполное, но все же дипломатическое признание (де-факто). Разумеется, Иран вряд ли «бросит» Ахмад Шаха. В конце концов, во многом «завязанное» на его поддержку национальное примирение в Таджикистане, безусловно, – один из внешнеполитических приоритетов Тегерана. Скорее всего, определенную разрядку в отношениях с талибами Иран будет использовать, чтобы «если не мытьем, то катаньем» лоббировать интересы своего афганского протеже. Гибкость главного союзника России в афганском вопросе, казалось, могла бы служить примером для нее самой. Тем более, что в отличие от Ирана власть пуштунов в Афганистане всегда хорошо вписывалась в ее внешнеполитические интересы.

Правда, на этом пути существуют три крупных препятствия: заинтересованность России в национальном примирении в Таджикистане, ее отношения с Центральной Азией и чеченский вопрос. Хотя Москва поддерживает предоставление исламской оппозиции в Таджикистане примерно трети мест во властных структурах, способствовать изменению этой пропорции она вряд ли склонна. А именно такая тенденция волей-неволей может возникнуть в случае пусть и неполного (только де-факто), но все же признания власти талибов. Кроме того, подобный сдвиг вряд ли был бы правильно понят центральноазиатскими режимами, особенно Узбекистаном, который в свое время отдалился от России не в малой степени из-за своего несогласия с ее «поощрением» исламизма в Таджикистане. И наконец, признав независимость Чечни, талибы, казалось, сами исключили возможность каких-либо сдвигов в их сторону в политике Москвы.

Не исключено, однако, что талибы-пуштуны, в принципе вряд ли бóльшие фанатики, чем исламисты-иранцы, попытаются использовать чеченский вопрос как рычаг улучшения своих отношений с Москвой. Ведь теперь в обмен на отказ признать чеченских сепаратистов (которые если и сформируют правительство в изгнании, то, видимо, в Кабуле) талибы вполне (и, возможно, небезуспешно) могут предложить России занять в афганском вопросе более сбалансированную позицию.

Д.Б.Малышева

ИРАН И ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЗАКАВКАЗЬЯ

С точки зрения своих геополитических характеристик Закавказье представляет немалую ценность. Это – важный коммуникационный узел, находящийся на стыке христианской и мусульманской цивилизаций. Это – стратегический перекресток, связывающий Европу и Азию, БСВ и Северную Европу. Это – топливно-энергетический центр, географически примыкающий к Каспийскому бассейну.

Между тем в наши дни Закавказье становится одним из самых опасных регионов постсоветского пространства из-за сохраняющихся здесь политических и военных конфликтов и возможности возникновения новых. Угрозы и риски безопасности Закавказья увеличиваются ввиду обостряющейся борьбы за обладание его природными ресурсами: этот обширный и неспокойный район Юга СНГ вновь, как и в начале XX века, превращается в объект многостороннего соперничества (неудивительно, что Закавказье называют «последним полем классической геополитики»). В этом соперничестве наряду с Россией, западноевропейскими государствами и такими новыми участниками, как США и Япония, непосредственно увязаны старые конкуренты России – Турция и Иран.

Их соперничество разворачивается на фоне укрепления самостоятельности новых независимых государств Закавказья: в этом сложном в национальном отношении регионе, где, кроме Армении, активно проявляют себя движения за национальное самоопределение, идет процесс формирования национальных государств, которые находятся в поиске альтернативных России внешнеполитических и внешнеэкономических ориентиров.

Идея создания на Кавказе структуры, которая смогла бы обеспечить мир и безопасность проживающим здесь народам, а также их соседям, имеет давнюю историю. Еще в 1917 г. один из лидеров грузинских меньшевиков И.Г.Церетели, рассматривавший Кавказ как единый экономический и исторический комплекс, предлагал решать проблему безопасности региона путем образования Кавказской республики («Кавказской Швейцарии»), куда все проживающие здесь народы вошли бы на правах кантонов. Концепция «мирного Кавказа» была реанимирована после распада СССР – в период обострения в регионе межэтнических и территориальных конфликтов, но в особенности под воздействием первой чеченской войны (1994-1996 гг.). Она усиленно популяризировалась тогда президентом Грузии Э.Шеварднадзе, который даже подписал в начале 1996 г. вместе с президентом Азербайджана Г.Алиевым Пакт «Мирный Кавказ». Стремясь перехватить их инициативу, Россия во время встречи 3 июня 1996 г. в Кисловодске глав государств Закавказья и руководителей регионов Северного Кавказа поддержала

предложение чеченской делегации о создании на Кавказе постоянно действующего органа по безопасности и сотрудничеству и придании такому кавказскому аналогу ОБСЕ международного статуса[1].

Всем этим планам, однако, не суждено было реализоваться. Более того, до сих пор все попытки нормализовать ситуацию на Кавказе путем достижения консенсуса относительно принципов мирного сосуществования в регионе носили отчетливо выраженный идеологизированный характер, да и сама идея региональной безопасности была подвержена активному воздействию основных участников геополитических баталий, развернувшихся в регионе, – России, США, стран Евросоюза, Турции и, конечно же, Ирана.

И вот в наши дни идея формирования системы региональной безопасности в Закавказье вновь находится в центре внимания политиков и многочисленных экспертов. Очевидно, что такой повышенный интерес к ней связан с возрастающей заинтересованностью мировых экономических центров в природных энергоресурсах региона, в первую очередь нефтегазовых, с проблемой обеспечения безопасности нефтепроводов и транспортных магистралей, но также и с новыми поворотами в глобальной «битве за Кавказ». С осени 1999 г. Россия разворачивает антитеррористическую операцию в Чечне, нацеленную в соответствии с новыми российскими приоритетами национальной безопасности на упрочение позиций Москвы в Кавказском регионе. В это же время в относительно стабильной Армении, являющейся, как известно, стратегическим партнером России в регионе, начинается полоса политических потрясений, не завершившихся и по сей день. Синхронно с началом чеченской операции активизируются США и их союзники: под предлогом защиты безопасности и территориальной целостности государств региона они делают все возможное, чтобы утвердиться на Кавказе и поставить в зависимость от себя местные режимы. Следует отметить, что и азербайджанская и грузинская дипломатии ведут лихорадочные поиски стратегических противовесов России в лице Турции, США и НАТО.

В чем же *суть выдвинутых за последнее время предложений по созданию системы региональной безопасности на Кавказе и какое место в них отведено Ирану?*

Начнем с Армении, которая, по существу, положила начало дискуссии на эту тему. Министр иностранных дел этой страны В.Осканян во время своего выступления 15 марта 1999 г. в Королевском институте мира в Лондоне предложил создать на Кавказе принципиально новую организацию, которая вписывалась бы в систему общеевропейской безопасности и включала в себя все заинтересованные стороны –закавказские государства, Россию, Турцию и Иран. Эта идея была затем развита президентом Армении Р.Кочаряном в ноябре 1999 г. на встрече с французским сопредседателем Минской группы ОБСЕ Ж.Ж.Гаярдом и на декабрьском саммите ОБСЕ в Стамбуле. По мысли Р.Кочаряна, урегулировать конфликты на Кавказе, достичь экономического сотрудничества и создать в регионе атмосферу взаимного доверия возможно при условии формирования здесь региональной – и параллельной общеевропейской – системы безопасности.

В свою очередь, азербайджанский президент Г. Алиев на той же встрече в Стамбуле предложил США, России, Турции и странам Западной Европы подписать Пакт **о** безопасности и сотрудничестве на Южном Кавказе. Этот документ предусматривал исключение иностранного военного присутствия в этом регионе, запрещение терроризма, сепаратизма, этнических чисток, а также создание условий для регионального экономического сотрудничества[2].

К обсуждению проблем безопасности подключился и грузинский президент, который предложил создать на Кавказе «новую структуру по образцу ОБСЕ», куда, помимо России, Азербайджана, Армении и Грузии, вошли бы США, Турция и страны Евросоюза[3]. Как известно, Иран не является членом ОБСЕ и потому Э.Шеварднадзе не нашел ему места в планируемой структуре.

Очевидно, что при внешнем сходстве армянская и азербайджанско-грузинская инициативы содержали принципиальные различия, поскольку каждый из руководителей закавказских государств вкладывал в понятие «региональная безопасность» разный смысл. В отличие от армянских политиков, полагающих, что система региональной безопасности Закавказья не может реально функционировать без участия России, Ирана и Турции, азербайджанские и грузинские официальные лица исключили из планируемой структуры Иран (оговаривая, правда, что эта проблема может стать предметом дополнительного рассмотрения[4]) и включили в нее США, которые не являются региональной державой. Подоплека подобного подхода лежит на поверхности: и Азербайджан, и Грузия давно уже демонстрируют стремление дистанцироваться от России; с помощью НАТО и США они надеются восстановить территориальную целостность своих государств, решить экономические проблемы. Баку и Тбилиси рассчитывают на помощь Турции, которая, как им представляется, может содействовать вхождению закавказских государств в европейские структуры и прежде всего в НАТО.

Реакция других «игроков» закавказской геополитики на предложения лидеров Закавказья оказалась вполне прогнозируемой: Россия поддержала Армению; США и Европа ограничились позитивной оценкой всех инициатив; Турция солидаризировалась с Азербайджаном и Грузией. Более того, в январе 2000 г. турецкий президент С.Демирель и Э.Шеварднадзе подписали в Тбилиси Пакт по безопасности и стабильности на Кавказе, поддержанный и азербайджанской стороной. Фактически Пакт нацелен на противодействие геополитическим и стратегическим устремлениям Москвы, а также на ослабление позиций Ирана в регионе Закавказья.

Ожидалось, что на встрече так называемой «кавказской четверки» (лидеров России, Азербайджана, Армении и Грузии), проведенной в Москве в рамках саммита глав государств СНГ (24-25 января 2000 г.) будет подписано что-то вроде предварительного соглашения о формировании системы региональной безопасности на Кавказе. Этого, однако, не произошло: интересы Армении, с одной стороны, и Азербайджана и Грузии, с другой, пока различаются до такой степени, что они не могут реально договориться по такой животрепещущей проблеме, какой является проблема обеспечения безопасности Закавказья. Очевидно также, что такие представления о перспективах регио-

нальной безопасности не только не смягчают существующую конфронтацию в Закавказье, но более того, усугубляют обозначившуюся поляризацию, когда на одном полюсе оказываются Армения, Иран, Россия, а на другом – Азербайджан, Грузия и Турция, поддерживаемые США и НАТО.

А между тем исключение из региональных процессов, происходящих в Закавказье, России либо Ирана – как бы того не хотелось некоторым центрам мировой политики и их союзникам в регионе – было бы контрпродуктивным как с точки зрения политической стабилизации и урегулирования существующих в Закавказье конфликтов, так и в плане достижения всеобъемлющей безопасности в закавказском регионе. Не вдаваясь в подробности, отмечу также, что для России и Ирана Закавказье важно с точки зрения их собственной национальной безопасности.

Учитывая эти обстоятельства, рассмотрим, какую роль может играть Иран в обеспечении безопасности Закавказья, по каким параметрам его усилия в этом направлении могут совпадать с российскими интересами и в чем противоречить им.

Для этого необходимо уяснить *роль и место Ирана в региональной системе Закавказья,* определить *особенности ирано-закавказских межгосударственных отношений.*

Исторические и культурные связи Ирана с народами Закавказья уходят в глубину веков. В наши дни контроль над значительной частью мировых энергоресурсов и выгодное геостратегическое положение позволяют Ирану не только активно соперничать с Турцией и Россией в Закавказье, но и притягивать к себе новые независимые государства региона. В предшествующие десятилетия и особенно за восемь лет ирано-иракской войны (1980-1988 гг.) преимущества в двусторонних ирано-турецких отношениях имела Турция: тогда из-за блокады морских транспортных коммуникаций Ирана транзитный путь через Турцию, контролировавшую всю его торговлю по суше, превратился для Тегерана в дорогу жизни. Сейчас в регионе складывается иная ситуация: именно от Ирана зависит теперь доступ Турции в Центральную Азию и Азербайджан. Иран – единственный из пяти государств Каспийского бассейна (остальные Азербайджан, Казахстан, Россия и Туркменистан) – имеет прямой выход к Индийскому океану, что дает ему преимущества перед Турцией и Россией при транспортировке энергоресурсов из Каспия. Иран обладает самой протяженной береговой линией в Персидском и Оманском заливах, и через его территорию пролегает наиболее практичный маршрут к открытым морям и единственная сухопутная дорога к арабскому миру. Иран имеет легкий доступ в Китай и на Дальний Восток через Центральную Азию, что позволяет восстановить исторический «шелковый путь» с подключением к нему закавказских государств. Ввиду выгодного геополитического положения Иран приобретает ключевое значение для зажатой блокадой Армении, для других закавказских государств, рвущихся на мировые рынки. Европа является основным источником иранского импорта, и страны Закавказья могут воспользоваться новыми альтернативными маршрутами в Европу именно через Иран.

С *Арменией* Иран в новейшей истории не имел серьезных разногласий. Через сотрудничество с ней и с Россией Иран ищет выходы из изоляции. Такого рода сближение не противоречит стратегии России в регионе и становится самостоятельным и значимым фактором для антиатлантизма и турецкого экспансионизма.

Что касается *ирано-азербайджанских* отношений, то здесь сохраняется некоторая напряженность. Она обусловлена угрозой взаимного давления: Ирана – на шиитов Азербайджана, а Азербайджана – на «турок» (этнических азербайджанцев) Ирана. Народный фронт Азербайджана в бытность его пребывания у власти поддерживал идею объединения «северного» и «южного» Азербайджана в единое государство, а лидер Фронта и бывший президент А.Эльчибей, известный своими протурецкими симпатиями, и ныне активно эксплуатирует этот лозунг. Баку обвиняет Иран в поддержке оппозиционных сил – Исламской партии, а также Отряда сил особого назначения, руководитель которого – Махир Джавадов, обвиненный на родине в организации государственных переворотов, получил в Иране политическое убежище. В свою очередь и Иран имеет претензии к Баку, который, правда, неофициально, но допускает деятельность на территории Азербайджана так называемого Национально-освободительного движения Южного Азербайджана, выступающего с ирредентистских позиций. Иранские политики считают также, что Азербайджан совершает «историческую ошибку», допуская США в Каспийский регион. Иран крайне негативно относится и к сближению Азербайджана с Израилем, что вряд ли противоречит интересам России, которая в рамках своей стратегии многополюсного мира развивает отношения со всеми участниками ближневосточного мирного процесса – как с арабами, так и с Израилем.

Вместе с тем Иран, являясь, как и Россия, крупнейшим внешнеторговым партнером и Армении, и Азербайджана, заинтересован в стабильности их политических систем и в том, чтобы новые независимые государства способны были стать долгосрочными партнерами.

В целом подходы Ирана к проблеме безопасности в Закавказье определяются целями его долгосрочной стратегии в регионе: стремлением противодействовать националистическим настроениям по обе стороны ирано-азербайджанской границы дабы избежать угрозы сепаратизма в иранских северо-западных провинциях, населенных азербайджанцами; поиском новых рынков сбыта иранских товаров и сфер приложения капиталов в обход проводимой США политики международной изоляции Ирана; использованием своего выгодного географического положения для того, чтобы коммуникации, нефтегазовые и транспортные потоки проходили через его территорию.

Иран, как и Россия, в своей политике в отношении государств региона учитывает степень их включенности в недружественные ему блоки, партнерские отношения и союзы. Россия и Иран заинтересованы в создании противовеса Турции, претендующей на увеличение своей региональной роли в Закавказье; оба государства обеспокоены также и попытками США утвердиться в Закавказье в качестве единственной сверхдержавы. Иран усматривает угрозу своей безопасности в возможности вовлечения

Вашингтоном государств Закавказья в кампанию по ограничению возможностей Ирана повышать свою обороноспособность, а Россию не может не тревожить угроза проникновения НАТО в регион, который она считает сферой своих приоритетных интересов.

Другим параметром, по которым интересы России и Ирана в обеспечении региональной безопасности Закавказья совпадают, являются подходы к местным этническим конфликтам, и в первую очередь к Карабахской проблеме.

Как и Россия, Иран считает ее самой серьезной угрозой региональной безопасности Закавказья и выступает за сохранение территориальной целостности Азербайджана. Но он в большей мере, нежели Россия, увязывает причины неурегулированности карабахского конфликта с влиянием Запада.

Было бы ошибочным считать политику Ирана в карабахском конфликте чисто проармянской. Иран не заинтересован в армянском военном продвижении на территорию Азербайджана, поскольку военные действия порождают проблему беженцев, в том числе и в иранских районах, населенных этническими азербайджанцами. В таких условиях угроза сепаратистских настроений становится реальной. Россия – по другим причинам – также не заинтересована в притоке беженцев и переселенцев из конфликтных зон Кавказа, поскольку за этим стоит риск роста социальной напряженности в России и возрастания конкуренции на рынке занятости.

Хотя возможности Ирана активно влиять на урегулирование карабахского конфликта имеют серьезные ограничители, совместно с Россией он может предпринять определенные усилия, направленные на сближение позиций Армении и Азербайджана.

Что касается грузино-абхазского конфликта, то и по отношению к нему Иран проявляет прагматизм: в Тегеране прохладно воспринимают облеченные в религиозные и националистические лозунги призывы абхазских лидеров поддержать движение самопровозглашенной республики к государственному суверенитету и предпочитают иметь дело с официальным Тбилиси. Иранские подходы по основным параметрам совпадают с российскими, в частности, в негативных оценках любых проявлений сепаратизма.

Камнем преткновения в отношениях Ирана, России, закавказских и прикаспийских государств, позиция которых под влиянием конъюнктуры (цен на нефть и пр.) постоянно меняется, остается вопрос *о статусе Каспия.*

Различия в его трактовке привели к столкновению интересов Азербайджана и Ирана: последний обвинил Азербайджан в намерении разрабатывать ту часть каспийских месторождений, которую Тегеран считает своей, а Баку расценивает претензии Ирана на нефтеносные площади в южной части азербайджанского сектора Каспия как «необоснованные». Аргументация сторон (при том что каждая из них занимает диаметрально противоположные позиции) совпадает.

По словам азербайджанского представителя, иранская зона на Каспии была определена еще в советское время. Согласно двум договорам, подписанным в 20-х и 40-х годах, иранская зона установлена южнее линии

Астара-Гасанкули. Астара, расположенная на западном берегу моря, находится на азербайджано-иранской границе, а Гасанкули – на правом, восточном берегу Каспия, на ирано-туркменистанской границе. Теми же соглашениями оперирует и иранская сторона, которая считает, что «до завершения переговоров о статусе и, в частности, о разделе Каспия между прибрежными государствами любая деятельность по поиску и разработке нефтеносных структур в указанной зоне будет рассматриваться Тегераном как нарушение прав иранского государства». В Иране полагают, что указанные соглашения определили границы сектора, принадлежавшего СССР, а отнюдь не новым государствам, образовавшимся после его распада[5].

Россия и Иран являются правопреемниками договоров 1921 и 1940 годов, определивших статус Каспийского моря. Однако определяющим моментом в их стратегии становится конкурентная борьба, в которой оба государства являются соперниками.

После 1991 г. оба государства пришли к соглашению относительно того, что в собственности пяти прикаспийских государств остается только 45-мильная прибрежная зона, а остальная территория находится в совместном пользовании. Но после того как в апреле 1998 г. Россия договорилась с Казахстаном о разделе Каспия на национальные сектора, позиции Ирана и России по этой проблеме разошлись: на состоявшемся в Москве в декабре 1998 г. заседании рабочей группы по выработке правового статуса Каспия Иран солидаризировался с Азербайджаном и Туркменистаном и высказался за полный раздел Каспия, в то время как Россия и Казахстан сочли приемлемым только частичный его раздел. Но уже в мае 1999 г. иранская сторона высказалась против разделения Каспия на национальные сектора, считая, что его углеводородные ресурсы должны разрабатываться на равноправной основе всеми государствами.

Экономическое соперничество в Закавказье, разворачивающееся в основном из-за *контроля над нефтеносными районами региона и его транспортными коридорами,* также является весьма острой проблемой, способной дестабилизировать ситуацию.

Она связана с тем, что до недавнего времени экспертные оценки запасов нефти и газа в Закавказье были чрезвычайно высоки; многие называли Каспийское море «вторым Персидским заливом», считая, что нефтяные запасы там намного превышают кувейтские, иранские и иракские. В последнее время, правда, прогнозы относительно запасов углеводородных ресурсов, имеющихся в азербайджанском секторе Каспия, не столь оптимистичны. В связи с этим ряд аналитиков предрекает скорое свертывание деловой активности нефтяных компаний в этом районе.

По данным, приводимым российским исследователем В.Наумкиным, каспийский регион в будущем может обеспечить поставку на мировые рынки от 3 до 7% от общего количества добываемых в мире нефти и газа[6]. Согласно другим подсчетам, в азербайджанском секторе Каспия сосредоточено не 16% мировых запасов нефти, а лишь 3%. К 2010 г., когда наме-

чается пик в добыче каспийской нефти, ее уровень не превысит количества норвежской нефти. Тем не менее сомнения в реальности существующих здесь запасов нефти не снижают накала страстей вокруг перспектив ее добычи и путей транспортировки.

Для России и Ирана проблема эксплуатации старых и прокладки новых трубопроводов для перекачки нефти и газа на мировые рынки жизненно важна, хотя они, а также государства Закавказья, имеют разные географические ориентиры в глобальных нефтяных проектах.

Если иранский вариант не устраивает Турцию и Запад, особенно США, **то** российский маршрут (Баку-Новороссийск) – хотя и наиболее надежный по сравнению с другими – имеет изъяны, поскольку создает проблемы безопасности судоходства в Босфорском проливе, который является в навигационном плане одним из самых сложных в мире: на протяжении его 18 миль корабли вынуждены 12 раз менять направление движения.

Но и турецкий маршрут (Баку-Джейхан) не является идеальным. Из всех имеющихся он – наиболее протяженный (1994 км.), и строительство потребует слишком больших затрат, так как трубопровод должен проходить через горы: по некоторым оценкам, его прокладка будет стоить более 3 млрд. долл. Данный маршрут уязвим и из-за неурегулированности карабахского и курдского конфликтов. Кроме того, этот путь, отсекающий Россию и Иран от нефтепотоков, слишком политизирован: в Москве его рассматривают едва ли не как одно из проявлений американской «политики нового сдерживания», носящей отчетливую антироссийскую направленность. Известно, что активными сторонниками южного, «турецкого» маршрута являются бывший госсекретарь США Генри Киссинджер и американский вице-президент Альберт Гор. Оба они пользуются поддержкой произраильского лобби США, которое благоволит Турции и Азербайджану, развившим в последние годы тесные экономические контакты с Израилем. Склонен поддержать турецкий маршрут и действующий обычно на всех антироссийских фронтах известный американский политик Збигнев Бжезинский, который является ныне консультантом американской нефтяной компании «Амоко», участвовавшей в подписании «контракта века».

И Россия, и Иран признают необходимость прокладки нескольких экспортных трубопроводов, по которым потечет ранняя и большая нефть, поскольку выбор в пользу одного маршрута поставит прикаспийские государства в жесткую зависимость от страны, через которую будет экспортироваться нефть.

Цель Ирана – обеспечить долю в каспийских нефтяных и газовых ресурсах, стать главной транзитной страной. Для ее достижения Иран демонстрирует высокий уровень прагматизма, почти лишенного идеологической риторики. Именно поэтому Иран, как и Россия, заинтересован в экономической и политической стабильности в Закавказье, легитимизации местных режимов. Ведь закавказские государства – выгодный и малоосвоенный рынок для иранского ненефтяного экспорта.

Что касается проблем *военно-стратегического сотрудничества Ирана с государствами Закавказья,* то здесь приоритет принадлежит России и Турции. Расширение военного сотрудничества с Турцией позволяет Азербайджану, а также Грузии сближаться с НАТО: в этом случае нефтяные проекты Закавказья попадают под защиту системы безопасности Запада. Прокладывая альтернативные транспортные магистрали, Иран, Россия и Армения способны создать определенный противовес продвижению НАТО в Закавказье.

Но безопасность – достаточно сложный феномен, не сводящийся только к военной сфере. Он включает в себя политические, экономические, информационно-идеологические составляющие, имеет человеческое измерение. Поэтому есть другие возможные сферы взаимодействия Ирана и России в Закавказье в плане достижения стабильности в регионе: защита окружающей среды, совместные проекты по очистке Каспия от промышленного загрязнения и другие.

Подытоживая сказанное, хотелось бы отметить, что Иран и Россия на данном историческом отрезке нуждаются друг в друге, тем более, что возможности Ирана ограничены, и сегодня существуют определенные пределы для активизации его деятельности в Закавказье. Именно поэтому координирование действий Ирана с Россией, остающейся, несмотря на нынешнее ослабление, влиятельной военно-политической силой в регионе, пошло бы на пользу обеим сторонам.

Следует учитывать также, что и Россия, и Иран, несмотря на сходство своих представлений и подходов к формирующейся системе безопасности в Закавказье, преследуют прежде всего собственные национальные интересы и приоритеты, которые не обязательно будут совпадать по всем параметрам.

[1] См. подробнее: Л.Евграшина. Что можно ждать от кисловодской встречи в верхах? // Зеркало. Баку. – № 22. – 01.06.1996. – С. 5; Т.Касимова. Кисловодская конференция: шаг к миру или предвыборный ход? // Там же, № 23, 08.06.1996, с. 10; С.Тарасов. Вершить мир в Абхазии могут поручить «герою» Буденновска. Москве «новые чеченцы» милее «старого» Шеварднадзе // Сегодня. 04.06.1996.

[2] А.Гаджизаде. В Баку удовлетворены итогами саммита // Независимая газета. 24.11.1999; Она же. Две инициативы. Система региональной безопасности на южном Кавказе: взгляд из Баку // Там же. 18.12.1999; А.Джилавян. Кавказский саммит в Москве // Там же. 19.01.2000.

[3] М. Виноградов. Предвыборное потепление отношений между Москвой и Тбилиси // Русская мысль. Париж, № 4302, 27.01.2000.

[4] А.Гаджизаде. Две инициативы// Независимая газета. 18.12.1999.

[5] С.Новопрудский. Сектор нефти // Финансовые известия. № 25, 06.05.1999. – С. 2. См. также: О.Ауезов. Каспий никак не могут поделить // Деловая неделя. Алма-Ата, № 18, 07.05.1999.

[6] Новый нефтяной порядок неминуемо приведет к геополитическим изменениям // Содружество НГ. Приложение к «НГ». № 10, ноябрь 1998. – С. 10.

Н.М.Мамедова

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИРАНА КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА С РОССИЕЙ

Понятие экономического потенциала весьма многогранно, оно включает самые различные аспекты. В данной статье сделана попытка осветить те из них, которые могут дать представление об Иране как объекте международного сотрудничества и как экономическом партнере России – с точки зрения движения его экономического потенциала в период нахождения у власти президента Мохаммада Хатами. Небезынтересным в этой связи может оказаться и сопоставление данных по Ирану с соответствующими показателями по России.

На рубеже веков образуется глобальное информационное и коммуникационное пространство, мировая финансовая система, все больший количественный и качественный вес и в мировой экономике и в национальных экономиках обретают многонациональные корпорации. Эта тенденция мирового развития, базой которого стали европейские ценности, как бы предполагает и постепенную унификацию стран. Однако этой направленности противостоит и другая, связанная с поиском национальной идентичности, выбором альтернативных путей развития (это и концепции «буддийской» экономики, « исламской экономики», «конфуцианского капитализма» и т.п.). И эта тенденция в перспективе может изменить существующий сейчас в мире цивилизационный баланс.

В связи с этим все более возрастает роль такой составляющей экономического потенциала, как экономическая политика страны, которая отражает видение не только конкретных экономических задач, но и мировых процессов, и места Ирана в этих процессах. Для развития отношений Ирана и России важно то, как эти обе страны видят себя во взаимосвязи не только друг с другом или на региональной основе, но и в сопряжении с мировыми процессами.

Совершенно очевидно, что и Россия, и Иран стремятся сохранить свою идентификацию, болезненно воспринимают идею монополярного мира, выдвигая и поддерживая модель многополярного мира, которая психологически в большей степени щадит национальное самосознание. Более того, идея многополярности мира обосновывается нашими странами именно принципами глобализации, которая требует свободной конкуренции и противопоставляет себя любому проявлению монополизации.

При этом обе страны – и Иран, и Россия – отчетливо осознают:

а) что происходящие процессы глобализации объективны, и необходимо их использовать для увеличения своего технико-экономического потенциала, для повышения качества жизни;

б) что в настоящее время, особенно в свете произошедших в 1998-1999 годах кризисов в переходных экономиках многих стран, в мире практически существует один полюс военно-экономической силы – США и НАТО. И это необходимо признать при выработке экономических программ и в России, и в Иране;

в) чтобы создать новые полюса силы, прежде всего нужно добиться укрепления экономического потенциала. При этом игнорировать, отгораживаться от мирового хозяйства или наращивать экономический потенциал преимущественно за счет военного компонента – контрпродуктивно, и это наглядно показал исторический опыт и России, и Ирана.

Каким образом это очень схожее видение глобализации может повлиять на экономическое сотрудничество России и Ирана?

Прежде всего – путем координации их действий в работе международных организаций, усиление роли которых является одним из проявлений глобализации. И Россия, и Иран участвуют в различных региональных экономических организациях, и интересы, преследуемые в работе этих организаций, было бы целесообразно соотносить с задачами развития российско-иранских связей. Это не значит, что нужно отказываться от собственных национальных устремлений ради другой страны, но пытаться сблизить интересы можно и нужно. К сожалению, стали предметом специального анализа степень и последствия соотнесенности интересов России и Ирана в реализации проектов «Голубой поток», Транскаспийского газопровода, газопровода из Ирана в Турцию. Возможный учет интересов стран, задействованных в этих проектах, способен обеспечить безопасность в регионе, в противном случае их игнорирование может стать катализатором напряженности. Для обоснования проектов трубо- и нефтепроводов через территории России и Ирана целесообразно шире привлекать международные и региональные организации.

Работа в международных организациях, переговоры с ними (например, Иран вел переговоры на разных уровнях с АСЕАН, ЭКОСОС, ССАГПЗ и др., сейчас видимо вплотную будет ставиться вопрос об участии в Мировой Торговой организации) являются одним из путей налаживания отношений с потенциальными инвесторами, завоевания их доверия, и это чрезвычайно важно сейчас и для Ирана, и для России, и для совместных инвестиционных проектов, особенно многосторонних. Обе страны заинтересованы в притоке иностранных инвестиций, эта заинтересованность признана одним из приоритетов экономической политики и в программе правительства Путина и правительства М. Хатами, несмотря на противодействие этому со стороны части политической элиты как в Иране, так и в России.

И к Ирану, и к России, особенно в свете событий в Чечне, в настоящее время мировое сообщество не испытывает, мягко говоря, полного

доверия. Поэтому необходимо более активно на различных уровнях – правительственном, особенно на общественном и научном, к которым западное общественное мнение прислушивается в первую очередь, – давать объяснение своего видения прав человека, своих национальных интересов. Они не всегда могут полностью совпадать с западноевропейскими представлениями, но и не противоречат им, признавая универсальность мировых ценностей. Это поможет реальному сближению и взаимопониманию.

Чрезвычайно важным представляется не только признание мировых тенденций экономического развития, но и выработка собственной экономической политики в соответствии с этими тенденциями: либо следование им, либо противостояние им, либо их творческое использование. Пожалуй, мы можем говорить о совпадении в этом отношении тенденций экономической политики. Главным направлением экономической политики и России, и Ирана в перспективе останется, с наибольшей долей вероятности, ее дальнейшая либерализация, поощрение рыночных механизмов, облегчающих взаимодействие с мировым рынком.

Достаточно сравнить основные положения экономической концепции правительства Хатами (о построении экономики с опорой на собственные силы) и, например, озвученные в Давосе в 2000 г. положения экономической программы правительства России, чтобы убедиться в совпадении наших экономических программ, иногда почти дословном.

Главной признана необходимость структурной реформы экономики, необходимость перейти к инвестированию в передовое в технологическом плане производство и, что важно, в человеческий капитал. Среди наших общих приоритетов – создание правовой среды, характерной для современной экономики, устранение барьеров, препятствующих равной конкуренции. И в России, и в Иране считают, что важнейшим элементом экономического потенциала должны стать такие составляющие современной экономической инфраструктуры, как, например, налоговая политика и налоговая система. И в Иране, и в России (особенно по мере увеличения доли нефтяных поступлений в бюджеты) из-за чрезвычайно высокой доли государственного сектора в экономике традиционно низка доля налоговых поступлений. Чрезвычайно ослаблена правовая налоговая обязанность в самом менталитете населения. Наиболее уязвимой статьей бюджетных доходов являются налоговые поступления от частного сектора. И в иранской, и в российской прессе обсуждается актуальность упрощения налогового законодательства, которое бы и снизило налоговый пресс, и упростило сбор налогов. Проблема снижения налогового пресса более актуальна для России, даже сейчас, когда предельная ставка на прибыль снижена с 35% до 30%, а частный сектор представляет в настоящее время не менее 70% российской экономики, т.е. даже больше, чем в Иране.

И в той, и в другой стране одинаково актуальным является вопрос об отмене различных налоговых льгот. Для Ирана это прежде всего относится к исламским фондам, фактически выведенным из под налогообложе-

ния, что в принципе противоречит курсу на построение рыночной экономики. Тем не менее, некоторый прогресс в прошлом году достигнут. Налог на прибыль фондов введен, и хотя он чисто номинальный, всего в размере 1% и не решает проблемы создания равных условий для конкуренции, но все же создает возможность сделать коммерческую деятельность фондов более открытой для иранского общества.

В качестве одного из важных приоритетов экономического развития и в России, и в Иране признана необходимость кардинального роста иностранных инвестиций. Существующее законодательство Ирана сдерживает их приток, так как иностранный капитал может владеть только 49% акций совместного предприятия. Особенно остро стоит вопрос об условиях привлечения иностранных инвестиций в отрасли, продукция которых крайне необходима и на мировом, и на иранском рынке, например, в нефтехимию. Специального закона о разделе продукции как форме возврата инвестиций фактически нет.

Похожая ситуация и в России. 18 мая 1999 г. Совет Федерации отклонил закон «Об иностранных инвестициях в РФ». Трудности прохождения этого закона в парламенте и отклонение его СФ стали одной из причин того, что объем инвестиций в 1 полугодии 1999 г. сократился до 4,3 млрд. долл. по сравнению с 7,7 млрд. долл. в 1 полугодии 1998 г.

Популистский характер иранского трудового законодательства, фактически запрещающий сокращение наемного труда даже в случае технологического обновления производства, также тормозит инвестиционный процесс.

Уязвимым местом иранской экономики остается банковская система. После национализации банков в 1979 г. и перевода их на новую форму деятельности – исламскую (или беспроцентную) – банковским законодательством Ирана до сих пор разрешено функционирование только государственных банков. Законодательство допускает открытие частных и иностранных банков в свободных зонах. Однако даже в них доля иностранного капитала ограничивается 49%. Именно трудности, связанные с ограничением банковских услуг для прямых коммерческих связей являются одной из причин сдерживания торговых связей России и Ирана. Опыт экономического развития в условиях 10-летнего периода рыночных реформ показывает, что деятельность банков должна стать более открытой, так как эффективность частного сектора невозможна в централизованной банковской системе. Фактически иранские банки превращены в холдинги государственных предприятий, заняты обслуживанием государственных структур. Возник ряд очень влиятельных, централизованных финансовых институтов. Это, на мой взгляд, одна из причин существующей высокой концентрации в экономике, ведущей к монопольным тенденциям. В августе 1999 г. газета «Хордад» писала о том, что всего 83 компании – частные и государственные – сосредоточили в своих руках большую часть капитала страны, но об их деятельности общество не имеет достаточной информации[1].

Нельзя не отметить и того, что в Иране сохраняется достаточно высокий уровень безработицы, который согласно официальной статистике, за последние годы составляет 11-15%. При высоких темпах прироста лиц рабочих возрастов (а Иран в результате всплеска рождаемости в первые послереволюционные годы превратился к началу нового тысячелетия в самую молодую страну мира) способность экономики абсорбировать эти притоки трудоспособного населения – одна из главных задач государства, основа сохранения социальной стабильности.

Тяжелым бременем остается и для России, и для Ирана внешний долг. В 2000 г. России на обслуживание внешнего долга необходимо около 15 млрд. долл., у Ирана величина чистого долга по состоянию на 2000 г. составляет 10,5 млрд. долл. В конце 1999 г. в поисках пути реструктуризации части внешнего долга (уже реструктурированного в 1994 г.) Иран обратиться к МВФ с просьбой о возможном получении «компенсационного займа». Вероятно, этот вопрос будет решен положительно.

Одной из гарантий твердости экономического потенциала можно считать стабильность социально-политической ситуации, предсказуемость политического курса, согласие политических и экономических элит общества.

К сожалению, ни в Иране, ни в России нет полного согласия по вопросам экономического развития, но разногласия касаются главным образом темпов реформ, но не их самих. Свидетельством этого является предвыборная борьба в России – в Думу, и в Иране – в меджлис 6 созыва. Даже окончательное утверждение 3-го пятилетнего плана и бюджета на 2000 г. было отложено до нового меджлиса. Именно политическими факторами можно объяснить макроэкономический популизм, который мы отмечаем и в России, и в Иране. Кстати, похожая ситуация наблюдается и в Турции, которая в отличие от анализируемых стран, лишь 10 лет назад перешедших к политике экономической либерализации, осуществляет ее уже два десятилетия. Недаром Рахми Коч, один из крупнейших предпринимателей страны, в мае 1999 г. заявил, что проблема Турции это не экономика, а политика[2].

Не менее важным элементом является расширение демократических структур в обществе, особенно свободы прессы, партий. М. Хатами постоянно заявляет, что только демократические реформы могут оживить экономику и привлечь иностранные инвестиции. «Невозможно проводить программу, направленную на экономическое развитие в неразвитом обществе… Думаете дело в экономике? По-моему, проблема в политической и социальной системах, которые не вызывают к себе доверия»[3].

Конечно, говоря об экономическом потенциале, мы не можем обойтись без макроэкономических данных, характеризующих экономическое развитие. Мы должны с сожалением признать, что последствия мирового финансового кризиса конца 1997 г. оказались весьма тяжелыми и для России, и для Ирана. Особенно негативную роль в развитии кризисных ситуаций в обеих странах сыграли цены на нефть и внешняя задолжен-

ность. Так, цены на иранскую сырую нефть упали почти до 10 долларов за баррель в 1998 – начале 1999 гг., что было самым низким уровнем цен за последние 20 лет. В конце 1998 – начале 1999 гг. ситуации и в Иране, и в России могут быть охарактеризованы как кризисные. И прогнозировалось их дальнейшее ухудшение.

В Иране кризис развивался не так бурно, но и принял более затяжной характер. За 1998 г. ВВП сократился (в постоянных ценах 1987 г.) на 2,3%. При этом основная тяжесть легла на население. Это видно из того, что объем потребления частного сектора снизился на 2,5%. Негативные последствия 1998 г. в определенной степени базировались на снижении валовых капиталовложений на 1,5%). Сокращение накопительной базы ВВП всегда для Ирана с его преимущественно капиталоемкими отраслями (нефтяная промышленность, нефтехимия, металлургия) – очень тревожный симптом, который чреват затяжными кризисными ситуациями. В 1998 г. резко (более чем на 5 млрд. долл.) сократились по сравнению с 1997 г. поступления от нефти (а по сравнению с 1996 г. более чем на 9 млрд. долл.), а только обслуживание внешнего долга составило в 1998 г. 4,5 млрд. долл. И хотя падение ВВП в 1999 г. по сравнению с 1998 г. было уже не столь значительным – всего на 0,5%, оно проходило на фоне продолжающегося сокращения частного потребления – на 2,0%, и следовательно, падения жизненного уровня населения[4].

Российская экономика, возможно, из-за того, что правительство перестало поддерживать курс рубля, не имея фактически для этого необходимых валютных резервов, стала отчасти носить протекционистский характер по отношению к собственному производству, которое из-за повышения цен на импортную продукцию стало более конкурентным.

ВВП в России вырос за 1999 г. более чем на 2%, промышленное производство, по разным оценкам, – от 3 до 8%, стабилизировались курс рубля и инфляция. Доходы федерального бюджета составили 13,3% ВВП (бюджет 1999 г. сократился до 20 млрд. долл.). Выросло положительное сальдо торгового баланса, увеличились доходы от нефти (хотя показатель бюджетной эффективности от прироста цены на нефть не превышает в России 10%)[5].

По разным оценкам рост ВВП в Иране в 2000 г. может составить от 1,5 до 2,1%, а уровень инфляции будет не больше 25%[6]. Иран остается достаточно привлекательным для иностранных инвесторов, хотя размер ВВП на душу населения не превысит в 2000 г. 1500-1800 долл. Но Иран в первую очередь представляет интерес не столько как потенциальный импортер потребительских товаров, а как рынок для инвестиций промежуточных полуфабрикатов и как поставщик энергоресурсов.

Показателем такого интереса стали заключенные в 1999 г. контракты и то, что США недавно поднимали вопрос об открытии консульства в свободной зоне. В марте США начали размораживать иранские авуары, смягчать эмбарго на торговлю с Ираном.

В 1999 г. контракты на разработку нефтяных месторождений подписали французская «Elf Aquitaine» и итальянская «ENI» (540 млн. долл. – Доруд в северной части Персидского залива. Контракт заключен по схеме «бай-бэк»). «Elf Aquitaine» и канадская «Bow Valley» подписали контракт на 300 млн. долларов.

Группа «Royal Dutch / Shell», одна из самых больших в мире частных нефтяных компаний, собирается инвестировать около 1 миллиарда долларов в разработку двух месторождений в Иране – Соруше и Ноурузе. Согласно «Middle East Economic Survey», «Shell» намерена инвестировать средства в несколько проектов. Это тем более знаменательно, что присутствие компании «Shell» в США очень значительно благодаря деятельности ее отделения «Shell Unit», на долю которого приходится около одной пятой всех активов группы.

Кроме «Shell», заявки на восстановление и разработку месторождений, каждое из которых может давать до 100 тыс. баррелей в день, подали испанская «Repsol», британская «Enterprise Oil», итальянская «Edison»– эти оба проекта сравнительно небольшие. «Shell» работает также над проектом по разработке нефти в иранской части шельфа Каспийского моря.

Иранская нефтехимическая компания (ИНК) в 1999 г. подготовила тендеры на строительство 10 нефтехимических заводов. ИНК провела предварительную оценку стратегического плана по выполнению проектов – как выставленных на тендеры, так и потенциальных. Предварительная оценка составила 15 млрд. долларов.

Иран продолжает сохранять значительный импортный потенциал, являясь крупным покупателем оборудования, полуфабрикатов и продовольствия. Сохраняющиеся цены на нефть делают его платежеспособным. В 1998/99 г., даже в условиях кризиса, иранский импорт составил 14,5 млрд. долл., в том числе 6,1 млрд. долл. было потрачено на закупки оборудования, 6,3 – полуфабрикатов, 2,1– продовольствия. Ненефтяной экспорт оценивался в 3,1 млрд. долл., из которых 1/3 составили промышленные товары. Так, только за 9 месяцев 1999 года Иран, по словам М.Нурбахша, потратил на коммерческий импорт почти 9 млрд. долл., из которых 2,34 – на оборудование, 0,6 – на пшеницу и сахар, 376 млн. долл. – на нефтепродукты.

Таким образом, обе наши страны сумели смягчить последствия кризиса и выработали во многом совпадающие стратегические перспективы развития. При этом, сохранив заинтересованность в развитии импортзамещающих производств, основную перспективную задачу видят в развитии экспорта продукции. Иран рассчитывает довести в ближайшие год-два ненефтяной экспорт до 5 млрд. долл. и выше.

Структура промышленного производства в наших странах в ближайшие годы, видимо, не претерпит существенных перемен.

Россия сохраняет высокий потенциал в области технологий и особенно подготовки научных кадров.

Но все более отчетливо проступает другая тенденция экономического развития наших стран – не столько взаимодополняемость, сколько сближение как по общим направлениям развития, так и по отраслевой направленности. И этот фактор должен учитываться при прогнозировании наших связей. Российская экономика – это экономика переходного периода, государственные инвестиции, как в 70-е годы, не могут стать в настоящее время основой экономического сотрудничества, и более перспективным как раз и может быть привлечение частного российского капитала. Но этому капиталу нужны в первую очередь законодательные гарантии его безопасности, возможность равноправного (вместе с иранскими компаниями) допуска на иранский рынок, к иранской инфраструктуре. Ограничение сфер деятельности одними свободными зонами, к тому же меняющими правила игры, не совсем продуктивно для Ирана как страны с ограниченным внутренним рынком.

Химия, нефтехимия, транспортировка энергоносителей, производство транспортных средств, включая авиастроение, металлургия – перспективные для мирового рынка отрасли, на которые делают ставку и Россия, и Иран. И это тоже одна из причин необходимости согласования наших действий на разных уровнях, чтобы укрепить совместные позиции на мировом рынке и сотрудничество на рынках друг друга.

Общая задача – облегчить любыми средствами выход из кризиса переходного периода, создать стабильную экономическую зону, которая помогла бы удержать весь регион в состоянии политической стабильности.

[1] Хордад, 19.08.1999.

[2] Ближний Восток и современность. – М., 1999. – С. 184.

[3] Khatami says democracy needed for growth. Reuters, Tehran, September 3. 1999; А. Обухова. Инвестиционный климат в Иране. // Ближневосточный сборник. – М., 1999.

[4] EIU Country Risk Service. 2nd quarterly 1999.

[5] НГ, 04.02.2000.

[6] Мир в 2000 г., с. 37.

[7] Iran News, 22.08.1999.

[8] Иран, 17 азара, 1378 г.

В.П.Цуканов

О НЕКОТОРЫХ ФАКТОРАХ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКО-ИРАНСКОГО ТОВАРООБОРОТА

До недавнего времени развитие российско-иранских экономических связей выглядело весьма удовлетворительным, перспективы расширения двусторонней торговли рисовались и государственными, и частными партнерами в самых радужных тонах. Действительно, четыре-пять лет назад товарооборот между Россией и Ираном составлял приблизительно 200 млн. долл. К концу 1998 г. объем торговли превысил 500 млн. долл., что послужило поводом говорить о появлении тенденции к постоянному расширению экономического взаимодействия двух стран. Между тем на заседании «круглого стола» в выступлениях представителей МИД и Минторга РФ была высказана озабоченность снижением товарооборота в 1999 г. на 20-25% против предыдущего года. Эта обеспокоенность по поводу текущего состояния российско-иранской торговли имеет более чем достаточное основание. На наш взгляд, она является показателем того, что в настоящее время экономические отношения между Россией и Ираном в очередной раз проходят критическую точку, от которой дальнейшее движение возможно или по нарастающей или по убывающей траектории.

Одним из главных факторов нормализации экономических связей с Ираном стало подписание в декабре 1995 г. межправительственного Протокола об урегулировании взаимных финансовых обязательств России и Ирана. В этом документе благодаря настойчивости российской стороны была зафиксирована такая гибкая формула расчетов, которая в условиях бесклиринговой торговли позволила, во-первых, перевести межгосударственный сектор торговли на коммерческую основу, во-вторых, решив проблему текущих платежей, дала возможность поддерживать расширение товарооборота до конца 1998 г. Прирост торговли в основном питался за счет поступлений, связанных с реализацией контрактов на расширение теплоэлектростанций, ранее построенных при техническом содействии СССР в г. Исфагане и г. Ахвазе. Свой вклад в объем торговли внесли и так называемые поставки специмущества. Сегодня оба вышеназванных источника в силу договорно-юридических причин исчерпаны практически полностью. Несмотря на коммерческую масштабность контракта по постройке АЭС «Бушер-1», было бы трудно надеяться на существенную подпитку нашего экспорта в Иран за счет платежей по этому контракту, поскольку достройка атомной станции займет несколько лет. Мы расцениваем сегодняшнее состояние российско-иранской торговли как перелом-

ное, именно исходя из степени обеспеченности товарооборота крупными контрактами.

Стало обыденным мнение, что в настоящее время отношения между Россией и Ираном в области взаимодействия по ряду важных политических проблем регионального и мирового масштаба обогнали отношения в сфере экономического сотрудничества. Такого рода высказывания совершенно справедливы, если иметь в виду постоянно присутствовавший, особенно в новейшей истории наших стран, фактор теснейшего взаимодействия политики и экономики в двусторонних торговых связях. В этом взаимодействии внешняя торговля почти с функциональной зависимостью отражала амплитуду колебаний, имевших место в политических отношениях между странами на государственном уровне. Сегодня своеобразное политико-экономическое единство указанных процессов оказалось нарушенным по целому ряду объективных и субъективных (в смысле государственного регулирования внешней торговли) причин.

Оставляя в стороне политическую и экономическую ситуацию в России последних лет, положительные и отрицательные характеристики которой достаточно хорошо известны, несколько подробнее коснемся иранской действительности.

Исламский режим со дня своего возникновения и поныне демонстрирует способность сохранять социально-политическую обстановку в стране относительно стабильной. Между реформаторскими и консервативными силами, представленными практически во всех структурах высшей государственной власти, установилось известное равновесие, которое поддерживалось и продолжает поддерживаться обоюдной заинтересованностью противостоящих группировок избежать открытого втягивания общества в силовое разрешение вопроса об изменении курса социально-экономического развития страны. Именно по этой причине реформы во внутренней и внешней политике кабинета М.Хатами не стали радикальными, а приобрели характер неустойчивого «дрейфа» в сторону либерализации политической и экономической жизни в Иране. Полагаем, что меджлис нового созыва (очередные выборы состоялись в марте 2000 г.), даже если он будет последовательно придерживаться реформаторской линии сегодняшнего президента Ирана, вряд ли сможет добиться претворения в жизнь каких-либо законопроектов, которые, как надеется Запад, способствовали бы «размыванию» исламского режима в стране.

Для правительства и парламента Ирана задачей номер один является стабилизация экономики. Несмотря на некоторое улучшение конъюнктуры нефтяного рынка (с февраля 1999 г.) в пользу экспортеров нефти, экономическое положение Ирана остается тяжелым. Поступления в бюджет от экспорта нефти и газа в 1998/99 г. (календарный и финансовый год в Иране начинается 21 марта) снизились по сравнению с предыдущим годом более чем на одну треть и составили 9,5 млрд. долл. Сокращение выручки от экспорта нефти отрицательно сказалось на реализации программ развития и состоянии экономики в

целом. В иранской печати отмечается значительная недогрузка промышленных предприятий, нехватка у них оборотных средств и трудности с получением необходимых банковских кредитов. Ситуация в экономике усугубилась еще и из-за сильной засухи, которая летом 1999 г. почти повсеместно поразила посевы основных сельскохозяйственных культур (пшеница, ячмень, рис). Бюджетные затраты на так называемый неотложный импорт в целях восполнения дефицита продовольствия в 1999 г. оцениваются в сумму не менее 3,5 млрд. долларов.

Неблагоприятным выглядит положение дел и во внешней торговле Ирана. На конец марта 1999 г. (и это впервые за несколько последних лет) торговый баланс страны был сведен с отрицательным сальдо в размере почти 1,0 млрд. долл., а платежный баланс имел дефицит в 1,6 млрд. долл. Снова появилась тенденция к росту внешней задолженности: на конец июня 1998 г. внешний долг составлял 12,2 млрд. долл., а через год (июнь 1999 г.) он увеличился до 14,1 млрд. долл. Выполнение обязательств по погашению текущих платежей, связанных с обслуживанием внешнего долга, оказалось чрезмерным для валютных ресурсов и резервов страны. Центральный банк Ирана после многократных задержек по импортным расчетам оказался вынужденным начать переговоры со странами – основными кредиторами (Германия, Италия, Япония) о повторном рефинансировании долга. Первая волна реструктуризации внешней задолженности Ирана приходится на период 1994-1995 гг.

Необходимость в оздоровлении платежного баланса и потребность в расширении нормы накопления (в настоящее время она составляет 16,0% от ВВП) заставляет иранское правительство принимать меры по привлечению инвестиционных средств из-за рубежа (особенно для развития топливно-энергетического комплекса) на условиях долгосрочного кредитования по типу «файнанс» и «бай-бэк». Уже с 1998 г. Иран заметно активизировал контакты со странами ЕС (Великобритания, Германия, Испания, Италия, Нидерланды, Франция) и Японией. Согласно некоторым экспертным оценкам, несмотря на действие известного закона Д'Амато, возможный приток капитала на условиях сделок «файнанс» и «бай-бэк» за период 4-5 ближайших лет может составить в совокупности не менее 7-8 млрд. долл. Такие оценки могут показаться преувеличенными, если бы не одно обстоятельство. Складывается впечатление, что применение Америкой санкций против стран и собственных фирм, нарушающих положения упомянутого закона Д'Амато, приобретает все более избирательный характер. Так, администрация США согласилась оставить без последствий действия французской компании «Тоталь», которая, создав при своем лидерстве консорциум с участием компаний «Газпром» (РФ) и «Петронас» (Малайзия), в 1997 г. подписала с Ираном контракт стоимостью более 2,0 млрд. долл. на разработку второй и третьей очередей газового месторождения «Южный Парс» на шельфе Персидского залива. В ноябре 1998 г. администрация США приняла решение отказаться от контроля за сделками американских компаний с Ираном в области нефтехимической про-

мышленности. Таким образом, уже в настоящее время постепенно создаются вполне реальные предпосылки для более активного развития экономических связей Ирана с европейскими странами и Японией, а в более отдаленной перспективе -условия для восстановления присутствия на иранском рынке и американских фирм.

По нашему мнению, финансово-экономические тенденции, которые сегодня определяют географическую ориентацию внешнеторговых потоков России и Ирана, не способствуют расширению взаимного товарооборота. Однако при некоторых обстоятельствах вполне возможно придать российско-иранской торговле продуктивный стимул, рассчитанный на долговременное воздействие. Для этого достаточно обратить внимание на те возможности, использовать которые можно уже сейчас, не ожидая пока экономическая конъюнктура в России и Иране сделает развитие взаимных экономических связей спонтанным процессом.

Первая возможность – налаживание полнокровного прямого взаимодействия между банковскими системами двух стран. Среди российских и иранских торговых партнеров бытует шуточное, но справедливое высказывание, что наши банки сотрудничают на основе принципа взаимного недоверия. Действительно, ничем другим нельзя объяснить факт отсутствия даже корреспондентских межбанковских отношений, не говоря уже о других, более развитых формах банковского сотрудничества. Разумеется, с точки зрения иранского бизнесмена молодая банковская система, возникшая в постсоветской России, не обладает репутацией надежности, которая имеется, скажем, у известных своей многовековой историей европейских банков. Встречная претензия заключается в том, что банковская система Ирана, несмотря на полную принадлежность к государственному сектору, отнюдь не гарантирует своевременности в осуществлении расчетов по внешним платежам. На наш взгляд, выход из порочного круга взаимного недоверия в банковской сфере возможен, если центральные банки двух стран разработают и подпишут хотя бы рамочное соглашение о поддержке сотрудничества между коммерческими банками России и Ирана. В этом направлении уже предприняты определенные шаги. Так, иранский «Мелли-Банк» представил на регистрацию заявку на создание в Москве своего отделения, на стадии практического обсуждения находится и вопрос об организации совместного российско-иранского банка. Считаем, что особенности иранского законодательства, регулирующего банковскую деятельность, предрасполагают к тому, чтобы такой совместный банк был зарегистрирован на территории России.

Вторым фактором, который может стимулировать расширение торговли и который до настоящего времени остается неиспользованным, является сотрудничество между торгово-промышленными палатами двух стран. Известно, что на протяжении многих десятилетий в Иране существует совместная Ирано-российская торговая палата. Ее деятельность во времена Советского Союза поддерживалась в финансовом отношении государством, а со стороны Ирана – взносами иранских бизнесменов, тор-

гующих с «северным соседом». В постсоветский период финансовое участие РФ в деятельности совместной Палаты было утрачено. Однако иранские торговцы, ориентирующиеся на Россию, сохранили институт совместной Палаты виртуально, то есть предполагая сотрудничество с российской ТПП там, где это сотрудничество фактически отсутствует. Другими словами, совместная Палата работает ныне в режиме, автономном от решения функциональных задач российской ТПП. «Фонд содействия российско-иранскому сотрудничеству», располагая обширными каналами влияния, в состоянии, на наш взгляд, оказать действенную помощь в решении вопроса о восстановлении юридически полноправного членства российской стороны в совместной торговой Палате. Такая помощь была бы более чем своевременной, поскольку среди деловых кругов и России, и Ирана давно уже созрела идея о создании, возможно, на совместных началах Центра коммерческой информации. Естественно, без участия торгово-промышленных палат двух стран сбор и распространение информации о рынках, интересующих или способных заинтересовать партнеров, вряд ли окажутся достаточно эффективными.

В качестве третьего стимулирующего фактора можно назвать развитие сотрудничества между отдельными регионами России и Ирана. Контакты с иранской стороной субъектов Российской Федерации, в частности, Екатеринбурга, Кировской и Московской областей, за исключением Астраханской области, не привели к практически ощутимым результатам. В большинстве случаев главной причиной неудачи было отсутствие у потенциальных партнеров необходимой информации об условиях функционирования рынков двух стран, а также незнание экспортно-импортных потребностей соответствующих регионов. «Фонд содействия российско-иранскому сотрудничеству», как представляется, готов помочь в устранении названных недостатков, включив в свои функции проведение предварительного изучения товарных рынков в соответствующих регионах России и Ирана. В аспекте межрегионального сотрудничества отметим еще один момент. Известно, что в настоящее время наша двусторонняя торговля базируется на расчетном принципе «против товара – деньги» и, желательно, в форме предоплаты. Естественно, после перевода внешнеэкономической деятельности в России на рыночные условия вопрос о возобновлении клиринга на государственном уровне не может быть решен положительно. Между тем на региональном уровне, как нам представляется, идея об использовании частичного клиринга, то есть бартерных сделок по заранее согласованному перечню товаров, заслуживает рассмотрения.

За последние годы Россия и Иран предприняли значительные усилия для укрепления нормативно-правовой базы экономического сотрудничества. Достаточно упомянуть подписание Соглашения об избежании двойного налогообложения и парафирование Соглашения о взаимной поддержке и поощрении инвестиций. На очереди сейчас стоит подготовка межправительственного документа о долгосрочном торгово-экономическом сотрудничестве. Узловой частью этого документа является

перечень конкретных проектов, в реализации которых стороны намереваются сотрудничать. Опыт прошлых лет подсказывает, что практическое значение такого реестра зависит от включения в него объектов с надежными и предварительно оговоренными источниками финансирования. Определение гарантированной финансовой базы также позволит сторонам сопроводить всю программу долгосрочного сотрудничества условием обязательного ее выполнения.

Для всех указанных выше факторов интегрирующую роль играет возобновление работы межправительственной Комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству, включая деятельность всех ее рабочих органов (подкомиссий, комитетов, рабочих групп). По нашему мнению, в настоящий момент залогом эффективного функционирования Комиссии является наличие у сторон реальной политической воли, которая и должна предопределить принятие политических решений, согласуемых с заявлениями руководителей двух стран относительно приоритетного развития двусторонних экономических связей. Не секрет, что при отборе исполнителей того или иного крупного проекта, особенно в топливно-энергетическом комплексе Ирана, российским компаниям часто уже заранее отводится место аутсайдеров. Изменение подобной практики требует вмешательства именно на политическом уровне. Ближайшим результатом стало бы значительное оживление российско-иранского экономического сотрудничества по таким главным направлениям, как торговля товарами, услугами и технологиями, лизинговые операции, оказание технико-экономического содействия в реализации крупных промышленных проектов, налаживание устойчивых экономических связей между регионами двух стран.

СОДЕРЖАНИЕ

И.Ю.АВДАКОВ
ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ АРАБСКИХ СТРАН 3
В.И.ГУСАРОВ
ГИПЕРМИГРАЦИЯ «ЮГ – СЕВЕР» 6
В.И.ДАНИЛОВ
МЕТАМОРФОЗЫ ТУРЕЦКОГО НАЦИОНАЛИЗМА 20
А.Ю.ЖУРАВЛЕВ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ИСЛАМА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ 36
В.А.ИСАЕВ
РОССИЙСКИЙ И АРАБСКИЙ ГАЗ: ПАРТНЕРЫ ИЛИ СОПЕРНИКИ? 44
Л.С.КЕВОРКОВ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САНКЦИИ ПРОТИВ ЛИВИИ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ 60
Н.Г.КИРЕЕВ
ТУРЕЦКАЯ ДЕЛОВАЯ ЭЛИТА О ТУРЕЦКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ 70
В.В.КУДЕЛЕВ
ИСЛАМИСТСКИЕ ПАРТИИ АЛЖИРА: ВТОРОЕ ПОКОЛЕНИЕ 115
Н.М.МАМЕДОВА
НОВЫЙ ЭТАП ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ИРАНА
(ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ – ХОД И РЕЗУЛЬТАТЫ) 123
И.В.МАСЮКОВА
ИЗРАИЛЬ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ: РОЛЬ ИММИГРАНТОВ ИЗ СТРАН СНГ
В РАЗВИТИИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА 133
А.С.НАДЕЖДИН
БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САММИТЫ (ИНТЕГРАЦИОННЫЕ
ПРОЦЕССЫ В ЭКОНОМИКЕ РЕГИОНА) 143
М.А.НОВГОРОДОВА
ВЗАИМНАЯ ТОРГОВЛЯ ИЗРАИЛЯ, ПАЛЕСТИНЫ И ИОРДАНИИ:
ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ 159
К.И.ПОЛЯКОВ
ОБЪЕДИНЕННЫЙ ЙЕМЕН: ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕОЛОГИИ И ИСЛАМ 170
К.И.ПОЛЯКОВ
ИСЛАМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ АЛЬ-АЗХАР: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ 193
К.И.ПОЛЯКОВ, А.Ж.ХАСЯНОВ
ПРОБЛЕМА СТАБИЛЬНОСТИ СИРИИ В XXI ВЕКЕ 205
В.И.САЖИН
ИРАНСКАЯ «ПЕРЕСТРОЙКА» И США (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА) 214
Е.И.УРАЗОВА
К ОЦЕНКЕ РОЛИ ИСЛАМСКИХ ИДЕЙ И КАПИТАЛОВ В ТУРЕЦКОЙ ЭКОНОМИКЕ 223
А.В.ФЕДОРЧЕНКО
ФОНДОВЫЕ РЫНКИ БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ СТРАН: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ 234
К.З.ХАМЗИН
ПЯТЬ ЛЕТ МИРА: ИОРДАНО– ИЗРАИЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1994-1999 ГГ. 250

МАТЕРИАЛЫ РАБОЧЕГО СОВЕЩАНИЯ
СЕКТОРА ТУРЦИИ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
(Москва, январь 2000 г.)

«СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА ТУРЦИИ» 278

Н.Ю.УЛЬЧЕНКО
ДИНАМИКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В ТУРЦИИ В 1999 Г.
И ПЕРСПЕКТИВЫ НА 2000 Г. 279

Е.И.УРАЗОВА
ФИНАНСОВАЯ ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ В ТУРЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ 284

О.В.ПЛАКСИН
ТУРЦИЯ – МВФ: НОВАЯ ПРОГРАММА ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ 292

Н.Г.КИРЕЕВ
СОХРАНИЛСЯ ЛИ В ТУРЦИИ ГОССЕКТОР? НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ПРИВАТИЗАЦИИ 300

Ю.А.ЛИ
НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ ТУРЦИИ:
ПОЯВЛЕНИЕ ЧАСТНЫХ ВУЗОВ 310

В.К.ЕГОРОВ
РОССИЯ И ТУРЦИЯ: ЛИНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ 320

Б.М.ПОЦХВЕРИЯ
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ 330

С.Л.ЛОГУНОВА
ДОГОВОРНЫЕ ОСНОВЫ И ПРАКТИКА РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
ТУРЦИИ И КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ. 340

МАТЕРИАЛЫ ШЕСТОГО ЗАСЕДАНИЯ
РОССИЙСКО-ИРАНСКОГО «КРУГЛОГО СТОЛА»,
Москва 15-16 февраля 2000 г.

346

А.Ю.УМНОВ
АФГАНИСТАН В ПОЛИТИКЕ МОСКВЫ И ТЕГЕРАНА 347

Д.Б.МАЛЫШЕВА
ИРАН И ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЗАКАВКАЗЬЯ 351

Н.М.МАМЕДОВА
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИРАНА КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА С РОССИЕЙ 360

В.П.ЦУКАНОВ
О НЕКОТОРЫХ ФАКТОРАХ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКО-ИРАНСКОГО
ТОВАРООБОРОТА 368

CONTENTS

I.AVDAKOV
RAILWAY TRANSPORT IN THE ARAB COUNTRIES 3
V.GUSAROV
HYPER MIGRATION "SOUTH – NORTH 6
V.DANILOV
METHMORPHOSIS OF TURKISH NATIONALISM 20
A.ZHURAVLEV
ECONOMIC MODEL OF ISLAM: SOME THEATURES OF THEORY AND PRACTICE 36
V.ISAEV
RUSSIAN AND ARAB GAS: PARTNERS OR RIVALS? 44
L.KEVORKOV
ECONOMIC SANCTIONS AGAINST LYBIA AND THEIR CONSEQUENCES 60
N.KIREEV
TURKISH BUSINESS ELITE ON TURKISH-RUSSIAN RELATIONS 70
V.KUDELEV
ISLAMIST PARTIES IN ALGERIA: SECOND GENERATION 115
N.MAMEDOVA
NEW STAGE IN POLITICAL LIFE IN IRAN
(PARLIAMENT ELECTIONS, THEIR COURSE AND RESULTS) 123
I.MASJUKOVA
ISRAEL ON THE EDGE OF CENTURIES: ROLE OF IMMIGRANTS FROM CIS IN
DEVELOPMENT OF SIENTIFIC AND TECHNICAL POTENTIAL 133
A.NADEZHDIN
MIDDLE EASTER ECONOMIC SUMMITS (INTEGRATIONAL PROCESSES
IN REGIONAL ECONOMY) 143
M.NOVGORODOVA
TRADE BETWEEN ISRAEL, PALESTINE AND JORDAN:
LAST, PRESENT AND FUTURE 159
K.POLJAKOV
THE UNIFIED YEMEN: EVOLUTION OF IDEOLOGY AND ISLAM 170
K.POLJAKOV
THE ISLAMIC UNIVERSITY AL-AZHAR: TRADITIONS AND MODERNITY 193
K.POLJAKOV, A.HASJANOV
PROBLEM STABILITY IN SYRIA IN THE XXIST CENTURY 205
V.SAZHIN
"PERESTROIKA" IN IRAN AND THE USA (PRIMARY APPROACH TO THE PROBLEM) 214
E.URAZOVA
ON EVOLUTION OF ROLE OF ISLAMIC IDEAS AND CAPITALS IN TURKISH ECONOMY 223
A.FEDORCHENKO
FINANCIAL MARKETS IN THE MIDDLE EASTERN COUNTRIES:
STATE AND PERSPECTIVES 234
K.HAMZIN
FIVE YEARS OF PEACE: JORDANO-ISRAELI RELATIONS IN 1994-1999 250

PAPERS OF WORKSHOP HELD BY DEPARTMENT OF TURKEY IN THE INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES (JANUARY 2000) "CONTEMPORARY ECONOMY AND POLICY IN TURKEY" 278

N.ULTCHENCO
DYNAMICS OF ECONOMIC GROWTH IN TURKEY IN 1999 AND ITS PERSPECTIVES IN 2000 279

E.URAZOVA
FINANCIAL DESTABILIZATION IN TURKEY AND PERSPECTIVES OF ITS OVERWHELMING 284

O.PLAKSIN
TURKEY AND IMF: NEW PROGRAM OF ECONOMIC REFORM 292

N.KIREEV
IS PUBLIC SECTOR STILL EXISTING IN TURKEY? SOME CONSEQUENCES OF PRIVATIZATION 300

JU.LEE
NEW TENDENCIES IN EDNCATIONAL SYSTEM IN TURKEY: THE RISE OF PRIVATE HIGHER EDUCATION 310

V.EGOROV
RUSSIA AND TURKEY COURSE OF CONTRADICTIONS 320

B.POTZHVERIA
SOME ASPECTS OF TURKISH FOREIGN POLICY 330

S.LOGUNOVA
AGREEMENT FOUNDATIONS AND PRACTICAL ASPECTS OF DEVELOPMENT OF ECONOMIC RELATIONS BETWEEN TURKEY AND KABARDIN-BALKAR REPUBLIC 340

PAPERS OF THE 6-TH SESSION ON RUSSIAN-IRANISH ROUND TABLE MOSCOW 15-16-TH FEBRUARY 2000 346

A.UMNOV
AFGHANISTAN IN POLICY OF MOSCOW AND TEHRAN 347

D.MALISHEVA
IRAN AND PROBLEMS OF NATIONAL SECURITY IN TRANSCAUCASIA 351

N.MAMEDOVA
ECONOMIC POTENTIAL OF IRAN AS A FACTOR OF ECONOMIC COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND IRAN 360

V.TSUKANOV
ON SOME FACTORS SUPPORTING RUSSIAN-IRANIAN COMMODITY EXCHANGE 368

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

1995 г.

1. **А.З.Егорин** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально–экономического и общественно–политического развития" (Совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас)** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев** "Объединенные Арабские Эмираты".
15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып.3.
17. **Н.М.Мамедова** "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".
18. "Сирийская Арабская Республика".

19. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко** "Рынки Ближнего Востока".
20. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 4.
21. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов** "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко** "Экономика переселенческого общества (израильская модель**)**".
25. **Л.И.Данилов** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
26. **С.Б.Багдасаров** и **А.Н.Чавушьян** "Военный и военно-экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (совместно с ИВ РАН).
27. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока".
29. **К.А.Капитонов** "Ближний Восток в лицах".
30. "Современная Саудовская Аравия".
31. **К.З.Хамзин** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
32. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."
33. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
36. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 6.
37. **Г.И.Гучетль** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии".
38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Государство Катар: проблемы развития".

39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
41. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 7.
42. **В.А.Ушаков** "Иран и Мусульманский мир (1979–1998 гг.)".
43. **Е.Я. Сатановский** "Экономика Израиля в 90-е годы".
44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
45. **Е.С.Мелкумян** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".
46. **В.В.Кунаков** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев** "Саудовская Аравия: пути эволюции".
48. **М.А.Сапронова** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989-1999)".
49. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник.
52. **М.Р.Арунова** "Афганская политика США в 1945-1999 гг.".
53. **С.Э.Бабкин** "Движения политического ислама в Северной Африке".
54. "Политическая элита Ближнего Востока".

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio–economic and political development in the Arab World". In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
4. "The contemporary Middle East", (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen** (**Mahmud Abbas**)
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI–th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik**, **V.Isaev** and **A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by **A.Filonik** and **N.Rogozhina**
12. "The Arab World in the end of the XX–th century", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
13. "The contemporary Middle East" № 2, (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin** and **V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
16. "The contemporary Middle East" № 3, (collection of essays)

17. "Iran in the XX–th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. "The Syrian Arab Republic"
19. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**
20. "The contemporary Middle East" № 4, (collection of essays)
21. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
26. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov** and **A.Chavushian** In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
27. "The contemporary Middle East" № 5, (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"
29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**
30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
32. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
33. "Afghanistan: War and Problems of Peace", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The contemporary Middle East" № 6, (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik** and **V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
40. "The Environment and Development in the Arab World", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "The contemporary Middle East" № 7, (collection of essays)
42. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**
44. "Evolution of political Systems in the East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The contemporary Middle East" № 8, (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
54. "Political Elite in the Middle East "